

ВВЕДЕНИЕ

История взаимоотношений стран Запада и России насчитывает не одно столетие. На протяжении веков между государствами установились многосторонние связи в политике, дипломатии, экономике, культуре. Складывался межкультурный диалог, преследующий своей целью достижение мира и согласия между народами. Между тем этот диалог включал в себя не только сотрудничество и партнерство, но и противостояние, конфликты, нередко приводившие к кровопролитным войнам. В настоящее время сложившаяся геополитическая ситуация наглядно продемонстрировала обострение противостояния между Западом и Россией.

Различные проблемы, связанные с взаимодействием и восприятием культур стран Запада и России ранее уже являлись предметом исследования авторского коллектива историков. В книге «Свой» / «Чужой» в кросс-культурных коммуникациях Запада и России¹ обращалось внимание на сложный и противоречивый характер межкультурного взаимодействия. Подчеркивалось, что теоретические основы изучения указанной темы еще находятся в стадии формирования и потому штудии данного направления отличаются прикладным характером. Авторы труда приходили к выводу о том, что изучение кросс-культурных коммуникаций требует особых, специфических методик, и что в исторической науке существующую лауну отчасти восполняет такое

¹ «Свой» / «Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России. Отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., Алетей, 2019.

научное направление как имагология. Основное внимание в книге уделялось проблеме компаративного анализа феноменов культуры в странах Запада и России как неотъемлемой части исследований в области имагологии, а также вопросам восприятия «Своего» / «Другого» / «Чужого» в кросс-культурных коммуникациях.

Во второй книге «"Свои" и "Другие". Взаимодействие и восприятие культур Запада и России»² авторы задались целью выявить схожие черты и различия в формировании культурных стереотипов индивидуумов и социумов в странах Запада и России как основы их диалога и/или противостояния. Исследователи попытались также вычленить особенности восприятия России представителями западных стран, определить каким образом и почему у представителей Запада на протяжении веков формировался негативный образ России, нередко отождествляемый с «русским варварством». Научная новизна исследований авторов монографии состоит в попытке связать изучение основных цивилизационных параметров с материалом конкретных исторических источников, продемонстрировать, что понятие цивилизации не сводится исключительно к понятию культуры, но включает также социально-экономические и политические аспекты в развитии пространственно-временных ареалов.

Завершающим трудом трехтомника, посвященного изучению проблем компаративистики и имагологии, стала монография «"Свои" / "Другие" / "Чужие". Из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России»³. В отличие от предыдущих изданий, в данную монографию были включены материалы, связанные с историей межкультурных коммуникаций России не только с Западом, но и с Востоком. Особое внимание авторы акцентировали на сложном процессе межкультурного

² «Свои» и «Другие». Взаимодействие и восприятие культур Запада и России. К юбилею Виктора Леонидовича Малькова. Отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., Алетейя, 2020.

³ «Свои» / «Другие» / «Чужие». Из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России. Отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., Алетейя, 2021.

общения, которое нередко трансформировалось из диалога в противостояние или в антагонизм.

В своем новом труде историки обратились к изучению одной из составляющих многовекового процесса взаимодействия стран Запада и России — их противостоянию. Когда и как началось это противостояние? В чем его причины? Где и почему впервые возникла русофобия? И только ли различиями в менталитете, религии, культуре, образе жизни, обычаях и нравах объяснялось подобное противостояние, приводившее к многочисленным конфликтам?

В последние годы в лексикон западных средств информации, политиков и идеологов стран т.н. «коллективного Запада» прочно вошло такое явление, как русофобия. Русофобия имеет глубокие корни и возникла она тогда, когда Россия начала впервые взаимодействовать со странами Запада. Несколько лет тому назад появилась книга швейцарского журналиста и общественного деятеля Ги Меттана с характерным названием: «Запад – Россия: Тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса». В своем труде автор дал определение русофобии как «активной, заведомо враждебной позиции (Запада), целью которой является, если не нанесение прямого ущерба, то, по крайней мере, стремления ущемить «другого» в его правах»⁴. Ненависть к России, продолжал Ги Меттан, — это «смешанное чувство». На взгляд автора, существует ненависть пассивная, которая заключается в стремлении «извлечь выгоду из внезапной слабости России, чтобы установить в ней удобный для Запада режим и завладеть ее природными ресурсами», а также активная, воинствующая русофобия, оживающая, когда Россия обретает силу. Задачей такой русофобии является не дать России окрепнуть»⁵. И как мы можем судить по событиям, происходящим сегодня на Украине, в странах Запада присутствуют обе фазы русофобии.

⁴ Меттан Ги. Запад–Россия: Тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. М., 2016. С. 46.

⁵ Там же. С. 41.

Авторы предлагаемого издания обратились к изучению различных форм противостояния (в экономике, политике, дипломатии, идеологии, религии), существующие между Россией и рядом западных стран (США, Великобритания, Германия, Швеция, Испания, Польша) на протяжении веков.

Структурно монография делится на четыре раздела, каждый из которых объединяет главы по проблемно–хронологическому принципу. Раздел I «Социально–политические и экономические противоречия между Россией и Западной Европой (XVI – начало XX вв.)» открывает глава кандидата исторических наук А.А. Киселева, посвященная изучению конкуренции в сфере торговли между Англией, Швецией и Россией в середине XVI века. Как утверждает автор, установление в 1553 г. нового торгового пути из Англии в Россию вокруг Скандинавского полуострова изменило сложившийся к середине XVI века баланс сил на Балтике. Стремясь сохранить и укрепить позиции своей страны на европейских рынках, шведский король Густав I Ваза наиболее активно выступил против англо–русской торговли, используя все возможности — от дипломатии до военных действий. Опираясь на материалы ганзейских, английских, русских и венецианских источников, А.А. Киселев отвечает на вопросы, почему именно шведский король так болезненно отреагировал на установление коммерческих отношений Англии и Московского государства, и удалось ли Швеции, добиваясь собственной гегемонии, разрушить эти связи.

Глава доктора исторических наук А.Ю. Петрова посвящена борьбе за колонии на севере Тихого океана в контексте взаимодействия России, Великобритании и Испании во второй половине XVIII века с акцентом на аспекты, связанные с плаванием Дж. Кука к берегам Аляски. Автор рассматривает деятельность России и западноевропейских держав, связанной с активизацией усилий в северной части Тихого океана, отмечая, что это был сложный и многоплановый процесс, в котором участвовали различные уровни государственной власти, вплоть до императоров. Подчеркивается значение инициативы частных коммерческих компаний в колонизации территорий. А.Ю. Петров обращает внимание на то, что экспансия Испанской империи стала

возможной из–за опасений Мадрида по поводу усиления России на севере Тихого океана. В свою очередь, Великобритания проводила активную разведывательную деятельность, вылившуюся в военный конфликт в конце XVIII века. На основании впервые введенных в научный оборот российских и зарубежных документов автор доказал обоснованность опасений мадридского двора в отношении российской колонизации, а также амбиции Лондона в указанном регионе. Продвижение России на северо–запад Америки было обусловлено экономическими и политическими причинами. Автор заключает: в целом политика Испании и Великобритании была направлена на сдерживание русского продвижения в Тихом океане.

Кандидат исторических наук Л.Р. Сабитова, обращаясь к истории наполеоновских войн, подчеркивает, что чаще всего объектом в их исследовании становились европейские события, в особенности формирование и действия антифранцузских коалиций с учетом существенных противоречий между их участниками, прежде всего, Англией и Россией. Между тем, истоки этих противоречий, как считает автор, следует искать не столько в Европе, сколько в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Именно эти территории явились «яблоком раздора», проверявшим на прочность европейские союзы; именно «восточную карту» предпочитал разыгрывать Наполеон, желая «стравить» между собой участников очередной коалиции. В первую очередь подобную политику болезненно ощущала Россия, которой пришлось вести затяжную войну еще на два восточных фронта: с Османской империей и Ираном. В подогревании этих конфликтов и затягивании переговоров были замешаны также Англия и Франция.

Как отмечал в своей главе доктор исторических наук А.А. Орлов, в последние время в отечественной историографии применительно к тем или иным войнам, в которых участвовала Россия, стали активно изучаться различные аспекты истории военного плена. 200–летний юбилей наполеоновских войн и Отечественной войны 1812 года способствовал публикации большого количества исследований о французских военнопленных в нашей стране. Существуют отдельные работы о русских пленных во Франции. Британские и американские историки много писали

о французах, попавших в английский плен. Но о русских военнопленных, оказавшихся в Англии во время разрыва отношений двух стран и англо–русской войны 1807–1812 гг. подробно ещё не говорилось в отечественной научной литературе. Автор предпринял попытку восполнить существующую лакуну и на основе анализа неопубликованных документов из Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) исследовал проблему русских военнопленных в Англии в 1808–1812 гг.

В главе кандидата исторических наук. М.В. Жолудова рассматривается состояние «польского вопроса» в системе европейских международных отношений в 30–е годы XIX века. Особое внимание автор уделяет анализу отношений между ведущими европейскими державами — Россией, Великобританией и Францией в связи с польским восстанием 1830–1831 гг. В работе отмечается, что европейская дипломатия отнеслась к польскому национальному движению явно с прагматических позиций, учитывая интересы исключительно своих стран. Либеральная риторика о необходимости защиты польской независимости являлась не более чем прикрытием истинной позиции западных держав, которые не решились вступить в серьезное противостояние с Российской империей. Автор приходит к заключению, что отказ западных государств реально поддержать восстание стал одной из главных причин его поражения.

Глава доктора исторических наук. Т.Н. Гелла посвящена истории британо–русского противостояния в Средней Азии в последней трети XIX в. Этот период в истории международных отношений известен как феномен Большой Игры за влияние и контроль над среднеазиатскими территориями, одними из главных участников которой были Российская и Британская империи. В центре внимания автора — среднеазиатская политика первого кабинета У. Гладстона в 1868–1874 гг. На основе архивных, мемуарных и эпистолярных материалов в главе анализируются позиции английских политических и общественных кругов на рубеже 1860–70–х годов относительно роли и места Индии в контексте имперской обороны, масштабного военного продвижения русской армии в Средней Азии и завоевания русскими среднеазиатских ханств, а также поднимаются вопросы

о «русской угрозе» Индии и о перспективах политического курса Британии по противодействию ей. В результате исследования автор приходит к выводу, что среднеазиатское направление внешней политики Великобритании отличалось двойственностью и непоследовательностью. С одной стороны, кабинет У. Гладстона придерживался умеренных позиций и переговорной тактики в вопросах британо–русских отношений, а с другой — не отказывался полностью от экспансионистских устремлений и расширения британского влияния и контроля над среднеазиатскими территориями в будущем.

Завершает первый раздел монографии глава кандидата исторических наук А.Б. Арбекова, посвященная российско–британскому соперничеству по вопросу проливов Босфор и Дарданеллы в конце XIX в. Основной акцент автор делает на делопроизводственные материалы Разведывательного департамента Военного ведомства Великобритании, занимавшегося систематическим изучением военно–экономического потенциала Российской империи и ее готовности к осуществлению Босфорской операции. Успех данного предприятия мог полностью изменить расклад сил в акватории Средиземного моря, сложившийся к концу XIX в. Это, в представлении британских военных элит, неизбежно создавало угрозу национальной безопасности Соединенного королевства. В этой связи военные круги в Лондоне не только тщательно изучали процесс подготовки России к реализации Босфорской операции, но и на основе оценки ее перспектив оказывали заметное влияние на смещение акцентов внешней политики Британской империи на рубеже XIX–XX столетий, в том числе в контексте военного соперничества с империей Романовых.

Раздел II «Идеологическое противостояние России и стран Европы и Америки в XVI — начале XX вв.» открывается главой доктора исторических наук Т.Л. Лабутиной. Автор обращается к актуальной и слабо изученной в исторической науке проблеме возникновения русофобии в Британии. Т.Л. Лабутина анализирует причины русофобии англичан (незнание языка, истории Российского государства, а также нравов и обычаев его жителей), что приводило к некорректному формированию у иностранцев

этнических образов русских людей и государственного устройства страны. В главе прослеживаются основные этапы в развитии русофобии в Англии на протяжении XVI–XVIII веков. Автор приходит к заключению: в Великобритании русофобия искусственно моделировалась и направлялась политической элитой, создававшей из России образ врага с единственной целью — добиться устранения экономического и политического конкурента в Европе.

На основе разнообразных отечественных и немецких источников кандидат исторических наук О.В. Заиченко анализирует реакцию общества и правящих кругов России на рост антирусских настроений в Германии в 30–40-х гг. XIX в. После разгрома польского восстания 1830–1831 гг. русофобия прочно вошла в общественное сознание не только поляков, но и немцев. С той поры в общественном мнении Германии закрепляется негативный образ Российской империи как оплота европейской реакции. Обеспокоенное ростом антирусских настроений, царское правительство приступило к разработке методов воздействия на европейское общественное мнение, создав особый штат чиновников, ответственных за ведение прорусской пропаганды и формирование положительного образа своей страны в зарубежной прессе.

На материале переписки русских дипломатов в Персии с Азиатским департаментом МИД и отчетов иностранных миссионерских обществ США и Великобритании доктор исторических наук И.Ю. Смирнова рассматривает деятельность европейских и американских миссионеров в Западной Персии во второй половине XIX в. Автор анализирует цели, методы и задачи западных христианских миссий, имевших не только гуманитарно–просветительский, но и политический характер. И.Ю. Смирнова также показала роль российских дипломатов как инициаторов учреждения Русской духовной миссии в Урмии (1898 г.) в ответ на расширение церковно–политического присутствия западных держав в Персидском Азербайджане.

В главе кандидата исторических наук Е.О. Науменковой рассматривается описание британскими периодическими изданиями событий русско–турецкой войны 1877–1878 гг. На основе

изученных материалов автор делает вывод о том, что в указанный период почти вся пресса была настроена антироссийски, а консервативные и католические газеты открыто придерживались русофобских и протурецких взглядов. Британская пресса формировала антироссийское общественное мнение, публикуя материалы, изображавшие солдат царской армии убийцами и варварами, будто бы истреблявшими мирное население, как во время войны с османами, так и при подавлении польского восстания 1863 г. Автор рассматривает реакцию прессы на условия заключения мирного договора между воюющими сторонами, а также вопрос о возможном вступлении Британии в войну против России.

Завершает раздел глава кандидата исторических наук Н.С. Иванова, в которой анализируется феномен американизации как главного идеологического оружия США в противоборстве с Россией. Как утверждает автор, понятие «американизация» появилось в XIX в. и означало рост популярности американского образа жизни, базовых ценностей политической демократии, прав и свобод граждан, прагматизма и конкуренции, отсутствия сословных перегородок. Однако с ростом империалистической экспансии Соединенных Штатов эти настроения были воплощены в сознательном навязывании странам и регионам «американского образца» как единственной альтернативы дальнейшего развития человечества. Благодаря Октябрьской революции и эпохе социализма Советскому Союзу удалось противодействовать этому влиянию в течение полувека. Однако с началом «оттепели» 1950–х гг. американизация как сознательная стратегия подрыва советского общества стала активно использоваться по отношению к молодежи и вначале ограничивалась сферой культуры (стиляги, битники, хиппи, увлечение американской музыкой, голливудскими фильмами, модой на джинсы и т.д.). Однако вскоре взгляд на «превосходство» американской продукции и комфортного образа жизни охватил значительные слои партийной и государственной номенклатуры и воплотился в популярности различных вариантов «конвергенции», размывании идеологии в «еврокоммунизме», сотрудничестве в рамках Римского клуба и других международных органов с преобладающим

влиянием США. Благодаря американизации удалось создать разветвленную сеть агентов влияния, которая подготовила и осуществила в России в начале 1990-х гг. государственный переворот и раздробила страну вопреки воле подавляющего большинства населения. Автор рассматривает американизацию в соотношении с понятиями «капитализм», «глобализация», «империализм», «мягкая сила» и приходит к заключению, что в настоящее время, несмотря на рассмотрение российскими политиками США и «коллективного Запада» (НАТО) как главного стратегического противника России, не созрело адекватное понимание необходимости борьбы с американизацией, которая за последние три десятилетия захватила практически все сферы жизни общества: политическую, экономическую, социокультурную, научную и технологическую. Она стала главной угрозой национальным ценностям, самому существованию государства.

Раздел III «Динамика противоборства между Западом и СССР» открывает глава доктора исторических наук С.В. Листикова, который обратился к поворотному этапу русско-американских отношений, когда раннее их течение, прерванное событиями мировой войны, русских революций и внутренней смуты, сменилось крутыми поворотами, непредсказуемостью и нарастанием конфронтационных тенденций. Автор попытался проследить, как в 1917–1918 гг. президент США В. Вильсон — видный политик, ученый и дипломат, опираясь на свое понимание России и происходившего в ней, безуспешно пытался нащупать альтернативные пути решения сложных вопросов на «русском направлении», что во многом предопределило дальнейшую неудачу его поисков.

Глава кандидата исторических наук А.Б. Ларина посвящена особенностям выстраивания раннего советского дискурса международных отношений и политики великих держав в странах Востока, в особенности — в Иране. Основным источником для исследования автора послужили советские публицистические материалы, изданные в конце 1910-х — начале 1920-х гг. В фокусе рассмотрения А.Б. Ларина репрезентация политики Российской империи и Великобритании в государстве Каджаров, сходства и различия их политических линий, специфика

взаимодействия в Персии, принципиальные отличия от проводимой Советской Россией политики в этой стране.

В главе К.И. Софронова анализируются отношения СССР и Веймарской республики, которые прочно ассоциируются с Раппальской политикой, ознаменовавшей прорыв дипломатической и экономической изоляции двух стран. Взаимодействие в военной, хозяйственной и политической областях стало фактором сближения двух государств, стоявших на принципиально разных идеологических позициях, но пришедших к сотрудничеству благодаря общности исторических судеб. Сиюминутные интересы оказали влияние на выработку долгосрочной стратегии, которая естественным образом прекратила свое существование с приходом А. Гитлера к власти. На протяжении второй половины 1920-х годов наблюдалось заметное охлаждение в отношении к Советскому Союзу, прежде всего из-за усиления позиций правых партий в политической жизни Германии. Поддержка позитивно-конструктивного взаимодействия с социалистическим соседом была прежде всего прерогативой СДПГ, влияние которой к концу Веймарской республики сильно ослабело, уступив место политическим радикалам. Приход к власти национал-социалистов не прекратил экономического взаимодействия двух стран, однако коренным образом поменял политические приоритеты, обозначив бескомпромиссный антисоветский вектор германской стороны.

В главе доктора исторических наук А.С. Соколова поднимается проблема торгово-финансовых отношений СССР и Великобритании в середине 1920-х гг. В условиях нарастающего хозяйственного кризиса 1925 г. представители деловых кругов Британии были заинтересованы в создании благоприятных условий для развития взаимовыгодных торгово-экономических связей с Советской Россией. Активно развивался внешнеторговый оборот между двумя странами. Между тем, финансовая помощь бастующим горнякам Англии в 1926 г. со стороны СССР, а также материальная поддержка национально-революционного движения в Китае, способствовали ухудшению советско-английских отношений. Одним из шагов в сторону смягчения напряженности и создания благоприятных условий для развития

торгово–экономических отношений стало заключение в мае 1927 г. договора между делегацией СССР и правлением «Мидленд банк» о кредитовании советских заказов английских товаров. Однако последовавший полицейский налет на помещение акционерного общества «Аркос лимитед» привел к прекращению дипломатических отношений с СССР. Расторжение отношений с СССР оказало негативные последствия для британской экономики и для российско–британских отношений в целом.

В главе доктора исторических наук Е.Ю. Сергеева анализируются предпосылки, основные направления и результаты дипломатического противостояния Советского Союза и Великобритании на Среднем Востоке, одном из важнейших регионов Азии, в межвоенный период. В центре внимания автора анализ ситуации в трех ключевых странах (Персии, Афганистане, Северо–Западной Индии), территория которых располагалась между советской Центральной Азией и Британской Индией. Основываясь на изучении ранее малоизвестных архивных материалов, автор приходит к выводу о противоречивом характере и различных по степени воздействия на двусторонние отношения последствиях столкновения национальных интересов СССР и Великобритании в регионе на протяжении второй половины 1920–х — начала 1930–х гг.

Глава доктора исторических наук С.О. Буранка посвящена анализу процесса формирования образа Сталинграда в 1942–1943 гг. На основе материалов американских карикатур, фильмов и периодической печати рассмотрены основные моменты в эволюции отношения американского общества к сталинградской битве, показаны сложности и противоречия в понимании особенностей СССР. Изучение карикатур позволило автору определить характер взаимодействия текстуальных и визуальных образов в СМИ США в ходе обсуждения итогов битвы за Сталинград. Появилась возможность по итогам анализа выделить типологизацию визуальных образов военного Сталинграда.

В главе кандидата исторических наук Д.И. Портнягина изучается информационная антисоветская кампания Великобритании после окончания Второй мировой войны. Как подчеркивает автор, ее отличительной чертой, как внутри страны, так и

за рубежом, сделался ярко выраженный антисоветизм и антикоммунизм. Лейбористское правительство К. Эттли, с одной стороны, стремилось показать необходимость и прогрессивность своих реформ в социальной и экономической сферах. С другой стороны, пропагандистская машина должна была разоблачать «мифы» о достижениях СССР и создавать крайне негативный образ советского государства. Активная пропагандистская деятельность укладывалась в концепцию «позитивной национальной проекции», разработанной в межвоенный период. В соответствии с ней, в условиях экономического упадка Великобритании должна отойти от своей традиционной замкнутости и стать более открытой миру. Координацией пропагандистской работы занимался Департамент информационных исследований, созданный в 1948 г. Главный результат деятельности британских пропагандистов, на взгляд автора, заключался в том, что им удалось создать иллюзию сильной и уверенной в себе Великобритании, что помогло решению некоторых внешнеполитических задач. Однако скрыть в полной мере реалии экономической слабости и упадка страны не получилось. В условиях холодной войны Великобритания оказалась на передней линии информационной войны с СССР.

В разделе IV «Конфронтация Запада и России на современном этапе» помещены две главы. В главе кандидата исторических наук В.О. Терентьева показана динамика военного строительства, понимания национальной безопасности и взаимодействия Великобритании и России, генезис военных концепций и доктрин, главные направления и точки приложения основных усилий в их реализации. Исследование построено в основном на анализе британских декларируемых и реальных шагов по достижению глобального доминирования и воздействия на своего главного соперника — Россию. В свою очередь Россия всегда главное внимание уделяла США и НАТО в целом, недооценив возрастающее влияние Великобритании в военной политике Запада. В работе представлены и охарактеризованы этапы сотрудничества и противостояния. Произведена комплексная оценка форм, методов и типов новых видов войн, в разработке и применении которых Великобритания принимала

непосредственное участие. Проанализированы процессы формирования англосаксами антироссийских проектов на постсоветском пространстве. Рассмотрены шаги Великобритании к построению неокOLONиальной системы для достижения собственного величия и глобальности.

Завершает монографию глава кандидата философских наук Е.В. Ананьевой, в которой обращается внимание на российско–британские отношения в период правления Консервативной партии Великобритании, с 2010 г. по настоящее время. Автор делит указанный хронологический период на несколько этапов. Первый этап — с 2010 по 2014 гг. характеризовался взлетом и падением сотрудничества, что было характерно для двусторонних отношений предшествовавших периодов. Второй этап — с 2014 по 2018 гг. отмечен не только резким обострением отношений, но и переходом Британии к провокациям, интернационализацией Лондоном проблем между Британией и Россией. Третий этап — с 2018 г. по настоящее время представляет собой переход правящих кругов Соединенного Королевства к институционализации антироссийской политики не только на национальном уровне, но и на мировой арене.

Анализируя ключевые проблемы сложных взаимоотношений стран т.н. «коллективного Запада» с Россией на протяжении веков, которые нередко приводили к открытому противостоянию и военным конфликтам, авторы монографии, в числе которых научные сотрудники академических институтов, преподаватели университетов Санкт–Петербурга, Самары, Саратова, Орла, Рязани, Тулы, Волгограда, выражают надежду, что сложившаяся современная геополитическая ситуация завершится мирными переговорами и между странами Запада и России установится диалог, чему примеров в истории было великое множество.

Редколлегия

РАЗДЕЛ I.

СОЦИАЛЬНО–ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПОЙ (XVI — НАЧАЛО XX вв.)

ГЛАВА 1

АНГЛО–РУССКАЯ ТОРГОВЛЯ И БОРЬБА ШВЕЦИИ ЗА ГЕГЕМОНИЮ В СЕРЕДИНЕ XVI ВЕКА¹

А.А. Киселев

В конце июля 1554 г. в Англию вернулась из дальнего плавания каракка «Эдвард Благое предприятие». Её капитан Ричард Ченслер привез на родину сведения о найденной им далекой стране Московии, а также письмо её царя Ивана IV, разрешавшего англичанам торговать в этих землях. Так были установлены прямые дипломатические и торговые контакты между Англией и Россией.

Открытие торгового пути из Лондона к русским берегам имело такое важное значение для тюдоровской Англии, что уже в 1555 г. английские купцы учредили Московскую торговую компанию (*The Muscovy Trading Company*), вторую в стране после Компании купцов–предпринимателей (*The Company of Merchant Adventurers of England*). Отныне англичане могли вести торговлю с Россией без навязчивого ганзейского посредничества.

К тому моменту, когда корабль Ченслера достиг Лондона, в Ганзе уже были осведомлены о его экспедиции. Так, в июле 1554 г. ганзейские купцы Георг Клефельд и Константин Фербер сообщали в Данциг, что датчане ревниво отнеслись к плаванию

¹ Впервые текст был опубликован в сборнике: Британские исследования / С.Н. Гаврилов (ред.). М.: Аквилон, 2020. Вып. VI. С. 40–63.

англичан, избравших путь в Россию через северные моря, а не через пролив Зунд².

Позже, когда англо–русская торговля начала набирать обороты, она превратилась в международную проблему, ломавшую прежнюю расстановку сил на Балтике. В ноябре 1556 г. на ганзейском съезде (*ганзетаге*) в Любеке было выражено общее мнение балтийских городов, что торговля английских купцов северным путем наносит вред германской, польской, датской и шведской коммерции. Наиболее пострадавшей стороны считалась, конечно, Ганза: англо–русская торговля угрожала нанести ущерб её конторам в Лондоне и Антверпене. Делегаты ганзетага требовали поддержки монархов Польши и Швеции, а также герцога Пруссии³.

Однако первым балтийским игроком, выразившим серьезную озабоченность по поводу наступающих экономических перемен, была не Ганза, а её главный конкурент — Швеция. Шведский монарх Густав I Ваза уже в 1554 г. писал короле Марии I Тюдор о своем недовольстве «неслыханными сношениями англичан с москвитями». Исследователь Г.В. Форстен был убежден, что одной из главных причин начавшейся в 1555 году шведско–русской войны стала именно англо–русская торговля⁴.

В историографии довольно много исследований посвящено королю Густаву I Ваза и его агрессивной внешней политике в Европе. Однако шведские попытки противодействовать торговым отношениям Англии и Московского государства в середине XVI в. нашли отражение лишь в исследованиях О. фон Далина, Г.В. Форстена и А.И. Филюшкина⁵.

² Danziger Inventar, 1531–1591. — München, Leipzig, 1913. — S. 199.

³ Kölner Inventar / Inventare Hansischer Archive des sechzehnten Jahrhunderts. — Bd. 1. — Leipzig: Duncker & Humblot, 1896. — S. 424; Danziger Inventar, 1531–1591. — München, Leipzig, 1913. — S. 213–220; *Гильдебранд Г.* Отчеты о разысканиях, произведенных в рижских и ревельском архивах по части русской истории / Г. Гильдебранд. — СПб.: Типография императорской академии наук, 1877. — С. 87–88.

⁴ *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях / Г.В. Форстен. — Т. I. Борьба из–за Ливонии. — СПб.: Типография В.С. Балашева и Ко, 1893. — С. 17–18.

⁵ *Dalin O. von.* Geschichte des Reiches Schweden / O. von Dalin. — Bd. III, Rostock und Greifswald, 1763; *Cronholm N.N.* A History of Sweden from the Earliest

Почему Густав Ваза так болезненно отреагировал на установление прямой англо–русской торговли? Для этого нужно обратить внимание на внешнюю политику Швеции второй четверти XVI в.

До 1523 г. Швеция вместе с Данией и Норвегией была частью Кальмарской унии — существовавшего с 1397 г. союза скандинавских королевств под властью датской монархии. Уния была откровенно слабой и неоднократно находилась под угрозой распада из–за соперничества правителей Дании и Швеции. Датчане насаждали чуждые шведам порядки и, в первую очередь, невыгодные экономические условия. К XVI столетию в Швеции складывался внутренний рынок, укрепились торговые города, почти исчезло крепостное право. Население страны тяготилось датским правлением и периодически поднимало борьбу за независимость. Начиная с 1460–х гг. масштаб антидатских выступлений увеличивался.

В 1517–1520 гг. вспыхнул очередной виток конфликта, в результате которого датские войска осадили Стокгольм и разгромили армию повстанцев под командованием местного регента Стена Стуре. Король Дании Кристиан II Ольденбург короновался в Швеции, заставив парламент страны (*риксрод*) признать его наследственным монархом этого государства. Сразу же после коронации последовали репрессии против шведских дворян и бюргеров, поддерживавших Стуре. 8–10 ноября 1520 г. состоялись массовые казни, вошедшие в историю как «Стокгольмская кровавая баня». Согласно приблизительным подсчетам по приказу Кристиана II было убито около 100 человек.

Именно это событие стало поворотной точкой в истории Швеции. Сын одного из казненных, молодой аристократ Густав

Times to the Present Day. In 2 vols. — Chicago, New York, London. 1902. — Vol. I; *Lundkvist S.* Gustav Vasa och Europa: Svensk handels- och utrikespolitik, 1534–1557 / S. Lundkvist. — Uppsala, 1960. *Studia Historica Upsaliensia*, II; *Roberts M.* The Early Vasas: A History of Sweden, 1523–1611 / M Roberts. — Cambridge: Cambridge University Press, 1968; *Larsson L.–O.* Gustav Vasa: Landsfader eller tyrann? — Stockholm, Prisma, 2002; *Форстен Г.В.* Указ. соч.; *Филюшкин А.И.* Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков / А.И. Филюшкин. — СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2013.

Эрикссон (Ваза), близкий к дому Стуре, бежал в ганзейский город Любек, чтобы оттуда начать восстание против датского короля. Почему именно в Любек?

Дело в том, что Ганза была основным конкурентом Дании в балтийском регионе еще с XV в. Чтобы нанести ущерб германским городам, в 1490 г. власти Дании даже предоставили торговые льготы англичанам и голландцам. В 1508 г. на очередном съезде ганзейцы жаловались на «притеснения в Дании, Норвегии, России, Англии, Голландии и Фландрии»⁶, результатом которых стала датско–ганзейская война 1509–1512 гг.

Вступивший в 1513 г. на трон Дании и Норвегии Кристиан II Ольденбург мечтал уничтожить ганзейское господство на Балтике, вытеснив его датским. Контроль над проливами Бельты и Зундом (Эресунном) давал такую возможность. С XV в. все торговые корабли, проходящие через эти проливы, платили пошлины, что было одной из основных причин ганзейско–датского противостояния. С учетом возрастающей роли атлантической торговли в первой половине XVI в. путь через Зунд приобретал стратегическую важность. Поэтому Кристиан II планировал построить мощный военно–морской флот для защиты проливов, а также основать крупную торговую компанию в Копенгагене и Стокгольме для коммерции между Балтикой и Западной Европой⁷. Чтобы получить политическую поддержку среди великих держав, король Дании в 1515 г. женился на Изабелле Австрийской, внучке императора Священной Римской империи германской нации Максимилиана I Габсбурга и родной сестре будущего императора Карла V Габсбурга.

Слабым звеном в цепи планов Кристиана II была Швеция, власти которой никак не желали становиться частью единой северной монархии в рамках Кальмарской унии. После «Стокгольмской кровавой бани» 1520 г. датскому королю казалось, что теперь преграды для осуществления его планов устранены, но

⁶ *Hanserecesse*. — Abt. III. Hanserecesse von 1477–1530. — Bd. 5. — Leipzig, Duncker & Humblot, 1894. — S. 446.

⁷ *Glete J. Swedish Naval Administration, 1521 — 1721. Resource Flows and Organizational Capabilities / J. Glete*. — Leiden, Boston: Brill, 2010. — P. 61.

в 1522 г. в Швеции вспыхнуло очередное восстание, которое поднял Густав Эрикссон при поддержке Ганзы.

Богатые любекские купцы предоставили Эрикссону в кредит деньги, на которые он нанял германских наемников и собрал мощный флот. Ганзейцы рассчитывали с устранением Кристиана II получить полную гегемонию на Балтике. В течение лета 1522 г. объединенный шведско–ганзейский флот разгромил датские военно–морские силы, достигнув превосходства на море.

Тем временем в самой Дании король начал проводить социально–экономические реформы по нидерландскому образцу, которые встретили недовольство местного духовенства и дворянства. Против монарха быстро образовался заговор, а затем восстала Ютландия. Заговорщиков возглавил дядя короля Фредерик Голштейнский. Весной 1523 г. Кристиан II вместе с семьей сбежал в Нидерланды под защиту императора Карла V. Хотя верные ему войска и флот под командованием адмирала С. Норби продолжали сопротивление на Балтике до 1526 г., фактически бегство датского короля из страны означало его свержение и конец Кальмарской унии.

В июне 1523 г. Густав Эрикссон короновался как монарх Швеции Густав I Ваза. В награду за поддержку новый король и риксрод были вынуждены предоставить Ганзе особые привилегии. Любек и Данциг получили право беспошлинной торговли в важнейших портах Швеции — Стокгольме, Або, Кальмаре и др. Другие ганзейские города могли вести прямую торговлю со Швецией только с согласия Любека, а иностранным торговцам она вообще была запрещена. Сами шведы также не имели права торговать самостоятельно. Вся внешняя торговля молодого государства оказалась под контролем Ганзы. Такой была цена шведской независимости. В течение последующих десяти лет страна выплачивала долг Любеку.

Тем не менее, новый шведский монарх сразу же начал проведение реформ. Во второй четверти XVI в. Швецию охватила урбанизация, окрепла буржуазия. Король стимулировал внутреннюю колонизацию государства: расчистку лесов, освоение пустошей, заселение территорий. Большое внимание уделялось развитию шведской металлургии.

Одним из главных шведских товаров того времени было железо. Его добычей в стране занимались с XIII в. Однако полученная руда (*осмунд*) продавалась по низкой цене в германские города Ганзы, где отливалась в железные бруски и затем по высокой цене реализовывалась по всей Европе, в том числе и на Русь. Например, для строительства Успенского собора в московском Кремле в 1479 г. архитектор Аристотель Фиораванти покупал именно «железо немецкое»⁸.

Густав I стремился изменить этот сложившийся порядок. Он строил шведские кузны и приглашал к себе на службу мастеров из Германии. Однако конкурировать с германскими металлургическими предприятиями в XVI в. Швеция еще не могла. Две трети продаваемого металла до самого конца столетия составлял все-таки осмунд⁹. Тем не менее, именно Густав I Ваза заложил основу для дальнейшего промышленного роста Швеции. В Финляндии им были созданы мануфактуры: в Ойамо — по выплавке чугуна, в Мартиле — оружейная, а около Нейшлота — селитряная¹⁰.

В 1527 г. произошел разрыв отношений с Римом, и страна взяла курс на Реформацию. Католическая церковь лишилась привилегий, имущества и земель, богослужение отныне происходило на шведском языке. По немецкому образцу была перестроена административная система страны, усовершенствована фискальная служба.

Значительные финансовые средства вкладывались в развитие вооруженных сил Швеции. В первые десятилетия своего правления Густав I еще опирался на германских наемников, но после подавления в 1543–1544 гг. в Смоланде крупного восстания монарх провел серьезную военную реформу. Шведское

⁸ Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению археографической комиссией. — Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. — СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1859. — С. 201.

⁹ *Валлерстайн И.* Мир-система Модерна / И. Валлерстайн. — Т. II. Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750 гг. — М.: Русский фонд содействия образованию и науки, 2015. — С. 252.

¹⁰ *Майков П.М.* Финляндия, ее прошедшее и настоящее / П.М. Майков. — СПб., 1905. — С. 73.

феодалное войско превратилось в современную регулярную армию под командованием королевских офицеров и генералов. К 1560 г. под ружьем находилось 17 тысяч солдат.

В 1540 г. Густав I начал программу создания современного шведского флота, сделав ставку на внедрение на Балтике средиземноморских гребных галер. Эти корабли были приспособлены под балтийские погодные и географические условия. Поскольку ранее они отлично показали себя в англо-французских войнах, шведский монарх выбрал именно галеры для борьбы за гегемонию на море. К 1560 г. шведский военно-морской флот состоял из 23-х галер. Исследователь Ж. Глете отмечал, что «в XVI веке Швеция была единственным государством Северной Европы, которая имела регулярные армию и флот»¹¹.

Несмотря на зависимость от Ганзы, Густав I почти сразу же начал нарушать договоренности с ней. Во-первых, Любеку не выплачивалась полная сумма кредита. Часть денег оседала в государственной казне и шла на реформы. Во-вторых, Швеция стремилась все же установить прямую торговлю с балтийскими соседями. Так, в 1524 г. был подписан договор с Россией, в результате чего шведы получили право на восстановление Готского двора в Новгороде. А в 1527 г. Густав I заключил договор с датским королем Фредериком I Ольденбургом на право свободной торговли в шведских портах и беспошлинного провоза соли. Тогда же шведским монархом был издан указ о запрещении судам из портов Финляндии торговать в ганзейских городах Ревеле, Риге и Данциге.

Новый шведский правитель уделял коммерции огромное внимание. Он лично осматривал корабли и грузы, за что был высмеян русским царем Иваном Грозным. «[Густав I] сам в рукавицы нарядясь сала и воску за простого человека вместо опытом пытал и пересматривал на судех и в Выборге того для бывал, а то есмь слышал от своих торговых людей, и то государское ли дело?», — удивлялся русский монарх¹².

¹¹ *Glete J.* Op. cit. — P. 26, 71–73.

¹² Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством, 1556–1586 // Сборник Императорского Русского

В начале 1530-х гг. руководство Ганзейского союза уже не могло не замечать, что король Швеции не выполняет в полной мере взятых на себя обязательств. Вместе с Данией Швеция сопротивлялась могуществу Ганзы. В 1533 г. скончался датский король Фредерик I, и в Дании вспыхнула гражданская война, известная как «Графская распря» (1534–536 гг.). Бургомистраты Копенгагена и Мальмё не поддержали наследника престола, принца Кристиана Голштейнского. Опираясь на крестьян провинций Зеландия и Сконе они подняли восстание, требуя реставрации прежнего монарха Кристиана II. На стороне восставших активно выступил ганзейский Любек.

В 1533 г. в самом Любеке власть захватил бургомистр-лютеранин Юрген Вулленвевер, который и был инициатором участия Ганзы в датской гражданской войне. На кону стояла возможность получить контроль над Зундским проливом и вернуть союзу германских городов былое величие. Ганзейские войска во главе с князем Кристофером Ольденбургом захватили Зеландию и Сконе. Интересно, что в декабре 1533 — январе 1534 г. Ю. Вулленвевер вел тайные переговоры с английским канцлером Томасом Кромвелем о том, чтобы передать датскую корону монарху Англии Генриху VIII Тюдору. Однако Генрих VIII посчитал эту затею слишком авантюрой, и сделка не состоялась¹³.

Кроме того, Ю. Вулленвевер планировал посадить своего кандидата и на трон Швеции. Он пообещал корону губернатору Восточной Финляндии графу Йохану фон Хойе, который в 1534 г. поднял восстание при поддержке Любека. Королю Густаву I Ваза, который и так был на стороне Кристиана Голштейнского, ничего не оставалось, кроме как выступить против Ганзы.

Шведский военно-морской флот сначала разгромил ганзейские корабли у Ревеля летом 1534 г., а затем устроил морскую блокаду Любека и Копенгагена. В течение 1535 г. шведские

исторического общества. — Т. 129. — СПб.: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1910. — С. 234.

¹³ Letters and Papers, Foreign and Domestic, of Henry VIII. — Vol. 8. January–July 1535. — L.: Her Majesty's Stationery Office, 1885. — P.X; Wurm C.F. Die Politischen Beziehungen Heinrichs VIII zu Marcus Meyer und Jurgen Wullenwever / C.F. Wurm. — Hamburg, 1852.

войска изгнали ганзейцев из Дании, разгромив их армии и флот. В 1536 г. принц Голштейнский был официально провозглашен датским монархом Кристианом III Ольденбургом, а в Любеке пал режим Ю. Вулленвевера.

Пока шли военные действия, иностранный агент на английской службе Бернард де Мела направил королю Англии Генриху VIII пространное письмо с предложением захватить трон Швеции. Он сообщал, что «король Густофиус» мертв и теперь знать и народ этого государства будут счастливы избрать Генриха VIII своим новым королем. «В Швеции никогда не было спокойно, за исключением тех случаев, когда этой страной правили иностранные короли», — убеждал де Мела английского монарха¹⁴. Но скоро оказалось, что Густав Ваза жив, и этот проект остался без внимания.

Теперь Швеция была свободна от обязательств перед Ганзой и могла вести самостоятельную торговлю. Уже в августе 1536 г. ливонцы жаловались польскому королю Сигизмунду I Ягеллону, что «шведы привозят в [русский] Ивангород большие грузы меди и свинца, продаваемые там в обмен на лен и коноплю, и этим наносится весьма значительный ущерб лифляндским городам»¹⁵. В это время шла русско-литовская Стародубская война (1534–1537 гг.), и король Швеции заверил Москву в своих дружеских намерениях, пролонгировав положения Ореховецкого мирного договора 1323 г.

В 1541 г. Густав I Шведский и Кристиан III Датский подписали договор о сотрудничестве между своими странами. Оба государства вошли в антигабсбургский союз с Францией и германскими протестантскими князьями, которые боролись против императора Карла V. Швеция впервые принимала участие в таком крупном европейском альянсе. В 1542 г. Францию посетило шведское посольство. Впрочем, дружба с Францией и её верным союзником Шотландией создавала проблемы для шведской торговли в Западной Европе: в годы англо-шотландской войны

¹⁴ Letters and Papers, Foreign and Domestic, Henry VIII. — Vol. 10. January–June 1536. — L.: Her Majesty's Stationery Office, 1887. — P. 8–9.

¹⁵ Гильдебранд Г. Указ. соч. — С. 81.

(1542 – 1550 гг.) шведские суда часто становились жертвами английских каперов¹⁶.

Чтобы спасти ситуацию и найти новые рынки сбыта, король Густав I предложил английскому лорду–протектору Эдварду Сеймуру, герцогу Сомерсету, заключить торговый договор между Англией и Швецией. В 1550 г. такой договор действительно был заключен. И впервые английские власти проявили интерес к Швеции. Почему?

Дело в том, что экономическая ситуация в Англии конца 1540–х гг. была кризисной. Дипломатические отношения со Священной Римской империей, Францией, Испанией, Ганзейским союзом оказались на грани разрыва. Король Эдвард VI и государственный секретарь Уильям Пейджет рассматривали возможность заключения союзов с протестантскими государствами Северной Европы¹⁷. Поэтому был подписан торговый договор между Англией и Швецией.

Его основные положения описаны в дневнике юного короля Эдварда VI Тюдора. Шведские купцы получали право на беспошлинную торговлю в английских портах, но только в том случае, если будут поставлять осмунд, сталь и медь. Продажа иных товаров облагалась пошлинами¹⁸.

Шведские металлы потекли в Англию, что тут же вызвало протест Ганзы. Английский посол Р. Морисин сообщал в 1551 г. из Германии, что «Ганза недовольна королем Швеции, потому что он в прошлом году торговал с подданными Его Величества в Англии определенными товарами, вместо того чтобы продать их в Любек, а оттуда они бы попали к англичанам»¹⁹.

Торговые успехи подталкивали Густава I Вазу к дальнейшей конкуренции с Ганзой. 12 июня 1550 г. по приказу короля на берегу небольшого финского залива в устье реки Вантаа был

¹⁶ Calendar of State Papers Foreign: Edward VI, 1547–1553. — L.: Her Majesty's Stationery Office, 1861. — P. 23.

¹⁷ Loades D. The Seymours of Wolf Hall. A Tudor family story. / D. Loades. — L.: Amberley Publishing, 2017. — P. 141.

¹⁸ The Life and Raigne of K. Edward the Sixth. — L.: John Partridge, 1630. — P. 116.

¹⁹ Calendar of State Papers Foreign: Edward VI, 1547–1553. — L.: Her Majesty's Stationery Office, 1861. — P. 99.

заложен порт Гельсингфорс (нынешний Хельсинки). Город создавался в противовес ганзейскому Ревелю.

Но основную ставку шведский король делал на развитие торговли через Выборг. «В обстановке постоянных помех и срывов для торговых операций русских купцов в Ливонии возможность ведения беспрепятственной торговли через Выборг представляла значительные выгоды для русского государства», — отмечал отечественный исследователь Г.А. Новицкий. — «Вплоть до самого занятия русскими Нарвы в 1558 г. русско–шведская торговля через Выборг развивалась все сильнее и сильнее»²⁰. Так, в сообщении Никоновской летописи за 1555 г. встречается информация о «многих» русских купцах в Выборге²¹, что свидетельствует об активной русско–шведской торговле в Восточной Балтике в этот период.

Казалось, что к середине 1550–х годов шведские купцы прочно обосновались на рынках Европы, контролируя Восточную Балтику. И вдруг внезапно грянула новость об установлении прямой торговли между Англией и Россией в обход всех балтийских держав. Можно представить, как был недоволен Густав I этой ситуацией.

Московское государство, как и Швеция, в конце XV — первой половине XVI века стремилось включиться в балтийскую торговлю с Западом как самостоятельный торговый агент. Об этом свидетельствуют основание в 1492 г. великим князем Иваном III крепости–порта Ивангорода, а затем его сыном Василием III торговой фактории Невский городок, укрепление крепостей Ладоги, Ямгорода, Орешка и Копорья. Закрытие ганзейской конторы в Новгороде в 1494 г. также можно трактовать в контексте этой политики. О стремлении «торговым людем Московские вьсей державы торговати ... з заморцы самим»

²⁰ Новицкий Г.А. Вопросы торговли в русско–шведских отношениях XVI в. / Г.А. Новицкий // Скандинавский сборник. — Вып. II — Таллин, Эстонское государственное издательство, 1957. — С. 39–40.

²¹ Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению археографической комиссией. — Т. XIII. 1–я половина. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. — СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. — С. 260.

сообщалось, как об одной из причин Ливонской войны, начавшейся в 1558 г.²²

Политика Москвы вызывала, в первую очередь, недовольство Ганзы. В 1531 г. власти ливонской Нарвы возмущенно писали в Ревель, что «голландский корабль из Амстердама, нагруженный сельдями, вином и свинцом, и снабженный цесарскими корабельными паспортами, после долгой крейсеровки в гавани наконец разгружен на другом [русском — А.К.] берегу, и что, по словам матросов его, они нашли там глубину воды достаточною и на следующий год опять во множестве приедут в Ивангород»²³. А в 1536 г. власти Нарвы снова жаловались в Ревель, что «в самом узком месте реки [Наровы] великий князь [Иван IV] хочет поручить итальянскому строителю устроить укрепление, которое командовало бы въездом»²⁴.

Несомненно, что укреплением позиций Московского государства на балтийских берегах к середине XVI века были недовольны и в Швеции. По мнению Г.А. Новицкого вспыхнувший в 1555 г. русско-шведский военный конфликт явился результатом «активизации агрессивной линии в русско-шведских отношениях со стороны части окружения Густава I Вазы»²⁵. А следствием установления в 1553 г. прямой англо-русской торговли и вовсе стало сближение давних соперников — Швеции и Ганзейского союза. Ряд свидетельств говорит о том, что русско-шведская война была результатом сговора ганзейской Ливонии и Швеции²⁶. В письме 1555 г. из Стокгольма в Ливонию говорилось, что «вполне спокойными соседние державы могут считать себя только в том случае, если московские владения будут совершенно отрезаны от моря»²⁷.

²² Записка с изъяснением причин и поводов войны Московского государства с Ливонскими Немцами (1558 г.) // Русская историческая библиотека. — Т. XV. — СПб.: Типография В.С. Балашева и Ко, 1894. — С. 116–17.

²³ Гильдебранд Г. Указ. соч. — С. 78.

²⁴ Там же. — С. 81.

²⁵ Новицкий Г.А. Указ. соч. — С. 40.

²⁶ Форстен Г.В. Указ. соч. — С. 18–19; Рюссов Б. Ливонская хроника / Б. Рюссов // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. — Т. II. — Рига: Типография А.И. Липинского, 1879. — С. 343.

²⁷ Филюшкин А.И. Указ. соч. — С. 612.

Формальным поводом к началу конфликта стал отказ царя Ивана IV принимать шведских посланников в Москве, что было связано с давней дипломатической традицией. Поскольку до 1523 г. Швеция не была самостоятельным королевством, то и отношения с ней поддерживались лишь на региональном уровне. Традиционно их осуществлял Великий Новгород, а после его вхождения в Московское государство — новгородские наместники. Именно они заключали от имени Москвы русско-шведские договоры 1524 и 1537 гг. С ростом экономических амбиций Швеции Густаву I требовалось официальное признание восточного соседа (ведь европейские монархи признали его право на королевский титул), но высокомерный государь «Третьего Рима» отказывал в этом Ваза. «Вы мужичей род, а не государьской», — писал шведским королям Иван IV, который в эти же годы добивался признания среди западных монархов своего царского титула²⁸. Таким образом, согласно официальной версии, отраженной в русских дипломатических документах, «Густав король, не хотя ссылатися з бояры и намесники великого Новагорода воину затеял».

В сентябре 1555 г. пятитысячный шведский корпус во главе с адмиралом Яковом Багге попытался захватить крепость Орешек, но, как сообщают современники, «стояли у города у Орешка четыре недели, а городу не учинили ничево»²⁹. Ответные военные действия русских войск в Финляндии зимой 1555–1556 года привели к разгрому шведской армии и осаде Выборга. Обескураженный Густав I уже в июне 1556 г. отправил к царю посланника с просьбой о мире. Иван Грозный долго еще гордился военной победой над Швецией. В 1572 г. он писал королю Юхану III Вазе: «Али чаешь, что по-прежнему воровать Свейской земле, как отец твой Гастав через перемирие Орешек воевал? И что толды доспелося Свейской земле?»³⁰.

²⁸ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством, 1556–1586 // Сборник Императорского Русского исторического общества. — Т. 129. — СПб.: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1910. — С. 234.

²⁹ Там же. — С. 1–2.

³⁰ Послания Ивана Грозного. — М. — Л.: Издательство АН СССР, 1951. — С. 137.

Впрочем, ливонский хронист Б. Рюссов утверждал, что причиной начавшегося мирного процесса стал отказ Ливонского ордена от военной поддержки шведской кампании: «когда же в 1555 г. король шведский начал войну с москвитами, и был уверен, что магистр по обещанию также поможет ему против русских, то магистр и не подумал идти на войну. Этим король шведский был принужден заключить мир с москвитами»³¹.

Непродолжительные военные действия в Финляндии успели нанести ущерб балтийской торговле. В ноябре 1556 г. венецианский посланник Ф. Бадоев сообщал из Брюсселя, что «из-за продолжающейся войны короля Швеции и москвитов обычные поставки зерна из тех стран остановлены, и дефицит становится значительным»³².

Интересно, что весной 1557 г., когда еще не был заключен мир между Швецией и Россией, дипломатическая борьба между этими государствами развернулась в Англии. Еще осенью предшествующего года в Лондон из Стокгольма были направлены посланники Густава I Вазы юрист Арнольд Розенбергер и королевский секретарь Мартин Хельфринг. Их задачей было помешать развитию англо-русской торговли³³. А в марте 1557 г. при дворе английской королевы Марии I Тюдор и её супруга Филиппа Габсбурга появился первый русский посланник Осип Непея с предложениями русского царя о «любви и соединении»³⁴.

О возникших здесь русско-шведских противоречиях сообщал на родину венецианский посол М. Суриан: «Здесь сейчас посол москвитов, который просит в долг амуницию и артиллерию. Его господин сейчас воюет. Также приехал посол от короля Швеции,

³¹ Рюссов Б. Указ. соч. — С. 343.

³² Calendar of State Papers relating to English Affairs in the Archives of Venice. — Vol. 6. 1555–1558. — L.: Her Majesty's Stationery Office, 1877. — P. 805.

³³ Dalin O. von. Geschichte des Reiches Schweden / O. von Dalin. — Bd. III, Rostock und Greifswald, 1763. — S. 360–361.

³⁴ Подробнее об этом см.: Киселев А.А. Первый русский посланник в Англии: была ли успешной миссия Осипа Непеи (1556–1557 гг.)? // Дипломатия и дипломаты: из истории международных отношений стран Запада и России / отв. ред. Т.Л. Лабутина. — СПб.: Алетейя, 2022. — С. 19–40.

чтобы помешать удовлетворению требований (москвиты — А.К.). Он угрожает, что это вызовет разрыв отношений между его королем и здешней короной. Но лондонские купцы очень благосклонны к москвиту, поскольку желают через его посредничество обогатиться, торгуя в его землях. Он заявил им самые добрые намерения, и они оказывают ему так много почестей, сколько не может быть оказано и самому великому из государей. Но их Величества (Филипп и Мария — А.К.) еще не приняли никакого решения»³⁵.

Материалы поездки посольства О. Непеи в Англию не сохранились, и нам достоверно неизвестно получил ли русский царь от супругов Филиппа II Габсбурга и Марии I Тюдор что-то, кроме превосходных доспехов и шлема. Однако ряд косвенных свидетельств говорит о том, что оружие и военное снаряжение все же были переданы Ивану IV. Так, в августе 1557 г. секретарь польского короля Траянус Провано сообщил герцогу Альбрехту Прусскому, что русский посланник отправился из Лондона домой не только с английской артиллерией, но и вместе с мастерами артиллерийского дела («*bombardarum magistris et pixidum*»)³⁶. В апреле 1558 г. в Польше был арестован английский торговый агент Томас Алкок, которому предъявлялись обвинения в том, что Англия поставила в Россию «тысячи доспехов, мечей и другого военного снаряжения, вместе с мастерами, медью и многими другими вещами»³⁷. А в мае того же года французский дипломат Франсуа де Ноай вспоминал, что «когда я был послом в Англии, туда прибыл посол короля москвитов... и король Филипп... снабдил его всякого рода оружием..., чтобы

³⁵ Calendar of State Papers relating to English Affairs in the Archives of Venice. — Vol. 6. 1555–1558. — L.: Her Majesty's Stationery Office, 1877. — P. 1005.

³⁶ Provano T. Traianus Provano, secretarius regius, Alberto in Prussia duci. Vilnae, 22.VIII.1557 // Elementa ad Fontium Editiones. Vol. L: Documenta ex Archivo Regimontano ad Poloniam spectantia. XX Pars. 1549–1568. Roma, 1980. P. 106.

³⁷ A Letter of Thomas Alcocke to the worshipfull Richard Gray and Henrie Lane Agents in Moscovia from Tirwill in Polonia, written in Tirwill the 26 of April 1558 / T. Alcocke // Hakluyt, R. The Principal Navigations Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. — Vol. II. — Glasgow: James MacLehose and Sons, 1903. — P. 399.

одержать верх над землею султана» (т.к. в 1556–1558 гг. Россия вела военные действия против Крыма, вассала Османской империи — А.К.)³⁸. Как показали дальнейшие события, весной 1559 г. русские войска были готовы к масштабному наступлению на Крымское ханство, которое по разным причинам не состоялось³⁹. Таким образом, видимо, в 1557 г. чаша весов в Лондоне склонилась в пользу русского посла.

Тем временем, в марте 1557 г. в Новгороде было подписано перемирие между Швецией и Россией на 40 лет. Среди прочих вопросов устанавливались и торговые отношения: «Ноугородицким гостем и купцом торговати в Свейской земле, а Свейским гостем и купцом торговати в Новгородицкой земле»⁴⁰. Однако представляет огромный интерес предложение о транзитной торговле, порученное русскому послу Ивану Замыцкому для передачи королю Швеции Густаву I в устной форме: «Гости и купцы отчин великого государя изо многих городов говорят, чтобы им в торговых делах была воля, которые похотят торговати в Свейской земле и те б торговали в Свейской земле, а которые похотят ити из Свейской земли в Любок, и в Антроп и во Ишпанискую землю и во Англию и во Францыйскую землю и тем бы была воля и береженье и корабли бы им были готовы, а они корабленные пошлины платят по тому, как в обычае ведетца... А свейским гостем потому ж в вотчину великого государя, царя Русского, в великий Новгород и к Москве и в Казань и в Астарахань ездити торговати волно. А которые Свейские люди похотят через отчину великого государя ходити в Шамаху и в Тевриз и в Бухары и в Китаи и в Индею

³⁸ *Charriere E.* Negotiations de la France dans le Levant ou correspondences, memoires et actes diplomatiques des ambassadeurs de France. Vol. II. Paris, 1850. P. 449–450.

³⁹ *Пенской В.В.* Иван Грозный и Девлет-Гирей / В.В. Пенской. — М.: Вече, 2012. — С. 89–106.

⁴⁰ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством, 1556–1586 // Сборник Императорского Русского исторического общества. — Т. 129. — СПб.: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1910. — С. 52.

и в Литовскую землю и ко Царюграду и в иные государства, куды хто похочет ити, тому б воля ж была»⁴¹.

Хотя предложение было очень заманчивым, король Швеции его не принял. Он много лет посвятил борьбе с одним посредником в торговле и, видимо, не хотел теперь зависеть от другого. В 1559 г. Густав I пытался организовать экспедицию на поиски Северо-Восточного прохода, чтобы начать шведскую торговлю с Китаем и Индией. Он предложил французскому дипломату и путешественнику Юберу Ланге «два хорошо оснащенных корабля с умелой командой, чтобы тот предпринял, за счет средств шведской короны, исследовательское путешествие, в надежде найти проход, который позволил бы доплыть до Ост-Индии северными морями»⁴². Однако Ю. Ланге отказался и план шведского короля провалился.

Густав I Ваза скончался в сентябре 1560 г. в Стокгольме. За несколько десятилетий своего правления он построил крепкое шведское государство, опиравшееся на стабильную монархию, регулярные армию и флот, развивающуюся экономику. Но ни ему, ни его сыновьям Эрику XIV и Юхану III, которые стремились упрочить гегемонию Швеции на Балтике во второй половине XVI столетия, так и не удалось разрушить торговые связи Московского государства и Англии.

⁴¹ Там же.

⁴² Цит. по: *Виане Б.* Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году. Открытие Арктики французами в XVI веке / Б. Виане. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. — С. 17.

ГЛАВА 2

ПРОТИВОСТОЯНИЕ РОССИИ, АНГЛИИ И ИСПАНИИ НА ТИХООКЕАНСКОМ СЕВЕРЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

А.Ю. Петров

Конфликт середины XVIII века, в который были вовлечены Испания, Португалия, Великобритания, Франция, Испания, получивший название Семилетней войны, привел к значительным изменениям в расстановке сил в Европе. Этот конфликт также вылился в борьбу за территории между Великобританией и Испанией в Северной Америке¹. В основном исследователи сходятся во мнении, что победителем в этом конфликте стала англо–прусская коалиция. По Парижскому договору, заключенному в 1763 г., Великобритания смогла получить от Франции часть территории Канады и Восточную Луизиану, а от Испании — Флориду и территории восточнее р. Миссисипи. Великобритании удалось получить контроль над значительной частью Северной Америки. Россия отказалась от участия в войне в 1762 г. и Петр III заключил мир с прусским королем Фридрихом II,

¹ В данной статье использованы материалы следующих публикаций автора: *Петров А.Ю., Косторниченко В.Н., Коскина М.М.* Международные аспекты колонизации северо–запада Америки и Калифорнии в конце XVII–XVIII вв.// Вестник МГИМО–Университета. 2020. 13 (5). С. 7–30; *Петров А.Ю.* Открытие Америки: Первая и Вторая экспедиции Витуса Беринга (компаративистский анализ)// ЭНОЖ, # 12–1 (110), 2021; *Петров А.Ю.* Петр Первый и освоение севера Тихого океана. Рязань: Ряз. гос. ун–т им. С.А. Есенина, 2022.

которого считал своим кумиром. Екатерина II отказалась вновь участвовать в конфликте. Противостояние затронуло атлантическое побережье, но и там назревали противоречия, вылившиеся, как и в семилетней войне в открытую конфронтацию. Главными державами, обладавшими территориями на севере Тихого океана были Россия и Испания. Россия имела прочные позиции на Дальнем Востоке, имела доступ к Охотскому морю с выходом на Камчатку, осваивала Алеутские острова. Испания обладала колониями в Калифорнии.

Импульс, полученный Великобританией после определенных успехов в Семилетней войне, позволил этой державе активизировать свои экспансионистские устремления на Тихом океане. Весной 1768 года английское Адмиралтейство решило отправить в Тихий океан экспедицию. Король Георг III выделил более 4 тыс. фунтов стерлингов на ее подготовку. Для экспедиции был приобретен корабль, получивший название «Индевор» («Endeavour²»). Руководителем экспедиции стал Джеймс Кук. Официальной целью экспедиции провозглашалось наблюдение за планетой Венерой, которая, как заявлялось, могла оказать влияние на Землю. Однако, в день отплытия «Индевора» 30 июля 1768 года Кук получил секретную инструкцию, в которой фигурировала главная или секретная цель плавания–поиски Южного материка, о существовании которого давно велись дискуссии. Полагали, что он должен «уравновешивать» северное полушарие с южным. В случае, если Южный материк окажется мифом, то Дж. Куку следовало добраться до Новой Зеландии и «с согласия туземцев ввести ее во владение короля Великобритании»³.

Следует подчеркнуть, что это один из первых случаев, когда в официальной инструкции государства предполагалось нарушить правовой принцип первооткрытия и принадлежности на этом праве территории тому или иному государству. Так, Дж. Куку требовалось заявить о принадлежности Великобритании

² Название судна можно перевести, как «Энергичная попытка, старание или усилие».

³ *Свет Я.М.* Джеймс Кук. — М.: Мысль, 1979. С. 25.

территорий, которые были открыты голландцем Абе́лем Тасманом еще в 1640–х годах. Власти Великобритании, трансформируя указанный принцип, ставили экспедицию Джемса Кука в весьма сложное положение. В случае получения данной инструкции Испанией или Францией мог возникнуть дипломатический скандал, либо власти должны были отказаться от поддержки Кука. В английской истории похожая практика уже была, и связана она была с деятельностью Дрейка и секретным разрешением захватывать испанские суда. Тогда ему это удалось сделать, и он стал героем английской истории времен Елизаветы I. Для Кука задача была еще более амбициозная — ему предлагалось обнулить первоначальную практику и провозгласить новую колониальную идеологию, которая получила название «ничейная земля» («*terranullius*»). Суть ее была проста — если вновь открытые земли никаким из европейских государств не были заняты, то их можно захватывать и присоединять к своей державе. Считалось, что дикари, проживающие на «ничейных землях», не способны на разумное использование территорий. Поэтому европейские просвещенные народы имели полное право присоединять их к своим государствам в виде колоний. Идеология «ничейной земли» сочетала в себе идеи европейского колониализма, христианского богословия, доктрину цивилизационной миссии европейцев и идеи расового и социального превосходства⁴.

Первое кругосветное плавание Джеймса Кука (1768–1771) проходило в основном в южной части Тихого океана. На своем корабле «Индевор» Кук обошел вокруг Новой Зеландии, доказав, что это всего лишь группа островов, а не часть неведомого Южного материка. Кроме того, он прошел проливом, отделяющим северный и южный остров Новой Зеландии. 31 января 1770 года на самой высокой точке Северного острова Кук установил столб с вырезанным на нем названием корабля и британским флагом, объявив местным жителям о принадлежности

⁴ *Bauman W.* Theology, creation, and environmental ethics: from Creatio Ex Nihilo to Terra Nullius. — NY: Routledge (Publisher), 2009.

этой территории Великобритании⁵. После этого Кук совершил плавание вдоль восточного берега Австралии, нанеся на карту около 4 тыс. км. береговой черты и открытый им Большой Барьерный риф (около 2,3 тыс. км). 22 августа 1770 года Кук от имени короля Георга III торжественно провозгласил открытую им землю владением Великобритании и назвал ее Новым Южным Уэльсом. На крайней точке восточного побережья Австралии был поднят британский флаг⁶. В июле 1771 года через Индийский океан и мыс Доброй Надежды Кук вернулся в Англию.

Параллельно с экспедицией Дж. Кука, но в противоположной части севера Тихого океана, заметно активизировалась Российская империя. После Второй Камчатской экспедиции, когда были открыты и исследованы Алеутские острова, а также часть побережья Северной Америки в районе 55° с. ш., в этот регион для добычи пушнины направились суда купеческих компаний. Купцы способствовали распространению власти Российской империи на всю Сибирь и на территории северо–запада Америки⁷. Только за 15 лет с 1750 по 1764 гг. в северную часть Тихого океана русские промышленники организовали и осуществили около 30 плаваний. Во время этих морских «вояжей» были открыты и исследованы все Алеутские острова, в том числе самые крупные Лисьи острова (Уналашка, Умнак и Унимак). Некоторые промысловые компании вернулись на Камчатку с богатым грузом пушнины (шкурами морских бобров (каланов), лисиц, песцов и т.д.). Самыми успешными были компании купцов Н. Трапезникова, Ф. Холодилова и П. Панова, добывших пушнины на сотни тысяч рублей⁸.

⁵ *Кук Дж.* Первое кругосветное плавание капитана Джемса Кука. Плавание на «Индеворе» в 1768–1771 гг. / пер. А. Шалыгиной; вступ. статья, коммент. и ред. Я. Свет. — М.: Географгиз, 1960.

⁶ *Копелев Д.Н.* «Железный моряк»: капитан Джемс Кук на фоне эпохи // Электронный научно–образовательный журнал «История». — 2020. — Т. 11, вып. 10 (96). URL:<https://history.jes.su/s207987840012507-6-1>.

⁷ Подробнее см.: *Петров А.Ю.* Образование Российско–американской компании. — Москва: Наука, 2000.

⁸ История Русской Америки (1732–1867): в 3–х тт. Т. 1. Основание Русской Америки (1732–1799) / Отв. ред. акад. Н.Н. Болховитинов. — М.: Международные отношения, 1997. С. 75–90, 446–450.

В феврале 1764 года сибирский губернатор Д.И. Чичерин с удовольствием сообщил Екатерине II об успехах русских промышленников и открытии Лисьих островов. Губернатор проинформировал о плавании судна купца И. Никифорова «Св. Улиан» под командованием С. Глотова, особо отметив, что промышленники не только открыли новые острова, но и привели их жителей в подданство России и собрали с них ясак в пользу казны⁹. В мае 1764 года последовал указ императрицы Екатерины II об организации государственной экспедиции на Алеутские острова. В нем было сказано, что открытия русских промышленников в Тихом океане «сделаны людьми, морского знания и науки неимеющими, которых описании и примечании не столь достаточны, чтоб всю могущую пользу приобрести можно было». А потому требуется послать для изучения новых земель офицеров, знающих морскую науку. При этом всю переписку по организации экспедиции требовалось держать в строгом секрете¹⁰.

Руководителем экспедиции был назначен капитан – поручик П. Креницын, возведенный в чин капитана 2-го ранга. Его помощником был назначен лейтенант М. Д. Левашов. В составленной Адмиралтейств-коллегией инструкции было отмечено, что он должен провести точные научные исследования вновь открытых земель, составить достоверные карты, подробно описать новые территории и их население. Но возможно, он должен был добраться до восточных островов — Кадьяк и других, а также до материковой земли Аляски. Отдельно было отмечено, что ему необходимо выяснить, где на материковой Америке находятся европейские владения, какие народы им платят дань. Очевидно, что данная задача предполагала выяснение возможности распространить влияние России на те территории, которые еще не были заняты другими державами. В инструкции ничего не было сказано о приведении в подданство алеутов, так как

⁹ Реляция сибирского генерал-губернатора Екатерине II, 11 февраля 1864 г. // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов. — М.: Наука, 1989. С. 74–76.

¹⁰ Указ Екатерины II Адмиралтейств-коллегии, 4 мая 1764 года // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов. — М.: Наука, 1989. С. 76.

российское правительство уже считало их подданными империи, а Алеутские острова полноценным владением государства¹¹.

Экспедиция исследовала Алеутские острова на двух небольших кораблях: галиоте «Св. Екатерина» (Креницын) и гукоре «Св. Павел» (Левашов). На островах команда находилась всего около года, с августа 1768 по июль 1769 года. Зимовка оказалась очень сложной. Из команды Креницына от голода и болезней погибло около половины экипажа, в том числе почти все офицеры и штурманы. Команда Левашова оказалась в несколько лучших условиях, но и она понесла значительные потери. На совещании в июне 1769 года было решено возвращаться на Камчатку. Зиму 1769/1770 годов оставшиеся в живых моряки провели в Нижне-Камчатском остроге. В июле 1770 года, переплывая реку Камчатка, погиб капитан Креницын. Принявший командование экспедицией Левашов вернулся в Санкт-Петербург только в октябре 1771 года. Несмотря на огромные трудности, экспедиция смогла решить часть поставленных задач. Левашов составил 4 подробные карты с детальным описанием 45 островов Алеутской гряды и части полуострова Аляска. Наиболее детально были изучены самые восточные Лисьи острова. Ведущий русский географ и картограф того времени адмирал А.И. Нагаев высоко оценил результаты экспедиции и предложил наградить всех ее участников. Считается, что экспедиция Креницына-Левашова завершила открытие, изучение и описание Алеутских островов, хотя ее результаты долгое время оставались секретными¹².

Пока Россия прилагала усилия по закреплению территорий северной части Тихого океана в своем владении, Великобритания делала то же самое в южной части этого региона. В 1772 году британское правительство по рекомендации Королевского общества организовало вторую экспедицию Джеймса Кука. Целью

¹¹ Инструкция Адмиралтейств-коллегии капитану 2-го ранга П.К. Креницыну, 26 июня 1764 г. // Россия и Испания на северо-западе Америки во второй половине XVIII века (по материалам испанских архивов). Монография в документах. — Рязань: Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина, 2020. С. 78–83.

¹² Глушанков И.В. Секретная экспедиция. — Магадан: Магаданское книж. изд-во, 1972. С. 157–178.

экспедиции было обогнуть земной шар по максимально возможному маршруту в южных широтах. Предполагалось, что это окончательно решит вопрос о существовании так называемого Южного материка. Одновременно решались и внешнеполитические задачи — открытие и изучение новых земель, которые в будущем могли войти в состав британских колониальных владений. Сам Дж. Кук так описал свою задачу: «Я обязан был приложить все усилия для того, чтобы открыть новые территории на юге, следуя либо в восточном, либо в западном направлении, по моему собственному усмотрению. Нужно было при этом держаться наиболее высоких широт и плыть к южному полюсу до тех пор, пока это позволят наши запасы, состояние здоровья команды и состояние самих кораблей»¹³.

Плавание состоялось на двух кораблях. Флагманским кораблем «Резолюшн» (Resolution¹⁴) командовал сам Кук, «Эдвенчур» (Adventure¹⁵) находился под командой Тобиаса Фюрно. Экспедиция вышла из Плимута в июле 1772 года. Затем вокруг Африки (мыса Доброй Надежды) вошли в Индийский океан. Держась максимально южнее, корабли пересекли его и вышли к Новой Зеландии. В течение октября 1773 года — сентября 1774 года Кук занимался исследованием южной части Тихого океана. Экспедиция открыла большой остров Новая Каледония, а также ряд мелких островов и архипелагов в Тихом океане. В ноябре 1774 года экспедиция отправилась в обратный путь. В Атлантическом океане был открыт крупный остров Южная Георгия. В марте 1775 года Кук вернулся в Великобританию. Несмотря на предпринятые усилия, экспедиция не смогла продвинуться так далеко на юг, чтобы открыть Антарктиду. Кук оценил результат экспедиции следующим образом: «Я льщу себя надеждой, что задачи моего путешествия во всех отношениях выполнены полностью; южное полушарие достаточно обследовано; положен конец дальнейшим поискам южного материка, который

¹³ *Кук Дж. Кук*. Путешествие к южному полюсу и вокруг света. — М., 1948. С. 54.

¹⁴ Название судна можно перевести как «Решительность, решимость, твердость».

¹⁵ Название судна можно перевести как «Приключение, смелое предприятие».

на протяжении двух столетий неизменно привлекал внимание некоторых морских держав и был излюбленным предметом рассуждений для географов всех времен»¹⁶.

Ласи в упомянутых выше письмах подметил одну из составляющих русской колонизации тихоокеанских территорий — в основном мирный хозяйственный характер освоения изучаемого региона. Представляется, что к середине XVIII века в основном сформировалась система мехового промысла и торговли пушниной, которая охватывала значительные пространства от Аляски до Иркутска и Кяхты. Купцы кроме организации и проведения пушного промысла должны были быть готовы вступать во взаимодействие с представителями других европейских государств. Между тем их основной деятельностью было строительство судна и обеспечение его экипажа всем необходимым. Считается, что первым русским, который достиг полуострова Аляски и там перезимовал, стал мореход Пушкарев¹⁷. Думается, что замечания испанского дипломата об увеличении торговых операций русских промышленников в этом регионе в середине XVIII века и связанном с этим колонизационным распространением соответствует действительности. Подтверждением выводов Ласи стала публикация книги Герхарда Ф. Миллера, вышедшая в Амстердаме в 1766 году. Именно из этой работы общественность европейских стран узнала об открытиях русских. Книга, которая была издана на французском языке, называлась «Путешествия и открытия, сделанные русскими вдоль берегов Полярного моря, на Восточном океане, в Японии и Америке». Эта книга, по всей видимости, преследовала политическую цель — обосновать права России на северо-восток Тихого океана и близлежащую американскую территорию.

Узнав эту информацию, испанский король Карл III был вынужден с середины 1760-х гг. пересмотреть свою политику

¹⁶ *Кук Дж. Кук*. Путешествие к южному полюсу и вокруг света. — М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1948. С. 440.

¹⁷ История Русской Америки (1732–1867): в 3-х тт. Т. 1. Основание Русской Америки (1732–1799) / отв. ред. акад. Н.Н. Болховитинов. — М.: Международные отношения, 1997. С. 81.

в Тихоокеанском регионе. Так, в 1767 г. им было принято решение разработать меры по укреплению границ Испании в этом регионе. Он провел важные реформы, направленные на улучшение экономического положения, снабжения, управления приграничных территорий.

Особое значение приобрело создание военных крепостей и католических миссий. Так небольшая колония Сан-Блас должна была стать форпостом, сдерживающим продвижение русских. В мае 1768 г. в эту местность по приказу вице-короля Новой Испании Маркиза де Круа было направлено 116 семей во главе со священником Хуниперо Серра для официального основания новой военно-морской крепости и католической миссии. К порту были приписаны два пакетбота: «Сан-Карлос» под командованием Хуана Переса и «Эль-Принсипи» под командованием Висенте Вила¹⁸.

Затем были заложены еще две военные крепости и католические миссии, находящиеся на севере вдоль побережья Калифорнии. Инициатором их создания стал Хосе де Гальвес, специальный представитель короля в Новой Испании (*visitador*). Он направил письмо мадридскому правительству, в котором подтвердил сведения об угрозе испанским владениям со стороны России. В ответ он получил прямой королевский приказ: «Занять и укрепить Сан-Диего и Монтерей во имя Бога и короля Испании»¹⁹. Х. Гальвес немедленно организовал серию сухопутных и морских экспедиций из Сан-Бласа для создания военных укреплений и католических миссий в Нижней Калифорнии, в результате чего были основаны крепости Сан-Диего (1769)²⁰ и Монтерей (1770), ставшие испанским форпостом в сдерживании русского продвижения.

¹⁸ Чуть позже в Сан-Бласе Гальвес приказал построить четыре новых судна, одним из которых была шхуна «Сонора», на которой позже в 1775 г. Хуан Франсиско де ла Бодега и Квадра и совершил плавание на Аляску.

¹⁹ *James J. Rawls, Walton Bean. California: An Interpretative History.* — Berkeley: McGraw-Hill, 2003. P. 32.

²⁰ В этом году Гаспар Портола основал здесь крепость, а францисканцы, под начальством Хуниперо Серры основали миссию, которая уже к 1797 году насчитывала почти полторы тысячи новообращенных.

Обстоятельством, которое во многом определил повышенный интерес Испании к русскому продвижению в Америке, стал Мальвинский (Фолклендский) кризис, приведший к вооруженному конфликту между Великобританией и Испанией в конце 1760-х — начале 1770-х гг.

Инцидент вокруг Мальвинских островов сделал сложно преодолимыми столкновения Великобритании и Испании. Ситуация обострилась после того, как выяснилось, что в случае вооруженного конфликта за Мальвины, российский флот может выступить на стороне Великобритании. Слухи о совместном выступлении британского и российского флота по защите британских владений в Америке активно подогревались российскими дипломатами, в частности, посланником Штакельбергом. Как отмечает исследователь русско-испанских отношений Владимир Сергеевич Бобылев, «подобного рода дезинформацию он подбрасывал Гримальди при каждом удобном случае»²¹. Как говорилось в письме Штакельберга главе российского внешнеполитического ведомства Н.И. Панину, задачей распространения дезинформации было желание оказать давление на политику Испании, пытавшейся сдержать развитие русского флота на морях, убедив правительство в Мадриде в том, что «однажды русские эскадры объединятся с английским флотом для выполнения общих задач»²².

Данный кризис показал, что столкновения держав в Тихом океане будут нарастать, что и подтвердил Нутко-Зундский кризис. Территориальный спор Великобритании и Испанской империи вступил в наиболее острую фазу в 1790 г. из-за дискуссии вокруг залива Нутка, расположенного на о. Ванкувер, у западного побережья современной Канады. Обе державы претендовали на территории вокруг этого залива. Это был не просто залив, а территория, которая могла стать плацдармом

²¹ *Бобылев В.С. Россия и Испания в международных отношениях второй половины XVIII века. Монография.* — М. Издательство Российского Университета дружбы народов, 1997. С. 58.

²² Дель Рио — Гримальди от 20 апреля 1770 г. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), Ф. Секретнейшие дела. Испания, Д. 3-4, Л. 82об.

для дальнейшего продвижения на севере и востоке. События развивались весьма быстро и вскоре в конфликт оказались втянуты Голландия и Франция. В результате ряда военных демаршей, Испания вынуждена была считаться с требованиями Великобритании. Формально договор 1794 г. провозглашал отказ от каких-либо суверенных прав на залив, объявляя свободным доступ представителей обеих держав. Считается, что данный договор ознаменовал собой отказ от принципов обладания территорией по праву открытия, что впоследствии привело к изменению характера колониальной политики мировых держав и к их противостоянию в колониях во второй половине XIX в²³.

Последняя треть XVIII века — это время обострения в территориальных спорах Испании и России. В октябре 1772 г. глава внешнеполитического ведомства Испании маркиз Гримальди направил Ласи материалы, присланные из вице-королевства Новой Испании, в которых говорилось о продвижении русских в Калифорнии. В ответном письме от 22/11 октября граф Ласи 1772 г. писал: «Милостивый государь: Ваше Превосходительство отправило мне географическую карту экспедиций и поселений калифорнийского побережья, императорский журнал, содержащий отчеты о путешествиях, осуществленных по приказу Вице-короля Мексики маркиза де Круа. Прилагалась также выписка новостей гавани Монтерея о плаваниях русских в Калифорнию, убеждающая меня в том, что русским чаще, чем другим народам, удавалось благополучно достичь калифорнийских берегов»²⁴.

В этом послании граф Ласи отмечал осведомленность русского правительства о последних испанских экспедициях в Калифорнии. Далее граф Ласи выразил мнение о возможном сотрудничестве правительства Екатерины II с английским правящим кабинетом в вопросе колонизации Тихого океана с английским правительством, рассчитывая на получение от последнего

²³ Куницын А.А. Кризис в заливе Нутка 1790 г. : англо-испанское противостояние // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2019. № 5 (109). С. 64–65.

²⁴ Archivo General de Indias, Estado 86 B. 100. P. 8–9.

помощи в защите своих владений в этой части света. Обращаясь к Гримальди, граф Ласи писал в этом письме: «...несмотря на то, что англичане могут ввести свой флот в Охотскую и Камчатскую бухту, вполне возможно, что после того, как российское правительство поделилось с ними своими опасениями, они решили помочь русским в случае вторжения, но затем, рассудив, что мы никогда не вознамеримся отправить экспедицию в столь суровый, холодный и скудный край, как Камчатка, не оказали им никакой помощи»²⁵.

Завершая это письмо, граф Ласи поделился информацией, говорящей о англо-русской координации в этом регионе. «Завершу своё повествование описанием уникального события, которое, как мне доподлинно известно, более чем правдоподобно. Императрица этой державы, глядя на карту своих владений, сказала британскому адмиралу Ноулсу²⁶, что, если Азия и Америка являются собой один континент, она продолжит завоевания в этой части земного шара, а если, как утверждают русские мореходы, их разделяет всего один пролив, она бы послала разведку по морю. Ее Величество часто спрашивает адмирала Ноулса, нет ли известий о сухопутных экспедициях, которые англичане собирались провести со стороны Канады, продвигаясь к морю по земле с юга»²⁷.

²⁵ Archivo General de Indias, Estado 86 B. 100. P. 10.

²⁶ Сэр Чарльз Ноулз, 1-й баронет (1704–1777) — адмирал британского королевского флота. Недолгое время состоял на российской службе во время русско-турецкой войны. Был очень образованным человеком и, в частности, специалистом в строительстве и уничтожении укреплений. Его карьера протекала в основном в Вест-Индии, где он командовал эскадрами кораблей и действовал против испанских кораблей и поселений. Помимо военной службы, находил время для научных исследований, работал над переводами зарубежных научных исследований. В 1770 г. Ноулз принял приглашение Екатерины II прибыть в Россию для консультирования по вопросам развития Императорского военно-морского флота. К моменту своего отбытия в 1774 г. на родину он представил Екатерине подробный план развития военно-морского флота по английскому образцу с предложением о строительстве по крайней мере пяти новых кораблей и реконструкции сухих доков. Британский исследователь Филипп Кленденнинг называл его вторым после Петра I «отцом русского флота», что является очевидным преувеличением.

²⁷ Archivo General de Indias, Estado 86 B. 100. P. 11–12.

В 1773–1774 гг. граф Ласи отправил в Мадрид несколько писем, в которых предупреждал испанское правительство о русской экспансии в этом регионе, которые содержали неточную и ложную информацию²⁸. В целом, анализ содержания писем графа Ласи говорит о том, что он был в значительной степени дезинформирован относительно российского продвижения в направлении владений Испанской Америки, находящихся в Северной части Тихого океана. Его шифрованные депеши, в которых он заявлял об активности русских в этой части света, о «координации действий» Великобритании и России в Северо–Западной части Тихого океана, имели далеко идущие последствия. На основании информации, предоставленной маркизом Ласи, правительство Испании и администрация колоний приняли решение направить в район предполагаемого российского продвижения «разведывательные» экспедиции Хуана Переса (1774) и Бруно де Эсета (1775).

В ходе экспедиции 1773–1774 гг. под командованием Хуана Хосе Переса Эрнандеса на широте 49°35' был обнаружен вход в залив, который был назван «якорной стоянкой Сан–Лоренсо». Вице–король Новой Испании Букарели–и–Урсуа доложил в Мадрид, что Перес установил отсутствие иностранцев в обследованной им части калифорнийского побережья.

Новой экспедиции, отправленной 16 марта 1775 года, удалось достичь 58° с. ш., так и не встретив русских. Участники плавания высадились в нескольких пунктах нынешнего архипелага Александра между 55° и 57° и провозгласили власть испанской монархии над этими землями²⁹.

²⁸ Более подробно об этом см. «Россия и Испания на северо–западе Америки во второй половине XVIII в. (по материалам испанских архивов)» — Рязань: Ряз. гос. ун–т. им. С.А. Есенина, 2020. С. 53–60.

²⁹ На английском и испанском языках материалы, связанные с этими плаваниями представлены в США в Библиотеке Бэнкрофта в Калифорнии. Там же имеются выборочные документы, подготовленные для Г. Бэнкрофта, который работал над историей Калифорнии. Подробнее, см. Bancroft Library/ Manuscript Division. Western American Collection.

Сухопутными отрядами в сентябре 1776 г. был основан форт, а затем и миссия Сан–Франциско. В 1776 г. монахом Франсиско Гарсесом была открыта Калифорнийская долина³⁰.

В 1779 г. испанским фрегатам под командованием капитанов Игнасио де Артеаги и Бодеги–и–Куадры удалось достигнуть 61° с. ш. 22 июля 1779 г. на берегу бухты острова Хинчинбрук эта земля была объявлена испанским владением. Это была самая северная точка, достигнутая в Америке испанцами. Их притязания впоследствии распространялись на территорию до 61°³¹. Этими экспедициями испанцы стремились охватить как можно большую территорию западного побережья Северной Америки. Русских поселений к югу от 55 параллели испанцы не обнаружили. Фактически испанская экспансия стала затихать. Обеспечение необходимыми вещами колонистов, особенно изделиями из железа, стало весьма редким явлением. Этим в дальнейшем воспользовались русские купцы и мореплаватели. Так, образование Российско–американской компании привело к активизации процесса освоения русскими людьми Америки и сооружению ее южного форпоста — крепости Росс уже в начале XIX в. Неслучайно, известный мореплаватель Ф. П. Врангель писал: «На приморском берегу Нового Альбиона (Верхней Калифорнии), компания заняла в 1812 году, с согласия туземцев, небольшое пространство земли около залива Бодега и стала соседкою Северо–Американским, Испанским, нынешней Республики Мексики»³². В дальнейшем особенность действия различных факторов во взаимодействии колониальных держав на север Тихого океана, в числе которых возрастающая активность представителей США привели к изменению значения

³⁰ История Русской Америки (1732–1867): в 3–х тт. Т. 1. Основание Русской Америки (1732–1799) / отв. ред. акад. Н.Н. Болховитинов. — М.: Международные отношения, 1997. С. 283–284.

³¹ Альперович М.С. Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII века). — М.: Наука, 1993. С. 84.

³² Национальный архив Эстонии. Ф. 341. Ф.П. Врангель. Краткие статистические замечания о российских колониях в Америке б/д. Оп. 1. Д. 341. Л. 8.

ключевых игроков в регионе и приобретению и покупке русских колоний в Америке Соединенными Штатами³³.

Испанцы были совершенно уверены в том, что имеют неоспоримое право на владение всей Калифорнией и прилегающими землями Северной Америки. Так, один из испанских офицеров, состоящий при королевском дворе Карла III, Николас де Мольнедо в 1770–е годы составил специальную записку об испанских правах на эти земли, уходящих своими корнями в эпоху конкистадоров. Перечисляя географические исследования, проведенные русскими и англичанами, он писал: «В то время как на протяжении веков и в ходе бесчисленных путешествий к тем землям новые знания, безусловно, должны были обрести мы — испанцы. Сейчас ясно, что именно англичане и русские извлекли выгоду из сведений, полученных в последние годы, и внесли значительный беспорядок, обманув нас с помощью тех же знаний, которые должны были направлять нас»³⁴.

Тем временем, Россия не ограничивалась изучением и присоединением к своим владениям Алеутских островов. Не менее важным для империи были Курильские острова, которые отделяли Охотское море от Тихого океана. Важное географическое положение этих островов дополнялась не менее важным внешнеполитическим. Курильские острова находились на севере от Японии, поэтому овладение этими островами могло способствовать установлению дипломатических и торгово-экономических отношений с этой экзотической восточной страной, торговые перспективы с которой сулили огромные прибыли. Именно поэтому власти Российской империи особое внимание уделяли Курильским островам. Для организации исследования их было решено отправить купеческую экспедицию. С этой целью с середины 1770–х годов камчатские власти, снабженные

³³ Farrow L. Seward's Folly: A New Look at the Alaska Purchase. University of Alaska Press, 2016. — 225 p. См. также Perras, Galen Roger. Review Farrow L. Seward's Folly: A New Look at the Alaska Purchase. University of Alaska Press. 2016 // The American Historical Review. 2018. Vol. 123. Issue 3. P. 957–958.

³⁴ Россия и Испания на северо-западе Америки во второй половине XVIII века. Монография в документах. — Рязань: Ряз. гос. ун-т. им. С.А. Есенина, 2020. С. 104–109.

соответствующими инструкциями из Иркутска, стали подыскивать подходящее купеческое судно. Таким судном оказался бот «Св. Николай», принадлежащий компании купца Ивана Мухина. Правда, сам Мухин не смог отправиться в «вожж», так как был занят «ссорами в Иркутске в тяжёбных делах». Судно согласилось выкупить два других купца Г.И. Шелихов и П.С. Лебедев–Ласточкин. Камчатские власти согласились снабдить судно всем необходимым за казенный счет, чтобы экспедиция «под видом звериных промыслов» исследовала все Курильские острова³⁵. Говоря современным языком, Курильская экспедиция носила явный характер государственно-частного партнерства.

Руководителем Курильской экспедиции со стороны государства был назначен сибирский дворянин, знающий японский язык, Иван Антипин. В июне 1775 года камчатский главный командир премьер-майор М.К. Бем снабдил его подробной инструкцией. Антипину было предписано разведать и описать все Курильские острова, включая южные, на которых проживали «мохнатые» курильцы (айны). В отношении местных жителей ему было предписано обходиться «ласково», аманатов и ясака с них насильно не брать. Напротив, курильцев нужно было склонить к добровольному принятию подданства Российской империи. Если они пожелают сдать ясак, то принять его, выдав о том специальные квитанции. С местными жителями нужно было установить прочные торговые отношения, для чего купцы Лебедев–Ласточкин и Шелихов снабдили «Св. Николай» разнообразными товарами. Несколько пунктов инструкции касались японцев. Антипину было предписано собрать подробнейшие сведения о Японии, начиная от географического положения страны и до вероисповедания населения. Отдельно он должен был выяснить систему торговли и то, какие товары японцам нужны. В случае установления контактов с японцами, он должен

³⁵ Указ Большерецкой канцелярии купцам Г.И. Шелихову и П.С. Лебедеву–Ласточкину, 3 марта 1775 года // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов. — М.: Наука, 1989. С. 143–145.

был «поступить с ними учтивым образом з благопристойною ласковостию и обхождением». По возможности он должен был провести с ними торговлю. Кроме того, во время пребывания на Курильских островах, Антипин должен был провести опыты земледелия, установив те зерновые культуры, которые там можно будет разводить. В случае успеха экспедиции М.К. Бем обещал И. Антипину «честь и славу» и «награждение за ревностное старание»³⁶.

Начало экспедиции И. Антипина было сложным. Летом 1775 года после того, как русские высадились на острове Уруп, «Св. Николай» был разбит сильным штормом. В результате пришлось отправлять байдару на север с просьбой о помощи. После того, как власти Камчатки узнали о случившемся, они выделили казенное судно «Св. Наталия» для помощи Антипину. Снаряжением судна занялся Лебедев–Ласточкин, который из-за ссоры с Григорием Шелиховым вынужден был взять все расходы на себя. Только в сентябре 1777 года «Св. Наталия» под командованием Михаила Петушкова прибыла на остров Уруп. Оказалось, что прожившие на острове два года русские промышленники сумели не только организовать промысел пушнины, но и провели успешные опыты хлебопашества. Урожай зерновых был очень хорошим. В 1778 году «Св. Наталия» отправилась на южные Курильские острова. Плавание превзошло все ожидаемые результаты. По сведениям Б.П. Полевого, на Итурупе и Кунашире добровольно приняли русское подданство несколько сотен «мохнатых» курильцев. В том же году И. Антипину удалось добраться до берегов острова Матсмая (Хоккайдо), где установили контакты с японцами. Правда, японцы отказались торговать с русскими, но приняли подарки и обещали продолжить контакты на острове Кунашире. В августе–сентябре судно «Св. Наталия» посетило Охотск, где выгрузило богатый груз

³⁶ Из инструкции М.К. Бема начальнику экспедиции на дальние Курильские острова И.М. Антипину о подготовке и задачах плавания, 8 июня 1775 года // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов. — М.: Наука, 1989. С. 145–154.

пушнины, а потом вернулось на Уруп, превратившийся в базу русских на Курильских островах. В следующем 1779 году Антипин вновь посетил Хоккайдо, где договорился с японцами о торговле через посредничество курильцев. Напрямую с русскими японцы торговать боялись, так как законы этой страны запрещали подобные отношения с иностранцами. Во время очередной зимовки в январе 1780 года на Урупе произошло землетрясение. Судно «Св. Наталия» было выброшено на берег и сильно повреждено. Только в сентябре того года Антипин вернулся на Камчатку, где отчитался о многолетнем пребывании на Курильских островах. Российские власти остались довольны экспедицией. Многие ее участники и организаторы были награждены³⁷. Курильские острова фактически перешли под контроль Российской империи.

Пока испанцы, опасаящиеся русского проникновения в Калифорнию, продолжали продвигаться на север этого региона, а русские занимались изучением Курильских островов, Великобритания стала готовить третью кругосветную экспедицию под командованием Джеймса Кука. На этот раз британское правительство устремило свой взор на северную часть Тихого океана. Куку было предписано найти северо–западный проход — морской путь, соединяющий Атлантический и Тихий океаны в северных широтах, проходящий вокруг Северной Америки. О существовании этого пути говорили многие географы, были предприняты попытки найти северо–западный проход, наиболее успешной из них была экспедиция Баффина в конце XVII в., достигнувшая 77 градусов 45 минут северной широты³⁸. Но задача оставалась, и именно ее, по официальной версии, и должен был решить Кук [Кук Дж., 1805]. Между тем, в России истинные причины путешествия Кука видели в расширении колониального присутствия Англии на Алеутских островах и в Америке со стороны Тихого океана. Инициатива исходила от Лорда Сэндвича. В России в конце XVIII в. полагали, что основным был

³⁷ Полевой Б.П. Первооткрыватели Курильских островов. — Южно–Сахалинск: Дальневосточ. кн. изд–во, 1982. С. 119–131.

³⁸ Маклин Э. Капитан Кук. Перевод с английского. М.: Наука, 1976. С. 112.

фактор колониального соперничества для Англии с Францией: «вскоре пронесся слух, что французы также сделали некоторые открытия». Король вознамерился сделать там исследования, и для сего предприятия обратили еще внимание на Кука³⁹.

Н.П. Резанов в начале XIX в. писал, что идея принадлежит Ост-Индской компании, и что «что сие учинено с умыслом и конечно с тою целью, дабы иметь повод оспаривать у нас право первообретения мест тех, что в будущие времена, ежели не предпримутся ныне должныя осторожности, может произвести вредныя следствия»⁴⁰. В данном отношении мы ссылаемся на выявленный нами документ в фонде Олениных в ОР РНБ. По всей видимости, А.О. Оленин получил к нему доступ, так как в декабре 1799 г. был назначен обер-прокурором 3-го департамента Сената, тогда как Н.П. Резанов в это время также служил в Правительствующем сенате и одновременно исполнял функцию корреспондента РАК или человека, имеющего возможность лично докладывать императору о делах компании. Отметим, что Н.П. Резанов не был ни директором, ни главой компании, как указывается в целом ряде работ и на интернет-ресурсах. При этом должность корреспондента была не менее почетной, а более, так как Резанов имел возможность личного доклада императору, от которого зависело существование компании. Наиболее важной представляется вторая часть документа, где Резанов предлагает свое видение взаимодействия с европейскими державами и США на севере Тихого океана. Собственно это *real politic* без излишних дипломатических пассажей. Этот документ можно рассматривать как стремление привлечь внимание государства к необходимости активизации усилий на севере Тихого океана или, по крайней мере, помочь РАК в данном вопросе. Думается, что Резанов осознавал, что экспедиция И. Биллингса с весьма скромными результатами и отказ от плавания Г.И. Муловского в северную часть Тихого океана могут

³⁹ Последнее путешествие около света Капитана Кука. — Санкт-Петербург, 1788. С. 161.

⁴⁰ Резанов Н.П. Образование Российско-американской компании. Начало XIX в. // ОР РНБ Ф. 542 Олениных. Д. 799. Л. 10.

привести к потере Россией влияния в данном регионе. Любопытно, что при сопоставлении данного документа с «Мемориалом» Н.А. Шелиховой, деятельность которой лежала в основе образования РАК, обнаруживаются сходные позиции⁴¹. Как и Шелихова, Резанов видел угрозу русским владениям со стороны Англии после экспедиции Дж. Кука, предлагал значительно усилить российское присутствие в регионе, считал опасной торговлю иностранцев с аборигенами на Аляске и др. Между тем, в отличие от более ранних депеш Шелиховых слово «колония» в бумаге Резанова отсутствует. Между тем, еще в своем контракте с Г.И. Шелиховым А.А. Баранов писал, что «...заведу и устрою выгодную для государства и компании колонию»⁴².

В июле 1776 года Кук на корабле «Резолюшн» (Resolution⁴³) отправился из Плимута. Второй корабль экспедиции «Дискавери» (Discovery)⁴⁴ под командованием Чарльза Клерка вышел вслед за ним в августе. В Кейптауне оба корабля встретились и отправились в дальнейший путь вместе. Затем корабли пересекли Индийский океан и вышли к Новой Зеландии. Оттуда путь экспедиции шел на север. В январе 1778 года Кук открыл Гавайские острова, названные им Сандвичевыми в честь одного из лордов Адмиралтейства. Следующая якорная стоянка кораблей была весьма примечательной. В марте 1778 года Кук остановился в заливе Нутка, глубоко вдающимся в остров Ванкувер. Около месяца англичане провели в этом заливе, запасаясь провизией и ремонтируя корабли. Кук установил контакты с местным населением, подробно описал их быт, обычаи и нравы. В летнюю навигацию Кук попытался пройти как можно дальше на север. Двигаясь вдоль северо-западного побережья Северной Америки, он сумел дойти до Алеутских островов. Примечательно, что здесь в июле 1778 года один из алеутов с острова Уналашка доставил

⁴¹ Мемориал о способах к прочному восстановлению Американской Компании // РГАВМФ. Ф. 198. Д. 79; АВПРИ Ф. РАК. Оп. 888. Д. 127. Л. 1–14.

⁴² Договор между Г.И. Шелиховым и А.А. Барановым 15 августа 1790 г. // АВПРИ. Ф. РАК. Д. 74. Л. 1–7? ИРТО. Т. 2. С. 279.

⁴³ Название судна можно перевести как «Решимость, Твердое намерение».

⁴⁴ Название судна можно перевести как «Открытие, Обнаружение, Выявление».

Куку русское письмо, которое английские моряки не смогли прочитать. Влияние русских чувствовалось в поведении местных жителей, по русской традиции алеуты кланялись, приветствуя английских моряков⁴⁵.

В августе Дж. Кук сумел выйти через Берингов пролив в Северный Ледовитый океан. Но на широте 70°33' с. ш. встретил непреодолимые льды и вынужден был повернуть обратно. В октябре Кук подошел к острову Уналашка. Здесь произошла знаменитая встреча англичан с русскими промышленниками и моряками. В это время на Уналашке находилось судно «Св. Павел» компании купцов А. Орехова, в. Шилова и И. Лапина, которым командовал мореход Герасим Измайлов. В своих записках Кук подчеркнул, что Измайлов был «по виду человек весьма умный, и, хотя, к сожалению, мы не могли с ним иначе общаться как знаками, однако ж друг друга понимали... Измайлов имел весьма хорошие сведения о сей части света и обретении его соотечественников». Из сообщений Измайлова Кук узнал, что «обретения россиян не простираются к востоку далее острова Кадьяка». Капитан Кук отметил, что на всех островах, простирающихся между Камчаткой и Америкой, находятся россияне. Здесь они занимаются промыслом морского зверя, из которого больше всего ценится морской бобер. Местные алеуты живут с россиянами «согласно, имеют своих начальников и пользуются собственностью и свободой»⁴⁶. В дальнейшем, на эти соображения Кука ссылался Н.П. Резанов, обосновывая права России на колонии в северной части Тихого океана: «Между тем в журнале своем Кук признается, что россияне прежде его заняли остров Уналашку. "Из почерпнутого нами из разговоров с Измайловым и соотечественником его узнали мы, говорит он, что россияне в разные времена покушались занять соседственную с Уналашкою часть Нового Света, но всегда были прогоняемы дикими»⁴⁷. При этом, у той же Уналашки, Кук, зная

⁴⁵ Кук Дж. Путешествие в Северный Тихий океан по повелению короля Георгия III... Ч. 2. — 226 с. СПб., 1810. С. 176–177.

⁴⁶ Там же. С. 208–211.

⁴⁷ Резанов Н.П. Образование Российско–американской компании. Начало XIX в. // ОР РНБ, ф. 542 (Оленины), д. 799, л. 10.

о присутствии русских на своей карте все же давал этим местам английские названия. На данный факт указывал Г.А. Сарычев: «3 июня подошли мы близко к Спиркину острову, лежащему близ Уналашки...перед входом есть два наружных камня... Сии камни, как думать надобно, те самые, которые названы капитаном Куком как Провиденс».⁴⁸ В Кенайском заливе «Кук назвал рекою своего имени»⁴⁹. В дальнейшем Н.А. Шелихова указывала, что претензии Кука распространялись и на другие территории: «Предваренная в публичных газетах 1793–го года английская экспедиция была в 794–м году в наших американских: Кинайском, Чугацком и Якутатском заливах, где американской компании промышленных для ловли зверей артели были расположены. Оныя состояла в двух фрегатах: одного "ДисCOVERи" под командою капитана Ванкувера, а другого "Чатама" под командою Пужета, кои делали свои наблюдения и промер вод в гаванях и бухтах. Они промышленным нашим сказывали, что все те места, будто бы принадлежат Англии через известного капитана Кука, но промышленные наши то оспаривали, доказывая, что те места принадлежали России еще прежде путешествия Кукова, и именно с 1741–го года, то есть от времен астрономических экспедиции Беринга и Чирикова»⁵⁰.

В рапорте от 20 апреля 1779 года Герасим Измайлов также описал встречу с английскими моряками. Он сообщил, что в течение трех дней находился по приглашению капитана Кука «на главном корабле, называемом "Разулушан"». Русский мореход посетовал на то, что не знает английский язык, поэтому объяснялся с англичанами «через маячение» (то есть жестами). Тем не менее, он сумел узнать у них цели экспедиции, подробности плавания, широты и долготы, до которых они достигли. Измайлов особо отметил, что в знак дружбы и признательности капитан Кук пожаловал ему «карту сферическую», «для усмотрения высоты солцаквандрант», а также шпагу⁵¹.

⁴⁸ Журнал Г. А. Сарычева, 3 июня 1790 // РГА ВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 171, л. 104.

⁴⁹ Записка Н.А. Шелиховой, 1798 // РГА ВМФ, ф. 198, оп. 1, д. 79, л. 233–238.

⁵⁰ Мемориал Н.А. Шелиховой, 1798 // АВПРИ, ф. РАК, оп. 888, д. 127. л. 1–14.

⁵¹ Рапорт штурманского ученика Г.Г. Измайлова в контору над Петропавловским портом, 20 апреля 1779 года // Русские экспедиции по изучению

После посещения северных широт Дж. Кук вернулся на Гавайские острова. Здесь в феврале 1779 года произошел инцидент с местными жителями, в ходе которого английский мореплаватель был убит. Командование экспедицией взял на себя Чарльз Клерк. Пытаясь решить главную задачу экспедиции — поиск северо-западного прохода — Клерк вновь отправился на север Тихого океана. В апреле 1779 года англичане посетили Петропавловский порт на Камчатке. Здесь их благосклонно встретил главный командир Камчатки премьер-майор М.К. Бем, знавший немецкий язык, через который он общался с англичанами. По просьбе Клерка М.К. Бем снабдил экспедицию продуктами питания и инструментами⁵². В мае 1779 года англичане вновь вышли в море. Однако, экспедицию преследовали неудачи. Корабли едва не были затерты льдами вблизи Чукотки. На обратном пути капитан Чарльз Клерк умер. В августе 1779 года «Резолюшн» и «Дискавери» вернулись в Петропавловский порт, где с воинскими почестями похоронили капитана Клерка. Новый главный командир Камчатки В.И. Шмалев распорядился снабдить англичан необходимыми продуктами питания и припасами⁵³. О посещении Камчатки в Санкт-Петербург был направлен специальный рапорт, в котором указывалось: « В Петропавловскую гавань приходили сего 1779 апреля 18 дня корабль военных аглицких ... стояли до 5 июня запасались водой и припасы ... переписку имели с командиром Бемом и послали рапорт в сенат (и мы) ко двору нашему в за печатью. А хождение их для проведывания в северном полюсе ледовитого моря. Они были и на (Кенае) и дальних островах правее Аляски»⁵⁴. Выйдя из Камчатки в октябре 1779 года, экспедиция вернулась в Великобританию ровно через год в октябре 1780 года.

северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов. — М.: Наука, 1989. С. 181.

⁵² Рапорт главного командира Камчатки капитана В.И. Шмалева А.А. Вяземскому, 5 мая 1779 года // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов. — М.: Наука, 1989. С. 183–186.

⁵³ Там же, С. 186–188.

⁵⁴ Рапорт о посещении Петропавловска английской экспедицией, 1791 // РГА ВМФ ф. 913. Оп. 1. Д. 371. Л. 1.

За деятельностью третьей кругосветной экспедицией Кука внимательно следили в Испании. Еще до отправки английских кораблей «Резолюшн» и «Дискавери» в море, испанская агентура установила, что главной целью Кука являются поиски северо-западного прохода. По мнению испанского правительства это грубо нарушало интересы королевства, так как всё северо-западное побережье Северной Америки считалось владением Испании. 18 октября 1776 года король Испании Карл III распорядился при первой же возможности арестовать Кука и его людей, а потом предать их всех суду⁵⁵.

С целью воспрепятствовать проникновению англичан в район Верхней Калифорнии испанцы решили организовать очередную экспедицию на северо-запад Америки. Однако ее подготовка затянулась на несколько лет. Испанская экспедиция на двух фрегатах «Принцесса» и «Фаворита» вышла из Сан-Бласа лишь в феврале 1779 года, когда Джеймс Кук уже обследовал северо-запад Америки. После нескольких месяцев плавания вдоль северо-западных берегов Америки испанские мореплаватели Игнасио де Артеага и Бодега-и-Куадра в июле 1779 года достигли 61° с. ш. Там на берегу бухты острова Хинчинбрук у входа в залив Принц-Уильям они установили крест, объявив все эти земли владением Испании. Важно отметить, что это была самая северная земля, которую испанцы смогли посетить⁵⁶. В дальнейшем в своих территориальных претензиях они неоднократно ссылались на 61° с. ш., как северную границу своих владений. Еще более важным обстоятельством является тот факт, что русские мореплаватели считали эти территории своими. Напомним, что в ходе второй Камчатской экспедиции В. Беринг и А. Чириков достигли 55° с. ш.

В свою очередь это вызвало неподдельный интерес у англичан, которые активно включаются в общий колонизационный процесс. Так, английская кругосветная экспедиция Н. Портлока и Дж. Диксона на кораблях «Король Георг» и «Королева

⁵⁵ Альперович М.С. Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII века). — М.: Наука, 1993. С. 83.

⁵⁶ Там же. С. 84.

Шарлотта», имевшая цель исследование северо–запада Американского побережья, дважды попыталась обнаружить данные острова. Следует сказать, что это плавание имело большей частью торгово–промысловое направление.

Корабль «Король Георг» Диксона 8 мая находился в $17^{\circ}4' 129^{\circ} 57'$. В это время он попытался тщетно отыскать о. Рока Партида и, прекратив поиски, отправился на север вслед за Портлоком, где осуществлял поиск островов ЛосМахос и др. с 11 по 14 мая. Не обнаружив землю, Диксон предположил, что возможно правильно определив широту, испанцы ошиблись в определении долготы. Так как 15 мая местоположение корабля было определено шир. $20^{\circ} 9'$ д. $140^{\circ} 1'$ з. д., экспедиция отошла значительно западнее того места, где лежали острова, положенные на карты испанцами. В связи с этим Натаниэль Портлок и Джордж Диксон заключили, что испанские карты содержат значительные ошибки⁵⁷.

Через полгода в октябре на пути от берегов северо–западной Америки к Гавайским островам экспедиция Джорджа Диксона попыталась отыскать о. Санта Мария ла Горда, который, после того как Джеймсом Куком были открыты Гавайские острова, стал изображаться севернее них⁵⁸. В ходе плавания, в 1786 г. были совершены остановки в заливе Якутат. По возвращении из экспедиции участниками плавания была опубликована книга с прилагаемыми картами, на которых было изображено побережье северо–запада Америки. Книга была переведена на немецкий язык, проиллюстрирована гравюрами и дополнительными картами⁵⁹.

⁵⁷ Dixon G.A. Voyage Round the World, but more particularly to the North West Coast of America: performed in 1785, 1786, 1787 and 1788. — London, 1789. P. 47, 49.

⁵⁸ Cook J. General chart Cook voyages // King J. Voyage to the Pacific Ocean, undertaken by the Command of His Majesty, for making discoveries in the Northern Hemisphere. Performed under the direction of Captains Cook, Clerke and Gore, in His Majesty's ships the Resolution and Discovery, in the years 1776, 1777, 1778, 1779 and 1780. — London, 1785.

⁵⁹ Beresford W. Der KapitanePortlock's und Dixon's Reise um die Welt besonders nach der Nordwestlichen Küste von Amerika während der Jahre 1785 bis 1788 in den Schiffen King George und Queen Charlotte. Berlin, 1790. 314 s.

Таким образом, во второй половине XVIII в. на территории северо–запада Тихого океана претендовали сразу три державы — Россия, Испания и Великобритания. Россия, в результате активного освоения Курильских и Алеутских островов считала их своими территориями.

Российское правительство и частные купеческие компании имели общие цели, связанные с исследованием и присоединением новых территорий. Великобритания, организовавшая три кругосветные экспедиции под руководством Джеймса Кука и распространившая свое влияние на восточном побережье Северной Америки, стремилась потеснить Испанию и Россию на тихоокеанском севере. В Великобритании предполагали найти проход в Арктическом океане, пройдя 70° с. ш. В условиях активизации представителей России у берегов Аляски, Испания стремилась укрепить свои позиции в Калифорнии. И Россия, и Великобритания, и Испания рассматривали друг друга в качестве соперников. При этом в России полагали, что именно от Великобритании можно ожидать наибольшую угрозу. В отличие от англо–испанского военного соперничества Россия оставалась в стороне от открытого конфликта.

ГЛАВА 3

СОЮЗНИК НА ЗАПАДЕ, СОПЕРНИК НА ВОСТОКЕ: РОССИЯ, «ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС» И «БОЛЬШАЯ ИГРА» В ЭПОХУ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

Л.Р. Сабитова

Наполеоновские войны — массивный исторический пласт, давно привлекающий к себе пристальное внимание историков. Участие России в этих событиях также не перестает быть объектом исследования. Перипетии европейской и российской дипломатии, смена внешнеполитических ориентиров, превращение союзников во врагов и наоборот, досадные поражения и яркие победы, наконец, Отечественная война 1812 г., казалось бы, изучены вдоль и поперек. Однако нельзя не признать, что большей частью объектом исследования становились европейские события. Вместе с тем, приходит постепенное осознание того, что корни противоречий России с ведущими европейскими державами, в первую очередь Англией и Францией, не в последнюю очередь стоит искать не в Европе, а в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке.

Именно эти территории были «яблоком раздора», проверявшим на прочность европейские союзы. Именно «восточную карту» предпочитал разыгрывать Наполеон, желая сравнить между собой участников очередной коалиции. В первую очередь подобную политику болезненно ощущала Россия, которой пришлось вести затяжную войну еще на два восточных фронта: с Османской империей и Ираном. Причем оба конфликта, при явном перевесе сил в пользу России, длились исключительно долго: война с Портой,

шедшая с 1806 г., закончилась в мае 1812 г., буквально накануне вторжения Наполеона, а противостояние с Ираном, начавшееся еще в 1804 г., завершилось только в 1813 г., уже после изгнания «Великой армии» из России. Совершенно очевидно, что в подогревании конфликтов и затягивании переговоров были замешаны третьи силы, а именно Англия и Франция.

Чтобы понять истоки противоречий, стоит сделать анализ предшествующих событий.

Блестящая победа России в ходе русско–турецкой войны 1768–1774 гг. стала переломным моментом для восточной политики европейских государств. В зарубежной историографии эти события принято рассматривать в качестве точки отсчета в хронологии «Восточного вопроса»¹. Следует отметить, что особое внимание современников привлекли успешные и масштабные наступательные действия военно–морских сил России в Восточном Средиземноморье. В то время, как европейцы стремились к укреплению своего политического и экономического влияния в Стамбуле, Россия сделала ставку на прямой захват ряда османских территорий. Причем, если стремление Петербурга освободить православных братьев–христиан на Балканах на Западе могли понять², то поддержка российским командованием связи

¹ Macfie A.L. The Eastern Question, 1774–1923. L.; N.Y.: Taylor&Francis, 1989. P. 2–4. В свою очередь, в современной отечественной историографии наметилась тенденция оценивать планы Екатерины II на «южном векторе» имперской внешней политики с использованием более значительного странственного термина: «русское Средиземноморье». В 2000–х гг. при поддержке Российского гуманитарного научного фонда были даже организованы экспедиции историков и искусствоведов на острова Эгейского моря и юг Пелопоннеса с целью проанализировать место Архипелагской экспедиции в политической и культурной истории России и Средиземноморья — см., например: *Smilyanskaya E.* Russian Warriors in the Land of Miltiades and Themistocles: the Colonial Ambitions of Catherine the Great in the Mediterranean. National Research University «Higher School of Economics», 2014. P. 6–13.

² См., например: *Смилянская И.М.* «Приуготовления» к русско–турецкой войне 1768–1774 гг.: российские эмиссары в Греции и на Балканах // Восточный архив. 2009. №2 (20). С. 40–51; *Велижев М.Б., Смилянская И.М., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М.: Индрик, 2011. С. 38–55.

с сепаратистски настроенными правителями Египта и Сирии³, равно как и стремление аннексировать Крым, давали европейским политикам убедительный повод предполагать наличие у России масштабных завоевательных планов в отношении своего южного соседа.

Однако на этот раз Россия ограничилась внушительной демонстрацией своих сил. Согласно Кючук–Кайнарджийскому мирному договору (1774), она возвращала Блистательной Порте все острова Архипелага, которые европейские газеты уже называли «новым Кронштадтом»⁴. Помимо этого, мирные статьи предусматривали включение в состав России Крыма и Северного Причерноморья, что позволило приступить к строительству мощного военного флота на верях Севастополя и заявить о претензиях на выход в акваторию Средиземного моря. Петербург получил от Порты ряд торговых привилегий. Особым ударом по престижу и традиционному влиянию Франции в этом регионе стал переход под покровительство России православных подданных султана — с XVI века все христиане Османской империи пользовались исключительным покровительством французского короля. Таким образом, европейские державы получили нового, весьма достойного соперника на османском Востоке⁵.

³ Письмо графа А.Г. Орлова к египетскому паше Али–бею // Русский архив. 1880. Т. 3. № 11. С. 245–247.

⁴ Стоит, впрочем, отметить, что официальный «уход» России из Средиземного моря по факту распространялся лишь на военно–морские силы. После заключения мира центром русского присутствия в Архипелаге вместо Пароса стал остров Миконос, куда в 1776 г. был назначен российский консул граф И.В. Войнович. Консулы остались и в других частях Средиземноморья — Италии (Венеция, Пиза, Неаполь, Тоскана), Сирии, Египте, Марокко — см.: *Ари Г.Л.* О русской системе «покровительства» и о некоторых ее социально–экономических и политических последствиях для населения Балкан (конец XVII — начало XIX вв.) // *Etudes Belkaniques*. 1975. Vol. 2. С. 108–127; *Кадьрбаев А.Ш.* Иностранцы на российской службе в Средиземноморье в эпоху Екатерины Великой // *Восточный Архив*. 2007. № 16. С. 4–10.

⁵ Кючук–Кайнарджийский мирный договор между Россией и Турцией / Под стягом России: Сборник архивных документов. М.: Русская книга, 1992. С. 78–82.

Для Англии и Франции самым неприятным было то, что что настойчивые попытки навязать Петербургу сценарий переговоров и заключение мира при их посредничестве не помешали российским военным и дипломатам действовать самостоятельно и независимо. Однако подобная ситуация ни Париж, ни Лондон совершенно не устраивала. Новый повод для вмешательства в расстановку сил на Востоке им дала следующая русско–турецкая война 1787–1791 гг.

Впрочем, и здесь не все пошло по плану. Уже в 1789 г. начавшаяся революция во Франции, по сути дела, вывела эту державу из игры. Поддержка Османской империи теперь зависела от Англии. Премьер–министр, Уильям Питт–младший, был настроен очень решительно. Тем более, что Россия, помимо постоянной демонстрации независимой политики, не поддержала Англию во время войны Североамериканских колоний за независимость. Так что Англия стремилась сколотить антирусскую коалицию в союзе с Пруссией и Австрией, грозила демонстрацией силы в Черном и Балтийском морях. Главным требованием было заставить Россию отдать крепость Очаков — так называемое «Очаковское дело» 1791 г.⁶ В случае непринятия английских условий, Питт предполагал начать войну с Россией. Однако его план с треском провалился — Парламент отказался выделять деньги на подобную авантюру, члены собственного Кабинета не поддержали, а лидер оппозиции Ч. Дж. Фокс высмеял саму идею конфликта с государством, являвшимся одним из главных торговых партнеров Англии. В итоге, Россия снова закончила войну на своих условиях⁷.

После заключения мира в Яссах (1791) обстановка на османском Востоке изменилась в лучшую сторону. На несколько лет в регионе воцарился мир. Новый султан Селим III, сторонник просвещенных реформ по европейскому образцу, занялся

⁶ См. подробнее: *Сабитова Л.Р.* Начало англо–русского противостояния в рамках «Восточного вопроса» («Очаковский кризис» 1791 г.) // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. 2014. Т. 14. Вып. 4. С. 77–81.

⁷ *Jarret D.* Pitt the Younger. N.Y., 1974. P. 156–157; *Reilly R.* Pitt the Younger. L., 1978. P. 184.

преобразованиями в своей стране. Этому способствовала международная ситуация — Англия и Франция были заняты противостоянием на европейском континенте и в Западном Средиземноморье. В то же время, с Россией отношения стали налаживаться, чему способствовала отправка в турецкую столицу выдающихся военных и дипломатов — М.И. Кутузова, В.П. Кочубея, В.С. Томары.

Вместе с тем, было бы неправильным полагать, что отголоски Французской революции не докатились до Востока. Османской империи пришлось приложить немало усилий для того, чтобы сохранять нейтралитет. Дипломатов монархий совершенно не устраивало присутствие в Стамбуле представителей революционной Франции. Турецкая сторона объясняла подобную ситуацию своим безразличием к государственному устройству дружественных держав и равным уважением ко всем «гостям»⁸. Представитель Республики был признан и получил право располагаться в здании старого французского посольства.

Впрочем, вскоре чрезмерная воинственная активность французской стороны стала доставлять султанским властям немало неудобств. Франция упорно хотела связать Порту военным альянсом, к примеру, против России, чтобы помочь восстанию Т. Костюшко в Польше (1794). Однако ни убеждение французских дипломатов, ни разглагольствования польских эмиссаров «не поколебали местных бород»⁹. Гораздо больше их волновала возможность распространения революционных идей на христианских территориях, в частности, Греции¹⁰. На фоне сближения с Россией, обозначилась явная тенденция на конфронтацию с новой, агрессивной Францией. Окончательно ситуацию разрешил в 1798 г. Восточный поход Наполеона Бонапарта.

⁸ Миллер А.Ф. Мустафа-паша Байрактар. М.; Л.: Изд-во академии наук СССР, 1947. С. 82.

⁹ Николаенко П.Д. В.П. Кочубей — полномочный министр России в Турции // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 4. № 4. С. 12.

¹⁰ В частности, не мог не настораживать переход под власть Франции островов Ионического архипелага по Кампо-Формийскому миру 1797 г.

Данная военная авантюра может рассматриваться в разном контексте. С одной стороны, Директория хотела на время избавиться от слишком активного и успешного генерала, и поэтому одобрила его план экспедиции. С другой стороны, имеется довольно доказательств тому, что Наполеон считал контроль за территориями, куда он направлялся, исключительно важным. Как бы то ни было, вторжение французской армии на территорию Османской империи — нейтрального государства — спровоцировало реакцию европейских государств, создание новой антифранцузской коалиции и перенесение театра военных действий из Европы и колоний на территорию Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока.

Вторая антифранцузская коалиция стала весьма «разношерстной» по составу и совершенно необычной по заключаемым союзам. Помимо ряда европейских государств, сюда вступила Россия, недовольная захватом Мальты и Ионических островов, и Османская империя, при помощи сильных союзников планировавшая вернуть захваченные французами Египет и Сирию. Первый раз Порты изменяла своим принципам и вступала в открытый военный альянс с «неверными». Более того, главным ее союзником становился традиционный враг — Россия. В сентябре 1798 г. эскадра Ф.Ф. Ушакова прибыла на Босфор для соединения с турецким флотом¹¹.

Впрочем, уже через год разногласия с европейскими союзниками побудили русского царя выйти из коалиции, а захват Мальты и вовсе повлек за собой разрыв отношений с Англией и сближение с Францией, куда смог вернуться генерал Бонапарт. Дело шло к англо-русскому столкновению¹², которое предотвратило лишь убийство Павла I в марте 1801 г.

¹¹ Российский канцлер А.А. Безбородко отметил по этому поводу: «Надобно же вырасть таким уродам как французы, чтоб произвести вещь, какой я не только на своем министерстве, но и на веку своем видеть не чаял, то есть: союз наш с Портою и переход флота нашего через канал» // А.А. Безбородко — С. Р. Воронцову, 26 (15) августа 1798 г. Архив кн. Воронцова... Т. 13. С. 405.

¹² Имеется в виду возрождение Лиги Вооруженного нейтралитета Севера — направленный против Англии союз Балтийских держав: Дании, Швеции и России, который впервые был сформирован в 1780 г. по инициативе Екатерины II.

После того, как коалицию покинули такие существенные силы, как Австрия и Россия, Англии пришлось заключить вынужденный (и единственный за весь период Революционных и Наполеоновских войн) мир во французском Амьене в марте 1802 г. Его статьи предполагали возвращение к довоенному положению на Ближнем Востоке и в Восточном Средиземноморье. Как английские, так и французские войска обязаны были покинуть османский Египет, с Мальты британский гарнизон выводился, она получала фактически независимый статус¹³. Признана была только созданная в 1800 г. под совместным протекторатом России и Турции Республика Семи Соединенных островов¹⁴.

Амьенский мир позволил, по крайней мере на бумаге, завершить вооруженное противостояние в этом регионе. После возвращения Наполеона из Египта фокус событий сместился на европейский континент. Однако призрак французской угрозы на Востоке уже не оставлял английское руководство. Причина понятна — через эти территории открывался короткий путь на Индию. С этого момента англичане начинают внимательно следить за тем, чтобы никакая держава не могла установить над ними свой контроль. Именно этим весьма умело пользовался Наполеон в течение последующего десятилетия, играя на английских тревогах.

Для начала, французский Первый консул сделал ряд шагов для примирения с султаном и восстановления того дипломатического влияния Парижа в Стамбуле, которое было подорвано после вторжения французских войск во владения Османской империи. В 1802 г. турками были восстановлены торговые привилегии Франции. В распоряжение султана направлялись

¹³ На момент подписания договора, новый российский император Александр I уже отказался от титула магистра и снял со своего герба орденскую символику, чем так дорожил его отец Павел I.

¹⁴ The articles of the definitive treaty of peace between His Majesty the King of the United Kingdom of Great Britain and Ireland (on one part) and the French Republic, of His Majesty the King of Spain and the Indies, and the Batavian Republic (on the other part) signed at Amiens, March 27, 1802 by Cornwallis, Bonaparte, Azara, Shimmelpenick. L., 1802. P. 9–14.

французские специалисты для содействия в проведении внутривнутриполитических реформ, и, прежде всего, для реорганизации турецкой армии и флота¹⁵. Чуть позже, Селим III признал императорский титул Наполеона. Таким образом, очень скоро французские дипломаты стали вновь достойными соперниками для русских и англичан.

Англии оставалось только ревниво наблюдать за развитием ситуации. Что же касается России, то в начале царствования Александр I придерживался политики строгого нейтралитета, лишь показывая готовность выступать в качестве посредника между Великобританией и Францией. Только в 1804 г., после убийства герцога Энгиенского, произошел разрыв франко-русских отношений, что предопределило возникновение англо-русского союза и вступление России в новую антифранцузскую коалицию¹⁶. Это, впрочем, не помешало в 1805 г. продлить на девять лет союзный договор с Турцией.

Наполеон отреагировал на эти события очень быстро. В 1806 г. в Стамбул был направлен новый, крайне энергичный и деятельный французский посол — генерал Орас Себастиани (1772–1851). Его задачей было добиться возникновения антирусских, реваншистских настроений, убедить султана, что война с Россией выгодна, а победа, в союзе с Францией, возможна. В скором времени на русско-турецкой границе начало возникать напряжение. В Дунайских княжествах (Молдавия, Валахия) господа, пользовавшиеся покровительством России, были смещены и заменены ставленниками Стамбула. По австро-французской конвенции 1806 г. допускался проход французских войск в Истрию и Далмацию через территорию Австрии, что давало повод предполагать, что Молдавия и Валахия включены в сферу интересов Наполеона. В ответ на эти недружественные акции Александр I решил пойти на превентивный шаг и отдал приказ ввести на территорию княжеств русские войска. Главам

¹⁵ *Виноградов В.Н.* Балканский плацдарм Наполеоновской эпопеи // Новая и новейшая история, 2010. № 6. С. 150.

¹⁶ *Орлов А.А.* Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М.: «Прогресс-традиция», 2005. С. 23.

дипломатических представительств в Петербурге эти действия объяснялись как вынужденная мера, предпринятая в целях ограждения собственных границ, а также принуждения Турции к выполнению союзного договора¹⁷. Однако в Стамбуле и Париже позиция России была расценена как агрессивная. Порта использовала её как *casus belli* и объявила недавнему союзнику войну.

Англия, которая до этого старалась связать Россию договорами (1803, 1804), гарантировавшими целостность османских владений, не могла расценивать позитивно сложившуюся ситуацию. Однако британское правительство было заинтересовано только в одном — сохранить союз с Россией, и понимало, что в свою восточную политику она никому не даст вмешаться. Как писал министр иностранных дел лорд Малгрейв, «необходимо отбросить старые обиды и сосредоточиться на гораздо более глобальной опасности для всего континента, которая может привести к непредсказуемым последствиям»¹⁸. Чуть позже, Ч. Дж. Фокс заявил, что в случае войны Турции и Франции против России, Англия должна поддержать последнюю¹⁹. Однако британские послы в Петербурге (Л. Гоуэр), Вене (Р. Эдейр) и Стамбуле (Ч. Арбутнот) высказались против этого предложения. По мнению дипломатов, победа России над Турцией была неизбежна и должна была привести к новому отторжению больших территорий от дряхлеющей мусульманской империи. Все это могло заставить Россию отвлечься от войны на Западе. Лучшим способом охладить пыл турок, считали британские представители, будет доказать мощь России в Европе²⁰.

¹⁷ Гулиа Д.Г. К истории Восточного вопроса: русско–турецкая война 1806–1812 гг. и Англия. Сухуми, 1978. С. 31.

¹⁸ Mulgrave to Harrowby, October 27, 1805 / *Select Dispatches Relating to the Formation of the Third Coalition Against France, 1804–1805*. Ed. By J. H. Rose. London, 1904. P. 207.

¹⁹ Fox to Gower, April 29, 1806 / *Ingram E. The Aspiring Buffer State: Anglo–Persian Relations in the Third Coalition, 1804–1807* // *The Historical Journal*, 1973. Vol. 16. №3. P. 523.

²⁰ Представления об этой мощи были подорваны после битвы при Аустерлице 2 декабря 1805 г. Тот факт, что французская армия на данный момент оказалась сильнее российской, сыграл не последнюю роль в отходе султана от только что заключенного союзного договора с Россией.

Как бы то ни было, английскому послу в Стамбуле в середине января 1807 г. были даны указания, что Великобритания должна посредничать в русско–турецких переговорах, причем таким образом, чтобы удовлетворить претензии царя. Однако, прежде чем английские намерения смогли быть осуществлены, Турция разорвала союзные отношения и с Великобританией, закрыв для её кораблей Проливы.

Столь категоричная демонстрация внешнеполитических приоритетов для самой Турции была более чем невыгодна, учитывая внутренние осложнения: сепаратизм в провинциях, восстания янычар, смену султана. Мустафа IV, сменивший свергнутого реформатора Селима III, торжественно обещал сохранить в стране старые порядки и отказаться от реформ по европейскому образцу, но дал понять, что внешнеполитическую ориентацию — на союз с Францией — менять не собирается. Жёсткость позиции Турции привела к существенным коррективам внешнеполитического курса европейских держав. В первую очередь, резко ухудшились англо–русские отношения. Поводом для этого стала неудача совместных манёвров русской и британской эскадр в зоне Проливов в 1807 г.²¹ Однако вскоре у Великобритании отпала необходимость в антирусских интригах. Тильзитский мир 1807 г. сделал Россию её официальным врагом, примкнувшим к Континентальной блокаде. Теперь Наполеон предлагал России свое решение Восточного вопроса и открытый раздел османских владений, в то время как Англия стремилась сохранить их целостность.

Англо–турецкие отношения были восстановлены в январе 1809 г. после подписания мира в Дарданеллах. Русско–турецкая война, напротив, была далека от завершения. Несмотря на победоносные действия русских войск и ряд перемирий, заключение окончательного мирного договора затягивалось. Немалую роль в проведении такой политики сыграли французские дипломаты, обещавшие туркам реальную военную помощь от Наполеона. На деле французский император просто использовал Османскую

²¹ *Станиславская А.М. Русско–английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807)*. М.: Изд–во академии наук СССР, 1962. С. 464.

империю с тем, чтобы Россия «увязла» в восточных делах и не вмешивалась в западные.

Такое положение дел никак не устраивало Англию, которая остро ощущала нехватку России как союзника в Европе, где члены антифранцузских коалиций один за другим терпели поражение от Наполеона. Поэтому англичане видели свою задачу в том, чтобы способствовать завершению русско–турецкой войны и убедить обе стороны в ненадежности Франции как союзника. Выполнение этой задачи было возложено на молодого английского посла в Стамбуле Стратфорда Каннинга.

Впоследствии знаменитый своей русофобской позицией в Восточном вопросе, в ходе своей первой миссии в турецкую столицу в 1808–1812 гг. этот дипломат волею судьбы оказался миротворцем. Каннингу удалось смягчить упрямство турок и убедить их, что завершение войны — в интересах их государства. В то же время, контактировать с русской стороной представлялось крайне затруднительным: официально Англия и Россия находились в состоянии войны. Тем не менее, Каннинг нашел способ переписки с дипломатами других держав, находившихся в Петербурге, в ходе которой он излагал свои взгляды. Скоро русскому императору, а затем и султану, стало известно о мирных инициативах английского посла в Стамбуле. В итоге, обе стороны известили Каннинга об отправке своих дипломатов в Бухарест и выразили желание иметь его неофициальным консультантом в переговорах²². После подписания договора Александр I отправил английскому послу усыпанную бриллиантами табакерку со своим портретом, и письмо–благодарность «месье де Каннингу». Еще одну благодарность русский царь выразил новому главе Форин Оффиса, лорду Кастрли²³.

Подводя итог противостоянию на османском Востоке в 1806–1812 гг., можно сказать, что Бухарестский мир стал не просто соглашением России и Турции, но и результатом ожесточенной

²² *Byrne L.G.* The Great Ambassador. Ohio State University Press, 1964. P. 55.

²³ *Manole A.L.* Towards the Russo–Ottoman Peace (1810–1812): a Difficult Beginning of Diplomatic Career for the British Ambassador Stratford Canning // *Research&Science Today*, 2012.№3. P. 28–29.

борьбы европейских дипломатов за влияние на обе стороны конфликта. Искусственное затягивание Францией войны привело к усугублению русско–французских противоречий. Англичане же смогли вывести Турцию из–под французского влияния и склонить ее к финальной стадии переговоров с Россией. Россия оценила эту помощь, вернувшись в стан противников Наполеона. Таким образом, дипломатическое поражение французов на Востоке стало, полностью следуя английским расчетам, залогом их военного поражения на Западе.

Война с Османской империей оказалась не единственной, в которой Россия надолго «увязла» по вине западных держав. Еще раньше, в 1804 г., началась война с Ираном. Здесь за сложившуюся ситуацию ответственность скорее несла Англия.

Как известно, запланированные Наполеоном и Павлом I походы в Индию в итоге не состоялись. Тем не менее, англичан эти планы сильно насторожили. Внешняя угроза, которая ранее оценивалась как гипотетическая, отныне стала вполне реальной. Наибольшая опасность, по мнению британских политиков, исходила от России. В Лондоне были вынуждены задуматься над принятием превентивных мер. К рубежу XVIII–XIX столетий относятся начальные проекты создания «щита» от России в Азии, который позже войдет в историю как «Большая игра».

Еще после вторжения Наполеона в Египет, ряд мер был принят англичанами для того, чтобы, если не отразить атаку, то держать ситуацию под контролем. Прежде всего это касалось отправки британских агентов в ближневосточный регион (Багдад, Басра), чтобы не дать распространиться там французскому влиянию. Помимо провинций Османской империи, стоял вопрос и о том, чтобы отправить дипломатов в соседний Иран. Так, посол Великобритании в Стамбуле, лорд Элджин, отмечал в донесениях правительству, что если не приложить усилия для обеспечения своего влияния в Иране, то это сделают французы, и выбить их оттуда будет уже сложнее. Тем не менее, британское правительство осторожничало, памятуя о том, что установление тесных отношений с Ираном может повлиять на отношения Великобритании с ее союзниками по второй антифранцузской

коалиции — Россией и Османской империей, обе из которых с Ираном конфликтовали²⁴.

Тем не менее, в 1800 г. в Тегеран был отправлен британский агент Джон Малкольм. Он заявлял, как важен для Великобритании союз с Ираном, изгнание оттуда французов, даже спрашивал, не отдаст ли шах англичанам остров в Персидском заливе для использования в качестве военной базы. В итоге, был заключен договор, в котором с восточной витиеватостью провозглашалась дружба и взаимопомощь двух государств, а также обязательство военной помощи в случае нападения²⁵. Последнее обстоятельство англичане рассматривали как ни к чему не обязывающее, однако нельзя было сказать то же самое о планах иранского шаха.

Ситуация на Кавказе на рубеже XVIII–XIX веков складывалась не лучшим для Ирана образом, грозя потерей вассалов на северных границах. По Георгиевскому трактату 1783 г. под российским протекторатом оказалась Грузия. В 1796 г. войска шаха ворвались в Тбилиси, стремясь вернуть ситуацию под свой контроль, и развязали конфликт с Россией, но смерть Екатерины II и отвлечение Павла I на дела антифранцузской коалиции на Западе на время заморозили его. В 1800 г. Грузия вошла в состав России. Для ее защиты России необходимо было контролировать соседние мусульманские ханства, для захвата которых в 1802 г. на Кавказ был отправлен генерал П. Цицианов. К 1804 г. конфликт между Россией и Ираном возобновился.

Казалось бы, война с превосходившей Иран по военной мощи Россией была необдуманном шагом со стороны шаха. Однако он не собирался воевать один. В отличие от своего соседа — Османской империи — метавшейся весь период Революционных и Наполеоновских войн от одного союзника к другому, шах Фетх-Али Каджар довольно быстро нашел естественного союзника для своей страны. Он смог понять, что Иран, по сути дела,

²⁴ *Ingram E.* The Aspiring Buffer State: Anglo–Persian Relations in the Third Coalition, 1804–1807 // *The Historical Journal*, 1973. Vol. 16. № 3. P. 512.

²⁵ *Malcolm Treaty of 1801 / Amini I.* Napoleon and Persia: Franco–Persian relations under the First Empire. Washington, D.C.: Taylor & Francis, 2000. P. 43.

был зажат между двумя колоссами — наступающей с севера Россией и Великобританией, стремившейся оберегать путь в Индию на юге. Далеко не все британские политики считали невозможным план Павла I отправить казаков в Индию, и по британским расчетам, их путь должен был пролегать именно через Кавказ²⁶. Получалось, что Великобритания была заинтересована в том, чтобы помочь Ирану остановить продвижение России в регионе. Именно Великобритания должна была стать для шаха постоянным союзником, а не Франция, так как интересы французов заключались лишь в том, чтобы стравить своих европейских врагов на Востоке, а за Англией стояла империя в Азии, и ее интересы в этом регионе были постоянными. Оставалось только найти повод уцепиться за предложение английской помощи. Он появился очень скоро.

В 1804 г. Сэмюэль Мэнести, английский резидент в Басре, прибыл к шахскому двору с тем, чтобы объяснить смерть иранского посла в драке в Бомбее. Помимо своей официальной миссии, он предпочел выразить от имени Великобритании заинтересованность в демаркации русско–иранской границы и предложить устроить перемирие с Россией. В ответ шах отменил всякие сомнения в боеспособности иранской армии, но внес встречное предложение Мэнести: отправиться в Петербург и выступить от имени Великобритании на стороне Ирана. Тот согласился и предлагал простое решение: Иран признает вхождение Грузии в состав России, Россия уходит из ханств. Иначе, по его мнению, победа России и ее дальнейшее продвижение на юг были неизбежны, и английские интересы в Азии оказывались под угрозой²⁷. Однако полномочий на подобные действия Мэнести не имел, и в Лондоне к его предложению отнеслись равнодушно.

Зимой 1804–1805 гг. Фетх-Али предпринял попытку подтолкнуть англичан к действиям, сначала предложив план

²⁶ *Ingram E.* From Trade to Empire in the Near East — III: the Uses of the Residency at Baghdad, 1794–1804 // *Middle Eastern Studies*, 1978. Vol.14. № 3. P. 287, 291.

²⁷ *Manesty to Castlereigh*, September 23, 1804 / *The Memoranda and Correspondence of Robert Stuart, Viscount Castlereigh, 3rd Marquis of Londonderry*. London, 1848–1854. Vol. 5. P. 342.

совместных военных действий против России, а затем намекнув им, что получил предложение о союзе от Франции²⁸. На самом деле, в декабре 1804 г. шах сам отправил запрос о возможности союза через французское посольство в Стамбуле. В то же время, в январе 1805 г. он постарался открыть переговоры с британским правительством, теперь через представителя в Багдаде сэра Харфорда Джонса. Тот заявил, что отправил иранские предложения в Лондон, но ответа не получил. Поверхностно относясь к договору Малкольма 1801 г., он, тем не менее, напомнил о нем шаху и рекомендовал не принимать французского посла.

Реакция Ирана на подобное заявление оказалась предсказуемо негативной. Желая усилить давление на Великобританию, в сентябре 1805 г. шах принял в столице французского представителя Александра Ромье. Обстоятельные переговоры, правда, не состоялись — француз умер вскоре после своего приезда. Однако тем временем выяснилось, что французская сторона оказалась более заинтересована в альянсе с Ираном, чем предполагал даже сам Фетх-Али²⁹. Сбывались предсказания лорда Элджина — французы решили создать проблему на Востоке, отвлекая от европейского театра военных действий Россию и создавая связанное с Индией беспокойство для Великобритании.

В свою очередь, Иран хотел не сражаться на периферии европейской войны, а извлечь из нее выгоду для себя. В октябре 1805 г. Фетх-Али вновь обратился к Джонсу, заметив, что интересы французов в Иране напрямую связаны с Индией. В данный момент, шаху не столь важны были условия мира с Россией, сколько сам факт, что Великобритания выступит на его стороне. В итоге, он даже предложил ничего не обещать французам, пока ему не ответят англичане. Джонс перенаправил информацию в Лондон и предупредил свое начальство, что в течение трех месяцев вопрос о франко-иранском альянсе будет решенным делом.

В Лондоне тем временем планировали отправить посла в Петербург и выяснить приемлемые для царя условия, затем

²⁸ *Driault E.* La Politique Orientale de Napoleon: Sebastiani et Gardane, 1806–1808. Paris, 1904. P. 172.

²⁹ *Puryear V.* Napoleon and the Dardanelles. Berkeley, 1951. P. 41–60.

отправить представителя в Тегеран и убедить шаха принять их (то же предполагалось сделать и в отношении султана). Однако пока миссия задерживалась, по британским позициям в 1807 г. был нанесен сразу тройной удар. С одной стороны, Османская Порта, окончательно избрав профранцузскую ориентацию, объявила войну Великобритании. С другой стороны, подписание Тильзитского мира сделало Россию ее официальным врагом и участником Континентальной блокады. Наконец, Франция до этого все-таки заключила в Финкенштейне (Восточная Пруссия) договор с Ираном. В этой ситуации Великобритании оставалось только демонстрировать свою незаинтересованность в делах Востока, чтобы не дать французам новых средств влияния.

Тем временем, договор Фетх-Али с Наполеоном признавал целостность Ирана и его право на территорию части Грузии, Северного Кавказа и Закавказья, и обязывал французскую сторону предпринять все возможные усилия, чтобы вернуть эти территории шаху, в частности, снабдить иранскую армию оружием, отправить офицеров-инструкторов и инженеров. В свою очередь, Иран обязывался объявить войну Великобритании, изгнать всех британских подданных и при необходимости открыть французам путь на Индию через территорию своей страны.

Уже 4 декабря 1807 г. 70 французских специалистов, возглавляемых генералом Гарданом, прибыли в Тегеран. Они поступили в распоряжение наследника престола Аббас-Мирзы хана. В ноябре 1808 г. иранские войска в результате французской выучки успешно отбили русскую атаку на Эривань. В то же время, в Исфахане удалось произвести несколько пушек европейского образца³⁰. Казалось бы, франко-иранский союз довольно эффективно заработал. Однако ему не суждено было долго продлиться. Виной тому стало демонстративное примирение Франции и России в Тильзите. Наполеон не сделал ничего, чтобы отстоять интересы Ирана (как и Османской империи), что, по мнению шаха, говорило о его вероломстве. Уже осенью

³⁰ *Amini I.* Napoleon and Persia: Franco-Persian relations under the First Empire. Washington, D.C.: Taylor & Francis, 2000. P. 164, 167.

1808 г. иранский посол прибыл в Париж с целью денонсировать союзный договор³¹.

Таким образом, политическая ситуация в Европе возвращала Иран на изначально запланированные, пробританские позиции. И теперь британские политики с гораздо большей заинтересованностью отнеслись к восстановлению своих потерянных позиций на Востоке. В 1808 г. в Иран был отправлен сначала Дж. Малколм, затем Х. Джонс, который подписал предварительный договор 15 марта 1809 г. Среди его пунктов было обязательство обучить 16 тысяч иранских солдат и оказать денежную помощь Ирану (100 тысяч фунтов стерлингов) в случае нападения на него какой-либо из европейских держав³². К 1810 г. французских специалистов сменили английские, модернизацию иранской армии теперь возглавил английский офицер Г. Линдсей Бетюн. В Лондон был отправлен посол шаха Хаджи Мирза Абул-Хасан хан.

Тем не менее, когда в июле 1812 г. между Великобританией и Россией были восстановлены союзнические отношения, официальный Лондон занял прямо противоположную позицию в отношении последнего оставшегося на Востоке конфликта. Новый посол при шахском дворе, сэр Гор Оусли, получил указания содействовать скорейшему завершению войны и выступить посредником в русско-иранских переговорах. При этом, основной задачей было подписать мирный договор в целом, без уточнения деталей. После поражения при Асландузе в конце октября 1812 г., когда в плен чуть не попал наследник престола Аббас-Мирза, Фетх-Али вынужден был пойти на окончательные мирные переговоры с Россией³³.

Таким образом, войны России с Ираном и Османской империей в начале XIX века продолжались так долго, потому что Россия, на правах очевидного победителя, не желала уступать

³¹ Sicker M. The Islamic world in decline: from the Treaty of Karlowitz to the Disintegration of the Ottoman Empire. Westport: Praeger, 2001. P. 97–98.

³² Anglo-Iranian Relations since 1800. Ed. by V. Martin. Routledge, 2013. P. 42.

³³ См. подробнее: Сабитова Л.Р. Начало «Большой игры»: британские интересы в русско-иранской войне 1804–1813 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. № 1 (99).

и получить меньше ожидаемых выгод, а восточные государства надеялись на помощь европейских стран (Франции, Великобритании) и тянули время. В отличие от Османской Порты, ориентировавшейся на текущую международную ситуацию, Иран правильно определил естественного союзника, но избрал неверную линию поведения. Шах хотел навязать англичанам союз, убедить их, что Индии угрожают французы, вместо прямого обращения за посредничеством в конфликте с Россией. Подписание договора с французами имело целью активизировать англичан в регионе. Шах ожидал значительных выгод, политических и материальных, от союза с Великобританией. Однако в период Революционных и Наполеоновских войн интересы Великобритании на Востоке только оформлялись и отодвигались на второй план, по традиции уступая европейским. Так что при заключении Гюлистанского мира 1813 г. шаху пришлось уступить России, которая тогда — в момент наступления союзников в Европе и победы коалиции — была Великобритании слишком нужна, чтобы не считаться с ее интересами.

ГЛАВА 4

РУССКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В АНГЛИИ В ЭПОХУ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН В 1808–1812 гг.

А.А. Орлов

В последнее время в России активно изучаются различные аспекты истории военного плена применительно к тем или иным войнам, которые вела наша страна. 200-летний юбилей наполеоновских войн и Отечественной войны 1812 года способствовал публикации большого количества исследований о французских военнопленных в России. Существуют отдельные работы о русских пленниках во Франции. Американский историк У. Смайли опубликовал книгу (на материале XVIII–XIX вв.) о россиянах в османском плену и о турках, оказавшихся в плену русском¹. Британские и американские историки много писали о французах, попавших в английский плен. Но о русских военнопленных, оказавшихся в Англии во время разрыва отношений двух стран и англо-русской войны 1807–1812 гг. подробно ещё не говорилось в отечественной научной литературе². Тем не менее, тема представляется важной

¹ Smiley W. From Slaves to Prisoners of War. The Ottoman Empire, Russia and International Law. Oxford: Oxford University Press, 2018. — XIII, 283 p. (Series: The History and Theory of International Law).

² Мои предыдущие работы на эту тему посвящены лишь отдельным эпизодам пребывания русских военнопленных в Англии или рассказывают о судьбах некоторых из россиян, оказавшихся в английском плену. — Орлов А.А. Пребывание эскадры Д.Н. Сенявина в Англии в 1808–1809 гг. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. III: Сборник материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. Труды ГИМ.

для истории России и Великобритании, и она может быть изучена на основе анализа неопубликованных документов из Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ).

В связи с этим, целью главы будет изучение истории пребывания русских военнопленных и гражданских лиц в Англии в 1808–1812 гг. В качестве задач избраны следующие направления: 1) выяснить, как и когда россияне попадали в плен к англичанам; 2) каковы были условия их пребывания на британской земле; 3) кто из британцев и находившихся в Англии русских подданных оказывал им помощь; 4) когда они смогли вернуться на родину.

Как известно, Россия, после окончания тяжёлой войны четвертой коалиции с Наполеоном, 25 июня / 7 июля 1807 г. заключила с Францией договоры о мире и о союзе. Россия обязывалась действовать сообща с Францией против любой державы, находящейся в состоянии войны с последней. Это неизбежно сталкивало её с Лондоном. Но Великобритания не собиралась сдаваться. Более того, используя свой мощный флот, она начала активно бороться против новых врагов, как реальных, так и потенциальных. Опасаясь присоединения Дании к тильзитскому союзу (это могло закрыть британским судам проход из Северного в Балтийское море через проливы Зунд [совр. Эресунн], Большой и Малый Бельты), британцы нанесли превентивный удар по Копенгагену³.

Вып. 142. М.: ГИМ, 2004. С. 7–26 (далее — Орлов А.А. Пребывание эскадры Сенявина в Англии...); *Он же*. Одиссея эпохи наполеоновских войн. Боевой путь капитана О.А. Ивановского: Польша — Греция — Россия — Польша — Германия — Франция — Польша // Вестник военно-исторических исследований. Международный сборник научных статей / Под ред. С.В. Белоусова и А.В. Комплеева. Вып. 7. Пенза: изд-во ПГУ, 2016. С. 60–70 (далее — Орлов А.А. Одиссея эпохи наполеоновских войн...); *Он же*. Превратности войны и плена. Британский егерь Иван Трофимов и русский полковник Несбит Джебзайя Уиллоуби // Вестник военно-исторических исследований. Сборник научных трудов / Под ред. С.В. Белоусова и А.В. Комплеева. Вып. 8. Пенза: изд-во ПГУ, 2017. С. 27–41 (далее — Орлов А.А. Превратности войны и плена...).

³ Декларацию британского правительства от 25 сентября (н.ст.) 1807 г., оправдывающую захват Копенгагена опасностью, которая исходит от

В борьбе с военно-морскими силами стран — участниц тильзитского союза Великобритания через год имела ещё один крупный, хотя и не столь однозначный, успех на другом конце Европы. По условиям конвенции, заключённой в Лиссабоне 23 августа / 4 сентября 1808 г. между адмиралом баронетом Ч. Коттоном и вице-адмиралом Д.Н. Сенявиным, британской стороне в качестве залога передавалась российская эскадра, уже почти год заблокированная в устье р. Тахо (Тежу)⁴.

Нападение на Копенгаген и отказ от мирных переговоров с Францией привели к разрыву российско-британских отношений раньше официально объявленного срока. 24 октября 1807 г. была обнародована декларация Александра I, в которой Великобритания обвинялась в постоянных нарушениях союзнических обязательств, в том, что она посылала войска куда угодно (к Буэнос-Айресу или в Египет), но только не на помощь союзникам⁵. После издания указа от 24 октября Россия впервые в истории двусторонних контактов вступила с Великобританией в войну. Русский дореволюционный историк Н.Ф. Дубровин образно назвал её «бездымной войной», поскольку в ней не могло быть крупных сражений на суше⁶. Но отдельные стычки на море происходили. В ноябре 1807 г. британское правительство ответило на враждебные действия тильзитских союзников изданием «приказов в совете», инициатором принятия которых был министр иностранных дел Дж. Каннинг⁷. Всем нейтральным странам запрещалось торговать с врагами Великобри-

Франции, см.: Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 133 (Канцелярия министра иностранных дел). Оп. 468. Т. 2. Д. 6810. Т. 1. Л. 374–375.

⁴ *Тарле Е.В.* Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземное море (1805–1807) // Избранные произведения академика Е.В. Тарле. Т. IV. Ростов-на-Дону: Феникс, 1994. С. 389–401.

⁵ Текст декларации см.: Полное собрание законов Российской империи. [Собрание I]. Т. XXIX. СПб.: тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. С. 1306–1308, № 22653.

⁶ *Дубровин Н.Ф.* Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина, 1901. Т. 107, № 9. С. 449.

⁷ *Rose J.H.* Canning and Denmark in 1807 // *The English Historical Review*, 1896. Vol. 11, № 41. P. 82–92.

тании под страхом конфискации корабля и груза. Балтийское море патрулировал английский флот под командованием героического соратника лорда Г. Нельсона вице-адмирала баронета Дж. Саумареса. Англичане вступали в бой с русскими военными кораблями, захватывали гражданские суда, конфискуя их грузы и почту, бомбардировали и разоряли прибрежные поселения. Членов команд и пассажиров захваченных кораблей они предпочитали высаживать на сушу в пределах российских владений, но, если такой возможности не было, их доставляли в Англию в качестве военнопленных (солдат и моряков), а гражданских, используя современный термин, в качестве перемещённых лиц.

Оставшиеся в Англии российские подданные (ученики и студенты, гардемарины, военные и гражданские врачи и др.) не были подвергнуты аресту или интернированию, но, до тех пор, пока им не удавалось покинуть страну, находились под постоянным бдительным контролем британских властей и полиции. Помощь они могли получить только от российского посланника в Лондоне М.М. Алопеуса или, после его отъезда из Англии в 808 г., священника православной церкви при посольстве Я.И. Смирнова, оставшегося вплоть до конца 1812 г. единственным неофициальным представителем России в британской столице.

В Англии могли оказаться и те русские солдаты, которые во время предыдущих военных кампаний попали в плен к французам, а от них, как говорится в архивных документах, «достались англичанам». Как правило, их по прошествии времени зачисляли в ряды британских войск, и тогда они исключались из списков военнопленных. Россияне могли оказаться в разных подразделениях британской сухопутной армии, в частности, в «Британском егерском полку» («Chasseurs Britanniques Regiment»), составленном из представителей многих (не только европейских) наций⁸. Но после окончания военных действий

⁸ Недаром английский историк Алистер Николс назвал свою книгу, посвящённую истории создания и боевой деятельности этой воинской части короля Георга III, «История полка беспородных дворняг Веллингтона». — *Nichols A.* Wellington's Mongrel Regiment. A History of the Chasseurs Britanniques Regiment 1801–1814. Spellmount: Spellmount Ltd Pub, 2005. — 176 p.

наёмников первыми увольняли со службы и отправляли на родину. Каждому уволенному солдату выдавался из «Иностранного депо» в Гарвиче (Харидже) паспорт с кратким описанием его службы, поведения и полученных денежных наград. По этим документам можно отчасти восстановить биографии бывших пленных⁹.

Отдельно надо упомянуть моряков из числа команд фрегата «Спешный» и транспорта «Вильгельмина», которые должны были доставить необходимые материальные средства и деньги для эскадры Сенявина. На пути в Средиземное море они остановились для ремонта в Портсмуте и, простояв здесь до ноября 1807 г., были арестованы британскими властями. Эти моряки, в отличие от военнослужащих эскадры Сенявина, в полной мере разделили участь других русских пленных.

После прибытия в Англию британцы в обязательном порядке отделяли офицеров и гражданских чиновников от рядовых солдат. Офицеров отправляли в г. Андовер (графство Гемпшир), в 66-ти милях от Лондона, где содержали довольно свободно с обязательством не совершать побегов. Солдат держали в трюмах старых французских кораблей, превращённых в плавучие тюрьмы, таких, например, как «Маренго» и «Протей». До этого англичане с 1776 г., после того, как исчезла возможность отправлять преступников в Северную Америку, использовали такие остовы разоружённых кораблей (халки) для содержания заключённых¹⁰. Люди в этой нездоровой обстановке гнили заживо и умирали от болезней.

Поскольку пленных доставляли в Англию морем, они попадали под юрисдикцию транспортного ведомства (Транспорт – борда — Transport Board). Для всех были определены

⁹ Мне удалось это сделать в отношении пленного солдата Ивана Трофимова (в Англии его называли Айвэн Дрогвино [Jvan Drogvino]), ставшего британским егерем. — Орлов А.А. Превратности войны и плена... С. 33–36.

¹⁰ Васильева С.А. Генезис и эволюция доктрины пенитенциаризма в англо-американском социокультурном пространстве (конец XVII — начало XIX вв.). Дис. ... докт. ист. наук. Рязань: Академия права и управления ФСИН, 2022. С. 32–33.

нормы снабжения продовольствием¹¹. Рядовые денег не получали. Но, поскольку в плену оказались офицеры «Спешного» и «Вильгельмины», а потом надо было решать проблему со снабжением офицеров эскадры Сенявина, следовало назначить им денежное содержание. Английское правительство, ввиду финансовых трудностей, поразивших страну из-за военных действий и континентальной блокады, отказалось выдавать деньги, предложив Алопеусу добиться оплаты от русских властей. Алопеус начал заниматься этим, однако, поступление денег ожидалось не скоро, а после разрыва отношений двух стран ему пришлось сложить свои полномочия. Как говорилось выше, дело, начатое Алопеусом, продолжил Смирнов.

Смирнов начал добиваться выделения материальной помощи не только для пленных офицеров, но и для солдат. Он постоянно обращался с просьбами к российским министрам, к состоятельным россиянам, оставшимся в Англии, и к британским благотворителям. Из числа этих благотворителей самым влиятельным был знаменитый меценат купец Дж.Дж. Ангерстейн (Ангерштейн)¹². Алопеус предложил ему возглавить «Комитет помощи» («Committee of Supply») из числа англичан, симпатизировавших России, и тех немногих российских подданных (например, бывшего посла в Англии гр. С.Р. Воронцова), авторитет и материальное положение которых позволяли им не опасаться за свою свободу.

¹¹ Таблицу с нормами продовольствия для военнопленных солдат и матросов см.: АВПРИ. Ф. 1 (Административные дела), II-5 (1809 г.). Д. 2. Л. 2. Первое приложение («List A») к письму Алопеуса министру иностранных дел гр. Н.П. Румянцеву из Лондона от 28 декабря 1807 г. / 9 января 1808 г. (на франц. яз.). Получено 20 января 1808 г. Таблица опубликована: Орлов А.А. Пребывание эскадры Сенявина в Англии... С. 15.

¹² О нём подробнее см.: Орлов А.А. «Теперь вижу англичан вблизи...»: Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.). Очерки. М.: Гиперборей; Кучково поле, 2008. С. 105, 111–112, 287–288, прим. 122.

¹³ АВПРИ. Ф. 1, II-5 (1809 г.). Д. 2. Л. 26–26 об. Письмо Ангерштейна Алопеусу от 12 декабря (н.ст.) 1807 г. (на англ. яз.). Копия.

В состав Комитета, кроме Ангерстейна, вошли Воронцов, купец Ч. Грант — он стал кассиром, барон Дж. Димсдейл¹⁴, Смирнов и инженер — полковник Л.С. Ваксель. Они привлекли в качестве вкладчиков (вместе с фамилией указываю сумму взноса) Алопеуса (50 ф.ст.), кн. А.С. Меншикова (10 ф.ст.), дипломата барона П.А. Николаи (10 ф.ст., 10 шил.), авантюристку (сестру князей Зубовых) О.А. Жеребцову (10 ф.ст.). Сам Ангерстейн внёс 500 ф.ст., Воронцов — 200 ф.ст., Димсдейл — 105 ф.ст., Грант — 100 ф.ст., французский роялист Л. — А. де Лоне граф д'Антрег — 25 ф.ст. В кассе Комитета накопилось 939 ф.ст., 7 шил. и 6 пенсов¹⁵. Деньги от разных людей (русских и англичан) продолжали поступать и в дальнейшем. В марте 1808 г. Ангерстейн отправил Румянцеву письмо с приложением дополнительного списка жертвователей. В нём есть фамилии англомана Н.М. Гусятникова, Ланга¹⁶, Вакселя и его жены, а также графини фон Менгден, Димсдейла, кн. И.И. Бяратинского, неких Смита и Чаплина (видимо, английских купцов). Всего дополнительно собрали 266 ф.ст., 7 шил., 6 пенсов¹⁷. Сумма эта (1226 ф.ст., 7 шил., 6 пенсов) была весьма внушительной и всю её, по свидетельству Ангерстейна, раздали нуждающимся русским с 12 мая (н.ст.) 1808 г. до 27 марта (н.ст.) 1809 г.¹⁸

Из собранной суммы было определено ежемесячное содержание офицеров «Спешного» и «Вильгельмины». Командиру «Спешного» капитан-лейтенанту Н.Г. Ховрину выдавали 6 ф.ст.,

¹⁴ Джон Димсдейл — старший сын бывшего личного врача Екатерины II, прививавшего оспу ей и вел. кн. Павлу Петровичу, барона Томаса Димсдейла (Димсдаля).

¹⁵ АВПРИ. Ф. 1, II–5 (1809 г.). Д. 2. Л. 2. Третье приложение («List C») к письму Алопеуса Румянцеву от 28 декабря 1807 г. / 9 января 1808 г.

¹⁶ Возможно, это был шведский купец Конрад Ланг, которого в 1813 г. назначили российским консулом в Готенбурге. Он, как состоятельный человек, согласился «исполнять сию должность без жалования». Взнос Ланга в кассу «Комитета помощи» (100 ф.ст.) подтверждает такое предположение.

¹⁷ АВПРИ. Ф. 1, II–5 (1809 г.). Д. 2. Л. 8. Копия списка жертвователей (на франц. яз.). Приложен к письму Ангерстейна Румянцеву от 27 марта (н.ст.) 1809 г. (на англ. яз.).

¹⁸ Там же. Л. 9–9 об. Счёт на англ. яз.

командиру «Вильгельмины» капитан — лейтенанту А.М. Пильгарту (Пильгарду, Пейлгарту) — 5 ф.ст. Четырём лейтенантам (Я. Нестерову, С. Сунгурову, А. Голенищеву и А. Левендалю) — по 4 ф.ст. (всего — 16 ф.ст.). Артиллерийскому лейтенанту К. Гурже (Журже) — 4 ф.ст., констапелю¹⁹ Г. Бестужеву — 3 ф.ст. 10 шил., подпоручику Н. Казину — 3 ф.ст. Шести мичманам (А. Иванову, И. Бухвостову, И.Я. Коростовцу [Короставцу], А. Манцветову [Манцвитову], Окулову и П. Валуву) — по 2 ф.ст. 10 шил. (всего — 15 ф.ст.). Двум лекарям (Паулю и Третьякову), трём штурманам (Ичкову, Серапульцеву и Рычкову), иеромонаху Феодосию, шкиперу Семёнову и комиссару Смирнову — такую же сумму каждому, что составило вместе 20 ф.ст. Всего ежемесячно им следовало выделять 72 ф.ст. 10 шил.²⁰

Ситуация несколько улучшилась после того, как моряки эскадры Сенявина в сентябре 1809 г., после нескольких неудачных попыток, вернулись домой на английских транспортах. Сенявин, сообщая об этом Смирнову, просил его, по неимению других официальных лиц, следить за состоянием кораблей эскадры, «...оставляемых здесь (т.е. в Портсмуте. — А.О.) и в Лисбоне (т.е. в Лиссабоне. — А.О.) на попечение Англинского Правительства...». Он также проинформировал священника о том, что приказал иеромонаху Феодосию остаться с военнопленными «...для отправления треб по долгу Христианскому». «Всепокорнейше прошу Вас, Милостивый Государь мой, не оставить попечением Вашим несчастных соотечественников наших. Равным образом Иеромонаху Феодосию определить и производить пристойное содержание сану Его», — писал Смирнову адмирал²¹. Феодосий в дальнейшем находился на корабле «Протей» и информировал священника, когда бывшие русские солдаты оказывались среди

¹⁹ Констапель (от *нидерл.* konstaapel — морской артиллерийский старшина) — первый офицерский чин 14-го класса в морской артиллерии, перемещённый в 1764 г. в 13-й класс.

²⁰ АВПРИ. Ф. 1, II–5 (1809 г.). Д. 2. Л. 3. Второе приложение («List B») к письму Алопеуса Румянцеву от 28 декабря 1807 г. / 9 января 1808 г.

²¹ Там же. Л. 12. Письмо от 2/14 августа 1809 г. Корабль «Твёрдый» у о. Вайт (Уайт).

взятых в плен французов и выражали желание «к российским пленным быть вместе»²².

Одновременно с моряками эскадры англичане освободили 15 чел. из состава экипажей «Спешного» и Вильгельмины», в т.ч. заболевшего в плену Ховрина. Все они, в отличие от сенявинцев, дали формальное обязательство не участвовать в боевых действиях в течение определённого времени. Освобождённые моряки прибыли в Ригу в сентябре 1809 г. В ответ на это российские власти отпустили шкиперов и матросов секвестрованных в России после разрыва 1807 г. английских купеческих кораблей.

Смирнов и сочувствующие ему британцы всё — таки сумели добиться того, чтобы английское правительство назначило денежное содержание оставшимся в плену офицерам. Но оно было крайне незначительным, поскольку финансовое положение Великобритании продолжало ухудшаться²³. Смирнов писал министру финансов гр. Д.А. Гурьеву в июле 1811 г.: «...здесьняя нация, кроме множества ежедневных подписок для партикулярных (т.е. для частных лиц. — А.О.), делает оныя также для облегчения своих военнопленных, находящихся во Франции, коих число простирается за 10.000. А, кроме сих, теперь делают ещё здесь величайшие подписки для португальцов и испанцов, страждущих от военных обстоятельств». Священник добавлял, что всё это заставляет его стыдиться, «...выпрашивая деньги у человеколюбивых и добрых здешних своих приятелей». Только страдания «нещастных наших по разным обстоятельствам соотечественников» заставляли его снова и снова возобновлять поиски денег²⁴.

²² Там же. Л. 29–29 об. Письмо от 12 октября (н.ст.) 1809 г.

²³ *Harvie Ch. Revolution and the Rule of Law (1789–1851) // The Oxford Illustrated History of Britain / Ed. by K.O. Morgan. Oxford — N. — Y.: Oxford University Press, [1989]. P. 435.* См., например, данные о сокращении зарплаты ручных ткачей хлопчатобумажного батиста в 1806–1812 гг.: *Daniels G.W. The Early English Cotton Industry with Some Unpublished Letters of Samuel Crompton. L. — N. — Y. — Bombay, etc.: Longmans, Green & Co, 1920. P. 134. Note 1, table.*

²⁴ АВПРИ. Ф. 184 (Российское посольство в Лондоне). Оп. 520. Т. 1. Д. 2 (1573б). Л. 39–39 об. Письмо от 1/13 июля 1811 г.

Английские власти с трудом нашли средства, чтобы платить пленным русским офицерам по 4¼ ф.ст. в месяц. Но и этой платы было недостаточно, поскольку цены в Англии росли невиданными темпами. Сенявин и Ваксель после возвращения в Россию просили министра морских военных сил маркиза И.И. де Траверсе убедить императора в необходимости дополнительного денежного довольствия. По их сведениям, военнопленным офицерам для более — менее сносной жизни надо было платить 10 ф.ст. в месяц. Финансовое положение России также было плачевным и Александр I принял половинчатое решение — выплачивать всем пленным офицерам по 6 ф.ст. сверх получаемых денег от англичан²⁵.

Министр иностранных дел гр. Н.П. Румянцев сообщил Траверсе о том, что он готов немедленно выполнить распоряжение императора, но желал бы знать, «...сколько таковых [пленных] офицеров и кто именно там находится...». Далее он спрашивал: «...не нужно ли будет распространить таковую Высочайшую Милость и на нижних чинов, в Англии задержанных, и, ежели на сие последует Всемилостивейшее Соизволение, то на каком основании и сколько таковых нижних чинов наших в Англии находится»²⁶. Траверсе вскоре отправил Румянцеву именной список офицеров, а по поводу рядовых писал: «...они, как известно, получают достаточное содержание от Англинского Правительства»²⁷. Румянцев на основании сведений Траверсе составил записку для Александра I, из которой явствует, что в списке военно — морского министра значилось 17 офицеров и чиновников офицерского ранга. По поводу перевода денег в Англию Румянцев предполагал связаться с государственным казначеем Ф.А. Голубцовым. «Относительно же Комитета, составившегося в Англии для вспомоществования пленным нашим, долгом поставляю донести, что по изъяснению, какое имел я с Господином

²⁵ Там же. Ф. 1, II-5 (1809 г.). Д. 2. Л. 13–13 об. Траверсе Румянцеву от 7 октября 1809 г., № 1857.

²⁶ АВПРИ. Ф. 184 (Российское посольство в Лондоне). Оп. 520. Т. 1. Д. 2 (1573б). Л. 14–14 об. Отношение от 11 октября 1809 г. Черновик.

²⁷ Там же. Л. 15. Отношение от 14 октября 1809 г., № 1885. Списка офицеров нет.

Вакселем, кажется, что для членов оно было бы прискорбно, если бы предложили им возратить ту сумму, которая собрана была; но что они приняли бы с чувствительностию, если бы, в знак Высочайшего Благоволения, Президент оногo Комитета, Г. Ангерштейн был удостоен Орденом Святыя Анны 2 – го Класса, а прочим Членам были доставлены какие – нибудь подарки», — извещал министр императора²⁸.

Голубцов по просьбе Румянцева предписал «...здешним Придворным Банкирам, дабы они немедленно доставили переводом в Лондон к Негоцианту Ангерштейну достоинство тысячи ста двадцати двух фунтов Стерлингов, составляющих полную Сумму определённого сказанным офицерам содержания за 11 месяцев, считая с 1 – го Июня сего 1809 – го по 1 – е Мая будущего 1810 – го Года...»²⁹.

Но экономическое положение Великобритании становилось всё более трудным. В этой ситуации Кабинет министров принял решение освободить всех русских офицеров и отправить их в Россию или на территорию союзных с ней стран. (Так собирались убить двух зайцев. Уменьшить расходы бюджета и добиться расположения Александра I с надеждой на ослабление блокады.) Повод для совершения данного действия нашёлся в государственном празднике — золотом юбилее царствования короля Георга III, который отмечался 25 октября (н.ст.) 1809 г. С.Р. Воронцов с радостью сообщил об этом Смирнову, но, в то же время, с возмущением заметил: «...удивляюсь, что при сём же случае [английское правительство] лишило оных (русских офицеров. — А.О.) пропитания, отняв у них ту малую сум[му], что получали на дневное и прескудное пропитание. Сие не есть ни милость, ни правосудие, а, на противу, должно почитать как жестокое наказание; ибо для наших бедных Офицеров лутче быть в тюрьме, чем умереть с голоду или просить милостину по улицам». Воронцов предлагал Смирнову следующий план

²⁸ Там же. Л. 16 – 17. «Записка о пленных наших в Англии. Октября ____ дня 1809 г.». Число не указано.

²⁹ Там же. Л. 23 – 23 об. Отношение Голубцова к Румянцеву от 12 ноября 1809 г., № 262.

действий: Ангерштейна убедить использовать своё влияние в правительстве, чтобы «...поговорить членам Правления... и устыдить их о толь скаредной економии, или о толь постыдном непомышлении». Его же, а также некоего «господина Барона» (Димсдейла?) и Томаса Бонара (совладельца торговой компании «Томсон, Бонар и К^о») ³⁰ побудить найти как можно больше благотворителей, желающих помочь русским. Сам Воронцов, хотя и жаловался на то, что в отставке не имеет жалованья и его собственные доходы «по нискому курсу» русской валюты уменьшились более чем наполовину, обещал в ближайшее время внести в кассу Комитета 100 ф. ст. для раздачи нуждающимся³¹.

Воронцов или Смирнов подсказали пленным офицерам идею подачи коллективной жалобы в Транспорт – борд. Офицеры выражали желание отправиться в любой российский порт или, если это будет невозможно, в шведский Готенбург (совр. Гётеборг). Но они просили снабдить каждого из них одновременно суммой в 50 ф. ст. на счёт российского правительства либо на их собственный счёт с выдачей векселя. В жалобе было сказано: «Вам, Высокопочтенные Господа, бедное и нещастное состояние наше известно. Мы не имеем ни денег, ни Кредиту и занять негде: а без денег вышедши на берег, не имея никого знакомого, не зная языка, без помощи и без покровительство (так в тексте. — А.О.) в сие позднее осеннее ненастливое время мы должны будем претерпеть величайше[е] нещастие, в которое, конечно, вы нас ввергнуть не пожелаете после таковой Высочайшей оказанной нам Его Величеством Королём Великобританским Милости, которую мы будем помнить во всю нашу жизнь». Если же эти условия будут отвергнуты как неприемлемые, офицеры просили оставить их в плену и дать им возможность известить начальство о том, что они, получив

³⁰ О деятельности компании в России и на мировом рынке подробнее см.: *Томпсон С.Р.* Российская внешняя торговля XIX — начала XX в.: организация и финансирование / Пер. с англ. Ю.А. Петрова. М.: РОССПЭН, 2008. С. 238 – 239. (Серия: Экономическая история. Документы, исследования, переводы).

³¹ АВПРИ. Ф. 1, П – 5 (1809 г.). Д. 2. Л. 34 – 35. Письмо (без подписи) от 8/29 октября [так!] 1809 г.

свободу, ожидают помощи российского правительства для возвращения домой³².

Однако все усилия по отправке пленных офицеров (около 20 – ти чел.) пока оказались тщетны. Смирнов писал Траверсе 27 октября / 8 ноября 1809 г.: «...Сего дня [я] извещён от Transport – Board, в коего ведении военнопленные находятся, что здешнее Правительство *доставит способ Российским Офицерам для перевозу в Готтенбург* (так в тексте. — А.О.), *а что других никаких издержек для них сей департамент долее понести не может*. В сём положении я более ничего не могу сделать сим беспомощным моим Соотечественникам, чтобы они с голоду не погибли. Как токмо либо вольною подпискою между знакомыми благорасположенными и человеколюбивыми людьми, либо посредством займа, либо другими способами, какие представиться могут, постараюсь доставить им содержание месяца на три в надежде, что между тем получу Предписание Вашего Высокопревосходительства об отправлении их в Россию и о снабжении потребною на то суммою, чего без Вашего Приказанья и уполномочия учинить не осмелился»³³.

Надо сказать, что Смирнов и до этого находился под надзором английской полиции и дипломатических чиновников³⁴, а теперь, после его неоднократных настойчивых требований, внимание к нему ещё более возросло. Ему явно угрожала тюрьма, поскольку британцы подозревали, и не без оснований, что российские власти тайно получают от священника важные сведения. В этой ситуации Смирнов решил предупредить Траверсе о том, что никакой политической информации передавать не может. В письме, посланном с капитан – лейтенантом Пильгартом, он выражал надежду на то, что русским офицерам «... позволено будет остаться [в Англии] на прежнем содержании до открытия случая к отъезду в Россию». К письму Смирнов приложил всю переписку

³² АВПРИ. Ф. 1, П–5 (1809 г.). Д. 2. Л. 32–33 об. Письмо от 6 ноября (н.ст.) 1809 г.

³³ Там же. Л. 40–40 об. Выделенные слова подчёркнуты в тексте документа.

³⁴ Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско–британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М.: Прогресс–Традиция, 2005. С. 71 (далее — Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона).

с секретарями Транспорт–борда и Адмиралтейства, чтобы доказать — он должен быть крайне осторожным в общении с правительственными чиновниками. «...Как я здесь живу партикулярно и без уполномочия, то и переписка принимаемого мною участия для облегчения жребия находящихся здесь несчастных Соотечественников производится самим (так в тексте. — А.О.) партикулярным образом, на единственном основании сказанном, да любите друг друга, и, якоже хотите да творят вам человецы, и вы творите им такожде. Я ни в коем случае ни пис[ь]менно, ни словесно не касаюсь во все никаких политических объяснений, ни обстоятельств, а обо всём, что прошу за несчастных, прошу из милости, из человеколюбия и из благорасположения, полагая сей один способ приличным нынешнему моему положению и я надеюсь, что таковое моё поведение удостоено будет высокого Вашего одобрения, и не бесполезно для тех, за коих стараюсь»³⁵.

Усилия Смирнова оказались не напрасны. Правительство позволило русским офицерам остаться в Англии. Об этом священник писал Траверсе в конце 1809 г. «Господам Нашим Офицерам всем по прежнему позволено жить в Андовере, где они теперь и находятся опять до открытия случая к отъезду в Россию. А как положенное Г.Г. Офицерам от Правительства содержание весьма или почти вовсе не достаточно для пропитания, то я был столько щаслив, что посредством вторичной добровольной подписки, учинённой благорасположенными и человеколюбивыми людьми, господином Ангерстином, Господами Гарманами и Комп[анией], Графом Сем[ёном] Ром[ановичем] Воронцовым, Гос[подином] Гоем³⁶ и некоторыми другими, уповаю собрать столько денег, чтобы доставить им в прибавок на содержание, сколько понадобится до весны; а, между тем, надеюсь иметь

³⁵ АВПРИ. Ф. 1, П–5 (1809 г.). Д. 2. Л. 38–39. Письмо от 29 октября / 10 ноября 1809 г.

³⁶ Видимо, имеется в виду один из представителей торговой фирмы Гой (Хой) и Беллис (Ной and Bellis), владевшей «Английским магазином» в Петербурге, на Малой Миллионной улице, д. № 74. — Кросс Э.[Г.] Британцы в Петербурге: XVIII век / Пер. с англ. Н.Г. и Ю.Н. Беспятовых. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 30, 31.

честь получить от Вашего Высокопревосходительства надлежащее уполномочие для их отправления...»³⁷.

В конце 1809 г. положение военнопленных, по сообщению Смирнова, «...оставалось без изменений, т.е. плохим. У них не было никаких средств, чтобы вернуться в Россию»³⁸. Из Лондона не поступало никаких известий о том, когда именно и как британское правительство собирается отправлять пленных на родину. Молчал и Петербург³⁹. Первые 84 ф.ст. из денег, перечисленных Ангерстейну из России, поступили в Англию только в начале 1810 г. Он немедленно организовал их выдачу пленным офицерам, в ответ на что они прислали из Андовера на его имя благодарственное письмо, не забыв, вместе с признательностью английским благотворителям, выразить чувство восторга «отменной милостью» Александра I и Румянцева, «...каковой нет в Истории примера для людей в наших чинах и в нашем положении»⁴⁰. (Сам Смирнов — многодетный отец, при этом, в апреле 1810 г. жаловался в письме Румянцеву на голод и нищету, а также на дороговизну товаров, умоляя срочно прислать деньги⁴¹. В случае неуплаты по кредитам его ждала долговая тюрьма.)

Временное улучшение оказалось непродолжительным. Через год ситуация повторилась на фоне набирающего обороты в Англии экономического кризиса. В октябре 1810 г. Румянецв известил Траверсе о том, что, судя по сведениям из письма Смирнова от 23 августа, «...на содержание находящихся там военнопленных Российских Офицеров и Иеромонаха Феодосия остаётся у Г. Ангерстейна денег с небольшим токмо на три м[еся]ца». Министр иностранных дел просил срочно добиться «...принятия надлежащих мер, дабы сии люди там без призрения не остались...»⁴². Траверсе

³⁷ АВПРИ. Ф. 1, II–5 (1809 г.). Д. 2. Л. 42–42 об. Письмо от 24 ноября / 6 декабря 1809 г.

³⁸ Там же. Л. 61. Письмо Смирнова Румянцеву от 18/30 июня 1810 г.

³⁹ Там же. Л. 80. Прибавление к письму Смирнова Траверсе от 15/27 апреля 1810 г.: «P.S. На особой бумаге».

⁴⁰ Там же. Л. 52–53. Письмо от 18/30 января 1810 г.

⁴¹ Там же. Ф. 184. Оп. 520. Т. 1. Д. 1 (1573а). Л. 40–41. Письмо от 15/27 апреля 1810 г.

⁴² Там же. Ф. 1, II–5 (1809 г.). Д. 2. Л. 63. Письмо от 11 октября 1810 г., без №. Черновик.

ответил, что он уже отнёсся к министру финансов о выделении необходимой суммы по повелению Александра I⁴³. На следующий день Траверсе написал Смирнову, сообщив: российские власти оплатили два счёта от банка «Братья Гарман и К^о» (на 626 ф.ст., 16 шил. и 75 ф.ст., 12 шил.), а также отдано распоряжение перевести в Англию новые суммы⁴⁴.

Тем временем количество взятых англичанами в плен русских всё увеличивалось. В ноябре 1810 г. в Англию с о. Мальта доставили 41 солдата Куринского мушкетёрского полка, захваченных после более чем двухгодичной героической защиты крепости Авлемона на о. Цериго (совр. Китира) из группы Ионических о-вов⁴⁵. К ним прибавили 25 солдат, которые, по словам Смирнова, «нашлись» между французскими военнопленными⁴⁶. Да и впоследствии этот ручеек не пересыхал. В него по капле добавлялись новые человеческие судьбы. В апреле 1811 г. священник сообщил Траверсе о том, что в прошлом марте ему стало известно о прибытии в Англию между французскими пленными, взятыми в Португалии, 6–ти русских солдат, «...о коих я просил здесь тот час, чтобы переведены были к прежним нашим Военнопленным, но ответа на мою прозбу ещё не имею, по получении же не премину доставить список обстоятельнее...». Ситуация обострялась дополнительными проблемами. Вместе с солдатами в плен попадали шкиперы, матросы, а также пассажиры русских купеческих судов, захваченных эскадрой Саумареса в Балтийском море. В том же донесении Смирнов писал: «...отысканы между Дацкими здесь военнопленными взятых

⁴³ Там же. Л. 64. Отношение от 20 октября 1810 г., № 2114.

⁴⁴ Там же. Л. 65–66. Отношение от 21 октября, № 2130.

⁴⁵ Об этом, а также о судьбе поручика О.А. Ивановского — командира отряда Куринского мушкетёрского полка из 50 чел., защищавшего крепость сначала от французов, а потом от англичан, подробнее см.: Орлов А.А. Одиссея эпохи наполеоновских войн... С. 60–63; *Он же*. Ещё раз о поручике (капитане) Осипе Антоновиче Ивановском // Вестник военно-исторических исследований. Сборник научных трудов. Вып. 12 / Под ред. С.В. Белоусова. Пенза: Изд-во ПГУ, 2021. С. 141–143.

⁴⁶ АВПРИ. Ф. 1, II–5 (1809 г.). Д. 2. Л. 67. Донесение Смирнова от 1/13 ноября 1810 г.

(так в тексте. — А.О.) на разных Купеческих кораблях в Финских (так в тексте. — А.О.) заливе и идущих из Архангельска 7 человек разных чинов, коим прилагается список»⁴⁷.

Смирнов особенно обращал внимание на судьбу 68-летнего титулярного советника Ивана Харламовича Чукова, отставного обер-безелера Ревельской портовой таможни, 15/27 мая 1809 г. захваченного вместе с другими пассажирами на галиоте «Санкт-Ио[г]анн», шедшем из Ревеля в Петербург с грузом плит. Смирнов отправил Траверсе «...письмо или род послужного Списка бедного старика Чукова, прося Всенижайше Ваше Высокопревосходительство, буде возможно, исходатайствовать какое-нибудь пособие сему несчастному». Бедствия плена не щадили ни старого, ни малого. В том же перечне доставленных в Англию гражданских лиц значился матрос трёхмачтового судна «Сан[к]т-Александр» (следовало в Ботнический залив с грузом «государственного провианта», взято у о. Готланд недалеко от Риги 12/24 июня 1810 г.) Макар Никитич Горбачёв, 17-ти лет.

Однако и для британских властей растущее количество русских пленнх представляло постоянную головную боль. В правительстве время от времени возникали планы вернуть их всех на родину, совершив акт доброй воли по отношению к Александру I, который с начала навигации 1811 г. стал смотреть сквозь пальцы на нарушения правил блокады английскими кораблями, если они могли представить в таможне документы о нейтральном (чаще всего, американском) происхождении судов и грузов. Британские власти со своей стороны демонстрировали готовность сделать шаг навстречу бывшему союзнику. Смирнов в апреле 1811 г. «заблаговременно предупредил» Траверсе о том, «...что Под-Секретарь здешнего Внутреннего Департамента (т.е. заместитель министра внутренних дел. — А.О.) письменно известил меня, что Адмиралтейство дало приказ, чтобы отправить на Военном Флоте, готовящемся идти скоро в Балтику, всех находящихся здесь Российских Военно-пленнх, как Офицеров, так и нижних чинов. Какая сему поступку причина, разве той, что содержать их здесь долее не находят надобности, в каком месте, либо в каком

⁴⁷ Там же. Л. 68–68 об. Письмо от 10/22 апреля 1811 г.

нашем порте их высадят, о том мне ещё не известно: ибо всё сие предоставлено на распоряжение и волю Главнокомандующего Флотом Адмирала и Кавалера Сомареса (так в тексте. — А.О.)»⁴⁸.

С начала 1811 г. положение русских пленнх вновь стало бедственным. Денег для их содержания не осталось совсем и уже накопился долг в 5 ф.ст. Ситуацию спасала только добровольная помощь Ангерстейна. Он из своих средств заплатил банковские проценты за хранение денег (44 ф.ст., 5 шил., 4 пенса), а также обещал выдавать, опять же из своего кармана, офицерам половину следуемой им от русского правительства суммы (по 3 ф.ст. в месяц) впредь до поступления средств в Англию. А переводы денег затруднялись огромным количеством разнообразных проблем, в т.ч. чисто экономического свойства. Придворный банкир барон А.А. Ралль (Раль) уже собирался переводить деньги в Англию, когда «...денежной курс вдруг тогда же упал ниже того, каковой Государственная Коллегия [иностранных дел] для своих переводов определить изволила...», в связи с чем переводы были временно остановлены, извещал Смирнов Румянцеву⁴⁹. Пленные офицеры с ужасом восприняли сообщение о снижении им содержания наполовину и отправили священнику не письмо, а просто вопль о помощи, убеждая его не оставить их в беде⁵⁰. Смирнов снова и снова обращался за содействием ко всем, к кому только было можно. «...Помощь, которой от меня просят Господа наши Офицеры, есть весьма слаба и не надёжна: ибо от себя дать им денег я не в состоянии, да и у знакомых и приятелей для облегчения своих Соотечественников столь много и часто просил, что об успехе дальнейших прозб уже отчаялся. За тем Господа наши Офицеры должны зависеть единственно от Милостивого Вашего благорасположения и заступления», — убеждал он государственного канцлера⁵¹.

⁴⁸ Там же. Л. 68 об.

⁴⁹ Там же. Л. 83–83 об., 93.

⁵⁰ АВПРИ. Ф. 1, П-5 (1809 г.). Д. 2. Л. 90–90 об. Письмо от 29 декабря 1810 г. / 10 января 1811 г. Подписали 14 чел.

⁵¹ Там же. Л. 84. Постскриптум к письму Румянцеву от 30 декабря 1810 г. / 12 января 1811 г.

Только в июне 1811 г. Смирнов с радостью смог сообщить Траверсе о том, что британское правительство наконец – то освободило всех русских военнопленных, как офицеров, так и нижних чинов, а также гражданских лиц (368 чел.) и отправило их в Россию на военном корабле «Гордон»⁵². Ответным шагом русского правительства было разрешение английским подданным, которые хотели покинуть Россию, вернуться на родину.

В июне 1811 г. Смирнов полагал: в Англии не осталось больше ни одного русского пленного, но на всякий случай и на будущее время, поскольку официальное состояние войны между двумя странами сохранялось до июля 1812 г., просил английские власти «осведомиться во всех Депо и где токмо были Русские», не осталось ли ещё кого и, если таковые найдутся, чтобы «всех велено [было] отправить» на родину. Перед отъездом все офицеры и иеромонах Феодосий получили от Ангерстейна деньги вперёд за июнь и июль месяцы 1811 г. «Сколько мне известно, то Здешнее Правительство весьма довольно добрым, скромным и порядочным поведением всех вообще бывших здесь наших военно – пленнх во всё время несчастного и затруднительного их положения. После сражений, случившихся недавно в Португаллии и Ишпаниии (так в тексте. — А.О.), ожидают сюда за три тысячи взятых военно – пленнх. Я не оставлю в своё время осведомиться, не будет ли между ими сколько – нибудь русских Солдат, как то случилось между привезёнными из Гел[ь]дера и других мест, и постараюсь, что по обстоятельствам возможно будет сделать, чтобы они доставлены были во своё Отечество», — обещал отец Яков⁵³.

Усилиями Смирнова и сочувствующих англичан удалось добиться того, чтобы основная масса пленнх была освобождена задолго до начала Отечественной войны 1812 года. Все они успели принять участие в защите своей страны и в боевых действиях последнего периода наполеоновских войн. Но, конечно, и после июня 1811 г. русские пленные и гражданские лица, главным образом, матросы купеческих кораблей, появлялись на английской земле. Только занимался ими после восстановления

⁵² Там же. Л. 100 – 100 об. (цит. л. 100). Письмо от 6/18 июня 1811 г.

⁵³ Там же. Л. 100 – 100 об.

отношений двух стран уже не Смирнов, а российский генеральный консул в Лондоне А.Я. Дубачевский.

В августе 1814 г. Дубачевский сообщил послу в Лондоне гр. Х.А. Ливену о том, что он собрал и содержал за счёт казённых сумм 124 чел. русских и финских матросов, которых планировал отправить в Россию на бриге «Die Neue Hoffnung» («Новая надежда») шкипера И.Г. Вихбольда (J.G. Wichbold). Однако на корабль сели только 84 человека. Остальные разбежались. «Двенадцать человек из оных посланы мною в Россию на разных купеческих кораблях, другие же, воспользовавшись несколько дней содержанием, бежали паки отсюда и не явились вовремя, чтобы сесть на вышеупомянутый Бриг (так в тексте. — А.О.), не взирая на прибитыя о том на здешней бирже, по моему приказанию, повестки». Эта операция настолько разочаровала Дубачевского, что он предлагал Ливену в дальнейшем «...лучше... прекратить вовсе, после так явного опыта, вспомоществование таковым своевольным бродягам, нежели подвергаться неприятностям и бесполезным заботам, бегством их мне причиняемым. Долг мой, однако, будет всех других с добрым намерением ко мне являющихся и желающих возвратиться в Россию, размещать всячески по Российским кораблям, которые день ото дня могут сюда прибыть». В том же донесении Ливену консул писал о прибытии в Лондон из Вашингтона солдата или матроса Ивана Гусева. Его, как и других военнопленных, Дубачевский отослал в Чатам, где на корабле «Аргонавт» находились под командой мичмана В.А. Жабина больные российские подданные⁵⁴.

В том же августе 1814 г. за помощью к Дубачевскому обратилось более 30 – ти чел. матросов и солдат, «...возвратившихся недавно на Ост – и Вест – Индских Аглинских судах, и некоторых из Франции, где, по их речам, находились они несколько лет пленниками». А надежды консула на оживление русско – английской морской торговли не оправдались. Английские власти настойчиво требовали от российской стороны издания фри-тредерского таможенного устава, не допуская до этого момента

⁵⁴ АВПРИ. Ф. 1, II – 5 (1814 г.). Д. 2. Л. 12 – 13. Донесение от 3/15 августа 1814 г.

возобновления полноценного торгового обмена⁵⁵. Ломая голову над тем, как именно отправлять бывших пленников на родину, Дубачевский, кстати говоря, убеждённый сторонник фритреда, писал в ГКИД: «...не имеется здесь Российских судов, отправляющихся в Россию: Аглинские же Шкипоры (так в тексте. — А.О.) требуют за провоз таковых пассажиров по 15-ти Гиней с каждого человека, на что я ни под каким видом согласиться не могу, а стараюсь только приискивать удобнейшие к тому случаи»⁵⁶.

Количество возвращающихся со всех концов света на родину через Лондон русских солдат и матросов день ото дня возрастало. К концу августа под надзором Дубачевского опять было 60-ть чел.⁵⁷ Он планировал отправить их домой на корабле «Св. Анна» шкипера Иоганна Кунде и просил содействия Ливена в получении у банка «Братья Гарман и К°» 100 ф.ст., «...чтобы я мог заплатить Шкипору запасаемую им для таковых пассажиров морскую провизию». В том же письме Дубачевский жаловался послу на мичмана Жабина, который, по его словам, поступил неправильно, прислав из Чатама в Лондон 12-ть чел. «казённых матросов» (видимо, это были те самые 12 пассажиров, о которых говорилось выше) для отправки их в Россию на корабле «Новая надежда». Можно предположить, что возмущение консула вызвало стремление Жабина переложить ответственность за его подопечных на плечи дипломатов, вместо того, чтобы самостоятельно добиваться их совместного отправления на родину. Да и поведение самого Жабина вызывало вопросы. Он, по неизвестным причинам, остался в Чатаме и консул дважды вызывал его в Лондон для объяснений⁵⁸.

⁵⁵ Об этом подробнее см.: Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. С. 259–260.

⁵⁶ АВПРИ. Ф. 1, П–5 (1814 г.). Д. 2. Л. 14. Донесение от 14/26 августа 1814 г. Получено 5 сентября 1814 г.

⁵⁷ Поимённый список этих матросов («Liter В»), отправленных на транспорте «Гидра» в Копенгаген к русскому посланнику при датском дворе (60 имён), см.: Там же. Ф. 1, П–11 (1814 г.). Д. 38. Л. 15–16. Датирован августом — сентябрём 1815 г.

⁵⁸ Там же. Ф. 1, П–5 (1814 г.). Д. 2. Л. 16–16 об. Дубачевский Ливену от 20 августа / 1 сентября 1814 г. Сверху л. 16 приписка по-французски: «Дать распоряжение Г. Гарману, чтобы он выдал £ 100».

Жабин появился в Лондоне только в октябре 1814 г. и поразил Дубачевского рассказом о том, почему он не мог уехать из Чатама. Оказывается, во время пребывания в Англии он женился или, по выражению консула, «его женили... на изувеченной, безногой и немолодой уже девке» и он слёзно просил «меня о посадении и оной на корабль, на что, однако, я ни под каким видом согласиться не мог». Эта женщина сама посетила Дубачевского и подала ему прошение (с приложением писем «мужа») о назначении ей денежного содержания во время пребывания в Лондоне или Чатаме, пока она не сможет переехать в Россию. Дубачевский не сомневался в том, что «...получив от меня совершенной во всём отказ, [она] явится, конечно, в доме Вашего С[иятельс]тва (т.е. к Ливену. — А.О.) с таковым прошением». Консул ничего не мог сказать в защиту особы, поведение которой казалось ему крайне недостойным, но пытался защитить перед послом репутацию Жабина, «...яко молодого человека, по неопытности и простоте своей довольно уже наказанного таковым своим, невероятным даже, союзом, которой, кажется, разве тем токмо можно бы ещё разорвать или поправить, что он, Жабин, будучи здесь, не старался утвердить своей, во всяком виде, постыдной женитьбы нужным от Греко – Российской церкви, при Российских свидетелях, благословением»⁵⁹.

Дубачевский постарался поскорее посадить Жабина⁶⁰, как и двух беднейших россиян (одного из Або, другого — из Каменец – Подольского) на российский купеческий корабль «Glückliche

⁵⁹ АВПРИ. Ф. 1, П–5 (1814 г.). Л. 18–18 об. Дубачевский Ливену от 26 октября / 7 ноября 1814 г. Ливен, действительно, не признал брак Жабина законным и отказался принимать его «жену», попросив Дубачевского объявить ей об этом. — Там же. Л. 19–19 об. Письмо от 29 октября / 10 ноября 1814 г. Черновик.

⁶⁰ О нём подробнее см.: Общий морской список. Ч. VII. Царствование Александра I. Д – О. СПб.: тип. Морского мин – ва, 1893. С. 89–90. Эпизод с «женитьбой» в Англии не помешал продвижению Жабина по службе. Следовательно, ни Дубачевский, ни Ливен об этом в Петербург не сообщили. 30 марта 1816 г. Жабин получил чин лейтенанта, 30 декабря 1826 г. — капитан – лейтенанта, 22 апреля 1834 г. — капитана 2-го ранга, 1 апреля 1842 г. переведён в 4-й ластовый экипаж с переименованием в подполковники и с назначением командиром экипажа. Умер 9 октября 1846 г.

Charlotta» («Счастливая Шарлотта») шкипера Клауса Вакерфельдта (Claus Wackerfeldt), отправлявшийся в Ригу. На тот же корабль он устроил в качестве матроса ещё одного россиянина, а «...15 – ть человек праздных здесь Росс[ийски]х мореходцов поместил... на 2 – х Росс[ийски]х кораблях, отправившихся в иностранные порты...». Консул был поистине неистощим на нахождение различных путей устройства жизни своих соотечественников за границей или доставки их на родину. «...Более 60 – ти человек финляндцев, получив от меня виды покровительства, сами приискали себе и работу, и служение; шесть человек больных отосланы мною в здешния Гошпитали с надлежащим за приём оных там платежём (так в тексте. — А.О.). Все другие, затем остающиеся здесь и ежедневно ко мне являющиеся Российские праздные мореходцы и солдаты получили и получают от меня единовременно по 3 шиллинга с тем, чтобы также сами старались находить себе работу для дневного пропитания, не ожидая уже от меня впредь никакого себе денежного вспоможения до имеющегося открыться случая для отправления их в Россию»⁶¹.

Но количество праздношатающихся российских подданных в Англии и после окончания наполеоновских войн не уменьшалось, а постоянно увеличивалось. Причин этого было две: во – первых, прибытие бывших русских пленных, служивших, наверное, во всех европейских армиях, в т.ч. и в английской, и теперь уволенных со службы; во – вторых, как писал Дубачевский в ГКИД в октябре 1815 г., отношение иностранных шкиперов к русским матросам, что является «...главнейшею причиною бегства с кораблей молодых Российских матросов, яко не привыкших ещё к Морскому роду жизни, а, меньше того, к жестокому и безчеловечному с ними инородных Шкиперов и Штурманов обхождению». Однако жизнь на чужбине без определённого занятия развращала россиян ещё быстрее, чем корабельное рабство. «...Большая часть таковых беглецов, или оставленных инородными Шкиперами в чужих

⁶¹ АВПРИ. Ф. 1, П – 5 (1814 г.). Д. 2. Л. 17 – 17 об. Дубачевский Ливену от 26 октября / 7 ноября 1814 г. На л. 17 адрес российского генконсульства в Лондоне, куда являлись эти россияне: «45 Great Coram Street, Brunswick Square».

краях матросов, являлись и являются ко мне в самом жалостном состоянии и с навыком, так сказать, быть бродягами или праздношатающимися»⁶².

Дубачевский прикладывал титанические усилия для того, чтобы отправить как можно быстрее и как можно больше россиян на родину. В марте 1815 г. он сообщал Ливену: за прошедшую зиму удалось пристроить более 120 – ти чел. «на разных Росс[ийски]х кораблях к местам» и ещё около 200 – т чел., «...получив от меня виды покровительства, нашли, конечно, сами себе пропитание, потому что с некоторого времени не являются более ко мне; было же много и таких, кои, не захотев итти за положенную плату служить мореходцами на Росс[ийски]х судах, отправляющихся в разные чужестранные порты, потеряли всякое право требовать себе от меня какого – либо поддержания, потому что мне их ни к чему здесь иначе принудить не можно...». В Лондоне оставались ещё 50 – т чел. таких же россиян, которых консул частью устроил на русские суда «для пропитания» с платой за них по 1 шил. в день, частью (а она ежедневно пополнялась новыми просителями) оставил под своим надзором до возвращения в Россию. «...Но мучительные мои хлопоты состоят найпаче (так в тексте. — А.О.) в том, что весьма малое число Российскими судами управляющих Шкиперов склоняются на мои настояния к принятию от меня несчастных сих мореходцов и военнотружущих пленников. Со всем тем, я не смею уже просить нового приказания у В[ашего] С[иятельс]тва для получения некоторой ещё суммы денег от Банкир[о]в Гармана и К°, а намерен только выдавать от себя Свидетельства преклонным к моим настояниям Шкиперам в том, чтобы в России благоволено было им заплатить за каждого такового пассажира от 45 до 50 рублей», — писал он Ливену. Консул надеялся, что весной 1815 г. окончательно освободится «на всегда от хлопот по сему во всяком виде неприятному предмету», но предупреждал посла (предчувствие его не

⁶² Там же. Л. 22 – 122 об. Донесение от 1/13 октября 1815 г. Получено 24 октября 1815 г. Сбоку на л. 22 приписка карандашом: «Копию с сего донесения надобно сообщить Г. Министру военных морских сил».

обмануло) — в противном случае он не сможет обойтись без новых денежных заимствований⁶³.

Как только навигация очередного года подходила к концу, и, следовательно, военный и торговый флоты Англии избавлялись от ненужных им матросов, в генконсульстве в Лондоне опять появлялись целые группы «...Российских Мореходцов и других бедного состояния Российских подданных, скитающихся по сему Королевству и стекающихся в сей Столице с изъяснением у меня желания возвратиться во своё Отечество...». Консул снова писал в ГКИД, в Департамент внешней торговли, в различные министерства⁶⁴, перечисляя «...те затруднения, с которыми ежедневно встречаюсь в приискании средств к отправлению таковых людей в Россию...». Всё же, несмотря на огромные трудности, ему удалось отправить «...в течение (так в тексте. — А.О.) двух лет около четырёх сот человек... разными случаями в Российские Порты, и более двухсот [я] поместил на разных Российских кораблях матросами, что всё стоило немалых издержек, хлопот и неприятностей...». Ради этого консул пошёл на решительный шаг. В августе 1815 г., с разрешения Ливена, он обратился в британское Адмиралтейство с просьбой выделить военный корабль для доставки всех опекаемых им россиян в Кронштадт. Адмиралтейство пошло на это, но затруднение встретилось с неожиданной стороны. «...Ибо как скоро сии бродяги, бывшие до сего частью на военных английских, а частью на купеческих кораблях служителями, провели о таковом для них назначении военного судна, то и перестали ко мне являться; так что, не взирая на все мои повестки, с 9-го числа августа по 12-е сентября, на силу удалось мне отправить на Аглинской фрегат *Гидру* (выделено в тексте документа. — А.О.) всего 90 челов[ек] оных. В разсуждении сего малого числа Российских матросов

⁶³ АВПРИ. Ф. 1, П-5 (1814 г.). Д. 2. Л. 20-21. Письмо от 16/28 марта 1815 г.

⁶⁴ Российская бюрократическая машина медленно реагировала на отчаянные обращения Дубачевского. Только в конце октября 1815 г. было решено «составить записку для представления [дела] Комитету ГГ. Министров». — Там же. Л. 24. Приписка сбоку листа карандашом.

Великобританское Адмиралтейство (так в тексте. — А.О.) и отменило прежнее своё приказание, предписав оному фрегату не далее с таковыми пассажирами следовать, как только до Готенбурга. По сей причине и извещён уже был от сего Консульства Российский там Консул Ланг о дальнейшем оных Росс[ийски]х подданных призрении: но как чрез несколько дней сему Консульству (т.е. лондонскому. — А.О.) посчастливилось убедить некоторым образом здешнее Адмиралтейство, что доставлением в Готенбург бедных Росс[ийски]х матросов жребий их мог бы соделаться ещё жалостнее, за редкостью оттуда случаев к отправлению оных до зимы в Россию, то оно и согласилось предписать Командиру речённого фрегата высадить оных пассажиров в Копенгагене, куда и посланы от сего Консульства Росписи оным матросам на имя Российского там Генерального Консула», — доносил Дубачевский в ГКИД⁶⁵. Консул при этом не потерял надежды воспользоваться случаем прибытия в Англию русских военных кораблей для отправки на родину «вновь стекающегося [в Лондон] немалого числа Росс[ийски]х матросов». Узнав о прибытии в Диль из французского порта Гавр де Грас фрегата «Архипелаг», он просил Ливена уполномочить его «...к отсылке на оный всех тех Российских подданных, коих невозможно мне будет распределить по купеческим нашим кораблям; что всё сопряжено с некоторыми на счёт казны издержками»⁶⁶.

Видимо, операция с посадкой на фрегат «Архипелаг» не состоялась или покровительства Дубачевского просили новые оставшиеся без работы матросы, но 13/25 ноября 1815 г. он писал Ливену: «Не имея в настоящее время года никаких уже других средств пристроить оных по местам, или отправлять в Росс[ийски]е какие порты на Росс[ийски]х ли то или на иностранных кораблях, и видя их, так сказать, погибающих не только с голоду, но и от холоду, принуждён я был обратиться [с] письменным, за десять дней пред сим, представлением к Королевскому

⁶⁵ Там же. Л. 22, 22 об. — 23 об. Донесение от 1/13 октября 1815 г.

⁶⁶ АВПРИ. Ф. 1, П-11 (1814 г.). Д. 38. Л. 12-12 об., 17 (цит. л. 17). Письмо от 21 сентября / 2 октября 1815 г.

здешнему Адмиральтейству, прося оное о доставлении мне способа к збережению таковых Росс[ийски]х подданных в надёжном каком месте до будущей весны или до открытия у меня и прежде какого либо случая по помещению оных на Росс[ийски]х судах служителями.

Лорды, управляющие Адмиральтейством, уважив моё представление, препоручили Г[осподин]у Контр – Адмиралу баронету Тому Попгаму, командиру военного при Гринвиче лежащего корабля Ирис, принять на оной от меня и с моим видом (т.е. с паспортом. — А.О.) всех Росс[ийски]х матросов, употребляя их на оном судне в работу, производя им за то содержание, положенное для Аглинских команд, ставя только нужное для оных одеяние на мой счёт, и отпуская их с того корабля по моему требованию.

В следствие чего и начал я посылать туда с 17 – го ч[исла] сего месяца и по вчерашнее число отослано уже 30 челов[ек] Росс[ийски]х подданных»⁶⁷.

В начале весны следующего года Дубачевский снова просил у британского Адмиралтейства корабль для доставки в Копенгаген 156 – ти «Российских несчастно здесь скитающихся матросов и солдат». Англичане согласились и предложили отправлять их в Гринвич для размещения на транспорте «Британия» капитана Амброса. Но из них, по сведениям консула, разбежалось около 60 – ти (Дубачевский предполагал, что Амброс этому сознательно не препятствовал), пятеро оказались больны и были помещены в госпитали, а 84 чел. удалось посадить на корабль. Консул, видимо, уже потерявший надежду на окончательное решение этого болезненного вопроса, сообщал одному из руководителей МИДа гр. К.В. Нессельроде: «Других Российских матросского звания подданных, могущих впредь ко мне являться, не премину либо размещать по Росс[ийски]м купеческим кораблям, либо отсылать оных прямо пассажирами в Российския порты, каким образом возможно будет». По поводу беглецов он раздражённо сообщал: «...я принуждён... буду оставить их без дальнейшего призрения, буде они ко мне

⁶⁷ Там же. Л. 18 – 18 об.

паки следующею зимою явятся; разве на то последует мне особое от Вашего Сиятельства предписание»⁶⁸.

Архивы хранят ещё много документов, рассказывающих о судьбах, порой невероятных, русских солдат и матросов, оказавшихся в плену во время наполеоновских войн. Но и приведённых свидетельств достаточно, чтобы сделать некоторые выводы касательно нахождения россиян в Англии в период англо – русского разрыва 1807 – 1812 гг. и, в целом, характера англо – русских отношений в начале XIX в.

Хотя первая в истории двух стран война и называется «бездымной», русских пленных в Англии оказалось немало, поскольку в ходе неё были сражения на море, захваты англичанами русских купеческих кораблей с пассажирами на Балтике, а также взятие пленных на Пиренейском п – ове, в Голландии и в других местах, куда их после вербовки отправляли французы. Некоторые бывшие русские пленные, одетые в красные английские мундиры, сражались на поле Ватерлоо.

Условия нахождения в Англии были тяжёлыми и для офицеров, и для нижних чинов. Для нижних чинов – особенно, поскольку они могли оказаться в халках и тогда выбраться оттуда здоровыми у них было мало шансов. Но англичане, в отличие от французов, не делали сознательных попыток морить пленных голодом, чтобы довести до полного изнеможения (подорвать здоровье потенциального врага) или заставить поступить на службу. Британские власти были, конечно, заинтересованы в пополнении своих сухопутных войск за счёт пленных, которые, как правило, являлись опытными бойцами. Недаром в Гарвиче существовало «Иностранное депо» и действовал «Иностраннный корпус». Однако надо учитывать, что британские сухопутные части никогда (исключением здесь является, наверное, только Ватерлоо) не вели на континенте крупномасштабных военных действий⁶⁹, подобных сражениям Наполеона.

⁶⁸ Там же. Ф. 1, II – 15 (1816 г.). Д. 30. Л. 1 – 1 об. Донесение от 14/26 марта 1816 г., № 2. Получено 21 апреля [1816 г.].

⁶⁹ По словам английского историка Винсента Кронина, Великобритания, освободившись от страха вторжения французов после Трафальгарского

Следовательно, они не нуждались в массовом наборе всех, кто по тем или иным причинам оказывался под рукой.

Трудности, испытываемые русскими, объясняются чаще всего тяжёлыми экономическими условиями в Англии периода континентальной блокады, от которых страдали и англичане, а также огромными расходами британского казначейства на ведение союзниками военных действий. Не забудем и о том, что в течение всего периода разрыва 1807 – 1812 гг. в Англии действовали влиятельные представители правящего класса и бизнес – сообщества (пример – «Комитет помощи» во главе с Ангерстейном), которые считали неизбежным и взаимовыгодным восстановление отношений двух стран. Плюс сохранявшаяся экономическая заинтересованность сторон друг в друге.

Вербовка пленных в ряды своих войск и на флот – это традиционная практика всех государств того времени. Солдаты и матросы могли по многу раз переходить из рук в руки. Но Англия, пожалуй, единственная страна из всех, которая обязывала новобранцев подписывать официальный договор об условиях службы. При увольнении они обеспечивались деньгами, обмундированием и питанием на точное количество дней, необходимых для возвращения домой. (Правило, конечно, не отменяет того, что жизнь вносила в него свои коррективы и были случаи обмана иностранцев, особенно неграмотных и плохо владевших английским языком, британскими сержантами и офицерами. Общеизвестно, как с помощью обмана и запугивания англичане захватывали новых матросов.) С другой стороны, если многие русские пленные и дезертиры смогли остаться после окончания войн во Франции, Швейцарии и в германских землях (их укрывало там местное население и об этом говорится в мемуарах)⁷⁰, то относительно Англии есть только свидетельства о том,

сражения, «...оказалась в состоянии играть более активную роль на суше, помогая континентальным противникам Наполеона гиньями, порохом и гренадёрками». — *Кронин В.* Наполеон. Биография / Пер. с англ. С. Струкова. М.: Захаров, 2008. С. 378. (Серия: Биографии и мемуары).

⁷⁰ Об этом см., например: *Болт В.С.* Дезертирство из русского оккупационного корпуса во Франции в 1815–1818 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки, 2017. Т. 19, № 1 (160). С. 177–185.

что на родину не смогли вернуться россияне, отправленные в далёкие колонии. В архивных документах мне удалось найти упоминание лишь об одном солдате (Терентии Зуйцове [Зубцове]), открыто выразившем желание не возвращаться в Россию, да и то, неизвестно, удалось ли ему остаться в Англии. Такое положение, видимо, тоже было следствием строгого учёта пленных и необходимости выполнения обязательства об увольнении наёмников после истечения срока контракта. Что касается матросов, то, как писал Дубачевский Ливену в июле 1815 г., английские моряки (добавлю: пока ещё не объединённые в профсоюзы, но уже умеющие коллективно отстаивать свои права) просили Адмиралтейство по миновании надобности не допускать найма иностранцев даже на купеческие суда⁷¹. Как говорится, мавр сделал своё дело, мавр может уйти.

Казалось бы, ситуация англо – русского разрыва не могла более повториться и стороны должны были извлечь из этого уроки. Но в первой половине XIX в. Англия активно усиливала своё экономическое, а, следовательно, и политическое влияние в Европе, на Ближнем и Дальнем Востоке, связывая зоны жизненно важных интересов морскими коммуникациями. Россия стремилась укрепиться на северо – западных, юго – восточных и южных рубежах, вынужденно принося в жертву геополитике экономические интересы и насущные потребности внутреннего развития. Это привело к столкновению Лондона и Петербурга в Крымской войне. В ходе неё на английской земле опять появились русские пленные, история которых ещё не написана. Ситуация отразилась зеркально и на другой стране. Английским пленным пришлось побывать в России.

⁷¹ АВПРИ. Ф. 1, П – 11 (1814 г.). Д. 38. Л. 7–8 (цит. л. 7). Письмо от 26 июля / 7 августа 1815 г.

ГЛАВА 5

ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1830–1831 ГОДОВ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ЗАПАДА

М.В. Жолудов

Национально–освободительное восстание в Царстве (Королевстве) Польском, начавшееся в ноябре 1830 г., охватило польские земли, находившиеся под властью царской России, и распространилось на территории Литвы, Западной Белоруссии и Правобережной Украины. Оно стало важным этапом в борьбе польского народа за независимость и имело большое международное значение.

Польский вопрос представлял собой проблему отношения к национально–освободительному движению в Польше, разделенной между Россией, Австрией и Пруссией в конце XVIII в. Он был одним из наиболее сложных вопросов в европейской политике XIX в. Обострение польского вопроса (1830–1831 и 1863–1864 гг.) обычно приводило к осложнению отношений России с рядом европейских стран, в первую очередь с Англией и Францией.

Николай I, вступивший на российский престол в 1825 г., не скрывал своего отвращения к конституционному строю в Царстве Польском. Конституция 1815 г. юридически ограничивала власть Николая I как польского короля, с чем он не желал примириться. Он попытался приостановить распространение либеральных настроений в Польше: закрылся ряд газет, сократилось число польских школ, вводилась цензура, был задержан созыв

сейма. Нарушение конституционных порядков вызвало широкое недовольство в стране. Активизировали свою деятельность тайные польские общества и кружки. Революции 1830 г. во Франции и Бельгии дали последний толчок подъему национального движения в Царстве Польском.

Поводом к вооруженному выступлению стали слухи о том, что польская армия должна стать авангардом русских войск в подавлении бельгийской революции. Группа подхорунжих 29 ноября 1830 г. совершила нападение на Бельведерский дворец в Варшаве, являвшийся резиденцией царского наместника в Царстве Польском великого князя Константина. Польские полки с оружием в руках вышли из казарм на улицы. Выступление армии было поддержано университетской молодежью, рабочими и ремесленниками. Началось формирование отрядов Национальной гвардии. Начавшееся как военный переворот движение превратилось в массовое восстание. Русские войска во главе с едва спасшимся великим князем Константином были вынуждены 30 ноября оставить Варшаву. Восстание быстро распространялось по территории Царства Польского.

Руководство движением оказалось в руках представителей консервативных слоев польского общества — верхушки шляхетской аристократии. Руководители восстания, по оценке английской газеты «Таймс», «клика эгоистичных аристократов, равнодушных к народному делу и заботящихся только о себе»¹, отказавшись от развертывания подлинно народной войны, сделали ставку на помощь иностранных государств, в первую очередь Англии и Франции. В Париж и Лондон были направлены польские эмиссары с просьбой о помощи. Польские события очень быстро перестали быть исключительно внутренней российской проблемой, став объектом пристального внимания и политических дискуссий по всей Европе.

Правящая элита Июльской монархии и французская общественность явно симпатизировали мятежным полякам. Дело заключалось в том, что по Франции ходили упорные слухи о том, что абсолютистские монархии Европы — Россия, Австрия

¹ Times. 1831. 10 Jan.

и Пруссия — готовят антифранцузскую коалицию для восстановления династии Бурбонов. Во главе коалиции должен был встать император Николай I. Поэтому, в стране весьма популярным стало мнение о том, что польское восстание спасло Францию. Мятеж в Польше якобы предотвратил возможную агрессию России против Июльской революции².

Однако, несмотря на такие настроения, формальная позиция короля Луи Филиппа и его правительства во главе с Ж. Лаффи-том, относительно польского восстания была последовательной и заключалась в отказе от предоставления реальной военной помощи полякам. Французские дипломаты прекрасно сознавали, что открытая военная поддержка поляков, скорее всего, приведет их страну к вооруженному столкновению не только с Россией, но и с Пруссией и Австрией. Ведь в польском вопросе тесно переплетались интересы целостности Австрии, Пруссии и России.

К тому же, 13 марта 1831 г. министерство Ж. Лаффита, которое было тесно связано с финансовыми кругами Франции и весьма сочувствовало польским повстанцам, уступило место правительству Казимира Перье. А новый первый министр Франции, в полном согласии с королем, занял гораздо более жесткую позицию по польскому вопросу. Он уже категорически отказывался даже говорить об оказании Францией военной помощи полякам. Все это весьма подходило российскому правительству. Еще в январе 1831 г. российский посол в Париже Поццо ди Борго писал в своей депеше в МИД России: «Расположение правительства относительно польских дел стало таким, какое мы только можем желать. Я получил все возможные заверения, что Франция не вмешается в польский вопрос ни под каким предлогом»³. Подчеркивая умеренность и осторожность К. Перье, русский дипломат выражал уверенность, что «войны не случится в его (К. Перье. — М.В.) президентство».

Между тем, поляки не теряли надежды на помощь Франции: к французскому правительству постоянно прибывали миссии

² *Таньшина Н.П.* Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М., 2005. С. 156.

³ См. там же. С. 157.

с просьбой вооруженной, финансовой и иной помощи. Министр иностранных дел Франции О.—Ф. Себастиани, сообщая о своих встречах с поляками Поццо ди Борго, уверял его, будто бы всякий раз заявлял им, что «король не желает вмешиваться в дела Польши, и что он советовал полякам взывать к великодушию и милосердию императора»⁴. Принимая подобные объяснения, Поццо ди Борго в то же время отмечал, что легкость, с которой генерал Себастиани соглашался на встречи с поляками, являлась «показателем интереса, который король Филипп считал себя обязанным свидетельствовать делу поляков»⁵.

Однако в разговоре с российским послом Себастиани сделал жесткое заявление, подчеркнув, что, несмотря на то, что польский вопрос являлся внутренним делом Российской империи, существование польского государства было гарантировано решениями Венского конгресса, и, следовательно, польский вопрос являлся частью европейского публичного права. Исходя из этого, сделал вывод Себастиани, если Россия предпримет меры, противоречащие договорам 1815 г., «другие государства будут вправе выступить против и рассматривать действия России как нарушение установленного статус—кво». Кроме того, Себастиани выразил уверенность, что правительства Великобритании, Австрии и Пруссии будут солидарны с позицией французского кабинета⁶.

Было понятно, что Франция, ослабленная недавней Июльской революцией, не решалась выступить в одиночку. Министр Себастиани прямо признался польскому посланнику князю Леону Сапеге, что его страна ничего не сможет сделать одна и что полякам следовало бы получить от Англии обещание о поддержке восстания. «Без этого Франция не может помочь полякам даже путем дипломатических переговоров», — заявил Себастиани⁷. Таким образом, судьба польского восстания также во многом зависела от позиции Великобритании.

⁴ *Таньшина Н.П.* Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М., 2005. С. 157.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 158.

⁷ Сапега Л. Мемуары князя Леона Сапегги. Пг.: Прометей, 1915. С. 32.

Казалось, Англия была именно той страной, которая могла бы содействовать успеху польского восстания. Британское правительство лорда Грея неоднократно заявляло о поддержке либеральных движений за рубежом. Британское общество было «либерализовано» размахом агитации за принятие демократической парламентской реформы, которая в эти же дни широко велась во всех крупнейших городах страны. Общественное мнение Великобритании было явно на стороне поляков, газеты раздували русофобские настроения. Даже обычно сдержанная, респектабельная «Таймс» опубликовала на своих страницах подборку антирусских заметок⁸.

Однако британский кабинет не спешил оказать поддержку восставшим, заняв выжидательную позицию. Его сдерживала просьба Николая I к английскому правительству «открыто и торжественно» осудить мятежников, переданная через царского посла в Лондоне князя Х.А. Ливена⁹.

Британскому послу в Петербурге лорду Хейтсбери было предписано «сохранять самую большую осторожность по отношению ко всему, что касалось дел Польши»¹⁰. Та же газета «Таймс» вместе с пожеланиями полякам успеха «во имя справедливости, гуманизма и свободы» писала, что Англия не готова, подобно Франции, «призывать к активной помощи в деле, хотя и славном, но, тем не менее, не оправдывающем внешнего вмешательства»¹¹.

Правда, вскоре под давлением общественного мнения британское правительство было вынуждено направить лорду Хейтсбери запрос о возможности переговоров с российским правительством по польскому вопросу. Ответ посла начисто отвергал такую возможность. Лорд Хейтсбери докладывал, что царское правительство чрезвычайно чувствительно относится к вопросу об иностранном вмешательстве в дела Польши,

⁸ Times. 1831. 4 Jan.

⁹ Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 11: Трактаты с Англией. 1801–1831. Спб., 1895. С. 448.

¹⁰ Киняпина Н.С. Внешняя политика России первой половины XIX в. М.: Высшая школа, 1963. С. 164.

¹¹ Times. 1831. 1 Jan.

причем настолько, что этот вопрос едва ли может стать предметом переговоров, а любой совет будет воспринят как оскорбление. «Любое предложение о посредничестве, — писал он в ответной депеше в Лондон, — исходит оно от Франции или какой-либо державы, будет принято, я уверен, с крайним негодованием и приведет к неутешительному результату»¹². Николай I в скором времени подтвердил слова британского посла, заявив, что он «никогда не допустит вмешательства в дела, исключительно зависящие от Императорского правительства»¹³. Он считал, что сам разберется со своими польскими подданными, грозно повелев им в специальном манифесте «немедленно положить конец своевольствам и противозаконным вооружениям, восстановив весь прежний порядок»¹⁴.

Выяснив позицию царского правительства, британский кабинет счел возможным принять польских представителей — князя Сапегу и маркиза Александра Велепольского. Премьер-министр лорд Грей и министр иностранных дел лорд Пальмерстон, встречаясь с польскими эмиссарами, заявили, что английское правительство не видит серьезных оснований для вмешательства в дела Королевства Польского¹⁵. Таким образом, надежды поляков на быструю и действенную помощь Англии не оправдались.

Провал миссий польских эмиссаров был встречен с восторгом российскими дипломатами в Лондоне. Так, жена русского посла княгиня Д.Х. Ливен в частном послании лорду Грею открыто восхищалась действиями британского премьера, считая его сторонником России в польском вопросе: «Ваше положение так высоко, что по необходимости величайшая важность придается всем вашим действиям, и вот почему Император, прекрасно осведомленный о действиях польских агентов и здесь, и в других странах, оценил и выразил свою признательность

¹² Great Britain. Foreign Office. Correspondence with the Government of Russia Respecting the affairs of Poland. 1831–1832. L., 1861. P. 1.

¹³ Мартенс Ф. Указ. соч. С. 448.

¹⁴ Военский К. Император Николай и Польша в 1830 году. Спб: типография А.С. Суворина, 1905. С. 110.

¹⁵ Сапега Л. Указ. соч. С. 136; Спасович в.Д. Жизнь и политика маркиза Велепольского. Спб.: типография М. Стасюлевича, 1882. С. 26.

вам за вашу прямую и дружественную политику в отношении его к полякам»¹⁶. Грей в ответном письме княгине, подчеркивая свои дружеские симпатии к России, выражал «искреннее желание», чтобы «были найдены средства окончить это злополучное дело (российско–польский конфликт. — М.Ж.) так, чтобы не восстановить общественное мнение Европы против вас (России. — М.Ж.)»¹⁷.

Однако пассивность английского правительства в польском вопросе объяснялась не только «симпатиями» к России. Британская дипломатия в то время была больше обеспокоена сложностью ситуации в постреволюционной Бельгии и не хотела серьезно отвлекаться на польские дела. Бельгийский вопрос представлялся правящим кругам Великобритании более важным и перспективным, нежели польский. Польша не слишком интересовала британскую буржуазию, для которой она являлась ненадежным (по сравнению с развитой Бельгией) торговым партнером. Идея польской независимости была для английских политиков абстрактным принципом, о чем заявил лорд Пальмерстон, выступая в палате общин парламента с внешнеполитической концепцией своего правительства: «Великобритания не вмешивается во внутренние дела стран, где имеют место гонения на либеральные принципы, так как не имеет смысла начинать войну из–за абстрактных принципов»¹⁸.

Вмешательство Англии в польские дела означало бы для нее непереносимое столкновение с могущественным соперником — Российской империей, обладавшей сильной армией и неплохим флотом. Отношения двух держав и без того были серьезно осложнены ожесточенной борьбой за влияние на Балканах и Ближнем Востоке. Дальнейшее обострение ситуации вполне могло привести к началу англо–русской войны. Лорд Пальмерстон крайне скептически относился к требованию радикалов

¹⁶ *Александренко В.Н.* Из переписки княгини Ливен с графом Греем. 1824–1841. Варшава, 1891. С. 18.

¹⁷ Княгиня Ливен и ее переписка с разными лицами // *Русская старина*. 1903. Т. 115. Кн. 9. С. 692.

¹⁸ *Opinions and Policy of the Right Honourable Viscount Palmerston. L., 1852. P. 249.*

начать войну против России. Располагая сильнейшим в мире военно–морским флотом, Великобритания не имела большой сухопутной армии, тогда как лишь победа англичан на суше могла заставить Россию изменить свою польскую политику, но одержать таковую «владычица морей» была не в состоянии. Поэтому Пальмерстон не скрывал своего мнения: «Мы никогда не направим армию в Польшу, а сожжение русского флота даст тот же эффект, что и сожжение Москвы»¹⁹. Английский дипломат явно намекал на бесславный конец похода армии Наполеона в Россию в 1812 г.

В феврале 1831 г. русские войска под командованием фельдмаршала Дибича вступили на территорию Царства Польского. В связи с этим английская пресса усилила антирусскую агитацию. Чтобы успокоить пропольски настроенное общественное мнение страны, английское правительство все же решилось осторожно выступить в защиту конституционных прав Царства Польского. В инструкции лорду Хейтсбери от 22 марта 1831 г. Пальмерстон писал: «Любое изменение, которое повлечет за собой включение Польши в состав Российской империи и уничтожение отдельного управления и конституции, было бы нарушением Венского договора, и тогда Англия и все остальные страны–участницы этого соглашения имели бы бесспорное право протестовать»²⁰. Британскому послу в Петербурге рекомендовалось тщательно наблюдать за изменениями в решении Россией польского вопроса и энергично протестовать против любой меры, которая не будет соответствовать условиям Венского договора. Необходимость дипломатического вмешательства Пальмерстон объяснял стратегическими интересами Великобритании в Центральной Европе. Он обращал внимание посла на то, что границы Царства Польского находятся в «опасной близости» от столиц Австрии и Пруссии. Поэтому окончательное включение Королевства в состав Российской империи могло привести, по мнению Пальмерстона, к усилению русских позиций

¹⁹ *Bourne K.* The Foreign Policy of Victorian England, 1830–1902. Oxford: University Press, 1970. P. 33.

²⁰ Great Britain. Foreign Office. Correspondence with the Government of Russia... P. 2.

в Австрии и Пруссии и приданию «политике этих двух держав характера, очень отличающегося от того, каким он мог бы стать, будучи свободным от внешнего влияния»²¹. Одновременно министр иностранных дел предупреждал своего посла о необходимости воздерживаться от «недружественных дискуссий с русским правительством, с которым правительство Его Величества при нынешних обстоятельствах (имелись в виду заинтересованность Англии в нейтральной позиции России в бельгийском вопросе и осложнение англо–русских отношений на Ближнем Востоке. — М.Ж.) более чем когда–либо желает поддерживать самые тесные дружественные отношения»²².

Попытка английской дипломатии «защитить» поляков была такой мягкой и осторожной, что в Петербурге ее едва заметили. Лорд Хейтсбери, получив упомянутые нами инструкции, имел непродолжительную беседу с вице–канцлером Российской империи графом К.В. Нессельроде, которому изложил претензии британского правительства. Нессельроде, спокойно выслушав посла, заметил, что поляки первыми нарушили Венский договор, низложив русского царя с польского престола, поэтому Россия вправе наказать «непослушных». Он также выразил сожаление по поводу «необдуманных действий» Великобритании и Франции в защиту восставших. А по поводу обеспокоенности Великобритании усилением русских стратегических позиций в Центральной Европе вице–канцлер заверил английского посла в том, что и Австрия, и Пруссия заинтересованы в скорейшем подавлении польского восстания и не возражают против включения польских земель в состав Российской империи²³. Таким образом, никаких серьезных последствий эта беседа не имела. Слова К.В. Нессельроде по существу означали отказ России обсуждать с английскими дипломатами польский вопрос. Позиция России в этом вопросе была прямой и недвусмысленной — никаких уступок польским мятежникам. Пальмерстон же впоследствии ставил себе в заслугу то, что никогда «не скрывал

²¹ Great Britain. Foreign Office. Correspondence with the Government of Russia... P. 2.

²² Ibid. P. 3.

²³ Ibid. P. 4.

своего мнения от русского правительства», которое «тем не менее имело другую точку зрения по этому (польскому. — М.Ж.) вопросу»²⁴.

Тем временем в Лондон из Царства Польского поступали тревожные сообщения о неуклонном продвижении царских войск к Варшаве. «Польская трагедия близится к развязке», — мрачно предрекала «Таймс»²⁵. В британской столице все более сочувственно воспринимались вести об упорном сопротивлении поляков. Либеральная пресса не жалела красноречия в защиту польского дела. «Таймс» с возмущением писала о нерешительности европейских правительств, постоянно откладывающих признание польской независимости. Полякам, как говорилось в редакционной статье газеты, приходилось довольствоваться «лишь бесплодными симпатиями свободных наций». «Таймс» признавала, что польское движение в основном опирается на внутренние ресурсы, на патриотический подъем жителей Польши²⁶.

В июле 1831 г. французская дипломатия вновь предприняла попытку склонить Англию к вмешательству в польские дела. Французский посол в Лондоне князь Талейран передал Пальмерстону письмо, в котором излагалось предложение французского короля совместными усилиями двух держав прекратить кровопролитие в Польше и «сохранить политическое существование народа, который показал себя достойным этого благодаря большому мужеству и патриотизму и который имеет гарантии Венского конгресса на сохранение национального суверенитета»²⁷.

Информация о возможном начале француско–английских переговоров по польскому вопросу просочилась (вероятно по инициативе самого Талейрана. — М.Ж.) во французскую прессу. Французские правительственные газеты известили общественность о уже якобы начавшихся переговорах, которые, как писалось, «обещали самый удовлетворительный результат»²⁸. На

²⁴ Opinions and Policy... P. 241.

²⁵ Times. 1831. 7 Mar.

²⁶ Times. 1831. 1 July.

²⁷ Great Britain. Foreign Office. Correspondence with Prince Talleyrand respecting Poland. L., 1831. 1861.P. 2.

²⁸ Тяньшина Н.П. Указ. соч. С. 159.

вопросы Поццо ди Борго относительно этих, по его мнению, несуществующих переговоров К. Перье и генерал Себастиани ответили, что эти публикации в значительной степени, были уступкой общественному мнению накануне очередных парламентских выборов, должны были «удовлетворить прессу и революционный дух палаты» и не имели другой цели. Аналогичные заявления были сделаны и королем Луи Филиппом, заявившим российскому дипломату, что «общественность Франции была так настроена в пользу поляков, что хранить молчание накануне открытия палат было невозможно». Однако, несмотря на данные объяснения, инициатива французского правительства была с большим неодобрением встречена в России. Как заявил Луи Филиппу Поццо ди Борго, «императорский кабинет остается непреклонным в своем решении не позволить ни Франции, ни какой другой державе вмешиваться во внутренние дела России»²⁹.

Британская дипломатия также отнеслась к французской инициативе крайне негативно. Пальмерстон ответил решительным отказом. Однажды потерпев неудачу, он не хотел испытывать судьбу еще раз. К тому же в Лондоне продолжала свою работу конференция послов пяти держав (Англии, Франции, России, Австрии и Пруссии) по бельгийскому вопросу, который интересовал его гораздо больше польского. Поэтому Пальмерстон не собирался лишней раз вызывать недовольство русского царя, позиция которого в бельгийском вопросе его вполне устраивала. Английский дипломат прекрасно видел, что дальнейшее развитие событий в Польше неизбежно приведет к разгрому восстания. Силы противоборствующих сторон были слишком неравными. Против польской повстанческой армии численностью около 55 тысяч человек со 140 орудиями действовала царская армия в 115 тысяч человек и 336 орудий³⁰.

В ответном письме Пальмерстон в свойственной ему дипломатичной манере от имени своего монарха отверг французское предложение: «Его Величество, глубоко сожалея о несчастных

²⁹ Танышина Н.П. Указ. соч. С. 159.

³⁰ История Польши: В 3 т. // Под ред. В.Д. Королюка и др. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1. С. 443.

последствиях губительного соперничества, считает, что не настал еще час, когда он мог бы решиться на поступок, который, будучи примиренческим по форме, тем не менее, может обеспокоить независимую державу (Россию. — М.Ж.), известную ревнивым отношением к своим правам и чрезвычайно чувствительную ко всему, что может задеть ее национальную честь»³¹. Одновременно он объявил русскому посланнику в Лондоне графу А. Матушевичу, что Англия отныне не признает за собой права вмешиваться в дела Польши, и поэтому отказывается от поддержки французской политики в этом вопросе³². Оставшись в одиночестве, Франция не осмелилась открыто выступить против России. Надежды поляков на помощь западных держав окончательно рассыпались. Они оказались один на один с военной мощью Российской империи.

Отказавшись от поддержки польского восстания, кабинет лорда Грея, тем не менее, не торопился с обнародованием своего решения. На это существовали весьма серьезные внутриполитические причины. Грей и Пальмерстон прекрасно понимали, что опубликование такого решения вызвало бы широкое недовольство среди различных слоев английского общества и неминуемо привело бы к падению их правительства. Поэтому лорд Пальмерстон тщательно конспирировал деятельность Форин офис в этом направлении. К. Маркс в одной из своих публицистических статей обращал внимание на то, что «благородный лорд приложил все усилия к тому, чтобы скрыть от парламента все официальные документы о польской катастрофе»³³. Дипломатическая переписка по польскому вопросу, например, была опубликована лишь в 1861 г., за четыре года до смерти лорда. Соккрытие документов позволяло Пальмерстону лицемерно заверять британскую общественность в своей приверженности либеральным принципам во внешней политике. Одновременно он продолжал поощрять пропольскую кампанию в прессе. Британские газеты убеждали англичан в том,

³¹ Great Britain. Foreign Office. Correspondence with Prince Talleyrand... P. 3.

³² Мартенс Ф. Указ. соч. С. 448.

³³ Маркс К. Лорд Пальмерстон // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 377.

что успех польского восстания принесет «неоценимые выгоды» европейским странам и что «бесспорна целесообразность вмешательства европейских правительств в ход этого восстания на стороне поляков»³⁴.

Царские войска 8 сентября 1831 г. заняли Варшаву. После падения польской столицы восстание продолжалось не менее месяца. В начале октября оно было окончательно подавлено. Николай I жестоко расправился с восставшими: тысячи поляков были осуждены на каторгу, сосланы в Сибирь, отданы в солдаты. Сотни польских семей были переселены в глубинные губернии России. В феврале 1832 г. Николай I подписал так называемый «Органический статут», который заменил ликвидированную конституцию 1815 г. и окончательно уничтожил автономные права и привилегии Королевства Польского.

Демократическая общественность Франции весьма темпераментно восприняла известия о падении Варшавы. В Париже в течение нескольких дней (16–18 сентября) происходили массовые антирусские манифестации, для усмирения которых потребовалось даже вмешательство войск. Под окнами здания отеля, в котором располагалось русское посольство, раздавались крики: «Долой русских! Да здравствует Польша! Месть!» Люди из окружения Поццо ди Борго советовали ему покинуть Париж, но он решил остаться, тем самым, сохранив дипломатические отношения между Францией и Россией. Манифестанты заставили парижские театры отменить спектакли вечером 17 сентября. Крики «Смерть министрам! Война России!» гремели по городу. Владельцы магазинов забаррикадировались, обеспокоенные тем, что «восставшие жаждут крови»; в палате депутаты уже представляли себе возобновление сцен террора. Левая печать с горечью упрекала министерство в том, что оно «постыдным образом предало Польшу»³⁵.

Французскому правительству пришлось оправдываться. Так, Себастиани пытался доказать, что французские власти

³⁴ Times. 1831. 20 July.

³⁵ Таньшина Н.П. Указ. соч. С. 159–160.

в польском вопросе занимали твердую и решительную позицию и сделали все от них зависящее для того, чтобы поддержать Польшу и в то же время не допустить резкого обострения международной обстановки. Подчеркнув, что польский народ «имеет право на благожелательность и дружбу Франции», Себастиани в то же время отмечал, что Франция не могла оказать Польше вооруженную помощь, поскольку при этом «пришлось бы осуществить завоевание всей Северной Европы». «Нам предлагают наполеоновские кампании», — заявил министр иностранных дел³⁶.

В Лондоне разгром польского восстания был встречен сдержаннее, чем в Париже. Массовых уличных выступлений не наблюдалось. Однако британская пресса пестрела многочисленными статьями, выражавшими сочувствие проигравшим полякам, упрекавшим правительство лорда Грея в недостаточной активности в решении польского вопроса. В таких условиях британский кабинет счел выгодным для себя вновь выступить в роли «защитника» Польши. Ему было необходимо сохранить «либеральное» лицо и как-то оправдать перед своей страной пассивность в польском вопросе. В депеше лорду Хейтсбери от 23 ноября 1831 г. Пальмерстон позволил себе рекомендовать российскому правительству придерживаться «разумной» политики в отношении поверженной Польши, провести полную амнистию восставших, за исключением тех, кто повинен в «убийствах», восстановить конституцию Королевства Польского, гарантированную Венским конгрессом. Рекомендации английского министра не были приняты официальными кругами в Петербурге. Хотя царским правительством была проведена частичная амнистия, но ее значение свелось к тому, что власти не применили смертной казни. В ответной депеше лорд Хейтсбери сообщил Пальмерстону, что правительство России отказалось признать британскую интерпретацию Венского договора³⁷.

³⁶ Таньшина Н.П. Указ. соч. С. 162.

³⁷ Great Britain. Foreign Office. Correspondence with the government of Russia... P. 10.

Таким образом, очевидно, что западная дипломатия отнеслась к национально–освободительному движению в Польше явно с прагматических позиций. Либеральные фразы о необходимости защиты польской независимости являлись не более чем прикрытием истинной позиции западных держав. В свою очередь российские дипломаты, приняв условия игры, не воспринимали всерьез частые демарши англичан и французов в поддержку польского восстания.

ГЛАВА 6

«НЕДОЛГО ОСТАЛОСЬ ЖДАТЬ ТОГО МОМЕНТА, КОГДА КАЗАКИ БУДУТ КУПАТЬ СВОИХ ЛОШАДЕЙ В ВОДАХ ИНДА...»: ИЗ ИСТОРИИ «БОЛЬШОЙ ИГРЫ» (1868–1874 гг.)

«Для сохранения хороших отношений с Англией нужно ей доказать, хотя бы однажды, что мы можем выйти из пассивного положения и причинить ей, в случае разрыва, чувствительный ущерб»

Н.П. Игнатъев, 1861.

Лорд Ф. Робертс, главнокомандующий англо–индийской армией с конца 70–х до начала 90–х гг. XIX в., произнес фразу о русских казаках в начале 188–х г.¹, но ее в определенной мере можно применить и к концу 60–х начала 70–х гг., когда противостояние Великобритании и России в среднеазиатском регионе вступило в новую фазу.

Российская империя и Великобритания — ведущие игроки на международной арене в XIX в. История их взаимоотношений представляет собой сложную картину сближения и союзничества, с одной стороны, а, с другой, соперничества и даже военного противостояния. Вторая половина XIX и начало XX вв. ознаменовались в истории международных отношений новым всплеском феномена Большой Игры, одними из главных участников

¹ Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром. М., 2004. С. 207 // <http://www.noravank.am/upload/Piter%20Xopkirk.pdf>

которой как раз и были Россия и Великобритания. Большая Игра была геополитическим соревнованием главным образом этих государств за контроль над Центральной Азией. В основе ее лежали как экономические, политические, так социокультурные и цивилизационные факторы. Различные аспекты Большой Игры представлены в многочисленных исследованиях отечественных и зарубежных авторов. Однако, несмотря на это, в силу своей многогранности история британо–русского взаимоотношения и противостояния по–прежнему привлекает внимание исследователей. Время правления первого кабинета У. Гладстона (1868–1874 гг.) было одним из периодов в Большой Игре, когда шла разработка основных концепций, методов и политических подходов в реализации среднеазиатской политики Великобритании и России в последующие годы. В силу этого интерес представляет анализ позиций в этот период политической элиты и представителей научных и общественных кругов Великобритании по вопросам о месте Индии в Британской империи, продвижения Российской империи в Средней Азии и выработке стратегической линии по защите границ Индии и укреплению в целом британских позиций в данном регионе.

Индия занимала особое место в системе имперских воззрений английских политиков и сыграла большую роль в формировании колониальной идеологии Британии. Во многом подход англичан к этой азиатской стране определялся через призму экономических и политических достижений, к которым пришел индийский народ под их руководством. Индию относили к числу тех колоний, к которым применялся «цивилизационный подход» и курс «опекунства» и «покровительства».

Придя в 1868 г. к власти, либеральный кабинет во главе с У. Гладстоном встал перед необходимостью проведения дальнейших реформ по усовершенствованию административной системы Индии. В целом индийская политика первого кабинета Гладстона не отличалась яркостью и глубиной проводимых реформ. В эти годы главная роль в правлении Индии принадлежала вице–королю — лорду Майо, консерватору по своим политическим взглядам, с одной стороны, и индийскому правительству, с другой. Лорд Кимберли, министр иностранных дел в кабинете

Гладстона, характеризовал лорда Майо как «несколько скучного, тяжелого человека», но обладающего «здравым смыслом и независимым характером»². Индийская политика английского правительства представляла особое направление в колониальном курсе Британии, сочетающее в себе консервативные и либеральные методы управления. Она находилась как бы вне партийной борьбы в самой Англии. Поэтому назначение представителя вигов — герцога Аргайла — главой Индийского департамента не влекло за собой серьезных последствий для вице–короля, консерватора лорда Майо. Показательно, что после своего назначения на министерский пост герцог Аргайл писал последнему: «Индийская политика, к счастью, во многих моментах не связана с партийной борьбой дома (Англии — Т.Г.), и я надеюсь, что ничто не мешает мне от прямого и конфиденциального сотрудничества с Вами по каждому вопросу, касающемуся Индийского правительства»³. Майо стремился проводить независимую политику, апеллируя часто к своим консервативным друзьям и соглашая свой политический курс скорее с конкретной ситуацией в Индии, чем с рекомендациями либерального правительства. Британский исследователь С. Гопал отмечал, что «<...> ни в одной сфере первое правительство Гладстона не имело столь незначительного влияния, как в Индии»⁴.

После смерти лорда Майо от рук убийцы в 1872 г.⁵ его на посту вице–короля сменил представитель уже либеральной партии — лорд Нортбрук. Как сообщал в Россию российский посол в Лондоне Ф.И. Бруннов, «назначение на этот высокий пост является для лорда Нортбрука стремительным продвижением в его карьере на государственной службе». Новый вице–король Индии обладал, по словам Бруннова, «одним качеством, достойным всякой похвалы — независимостью мышления». Консерваторы относили его «к той школе современных реформаторов,

² Kimberley, Lord. Journal of Events during the Gladstone Ministry // Camden Miscellany. Vo. XXI. L., 1958. P. 27.

³ Argyll G.D. Autobiography and Memories. Vol. 2. L., 1906. P. 269.

⁴ Gopal S. British Policy in India. 1858–1905. Cambridge. 1965. P.64.

⁵ Архив внешней политики Российской империи (Далее — АВПРИ), ф. 133, оп.470, 1872 г., д. 60, л. 51–55.об.; The Times. 1872, 13 Febr.

которыми владеет не в меру страстное желание к обновлению всего <..>⁶. «Умеренный либерал в вигских традициях», как характеризовали его биографы, Нортбрук считал, что реформы в Индии должны проводиться постепенно. Эта страна, по его мнению, нуждалась в «твердом правительстве», которое бы избегало проводить излишние новшества во внутренней политике и продолжало бы мирный внешнеполитический курс⁷. Смена консервативного правительства Индии либеральным не привела к существенным изменениям во внутрисоциальной и внутрисоциальной жизни страны и свидетельствовала в определенной степени о неактивности индийской администрации.

Консервативные, равно как и либеральные политические деятели были едины в своих оценках перспектив Индии: страна может развиваться только под контролем британцев, допускавших незначительное участие представителей определенных кругов высшего общества, но полностью отвергавших идею создания представительного правительства в Индии. Нельзя сказать, что Англия не была заинтересована в процветании индийского общества. «The Daily Telegraph» писала в 1872 г.: «Первое — это править Индией так, чтобы она стала источником мощи, управляя ею справедливо и экономно»⁸. Этот интерес проявлялся через призму оценки роли Британии как мировой державы. Процветание Индии являлось производным от процветания Британии⁹.

Вопросы о месте Индии в системе Британской империи занимали умы английских политических деятелей. Так, одним из широко обсуждаемых вопросов был вопрос о соотношении обязанностей Индии и Англии в системе имперской обороны. Мнение либеральных министров по этому поводу расходились. Так, лорд Кардвелл, министр обороны в либеральном кабинете У. Гладстона, часто говорил, что «смотрит на Индию как на партнера

⁶ АВПРИ, ф. 133, оп.470, 1872 г., д. 60, л. 72–74.

⁷ Moulton E.C. Lord Northbrook's Indian Administration. 1872–1876. L., 1968. P. 14–15.

⁸ The Daily Telegraph. 1872, 10 Nov.

⁹ De Schweinitz K. The Rise and Fall of the British India: Imperialism and Inequality. L., 1983. P. 177.

в имперском правительстве по военным вопросам»¹⁰. Он выдвинул предложение, чтобы Индия участвовала во всех военных расходах Великобритании под тем предлогом, что она являлась «партнером» в получении всех доходов империи. Герцог Аргайл, глава Индийского департамента, назвал предложение своего коллеги по кабинету министров «пагубной доктриной»¹¹. Проблемы реорганизации индийской армии и ее финансирование рассматривались во время работы парламентской комиссии по изучению финансового положения Индии (1874г.). Если относительно «белых» переселенческих колоний имперский парламент придерживался тактики на сокращение и вывод английских войск из них, то в отношении Индии такой курс не проводился. Создание резервных бригад в этой колонии расценивалось как мера, которая соответствовала «взглядам на европейскую политику» и позиции Британии «как ведущей державы в Европе». Что же касается участия Индии в их финансировании, то этот вопрос, по мнению членов комиссии, должен быть рассмотрен в связи с «потребностями современного европейского положения», а не в связи с требованиями Индии¹². Позиция либерального руководства в этом вопросе заключалась в том, что, не отвергая идею дополнительных резервных частей в Индии, они выражали сомнение в возложении обязанности по их финансированию на индийское правительство. Так, по мнению либерала сэра Г. Хэвлока, «партнерство» подразумевало одинаковое или пропорциональное участие в имперских расходах, но нельзя говорить о «партнерстве», когда «один партнер имеет всю полноту власти, а другой должен оплачивать всю долю расходов»¹³. Некоторые либералы, например Г. Фаусетт, опасались, что чрезмерное увеличение налогов, даже в военных целях, может привести к беспорядкам в Индии. Против такого курса было и само Министерство по делам Индии¹⁴.

¹⁰ British Parliament Papers. Colonies. East India. N 22. Report from the Select Committee on the East India Finance with Proceeding, Minutes of Evidence, Appendix and General Index. 1874. P. 41.

¹¹ Argyll G.D. Op. cit. P. 276.

¹² BPP. Colonies. East India. № 22. P. 47.

¹³ Ibid. P. 44–45.

¹⁴ Ibid. P. 165, 249–253.

В целом законодательная деятельность Индийского правительства и либерального кабинета сводилась к усилению имперской власти в Индии. В основе всей системы управления лежал единственный принцип: контроль и определение внутренней политики Индии оставались в руках имперского правительства.

В центре внимания либерального кабинета У. Гладстона находились вопросы взаимоотношения Индии с сопредельными странами, в первую очередь с Афганистаном. Именно через призму индийского вопроса английские политики оценивали имперскую и европейскую политику Великобритании. Какие бы события не происходили в центре Европы и на ее окраинах, какова бы ни была расстановка сил на международной арене, и какие бы политические коллизии не сотрясали мусульманский мир Ближнего Востока и Северной Африки, прямо или косвенно Англия соотносила их с судьбой своего господства в Индии. Военный агент России в Лондоне сообщал в 1873 г.: «Главная забота Англии при появлении затруднений на Востоке состоит в строгом сохранении Индии и средств сообщения с этой страной, а равно и в возможно-надежном обозначении своего азиатского положения против всяких случайностей в будущем»¹⁵. Сами англичане признавали, что в центре Восточного вопроса были интересы Индии. Представитель консервативной партии лорд Гамильтон в своих «Воспоминаниях» отмечал, что «<...> наш интерес в Восточном вопросе имел свое начало в нашей империи в Индии»¹⁶. В вигском журнале «The Edinburgh Review» за 1873 г. отмечалось, что дебаты в английском парламенте вокруг так называемого «среднеазиатского вопроса» привели к выводу, что Персия и Афганистан являются «внешними укреплениями наших собственных владений» (имелась в виду Индия — Т.Г.) и этим объяснялся интерес англичан к судьбе данных государств¹⁷. Английские политические и военные деятели

¹⁵ Российский государственный военно-исторический архив (Далее — РГВИА), ф. 431. оп. 1, 1873 г., д. 47, л. 47.

¹⁶ Hamilton G. Parliamentary Reminiscences and Reflections, 1868 to 1885. New York, 1917. P. 122.

¹⁷ The Edinburgh Review. 1873. Vol. 138. P. 246.

внимательно следили за расширением влияния других европейских держав в восточных странах, оценивая их с точки зрения возможной угрозы британским владениям в Индии. Строительство и открытие Суэцкого канала в 1869 г. вызвало беспокойство политиков в Лондоне, так как это могло привести к усилению влияния Франции в Египте и увеличивало угрозу нападения на Индию со стороны других европейских стран. Вопрос об английском господстве в Индии ставился в прямую зависимость от судьбы вопроса о контроле над Суэцким каналом, особенно в военное время¹⁸.

Не менее значимой для Англии была проблема взаимоотношений с Россией в среднеазиатском регионе. Немаловажное значение в решении этой проблемы отводилось вопросу о роли и месте Афганистана в британо-русских отношениях. Проблема Афганистана и так называемой «русской угрозы» являлась осью, вокруг которой вращалась политика Лондонского и индийского правительств. Афганский вопрос рассматривался ими не только с точки зрения расширения британского влияния и присутствия на Среднем Востоке, но и с точки зрения безопасности Индии. «Афганистан, — писал в одном из своих донесений Брунов, — <...> образует объект постоянных тревог Англии под властью всех администраций, которые управляют ею»¹⁹. В связи с этим вопросы отношения либерального кабинета У. Гладстона к пограничной политике Индии и его оценки действий других европейских стран, в частности России, в этом регионе представляют интерес в изучении имперских концепций и колониального курса Англии в рассматриваемый период.

Правительство царской России в силу ряда внутриэкономических и внешнеполитических причин было заинтересовано в проведении активного курса в Средней Азии²⁰. Относительно

¹⁸ Kimberley, Lord. Journal ... P. 14.

¹⁹ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1868 г., д. 81, л. 193.

²⁰ Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М, 1984. С. 270; Дубовицкий В.В. Мотивы присоединения Средней Азии к России: от идеологических домислов и эмоциональных оценок к геополитическому анализу // История и современность. 2010. № 2 (12). С. 86–111.

причины перехода российского правительства от мирных, торгово–дипломатических методов к военным можно отметить, что на современном этапе в российской историографии выделяются два этапа среднеазиатской политики царской России: «для первой половины XIX века главными мотивами развития отношений были торгово–экономические, для 60–80–х годов, времени завоевания Средней Азии Россией, первостепенное значение приобрели политические причины — борьба с Англией за господство над государствами Средней Азии и Среднего Востока»²¹. Уже летом 1864 г. царское правительство приступило к осуществлению завоевательной политики в Средней Азии. В этом году были соединены Оренбургская и Сибирская пограничные линии, взят Чемкент. В 1865 г. русские войска заняли Ташкент.

Кстати, отечественный исследователь Е.Ю. Сергеев замечает по поводу крупномасштабного продвижения русских войск в середине 60–х гг., что оно «было осуществлено царскими войсками прежде всего по инициативе Милютин²² и генералов на местах, хотя последние зачастую проводили спорадические военные операции», не имея на то определенных планов²³. В подтверждении этого тезиса можно привести слова министра внутренних дел России П.А. Валуева: «Ташкент взят ген. Черняевым. Никто не знает, почему и для чего»²⁴. В 1867 г. было образовано Туркестанское генерал–губернаторство²⁵, а в 1868 г. Бухара признала протекторат России. Российская дипломатия мотивировала такие завоевательные акты своего правительства только стремлением утвердить мирное и стабильное положение дел на туркменских границах. По мнению министра иностранных дел России А.М. Горчакова,

²¹ История внешней политики России. Вторая половина XIX века: В 5 т. Т. 4. Вторая половина XIX века (От Парижского мира 1856 г. до русско–французского союза). М., 2018. С. 101–102.

²² Милютин Дмитрий Алексеевич — военный министр России с 1861 г.

²³ Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско–британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. С. 91–92.

²⁴ Цит. по: Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. С. 276.

²⁵ Более подробно см.: Васильев Д.В. К истории образования Туркестанского генерал–губернаторства (1864–1867) // Военно–исторический журнал. 2017. № 11. С. 75–81.

позиция России в Средней Азии не должна быть предметом разногласий между ней и Англией. Еще в 1864 г. в известном циркуляре, адресованном представителям российских посольств за границей, Горчаков обосновал идею цивилизаторской миссии России в среднеазиатском регионе. «Позиция России в Центральной Азии, — отмечалось в документе, — является точно такой же, как у всех цивилизованных государств, которые вступили в контакт с поселениями полудиких кочевников, не обладающих никакой определенной социальной организацией. В таких случаях более цивилизованное государство, как правило, вынуждено в интересах безопасности своих границ и коммерческих отношений осуществлять некоторое господство над теми, чей буйный и неуравновешенный характер делает их нежелательными соседями. В свою очередь, недавно умиротворенные регионы нуждаются в защите от грабежей племен, находящихся вне закона, и так далее. Вот почему российское правительство вынуждено было насаждать цивилизацию там, где варварский способ правления вызывает страдания народа, и оберегать свои границы от анархии и кровопролития. Такова судьба любой страны, которая оказывалась в подобном положении»²⁶. Активные действия русских в Средней Азии вызвали обеспокоенность Лондонского и индийского правительств, о чем в своих депешах сообщал Ф.И. Бруннов в июне 1869 г. Он писал: «В Индии общественное мнение оценивает военные успехи России как призрак системы, направленной против покоя британских владений»²⁷. По поводу такой реакции англичан небезынтересно замечание генерал–губернатора Туркестана К.П. фон Кауфмана: «Если наше движение в Азии приводит англичан в такое неистовство, то, значит, оно верно попало в цель, для кого–то опасную, следовательно, непременно полезную нам. Ведь несомненно, что Англия — враг России и нигде не уязвима, кроме как в Азии <...>»²⁸.

²⁶ Цит. по : Хопкирк П. Указ. соч. С. 154; Сергеев Е.Ю. Указ. соч., С. 94.

²⁷ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1869 г., д. 83, л. 217–213, 238–239/об; Parliament Papers. Vol. 80. Central Asia. 1878. P. 172–178.

²⁸ Цит. по: Широкопад А.Б. Россия — Англия: неизвестная война, 1857–1907. М., 2003. С. 102–103.

Подготовка русских к походу на Хиву и сами военные действия против этого ханства в 1873 г. не оставили безучастными политические, дипломатические и общественные круги в Англии. В это время в английском обществе были достаточно сильны антирусские настроения, которые своими корнями уходили в руссофобство первой половины XIX в. «Русско–английские отношения, — отмечал историк Дж.Х. Глеасон, — напоминают характер амбициозной музыкальной композиции»²⁹. Ф.И. Бруннов сообщал в Россию в 1872 г.: «Отношение общественного мнения к нам (русским — Т.Г.) находится под влиянием военных приготовлений, направленных против России, и целью которых является обеспечение безопасности Британских владений в Индии. Недоверие к нам длится уж очень давно. Временами оно проявляется»³⁰. На страницах английских периодических изданий отчетливо проводилась мысль, что политика России ущемляла интересы Британии в этом регионе³¹. Занятие русскими войсками Хивы расценивалось многими общественными деятелями как непосредственная угроза Индийским владениям Британии. Так, известный путешественник Л. Вамбери предупреждал английских политиков, что «после завоевания Хивы русские не замедлят поставить свой гарнизон в Мерве и английские либералы могут заранее радоваться скорому соседству русских в Ост–Индии, которого они так давно жаждали»³². При этом надо заметить, что подготовительные действия русских к хивинскому походу рассматривались британскими общественными кругами не только в региональном, но и глобальном политическом контексте. Так, «The Times» в 1872 г. писала: «Заняв позицию на наших северо–западных границах, накапливая войска, создавая союзы, распределяя субсидии и поощряя интриги, Россия приобрела бы грозный двигатель, который можно было бы использовать против нас в вопросах европейской политики. Короче говоря, она могла бы сыграть

²⁹ Gleason J.H. The Genesis of Russophobia in Great Britain. Cambridge, 1950. P. 275.

³⁰ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1872 г., д. 61, л. 251.

³¹ The Times. 1872, 24 Nov; 27 Dec; 1873, 31 Dec.

³² Цит. по: Туркестанские ведомости. 1872, 31 окт.

за Константинополь, используя карты, которыми манипулировала в Афганистане, и могла заставить нас с радостью купить ее терпение за границей попустительством ее посягательств дома»³³. Что же касается английских официальных властей, то они открыто выражали опасения, что продвижение русских на юг, особенно в район г. Мерв, явится угрозой английским позициям в Персии, а намерение некоторых представителей высшего командования Оренбургского военного округа установить отношения с индийскими принцами создаст определенные сложности для британских позиций уже в самой Индии³⁴.

Успешный хивинский поход русских войск и занятие Хивы в 1873 г. вызвали новый всплеск руссофобских настроений в британском обществе. Россию обвиняли в коварстве и лицемерии. В прессе можно было встретить утверждение, что она была достаточно успешна в приобретении новых владений во всех направлениях, но пыталась скрыть свои достижения за вывеской их якобы незначительности. «Когда русский называет что–либо «неважным», вы можете с уверенностью заключить, что это его главная цель на данный момент»³⁵, — утверждали английские журналисты.

Правда, представители либерального правительства, и в первую очередь министр иностранных дел лорд Гренвилль³⁶ и сам премьер — У. Гладстон, не считали целесообразным предпринимать какие–либо меры относительно действий России, так как это, по их мнению, могло привести к осложнению англо–русских отношений. Гренвилль, в частности, замечал, что «наилучший способ сохранения нашей огромной индийской империи — это оставаться там, где мы сейчас находимся»³⁷. Лидеры

³³ The Times. 1872, 28 Nov.

³⁴ PP. Vol. 75. Central Asia. № 2. 1873. P. 1–3; Vol. 80. Central Asia. 1878. P. 3, 5; Bourne K. The Foreign Policy of Victorian England. 1830–1902. Oxford, 1970. P. 141.

³⁵ The Daily Telegraph. 1873, May 16.

³⁶ Министры иностранных дел в первом кабинете У. Гладстонна: лорд Кларендон — 1868–1870 гг., лорд Гренвилль — 1870–1874 гг.

³⁷ Gladstone W.E., Granville G. The Political Correspondence of Mr. Gladstone and Lord Granville. 1868–1876. In 2 Vol. / Ed. by A. Ramm. L., 1952. Vol. 2. P. 433, 434.

либералов не могли не учитывать и тот факт, что одним из первых актов русского командования в Хиве был указ об освобождении пленных из рабства и о ликвидации самого института рабства. Естественно, что европейское общественное мнение приветствовало такие действия русских. Поэтому делать представление в таких условиях означало выступать поборниками рабства и варварства, противниками цивилизации. На такие шаги правительство Гладстона, конечно, не могло пойти. Да и в английской прессе, как отмечал в своих донесениях Бруннов, проводилась мысль, что «<...> Россия со своей стороны тоже имеет право на защиту своих законных интересов, если она хочет, чтобы жизнь ее граждан и имущество ее торговцев находились в безопасности от фанатизма и жадности полудикого народа»³⁸.

На рубеже 60–70-х гг. XIX в. вопросы о направлениях среднеазиатской политики Англии имели большое значение для британских политиков. Странники так называемой «школы наступательных действий» стремились решить русско–английские отношения в этом регионе путем расширения индийских границ, активного проникновения в Афганистан и подчинения его английскому контролю. Эти политики, манипулируя тезисом о «русской угрозе» Индии, составляли так называемую имперскую партию и выступали за проведение «наступательного курса». Представители этого направления убеждали англичан, что проведение решительной политики, с одной стороны, позволит установить более тесный союз с Афганистаном, что приведет к созданию «независимой силы», сдерживающей Россию, а с другой — будет способствовать переговорам с последней с тем, чтобы убедить российское правительство воздержаться от дальнейшей агрессии и чтобы «гарантировать нейтралитет Афганистана»³⁹. Идеологическое обоснование этот подход получил в работах А. Вамбери и в меморандуме известного ученого Г. Роулинсона, текст которого был роздан членам

³⁸ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1872 г., д. 60, л. 475 об.

³⁹ HPD. 3 Ser. 1865. Vol. 197. Col. 1562.

“SAVE ME FROM MY FRIENDS!”

Карикатура времён «Большой игры»

британского парламента в 1868 г.⁴⁰. Под влиянием высказанных этими исследователями утверждений об агрессивных планах России в отношении Индии в Англии на рубеже 60–70-х гг. сформировалась группа реакционно настроенных политиков, призывавших к проведению активного колониального курса на Среднем Востоке. Идеи «наступательной политики» находили своих сторонников преимущественно в рядах консерваторов. Так, представитель партии тори Э.Б. Иствик определил задачу английской внешней политики как «держатъ Россию на расстоянии»⁴¹.

Подобные выступления поборников активного курса Англии на Среднем Востоке были созвучны с заявлениями прессы. Например, «The Daily Telegraph» утверждала, что влиянию англичан в Индии угрожал могущественный соперник и сожалел об уничтожении мелких государств, «постоянно враждующих между

⁴⁰ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865. С. 219–220; Rawlinson H. England and Russia in the East. L., 1875. Ch. V. P. 276–277, 278–270, 282, 285, 288–290, 291.

⁴¹ Dutchie J.L. Some Further Insight into Imperialism: Lord Salisbury, the «Forward» Group and Anglo–Afghan Relations: 1874–1878 // The Journal of Imperial and Commonwealth History. Vol. 8. 1980. № 3. P. 181–207. P. 182–183; HPD. 3 Ser. 1872. Vol. 212. Col. 1096; Туркестанские ведомости. 1872, 5 сент.

собой и составляющих как бы оплот около индийской империи». Более того, газета подчеркивала «мирный» характер британской политики в Средней Азии. «The Times» оценивала русскую политику в Средней Азии как «завоевательную». «Россия уже находится на границах Афганистана», и русские, отмечаясь в одной из ее статей, «предвидят здесь для себя будущность завоеваний и расширения, определенных судьбой»⁴². В конце 60-х гг., когда английский кабинет министров возглавляли либералы, концепции и положения, выдвигаемые представителями реакционно настроенных научных, военных и политических кругов, в определенной степени приходили в противоречие с внешнеполитическим курсом либерального правительства в среднеазиатском регионе.

У. Гладстон и его сторонники придерживались другого направления в разрешении среднеазиатских проблем. Они являлись сторонниками так называемой политики «закрытой границы». Этот курс, не отрицая необходимости укрепления английских позиций на Среднем Востоке, сводился к более осторожной политике в отношении России, допускал возможность достижения желанных целей путем переговоров с царским правительством. Сама доктрина «закрытой границы» не отвергала намерение английских колонизаторов укрепить британские позиции в приграничных с Индией афганских территориях, а также усилить влияние Британии на афганских правителей. Но суть ее фактически сводилась не к осуществлению «прямых» «наступательных» действий, а к проведению подготовительных мер к ним. В 60-х гг. XIX в. сторонником такой тактики являлся вице-король Индии — лорд Лоуренс, представитель либеральной партии.

Необходимо отметить, что «политика бездействия» отличалась двойственностью. Об этом упоминал в своей книге, посвященной Восточному вопросу, герцог Аргайл, об этом же говорили и участники британских военных кампаний в Афганистане. Так, полковник английской армии Дж. Элей писал: «<...> Как бы мы

⁴² Цит. по: Вестник Европы. 1868. Т. 6. С. 807; Туркестанские ведомости. 1872, 5 сент.; The Daily Telegraph, 1872, 17 Oct.

ни притворялись холодно нейтральными, никто нам не верит, да и сам нейтралитет в сущности невозможен <...>»⁴³. Политика «закрытой границы» не получила широкой поддержки среди англичан. Русский посол в Англии Ф.И. Бруннов сообщал в российское Министерство иностранных дел в 1868 г.: «До сегодняшнего времени, политика невмешательства, принятая генералом сэром Дж. Лоуренсом, совершенно не удовлетворяла общественное мнение»⁴⁴. Однако, несмотря на определенную непопулярность этой тактики, именно она легла в основу среднеазиатской политики первого кабинета У. Гладстона. Глава правительства советовал лорду Гренвиллю проводить в Туркестане «политику, сочетающую осторожность с уступками»⁴⁵. Определенная группа политиков, военных и общественных деятелей, разделявших либеральные взгляды, приветствовала продвижение России в Средней Азии, усматривая в нем «прогресс в утверждении цивилизации там, где царило варварство». Даже либеральная пресса в конце 60-х гг. занимала более лояльные позиции по отношению к России, чем в годы премьерства лорда Пальмерстона⁴⁶.

Идеологи и политики, придерживавшиеся второго направления в решении вопроса об англо-русском соперничестве, более трезво оценивали тезис о «русской угрозе» Индии. На рубеже 60–70-х гг. XIX в. в Англии наряду с набиравшими популярность колониальными идеями имели место и антиимпериалистические настроения. Большим влиянием среди определенных кругов англичан пользовались взгляды Г. Смита, который, в частности, ставил под сомнение «миссию» англичан по обладанию Индией, подчеркивая при этом, что понятие «миссия» в историческом

⁴³ Цит. по: Анненков М.Н. Отношение англо-индийских владений к северо-западным соседям. СПб., 1874. С. 59; *Argyll G.D.* The Eastern Question from the Treaty of Paris 1856 to the Treaty of Berlin and the Second Afghan War. In 2 Vol. L., 1879. Vol. 2. P. 238; *Roberts F., Lord.* Forty-One Years in India. Vol. 2. L., 1897. P. 43, 45–49.

⁴⁴ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1868 г., д. 81, л. 7.

⁴⁵ *Matthew H.C.* Gladstone. 1809–1974. Oxford, 1986. P. 188.

⁴⁶ РГВИА, ф. 431, оп. 1, 1873 г., д. 45, л. 28, 39 об., 42–43, 47; *Chavda V.K.* India, Britain, Russia. A Study in British Opinion (1838–1878). Delhi, 1967. P. 24.

аспекте больше соответствовало названию, отражавшему тенденцию к грабежу⁴⁷. Не учитывать подобные настроения в английском обществе деятели либеральной партии не могли.

В 60–х гг. XIX в. ряд ученых и общественных деятелей, преимущественно либеральной ориентации, не разделяла антирусского психоза, разжигавшегося английскими крайними консервативными кругами. Так, выступая в 1865 г. по вопросам международных отношений на Среднем Востоке, член Королевского географического общества Р. Мурчисон отвергал утверждения некоторых английских политиков о готовности царского правительства завоевать Индию и заявлял, что Россия не сможет осуществить поход в эту страну, имея в качестве плацдарма «наиболее неплодородную и отдаленную часть своей империи». Он отмечал, что вторжение русских войск в английскую Индию «есть чистая химера, если только не физическая невозможность»⁴⁸. Р. Мурчисон для выгоды России и Англии предлагал создание нейтральной зоны на «больших мусульманских территориях Туркестана», которая могла бы служить «источником прибыльной торговли» для обеих стран⁴⁹. Взгляды этого английского ученого разделяли ряд политиков, о чем свидетельствовало сообщение Ф.Ж. Бруннова в Россию в 1868 г.: «Все английские политические деятели, с которыми я встречался, признают необходимость поддерживать между двумя империями нейтральную зону, расположенную между двумя границами таким образом, чтобы предупредить охлаждение, которое привело бы к непосредственному столкновению»⁵⁰.

Реалистичных оценок англо–русского соперничества придерживались и члены либерального правительства, и ряд депутатов в английском парламенте. Г. Дафф, помощник статс–секретаря по делам Индии в либеральном кабинете, назвал идею вторжения России в британскую Индию «абсурдной», а Ч. Уинфилд, член парламента от консервативной партии, в частности,

⁴⁷ Concept of Empire from Burke to Attlee. 1774–1974. L., 1962. P. 223.

⁴⁸ The Journal of Royal Geographical Society. 1865. Vol. 35. P. CI–CIVI.

⁴⁹ Ibid. 1870. Vol. 40. P. CIXIII.

⁵⁰ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1868 г., д. 80, л. 286.

отмечал, что в политике России есть и положительные моменты, так как она способствовала «установлению христианской власти в Средней Азии, особенно в Бухаре»⁵¹. Министр иностранных дел в кабинете У. Гладстона лорд Кларендон (до лета 1870 г.) писал английскому послу А.Бьюкенену в Петербург в 1869 г., что Россия относительно отдаленных от нее территорий может испытывать те же трудности, что и Англия, поскольку всегда найдется часть границы, которую необходимо исправить, неверные союзники, которых следовало наказывать и т.д. Так расширялась Британская Индия, и можно предположить, что это будет именно тем курсом, в который Россия, даже не желая того, будет втянута⁵². Оценивая позиции британских политиков, представители российского Министерства иностранных дел доносили Александру II в сентябре 1872г.: «Отбрасывая груз старых политических традиций, <...> английская сторона признала наше право распространять некоторое наше влияние в каком–нибудь районе (Средней Азии — Т.Г.) и развивать там торговые отношения. В то же время английская сторона предостерегает нас от того, чтобы ни в коем случае не продвигаться близко к границам Индии в военном отношении, чтобы исключить возможность прямого контакта, последствием которого могли стать плачевные конфликты»⁵³.

В целом, как отмечала в своих исследованиях О.И. Жигалина, представители первого и второго направлений среднеазиатской политики Англии стремились не только укрепить английские позиции в Индии, но и расширить влияние Британии на территории, примыкавшие на северо–западе к индийской границе. Если правые, то есть консерваторы, выступали за проведение открытой аннексии, то либералы призывали к установлению в той или иной форме политической зависимости среднеазиатских стран от Англии, не прибегая при этом к военной силе⁵⁴.

⁵¹ HPD. 3 Ser. 1869. Vol. 197. Col. 1562–1563, 1570.

⁵² PP. Vol. 75. Central Asia. № 2. 1873. P. 1–3.

⁵³ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1872 г., д. 30/а, л. 181 об.–182.

⁵⁴ Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке, XIX — начало XX в.: Анализ внешнеполитических концепций. М., 1990. С. 71.

Вопросы англо–русского соперничества на Среднем Востоке, безусловно, были в центре внимания первого кабинета У. Гладстона. Отношение членов либеральной партии к имперским проблемам не было столь однозначным, как у консерваторов. В целом они были такими же ревностными сторонниками империи, как и их политические противники. У. Гладстон отвергал обвинения в том, что либеральное правительство преследует цель отказаться от колоний. Но по вопросам расширения колониальной экспансии глава либералов и его сторонники занимали осторожные позиции и избегали открыто выступать за расширение империи, в том числе и индийской. Радикал Дж. Брайт говорил: «Я пришел к заключению, что здание, воздвигнутое нами в Индии, слишком обширно. Неблагоразумно и рискованно присоединять территории, которые следовало лучше оставить независимыми <...>. Огромная империя, которая была завоевана, слишком обширна для управления: ее фундамент колеблется, и иногда кажется, что она готова рухнуть <...>»⁵⁵. Большую роль в определении курса либеральной партии относительно Индии и русско–английского соперничества на Среднем Востоке сыграл министр по делам Индии герцог Аргайл. Он придерживался мнения, что расширение колониальной экспансии Британии относительно приграничных афганских территорий и покорение местных племен влекло за собой тяжелые политические последствия. Он был склонен считать, что Россия и Англия в этом регионе выполняли единую цивилизаторскую миссию. А продвижение русских в Средней Азии он рассматривал как историческую неизбежность. Он писал позднее в своей книге, посвященной истории Восточного вопроса, что «мы (англичане — *T.G.*) не можем претендовать на какое–либо право или желание остановить Россию в ее стремлении завоевать необитаемые пустыни и разбойные племена Средней Азии»⁵⁶. Аргайл был убежден, что Англии не следовало опасаться вторжения России в Индию, замечая, что подозрительность и страх перед Россией становятся манией среди английских деятелей, а это диктовало

⁵⁵ Цит. по: Туркестанские ведомости. 1873, 27 марта.

⁵⁶ *Argyll G.D.* The Eastern Question... . Vol. 2. P. 282.

политику «хронической подозрительности» в отношении ее. В то же время он признавал, что продвижение русских к границам Афганистана ослабляло английские позиции в этом регионе. Он считал необходимым помешать России «интриговать» с некоторыми индийскими принцами или «досаждать государствам и населению, с которыми соприкасаются английские владения»⁵⁷.

Выражая интересы фритредовской буржуазии, либеральная партия во главе с У.Гладстоном стремилась добиться политических целей не ценой дорогостоящих войн и военных конфликтов, а постепенными мерами, когда осторожность сочеталась с демагогическими заверениями, а заявления о желании признать независимость азиатских стран прикрывали приготовлениями к ликвидации этой малой независимости и подчинению их британскому влиянию. Продвижение России в Среднюю Азию, установление российского протектората над среднеазиатскими ханствами, успехи русской дипломатии в Афганистане и Иране заставляли правительство либералов проводить здесь более гибкую политику.

Позиция либералов по среднеазиатским вопросам отличалась определенной непоследовательностью. С одной стороны, выступая в английском парламенте и научных обществах, либералы не разделяли опасений консерваторов относительно завоевательных планов России. Гладстон, например, рассматривал продвижение царской России в Среднюю Азию как процесс, вызванный скорее внутривнутриполитическими причинами, нежели стремлением завоевать Индию. Внешнеполитический курс либерального правительства на Среднем Востоке Гладстон сводил к тому, что Англии не следовало преследовать целей военной экспансии в этом регионе, а она должна была содействовать созданию в Афганистане и Иране «буферных государств», или так называемой «нейтральной зоны», и признать статус–кво афганских границ и местных правительств в афганских провинциях⁵⁸. Позиция лидеров партии относительно английской политики

⁵⁷ *Ibid.* P. 217–218, 282.

⁵⁸ *Gladstone W.E.* The Gladstone Diaries with Cabinet Minutes and Prime–Ministerial Correspondence / Ed. by H. Matthew. Vol. 8. Oxford, 1982, P. 266, 418.

в Афганистане находила поддержку и на страницах либеральной прессы. Так, «The Edinburgh Review» писал, что англичане «не желают ничего, кроме прекращения гражданской войны и образования сильного и справедливого Правительства, которое бы рассматривало торговлю как один из аспектов искусного правления». В журнале высказывалась мысль, что «оккупация какого-либо района Афганской империи или делегирование Британского посла в Кабул могло бы только увеличить существующие трудности»⁵⁹.

В целом и либеральные политики, и ученые обосновывали тезис о мирном разрешении вопроса об англо-русском соперничестве и считали, что разграничение сфер влияния между двумя государствами приведет к установлению английского экономического, политического и военного контроля над Афганистаном и Ираном.

С другой стороны, либеральное правительство У. Гладстона на практике придерживалось такой тактики взаимоотношений с Россией, которая сводилась к тому, чтобы под предлогом угрозы английским владениям в Индии раздуть антирусские настроения и принудить Россию принять ряд обязательств, которые в будущем послужили бы оправданием многих политических актов Англии. Английские дипломатические и политические круги пытались получить от России односторонние обязательства по «соблюдению мира» на афганских границах⁶⁰, игнорируя при этом характер собственной политики в Афганистане и среднеазиатских ханствах. А министр иностранных дел лорд Гренвилль при удобном случае заявил русскому послу в Лондоне Ф.И. Бруннову, что английский народ проявлял живой интерес ко всему, что могло доставить беспокойство Индийской империи и что «мир любой ценой не являлся характерной чертой Индийского правительства»⁶¹.

В отношении Афганистана политика английских колониальных властей в Индии при поддержке Лондонского правительства

⁵⁹ The Edinburgh Review. 1870. Vol. 131. P. 313–314.

⁶⁰ PP. Vol. 75. Central Asia. № 2. 1873. P. 26.

⁶¹ Gladstone W.E., Granville G. The Political Correspondence... Vol. 2. P.353.

отличалась осторожностью, стремлением избежать принятия каких-либо серьезных обязательств по отношению к афганским официальным властям. В то же время англо-индийские власти не отказывались предоставлять афганскому эмиру Шир Али-хану материальную и военную помощь. Еще ранее, в письме к герцогу Аргайлу от 26 января 1869 г. лорд Майо мотивировал такой курс тем, что предоставляемая денежная помощь афганскому эмиру позволит англичанам без отправки британского офицера в Кабул «осуществить достаточное влияние на него (эмира — Т.Г.) с тем, чтобы он поддерживал с нами дружеские отношения»⁶². О предоставлении Индийским правительством денежных субсидий эмиру Шир Али-хану сообщал и русский посол в Лондоне Ф.И.Бруннов, об этом же упоминала и английская пресса⁶³. Играя на страхе афганских правителей перед «русской угрозой», английская администрация в Индии стремилась представить Англию единственным защитником интересов Афганистана. Так, ее представители в 1872–1873 гг. заявляли, что «Британское правительство обещает, что в случае любой агрессии (имелась в виду со стороны Россия — Т.Г.) на территорию эмира оно будет рассматривать виновника этой агрессии как своего собственного врага»⁶⁴.

В целях укрепления английских позиций в Афганистане и противодействия продвижению русских войск в Среднюю Азию правительство У. Гладстона в 1869 г. выступило инициатором проведения переговоров с Россией о создании «нейтральной зоны» в Афганистане и определении его северных границ, хотя этот вопрос поднимался еще до их прихода к власти⁶⁵. Правда, с самого начала У. Гладстон высказывал мнение, что этот вопрос будет «не без трудностей»⁶⁶. Такого же мнения был и русский

⁶² Argyll G.D. The Eastern Question... . Vol. 2. P. 233; Худоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-е годы). Ташкент, 1969. С. 111.

⁶³ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1869 г., д. 83, л. 326–326/об.; Pall-Mall Gazette. 1869, 8 March.

⁶⁴ Roberts Fr., Lord. Op. cit. Vol. 2. P. 74.

⁶⁵ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1868 г., д. 81, л. 141–142.

⁶⁶ The Gladstone Diaries. Vol. 7. P. 120.

посол в Лондоне Ф.И. Бруннов, который писал А.М. Горчакову в октябре 1871 г.: «<...> я предвижу неизбежные трудности материального характера на пути вопроса, решаемого между Петербургом, Лондоном и Калькуттой»⁶⁷. Российская сторона с пониманием отнеслась к предложению Лондона и «высказала готовность признать нейтральную территорию Афганистана и принять на себя обязательство воздерживаться от всякого вмешательства в дела этой страны, которое было бы несовместимо с ее независимостью»⁶⁸. Однако эти переговоры затянулись вплоть до 1872–1873 гг., когда было достигнуто соглашение, специфика которого заключалась в том, что в основу его легли параграфы официальных депеш 1869 — 1873 гг.⁶⁹ Хотя в соглашении специально не упоминалась некая «нейтральная буферная зона», в нем была определена северная граница Афганистана, важным участком которой являлась линия по р. Оксус. Оба государства обязывались не нарушать ее. Лондонское и индийское правительства в целом выразили удовлетворение условиями достигнутого соглашения, о чем свидетельствовало письмо вице-короля Индии лорда Майо А.М. Горчакову, переданное последнему британским послом в России А. Лофтусом от 28 марта 1873 г.⁷⁰

Это соглашение об образовании «нейтральной зоны» между русскими и английскими владениями явилось своеобразным проявлением имперских позиций англичан. Прикрываясь лозунгами о готовности англичан признать независимость Афганистана, либеральное правительство Гладстона в то же время проводило политику на включение его в английскую сферу влияния, причем во время переговоров упорно настаивало на расширении северных афганских границ за счет территорий, находившихся уже под контролем России.

⁶⁷ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1871 г., д. 68, л. 165 об.

⁶⁸ Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией. 1872–1885. СПб., 1886. С. 2.

⁶⁹ Более подробно о переговорах см.: РР. Vol. 75. Central Asia. № 2. 1873. Р. 1–75; Хидояттов Г.А. Из истории... С. 69–88; Юлдашбаева Ю. Из истории колониальной политики в Афганистане и Средней Азии. Ташкент, 1963. С. 56–71.

⁷⁰ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1873 г., д. 50, л. 106–109.

В апреле 1873 г. в английском парламенте прошло специальное заседание палаты общин, которое было посвящено оценке среднеазиатской политики либерального правительства. Как сообщали русские военные агенты в Лондоне, в английском обществе были недовольны заключенным соглашением, и поэтому «пресса продолжает по-старому нападать на Россию и упрекать Британское Правительство в слабости, уступчивости и неуместных осторожностях»⁷¹. В парламенте с большой речью выступил консерватор Э.Б. Иствик, который критически отнесся к политическому курсу либералов относительно русского продвижения в Средней Азии и англо-русскому соглашению. Он проанализировал политику России в этом районе, особенно после Крымской войны, заметив при этом, что «Россия стала такой же азиатской страной, как и европейской». Он обвинил русское правительство в непоследовательности, когда в ходе англо-русских переговоров было сделано заявление со стороны А.М. Горчакова, что не будет больше никакого продвижения России в Среднюю Азию⁷², тогда как царские войска заняли Самарканд, а затем и Бухару. Говоря о перспективах политики России в этом регионе, он заявлял, что «русские занимают Среднюю Азию не для того, чтобы затем оттуда уйти. Вскоре вся Средняя Азия будет русской». Он скептически отнесся к идее, что Афганистан должен выступать в роли «нейтральной зоны»⁷³. Среднеазиатская политика либералов подвергалась критике и в других выступлениях консерваторов⁷⁴.

От имени либерального правительства выступал Г. Дафф. Он высказался против такого толкования соглашения, по которому выходило, что территории севернее границ Афганистана переходили России. Суть его выступления сводилась к тому, что на основании этого соглашения проводилась лишь граница, которую Россия не могла нарушать, что же касается Англии, то она получала фактически «свободу рук» южнее этой границы, т.е.

⁷¹ РГВИА, ф. 431. оп. 1, 1873 г., д. 45, л. 10 об.–11.

⁷² РР. Vol. 75. Central Asia. № 2. 1873. Р. 72–73; *Мартенс Ф.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб, 1880. С. 22.

⁷³ НРД. 3 Ser. 1873. Vol. 215. Col. 821–842.

⁷⁴ Ibid. Col. 851, 867, 868, 873; The Times. 1873, 23 Apr.

в самом Афганистане. Далее Дафф отмечал, что в сфере «законного британского притяжения» находятся Келат, Афганистан, Непал, Бирма, возможно, Тибет и Восточный Туркестан, «они по праву принадлежат к сфере английской торговли и английской культуры». Англия не будет рассматривать безразлично любое «враждебное вмешательство», хотя он и признавал, что в целом завоевания России не представляют опасности для Британской Индии⁷⁵.

Подвел итоги дискуссии У. Гладстон, который отметил, что переговоры 1869–1873 гг. привели к констатации вещей, по которым на Среднем Востоке две державы — Англия и Россия — имели равные возможности. Затрагивая вопрос о «нейтральной зоне», Гладстон подчеркивал, что это выражение нельзя рассматривать в качестве предмета спора. Он считал, что соглашение не ограничивало «права» Англии действовать по собственному усмотрению в Афганистане. В своем выступлении лидер кабинета выделил три момента в англо–русском соглашении: обязательство России рассматривать Афганистан вне сферы своей политики и не вмешиваться в его дела; установление фактической границы Афганистана, особенно в северо–восточной его части; взятое на себя английским правительством обязательство относительно удержания афганского эмира от посягательств на территории, находившиеся за пределами установленных границ, причем он подчеркивал, что эти обязательства сводились лишь к моральному воздействию⁷⁶. Лорд Гренвилль в письме к британскому послу А. Лофтусу в Петербург 7 мая 1873г., освещая выступление премьера в парламенте, подчеркнул, что Гладстон настаивал на том, что соглашение не ограничивало «свободу рук» обеих договаривавшихся сторон действовать так, как они сочтут необходимым. Министр иностранных дел акцентировал внимание на таком пункте договора, по которому Россия признавала Афганистан вне сферы ее влияния⁷⁷.

⁷⁵ HPD. 3 Ser. 1873. Vol. 215. Col. 857–874; The Times. 1873, 23 Apr.

⁷⁶ HPD. 3 Ser. 1873. Vol. 215. Col. 873–874.

⁷⁷ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1873 г., д. 50, л. 177–179.

В целом выступления либералов и самого У. Гладстона во время дебатов в парламенте отражали стремление английских политиков освободить Англию от взятых на себя обязательств и предоставить ей в будущем свободу действий по расширению экспансионистских позиций в этом регионе, имея при этом удобный повод обвинять Россию в нарушении пунктов соглашения всякий раз, как только царское правительство намеревалось бы активизировать свою политику в Средней Азии. Г.А. Хидояттов, исследователь англо–русских отношений на Среднем Востоке, полагал, что английское правительство либералов в целом и не отказывалось от открытой наступательной политики в будущем, но хотело заранее подготовиться к решительным действиям и «провести их легко, быстро и без больших расходов»⁷⁸.

Индийский и среднеазиатский курс первого кабинета У. Гладстона во многом, как нам представляется, способствовал уточнению имперских позиций политических и общественных кругов Англии. Этот курс не выходил за рамки общebritанской имперской политики в целом. Вопрос лишь заключался в методах его реализации. Являясь сторонниками Манчестерской школы, лидеры либеральной партии на практике стремились осуществить один из важнейших ее внешнеполитических принципов — решение спорных международных вопросов мирным путем. Переговоры и заключение соглашения с Россией о «нейтральной зоне» в Афганистане явились как раз проявлением такого подхода к рассмотрению сложных колониальных вопросов. Хотя, безусловно, в проведении своей политики либералы руководствовались задачами укрепления британских позиций на Среднем Востоке и обеспечения безопасности Индии. Период их правления и опыт разрешения среднеазиатских проблем в контексте англо–русских взаимоотношений стал одним из важнейших этапов в развитии Большой Игры в последней трети XIX в.

⁷⁸ Хидояттов Г.А. Из истории... С. 113.

ГЛАВА 7

**ЗАКАТ ПОЛИТИКИ «СТРАНСТВУЮЩЕГО РЫЦАРСТВА».
ПОДГОТОВКА РОССИИ К БОСФОРСКОЙ ОПЕРАЦИИ
В КОНЦЕ XIX ВЕКА В ОЦЕНКАХ ВОЕННЫХ СТРУКТУР
ВЕЛИКОБРИТАНИИ**

Арбеков А.Б.

Карикатура «Спасение!». «Панч», 26 октября 1896 г.
Художник Джон Тенниел

В последней трети XIX в. соперничество с Россией являлось ключевым фактором, влиявшим на два важнейших направления внешней политики Великобритании: 1) Восточный вопрос, т.е. территориальный раздел Османской империи и статус проливов Босфор и Дарданеллы; 2) борьба за сферы влияния в Центральной и Восточной Азии в рамках Большой игры, прежде всего в Афганистане и Персии¹. И обе обозначенные проблемы напрямую ассоциировались с безопасностью основных сухопутных и морских путей в Индию. По мнению многих британских современников, завоевание Проливов по принципу «домино» не только обеспечивало выход России в акваторию Средиземного моря, но и давало плацдарм для ее дальнейшего продвижения в Малой Азии к устью Персидского залива откуда появлялась возможность напрямую угрожать «главной жемчужине» Британской империи.

Таким образом, для Великобритании в конце XIX в. сохранялась насущная потребность ревностно оберегать свои морские коммуникации и, как следствие, защищать Проливы и турецкую столицу от российского влияния. В 1892 г. лидер консерваторов, выдающийся государственный деятель Викторианской эпохи, маркиз Солсбери писал, что «защита Константинополя от русского завоевания была последовательной политикой Англии как

¹ Подробнее см.: *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи, 1855–1894. М.: Кучково поле, 2018; *Гелла Т.Н.* Геополитические интересы Великобритании и английские политические партии в конце XIX — начале XX веков. Орловский гос. ун-т, 2009; *Сергеев Е.Ю.* Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2012; *Папастратигакис Н.* Британская стратегия: русский флот и черноморские Проливы, 1890–1904 // *Русский сборник: исследования по истории России.* Т. 9. М.: Регнум, 2010. С. 194–219; *Johnson R.* Spying for Empire: The Great Game in Central and South Asia, 1757–1947. L.: Greenhill Books, 2006; *Lowe C.J.* Salisbury and the Mediterranean, 1886–1896. L.: Routledge & K. Paul, 1965; *Marder A.* The Anatomy of British Sea Power: A History of British Naval Policy in the Pre-Dreadnought Era, 1880–1905. N.-Y.: Alfred A. Knopf, 1940; *Nielson K.* Britain and the Last Tsar: British Policy and Russia, 1894–1917. Oxford: Clarendon press, 1995; *Taylor A.J.P.* The Struggle for Mastery in Europe 1848–1918. Oxford: Oxford University press, 1957.

минимум последние сорок лет, а в определенной степени — и сорок лет до этого...»².

Однако более тесное сплетение узлов международных противоречий и увеличение темпов экспансии европейских держав в различных регионах мира отчетливо указывали министрам с Даунинг-стрит на необходимость отхода от традиции «блестящей изоляции» и выработки новой концепции внешней политики. Поэтому высшие эшелоны Военного министерства Великобритании (War Office) в контексте продолжавшегося соперничества с империей Романовых искали различные пути выхода из сложившейся ситуации, что привело в начале XX в. к переориентации стратегии Соединенного королевства и отказу, по выражению современника, от политики «странствующего рыцарства», заключавшейся в ревностной защите «больного человека Европы» от России. Одним из существенных факторов, оказавших влияние на эти изменения, стало изучение Военным ведомством Великобритании перспектив Босфорской операции, которая систематически разрабатывалась российским Военным и Морским министерствами в течение последних десятилетий XIX столетия³.

Главным военно-аналитическим центром Британской империи с 1873 г. являлся Разведывательный департамент (Intelligence Department), выполнявший до 1904 г. функции Генерального штаба. Его сотрудники занимались последовательным изучением вооруженных сил других держав, составляли подробные карты различных стран и отдельных регионов мира, где сосредотачивались геополитические интересы британской короны. На основании этих сведений издавались специальные

² Memorandum by Marquess of Salisbury, 4 June 1892 // Lowe C.J. *The Reluctant Imperialists: British Foreign Policy 1878–1902*. Vol. 2. L.: Routledge & K. Paul, 1967. P. 86.

³ Подробнее см.: *Айранетов О.Р.* Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830–1904). Портрет на фоне эпохи. М.: Русская книга: Алгоритм, 2017. С. 318–412; *Кондратенко Р.В.* Морская политика России 80-х годов XIX века, СПб: ЛеКо, 2006. С. 83–87, 119–128; *Томлин А.Р.* Русская военная разведка на Босфоре в 1878–1885 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 4 (23). С. 6–32.

разведывательные сводки, пособия и военно-статистические сборники, позволявшие осуществлять планирование британской военной стратегии в долгосрочной перспективе. В то же время Разведывательный департамент был сильно ограничен в своих компетенциях: он не являлся центром принятия решений и его деятельность носила строго рекомендательный характер⁴. Тем не менее острое российско-британское соперничество, нередко доходившее до критической точки напряжения, все больше подталкивало Уайтхолл обращаться к ведущим специалистам Разведывательного департамента для выработки наиболее оптимального алгоритма внешнеполитических действий.

Долгое время в Военном министерстве Великобритании не допускали возможность захвата Россией Проливов в результате военно-морской операции. В преддверии Русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) капитан Э. Бэринг (впоследствии лорд Кромер) 16 октября 1876 г. составил пространную записку, где постарался ответить на вопрос каким образом Россия могла добиться быстрого захвата Константинополя? Наиболее эффективный метод, по его мнению, заключался в высадке 30-тысячного десанта на Босфоре. Определив, по сути, основу военно-политического курса Российской империи на последующие несколько десятилетий, капитан Э. Бэринг справедливо поставил под сомнение вероятность такого сценария в ближайшей перспективе в виду господствующего положения турецкого флота на Черном море, который могла сравнительно быстро поддержать британская средиземноморская эскадра⁵. Данная оценка российских перспектив в вопросе захвата Проливов оставалась неизменной в Разведывательном департаменте вплоть до Кушкинского

⁴ Подробнее см.: *Fergusson T.G.* *British Military Intelligence, 1870–1914: The Development of a Modern Intelligence Organization*. Frederick: University Publications of America, 1984.

⁵ The National Archives. United Kingdom, Kew (TNA). War Office (WO) 33/28/1876/622. Captain E. Baring Memorandum on probable course of action to be adopted by Russians in the event of their attempting to occupy Bulgaria and march on Constantinople, 16 October 1876. P. 8.

пограничного инцидента 30 марта 1885 г.⁶ и последовавшего за ним Пендинского кризиса⁷.

Составляя проект высадки десанта в районе Батума весной 1885 г., британские военные специалисты, как и ранее в 1876 г., допускали возможность захвата Константинополя и Проливов российскими войсками только в ходе сухопутной военной кампании на Балканах⁸. Поэтому в Лондоне, опираясь на опыт завершающего этапа Восточного кризиса 1875–1878 гг., надеялись на активное вмешательство со стороны Берлина и Вены, которые могли воспрепятствовать намерениям Петербурга разрешить Восточный вопрос в своих интересах. Однако события Пендинского кризиса обозначили очевидную уязвимость положения Соединенного королевства в релевантной системе международных отношений. Сказывались ограниченные возможности британской сухопутной армии и отсутствие на случай войны с Россией надежного союзника в Европе и Азии, как прямое следствие приверженности политике «блестящей изоляции». В этой связи планы британской военно–морской операции в Черном море встретили серьезное противодействие со стороны блока Центральных держав. 16 апреля 1885 г. российский военный агент в Вене полковник Н.В. Каульбарс сообщал в Петербург, что «Германия и Австрия убеждают Порту не пропускать английского флота в Черное море»⁹.

В контексте продолжавшегося соперничества с Россией наиболее существенная проблема при планировании военной стратегии Соединенного королевства заключалась в мобилизации собственной армии. Согласно мобилизационному плану 1875 г., из регулярных войск и ополчения в Великобритании

⁶ Все даты приводятся по григорианскому (новому) стилю.

⁷ Подробнее см.: *Айрапетов*. Генерал–адъютант... С. 300–303; *Гелла Т.Н.* Указ. соч. С. 96–98; *Сергеев Е.Ю.* Указ. соч. С. 179–185; *Кондратенко Р.В.* Указ. соч. С. 184–202; *Johnson R.* Op. cit. P. 159–162.

⁸ National Archive of India (NAI). Military Miscellaneous. November 1890. № 154. Adjutant–General A. Alison Military operations in the event of war with Russia, 18 April 1885. P. 3.

⁹ Российский государственный военно–исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 1. Д. 90. Л. 1.

формировалось восемь корпусов примерной численностью 35–37 тыс. человек каждый. Шесть из них предназначались для обороны Туманного Альбиона, а оставшиеся два — для десантных операций за рубежом. Коренной недостаток данного плана заключался в фактическом отсутствии армейских кадров и материальных ресурсов для формирования указанных соединений как для оборонительных потребностей Великобритании, так и для наступательных. По общим расценкам на ноябрь 1875 г. для полной комплектации корпусов по мобилизационному расписанию следовало дополнительно привлечь к службе 120 тыс. человек, произвести 204 орудия и закупить порядка 80 тыс. лошадей и 8 тыс. повозок¹⁰. Поэтому, как сообщал с берегов Темзы 13 августа 1895 г. российский военный агент полковник Н.С. Ермолов, мобилизационное расписание 1875 г. имело «совершенно теоретический характер» и работало «только на бумаге»¹¹.

После событий «военной тревоги» 1885 г. высшие эшелоны Военного ведомства обратили пристальное внимание на образовавшуюся проблему, имевшую для Великобритании в условиях «блестящей изоляции» экзистенциальный характер. Глава Разведывательного департамента генерал–майор Г. Брэкенбери в меморандуме от 14 апреля 1886 г. представил удручающую картину, «касающуюся обороны Империи и мобилизации армии». Он прямо указывал, что Военное министерство не имело кадров, чтобы отмобилизовать два корпуса «ни для отправления

Гэнри Брэкенбери (1837–1914)

¹⁰ TNA. WO 33/27/1875/606. Recapitulation of the Army by the different Branches of several Arms of the Service. Field Army, November 1875. P. 25.

¹¹ РГВИА. Ф. 431. Оп. 1. Д. 60. Л. 4–4 об.

за рубеж, ни для внутренней обороны»¹². С точки зрения главы Разведывательного департамента, «оставить <...> армию в ее нынешнем состоянии» означало для Великобритании «навлечь на себя национальную катастрофу...»¹³.

Основные пункты программы по реорганизации британской армии были обозначены в меморандуме Военного министра Э. Стэнхоупа от 28 февраля 1887 г. Главной целью будущих преобразований, согласно рекомендациям генерал-майора Г. Брэкенбери, стало формирование в качестве мобилизационного стандарта двух армейских корпусов, усиленный каждый на четыре батальона пехоты в сравнении с мобилизационным планом 1875 г., с полной комплектацией всех остальных родов войск и служб тылового обеспечения, а также подготовка обособленной кавалерийской дивизии¹⁴. Российский военный агент в Лондоне генерал-майор С.С. Бутурлин, комментируя данную программу, указывал, что «вместо воображаемых 8 корпусов, фигурировавших в плане 1875 г.» на смену пришла организация «более скромная по своим размерам, но по крайней мере действительно существующая»¹⁵. В результате у британского правительства, в теории, появлялась возможность на случай войны с Россией сформировать экспедиционный корпус из 90 тыс. человек и более 200 орудий¹⁶.

Императивом военной стратегии Соединенного королевства, которой придерживался генерал Г. Брэкенбери, являлась концепция «маринизма». В его представлении Туманный Альбион являлся исходным пунктом всех возможных наступательных

¹² British Library Maps Collections. United Kingdom (BLMC). Director of Military Operations (DMO)/14/2. Major-General H. Brackenbury Memorandum Addressed to the Quartermaster-General regarding the Deficiencies in Men and Resources Required for the Formation and Mobilization of Two Army-Corps, 14 April 1886. P. 4

¹³ Ibid. P. 4.

¹⁴ Memorandum of the Secretary of State for War relating to the Army Estimates 1887-8 // Hansard's Parliamentary Debates (HPD). 3rd series. 1887. Vol. 312. Col. 215-218.

¹⁵ РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. 1888. Д. 7. Л. 115-115 об.

¹⁶ РГВИА. Ф. 431. Оп. 1. Д. 60. Л. 15-15 об.

военных операций против России, поскольку господство на морских просторах обеспечивало возможность высадки британского десанта в любой уязвимой точке российского побережья. Поэтому стратагемы генерала Г. Брэкенбери предусматривали заключение военного союза с Турцией и Персией, чтобы беспрепятственно осуществить десантные операции в Черном море и Персидском заливе для вторжения в российские владения в Закавказье¹⁷. Особое значение в своих планах Директор департамента военной разведки придавал Суэцкому каналу, который в случае войны с Россией выступал бы главным связующим звеном между метрополией и Индией, предоставляя возможность стремительной переброски британских войск в индийский порт Карачи для операций в Афганистане, а также к Персидскому заливу при условии «строительства железной дороги, ведущей в глубь страны (Турции. — А.А.)»¹⁸. Однако целесообразность данных инициатив напрямую зависела от того, сможет ли Россия в результате Босфорской операции успешно превратить Черное море в свое «внутреннее озеро».

В сентябре 1885 г. разразился Болгарский кризис, который привлек пристальное внимание военных специалистов Соединенного королевства. В это время военная партия при дворе императора Александра III активно лоббировала идею раз и навсегда закрыть для России Восточный вопрос. 13 февраля 1885 г. в преддверии Кушкского инцидента начальник Главного штаба генерал-адъютант Н.Н. Обручев подготовил для Военного министра П.С. Ванновского записку, в которой указывал: «...Вступаясь за Афганистан и поддерживая его своими офицерами и золотом, Англия, сильная только флотом, вероятно попытается обратиться к каким-либо угрозам нам на море <...> Устранение этой опасности естественно должно обращать наше внимание на Проливы»¹⁹. Пессимистичные прогнозы генерала Н.Н. Обручева вскоре полностью оправдались.

¹⁷ BLMC. DMO 4/3. Major-General H. Brackenbury General Sketch of the Situation Abroad and at Home from a Military Standpoint, 3 August 1886. P. 14-15.

¹⁸ TNA. Foreign Office (FO) 881/5558. Memorandum by Major-General H. Brackenbury, 10 August 1887.

¹⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 589. Л. 9.

Николай Николаевич Обручев
(1830–1904)

После начала Пендинского кризиса российский военный агент в Константинополе генерал–майор В.Н. Филиппов фиксировал попытки Лондона прозондировать почву на предмет военного сотрудничества с Высокой Портой. 24 апреля 1885 г. он сообщал генералу Обручеву, что «англичане дают Порту, требуя союза», а британский военный атташе в турецкой столице майор Г. Троттер и вовсе уведомил российского визави о готовности Великобритании в любой момент форсировать Проли

вы²⁰. Аналогичную информацию о планах британского правительства сделать Россию «миролюбивой» с помощью высадки десанта в Закавказье пересылал из Лондона российский военный агент полковник С.С. Бутурлин²¹.

Для ускорения подготовки к Босфорской операции 25 марта 1885 г. в Одессе была учреждена Особая комиссия по обороне черноморского побережья под председательством Военного министра П.С. Ванновского и управляющего Морским министерством И.А. Шестакова²². С этого момента ежегодно совершались различные учения в Черном море, посредством которых происходила отработка совместных действий Одесского военного округа и черноморского флота²³.

В конце января 1886 г. на основе многолетней разведывательной деятельности в Турции генерал–майор В.Н. Филиппов, назначенный на службу в штаб Одесского военного округа,

подготовил «Стратегическое описание Босфора»²⁴. На последующее десятилетие данный документ стал основой для планирования Босфорской операции высшим российским командованием²⁵. По проекту, предложенному в «Стратегическом описании», следовало провести внезапную высадку двух отрядов из различных родов войск общей численностью 22–24 тыс. человек на европейском и азиатском берегах Верхнего Босфора, ограничившись только захватом прибрежных фортов и батарей. Затем требовалось заградить пролив минами, чтобы не допустить вероятность прорыва вражеских, прежде всего британских, военных судов²⁶. После этого десант, по замыслу генерал–майора В.Н. Филиппова, до прибытия значительных подкреплений из России должен был придерживаться активной обороны занятых позиций без решительных наступательных действий²⁷.

Примечательно, что 22 февраля 1886 г. начальник русского Главного штаба генерал Н.Н. Обручев, вероятно после ознакомления со «Стратегическим описанием» генерал–майора В.Н. Филиппова, подал записку Александру III «о необходимости воспользоваться обстоятельствами и ударить прямо на Босфор»²⁸. Император распорядился выделить дополнительные 8 млн рублей на подготовку военно–морской операции. Сам начальник Главного штаба генерал–адъютант Н.Н. Обручев намечал общую готовность для осуществления захвата Босфора именно на весну — лето 1886 г.²⁹ Как показывает историческая ретроспектива, Босфорская операция так и оказалась нереализованной, но сам факт систематической подготовки российского командования к ее осуществлению серьезно беспокоил военных специалистов Соединенного королевства.

²⁴ Подробнее о деятельности генерала В.Н. Филиппова в должности военного агента в Константинополе см.: *Томилин А.Р.* Указ. соч. С. 22–30.

²⁵ *Айрапетов О.Р.* Генерал–адъютант... С. 324–325, 388–387.

²⁶ *Филиппов В.Н.* Стратегическое описание Босфора. СПб: Воен. тип., 1886. С. 88–90.

²⁷ Там же. С. 96.

²⁸ *Шестаков И.А.* Полвека обыкновенной жизни. Дневники 1882–1888, СПб: Судостроение, 2014. С. 301; Кондратенко Р.В. Указ. соч. С. 212.

²⁹ *Айрапетов О.Р.* Генерал–адъютант... С. 324.

²⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 90. Л. 7.

²¹ РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. 1885. Д. 4. Л. 142 об.

²² РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 587. Л. 203.

²³ *Айрапетов О.Р.* Генерал–адъютант... С. 325.

Так, военный атташе британского посольства в Петербурге подполковник А. Герберт летом — осенью 1886 г. докладывал с берегов Невы о сосредоточении крупных сил в южных военных округах Российской империи, в том числе в портах Одессы и Севастополя. Это свидетельствовало, по его мнению, о намерении правительства Александра III воспользоваться сложившейся нестабильной обстановкой в Болгарии для решения Восточного вопроса в своих интересах³⁰. Как следствие, в течение всего 1886 г. в недрах Разведывательного департамента была подготовлена серия аналитических записок, в которых освещалось состояние российских вооруженных сил и их готовность к осуществлению обозначенных выше планов. Например, капитан Дж. Грирсон особо выделял факт полного переоснащения российской пехоты и артиллерии к 1885 г. современными образцами оружия, что, с его точки зрения, являлось «сокрушающим опровержением идеи, что Россия не имеет деньги на военные нужды». С момента Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Российской империи была увеличена общая протяженность стратегических железных дорог с 19 до 26 тыс. км, влиявшая на скорость мобилизации и концентрации войск на ключевых операционных направлениях. Значительно улучшена организация, снабжение, комплектование армии и многократно увеличена ее численность с 800 тыс. чел. до 1,5 млн³¹. В записке капитан Дж. Грирсон также обращал пристальное внимание генерала Г. Брэкенбери на расположение частей VII и VIII корпусов и 4-й стрелковой бригады, дислоцированных в Одессе, Кишиневе, Николаеве, Херсоне и Севастополе, которые в течение двух недель после мобилизации, по его расчетам, могли сосредоточиться в черноморских портах России, готовые для отправки на румынское или болгарское побережья. Однако, согласно выводам капитана Дж. Грирсона, «для такой операции потребуется полный контроль над Черным морем»³², чего без захвата Босфора добиться на практике было невозможно.

³⁰ TNA. FO 65/1281. War Office to Foreign Office, 1 October 1886. F. 130–132.

³¹ Ibid. *Captain J.M. Grierson Memorandum on the Progress of the Russian Army since the 1878 and Its State of Preparation for War*, 13 August 1886. F. 53–55.

³² Ibid. F. 56.

Для более тщательного ознакомления с обстановкой на юго-западе России Военный кабинет Великобритании направил специалиста Разведывательного департамента капитана Дж. Вулф Мюррея на военно-морские маневры, проводившиеся в сентябре 1886 г. на побережье Крымского полуострова³³. Довольно характерно, что на данном историческом этапе в Лондоне не связывали российские учения в Черном море напрямую с планами по захвату Босфора, в отличие от специалистов Большого Генерального штаба Германии: они достаточно быстро определили по характеру местности, на которой проводились маневры в Крыму осенью 1886 г., что их отработка была призвана подготовить десант именно к захвату пролива в обозримом будущем³⁴. В задачи капитана Дж. Вулф Мюррея входило изучение дислоцированных войск в Севастополе и Одессе конкретно «с позиции их готовности к высадке в Болгарии».

Осмотрев местные военные лагеря, британский разведчик указывал в отчете, что состав войск Севастопольского десантного отряда не превышал 5 тыс. чел., тем самым соответствуя численности гарнизона города по штатам мирного времени. Пехота совершенно не имела транспорта, все батареи были снаряжены исключительно легкими орудиями, а «до 4 сентября не было отдано приказа о мобилизации войск в Севастополе и Одессе, и <...> ничего подобного не рассматривалось». Дополнительно изучив военный лагерь рядом с Одессой, он пришел к заключению, что войска, задействованные в военно-морских маневрах, не в том состоянии, «чтобы вызывать тревогу» у политиков в Лондоне³⁵. Впоследствии он подкрепил свои наблюдения в пространной записке от 30 октября 1886 г.³⁶.

³³ Ibid. War Office to Foreign Office, 30 August 1886. F. 76–76v.

³⁴ Notes on the Russian Landing Manoeuvres of 1886 // *British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print (BDFP)*. Part 1: From the Midnineteenth Century to the First World War. Series A: Russia, 1859–1914. Vol. 2: Russia, 1881–1905 / ed. by D. Lieven. Washington. P. 303.

³⁵ TNA. FO 65/1281. Memorandum by Captain J.M. Wolfe Murray, 9 September 1886. F. 87–89.

³⁶ Ibid. *Captain J.M. Wolfe Murray Memorandum on the Sea Transport available in the Black Sea with more especial reference to a Russian Descent on Bulgaria*. F. 224–225v.

Опираясь на выводы своих подчиненных, генерал Г. Брэкенбери заверил кабинет министров в том, что «нет признаков, указывающих на намерение (России. — А.А.) отправить войска в Болгарию»³⁷. Однако, указывая на реорганизацию царской армии, последовательное развитие военной инфраструктуры и ускоренное строительство современного броненосного флота на Черном море, он считал, что «все это свидетельствует о ее (России. — А.А.) намерении обеспечить контроль над Черным морем и реализовать свои планы на Востоке»³⁸. Лорд Солсбери, пришедший к власти во главе консервативного правительства в июле 1886 г., был решительно настроен не допустить реализацию такого сценария, который, с его слов, стал бы «крахом нашей (консервативной. — А.А.) партии и тяжелым ударом по стране (Великобритании. — А.А.)»³⁹.

О попытках Великобритании на излете Болгарского кризиса достигнуть соглашения на антироссийской основе с европейскими странами сообщал в Петербург с берегов Темзы 28 декабря 1886 г. российский военный агент генерал-майор С.С. Бутурлин. По его конфиденциальным сведениям, «состоялось окончательное соглашение между Германией, Австрией, Италией и Англией, для общего действия против России и Франции»⁴⁰. К марту 1887 г. была сформирована Средиземноморская Антанта из Великобритании, Италии и Австро-Венгрии, призванная защитить британские и итальянские интересы соответственно в Египте и Триполи от притязаний Третьей республики, и интересы всех трех стран-участниц в Османской империи от России. Однако на практике «сердечное согласие» не имело прочной основы, поскольку страны-участницы данного альянса не давали конкретных гарантий о поддержке друг друга в случае вооруженного конфликта с Россией или Францией⁴¹. Поэтому стратегемы генерала Г. Брэкенбери упирались в традиционную

³⁷ Ibid. Memorandum by Major-General H. Brackenbury, 28 October 1886. F. 145.

³⁸ BLMC. DMO 4/3. Major-General H. Brackenbury General Sketch of the Situation Abroad and at Home from a Military Standpoint, 3 August 1886. P. 12–13.

³⁹ Taylor A.J.P. Op. cit. P. 307.

⁴⁰ РГВИА Ф. 401. Оп. 4. 1886. Д. 55. Л. 24 об.

⁴¹ Lowe C.J. Salisbury and the Mediterranean... P. 16–2.

для Великобритании Викторианской эпохи парадигму «блестящей изоляции», при которой Уайтхолл не стремился заключать долговременные союзы с другими странами, предпочитая сохранять «свободу рук» при решении своих внешнеполитических задач.

После оккупации о. Кипр (1878 г.) и Египта (1882 г.) англо-турецкий союз для политического истеблишмента Великобритании утратил свое прежнее стратегическое значение. Российский военный агент в Лондоне подполковник Н.С. Ермолов в донесении от 20 октября 1891 г. верно заметил, что Кипр стал удобной морской базой «для наблюдения за Египтом и Суэцем», но не для блокады Дарданелл в случае захвата Россией Босфора и Константинополя⁴². В связи с этим рубеж 80–90-х гг. XIX в. на фоне обострения «схватки за Африку» характеризуется постепенной переориентацией приоритетов Лондона на сохранение контроля над Суэцким каналом и постепенным отказом от многолетней политики по защите Проливов.

Важным изменением позиции Великобритании в военно-стратегическом отношении к концу XIX в. стало постепенное сближение России и Франции, закономерно приведшее к ратификации союзной оборонительной конвенции 4 января 1894 г. В этой связи все возможные военные операции против России в Черном море ставились в прямую зависимость от маневров Третьей республики в Средиземноморье. Таким образом, последующее планирование военной стратегии Великобритании было вынуждено опираться на вероятность вооруженного столкновения с сильной европейской коалицией, обладавшей не только многочисленной сухопутной армией, но и современным сильным военно-морским флотом. Эти факторы ставили перед британским военным командованием совершенно иные по сложности задачи.

Изначально на фоне известий о российско-французском сближении новый Директор департамента военной разведки генерал-майор Э. Чепмен, сменивший на этом посту генерала Г. Брэкенбери в 1891 г., предлагал в случае войны с Третьей республикой заключить союз с Германией. Тогда британские армия

⁴² РГВИА. Ф. 431. Оп. 1. Д. 57. Л. 25.

и флот, по его задумке, могли успешно отвлечь основные силы Третьей республики от Эльзаса и Лотарингии, тем самым «давая возможность Германии нанести ей (Франции. — А.А.) решительный удар»⁴³. Одновременно Директор департамента военной разведки рассматривал и наступательный сценарий войны, подразумевавший передислокацию британской экспедиционной армии на Балканы для поддержки Австро–Венгрии, Румынии, Болгарии и Турции, чтобы обеспечить решающий численный перевес, если Россия в союзе с Сербией и Черногорией попытается захватить Константинополь и Проливы в ходе сухопутной кампании⁴⁴. Для осуществления подобных замыслов, как сообщал с берегов Темзы российский военный агент подполковник Н.С. Ермолов, в Лондоне изучали возможность оккупации «какого–либо пункта вблизи Дарданелл, подобно острову Митилены, удобного для устройства на нем военно–морской операционной базы»⁴⁵.

Однако вскоре армейские и флотские специалисты Соединенного королевства пришли к однозначному выводу, что высадка войск на Галлиполи для защиты Дарданелл даже при поддержке британской средиземноморской эскадры больше не могла быть реализована без предварительной блокады французского флота в Тулоне. В противном случае, по их заключению, Великобритания рисковала полностью отдать морскую инициативу не только в западном бассейне Средиземноморья, но и в соседнем Атлантическом океане, и в конечном счете утратить контроль над Ла–Маншем, что в итоге «будет представлять серьезную угрозу для Великобритании»⁴⁶.

Неутешительные выводы руководителей военной и морской разведок подкрепляли сведения, полученные благодаря

⁴³ BLMS. DMO/14/8. Major–General E.F. Chapman Memorandum on Military Policy in Relation to Mobilization and Resources, 22 December 1891. P. 1.

⁴⁴ Ibid. P. 1–2.

⁴⁵ РГВИА. Ф. 431. Оп. 1. Д. 57. Л. 30 об.

⁴⁶ TNA. Cabinet Office (CAB) 37/31/10. Russian threat to Constantinople, 1892. P. 4–5; *Παναστρατιγακис Η.* Указ. соч. С. 197–198; *Marder A.* Op. cit. P. 159–160.

дипломатическим связям со Вторым Рейхом. Так, в распоряжении Разведывательного департамента Великобритании оказалась записка от 4 мая 1892 г., посвященная обороне Босфора и Константинополя, за авторством представителя германской военной миссии в Турции полковника К. фон дер Гольца⁴⁷. В документе также содержались общие положения плана Босфорской операции генерал–майора В.Н. Филиппова, добытого турецкой разведкой. Полковник фон дер Гольц пришел к заключению, что османский флот был не способен противостоять военно–морским силам России в Черном море, даже несмотря на превосходство Турции в количестве кораблей — ни один из них не мог сравниться с русскими судами «ни по вооружению, ни по прочности брони, ни по скорости хода»⁴⁸. Тем не менее, с его точки зрения, российская черноморская эскадра была недостаточно сильна, чтобы на равных соперничать с флотом «великой морской державы» — Великобритании, однако имеющихся у России кораблей хватило бы, чтобы форсировать и заблокировать Босфор, а также десантировать войска на обеих сторонах пролива по плану генерал–майора В.Н. Филиппова⁴⁹. Осуществление Босфорской операции признавалось полковником К. фон дер Гольцем непростой задачей, но вполне реализуемой при содействии благоприятных условий.

К концу 1895 г. российский флот на Черном море состоял из 1 линейного крейсера, 6 эскадренных броненосцев, 2 броненосцев береговой обороны, 3 минных крейсеров, 6 канонерских лодок, 23 миноносцев и 7 миноносок⁵⁰. Согласно отчету штаба Одесского военного округа за 1891 г., перечисленных военно–морских сил при соответствующей подготовке боевых позиций на Босфоре было достаточно, чтобы с большим успехом противостоять британской эскадре, которая в составе 19 кораблей по предварительным расчетам прибывает с о. Мальта

⁴⁷ Memorandum on the Defence of Bosphorus, 4 May 1892 // BDF. Part I. Series A. Vol. 2 Russia. P. 294–303; *Marder A.* Op. cit. P. 156–157.

⁴⁸ Ibid. P. 294.

⁴⁹ Ibid. P. 295.

⁵⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 587. Л. 214.

спустя 5 дней после объявления войны⁵¹. В Лондоне, в свою очередь, военные специалисты опасались, что после захвата Босфора возможный прорыв российской эскадры в Средиземное море нарушит существующий баланс сил, при котором британский флот имел численное и качественное превосходство над французским⁵².

В последующих записках генерал Э. Чепмен особо подчеркивал незащищенность Египта от высадки десанта «любой державы, находящейся в состоянии войны с Великобританией, если будет уничтожено военно-морское превосходство Англии в Средиземном море». При этом, рассматривая характер возможной войны против российско-французской коалиции, Чепмен считал, что британский флот в Средиземном море будет полностью сосредоточен на противодействии французской эскадре. В таком случае Великобритания не могла предотвратить захват Босфора и «предпринять меры для защиты (Египта. — А.А.) от враждебного российского десанта»⁵³.

Важные сведения о расстановке сил в акватории Черного моря сообщил в Лондон полковник Дж. Арда, побывавший в августе 1894 г. в Турции и в Крыму совместно с другими высокопоставленными британскими офицерами. Там они стали свидетелями очередных военно-морских учений, в рамках которых российская черноморская эскадра имитировала нападение на оборонительные укрепления Севастополя. Возможности возрожденного российского флота на Черном море произвели сильное впечатление на гостей с Туманного Альбиона. «Не может быть никаких сомнений в том, что нового российского флота более чем достаточно, чтобы не дать ослабевшим остаткам турецкой эскадры осмелиться войти в Черное море, — писал полковник Дж. Арда. — Таким образом, господство над этими водами перешло от Турции к России, в результате чего все побережье от Варны и Бургаса до устья Босфора <...> открыто для вторжения

⁵¹ Там же. Л. 80–84.

⁵² BLMC. DMO/14/31. Naval Strength of England and France, 8 June 1895. P. 4.

⁵³ BLMC. DMO/11/12. British Position, in View of Growth of French and Russian Naval Strength in the Mediterranean, 27 November 1893. F. 1–4.

русских войск, которые могут быть переброшены туда менее чем за пару дней»⁵⁴.

В сентябре 1895 г. военный атташе британского посольства в Петербурге подполковник У. Уотерс составил подробный отчет об очередных военно-морских маневрах в Черном море, «носивших необычно большой размах». По плану учений, 9 сентября наступающая сторона высаживала в Очакове первый отряд численностью 8 тыс. чел. при 48 орудиях. Как только десант был высажен, транспорты отплыли в Одессу для погрузки дислоцированных там войск численностью 5 тыс. чел. при 16 орудиях. 11 сентября второй отряд высадили в районе Очакова, но на следующий день обороняющейся стороне удалось отбросить десант к морю. «На этом маневры закончились, — писал в отчете подполковник У. Уотерс. — Никаких дополнительных сведений о ходе маневров нет, но есть основания полагать, что русские военные власти не считали их вполне успешными»⁵⁵. Тем не менее в Лондоне выражали опасения, что Россия неуклонно приближается к осуществлению своих замыслов.

К этому моменту в Османской империи начался очередной внутренний кризис, приведший к армянским погромам и восстанию греческого населения на о. Крит. Британские политики вновь стали обсуждать перспективы сложившегося положения, выражая опасения, что Россия воспользуется неустойчивостью Порты для захвата Константинополя и Босфора. На это, в частности, указывало секретное послание от 15 сентября 1896 г. из британского консульства в Одессе: «...эскадра, состоявшая из трех броненосцев, двух крейсеров и двух торпедных катеров, отплыла в Тендру; она будет ожидать там распоряжения русского посла в Константинополе

⁵⁴ BLMC. DMO/10/29. Colonel J.C. Ardagh Memorandum Considering the Consequences of a Seizure of Constantinople by Russia, October 1894. P. 3–6; Ardagh S.H. The Life of Major-General Sir John Ardagh. L.: John Murray, 1909. P. 261–264.

⁵⁵ BLMC. DMO/5/33. Foreign Manœuvres, 1895. Extracts from the Reports of Various Officers on the Manœuvres in Austria, Belgium, France, Germany, Italy, Roumania, Russia, and Servia. P. 104–105

(А.И. Нелидова. — А.А.), и к ней присоединятся другие военные корабли, если его превосходительство телеграфирует с просьбой об этом»⁵⁶. В это же время в России был сформулирован окончательный вариант Босфорской операции, который планировалось привести в исполнение в случае новых масштабных волнений в Турции. Цель экспедиции ограничивалась быстрым захватом только Верхнего Босфора, чтобы не распылять силы на штурм турецкой столицы, так как по мнению генерала Н.Н. Обручева, «мы и без Константинополя будем иметь первенствующее влияние на судьбы Балканского полуострова, так и Малой Азии»⁵⁷. После этого начальник Главного штаба предлагал дипломатическим путем обеспечить и российский контроль над Дарданеллами.

Британский военный атташе в Константинополе полковник Г. Чермсайд 27 января 1896 г. предложил в случае захвата Россией Босфора организовать масштабную военно-морскую операцию по блокаде Дарданелл. На первом этапе военных действий он рекомендовал захватить о. Лемнос в качестве опорного пункта для расположения британских армии и флота. Далее по предложенному им плану следовало форсировать Дарданеллы, чтобы вывести из строя ближайшие форты и артиллерийские батареи, если Высокая Порта решит оказать сопротивление. По мнению британского офицера, данный маневр мог быть осуществлен «без вероятности навлечь эффективный ответный огонь по кораблям». Затем по рекомендациям полковника Чермсайда требовалось передислоцировать два армейских корпуса из метрополии на полуостров Галлиполи, чтобы обеспечить его оккупацию в качестве базы для дальнейших сухопутных операций⁵⁸.

15 октября 1896 г. новый Директор департамента военной разведки генерал-майор Дж. Арда, назначенный на эту должность в апреле того же года, подготовил пространную записку «Восточный вопрос в 1896 году», в которой рассматривались

⁵⁶ TNA. FO 424/188. Acting Consul-General Mackie to Marquess of Salisbury, 15 September 1896. P. 190.

⁵⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 587. Л. 210 об.

⁵⁸ *Панастратиакис Н.* Указ. соч. С. 199.

возможные действия со стороны Великобритании»⁵⁹. Представляется, что указание конкретной даты в заголовке сделано автором неслучайно. Этим он пытался подчеркнуть тектонические изменения во внешнеполитическом ландшафте, сформировавшимся к концу столетия. К 1896 г. Великобритания оказалась в очень сложной ситуации совершенно «неблестящей изоляции», в которой ее интересы преимущественно на почве колониальной политики сталкивались с противоборством практически всех великих держав в различных уголках Африки и Евразии. «При таких обстоятельствах, — писал генерал-майор Дж. Арда, — о политике странствующего рыцарства или авантюризма не может быть и речи»⁶⁰. Исходя из этих вводных, автор задавался справедливым, но несформулированным дословно вопросом — должна ли Великобритания продолжать, как и ранее, ревностно отстаивать целостность «больного человека Европы»?

Генерал-майор Дж. Арда рассматривал эту проблему, естественно, сквозь призму вероятности захвата Босфора российским десантом. Он считал, что этот замысел Россия была способна осуществить «когда ей заблагорассудится»⁶¹. В то же время автор отмечал наличие усиленных оборонительных сооружений именно в районе Дарданелл, что заметно осложняло потенциальные ответные действия со стороны Великобритании. По его мнению, форсирование пролива силами британского военно-морского флота без тяжелых потерь было невозможно,

Джон Чарльз Арда
(1840–1907)

⁵⁹ TNA. Public Records Office (PRO). Major-General Sir John Charles Ardagh: Papers. 30/40/14. Major-General J.C. Ardagh The Eastern Question in 1896, 15 October 1896; Выдержка из этой 28-страничной записки представлена в: *Marder A.* Op. cit. P. 268–270.

⁶⁰ Ibid. F. 35.

⁶¹ Ibid. F. 30.

как то полагал полковник Г. Чермсайд. Проведение же десантной операции на полуострове Галлиполи с целью его оккупации и занятия обороны по линии Булаирского перешейка считал бессмысленной без поддержки Италии и других участников Тройственного союза⁶². Однако такая военно–политическая комбинация неизбежно приводила к обострению отношений с Францией, что в свою очередь могло послужить поводом к войне с российско–французским альянсом, в которой, по мнению генерал–майора Дж. Арда, союзных сил Средиземноморской Антанты без поддержки Германии окажется недостаточно. В то же время, учитывая осложнение германо–британских отношений на почве раздела Африки, полагаться на содействие Берлина, с его точки зрения, не приходилось⁶³. В этой связи он пришел к выводу, что Великобритания в одиночку будет неспособна воспрепятствовать превращению Черного моря «в военную гавань, по своему желанию из которой русские эскадры могут выходить и куда они могут спокойно возвращаться»⁶⁴.

С позиции генерал–майора Дж. Арда куда важнее было обеспечить безопасность подступов к Египту в долине Нила и усилить британское военно–морское присутствие в зоне Суэцкого канала⁶⁵. Также на фоне нестабильной внутренней обстановки в Османской империи и Персии в конце XIX в. он предлагал сместить акцент внешней политики Лондона на Ближний и Средний Восток. По его мнению, под британским контролем должно было находиться все пространство от Искандерунского залива до северного Сеистана, поскольку Петербург стремился распространить свое влияние на «Персию и Афганистан, на порты в Персидском заливе» и намеревался «вторгнуться в Индию». Хотя генерал–майора Дж. Арда прямо называл эти планы «воздушными замками», но ни к одному из них, по его мнению, британское правительство «не могло позволить себе быть

⁶² TNA. Public Records Office (PRO). Major–General Sir John Charles Ardagh: Papers. 30/40/14. Major–General J.C. Ardagh The Eastern Question in 1896, 15 October 1896. F. 32–33, 39–40.

⁶³ Ibid. F. 43, 54.

⁶⁴ Ibid. F. 42–43.

⁶⁵ Ibid. F. 47.

равнодушным...»⁶⁶. 20 января 1897 г. лорд Солсбери, опираясь в том числе на выводы военных специалистов, заявил, что традиционная стратегия Великобритании, направленная на защиту Османской империи, являлась «устаревшей точкой зрения»⁶⁷. С этого момента прежняя политика «странствующего рыцарства» перестала быть для Лондона аксиомой.

Несмотря на высокую степень готовности и скрупулезную проработку Босфорской операции, захват Пролива российскими войсками так и не был в конечном счете осуществлен. Этому способствовало несколько факторов. Во–первых, против проекта по захвату Босфора категорично выступала Франция, поэтому император Николай II, опасаясь международной изоляции и расторжения союзного оборонительного договора, по выражению О.Р. Айрапетова, «выбрал традиционную политику "слабого соседа" по отношению к Турции»⁶⁸. Во–вторых, активное сопротивление реализации Босфорской операции оказывал министр финансов, тайный советник, С.Ю. Витте, имевший большое влияние на молодого императора. Он считал опасным и несвоевременным захват Босфора, и излишними затраты государственной казны на его подготовку⁶⁹. И в–третьих, вероятность успеха всего мероприятия ставили под сомнение высокопоставленные представители Морского ведомства, считая данную операцию «рискованной» и опасаясь возможности появления британской эскадры перед Константинополем прежде высадки российского десанта⁷⁰. Однако из изложенного выше следует констатировать, что данные опасения к концу 1896 г. не имели под собой прочных оснований.

После неудачной Русско–японской войны 1904–1905 гг. российско–британское военное соперничество зашло в тупик. С одной стороны, британское командование не считало возможным препятствовать инициативе своего соперника по захвату

⁶⁶ TNA. FO 539/78. Memorandum by Sir J. Ardagh, 28 November 1898. P. 154; TNA. WO 106/52. Précis of Railway Projects in Persia, 1870–1910, June 1910. P. 19.

⁶⁷ Taylor A.J.P. Op. cit. P. 369.

⁶⁸ Айрапетов О.Р. Генерал–адъютант... С. 408–409.

⁶⁹ Там же; РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 587. Л. 276–276 об.

⁷⁰ Там же. Л. 368–368/об.

Босфора и сосредотачивалось на континентальной обороне Индии, с другой — уничтожение значительной части российского военно–морского флота в ближайшей перспективе ставило крест на планах занятия Проливов, а идея вторжения в пределы полуострова Индостан, в таком случае, не имела никакого смысла. В то же время нараставшая гегемония Германии, усиление ее военно–морских сил, одновременно озадачивало и Лондон, и Петербург, что и стало главным поводом для взаимного сближения сторон и привело к формированию военно–политического блока Антанты.

РАЗДЕЛ II.

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ РОССИИ И СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ В XVI —НАЧАЛЕ XX вв.

ГЛАВА 8

ЗАРОЖДЕНИЕ РУСОФОБИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ (XVI–XVIII вв.)

Т.Л. Лабутина

В последние годы такое явление, как русофобия, прочно вошло в лексикон западных средств информации, политиков и идеологов стран т.н. «коллективного Запада». По утверждению известного литератора и публициста Александра Проханова, «русофобия стала мощным тараном, который днями и ночами бьет по русскому сознанию, по русским символам, по русским традициям и устоям... Бранить Россию... стало хорошим тоном». Все это, продолжал литератор, «сливается в нарастающую грозную силу», которая «поддерживается европейским, американским, мировым русофобом и служит одному — срезу сегодняшнего государства Российского»¹.

Между тем, русофобия отнюдь не является продуктом общественного сознания современного Запада. Сам термин «русофобия» был введен в общественно–политический лексикон поэтом и дипломатом Ф.И. Тютчевым еще в XIX веке². Русофобия имеет глубокие корни и возникла она тогда, когда Россия начала впервые взаимодействовать со странами Запада.

В книге швейцарского журналиста и общественного деятеля Ги Меттана с характерным названием: «Запад–Россия:

¹ Проханов А. Час русофоба// «Завтра». Июль, 2017 г., № 29 (1233). С. 1.

² Тютчев Ф.И. Россия и Запад: книга пророчеств. М., 1999.

Тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса» обращается внимание на то, что русофобия — это сугубо «западное явление», Ги Меттан подчеркивал, что значительный вклад в формирование мировой русофобии внесла Великобритания. «Приступ любви к русским», на его взгляд, случался у англичан лишь дважды: в 1812–1815 и в 1904–1917 годах. Русофобия, продолжал автор, в этой стране зародилась в 1815 году, сразу после свержения Наполеона. Английская русофобия носила «геополитический характер», поскольку Великобритания включала Россию в число держав, претендующих на мировое господство. С этого времени, утверждал Ги Меттан, «в политике британского правительства и общественном мнении прорусские настроения сменились агрессивной русофобией»³.

В концепции журналиста определенные сомнения вызывает его утверждение о том, что, начиная с создания Московской торговой компании в середине XVI века, Лондон и Москва всегда поддерживали «хорошие отношения»⁴. Так ли это было? Как тогда соотносятся с этим утверждением события, связанные с разрабатываемыми в период Смуты планами Англии о захвате Русского Севера⁵? Изучая англо–русские отношения на протяжении XVI–XVIII веков, мы пришли к выводу, что русофобия британцев возникла задолго до XIX века, уже в первые десятилетия после установления дипломатических и экономических отношений Московского государства с Англией в 1556 г. К указанной теме автор обращался не раз⁶. В данной главе мы

³ Меттан Ги. Запад–Россия: Тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. М., 2016. С. 228, 230.

⁴ Там же. С. 230.

⁵ Подробнее об этом см.: Лабутина Т.Л. «Курьезный эпизод» в англо–русских отношениях. Планы колонизации Русского Севера // Лабутина Т.Л. Англичане в допетровской России. СПб., 2011. С. 94–111.

⁶ Подобнее см.: Лабутина Т.Л. Ксенофобия в англо–русских отношениях в XVI — первой трети XVIII вв. // «Свой» / «Чужой» в кросс–культурных коммуникациях Запада и России. СПб., «Алетейя», 2019. С. 174–200; она же. Русофобия британцев в XVI — первой трети XVIII вв.: истоки, причины, следствия // Электронный научно–образовательный журнал (ЭНОЖ. История). М., 2019, № 12.

дополнили исторический материал, расширив хронологические рамки исследования.

Англичане, побывавшие в Московском государстве в XVI веке, нередко писали о характерных чертах, присущих русскому народу. Этнические образы русских людей, представленных ими, чаще всего содержали негативные черты. Так, на взгляд «первооткрывателя» Московии купца и мореплавателя Р. Ченслера, русские «по природе очень склонны к обману, сдерживают их только сильные побои»⁷. Английский купец и дипломат А. Дженкинсон уверял, что от русских людей «мало помощи», а в малонаселенных районах, ее можно получить только в городах⁸. Особенно резко высказывался о русских людях поэт Дж. Турбервилль. «Страна эта груба, — писал он, — люди чудовищны», правитель коварен, манеры людей «близки к турецким», мужчины — вероломны, женщины развращены, храмы «забиты идолами». «Никогда не видел государя, который бы так правил / Людей, столь окруженных святыми, но диких и низких / Свирепые ирландцы так же цивилизованы, как эти русские; / Трудно сказать, кто лучше из них, и те, и другие кровожадны, грубы и слепы». Россия — это «варварская» страна, заключал Турбервилль⁹.

Дипломат и разведчик Дж. Горсей, немало лет проживший в России, полагал, что русский народ по природе своей «дик и злобен», а потому оправдано «суровое управление» и «тяжелая рука» царя Ивана Грозного, который постоянно сталкивался с заговорами и изменой, направленными против него¹⁰.

Оценки русских людей англичанами мало изменились в XVII веке. Придворный врач царя Алексея Михайловича С. Коллинс был невысокого мнения о русских людях. «Русский

⁷ Ченслер Р. Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1938. С. 64.

⁸ Дженкинсон А. Путешествие из Лондона в Москву // Иностранцы о древней Москве (Москва XV–XVII веков). М., 1991. С. 76.

⁹ Турбервилль Дж. Стихотворные послания–памфлеты из России XVI века // Флетчер Дж. О государстве Русском. М., 2002. Приложение. С. 258.

¹⁰ Горсей Дж. Записки о России XVI — начала XVII в. М., 1990. С. 90.

народ очень недоверчив и подозревает всех иностранцев, которые расспрашивают о политике, или религии, — писал английский лекарь. — Он совершенно предан невежеству, не имеет никакой образованности ни в гражданских, ни в церковных делах. И видя в науках чудовище, боится их как огня». Особенно резко Коллинс отзывался о богатых купцах: «Нажив себе огромное состояние разорением бедных и ограбив иностранцев, они думают, что загладят злые дела, если построят церковь и снабдят ее множеством дорогих икон и колоколами; это кажется им богоугодным делом, и, действительно, было бы таковым, если бы совершено во славу Божию, а не из своекорыстия или тщеславия». И далее автор приходил к нелицеприятному заключению: «В целом мире нет таких негодяев!» Впрочем, Коллинс признавал, что между русскими «много добрых людей», к которым причислял тех, кто «расширил понятия свои разговором с иностранцами». В завершение своего трактата придворный лекарь утверждал: русские «лукавы, не держат мирных договоров, хитры, алчны, как волки, и с тех пор, как начали вести торговлю с голландцами, еще больше усовершенствовались в коварстве и обманах»¹¹.

В довольно резкой форме о русских людях отзывался и британский офицер Патрик Гордон, едва поступив на царскую службу, он убедился в том, что на иноземцев в России смотрят «как на сборище наемников;.. что не стоит ожидать никаких почестей или повышений в чине, кроме военных, да и то в ограниченной мере, а в достижении оных более пригодны добрые посредники и посредницы, либо деньги и взятки, нежели личные заслуги и достоинства». На его взгляд, русские люди «угрюмы, алчны, скредны, вероломны, лживы, высокомерны и деспотичны, когда имеют власть, под властью же — смиренны и даже раболепны, неряшливы и подлы, однако при этом кичливы и мнят себя выше всех прочих народов»¹².

¹¹ Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне // Иностранцы о древней Москве. Указ. соч. С. 1, 30, 28, 38.

¹² Гордон П. Дневник. 1659–1667. М., 2002. С. 106.

Трудно себе представить еще худшие обвинения в адрес народа, на военную службу к которому в качестве наемника поступил шотландец. Нам кажется, что подобное чернение русских людей было вызвано, скорее всего, неудачными попытками Гордона разбогатеть в России, на что он так надеялся, поступая на царскую службу. Однако, по его словам, «скудная плата в ... медной монете», а также «подлая и подозрительная натура» отдельных бояр повергли офицера в уныние и разочарование¹³. Вследствие этого, не в последнюю очередь у Гордона и стали складываться столь нелицеприятные впечатления о русском народе в целом.

Как видно, при характеристике русских людей, их нравов и обычаев англичане нередко высказывались самым негативным образом. Чаще всего это происходило в силу субъективных причин, из-за неудач, постигших британцев в их предприятиях в России (как в случае с Турбервиллем и Гордоном). Но не только. Иностранцы не могли дать верного объяснения многих явлений русской жизни или объективно оценить их в силу недостаточного знания языка, истории, религии, уклада жизни и обычаев народа. По утверждению британского историка М. Андерсона, из-за «дефектных источников информации» англичане имели неточные и ошибочные представления о России. Эта информация оставалась неполной со времен Елизаветы Тюдор, поскольку основывалась на знании исключительно небольшой части огромной страны, главным образом двух столиц и прибалтийских территорий. Информация отличалась неточностью, поскольку была получена главным образом от людей, которые плохо или совсем не знали русский язык. Информация была искажена, поскольку базировалась на укоренившихся традиционных представлениях о государственном правлении России¹⁴.

Незнание русского языка осложняло процесс познания страны. Вплоть до 1764 г. в английском правительстве отсутствовал постоянный переводчик с русского языка. Чаще всего англичане заимствовали материал о России из других стран, прежде

¹³ Гордон П. Дневник. 1659–1667. М., 2002. С. 106–107.

¹⁴ Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. 1553–1815. L., 1958. P. 82.

всего из Франции, и делали это некритически. К примеру, «История» Вольтера о России стала основным источником для англичан в их познаниях о нашей стране. Как подчеркивал Андерсон, «игнорирование и, более того, неадекватные познания о русских приводило к ряду фантастических спекуляций и созданию мифа о происхождении русского народа вплоть до конца XVIII столетия и даже позже»¹⁵. Более того, знания о России были таковы, что русские и их институты расценивались как нижестоящие по отношению к жителям и институтам Западной Европы, в особенности Британии. Подобное отношение к России у британцев, по утверждению Андерсона, сохранилось со времен Р. Ченслера и А. Дженкинсона.

Явное отсутствие симпатии и интереса со стороны англичан можно было проследить в большинстве их сообщений о религиозной жизни в России. «Церковь, важный институт в стране и один из тех, который очень близко затрагивает простых людей, — констатировал Андерсон, — продолжал оставаться малоизвестным и малопонятным». Работы, в которых эта тема затрагивалась, появлялись время от времени. Да, и в них затрагивались лишь вопросы, связанные с описанием церемоний. Что же касается доктрин, то они описывались без симпатии. Единственная серьезная книга о русской церкви была написана Дж. Кингом в 1772 г., но автору также не удалось убедить своих соотечественников о значительной психологической важности религии в России¹⁶.

Знания о России, продолжал Андерсон, распространялись в Британии очень медленно. Естественно, что суждения о происходящем в стране, о правительстве и народе также менялись медленно. Неудивительно, что сведения из трудов Дженкинсона, Флетчера, Горсея повторялись почти дословно литераторами и путешественниками вплоть до XIX века, и в глазах многих британцев Россия продолжала оставаться средневековой страной еще долгое время.

Осуждение пороков русских людей, русского варварства, о котором писали в XVI–XVII столетиях, сохранялось и в правление

¹⁵ Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. 1553–1815. L., 1958. P. 88.

¹⁶ Ibid. P. 91.

Петра I. В трудах британцев по-прежнему обращалось внимание на распространенное пьянство, присущее всем русским людям, суровые наказания и жестокость судопроизводства, подозрительность, грубость манер, лживость и отсутствие стыда. Все это, будто бы отличало русских от западноевропейцев. Вплоть до конца XVIII века продолжало оставаться распространенным суждение о том, что русские являлись варварами¹⁷.

Андерсон признавал, что на протяжении веков оставались неизменными также суждения британцев о государственном устройстве России. Для большинства англичан правление русских характеризовали постоянные дворцовые перевороты и придворные интриги. Многие указывали на деспотический характер правления в России, подчеркивая, что в Британии подобная форма правления была бы невозможна. Неограниченная власть правителя представлялась наиболее очевидным доказательством того, что Россия по своей сути оставалась восточной страной. Поэтому ее чаще сравнивали с восточными деспотиями (например, с Турцией), нежели с западноевропейскими государствами. Даже в украшениях двора и, особенно в пристрастии к драгоценностям его обитателей, усматривали признаки, присущие азиатским государствам¹⁸.

Известный русский историк В.О. Ключевский подчеркивал, что «внешние явления», такие как «наружный порядок общественной жизни, ее материальная сторона» описывались иностранцами с наибольшей полнотой и достоверностью. Что же касается сведений о нравственном состоянии общества, то они страдали субъективностью. Беглые наблюдения отдельных, порой случайных явлений, сделанные в короткое время, не позволяли иностранцу составить верное и полное представление о многих сторонах жизни русских людей. «Оттого иностранные известия о нравственном состоянии русского общества очень отрывочны и бедны положительными указаниями, так что по ним невозможно составить сколько-нибудь цельный очерк ни одной из сторон нравственной жизни описываемого ими

¹⁷ Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. 1553–1815. L., 1958. P. 93–95.

¹⁸ Ibid. P. 96–99.

общества, — подчеркивал историк, — зато в этих известиях дано слишком много места личным, произвольным мнениям и взглядам самих писателей, часто бросающим ложный свет на описываемые явления»¹⁹. Чаще всего подобное непонимание образа жизни русского народа, его «непохожести» на европейцев, приводило иностранцев к убеждению о «варварстве» русского народа.

Напомним, что впервые образ «русского варварства» сформировался в Западной Европе в XVI–XVII веках, во многом благодаря сочинениям немецких писателей С. Герберштейна, А. Олеария, М. Мейерберга, И. Корба. Этот образ включал в себя стереотипные представления немцев о русском народе, главными из которых были: характер государственного правления («русская деспотия», опасная своими агрессивными планами для Европы), православная религия, заметно отличавшаяся от католической и протестантской конфессий; необразованность русского народа; обычаи и особенности национального характера (склонность к пьянству, воровству). В целом русский народ рассматривался иностранцами, как «варварский, достойный жить в рабстве»²⁰.

Представления англичан о допетровской России как о «варварской» и «нецивилизованной» стране сделали стереотипом в этнических представлениях большинства иностранцев, побывавших у нас. Но только ли недостаточной их информированностью о России, а также субъективными причинами (краткостью визита в стране, незнанием языка и т.д.) объяснялось подобное восприятие? Ведь все, что касалось материальной культуры (градостроение, деревянное и каменное зодчество), описания климатических и природных условий, занятий населения, чаще всего носило объективный характер²¹. Однако мимо

¹⁹ Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 8.

²⁰ Ермасов Е.В. Образ «русского варварства» в сочинениях немецких публицистов XVI — первой половине XVIII в. // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 27.

²¹ Подробнее см.: Лабутина Т.Л. Россия и русские глазами британцев. Стереотипы, мифы и реалии // Лабутина Т.Л. Англичане в допетровской России. СПб., 2011. С. 191–242.

наблюдательного взгляда англичан незаметно прошла духовная культура русского народа. Нам представляется, что это происходило далеко не случайно. По-видимому, англичанам, в XVI–XVII вв. активно занимавшимся колониальными завоеваниями, было выгодно представить народ России «варварами», а ее правителей — «азиатскими деспотами» для того, чтобы противопоставить их «цивилизованным» европейцам. Богатая природными ресурсами Россия с «варварским народом» вполне подходила на роль нуждающейся в руководстве и опеке (читай — колонизации) со стороны «цивилизаторов». Об этом совершенно откровенно высказался Дж. Флетчер: «Безнадежное состояние вещей внутри государства (России) заставляет народ, большею частью желать вторжения какой-нибудь внешней державы, которое (по мнению его) одно только может его избавить от тяжкого ига такого тиранского правления»²². Примечательно, что в период Смуты распространялись слухи о том, что аналогичные «пожелания» оккупации своей страны будто бы высказывал русский народ, тогда как в Англии в ту пору уже полным ходом шла подготовка к вторжению и колонизации Русского Севера²³.

Сущность отношения европейцев (и не только британцев) к России подтвердил известный философ Иван Ильин, долгие годы проживший в Европе. «Западные народы боятся нашего числа, нашего пространства, нашего единства, нашей возрастающей мощи, нашего душевно-духовного уклада, нашей веры и Церкви, нашего хозяйства и нашей армии, — писал ученый. — Они боятся нас, и для самоуспокоения внушают себе, что русский народ есть народ варварский, тупой, ничтожный, привыкший к рабству и деспотизму, к несправедливости и жестокости; что религиозность его состоит из суеверия и пустых обрядов... Европейцам нужна дурная Россия: варварская, чтобы «цивиловать» ее по-своему: угрожающая своими размерами, чтобы ее можно было расчленивать; завоевательная, чтобы организовать

²² Флетчер Дж. Указ. соч. С. 59.

²³ См.: Лабутина Т.Л. «Курьезный эпизод» в англо-русских отношениях: Планы колонизации Русского Севера // Лабутина Т.Л. Англичане в допетровской России. Указ. соч. С. 94–111.

коалицию против нее; реакционная, религиозно–разлагающая, чтобы вломиться в нее с проповедью реформации или католицизма; хозяйственно–несостоятельная, чтобы претендовать на ее «неиспользованные» пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договора или концессии»²⁴. Удивительно, насколько высказывания философа и спустя несколько десятилетий представляются актуальными сегодня!

Русофобия британцев проявлялась и в правление Петра I. В отношениях между Англией и Россией в первой четверти XVIII в. преобладали недоверие и сдержанность, чему в немалой степени способствовало прочно укоренившееся в общественном мнении Великобритании представление о России как об отсталой, «чрезвычайно странной, экзотической и неевропейской стране». Спустя несколько лет после «реформирования» Петром I России на западный манер, издатель журнала «The Examiner» известный писатель–сатирик Дж. Свифт выступил со статьей, в которой характеризовал русских как нацию «варваров и дикарей», подчиняющихся тираническому правлению, склонных к частым восстаниям и представлявших для цивилизованного мира еще большую угрозу, чем та, которую несли в свое время готы и вандалы²⁵. На взгляд другого просветителя Б. Мандевиля, подданные «царя Московии» от природы глупы и «не так уж давно большинство их являлись чуть ли не дикими животными», и только усилия Петра I способны превратить Россию в цивилизованную страну²⁶. Среди пороков, присущих русским людям, англичане вновь упоминали пьянство, подозрительность, грубость манер, отсутствие стыда и чести. Как и в предшествующие столетия, русские представлялись англичанам рабами по духу, безразличными к идеям и проявляющими интерес исключительно к материальным ценностям. Вплоть до конца XVIII века в Великобритании сохранялось суждение о том, что русские — это «варвары».

²⁴ Цит. по: Манягин В. Правда Грозного царя. М., 2007. С. 35.

²⁵ Цит. по: Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. 1553–1815. Lnd., 1958. P. 59.

²⁶ Мандевиль Б. Опыт о пчелах. М., 1974. С. 289.

Сталкиваясь с подобными оценками русского народа, невольно задаешься вопросом, а как вообще возникали этнические представления? Известный советский историк Н.А. Ерофеев подчеркивал, что информация, их формирующая, была весьма разнообразной и содержалась в книгах, рассказах путешественников, научных трудах по географии и экономике, художественных произведениях, повседневной прессе и т.п.²⁷ Вероятно, что и суждения британцев о петровской России складывались таковыми во многом из–за недостатка сведений о стране и ее народе. Как отмечал М. Андерсон, англичане, находившиеся в России, практически не знали ни русского языка, ни истории страны. Сам царь недоумевал, как могут иностранцы «написать что–нибудь о древней нашей истории, когда мы сами еще ничего о ней не издали». «Я знаю, — продолжал Петр I, — что подлинные материалы древней российской истории рассеяны по разным местам в государстве и лежат в монастырях у монахов. Давно уже вознамерился я сохранить их от утраты и доставить искусному историку случай написать истинную древнюю российскую историю, но по сие время все случались в том препятствия»²⁸. Иностранцы практически мало что знали о средневековой культуре России, которая находилась, по признанию Андерсона, на довольно высоком уровне. Многие британцы верили в то, что в России до воцарения Екатерины II не существовало даже книгопечатания. Для большинства англичан реформы Петра I были мало понятны. Они полагали, что внутренние дела народа, еще пребывавшего в состоянии «варварства», вряд ли могут быть интересными для остального мира²⁹.

Примечательно, что высказывания о «варварской» России в петровские времена продолжали тиражироваться и в последующие века. Так известный историк XIX в. Т. Маколей в очерке «Петр Первый в Англии» описывал представления государственных мужей Великобритании о России. Нельзя без удивления

²⁷ Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских: 1825–1853 гг. С. 11.

²⁸ Петр Великий в его изречениях. М., 1991. С. 89.

²⁹ Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. 1553–1815. P. 87–91.

читать свидетельства английских посольств, приведенных Маколеем: «Их авторы живо, а подчас и резко описывают дикое невежество и нищету варварской страны, где им довелось побывать. Там, пишут они, нет ни литературы, ни науки, ни школ, ни университетов. Прошло более века после изобретения книгопечатания, прежде чем в русской империи появился первый печатный станок, да и тот скоро сгорел от пожара, устроенного, как говорили, священниками. Даже в семнадцатом столетии библиотека высшего духовного лица состояла всего из нескольких рукописей в виде длинных свитков, поскольку переплетное мастерство оставалось все еще неизвестным. Самые образованные люди едва умели читать и писать»³⁰.

Анализируя состояние культуры России до петровских реформ, историк А.А. Преображенский заключал: «Общее направление развития русской культуры изучаемого времени не осталось незамеченным для наиболее вдумчивых и наблюдательных иностранцев, не склонных только в уничижительном плане отзываться о нашей стране в XVII столетии»³¹. В подтверждение сказанного можно привести слова секретаря прусского посольства И.Г. Фоккеродта, призывавшего иностранцев для объективного суждения о русских, отбросить «все свои предубеждения и смотреть на вещи, как они есть в природе, а не брать мерилom своих суждений нравы и обычаи, установившиеся в его отечестве». На взгляд автора, следовало также знать и язык русский. Задаваясь вопросом, действительно ли прежние русские были так «дики и скотоваты», как расславляют о них, Фоккеродт утверждал: «Все это иностранные выдумки». По его мнению, многие иноземцы, бывавшие в России, судят о русских поверхностно и потому «в дурных чертах изображают их рас-судок». На его взгляд, у русских людей никогда не было «недостатка в понятиях о благе и зле»³². Таким образом, становится очевидным, что представления англичан о петровской России

³⁰ Маколей Т.Б. Англия и Европа. СПб., 2001. С. 132–133.

³¹ История Европы. М., Наука, 1994. Т. IV. С. 235.

³² Россия при Петре Великом, по рукописному известию И.Г. Фоккеродта и О. Плейера. М., 1874. С. 1–4.

как о «варварской» и «нецивилизованной» стране были далеки от истины.

Но только ли недостаточной информированностью британцев о России объяснялось подобное восприятие нашей страны? И действительно, так ли уж мало и плохо знали они допетровскую Россию? Первое английское сочинение о России «Открытие Московского королевства», написанное К. Аддамсом, появилось в Лондоне в том же 1553 году, когда состоялась экспедиция Р. Ченслера в Московское государство. В 1590–е годы Дж. Горсей издал мемуары, в которых писал о своем визите в Россию. Примерно в то же время в Лондоне появилась книга известного дипломата и путешественника Дж. Флетчера «О российском государстве, или Образ правления императора, называемого императором Московии, и о нравах и обычаях сей страны». В конце XVI века вышел сборник «Главнейшие плаванья, путешествия, сношения и открытия, совершенные английской нацией», в котором содержались описания путешествий Т. Рандольфа, Э. Дженкинсона и Дж. Бауса в Россию. В XVII веке в Англии увидели свет еще ряд интересных работ о России. Приводивший данные об английских изданиях, А. Мейендорф приходил к заключению: в Англии было больше трудов о России, чем в самой России³³. Таким образом, русофобские настроения в Англии порождались не только в силу плохого знания языка, истории или обычаев страны. В свое время известный ученый XIX в. Н.Я. Данилевский в работе «Россия и Европа» писал: «Еще в моде у нас относить все к незнанию Европы, к ее невежеству относительно России... Европа не знает, потому что не хочет знать»³⁴. Перефразируя данное высказывание, можно утверждать: Англия не знала Россию потому, что не хотела ее знать.

Отношение англичан к России и русскому народу нередко страдало необъективностью и во многом зависело от той внешней политики, которую проводили правители России. К примеру, Петр I поначалу и сам, и его деятельность встречали одобрение

³³ Мейендорф А. Англичане XVII и XVIII столетий о русских и о России // Сборник статей, посвященных П.Б. Струве. Прага, 1925. С. 307.

³⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. 40.

со стороны правящей элиты Англии. Известный писатель и журналист Д. Дефо в журнале «The Consolidator» сообщал о том, что Петр I перенял многое из английской практики, особенно в военном искусстве и торговле для своего «невежественного народа». Он преобразовал армию, создал новый флот, открыл посольства в разных частях света. «И теперь мы видим, — продолжал Дефо, — как его армия осаждают укрепленные города, а инженеры строят батареи, из которых летят снаряды, как это делается и в других странах. Прежде ничего этого не было... Мы видим, что их суда полностью оснащены и управляются английскими и голландскими специалистами и путешествуют по Балтике. Новый город Петербург, построенный царем, начинает походить на наш Портсмут... Великий монарх также улучшил свою страну, введя в обиход манеры и обычаи более просвещенных наций Европы»³⁵.

Не менее восторженно о реформаторской деятельности Петра отзывались и другие литераторы Англии. Так, известный журналист Ричард Стиль в журнале «The Spectator» утверждал, что в современном мире существуют только два великих монарха: французский король Людовик XIV и русский царь Петр I. На его взгляд, Петр I «за свои знания, достоинства и личный вклад» достоин называться «великим правителем» и его «справедливо поставить в один ряд с античными героями»³⁶. На взгляд же Б. Мандевиля, более всего заслуживала похвалы деятельность Петра I, направленная на повышение грамотности населения России. Высоко оценил деятельность Петра английский инженер Джон Перри, которому довелось воочию наблюдать русского царя и на судостроительных верфях, и за токарным станком. Он обращал внимание на то, что Петр не жалел усилий в деле подготовки квалифицированных кадров из числа своих подданных. Царь сам был примером для подражания, поскольку являлся одновременно инженером, пушкарем, «делателем потешных огней», кораблестроителем, токарем, боцманом, оружейником,

³⁵ Britain and Russia in the Age of Peter The Great. Historical Documents. Lnd., 1998. P.55.

³⁶ Ibid. P. 111.

мастером, кузнецом и т.д. Не удержался от похвальных речей в адрес «царя Московии» и британский посланник Ч. Уитворт. В одном из своих писем к госсекретарю Великобритании он отмечал: «Мощью собственного гения, почти без сторонней помощи он достиг успехов, превосходящих всякие ожидания и вскоре, конечно, возведет свое государство на степень могущества, грозную для соседей»³⁷.

Между тем, восторженный тон официальных лиц и прессы Великобритании по адресу Петра I и его реформаторской деятельности начинает резко меняться после захвата Ревеля, Полтавской битвы и успехов российского флота на Балтийском море. Напомним, что в ту пору в Европе происходило два крупных военных конфликта: Северная война (1700–1721 гг.) и Война за испанское наследство (1702–1713 гг.). В первой активно участвовала Россия, во второй — Великобритания. А поскольку Швеция рассматривалась англичанами в качестве союзницы, то ее ослабление в войне с Россией вызывало резкое недовольство правительства Великобритании. Территориальные завоевания Петра I способствовали усилению антирусских настроений в Англии, признавал Андерсон³⁸. Одним из свидетельств подобных настроений послужил инцидент, который произошел с послом России А. Матвеевым. 21 июня 1708 г. в Лондоне трое неизвестных напали на посла, жестоко его избили, изорвали на нем платье и бросили в долговую тюрьму. Госсекретарь Бойль расценил подобные действия нападавших как «дерзкое оскорбление» послу и призвал английского посланника в России Уитворта «не жалеть ни усилий, ни расходов», чтобы погасить возникший скандал. Хотя королева Анна и направила Петру I письмо с официальными извинениями, однако сам факт подобной провокации свидетельствовал о возникновении антирусских настроений в Великобритании.

Англичане начали опасаться Россию не только из-за побед, одержанных на суше, но и в связи с усилением ее могущества

³⁷ Сборник императорского русского исторического общества (далее — СИРИО). СПб., 1884. Т. 39. С. 60–61.

³⁸ Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. Op. cit. P. 65,59.

на море. М. Андерсон приводил в качестве подтверждения слова из памфлета «Северный кризис», опубликованный в 1714 году: «Петр I стал нашим соперником и для нас опасно не замечать этого»³⁹. Возглавлявший английскую эскадру на Балтийском море адмирал Норрис получил приказ овладеть русскими кораблями, самим русским царем и не отпускать Петра I до тех пор, пока русское войско не покинет Данию и Германию⁴⁰.

Русофобские настроения, наметившиеся в Англии в 1716–1717 гг., еще более усилились в последующие годы. Победы российского флота, который создавался во многом благодаря усилиям английских мастеров, заставляли Великобританию усматривать в России опасного конкурента. В послании госсекретарю лорду Стенхоупу 15 мая 1719 г. посланник Джеффрис высказывал беспокойство по поводу соотечественников, которые помогали русским строить флот. «Если мы своих мастеров отзовем домой и будем наблюдать за тем, чтобы другие не являлись им на смену, постройка кораблей будет приостановлена, — писал он. — Если же не принять этой или другой соответствующей меры против развития царского флота, нам придется раскаяться, хотя быть может уже и поздно». В другом своем послании Джеффрис настоятельно рекомендовал госсекретарю отозвать корабельных мастеров из России, поскольку, «оставаясь здесь, они, указав русским основания хорошего судостроения, обучив их своему мастерству, будут ежегодно приносить Англии убыток на сумму более, чем в двадцать раз превосходящую все, что царь тратит на них»⁴¹.

Впрочем, не только военно–морские победы русских раздражали англичан. В развитии промышленного потенциала в России они также усматривали опасную конкуренцию для своей промышленности и торговли. В апреле 1718 г. «московит Третьяков» был отправлен на обучение в королевский литейный цех в Вуличе, однако англичане отказались его принять, мотивируя это тем, что они «сами только начали осваивать это дело»,

³⁹ Ibid. P. 70.

⁴⁰ Бильбасов В.А. Россия и Англия в XVIII веке // Русская старина. СПб., 1893. Т. 80. С. 8.

⁴¹ СИРИО. Т. 61. СПб., 1888. С. 536, 564–565.

к тому же у мастера достаточно собственных учеников, да и своя работа не ждет. Англичане воспротивились также устройству в России собственного табачного производства. Члены Тайного совета высказывали опасения в том, что подданные царя могут быть посвящены в тайны табачного дела наравне с британцами, а это отзовется «крайне вредными последствиями» для английской торговли. Чтобы не допустить распространения табачного производства в России, королевские советники потребовали «сломать и уничтожить» все машины и материалы, завезенные в страну. Отказали англичане и в просьбе Петра I направить в район Астрахани несколько мастеров, «искусных в виноделии и разведении виноградников»⁴². Как отмечал Ключевский, иноземные мастера, обучавшие русских, вообще «делали это неохотно и небрежно», а прожив определенный срок в России, уезжали, оставляя учеников «без совершенства их науки». Все это возбуждало подозрение, продолжал историк, «не дают ли они на то присяжного обязательства своим цехам на родине»⁴³. Бесспорно, подобное отношение к успехам русского народа приводило к усилению в Англии русофобии, прежде всего в среде правящей элиты.

Примечательно, что антирусские настроения подогревались в общественном мнении Великобритании, по признанию британского ученого Д. Хорна, искусственно⁴⁴. Правительство хорошо оплачивало услуги журналистов, которые без устали твердили об опасности со стороны России. Русского царя они начали изображать как «автократа с неограниченными амбициями», а существующую систему правления в России, как «жестокую деспотию», от которой будто бы исходит серьезная угроза... для свобод англичан. Особенно усердствовал в нагнетании антирусских настроений уже упомянутый Д. Дефо. В своем журнале «A Review» журналист опубликовал две пространные статьи, в которых резко критиковал Петра I и его методы

⁴² СИРИО. Т. 39. С. 104; Britain and Russia in the Age of Peter the Great. P. 194; Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871. С. 63.

⁴³ Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1988. Т. II–III. С. 102.

⁴⁴ Horn D. Great Britain and Europe in the Eighteenth Century. Oxford, 1967. P. 205.

правления. Так, он обвинял российского царя в том, что тот «не заботится о естественных правах своих подданных и прежде всего, их праве на свободу». Полемизируя со Стилем, который причислял Петра I к великим монархам, Дефо, напротив, утверждал, что царь, который тиранит свой народ, не может обладать «духом истинного величия», и что тиран не может быть героем. «Позвольте любому путешественнику в эту страну рассказать о своих впечатлениях, и вы узнаете, как самовластно царь распоряжается душой и телом своих подданных», — утверждал журналист⁴⁵.

Между тем, по мере нарастания военной мощи России и ее присутствия на европейском театре военных действий во время Северной войны, антирусские настроения в Англии продолжали набирать силу. 2 апреля 1713 г. новая статья Дефо вызвала настоящий дипломатический скандал. Литератор осуждал «варварство москвитян», которые продавали пленных шведов магометанам. Самого Петра Дефо назвал «королем-мясником» и призвал европейских монархов не общаться с правителем, который подобен чудовищу — «свирепому сибирскому медведю»⁴⁶. Естественно, что написанная в столь оскорбительных для российского царя выражениях статья не могла остаться незамеченной. Английскому послу была вручена нота протеста. Королева Анна обещала примерно наказать обидчика, но слова своего не сдержала: Дефо за свою дерзкую статью не понес никакого наказания.

Следует отметить, что британцы, находившиеся на службе в России, чаще всего давали хвалебные оценки Петру I и его реформаторской деятельности, поскольку она во многом была инициирована под влиянием визита царя в Англию. Когда же действия царя вступали в противоречие с интересами Великобритании, тон репортажей британцев в отношении Петра I резко менялся, приобретая негативный оттенок. В оценках британцев нередко прослеживалось также противопоставление царя и его подданных. Как утверждал современный историк

⁴⁵ Britain and Russia in the Age of Peter the Great. Op. cit. P. 111–112.

⁴⁶ Ibid. P. 125.

Э. Кросс, в течение всего XVIII века русские получали со стороны англичан, в основном, негативную оценку, и в этом ученый усматривал стереотипы английского мышления⁴⁷. Особенно отчетливо данное противопоставление Кросс проиллюстрировал на примере эпитафии Петру I публициста Джона Моттли, который писал: «Твари, имеющие имена людей, //Но качества, скорее зверей, чем разумных существ, //И даже таких //Он очистил от их природной неотесанности, //И воссиял, подобно новому Солнцу, //Чтоб просветить умы народа, //И рассеять мрак из темных традиций!»⁴⁸. Добавим, что подобное противопоставление «царя-реформатора» и «варварского народа» укоренилась в общественном мнении Великобритании надолго.

Как развивались отношения двух стран в постпетровскую эпоху? Если говорить об антирусских настроениях, зародившихся в последние годы жизни Петра I, то они привели к усилению в Великобритании русофобии, прочно укоренившейся в общественном мнении на протяжении последующих веков. Проблема русофобии в Англии в свое время поднималась Н.А. Ерофеевым и В.Г. Трухановским. Хотя оба историка анализировали русофобию в Великобритании в XIX в., они также затронули истоки происхождения этого явления, связывая его начало с правлением Петра I. О русофобии в Англии в первой четверти XVIII в. писал также британский ученый Д. Хорн⁴⁹.

В 1725–1727 гг. Великобритания и Россия находились, по определению М. Андерсона, в состоянии «холодной войны», которая в любой момент грозила перерасти в открытое столкновение⁵⁰. В мае 1726 г. британская эскадра из двадцати кораблей заблокировала российский флот у Ревеля. В ответ на подобные действия

⁴⁷ Кросс Э. Британский взгляд на Россию: происхождение, живучесть и изменение национальных стереотипов мышления в период с XVI в. до Крымской войны // От Елизаветы I до Елизаветы II: проблемы британской истории в новое и новейшее время. Ярославль, 2008. С. 30.

⁴⁸ Там же. С. 25.

⁴⁹ Трухановский В.Г. Бенджамин Дизраэли или история одной невероятной карьеры. М., 1992. С. 222; Ерофеев Н.А. Указ. соч.; Horn D. Great Britain and Europe in the Eighteenth Century. Oxford, 1967. P. 109, 205.

⁵⁰ Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. Op. cit. P. 108.

англичан императрица Екатерина I направила гневное письмо королю Великобритании Георгу I Ганноверу. «Министры вашего королевского величества никогда не имели прямого намерения к заключению союза между Россией и Англией, и отправление эскадры есть следствие той злобы, которую некоторые из ваших министров в продолжение многих лет постоянно, везде и явно против нас показывают», — писала императрица⁵¹. Нельзя не признать, что в обвинениях императрицы доля истины была. По утверждению Андерсона, памфлетисты, состоявшие на службе у министров, стремились представить Россию в глазах общественного мнения Великобритании как опасную и агрессивную державу, экспансия которой будто бы угрожала англичанам⁵².

Заметный перелом к лучшему в российско-британских отношениях наметился лишь в 1731–1732 гг. после прихода к власти новых монархов: в России — императрицы Анны Иоанновны, в Великобритании — короля Георга II Ганновера. Британский посол при дворе Екатерины II Дж. Макартни в своей книге «Очерк о России» дал самую хвалебную оценку императрице Анне Иоанновне. Он считал ее «великой государыней», которая, вступив на престол, застала свою империю «в полном расстройстве, казну пустой, могущество России подорванным; даже ее собственные прерогативы были унижены и подлежали ограничению». Однако императрица быстро взяла власть в свои руки, назначила на высшие государственные должности талантливых людей, а во главе армии поставила опытных генералов. Эти сановники и генералы были по преимуществу иностранцами (Бирон, Остерман, Миних, Кейт, Лэси), но под непосредственным управлением императрицы они, по мнению автора, служили России «с привязанностью собственных ее подданных, с неподкупной преданностью и полнейшим успехом»⁵³. Внешняя политика императрицы, которая считалась арбитром на Севере и своими победами на Юге «пошатнула основы Оттоманской

⁵¹ Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М: Мысль, 1964. Кн. 10. С. 23–25.

⁵² Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. Op. cit. P.109.

⁵³ An Account of Russia. 1767. Lnd., 1768. P. 76–77.

империи», также импонировала Макартни. Столь восторженный тон по адресу императрицы Анны Иоанновны объяснялся, на наш взгляд, тем, что именно при ней англичане добились в 1734 г. заключения «разумного торгового договора» с большими преимуществами для себя.

Иную оценку Макартни дал императрице Елизавете Петровне, которая, на его взгляд, «вряд ли заслужила ту славу, которой пользовалась». Дипломат утверждал, что Елизавета была капризна и несправедлива, упразднила смертную казнь, но сохранила пытки: «ее милосердие было жестоким». Хотя императрица желала прослыть гуманной и милосердной, продолжал Макартни, но при ней и по ее приказу происходили «варварские и жестокие сцены, которых не знали анналы цивилизованных народов». Каких только нелицеприятных обвинений в адрес Елизаветы не выдвигал Макартни! Эта правительница, писал он, совмещала в себе «крайности женского тщеславия и слабости», безмерно гордилась своей красотой и одновременно завидовала красоте других женщин: «быть красивой при ее дворе означало непростительное преступление». В качестве примера автор приводил случай с двумя дамами «высшего ранга» в Петербурге в 1743 г. Они были известны своей необычайной красотой, за что и пострадали. Хотя дамы не совершили никакого преступления, но были отправлены на эшафот полураздетыми, избиты кнутом, а затем им вырвали языки с необычайной жестокостью.

Макартни упрекал Елизавету Петровну в том, что она отличалась расточительностью, малодушием, была злопамятна и непостоянна, и, «позволяя себе всевозможные излишества, с неумолимой строгостью относилась к тем, кто вздумал подражать ей в распущенности». Англичанин полагал, что характер Елизаветы, о котором у многих составилось превратное представление, таким был в действительности⁵⁴.

В то же время Макартни вынужден был признать, что Россия при Елизавете Петровне не только сохранила, но значительно увеличила свое могущество и величие. При этом он высказывал

⁵⁴ An Account of Russia. 1767. Lnd., 1768. P. 78–80.

удивление, что ей удалось все это сделать без помощи «талантливых и способных людей», которых даже в самый славный период ее правления не нашлось ни в одной сфере деятельности: «союзы заключались без министров, а победы одерживались без генералов»⁵⁵.

В депешах другого английского дипломата лорда Гиндфорда встречались нелюбимые характеристики министров Елизаветы Петровны. Он весьма нелестно отзывался о коллегии иностранных дел, называя ее чиновников «коллекцией скотов (animals), которые по невежеству и лени, скорее мешают и запутывают дела, чем разрешают их...»⁵⁶. Неудивительно, почему посол бранил «пустоту, невежество и глупость» русского двора. Ведь ему приходилось нередко сталкиваться с его неуступчивостью в переговорном процессе.

Нельзя не отметить, что упомянутая выше книга Макартни содержала немало этнических стереотипов⁵⁷. Его утверждения о русском народе как о «варварском» и «нецивилизованном», деспотическом правлении в Российской империи, осуждение и резкая критика православного духовенства — все это не раз тиражировалось на страницах произведений английских дипломатов Дж. Горсея, Дж. Флетчера, Ч. Уитворта и ряда других⁵⁸. Справедливости ради заметим, что подобные стереотипы, свойственные не только британцам, но и другим европейцам, оказались весьма живучими, что свидетельствовало скорее об идеологической подоплеке изображения русского народа как варварского, а его правителей как деспотов, нежели об

⁵⁵ Ibid. P. 80–81.

⁵⁶ СИРИО. Т. 102. СПб., 1898. С. 130.

⁵⁷ Подробнее об этнических стереотипах см.: *Лабутина Т.Л.* Проблема стереотипов в исследовании межкультурных коммуникация // Вопросы новой и новейшей истории зарубежных стран. Рязань, 2001; *она же.* К вопросу об этнических стереотипах в исторической имагологии: трансформация образа «чужого» в образ «врага» // Проблемы исторического познания. М., 2016. С. 257–275.

⁵⁸ См.: *Лабутина Т.Л.* Россия и русские глазами британцев: Стереотипы, мифы и реалии // *Лабутина Т.Л.* Англичане в допетровской России. СПб., 2011. С. 191–242; *она же.* Британцы о России и русских // *Лабутина Т.Л.* Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013. С. 241–286.

объективном восприятии иноземцев и их обычаях. Британцам, активно занимавшимся на протяжении столетий колониальными завоеваниями, было выгодно представить народ России «варварами», а ее правителей «азиатскими деспотами» для того, чтобы противопоставить их «цивилизованным» европейцам. Богатая природными ресурсами Россия с «варварским народом» вполне подходила на роль нуждающейся в руководстве и опеке со стороны «цивилизаторов». И хотя в XVIII веке Россия заметно трансформировалась, сделалась империей, завоевала ведущие позиции в Европе, прежний стереотип о «варварском» характере русского народа продолжал сохраняться в общественном мнении Великобритании. И труд о России Макартни во многом тому способствовал.

Изображая неприглядную картину нравственного состояния российского общества во второй половине XVIII века, Макартни задавался целью выяснить, почему русские так долго остаются «в состоянии варварства и представляют собой наименее доблестную и предприимчивую нацию в Европе»? Он подчеркивал, что одни усматривают причину тому в климате, другие — в воспитании, третьи — в форме правления. Обратившись к изучению моральных основ, продолжал Макартни, можно увидеть, что «русский народ продолжает оставаться варварским, духовенство невежественным, а знать наполовину цивилизована». По его мнению, если первые два слоя едва образованы, то последние лучше бы не имели никакого образования, чем то, которое получили, «поскольку оно не может сделать их полезными для общества, счастливыми и добродетельными». Макартни приходит к заключению: все дело в деспотической форме правления, существующей в России, которая всегда была деспотической и будет такой оставаться еще долго. Если предположить, что форма правления может оказывать влияние на моральные качества и характер народа, — продолжал автор, — то русские люди останутся неизменными так долго, как будет существовать данная форма правления. Останавливаясь на анализе деятельности императрицы Екатерины II, Макартни утверждал, что большая часть ее проектов не осуществима на практике. С другой стороны, если бы возникли какие-либо неудобства при их

реализации, то императрица всегда могла отменить их «мановением руки», Таким образом, приходил к выводу автор, «форма правления является и всегда будет главной причиной недостатка добродетелей и талантов» в России⁵⁹.

Критически высказывался о Екатерине II и ее политике также посол Дж. Гаррис. Примечательно, что происходило это в основном тогда, когда дипломат сталкивался с неуступчивостью императрицы в переговорах. Одним из серьезных недостатков императрицы он считал ее чрезмерную склонность к чувственным удовольствиям. «Старость не умирляет страстей: они скорее усиливаются с годами, — сообщал Гаррис в Лондон, — и близкое знакомство с одной из самых значительных европейских барынь убеждает меня в том, что молва преувеличила ее замечательные качества и умалила ее слабости»⁶⁰. Особенно раздражала дипломата в Екатерине переменчивость настроения, которая сказывалась на принятии ею решений. Не одобрял Гаррис и внешнюю политику императрицы, если она шла вразрез с интересами Великобритании. Все чаще сталкиваясь с неуступчивостью Екатерины II идти на поводу у британской дипломатии, Гаррис не мог сдержать своего разочарования ее действиями. В одном из писем он сообщал: «У нас на родине с самого начала наших бедствий (война с Испанией и Францией — *Т.Л.*) руководители наши ожидали помощи от этой великой государыни. Она обещала нам ее в лучшее время и когда сама в нас нуждалась. Надежда на эти обещания, вместе с общностью торговых и политических интересов обеих держав укрепляли эти ожидания. Опыт, однако, скоро доказал Англии, на каком песчаном основании воздвигалась эта надежда. Обращение наших за помощью сначала избегали, потом их отклоняли, и наконец, их стали отвергать без всякой церемонии»⁶¹.

Британские послы нередко высказывали свое недовольство политикой Екатерины II, полагая, что она не должна им ни в чем перечить, поскольку не раз заявляла о своем расположении

⁵⁹ An Account of Russia. 1767. Lnd., 1768. P. 62–64.

⁶⁰ Русский архив. М., 1868. Т. 4, С. 594.

⁶¹ Там же. С. 860–861.

к Англии и ее королю. В одной из депеш посол Бэкингемшир обращал внимание на особое расположение Екатерины «перед всеми прочими державами» к Англии. В качестве подтверждения своих слов он привел высказывание императрицы о том, что «Англия всегда будет занимать первое место в ее дружбе»⁶². В секретной депеше посол извещал госсекретаря, что императрица «никогда не пропускает случая выразить свое расположение к англичанам и к Англии»⁶³.

Примечательно, что оценки послов верховного правителя — Екатерины II и народа, также различались, как и при освещении деятельности Петра I и его преемников. «Хороший правитель», хотя его власть и носила деспотический характер, по-прежнему противопоставлялся «варварскому народу», как и в прежние времена. И британские дипломаты во многом поспособствовали укреплению сложившихся в общественном мнении Великобритании стереотипов о екатерининской России как о «нецивилизованном» государстве и ее «варварском народе». Даже глубоко укоренившееся (в особенности при Екатерине II) западное влияние во многих сферах культурной жизни российского общества не способствовало исчезновению русофобии. Преклонение перед западной культурой и подобострастное отношение к иностранцам стало заметным явлением в среде политической российской элиты к концу XVIII века. Дело порой доходило до того, что великосветское общество начинало презирать все русское. Однако и пропитавшись западной культурой, и провозгласив себя европейским государством Россия, в глазах европейцев, таковым отнюдь не стала. Запад по-прежнему продолжал видеть в ней «варварскую страну». Андерсон отмечал, что хотя англичане относились к екатерининской России с уважением, восхищением, а порой и с опаской, чего не было при Петре I, однако, они по-прежнему были далеки от мысли рассматривать русский народ как цивилизованный, и никакие, даже самые блестящие достижения императрицы не могли переменить их

⁶² СИРИО. Т. 12. СПб., 1873. С. 69, 99.

⁶³ Там же. С. 62.

мнения в том, что Россия являлась действительно европейской державой⁶⁴.

Подведем итоги сказанному. Зарождение русофобии в Англии в XVI–XVII вв. было обусловлено стремлением англичан представить население страны варварами, а ее правителей деспотами с тем, чтобы осуществлять по сути дела колонизаторский режим на территории «нецивилизованного» государства, которое они пытались подчинить себе. В XVIII веке русофобия стала искусственно моделироваться и направляться политической элитой Великобритании. В XIX веке русофобия сделалась составляющей уже не только идеологии, но и внешней политики Великобритании. И, как мы можем убедиться, британцы продолжают и сегодня преследовать те же цели, что и столетия тому назад: создание из России образ врага с целью добиться устранения экономического и политического конкурента в Европе, а также присвоить по возможности природные богатства нашей страны.

ГЛАВА 9

РЕАКЦИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА РОСТ РУСОФОБИИ В ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПРЕССЕ ЕВРОПЫ В 30–40 гг. XIX в. (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ)

О.В. Заиченко

К началу 30–х гг. XIX в. в общественном мнении Германии закрепляется негативный образ Российской империи как оплота европейской реакции. Обеспокоенное ростом антирусских настроений, царское правительство в начале 30–х годов XIX в. приступило к разработке основных методов воздействия на европейское общественное мнение и формированию особого штата чиновников, ответственных за ведение прорусской пропаганды в зарубежной прессе. Первым государственным образованием, попавшим в поле зрения российских «спецслужб», стал Германский союз, и, прежде всего, Пруссия.

Русофобия прочно вошла в общественное сознание немцев после разгрома польского восстания 1830–1831 гг. Жестокие методы его подавления, репрессии против поляков и униатской церкви были восприняты не только в Германии, но и во всей Европе как наглядное доказательство «ужасной децивизованности режима Николая I»¹. Десятки тысяч поляков были вынуждены покинуть родину. Они были сочувственно встречены в Германии и во Франции. С этого времени польская

⁶⁴ Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. Op. cit. P. 102, 105, 142.

¹ Троицкий И.М. III Отделение при Николае I: жизнь Шервуда Верного. Л.: Лениздат, 1990. С. 21.

эмиграция стала катализатором антирусских настроений в Европе, создавая пугающий образ кровожадного царя и его покорных подданных–рабов.

Негативное отношение не только к политике царя, но и ко всем русским вообще, с середины 30–х гг. становится повсеместным, о чем сообщают почти все русские путешественники, посетившие Европу. Весьма типична запись, сделанная 15 июня 1835 г. профессором Санкт–Петербургского университета, Александром Васильевичем Никитенко в его дневнике. После беседы с молодыми учеными — историком Михаилом Куторгой, филологом Владимиром Печериным и другими стипендиатами, недавно вернувшимися со стажировки в Германии, он с горечью отмечал: «Ненависть к русским за границей повсеместная и вопиющая. Нас считают гуннами, грозящими Европе новым варварством. Немецкие профессора провозглашают это с кафедр, стараясь возбудить в слушателях опасения против нашего могущества»².

С сообщениями частных лиц полностью совпадают наблюдения, сделанные чиновниками соответствующих ведомств по долгу службы, таких, например, как русский дипломатический агент в Кобленце статский советник Готгильф Теодор Фабер, писавший в донесении от 12 октября 1835 г., что «жители Германии в основном враждебны России»³.

К концу 30–х — началу 40–х годов XIX в. помимо критики внутренней политики Николая I, а также позиции России в отношении Германии, которая часто интерпретировалась в немецкой прессе как враждебная идея национального единства, большое распространение в европейской печати получила тема «русской военной угрозы». Хотя страх перед военным потенциалом Российской империи, как одна из составляющих русофобии, существовал всегда, Восточный кризис 1839–1841 гг. вновь способствовал реанимации идеи о стремлении России к мировому господству и дальнейшему нагнетанию антирусских настроений.

² *Никитенко А.В.* Дневник. В трех томах. Л.: Изд–во худ. литературы, 1955. Т. 1. (1826–1857). С. 173.

³ ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 4. Д. № 192, Л.63 об.

На фоне раздувания страхов в европейской прессе по поводу агрессивных намерений России, ее планов установления мирового господства, а также из боязни, что ей удастся использовать национальные движения славянских народов для создания общеславянской монархии, в Европе возник феномен «панславизма». Он был тесно связан с русофобией, центр которой из Франции и Англии с конца 30–х — начала 40–х годов начал перемещаться в Германию.

Как писал из Вены в середине 1841 г. известный критик и издатель журнала «Телескоп» Николай Иванович Надеждин, одним из первых уловивший «фантомный» характер термина «панславизм»: «Со всех концов Германии бьют тревогу, распускают слухи, подозрения, страхи; проповедуют вообще ополчение против какого–то страшилища, окрещенного мистическим именем панславизма»⁴. А в одной из глав «Тарантаса» В.А. Соллогуба, навеянной его путешествием по Европе в 1843–1844 гг., этот феномен очерчен беглым, но выразительным штрихом: «Иногда за табльдотом делали ему самые ребяческие вопросы: скоро ли Россия завладеет всем светом? Правда ли, что в будущем году Царьград назначен русской столицей? Все газеты, которые попадались ему в руки, были наполнены соображениями о русской политике. В Германии панславизм занимал все умы. Каждый день выходили из печати глупейшие насчет России брошюры и книги ...»⁵.

Известно, что Николай I довольно болезненно реагировал на распространение негативных мнений о себе и своей политике в зарубежной прессе. Достаточно вспомнить отзыв императора на очень популярную в Европе книгу маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году»⁶. Но наиболее остро царь воспринимал критику со стороны немецкой прессы, так как антирусски настроенное общественное мнение Германии, и, прежде всего Пруссии,

⁴ *Надеждин Н.* Письмо из Вены о сербских песнях. //Москвитянин. 1841. Ч. 2. № 6. С. 515.

⁵ *Соллогуб В.А.* Тарантас. Путевые впечатления. СПб., 1845. С. 211.

⁶ *Мильчина В.А., Осоват А.Л.* Маркиз де Кюстин и его первые читатели (из неизданных материалов 1830–1840–х гг.). //Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 107–138.

резко противоречило официальной доктрине «братства» двух монархий и дружественно-родственным отношениям Фридриха-Вильгельма III с зятем Николаем I.

Интересное замечание на этот счет содержится в письме историка и общественного деятеля Александра Ивановича Тургенева, одного из лучших знатоков политических, светских и культурных событий Европы и России, брату Николаю, датированном 7 июля 1842 г. Летом 1842 г. Тургенев жил в Киссингене, модном немецком курорте, где неоднократно встречался с не менее осведомленными собеседниками — чрезвычайным посланником России при баварском дворе Дмитрием Петровичем Севериным и бывшим вторым секретарем дипломатической миссии в Баварии, живущем в тот период в Мюнхене, поэтом Федором Ивановичем Тютчевым. Делясь с братом полученной информацией о дипломатических интригах, Тургенев, в частности, сообщает: «Граф Нессельроде писал Северину.., что император был очень возмущен тем, как немецкие газеты освещают русскую политику. В особенности аугсбургская газета «Allgemeine Zeitung» во втором номере высказала большую враждебность к России, говоря среди прочего, что если придется выбирать между русским кнутом и французской пропагандой, Германия предпочтет последнюю... Северин, получив эту депешу, испросил аудиенцию у баварского короля Людвига I и объявил решительный протест: король взволновался, призвал своего министра полиции Абеля, тот призвал редактора или владельца аугсбургской газеты ... и приказал ему отныне соблюдать большую осторожность в статьях о России...»⁷.

Русское правительство не могло оставаться безразличным к тому, какой образ России формирует зарубежная печать в общественном мнении Европы. По роду своей деятельности этой проблемой должны были заниматься два ведомства: Министерство иностранных дел, находившееся в ведении вице-канцлера графа Карла Васильевича Нессельроде, и заграничная

⁷ Ф.И. Тютчев в дневнике А.И. Тургенева (1832–1844). Публикация и примечания Азадовского К.М. и Осповата А.Л. //Литературное наследство. М., 1989. Т. 97. Кн. 2. С. 86.

служба III Отделения под руководством графа Александра Христофоровича Бенкендорфа. Между обоими ведомствами существовали разногласия по поводу выбора средств для борьбы с русофобией, в частности, в оценке перспектив использования зарубежной прессы в интересах русской политики. Если Бенкендорф выступал за субсидирование иностранных периодических изданий русским правительством и «использование зарубежных перьев», прежде всего, журналистов, для создания позитивного образа России в Европе, то у Нессельроде эти инициативы не вызывали сочувствия. Современники объясняли это тем, что по своей должности вице-канцлер обязан был предвидеть возможную реакцию на нарушение «дипломатических приличий» и, разумеется, не желал прибавлять себе забот и «компликаций»⁸. Как писал сам Нессельроде о своем предубеждении против фактического подкупа иностранных авторов в письме к русскому чрезвычайному посланнику в Пруссии Петру Казимировичу Мейендорфу от 3 декабря 1839 г.: «Мне никогда еще не случалось видеть, чтобы книги или статьи, написанные в нашу пользу, заставили бы кого-нибудь взять нашу сторону; русофобия пройдет, как прошли другие безумства нашего века»⁹.

Так как в правительственных верхах не было единого мнения о способах ведения прорусской пропаганды за рубежом, с инициативой по разработке программы использования европейской печати для формирования позитивного образа России выступило III Отделение.

Согласно отчету о деятельности III Отделения за 50 лет, опубликованному в 1917 г., собственное «окно в Европу» это ведомство прорубило в 1832 г. С этого года была введена практика зарубежных командировок сотрудников, имевших целью — наряду со сбором оперативной информации — «приискание надежных агентов и организацию правильного наблюдения в важнейших

⁸ Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1909. С. 87.

⁹ Lettres et papiers du chancelier Comte de Nesselrode. 1760–1850. Paris, 1910. Vol. VII. P. 295–296.

пунктах»¹⁰. Насколько можно судить, именно в Пруссии, состоявшей тогда в политическом союзе с Россией, была основана первая заграничная резидентура III Отделения. Как отмечал еще в конце XIX в. французский историк Эдуард Симон, в 1830–х годах Фридрих–Вильгельм III, отклоняя попытки российского императора вмешаться в военные дела Пруссии, в остальном уступал давлению петербургского двора: «... меры полицейского характера играли в то время большую роль во взаимных отношениях Пруссии и России. Русское правительство держало там массу агентов, которые должны были сообщать ему самые точные сведения о людях и событиях»¹¹.

Базирувавшуюся в Пруссии резидентуру долгое время возглавлял барон Карл Фридрих фон Швейцер (1797–1847), в обязанности которого, по словам А.Х. Бенкендорфа, входило составление газетных опровержений на «грубые нелепости, печатаемые за границей о России и ее монархе ... и вообще всякое противодействие революционному духу, овладевшему журналистикой»¹². Для выполнения этой задачи Швейцер в 1833 г. оплатил услуги французского журналиста Шарля Дюрана, редактора выходившей во Франкфурте газеты «Journal de Francfort»¹³. В Германии, как и в России, французский язык был широко распространен в обществе, поэтому многие издания того времени выходили на французском языке.

Имя Шарля Дюрана долгие годы оставалось неизвестным широкой публике, до тех пор, пока в 1937 г. не вышел очередной том сборника «Литературное наследство», где французский журналист упоминался сразу в двух публикациях: в статье С.Н. Дурылина, посвященной русским контактам Александра

¹⁰ Богучарский В. Третье отделение собственной е.и.в. канцелярии о себе самом (неизданные документы) // Вестник Европы. 1917, март. С. 92–93.

¹¹ Simon E. L'Allemagne et Russie au XIX-e siècle. Paris: «F. Alcan», 1893. P. 71–72.

¹² Лемке М.К. Указ. соч. С. 97–98.

¹³ Мильчина В.А. Шарль Дюран — французский журналист в немецком городе на службе у России // Лотмановский сборник. М., 1997. Вып.2. С. 307–311; *Ее же*. Россия и Франция: дипломаты, литераторы, шпионы. СПб: Гиперион, 2006. С. 182–218.

Дюма–отца,¹⁴ и в подборке парижских донесений Якова Толстого в III Отделение, подготовленной выдающимся историком Евгением Викторовичем Тарле¹⁵. Как описывал события литературовед Сергей Николаевич Дурылин, в том же году Дюран стал получать субсидии от России, Австрии и Пруссии на «проведение линии», согласованной странами–участницами «Священного союза» на мюнхенской конференции осенью 1833 г. А конкретная договоренность о совместном финансировании этого издания была достигнута, по–видимому, в сентябре 1835 г., во время встречи трех императоров в Теплице¹⁶.

В качестве агента русского правительства в Германии с 1833 по 1837 гг. Дюран состоял в переписке лично с Бенкендорфом, по приглашению которого осенью 1834 г. посетил Петербург и Москву с чтением публичных лекций о французской литературе¹⁷. Одновременно он продолжал писать для своей газеты серию корреспонденций из России. Убедительно изображая из себя внимательного и непредвзятого наблюдателя, Дюран рассказывал европейскому читателю об исключительном добродушии и миролюбии русского народа, а также о том, что «русский император далек от мысли начать крестовый поход против Запада»¹⁸. Именно это намерение приписывала Николаю I европейская либеральная пресса, пугая своих читателей скорым «нашествием русских варваров».

Идея привлечь к совместной работе с европейской прессой правительства Пруссии и Австрии также принадлежала начальнику III Отделения. По воспоминаниям Бенкендорфа, во время встречи трех императоров в Теплице он открыл глаза австрийскому канцлеру князю К. Меттерниху на перспективу широкого

¹⁴ Дурылин С. Александр Дюма–отец и Россия // Литературное наследство. М., 1937. Т. 31–32.

¹⁵ Тарле Е.В. Донесения Якова Толстого из Парижа в III Отделение // Литературное наследство. М., 1937. Т. 31–32. С. 590–592, 652.

¹⁶ Дурылин С. Указ. соч. С. 498, 557.

¹⁷ Основат А.Л. Новонайденный меморандум Ф.И. Тютчева. (Докладная записка императору Николаю I 1845 г.) // Новое литературное обозрение. 1992. № 1. С. 110–111.

¹⁸ Мильчина В.А. Россия и Франция: дипломаты ... С. 185.

сотрудничества в деле «обуздания либеральной прессы»¹⁹. Для выработки совместной программы действий к канцлеру был откомандирован все тот же барон Швейцер, который по возвращении доставил Бенкендорфу личное послание Меттерниха. В нем, в частности, говорилось: «Правительства совершили грубую ошибку, не занимаясь периодической печатью, этим оружием, способным сотворить любое зло, оружием, которым с таким успехом и ловкостью пользуются те, кто стремится к беспорядкам. Болезнь, которую не лечили, постоянно обострялась, и если несколько слабых федеральных законов не сумели бы положить конец разгулу прессы в Германии, будьте уверены, что ныне пожар охватил бы весь центр Европы. Сегодня настал момент отвоевать ту территорию, которую охранительной партии никогда не следовало терять»²⁰. Получив поддержку Меттерниха, Бенкендорф, однако, не смог склонить на свою сторону вице-канцлера К.В. Нессельроде.

Как известно, в этот период между возглавляемыми ими ведомствами резко обострилось соперничество за преобладающее влияние на русскую дипломатическую службу в германских государствах, что также нашло свое отражение в переписке Александра Тургенева с братом Николаем. В частности, летом 1839 г. Александр Иванович описывал в своих письмах к брату в Париж противостояние уже упомянутого нами «преданного Нессельроде» посланника в Баварии Дмитрия Петровича Северина «пошлым жандармско-дипломатическим низостям шпионов-дипломатов под командой Бенкендорфа, правой рукой которого в Германии является Петр Мейендорф», бывший посланник при Вюртембергском дворе, с 1839 г. — русский чрезвычайный посланник в Пруссии²¹. Таким образом, два самых влиятельных ведомства, отвечавших за формирование образа Российской империи за рубежом, в силу разногласий на самых

¹⁹ Шильдер Н.К. Император Николай Первый: его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 2. Приложения. С. 713–714.

²⁰ Squire P.S. The Metternich–Benkendorff Letters 1835–1842 // Slavonic and East European Review. 1967. № 105. (письмо от 15 декабря 1835 г.). P. 373.

²¹ Ф.И. Тютчев в дневнике А.И. Тургенева (1832–1844). ... С. 211.

различных уровнях — от руководства — до среднего звена и низовых исполнителей, не смогли договориться между собой.

Как отмечалось выше, разработка программы «партизанской войны во владениях европейской печати» оказалась в исключительной компетенции «более активного» III Отделения. Можно предположить, что в идеале основными направлениями деятельности этого ведомства, по мнению Бенкендорфа, должны были стать: частичное или полное финансирование периодических изданий в Германии и Франции, подкуп иностранных журналистов для участия в общественно-политической полемике за рубежом, затрагивающей интересы России; анонимные публикации русских литераторов, а также немцев и французов, состоящих на дипломатической службе у русского правительства. Первым шагом в осуществлении этого плана стало приобретение в 1833 г. небольшой франкфуртской газеты «Journal de Francfort».

Примерно в середине 1835 г. Бенкендорф и начальник штаба Отдельного корпуса жандармов генерал Леонтий Васильевич Дубельт рассматривали просьбу о субсидировании «нового журнала, основываемого во Франции в русских интересах и ... в интересах христианской философии, освобожденной от всего специально католического»²². Но проспект предлагаемого издания, поступивший от корреспондента министерства народного просвещения в Париже князя Элима Петровича Мещерского и переданный Уваровым «на благоусмотрение» руководству III Отделения, был сочинен в слишком общих выражениях и потому не получил одобрения Бенкендорфа.

Однако сама идея создания прорусского органа в Париже не могла пройти мимо внимания руководителей III Отделения. Именно французские издания в тот период задавали тон в распространении антирусских настроений в Европе. В Париже осела большая часть польской эмиграции после разгрома восстания 1830–1831 годов. Преисполненные духом нетерпимости, статьи французских и польских авторов о России затем охотно перепечатывались в немецких журналах. Недаром европейскую

²² ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 4. Д. № 90. Л. 51–52.

руссофобию в России и Германии долгое время считали «французской модой»²³. Барон Швейцер, возглавлявший резидентуру III Отделения в германских землях, не раз писал о влиянии французских изданий на формирование общественного мнения в Германии и необходимости оперативного реагирования на антирусские выпады в европейской печати. Рассматривая Европу, как более или менее целостное культурно-информационное пространство, он всегда подчеркивал решающее значение прессы для распространения политических идей и манипуляции общественными настроениями. «Сколько бы не утверждали обратное, — писал, например, Швейцер в депеше Бенкендорфу от 31 мая 1841 г., — Европа более или менее превратилась в одну общую семью, и ни один из членов, ее составляющих, не смог бы полностью отделиться от остальных... Подобно некоторым физическим болезням, которые оказываются заразными, политические идеи .., стоит их однажды высказать, проникают повсюду. Они так летучи, что одной лишь материальной силы недостаточно для их подавления... С определенной точки зрения пресса ничто или почти ничто, но с точки зрения реальности она — сила тем более опасная, что действует на умы безостановочно; и тот, кто говорит, в конечном счете всегда одерживает победу над тем, кто молчит»²⁴. Это высказывание, видимо, было полностью созвучно идеям самого Бенкендорфа о создании прорусского печатного органа в Париже, общепризнанном центре формирования европейского общественного мнения.

На этом фоне вполне логичной выглядела замена профессионального дипломата Элима Мещерского агентом Бенкендорфа и «профессиональным защитником России» во французской прессе Яковом Толстым, произведенная непосредственно III Отделением. Формальное назначение нового «корреспондента министерства народного просвещения в Париже» последовало в феврале 1837 г., но еще почти полгода Толстой оставался

²³ *Jahn P.* Russophilie und Konservatismus: Die russophile Literatur in der deutschen Öffentlichkeit 1831–852. Stuttgart, 1980. S. 57–76.

²⁴ ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 4. Д. № 279. Л. 51–52.

в России, сочиняя и согласовывая с Бенкендорфом проект подкупа конкретных изданий, а также учреждения в Париже на деньги русского правительства полностью контролируемого им органа печати под номинальной редакцией того «лица, которое за вознаграждение в 10 или 12 тысяч франков примет на себя упреки, что посыплются на него за постоянное восхваление России»²⁵. К выполнению своих обязанностей Яков Николаевич Толстой приступил только осенью 1837 г. Помимо собственных публикаций в различных парижских изданиях, как было установлено Е.В. Тарле, Толстой содержал в тот период три французские газеты, что ежегодно обходилось российской казне примерно в 45 000 франков²⁶.

В отличие от Толстого, который сам активно участвовал в общественно-политической полемике, отстаивая интересы России, Швейцер выступал на страницах немецкой печати довольно редко. Мы можем упомянуть только серию коротких анонимных корреспонденций, написанных им для рубрики «С польской границы» в «Allgemeine Preussische Staatszeitung» с февраля по октябрь 1831 г., а также полемику со сторонником предоставления независимости Польше Гарро Гарингом на страницах этой же газеты²⁷. Несмотря на невысокую эффективность в области прорусской пропаганды, деятельность Швейцера, по всей видимости, вполне устраивала его начальство. «Вообрази, — писал А.И. Тургенев в письме брату от 2 июля 1842 г., — этот пройдоха-шпион Швейцер, который теперь живет на широкую ногу в Штутгарте, получает 20 тысяч рублей за то, чтобы писать о Германии»²⁸. Далее Александр Иванович сообщает, что ранее русский посол в Вене (Д.П. Татищев — О.З.) и посланник в Баварии Северин были настолько шокированы его деятельностью, что настояли на высылке Швейцера сначала из Вены, а потом из Мюнхена²⁹.

²⁵ ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 4. Д. 189. Л. 94.

²⁶ Там же. Д. 191. Л. 205.

²⁷ Там же. Д. 225. Л. 180–186.

²⁸ Ф.И. Тютчев в дневнике А.И. Тургенева (1832–1844)... С. 180.

²⁹ Там же. С. 180.

Если говорить об эффективности прорусской пропаганды в Германии и ее воздействии на общественное мнение, то довольно часто реакция в немецком обществе на публикацию подобных сочинений была прямо противоположной, особенно, если выяснялось, что их авторы связаны с III Отделением³⁰. Одним из самых ярких примеров, когда брошюра, издание которой было инспирировано русским правительством, вызвала неожиданную для него реакцию, можно считать появление «Европейской пентархии» Карла–Эриха Гольдмана³¹. Эта книга, вышедшая анонимно в Лейпциге в 1839 г. на немецком языке, получила скандальную известность благодаря изложенной в ней геополитической схеме, согласно которой Европа разделялась на зоны влияния пяти великих держав: Австрии, Пруссии, Франции, Англии и России, причем последней — а не Пруссии или Австрии — отводилась роль верховного протектора немецких государств. Пруссии предлагалось занять аналогичное положение по отношению к «Северу», то есть Скандинавии³². Отмечая появление «Европейской пентархии», А.И. Тургенев в письме брату от 23 октября 1839 г. писал: «...автора не знаю, но думаю, что наш лейпцигский вице–консул... Очень любопытно и занимательно. Совершенно в русском смысле, но подробности и факты интересны»³³. Нессельроде, тоже поначалу с радостью приветствовавший появление брошюры, написанной «совершенно в нашу пользу»³⁴, вскоре понял, что трактовка автора подразумевала «ущерб законному влиянию двух величайших держав, входящих в Германскую конфедерацию»³⁵. Той же осенью разразился скандал: против сочинения Гольдмана ополчились все — от демократической оппозиции до правительственных кругов. Политическая полемика вокруг этой книги стала поводом для появления целой серии антирусских сочинений,

³⁰ Jahn P. Op. cit. S. 44–46, 51–55.

³¹ [Anonym.] Die europäische Pentarchie. Leipzig: Wigand, 1839.

³² Groh D. Russland und das europäische Geistesgeschichte. Neuwied, 1961. S. 181.

³³ Основам А.Л. Новонайденный меморандум Ф.И. Тютчева... С. 92.

³⁴ Lettres et papiers du chancelier Comte de Nesselrode. 1760–1850. Paris, 1910. Vol. VII. P. 291.

³⁵ Ibid. P. 304.

самым известным из которых была «Европейская триархия» знаменитого философа Мозеса Гесса. В письме Нессельроде от 25 ноября 1839 г. русский посланник в Берлине Мейендорф сообщал, что в Пруссии «Пентархия» возбудила против нас много брани»³⁶, а историк и издатель, известный своим славянофильством, Михаил Петрович Погодин, в 1839 г. путешествовавший по Европе, писал в одном из своих отчетов: «Сочинение о Пентархии странным образом возбудило добрых немцев против нас; они обиделись, что какой–то их же брат–фантазер рекомендовал им покровительство России ...»³⁷.

Реакция правящих кругов Пруссии и Австрии также была бурной. Меттерних, расценил эту книгу как призыв к нарушению декларированной русским правительством политики невмешательства в германские дела. Узнав, что ее автором был К.–Э. Гольдман — немец по происхождению и русский чиновник, служивший в Варшаве в канцелярии И.Ф. Паскевича, а затем в Дрездене и Берлине, — австрийский канцлер осенью 1839 г. именно от Бенкендорфа потребовал объяснений, поскольку не сомневался в причастности III Отделения к появлению «Европейской пентархии»³⁸. Такой осведомленный человек, как А.И. Тургенев писал брату 7 июля 1842 г.: «Меттерних написал Бенкендорфу резкое письмо по поводу принятых в «Пентархии» идей и проповедуемых в ней прорусских взглядов, полагая, что она вдохновлена нашим правительством»³⁹.

Бенкендорф пытался оправдаться полным неведением, но убедить своего корреспондента, кажется, не сумел: 13 апреля 1840 г. Нессельроде, который уже знал о том, что Гольдман являлся протеже русского посланника в Берлине, извещал последнего

³⁶ Meyendorff P. von. Ein russischer Diplomat an den Höfen von Berlin und Wien: Politischer und privater Briefwechsel 1826–1863. Bd. 1–2 / Hrsg. von Otto Hoetzsch. Berlin, Leipzig: Walter de Gruyter, 1923. Bd. I, S. 191.

³⁷ Сочинения М. Погодина. В пяти томах. М.: Синод. тип., 1872–1876. Т. IV. Историко–политические письма и записки в продолжении Крымской войны 1853–1856. Т. IV, С. 60.

³⁸ Основам А.Л. Новонайденный меморандум Ф.И. Тютчева. С. 92–93.

³⁹ Ф.И. Тютчев в дневнике А.И. Тургенева (1832–1844). С. 175.

о «ворохе не слишком любезных писем», полученных Бенкендорфом от австрийского канцлера по поводу этой книги⁴⁰.

Столь же неуклюжей и малоэффективной оказалась попытка русского правительства организовать за рубежом серию опровержений на появившуюся в 1843 г. знаменитую книгу маркиза де Кюстина «Россия в 1839 г.»⁴¹. Следует заметить, что в первую очередь французская, а затем английская и польская антирусская публицистика оказали влияние на формирование основных черт немецкой русофобии, и сочинение маркиза де Кюстина сыграло в этом процессе заметную роль. Оно вызвало целую волну споров и возражений в немецкой литературе, посвященной России. Более того, многие произведения этого жанра, изданные в Германии, являлись прямыми откликами на путевые записки де Кюстина или вступали в полемику с ними. Одним из критериев степени воздействия сочинения на общественное мнение принято считать количество упоминаний о нем и заимствования в публикациях других авторов, пишущих на эту же тему. По мнению немецких исследователей, труд маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году» среди антирусских произведений цитировался больше всего⁴². Поэтому легко понять озабоченность русского правительства воздействием этого сочинения на общественное мнение Европы и Германии — в том числе.

В этой связи до сих пор не утратила своей научной актуальности публикация В.А. Мильчиной и А.Л. Ошоватом архивных документов, обнаруженных ими в секретном фонде III Отделения⁴³. Речь, по-видимому, идет о создании в начале лета 1843 г. тайного комитета из лиц, наиболее приближенных к императору, призванного выработать концепцию пропагандистской компании против книги де Кюстина за границей. В состав комитета входили министр народного просвещения граф С.С. Уваров,

⁴⁰ *Lettres et papiers du chancelier Comte de Nesselrode...* Vol. VIII. P. 21.

⁴¹ *Custine A. de. Russland im Jahre 1839.* 4 Bde. Leipzig, 1844–847. (3 Aufl.) — Paris, 1843.

⁴² *Jahn P.* Op. cit. S. 52–53.

⁴³ *Мильчина В.А., Ошоват А.Л.* Петербургский кабинет против маркиза де Кюстина: нереализованный проект С.С. Уварова // Новое литературное обозрение. 1995. № 13. С. 266–281.

генерал-адъютант граф А.Ф. Орлов, самый близкий императору человек из его окружения; министр иностранных дел и вице-канцлер граф К.В. Нессельроде, граф П.Д. Киселев, бывший министр юстиции, глава II Отделения имперской канцелярии граф Д.Н. Блудов, а также, без сомнения, граф А.Х. Бенкендорф, который в дальнейшем курировал негласную полемику русского правительства с Кюстином.

Опубликованный Верой Мильчиной и Александром Ошоватом комплекс документов содержит памятную записку, составленную графом С.С. Уваровым по личному указанию императора в первой половине июня 1843 г. и переписку между членами комитета, связанную с ее обсуждением. В записке была изложена программа Уварова по организации опровержения сочинения французского маркиза — «коварной смеси лжи и правды, пропитанной нескрываемой ненавистью, которая делает эту книгу последним словом крестового похода Европы против России⁴⁴. Для полемики с Кюстином Уваров предлагал даже не «нанять перо», но тайно купить какого-нибудь знаменитого, предпочтительно французского, писателя «с репутацией» для написания фундаментального труда, предоставить ему все необходимые материалы, «направлять его шаг за шагом, начертать ему общий план новой книги о России; тщательно отобрать сообщаемые в ней сведения». Причем, изображая то, что есть на самом деле, «следует также непринужденно и деликатно изобразить и то, чего еще нет»⁴⁵.

На роль французского писателя, по мнению Уварова, идеально подходил Оноре де Бальзак, «постоянные денежные затруднения» которого ни для кого в Париже не были секретом. Кроме того, облегчить переговоры должна была и любовная связь Бальзака с российской подданной Эвелиной Ганской. Однако прежде, чем стали известны какие-либо подробности визита писателя в Петербург, французская пресса уже начала истолковывать сам

⁴⁴ *Мильчина В.А., Ошоват А.Л.* Петербургский кабинет против маркиза де Кюстина: нереализованный проект С.С. Уварова // Новое литературное обозрение. 1995. № 13. С. 267.

⁴⁵ Там же. С. 269.

факт этой поездки в крайне неблагоприятном для российских властей и для Бальзака свете. Последний прибыл в Кронштадт в конце июля 1843 г., а уже 4 августа газета «Siccle» писала, что «путешествие Бальзака — плод дипломатической договоренности, сулящей остроумному романисту прочные и блестящие выгоды»⁴⁶. В подобной подоплеке бальзаковской поездки не сомневался и сам Кюстин, извещавший 7 августа своего постоянного корреспондента немецкого писателя Карла Августа Варнгагена фон Энзе: «Вот уже и Бальзака призвали опровергать меня»⁴⁷. Таким образом, Бальзак как возможный кандидат на исполнение уваровского плана оказался скомпрометированным еще до начала каких бы то ни было переговоров, которые, по всей видимости, так и не были начаты.

Уже первые читатели записки Уварова, в частности Нессельроде и Блудов, отнеслись скептически к плану министра просвещения, отмечая его утопический характер и чрезвычайную сложность исполнения. «Для того чтобы подобная книга могла иметь нужное влияние, — писал в своем отзыве Блудов, — автор должен обладать определенной литературной репутацией и иметь право сказать: я изучил Россию в России — и вот плод моих наблюдений. Какой французский или немецкий автор сможет так сказать, а без того, кто ж поверит его рассказу?»⁴⁸. Действительно, условием достоверности легенды о независимом и компетентном зарубежном писателе должно было стать относительно продолжительное путешествие автора в Россию, что, разумеется, потребовало бы специальной и всесторонней подготовки. По мнению Блудова, книга Кюстина требовала быстрого, сиюминутного реагирования, а задуманный Уваровым фундаментальный труд предполагал многолетнюю работу. При этом следовало отдавать себе отчет в чрезвычайно недоброжелательном и подозрительном отношении общественного мнения Европы к николаевской империи. Уваров, кажется, едва ли не

⁴⁶ Мильчина В.А., Основат А.Л. Маркиз де Кюстин и его первые читатели... С. 121.

⁴⁷ Custine A. de. Lettres a Varnhagen. Paris—Geneve, 1979. P. 469.

⁴⁸ Мильчина В.А., Основат А.Л. Петербургский кабинет против ... С. 271.

демонстративно пренебрег вытекающими отсюда последствиями. Между тем, заключение, сделанное Яковом Толстым, вполне адекватно описывало ситуацию 1843 г.: «В настоящее время принадлежность к русской партии считается во Франции признаком настолько дурного тона и столь мало патриотичной, что нужно иметь известный запас мужества и не ставить ни в грош свою популярность, чтобы заявить себя защитником России»⁴⁹. Таким образом, вопрос о том, кто из достаточно известных парижских писателей и за какое вознаграждение согласился бы в буквальном смысле пожертвовать своим литературным именем, отнюдь не предполагал легкого и быстрого решения.

С мнением Блудова — «идея хорошая, но совершенно неисполнимая» — согласились и Нессельроде, и Бенкендорф, позиция которых, как людей, непосредственно отвечающих за отношения с Европой и предотвращение антирусской пропаганды, имела, безусловно, большой вес. Гораздо большее одобрение получило предложение Блудова сделать основной упор на газетные публикации, тем более, что глава II Отделения подробно обозначил основной перечень сюжетов, которые впоследствии легли в основу большинства опровержений книги Кюстина, написанных не только русскими, но и немецкими авторами⁵⁰. «В книге Кюстина столько неточностей, столько преувеличений, — писал Блудов, — что не составило бы большого труда высмеять ее, напомнив, что русские, подобно протестантам, тоже верят в Бога, что страх — не единственное орудие правительства, что все народы усваивают цивилизацию путем подражания... что абсолютизм у нас — тот же, что и диктатура римских цезарей, ибо русские, а не поляки в течение трех столетий сдерживали наступление на Европу воинственных азиатских племен,... а для этого необходимо было установить диктаторское правление над 60 миллионами, рассеянными по одной восьмой земного шара; что эта необходимость, принятая народным инстинктом, имела благодетельные последствия — ибо народ наш развивается,

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 4. Д. 191. Л. 224.

⁵⁰ Jahn P. Op. cit. S. 77 — 87.

и столь успешно, что плодом этого развития явилась независимость старой Европы, стенавшей под игом и не умевшей без помощи этих самых русских, своих младших братьев по цивилизации, свергнуть тяготевшую над ней тиранию»⁵¹.

Таким образом, в борьбе за благоприятное европейское общественное мнение о России предпочтение опять было отдано газетным и журнальным статьям. Авторами первых сочинений были чиновники министерства иностранных дел и III Отделения. Уже 23 сентября 1843 г. в Париже под названием «Слово о сочинении маркиза де Кюстина «Россия в 1839 г.» вышла анонимная публикация, написанная по прямому указанию Нессельроде. Автором ее был подчиненный вице-канцлера, старший советник министерства иностранных дел Ксаверий Ксавериевич Лабенский, французский литератор и поэт польского происхождения⁵². Бенкендорф был лишь косвенно причастен к появлению этой брошюры. Чиновник ведомства Нессельроде, глава русской миссии в Париже, Николай Дмитриевич Киселев вручил рукопись уже упомянутому нами агенту III Отделения Якову Толстому, который и занимался подготовкой ее издания в Париже. В начале 1844 г. сочинение К. Лабенского вышло в Берлине на немецком языке. Движимый профессиональной ревностью Яков Толстой и сам в депешах Бенкендорфу неоднократно выражал готовность «от имени некоего жителя Франкфурта» исполнить свою «непосредственную обязанность» и выступить с опровержением «очередного клеветнического сочинения о России»⁵³, но в августе 1843 г. поступил приказ приостановить работу над памфлетом, чем Толстой был «глубоко опечален»⁵⁴.

Однако, несмотря на некоторый успех брошюры Лабенского, вышедшей в начале 1844 г. вторым изданием, его опровержение, самое сдержанное из всех критических отзывов на книгу Кюстина, инспирированных русским правительством, было,

⁵¹ Мильчина В.А., Основат А.Л. Петербургский кабинет против ... С. 272–273.

⁵² Labensky X. Ein Wort über Marquis von Custine's Russland im Jahre 1839. Von einem Russen aus dem französischen Übertragen und mit einem Nachwort von einem Deutschen. Berlin, 1844 (frz.: Paris, 1843).

⁵³ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 580.

⁵⁴ Там же. С. 583.

очевидно, сочтено недостаточно веским, и «война» с французским маркизом перешла от министерства иностранных дел всецело в ведение III Отделения. 24 августа 1843 г. скандально известный своим сотрудничеством с департаментом Бенкендорфа журналист и издатель немецкого происхождения Николай Иванович Греч послал из Германии управляющему III Отделением генералу Л.В. Дубельту свою статью «Россия в 1839 г. маркиза де Кюстина», а уже в сентябре Бенкендорф, внося в нее незначительные поправки, рекомендовал текст к публикации⁵⁵. В ноябре этого же года статья в виде отдельной брошюры появилась в Германии, а в январе 1844 г. была издана во Франции⁵⁶. В сентябре 1843 г. Бенкендорф также отменил запрет на участие в пропагандистской компании против Кюстина Я.Н. Толстого⁵⁷. В начале 1844 г. под псевдонимом Я. Яковлев последний опубликовал сначала во Франции, потом в Германии, довольно злой памфлет с длинным названием «Россия в 1839 г., как это привиделось маркизу де Кюстину или письма об этом сочинении»⁵⁸. Что касается содержания этих брошюр, то все они более или менее вписывались в ту схему, которую предложил в своей ответной записке граф Д.Н. Блудов, полемизируя с Уваровым.

В сентябре 1844 г. неожиданно умер граф Бенкендорф, и хотя рутинная работа по опровержению антирусских сочинений по-прежнему была возложена на служащих III Отделения, в подходе к ведению прорусской пропаганды за рубежом возобладала точка зрения Нессельроде, которую разделял и поддерживал император: не отказываясь в отдельных случаях от подкупа журналистов и целых изданий, в основном полагаться в борьбе с иностранными «клеветами» на собственные силы и «перья» и, более того, стараться избегать прямой полемики — «взирать на все, что публикуется о России, с совершенным равнодушием... нимало не заботясь ни о каких толках и слухах»⁵⁹.

⁵⁵ Лемке М.К. Указ. соч. 143–148.

⁵⁶ Gretschn N. La Russie en 1839 par le Marquis de Custine. Paris–Heidelberg, 1844.

⁵⁷ Лемке М.К. Указ. соч. С. 148.

⁵⁸ Yakovlev Y. Russland im Jahre 1839, wie es Marquis de Custine träumte, oder Briefe über dieses Werk. Leipzig, 1844 (frz.: Paris, 1844).

⁵⁹ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 582.

ГЛАВА 10

ЦЕРКОВНО–ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ФРАНЦИИ, США, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И РОССИИ В ЗАПАДНОЙ ПЕРСИИ (2–Я ПОЛОВИНА XIX в.)¹

И.Ю. Смирнова

На протяжении столетий духовные христианские миссии использовались в качестве одного из эффективных инструментов колониальной политики великих держав. Особый интерес представляет деятельность миссий на протяжении XIX–го столетия, которое Х.Дж. Маккиндер расценивал как великую историческую эпоху, отводя первостепенную роль в продвижении политических и экономических интересов западных государств миссионерам, в работе которых отразились как конфессиональное, так и политическое противостояние и соперничество². Одним из регионов, ставшим с начала XIX в. полем интенсивной деятельности западных миссионеров, была Западная Персия, или Персидский Азербайджан — важнейшая провинция Персии в эпоху правления династии Каджаров, оказавшаяся после Русско–персидской войны 1826–1827 гг. зоной проникновения католиков и протестантов (сначала американцев, а значительно

позже — и англичан) и, наконец, в конце столетия — русских. Деятельность миссионеров распространялась прежде всего на несторианские общины (и только значительно позже стала распространяться на армяно–грегориан и мусульман, несмотря на преследования со стороны персидских властей).

Несмотря на обширную литературу по истории протестантского и католического духовного присутствия в странах Ближнего Востока в XIX в.³, в историографии практически отсутствуют исследования компаративного характера, позволяющие оценить эффективность работы представителей различных держав и конфессий, а также их взаимодействие и степень влияния на христианские общины в условиях неизменной конкуренции друг с другом с привлечением персидского правительства и европейских дипломатий. Новые архивные материалы из фондов Архива внешней политики Российской империи, представляющие служебную переписку российских дипломатов по вопросам миссионерского присутствия западных держав, позволяют осуществить историческую реконструкцию миссионерской деятельности великих держав в Западной Персии, или Персидском Азербайджане — важнейшей провинции Персии в эпоху правления династии Каджаров, — в контексте их взаимодействия и противостояния.

³ *Shavit D.* The United States in the Middle East : a historical dictionary. New York: Greenwood Press, 1988. 441 pp.; *Coakley J.F.* The Church of the East and the Church of England: A History of the Archbishop of Canterbury's Assyrian Mission. Oxford: Clarendon Press, 1992. 432 pp.; *Berg van den H.M.* The Middle East: Western missions and the Eastern churches, Islam and Judaism // The Cambridge History of Christianity. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 458–472pp. DOI:10.1017/CHOL9780521814560.029; *Becker A.H.* Revival and Awakening: American Evangelical Missionaries in Iran and the Origins of Assyrian Nationalism. Chicago: University of Chicago Press, 2015. 440 pp.; *Константин (Горянов), архиепископ.* История православной миссии в Иране // Вестн. Екатеринбургской духовной семинарии. 2012. Вып. 2 (4). С. 12–39; *Петрунина О.Е.* Отношение христиан Османской империи к протестантам в XVII — начале XX в. // «Время молчания прошло!» Пять веков Реформации в меняющемся мире: сб. науч. ст.: труды исторического факультета МГУ (156). Сер. II «Исторические исследования» (96). СПб., 2019. С. 302–318. и мн. др.

¹ Исследование выполнено в соответствии с госзаданием Института российской истории РАН в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2023 г.

² *Маккиндер Х.Дж.* Географическая ось истории // Политология: хрестоматия / Сост. М.А. Василик, М.С. Вершинин. — М.: Гардарики, 2000. 723–737.

Начиная с первой трети XIX в., после Русско–персидской войны 1826–1827 гг., эта область оказалась зоной проникновения западных миссионеров — сначала католиков и американских протестантов, позже — представителей Церкви Англии. Под предлогом распространения христианства среди местных народов, они преследовали политические интересы, являясь, по определению МакКиндера, передовым отрядом в политике великих держав, которые вели конкурентную борьбу за политическое преобладание.

Политическая суть миссионерства проявлялась и в том внимании и покровительстве, которое оказывали миссионерам дипломаты западных держав (Великобритании, Франции, САСШ). Не меньшее внимание проявляли к западному миссионерству российские дипломаты, о чем свидетельствуют пространные отчеты и рапорты в азиатский департамент МИД. Российские дипломаты в Персии и граничившей с ней на северо–востоке Османской империи (посланники императорской миссии при Персидском Дворе в Тегеране, генеральные консулы в Тавризе, вице–консулы в Ване и др.) прекрасно понимали роль инославного миссионерства: «Происки католиков–доминиканцев, миссионеров Мосула и Вана, американцев–протестантов из Урмии и Салмаса и, наконец, англичан, в большей или меньшей степени политического характера всегда прикрываются целями чисто миссионерскими»⁴. Неудивительно, что в переписке между российскими представителями на местах и руководством МИД тема миссионерства занимает значительное место как важная составляющая дипломатической работы в Западной Персии.

В Персидском Азербайджане деятельность миссионеров распространялась прежде всего на несторианские общины, но позже стала распространяться на армяно–грегориан и даже, несмотря на жестокие преследования со стороны персидских властей, на мусульман), что представляло угрозу российскому Закавказью («подорвать влияние среди армян, — говорится в одном из донесений российских дипломатов, — и в особенности очернить его

⁴ Донесение от 10 августа 1886 г. // АВПРИ. Ф. 144. Персидский стол. 1885. Оп. 488. 1848. Ед. хр. 2898. Л. 35–35 об.

в глазах наших составляет заветную мечту западно–европейских проповедников»⁵). При этом западные конфессии неистово конкурировали друг с другом, вовлекая в свои конфликты местные власти и дипломатов.

Римско–католическая Церковь в Западной Персии

Одной из первых утвердилась в Персии Римско–Католическая Церковь, которая уже во второй половине XVI в. имела в Персии свою епархию в округе Салмас, после деления «древней Несторианской Церкви»⁶ на две отдельные христианские общины: собственно несторианскую и так называемую халдейскую»⁷, перешедшую в юрисдикцию Римского престола с образованием римско–католической епархии с кафедрой в г. Салмас, во главе которой стоял халдейский епископ Абуна Гювергис, получивший образование в Риме. С того времени римская курия постоянно имела в Салмасской епархии своих агентов (капуцинов, францисканцев и членов других конгрегаций) как для поддержания связей с Римом, так и для распространения пропаганды среди персидских несториан⁸.

Кардинальные изменения наметились после Русско–персидской войны, когда в 1830–е гг. «все эти разнокалиберные представители папской власти были отозваны, и попечение о насаждении католицизма в Персии было поручено ордену

⁵ Донесение от 18 апреля 1892 г. // АВПРИ. Ф. 289. Генеральное консульство в Тавризе. Оп. 570/1. Ед. хр. 911. Л. 87–92.

⁶ В современной историографии используется название христианской церкви восточно–сирийского обряда, принятое в конце XIX в.: «Ассирийская Церковь Востока» или «Сиро–Персидская Церковь» (официальное название — «Святая Апостольская Соборная Ассирийская Церковь Востока» — закрепилось в середине XX в). Автор оставляет за собой право использовать термин «Несторианская Церковь», как было принято в служебной корреспонденции Азиатского департамента МИД.

⁷ Отчет А.А. Петрова. Август 1882 г. // АВПРИ. Ф. 289. Оп. 570/1. Ед. хр. 934. Л. 193 об.

⁸ Там же.

лазаристов⁹». В 1850–е гг. в Персидском Азербайджане была учреждена Апостольская префектура¹⁰ — промежуточная временная структура, когда в области действия миссионеров еще не сформирована полноценная епархия и территория имеет статус миссионерской. С приездом известного миссионера монсеньера Ключезля была учреждена архиепископия с центром в Урмии, а сам Ключезль стал впоследствии архиепископом и главой католической епархии.

К основным традиционным методам католических миссионеров относилось формирование системы образования и социальной гуманитарной помощи (учреждение семинарий, школ–интернатов, приходских школ, устройство приютов для детей, бесплатных больниц, где трудились сестры милосердия и врачи–монахи¹¹). Новообращенные снабжались деньгами без процентов. Большое значение придавалось привлечению в свои орден молодых несториан и направлению новообращенных лазаристов и доминиканцев для получения образования в Рим, Венецию или во Францию. Католики–миссионеры, имевшие глубокое знакомство с языком, историей и литературой сиро–халдейцев, предпринимали усилия к созданию и распространению народной литературы¹².

Одной из главных функций миссионеров было ограждение прозелитов от влияния миссионеров других конфессий. Несторианам–католикам оказывалось покровительство со стороны архиепископа, который ходатайствовал за них как перед местной властью, так и перед французскими дипломатами в Персии: посланником в Тегеране и консулом в Тавризе.

Главное представительство римско–католической миссии в Западной Персии находилось в деревне Хосрова (Хосров–Абад) в соседнем с Урмийским Салмаском округе, где проживали

⁹ Военный и госпитальерский орден Святого Лазаря Иерусалимского — основан в 1098 г. Является одним из древнейших католических религиозных орденов.

¹⁰ Донесение от 31 января 1855 г. // АВПРИ. Ф. 289. Оп. 570/1. Ед. хр. 911. Л. 1–2.

¹¹ Донесение от 10 августа 1886 г. // АВПРИ. Ф. 144. 1885. Оп. 488. 1848. Ед. хр. 2898. Л. 36.

¹² Там же.

халдеи–католики при самом незначительном числе армян. Миссия, состоявшая из пяти монахов ордена лазаристов и шести сестер милосердия общины св. Винсента де Поля¹³, занималась воспитанием детей, находившихся на полном иждивении миссионеров. При миссии имелись просторные двухэтажные здания и небольшая церковь, а также отдельно стоящая приходская церковь, построенная в начале 1840–х гг. на собранные среди католиков Италии пожертвования.

В 1870 г. деятельность лазаристов распространялась уже не только на провинцию Салмас, но и на Урмию, где до этого трудились исключительно американские миссионеры. Имея в своем составе значительное число миссионеров и сестер милосердия из Франции, лазаристы устроили около десяти школ для мальчиков и для девочек, семинарию в Хосрове, в Салмасы, госпиталь в Урмии и несколько церквей. Согласно переписи, организованной генконсулом во время поездки в 1882 г., в приурмийских областях Персии, насчитывалось около 5 тыс. халдеев–католиков¹⁴.

И в Салмасы, и в Урмии лазаристы пользовались всеобщим уважением местного населения как несториан, так и мусульман в силу «беспристрастия и справедливости, которыми руководствуется католическое духовенство в отношениях своих с туземцами без различия вероисповеданий»¹⁵. Но, несмотря на безвозмездную благотворительность (лечение, обучение, снабжение деньгами и заступничество перед местными властями), между лазаристами и несторианами нередко случались конфликты, не принимавшие, однако, острого характера.

¹³ Венсан де Поль (*Викентий де Поль, Винсент де Поль, фр. Vincent de Paul*, 1581–1660), католический святой. В 1625 г. основал конгрегацию миссионеров, или конгрегацию лазаристов (по имени монастыря св. Лазаря, где располагалась резиденция конгрегации). После утверждения в 1633 г. папой Урбаном VIII ее устава, в том же году Викентий де Поль вместе с герцогиней Луизой де Марийак создал конгрегацию дочерей милосердия, основным делом которой была помощь бедным, больным, брошенным детям и каторжникам.

¹⁴ Отчет А.А. Петрова. Август 1882 г. // АВПРИ. Ф. 289. Оп. 570/1. Ед. хр. 934. Л. 197.

¹⁵ Там же. Л. 196.

К концу 1880-х гг. появились и миссионеры–доминиканцы, деятельность которых распространялась и на области, принадлежавшие Османской империи. И лазаристы, и доминиканцы трудились не только среди несториан, но также среди мусульман и курдов, хотя российские дипломаты не придавали этому большого значения¹⁶. Между тем, силами небольшого числа миссионеров из миссии в Мосуле и ее отделений в соседних городах были обращены в католичество несколько селений, устроены две–три небольших школы, которыми руководили священники, получившие образование в школе Пропаганды в Риме или в Мосульской школе миссии. Сами миссионеры были основательно знакомы со старохалдейским церковным и новохалдейским народным языками.

В конце 1880 г. миссионерская деятельность католиков в Персидском Азербайджане начала распространяться на армян–грекокатоликов, чему способствовала проповедь миссионеров среди бедных и неграмотных армян из персидских селений¹⁷. Армяне неоднократно обращались в российское генконсульство в Тавризе, рассчитывая на покровительство и защиту от притязаний и угнетения со стороны мусульман. Но генконсул, усматривая в том «ясное намерение католиков вмешать в пропаганду среди армян» российских дипломатов, отказался удовлетворить прошение армяно–католического священника, заявив, что в функции генконсульства покровительство «католическим притязаниям» не входит¹⁸.

Американские миссионеры

В 1835 г. в Урмии была учреждена Американская протестантская миссия к несторианам, которая возникла в результате работы Американского совета уполномоченных по делам

¹⁶ Донесение от 24 января 1889 г. // АВПРИ. Ф. 144. 1885. Оп. 488. 1848. Ед. хр. 2898. Л. 81–81 об.

¹⁷ Донесение от 2 февраля 1891 г. // АВПРИ. Ф. 289. Оп. 570/1. Ед. хр. 911. Л. 52 об–53.

¹⁸ Там же. Л. 97–98.

иностранных миссий (АВСФМ) и являлась объединением нескольких протестантских деноминаций. Методы американских миссионеров были те же, что у католиков: большое внимание уделялось образованию и воспитанию, а также подготовке местных несториан к проповеди протестантизма.

Главным делом миссионеров было открытие образовательных учреждений. Другой универсальный принцип заключался в привлечении к себе представителей светской и духовной элиты тех народов, среди которых предстояло работать (высшее духовное руководство, старейшины, члены администрации и правительства). Таким же образом действовали американские миссионеры среди несториан Урмии. «Первым проводником протестантизма в Азербайджане» стал епископ (Мар Юханна) несторианской Гявильянской епархии («самой обширной и вместе с тем самой древней»). В начале 1860–х гг. перешли в протестантизм и епископы двух небольших епархий по имени Мар Юсуф и Мар–Илья, после чего их кафедры в селениях Ада и Гектепе были упразднены.

Американские миссионеры в полной мере сознавали шаткость своего положения, вызванную отсутствием в Персии консульства Северо–Американских Соединенных Штатов. В первые годы работы в Урмии они добились позволения российского правительства состоять под его защитой, позже их приняло британское консульство, но в 1856 г. они вновь обратились к российскому представителю в Тавризе за дипломатической поддержкой. По мнению Ханькова, покровительство американским миссионерам, трудившимся в Западном Азербайджане, могло быть полезным, так как позволило бы «приобрести верных корреспондентов о том, что делается в Урмии, и иметь несколько более влияния на тамошнее несторианское христианское население, чем имели таковое доселе»¹⁹. Однако посланник в Тегеране А.Е. Лаговский не видел необходимости принимать американцев под официальное покровительство России, так как в ожидании ратификации американо–персидского торгового трактата правительство Персии приказало азербайджанским властям

¹⁹ Донесение от 2 февраля 1891 г. // АВПРИ. Ф. 289. Оп. 570/1. Ед. хр. 911. Л. 6.

оказывать содействие подданным Северо–Американских Соединенных Штатов²⁰.

Деятельность миссионеров со временем расширилась: в 1860–е гг. они направили своих сотрудников в Тавриз для обращения местного армянского населения, составлявшего паству армяно–грегорианской архиепископии, возглавляемой архиепископом Кеворком Вехапетянцем, главой Армянской Азербайджанской епархии. Опасаясь прозелитизма со стороны американцев, высокопреосвященный Кеворк обратился за содействием к российскому генконсулу в Тавризе Н.Д. Ступину, однако тот, «уклоняясь от положительного ответа», считал что архиепископу Кеворку «предпочтительнее действовать через местные персидские власти»²¹.

Согласно инструкции российские дипломаты были обязаны «в пределах их прав и политических приличий противодействовать пропаганде протестантских миссионеров». При этом предполагалось, что они будут оказывать неофициальное покровительство несторианам — секретно и «с крайней осторожностью», в первую очередь из тех соображений, чтобы не навлечь на себя недовольства британской дипломатической миссии и ее представительства в Тавризе²².

В итоге позиция русских дипломатов сводилась к невмешательству в дело пропаганды, которое со временем распространилось не только на несториан, но и на армян–грегорианцев в самом центре Персидского Азербайджана. Понимание природы и последствий западной пропаганды, а также насущной необходимости оказывать сопротивление западным миссионерам придет значительно позже, когда российские дипломаты осознают важность расположения и симпатий христианских общин к России и начнут относиться к наращиванию миссионерского присутствия западных держав в Персии как к «вопросу, не лишенного для нас серьезного интереса»²³.

²⁰ Донесение от 2 февраля 1891 г. // АВПРИ. Ф. 289. Оп. 570/1. Ед. хр. 911. Л. 7.

²¹ Донесение от 1 июня 1864 г. // Там же. Л. 8–9об.

²² Донесение от 12 июня 1864 г. // Там же. Л. 10об.

²³ Донесение от 24 декабря 1870 г. // Там же. Л. 15.

В конце 1860–х гг. Американская протестантская миссия к несторианам, находившаяся в ведении Американского совета уполномоченных по иностранным миссиям, была переименована в «Миссию в Персии» и передана в 1870 г. под юрисдикцию Американской пресвитерианской церкви²⁴. В новых условиях изменились методы и принципы работы миссионеров. Если первоначально в намерения американских миссионеров не входило изменение церковного устройства несториан или образование «из своих учеников и последователей отдельной и самостоятельной христианской общины» (они ограничивались главным образом воспитанием и обучением народа и духовенства, что обусловило «любовь и уважение всего несторианского народа»), то пришедшие им на смену новые миссионеры, объявившие себя открытыми противниками несторианства, стремились к созданию отдельной протестантской общины своих последователей. Благотворительные и образовательные программы распространялись лишь на лиц, отрекшихся от прежнего вероучения и всецело преданных «исключительно их (американским. — И.С.) интересам»²⁵. Действия миссионеров были направлены на ниспровержение основ независимой Несторианской Церкви, а в арсенал их средств входили такие меры, как закрытие древних несторианских храмов, подрыв авторитета туземных иерархов в глазах паствы и др.

Смена стратегии негативно сказалась на отношении несториан к миссионерам, многие из них возвратились в лоно своей Церкви. Те же, кто остался, откровенно признавались, что не готовы отказаться от школ, покровительства и защиты миссионеров. Однако деятельность миссионеров в Урмии и в Тавризе продолжалась, чему способствовали значительные средства, поступающие от протестантских обществ. Более того, протестантская проповедь распространилась не только на Урмию и Салмаский округ, бывший ранее сферой действия исключительно католиков, но и на другие области Западной Персии.

²⁴ West Persia Mission Annual Reports. Vol. 1. 1871–1904. P. 131.

²⁵ Отчет А.А. Петрова. Август 1882 г. // АВПРИ. Ф. 289. Оп. 570/1. Ед. хр. 934. Л. 197–198 об.

В начале 1870–х гг. американские миссионеры направили свои усилия в совершенно новое русло: вопреки персидским законам, запрещавшим, как и в Османской империи, обращение в христианство мусульманских подданных, они первыми из западных держав начали проповедь среди мусульман, возбудив в дипломатических кругах серьезные опасения в связи с так называемым «мусульманским вопросом».

Британский генеральный консул Аббот называл действия миссионеров крайне неосмотрительными, неосновательными и безрассудными, его мнение полностью разделял и российский генконсул. Дипломаты ожидали от нового предприятия американских миссионеров самых тяжелых последствий, опасаясь, что фанатически настроенные мусульмане восстанут против иностранцев, и неминуемыми жертвами станут не только миссионеры, но и все проживающие в стране христиане. Аббот поставил миссионеров в известность, что они «в данном случае не могут рассчитывать на какое бы то ни было покровительство со стороны английского правительства». Однако внушения дипломатов и других лиц, хорошо знакомых с Востоком, не остановили миссионеров, от чего у российского генконсула сложилось впечатление, что американцы стремились «как бы преднамеренно обратить на себя внимание персидских властей вследствие их проповеди как среди мусульман, так и среди народов других исповеданий»²⁶.

Летом 1878 г. американские миссионеры начали расширять территориальные границы своей деятельности, распространив ее на подданных Российской империи, что не укрылось от внимания российского генерального консула в Тавризе. В отношении на имя начальника Главного управления заместителя Кавказского генерал-лейтенанта Д.С. Старосельского от 15 июля 1878 г. он обращал внимание на тот факт, что если раньше миссионеры использовали проезд через Россию в качестве наиболее удобного пути следования из Персии на родину и обратно, то теперь целью таких поездок стало «посещение и ознакомление с нашим

²⁶ Донесение от 26, 28 января 1874 г. // АВПРИ. Ф. 289. Оп. 570/1. Ед. хр. 911. Л. 17–18 об.

отечеством» — и вовсе не в видах личного интереса, а для ознакомления с Россией как с потенциальным полем приложения своих миссионерских усилий.

Несколько миссионеров из Урмии и Тавриза совершили поездку в Пятигорск и Кисловодск, на следующий год один из них для посещения Ардебилля (города на северо-западе Персии) совершил кружной путь через Закавказский край, проехав через Тифлис, Баку и Астарту — территорию, где «сосредоточивается весьма значительное раскольное население, состоящее преимущественно из молокан». Генконсул небезосновательно предполагал, что американские миссионеры готовят почву для распространения пропаганды и на российских подданных («молокан и других раскольников»); не исключал он и других «каких-либо специальных целей»²⁷.

К началу 1880–х гг. успехи американских миссионеров были очевидны: их главные учреждения располагались в ближайших окрестностях Урмии, где были выстроены четыре больших двухэтажных каменных корпуса для размещения школы, типографии, лазарета и самих миссионеров; имелось здание и в самом городе. В отчете генконсула А.А. Петрова приводятся сведения о составе Американской духовной миссии на 1882 г.: два миссионера и доктор с семьями, три девицы-учительницы. Но по мере надобности миссия пополнялась.

Пропаганда велась исключительно среди армян и мусульман. Практически во всех многолюдных несторианских селениях были устроены протестантские школы (первоначальные, средние и высшие). В типографии печатались книги на персидском, арабском, старом и новом сиро-халдейском языках. В начале 1880–х гг. в приурмийских округах Персии насчитывалось около 2,5 тыс. протестантов.

Американские миссионеры направили свои усилия не только в Россию, но и в османские провинции — Курдистан, Мосул, Хаккари. Во многом активность американцев в этих направлениях вызвана появлением на миссионерской сцене в Западной Персии серьезного конкурента — «Миссии архиепископа Кентерберийского к ассирийцам».

²⁷ Донесение от 15 июля 1878 г. // Там же. Л. 34, 35.

Миссия архиепископа Кентерберийского²⁸

Начало контактов представителей Церкви Англии с несторианами относятся ко времени экспедиции Королевского географического общества в Ефратскую долину 1836–1837 г., познакомившую английское общество с несторианами и возбудившую «живой интерес к остаткам древнего христианства на востоке»²⁹. В 1838 г. Королевское географическое общество совместно с Обществом распространения христианских знаний приняли решение об отправлении новой экспедиции к христианам Халдеи под руководством Уильяма Эйнсворта, участника Ефратской экспедиции. Целью экспедиции указывалось установление контактов с несторианскими христианами региона, исследование их быта и положения; негласной же целью являлось проведение дальнейших минералогических исследований.

В отчете, представленном Эйнсвортом по возвращении в Лондон Обществу распространения христианского знания³⁰, отмечалось пожелание Мар–Шимона, епископов и всего несторианского духовенства о направлении к ним духовного лица от Англиканской Церкви «с целью оказания помощи и содействия к образованию и развитию несторианского народа»³¹.

В 1842 г. в Курдистан были командированы каноник Дж.П. Бэдджер³² и его ассистент Флетчер. С одной стороны это был ответ на прошение несториан, с другой — продолжение целенаправленной политики Церкви Англии по учреждению своих епархий

²⁸ Впервые автор обратился к данной проблеме в главе коллективной монографии: *Смирнова И.Ю.* Британо–российское противостояние во 2–й половине XIX в. (миссионерский аспект) // «Свои» / «Другие» / «Чужие»: из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб.: Алетейя, 2021. С. 340–360.

²⁹ Отчет А.А. Петрова. Август 1882 г. // АВПРИ. Ф. 289. Оп. 570/1. Ед. хр. 934. Л. 203.

³⁰ *Ainsworth W.F.* Travels and Researches in Asia Minor, Mesopotamia, Chaldea, and Armenia. London: John W. Parker, 1842. In 2 vol.

³¹ Донесение от 4 апреля 1887 г. // АВПРИ. Ф. 289. Оп. 570/1. Ед. хр. 1632. 1886. Л. 3–3 об. (См. брошюру: Report on the foundation of the Archbishop's Mission to the Assyrian Church in 1886 by Athelstan Riley, M.A. Лондон, март, 1887 г.

³² *Percy G. Badger P.G.* // Dictionary of National Biography, 1901. P. 94–95.

за пределами Британии и распространению своего влияния на Восточные Патриархаты, включая Древние Восточные Церкви. Присутствие миссионеров совпало с восстанием одного из курдских вождей Бедер–Хан–Бека, разрушившего несторианские церкви и деревни и угрожавшего истреблением всех несториан»³³. Тогда погибло около 20 тысяч айсоров. Присутствие миссионеров и вмешательство по их просьбе посла при Порте сэра Стрэтфорда Каннинга спасло несториан от полного истребления. С тех пор несториане не переставали обращаться к Англии с воззваниями о помощи.

По мнению российских дипломатов, командировка Бэджера «не привела к каким–либо положительным результатам»³⁴, однако с этим трудно согласиться, так как дальнейшие меры, принятые в Англии, являлись следствием исследований и рекомендаций Бэджера, который в свою очередь продолжил дело Эйнсворта³⁵. Однако после возвращения миссионеров в Англию в 1844 г. каких–либо практических шагов предпринято не было, несмотря на неоднократные обращения к иерархов и старейшин к Церкви к Англии (как, впрочем, и к Российской Православной Церкви).

В 1868 г., когда несториане Урмии направили очередное прошение на имя архиепископа Кентерберийского Чарльза Лонгли, от него последовал ряд распоряжений, но дальнейшему ходу дела помешала его кончина. Между тем, на церковном конгрессе в 1869 г. был зачитан доклад Бэджера, в котором он «защищал ортодоксальность "несторианской" Церкви и подчеркивал ее дисциплинарные соглашения с англиканской Церковью»³⁶. К очередному и более конкретному проекту отправки делегатов к ассирийцам архиепископ Кентерберийский Арчибалд Тейт под влиянием Бэджера³⁷ вернулся только в начале 1874 г., представив в Верхнюю палату Конвокации новую петицию от

³³ Донесение от 4 апреля 1887 г. // АВПРИ. Ф. 289. Оп. 570/1. Ед. хр. 1632. 1886. Л. 4–4 об.

³⁴ Там же.

³⁵ *Badger P.G.* The Nestorians and their Rituals. London, 1852, 2 vols.

³⁶ *Coakley J.F.* The Church of the East and the Church of England: A History of the Archbishop of Canterbury's Assyrian Mission. Oxford: Clarendon Press, 1992. P. 65.

³⁷ Ibid. P. 67.

христиан Ассирии, где говорилось о их готовности к взаимному общению, однако никаких дальнейших действий предпринято не было. Архиепископ пришел к заключению, что «необходимо собрать новые, более подробные сведения о нуждах и настоящем положении Несторианской Церкви», выяснить условия для «открытия и заведения среди них англиканских школ»³⁸.

В 1876 г. архиепископ Кентерберийский командировал для изучения на месте ситуации в Несторианской Церкви каноника Катса, который посетил главные племена горских айсоров, вошел в дружеские отношения с предстоятелем несториан Мар Шимоном Рувимом. Помимо Патриарха, как отмечали российские дипломаты, «на удочку англичан попала целая партия несториан, до сих пор не оставляющая надежды на англичан»³⁹. Катс познакомился с состоянием и других миссий в этом регионе — трех католических: мосульской, ордена доминиканцев и салмаско-урмийской ордена лазаристов, а также миссией Американской методистской церкви в Салмесе и Урмии.

Отчет д-ра Катса о поездке, изданный отдельной книгой⁴⁰, возбудил живой интерес в высших духовных сферах Англии. Практическим результатом поездки стало согласие епископата Церкви Англии открыть для несториан школу и завести типографию для печатания книг на халдейском языке⁴¹, однако Русско-турецкая компания 1877–1878 гг., а затем и Курдское восстание 1880 г. отодвинули дело решения этого вопроса до 1886 г., когда была учреждена и водворилась в Урмии Кентерберийская миссия к несторианам.

Российский вице-консул в Ване А.М. Колюбакин относил появление в Урмии доктора Катса к «первым серьезным попыткам англичан» наладить тесные контакты с Несторианской

³⁸ Отчет А.А. Петрова. Август 1882 г. // АВПРИ. Ф. 289. Оп. 570/1. Ед. хр. 934. Л. 199–199 об., 204–204 об.

³⁹ Донесение от 10 августа 1886 г. // АВПРИ. Ф. 144. 1885. Оп. 488. 1848. Ед. хр. 2898. Л. 38 об.

⁴⁰ *Cutts E.L.* Christians under the crescent in Asia. London: Society for Promoting Christian Knowledge; New York, Pott, Young. 359 p.

⁴¹ Донесение от 4 апреля 1887 г. // АВПРИ. Ф. 289. Оп. 570/1. Ед. хр. 1632. 1886. Л. 4 об.

Церковью⁴² и называл его «началом миссионерской деятельности англичан», в основу которой положено сохранение иерархического устройства и догматов Несторианской Церкви, а также всех ее обрядов и обычаев. Российские дипломаты не сомневались, что британский миссионерский проект «при настойчивости и значительных материальных средствах должен иметь успех»⁴³. Тем не менее главным инициатором и идеологом британской духовной миссии к несторианам русские дипломаты (а вслед за ними и историки⁴⁴) считали А. Дж. Райли, в силу его энтузиазма, активной публицистической деятельности и щедрой материальной поддержки⁴⁵.

В середине июля 1886 г. Ательстан Райли, А. Маклин и У.Х. Браун в сопровождении персидско-подданного несторианина, получившего воспитание в Англии, прибыли в Урмию для открытия там духовной англиканской миссии в целях «восстановления и поддержания пришедшей в полный упадок Несторианской Церкви, равно как и для поддержания нравственного уровня среди тамошнего христианского населения»⁴⁶.

Из Урмии Райли и миссионеры, в сопровождении французского (и одновременно турецкого) агента, первым делом направились в Хакьяри для встречи с Мар Шимоном в его резиденции в С. Кочанис; впоследствии они посетили и турецкий город Ван — крупный центр на восточном берегу озера Ван, роль которого в политике Османской империи все более возрастала из-за его расположения вблизи границ Персидской, Российской и Османской империй, а также близости к Мосулу.

Результаты работы Англиканской миссии в течение первых восьми месяцев «превызошли самые смелые ожидания»: в письме

⁴² Донесение от 10 августа 1886 г. // АВПРИ. Ф. 144. 1885. Оп. 488. 1848. Ед. хр. 2898. Л. 37.

⁴³ Донесение от 24 января 1889 г. // Там же. Л. 60–60 об.

⁴⁴ См.: *Никонов О.А.* Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015.

⁴⁵ Донесение от 24 января 1889 г. // АВПРИ. Ф. 144. 1885. Оп. 488. 1848. Ед. хр. 2898. Л. 61 об.–62.

⁴⁶ Донесение от 28 июля 1886 г. // АВПРИ. Ф. 289. Оп. 570/1. Ед. хр. 1632. 1886. Л. 1 об.–2а.

к Райли от 4 января 1887 г. каноник Маклин сообщает об устроенных в Персии семинарии (колледж для священников и диаконов) и элементарной школе (гимназия для мальчиков, специально предназначенных для будущего служения), «об условиях внутренней жизни этих заведений и, наконец, о предметах преподавания, среди которых были древний халдейский, английский и персидский языки, священная история, литургия, география и арифметика»⁴⁷.

Поле деятельности Миссии не ограничивалось одной лишь западной Персией, но распространялось и на несториан, проживающих в Турции — в вилайетах Вана и Диарбекира. Для поддержания Миссии в 1887 г. был создан специальный «Фонд помощи ассирийским христианам» («Assyrian church fund»). Летом 1887 г. в помощь Маклину и Брауну прибыл из Лондона каноник Лэнг.

Отношение российских дипломатов к учреждению британской духовной миссии

При всех трудностях, связанных с неудовольствием и раздражением местных властей и самих несториан в связи с водворением английских миссионеров, у русских дипломатов не было сомнений насчет дальнейшего развития событий: новым игрокам на миссионерской сцене предсказывали «значительные результаты в политическом отношении, в сравнительно короткое время»: «Бросая деньги направо и налево, они привлекают на свою сторону как все высшее духовенство, так и большинство вождей народа (меликов), а за ними и массу населения»⁴⁸.

Начиная с 1877 г., когда возобновилась секретная переписка с МИД по поводу ходатайств несториан о принятии их под покровительство России и присылке священника для присоединения их к православию, все чаще раздавались голоса российских дипломатов о политической значимости этого вопроса. Тавризмский генконсул полагал необходимым заблаговременно

⁴⁷ Донесение от 4 апреля 1887 г. // Там же. Л. 4–4 об.

⁴⁸ Донесение от 10 августа 1886 г. // АВПРИ. Ф. 144. 1885. Оп. 488. 1848. Ед. хр. 2898. Л. 42 об.

подготовить почву на тот случай, «если присылке этих священнослужителей суждено осуществиться»⁴⁹. Смена тональности российских донесений обусловлена появлением на сцене Церкви Англии, деятельная активность которой не оставляла сомнений, что расклад сил среди представителей западных держав претерпит самые решительные перемены⁵⁰.

В учреждении духовной миссии Английской Церкви российские наблюдатели видели чисто политический маневр, как, впрочем, и в действиях других западных миссий. Если в присутствии католических и американских миссионеров российский генконсул в Тавризе А.А. Петров не видел повода для беспокойства, то появление на миссионерской сцене представителей Великобритании, трудившихся под эгидой государственной Церкви Англии при поддержке британского общества и под «исключительной и энергичной охраной» британских дипломатов, Петров воспринял с большой тревогой, сознавая, что конфессиональная ситуация в Урмии может измениться в ущерб интересам России.

Полагая, что Россия не должна оставаться в стороне, как это было прежде, генконсул предложил «посылать наше духовенство к несторианам» для их просвещения в целях «поддержания национального духа несториан и оказания противодействия западной пропаганде». С этим мнением был согласен и вице-консул в Ване, убежденный, «что, если айсоры в данное время и питают к кому-нибудь привязанность, то только к России; роль остальных миссий значительно меньше, а по отношению к айсорам Хаккяри сводится в сущности к нулю»⁵¹.

По мнению генконсула в Тавризе, появление нового деятеля в лице и «во всеоружии» представителя британской государственной Церкви может «создать нежелательный для нас порядок вещей в местности, сопредельной с нашими владениями», особенно если принять во внимание постоянное уклонение

⁴⁹ Донесение от 23 октября 1877 г. // АВПРИ. Ф. 289. Оп. 570/1. Ед. хр. 911. Л. 28.

⁵⁰ Донесение от 29 декабря 1882 г. // Там же. Л. 226 об.–228.

⁵¹ Донесение от 24 января 1889 г. // АВПРИ. Ф. 144. 1885. Оп. 488. 1848. Ед. хр. 2898. Л. 80 об.

российского правительства от «исполнения ходатайства айсоров о принятии их в лоно Православной Церкви»⁵².

Несочувствие России (в отличие от Великобритании) к бедственному положению несториан, как полагали российские дипломаты, могут охладить приверженность членов древней Несторианской Церкви к России и, как следствие, негативно отразиться на ее влиянии в регионе. В такой ситуации опасения по поводу недовольства Персидского Двора, которые всегда являлись сдерживающим фактором для какой бы то ни было российской активности в интересах несториан (и рассматривались российской дипломатией в качестве «достаточного повода к воздержанию от активной деятельности на пользу несториан») уступали место необходимости блюсти политические интересы России: «С тех пор, как Правительство Шаха открыло западным миссионерам широкое поле деятельности среди своих христианских подданных и когда на это поле вступает ныне и Англия, соперница наша на Востоке, мы можем и должны даже признавать и себя в полном праве посылать наше духовенство к несторианам, симпатии которых к нам стоят вне всякого сомнения»⁵³.

В качестве первоочередных подготовительных мер Петров назвал назначение при церкви генконсульства в Тавризе солидно образованного русского православного причта (священнослужитель, диакон и причетник) как для изучения «духовных стремлений тех из несториан, которые пожелали бы принять православие», так и для подготовки несторианского духовенства к будущему служению. Другим необходимым шагом должно было стать открытие школ для несториан в Урмии, предназначенных для «поддержания национального духа несториан и оказания противодействия западной пропаганде»⁵⁴.

Эти соображения поддержал экзарх Грузии Павел (Лебедев), в 1885 г. обещавший несторианскому епископу в Урмии Мар

⁵² Донесение от 29 декабря 1882 г. // АВПРИ. Ф. 289. Оп. 570/1. Ед. хр. 934. Л. 227 об.

⁵³ Там же. Л. 227 об.–228.

⁵⁴ Там же. Л. 224.

Иоанну ходатайствовать от имени урмийских несториан перед Св. Синодом о назначении в Урмию «частной неофициальной миссии из трех священников и об отпуске из Св. Синода хотя небольшой суммы на открытие в Урмии нескольких школ»⁵⁵. Тем не менее понадобилось еще более десяти лет, чтобы РДМ в Урмии получила официальное учреждение.

Русская духовная миссия в Урмии, открытая 26 марта 1898 г., была воспринята западными дипломатами как важный в стратегическом отношении форпост России в Персидском Азербайджане. Основной задачей британских консулов и миссионеров (в контексте британской идеи–фикс воспрепятствовать России в ее продвижении в Индию) «было помешать переходу несториан в православие и присоединению их к Русской Церкви»⁵⁶. Британский генконсул в Урмии Сесиль Вуд был убежден, что присутствие там РДМ еще более укрепит российское влияние в регионе и его долг «положить тому предел тем или иным путем»⁵⁷.

Аналогичных воззрений придерживался и французский консул Бержерон, который, несмотря на союзные на тот момент отношения между Францией и Россией (так называемый франко–русский союз), видел в членах РДМ опасных конкурентов и считал, что прибытие русских миссионеров подорвет положение находившейся под его покровительством католической миссии в Урмии и Салмасы и сведет к минимуму число римско–католических прозелитов⁵⁸. Подобные отзывы лишней раз подчеркивают роль конфессионального фактора, когда духовное миссионерское присутствие тех или иных конфессий расценивалось как угроза внешнеполитическим интересам великих держав.

⁵⁵ Донесение от 29 декабря 1882 г. // АВПРИ. Ф. 289. Оп. 570/1. Ед. хр. 934. Л. 253.

⁵⁶ Герд Л.А. Англиканская и русская православная миссии к несторианам Персии и Турции в конце XIX в. (по материалам донесений британских дипломатов) // Христианское чтение. 2015. № 2. С. 156.

⁵⁷ Донесение от 27 сентября 1898 г. // АВПРИ. Ф. 289. Оп. 570/1. Ед. хр. 948. Л. 101.

⁵⁸ Там же. Л. 101 об.

История деятельности западных миссионеров, называвших себя «спасающими Восток от темноты» — это история не только духовного, но также политического и экономического проникновения великих держав в тот или иной регион Ближнего Востока. Анализ дипломатического и миссионерского присутствия Великобритании, Франции, США и России в Западной Персии позволяет говорить о церковно–дипломатическом противостоянии на Христианском Востоке как о «Большой игре» не только во внешнеполитической, но и в миссионерской сфере.

ГЛАВА 11

БРИТАНСКАЯ ПРЕССА О РУССКО–ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877–1878 гг.

Е.О. Науменкова

Противоборство России с Великобританией является одной из важнейших и актуальнейших тем в современной науке. С начала специальной военной операции России (СВО), русофобия, прочно укоренившаяся в правящих кругах и средствах массовой информации стран Запада, достигла своего апогея. Против России ведется идеологическая война, направленная на изменение сознания населения с целью деморализации армии и общества. Министр обороны РФ С.К. Шойгу справедливо заметил, что информация стала одним из видов вооруженной борьбы. Если обратиться к истории, то выяснится, что первыми начали т.н. «информационную войну» против России англичане еще в XVI веке с целью обратить в колонию северную территорию Московского государства. Именно в то время англичане стали называть русских людей «варварами», причисляя себя к высшей расе. С тех пор информационные войны стран Запада, в первую очередь со стороны Британии, направленные против России, не прекращаются. В этой связи представляется уместным обратиться к событиям русско–турецкой войны 1877–1878 гг., когда Россия выступила защитницей православных народов Балканского полуострова против турецкого гнета и объявила Турции войну.

В 1870–е гг. Балканы трясло. Наблюдался широкий всплеск национального самосознания у народов, населявших Османскую империю. В 1875 г. вспыхнуло герцеговинско–боснийское

восстание за независимость, на следующий год запылала Болгария. На подавление последней были отправлены нерегулярные турецкие войска, устроившее резню православного населения. Сначала сообщениям не придали особого значения. Премьер-министр Великобритании Бенджамин Дизраэли назвал их «болтовней в кофейнях» и «сплетнями болгарского консула». Раздуть вопрос правительству не хотелось. Британия была заинтересована в сохранении стабильной Турции, как одного из крупнейших рынков для сбыта товаров и противовеса России на Балканах. Кабинет справедливо опасался вмешательства последней в конфликт, так как Россия традиционно выступала защитницей славянского населения.

Резня в Болгарии

Первыми определились со своей позицией британские католики. Поскольку в Османской империи к ним относились с определенным уважением, их симпатии были на стороне турецких властей. Лондонская «Уикли Реджистер и Католик Стандарт» летом 1876 года заняла резко протурецкую позицию, которой в будущем будет последовательно придерживаться. Автор

передовой статьи 22 июля утверждал, что болгары сами навлекли на себя зверства «поджогами, бойнями, опустошениями и другими мерзостями». Таким образом, реакция Турции была понятной — возмездие и ярость¹.

Однако, вскоре вскрылись масштабы трагедии — было убито более 30 000 человек, включая женщин, детей, стариков. Сведения об этом стали быстро распространяться по Европе и вызвали широкую волну протестов европейской общественности, включая Великобританию. Действия турок осудили историки Фримен, Фруд, Карлайл, философ Спенсер, натуралист Дарвин, поэт Бранинг, писатель Треллоп и другие. В Лондоне было открыто «Общество восточного вопроса», выпускавшее литературу, сочувствующую балканским христианам.

Довольно быстро оформилось движение в защиту болгар, так называемая «агитация», выступавшая против бездействия британского правительства. Возглавил ее бывший премьер-министр и лидер либеральной партии Уильям Гладстон. Именно его перу принадлежит знаменитый памфлет «Болгарские ужасы и восточный вопрос». Видный исследователь О.А. Науменков убежден: «эмоциональный, склонный к сентиментальности, глубоко верующий человек, Гладстон всем сердцем воспринял трагедию болгарского народа — памфлет был написан на одном дыхании в самые сжатые сроки (при этом Гладстон стойчески перенес тяжелейший приступ радикулита)»².

Таким образом, во многом под давлением либеральной прессы («Таймс», «Дейли Ньюз», «Спектайтор», «Манчестер Гардиан» и др.) и общественности с одной стороны и опасения русско-турецкой войны с другой, консервативный кабинет Дизраэли был вынужден принять участие в решении восточного кризиса, которое предполагало активное дипломатическое воздействие на Турцию. Было решено в конце декабря 1876 г. в Стамбуле созвать конференцию великих держав для выработки

¹ John P. Rossi. Catholic Opinion on the Eastern Question, 1876–1878 // Church History. 1982. Vol. 51. № 1. P. 55.

² Цит по: Науменков О.А. Роберт Солсбери и его время. Викторианская Англия в лицах. СПб., 2004. С. 109.

проекта реформ, заставить Турцию принять его и реализовать в жизнь. Однако пока представитель Британии маркиз Солсбери вел переговоры с участниками конференции, за его спиной посол Элиот старался уверить турок, что Англия примет участие в войне на стороне последней. Поэтому не приходится удивляться, что султан отверг выработанный конференцией план реформ. Газета «Московские ведомости» назвала итог конференции «полным фиаско, которого можно было ожидать с самого начала»³. Ведущий орган британской печати «Таймс» саркастически предложил России найти в исходе константинопольской конференции нравственное вознаграждение и утешиться сознанием своей силы относительно Турции. Об интересах христиан Таймс очень кстати умолчал⁴.

Участники константинопольской конференции

Весной 1877 г. пресса продолжала поддерживать решение турецкого кризиса переговорным путем. Большая часть лондонских изданий требовали, чтобы английское правительство

³ Московские ведомости. 1877. Январь. 9.

⁴ Гражданин. 1877. Январь. 23.

согласилось на предложение России — подписать протокол конференции за подписью 6 великих держав. Авторитетная «Таймс» писала: «вопрос о мире или войне⁵ во многом зависит от лондонского кабинета». В тоже время пресса признавала — столь сложный комплекс вопросов — национальный, религиозный, территориальный, будет крайне тяжело урегулировать дипломатическим документом⁶. В итоге, в конце марта 1877 г. был выработан очередной протокол. Турции предлагался проект реформ, гораздо более умеренный по сравнению с предложениями Константинопольской конференции. Однако Порта его отвергла, Россия выступила на стороне православных угнетаемых народов и объявила Турции войну.

Тон британской прессы мгновенно изменился. Возмущение турецкими зверствами и британский гуманизм отошли на задний план, уступив место национальным интересам перед лицом русского вторжения на Балканы. Антирусский характер приобрели статьи в прессе различной направленности — консервативной, либеральной, католической, местной.

Крупнейшие лондонские издания выставляли Россию виновницей балканского кризиса, изначально принимавшей активное участие в провоцировании проблем на Балканах — войне в Сербии, восстаниях в Боснии и Герцеговине, Болгарии и последовавших массовых убийствах. Стала распространяться совершенно абсурдная теория «русского заговора», суть которой заключалась в том, что русские агенты, стремясь ухудшить экономическую ситуацию в Турции, подговорили великого визиря отказаться от выплаты процентов по государственному долгу, что привело к увеличению налогов с населения и спровоцировало боснийско-герцеговинское восстание. Затем они же инспирировали восстание в Болгарии и убедили коррумпированных турецких министров не посылать туда регулярные войска. Таким образом, когда началась паника, на месте были только черкесы и башибузуки, устроившие резню мирного населения⁷. Журналист

⁵ Имелась в виду русско-турецкая война.

⁶ Гражданин. 1877. Март. 6; The Times. 1877. March. 20.

⁷ The Economist. 1877. April. 14. P. 415; Daily Telegraph. 1877. July. 9; August. 17.

«Стандарта» Альфред Остин утверждал, что кровь каждого убитого болгарина на руках русских дипломатов⁸! Одновременно панславянисты оказывали давление на великих князей, высокопоставленных чиновников и через них на Александра II с целью вызвать военное вторжение. Императора пресса окрестила агрессором и поставила в один ряд с такими «миронарушителями», как Екатерина II и Николай I⁹.

Британская пресса активно навязывала общественности мысль о том, что во время Константинопольской конференции именно Петербург сознательно стремился усложнить ситуацию, чтобы использовать отказ Турции от протокола как повод к войне. Российских дипломатов во главе с Игнатьевым обвиняли в недобросовестности, хитрости, изворотливости, жестокости, постоянной привычке лгать, что и, якобы, привело к срыву мирного решения вопроса¹⁰. Влиятельная «Дейли Телеграф», принадлежавшая еврейской семье Леви–Лоусон решительно заявляла: «ни один разумный человек больше не сомневается в том, что на какие бы условия ни согласилась Турция, Россия с самого начала была настроена на развязывании войны»¹¹. Война, ведущаяся под христианскими лозунгами, является «самой лицемерной, жалкой и несправедливой войной со времен темных веков», заключила та же газета¹².

При этом категорический отказ Турции проводить хотя бы ограниченные минимальные реформы для славянских народностей, на чем изначально настаивала Россия, во внимание не принимался. Никаких доказательств участия России в организации восстаний на Балканах и срыве переговоров пресса представить, естественно, не могла. Достаточно было голословных обвинений, чтобы значительная часть британцев поверила в то, что им так хотелось верить — в коварство «русских варваров». Тем более, что цели Петербурга авторы публикаций видели

⁸ Standard. 1876. July. 10.

⁹ Daily Telegraph. 1877. July. 9.

¹⁰ The Economist. 1877. April. 14. P. 415; Daily Telegraph. 1877. July. 9; August. 17; Pall Mall Gazette. 1877. May. 7.

¹¹ Daily Telegraph. 1877. May. 2.

¹² Ibid. August. 17.

не в поддержке Россией христианских народов и защите их от произвола османов, а в расширении собственного могущества. Европейскому обывателю активно навязывалось, что в качестве ближайших целей русских является возвращение Бессарабии, расширение границ на западе, присоединение Армянского нагорья, свободный проход для военных кораблей через Босфор и Дарданеллы. В целом же «Россия претендует на основание великой империи славянской расы, которая простиралась бы от северной части студёного моря до знойного Персидского залива и от Эльбы почти до Гималаев — Панславянской империи в 550 000 000 душ с центром в Константинополе»¹³.

В связи с первоначальными успехами русской армии весной–летом 1877 г. панические настроения охватили значительные слои английского общества. «Видите, — кричали в Лондоне, — этот страшный колосс, русский медведь¹⁴ все одолеет, для него нет непреодолимых преград, — спешите его укротить». Появилась и стала быстро распространяться в консервативных кругах идея защиты «интересов «Великобритании». «Юнайтед Сервис Газетт», орган чиновников и офицеров писал, что хотя опасаться вторжения русских в Индию неосновательно, но тем не менее надо принять меры против не менее опасного с ее стороны «нравственного вторжения» «moral invasion»¹⁵.

Другие издания, нагнетая политическую и общественную истерию были настроены более пессимистично, утверждая, что враг находится уже у ворот Британской империи. Под угрозой поставлены сугубо английские интересы — безопасность дороги в Индию. Если русские возьмут Эрзурум, затем Константинополь, то смогут направить свои войска через Сирию к устью Нила, захватить Египет и установить контроль над Суэцким каналом, а оттуда прямая дорога в Индию. Кроме того, победы России на Кавказе приведут к падению турецкой власти

¹³ Daily Telegraph. 1877. June. 7; Pall Mall Gazette. 1877. May. 23; Wyatt W.J. The Eastern Question from an English Point of View. L., 1876. P. 4; Гражданин. 1877. Окт. 31.

¹⁴ По традиции в британской литературе Российскую империю изображали в виде медведя

¹⁵ Биржевые ведомости. 1877. Май. 25.

в Армении и исчезновению барьера между Россией — Индией, а Россия получит стратегически важные позиции, откуда она сможет вмешиваться в британские колонии. Именно по-этому потенциальный маршрут в Индию через долину Евфрата должен принадлежать *исключительно* (выделено *Е.Н.*) Британии, поскольку «предоставит нам значительные политические и коммерческие преимущества», был убежден «Экономист»¹⁶.

На страницах изданий активно обсуждались возможные варианты действий Уайтхолла. Консервативная и католическая пресса подталкивала правительство к решительным шагам. Либеральная пресса была более осторожной. Захват части турецких территорий в надежде заставить Россию отступить, казался большинству изданий довольно опасной затеей, поскольку мог привести к осложнению отношений с европейскими странами. Вступление в прямые военные действия предстояло тщательно обдумать. «Одно лишь доказательство вероломности России, не будет оправданием для наших потомков за опрометчивые или плохо рассчитанные действия». «Экономист» советовал Кабинету определиться «какие объекты страна должна защищать с оружием в руках» и предупреждал о серьезных последствиях данного шага. В целом же, правительству «следует руководствоваться разумом, а не эмоциями страха или негодования»¹⁷.

Таким образом, весной 1877 г. большинство изданий с одной стороны, призывала Сент-Джеймский кабинет не терять бдительность и зорко следить за событиями в Азии, с другой, сохранять осторожность и соблюдать политику бдительного нейтралитета, не предпринимая никаких опрометчивых шагов для защиты своих интересов на Востоке, поскольку они могут ввергнуть страну в большую войну. Предлагалось выработать меры, которые позволят надавить на Россию¹⁸.

По поводу положения, занимаемого Англией и Австрией относительно русско-турецкой войны, лондонская газета

¹⁶ The Economist. 1877. May. 19. P. 556–557; Daily Telegraph. 1877. May. 21.

¹⁷ The Economist. 1877. April. 14. P. 415; May. 19. P. 556–557; June. 9. P. 662–663; June. 30. P. 757–758.

¹⁸ The Economist. 1877. April. 14. P. 415; Times. 1877. April. 24.

«Файненшел Опинион» напомнила басню о том, как мыши, для обуздания кота, решили навязать ему на шею колокольчик. Решение это осталось неисполненным потому только, что ни одна из мышей не хотела взять его на себя, а старалась натолкнуть на него другую. Точно также Англия и Австрия хотели бы навязать России какое-либо обязательство, но не знают, как это сделать, и никто не хочет выступить первым¹⁹.

Однако, уже в июне 1877 г. был предпринят первый шаг к отказу от соблюдения нейтралитета. Правительство отправило часть средиземноморской эскадры в Безикскую бухту, расположенную недалеко от входа в Дарданеллы. Предлогом послужила мнимая необходимость защиты британских подданных. Консервативные издания — «Дейли Телеграф», «Стандарт», «Монинг Пост» мгновенно высказались в поддержку Кабинета и были единодушны — данный акт является лишь предосторожностью и защитой британских интересов в ответ на переправу русской армии через Дунай. «Мы с удовлетворением отмечаем улучшение общественного настроения, поскольку были предприняты все необходимые меры национальной безопасности, которые диктует сложившаяся ситуация» с восторгом заявила Дейли Телеграф²⁰. «Монинг Пост» была настроена более решительно: Англия должна отправить в Средиземное море также и Ламаншскую эскадру. Если при этом министерство пошлет в Гибралтар и в Мульту порядочное количество войск, то оно поступит согласно с желаниями всей Англии, уверяла газета²¹. Постепенно консервативная пресса стала формировать среди британцев мнение, что война с Россией неизбежна.

На этом фоне, в первые месяцы войны, когда русские войска успешно наступали на Балканах и Кавказе, синие книги (сборники документов, представляемые правительством парламенту — *Е.Н.*) и официозные русофобские газеты были полны нелепых слухов о зверствах, чинимыми солдатами. Газеты как будто соревновались в придумывании броских шокирующих

¹⁹ Сын отечества 1877. Май. 27.

²⁰ Daily Telegraph. 1877. July. 9; Биржевые ведомости. 1877. Июнь. 26.

²¹ Биржевые ведомости. 1877. Июнь. 26.

заголовков. «Бэндэри Эдвертайзер», «Бэльфаст Телеграф»: «Зверства русских». «Файфшайр Эдвертайзер»: «Русские зверства на Кавказе». «Дублин Ивнинг Мейл»: «Ужасные русские зверства. Деревни сожжены, а жители убиты». Столичная «Дейли Телеграф»: «Зверства русских в Азии», «Русско–турецкая война. Восстание черкесов. Зверства русских». «Ист энд Сос Эдвертайзер» выразилась более аккуратно: «*Предполагаемые зверства русских*»²². На наш взгляд, подобные сообщения в прессе, особенно провинциальной, объяснялись не только русофобскими настроениями редакторов, но и стремлением привлечь внимание к изданию, увеличить тираж, а следовательно, и прибыль. Важно отметить и тот факт, что поскольку отправить своего корреспондента на фронт могли только самые крупные газеты, сообщения о жестокостях русских провинциальные издания попросту перепечатывали из столичных, прежде всего туркофильской «Дейли Телеграф».

Информация публиковалась на основе донесений корреспондентов, якобы лично находящихся на передовой или из «проверенных и высокопоставленных источников», правда каких именно не говорилось. Заявлялось, что русские разграбляли деревни, оскверняли мечети, мусульман под угрозой штыка заставляли переходить в православие, мужчин массово вывозили в Сибирь, а женщин насиловали и унижали. В июне внезапно обнаружили три деревни, разрушенные русскими. Пятьдесят наиболее знатных жителей были похищены, а с другими жестоко обращались. В лучших традициях информационных войн пресса делала ставку на убийство мирного населения, прежде всего беззащитных женщин, детей и стариков. Взятие Аргадана сопровождалось «шокирующими историями о *предполагаемом* варварстве казаков, которые вырезали восемьсот мужчин, женщин и детей». Причина данных зверств объяснялась просто, местные жители восстали против жестокости казаков, за что и были безжалостно истреблены, а к приезду генерала,

²² Banbury Advertiser. 1877. June. 21; Belfast Telegraph. 1877. May. 19; Daily Telegraph. 1877. June. 5; Dublin Evening Mail. 1877. June. 18; East & South Devon Advertiser. 1877; Fifehire Advertiser. 1877. June. 9.

следы убийств были скрыты. При этом «заслуживающий доверия источник информации» опять же не назывался²³. Подобные сообщения направлены были на формирование у читателя мнение, что русские расправы превосходили действия турок при подавлении болгарского восстания 1876 г.

Русофобские издания на своих страницах восхваляли доблесть турок и стремились подчеркнуть низость русских. Бесчеловечное отношение последних проявлялось будто бы даже по отношению к своим собственным воинам. Утверждалось, что в одном бою, царские войска отступая добились всех своих раненых, сбросив трупы в реку. В другом сражении на поле бросили 150 убитых и 300 раненых. Последние якобы были доставлены турками в госпиталь, где османские хирурги оказали им всю необходимую помощь. Играя на противопоставлении, автор статьи тут же добавляет, «тем временем русские жестоко обращаются с жителями деревень, убивают детей, стариков и действуют варварским образом»²⁴.

Однако в реальности засвидетельствованных подобных случаев гуманного обращения с русскими ранеными и пленными было крайне мало. Гораздо чаще имели место другие эпизоды, замалчиваемые британской прессой. Корреспондент отечественного «Гражданина» с горечью сообщал, что он лично видел обезображенные и изувеченные трупы замученных и добитых раненых: одним перерезали горло, другим наносили до 10 сабельных ударов, на голове вырезали кресты, на груди турецкие надписи, с боков вырывали куски мяса, отрезали уши, руки. «Часто попадались тела с сожжёнными боками, руками и ногами. Их замучили живыми, что видно на лицах, носивших следы страданий»²⁵. Для фиксации данных злодеяний приглашались военные представители и корреспонденты иностранных держав. Так, когда генерал Скобелев обнаружил груды изувеченных русских трупов и башню из отрезанных

²³ Banbury Advertiser. 1877. June. 21; Daily Telegraph. 1877. June. 5; Dublin Evening Mail. 1877. June. 18.

²⁴ Daily Telegraph. 1877. June. 5.

²⁵ Гражданин. 1877 г. № 30. С. 667.

голов он пригласил корреспондента «Таймс», засвидетельствовать этот случай.

Зверства башибузуков

Естественно, подобные действия турок вызывали отдельные эксцессы со стороны русских войск. По свидетельству штабс-ротмистра В.В. Крестовского: «количество преступлений, повлекших за собой смертную казнь, было незначительно, всего четыре случая. Приняв в соображение десятимесячный период времени и свыше двухсоттысячное число нашей действующей армии, эти четыре случая достаточно красноречиво говорят в пользу дисциплины и нравственности наших военнослужащих. Даже самая односторонняя, самая придирчивая оценка, основываясь на таких цифрах, не могла бы укорить нашу армию в недостатке дисциплины и нравственности»²⁶.

Поскольку доказательств преступлений русских войск не находилось, турки шли на подлог. Заставляли жителей деревень

²⁶ Крестовский В.В. Двадцать месяцев в действующей армии. (1877–1878): Письма в ред. газ. Правительственный вестник от ея офиц. кор. Лейб-гвардии Уланск. е. вел. полка штабс-ротмистра Всеволода Крестовского. Том II. СПб., 1879. С. 177. Электронный ресурс: <https://ru.wikisource.org/wiki/> (дата обращения 09.02.2023).

подписывать ложные свидетельства о насилиях, будто бы совершенных русскими. Если жители отказывались подписывать бумаги, их секли розгами и отнимали имущество²⁷. Не гнушались османы и разного рода инсценировками. Так, корреспонденту Таймс, расследовавшему русские жестокости показывали тела показывали тела болгар, убитых турками, и уверяли, что это турки, убитые казаками²⁸.

И хотя императорские войска давали крайне мало поводов для обсуждения, тем не менее, поставленная британским правительством и консервативной прессой задача восстановить общественное мнение против России была быстро и успешно решена. Уже в мае–июне по всей Британии наблюдался всплеск антирусских настроений. Английский военный атташе при Александре II Уэлсли сообщал, что публика по отношению к русским настроена крайне враждебно: «Тори за то, что мы бьем турок, виги — что даем резать христиан, взявшись их защищать». В крупнейших лондонских театрах зрители требовали, чтобы играли «Боже царя храни» и всякий раз его освистывают, а затем заставляют играть турецкий гимн и покрывают его аплодисментами»²⁹. В Гайд-парке проводились митинги, осуждающие проводимую Россией политику. Состав участников был самый разнообразный: рабочие с окраин, члены парламента, представители общественных организаций, лондонские католические ирландские общества, проходившие под знаменами и с оркестрами к месту встречи. Плакаты, объявляющие о митинге, начинались словами: «Долой Россию!»³⁰. Таким образом, буквально все слои британского общества были проникнуты антирусскими настроениями.

Компрометирующие материалы, подаваемые коммонерам в синих книгах или общественности в печати не подвергались критической оценке. Оппозиционный «Норд» сравнивает как правительство встретило первые известия о насилиях,

²⁷ Daily News. 1877. July. 26.

²⁸ Сын Отечества. 1877. Август. 23.

²⁹ Игнатъев Н.П. Походные письма 1877 г. М., 1999. С. 219.

³⁰ Pall Mall Gazette. 1877. May. 7.

совершенных турками в Болгарии в 1876 г. и русскими в данной войне. «Насколько в ту эпоху английские министры выказывали себя скептиками, настолько теперь они представляются легковверными. Насколько тогда они настаивали на необходимости тщательно проверить обвинения против турок, прежде чем счесть их основательными, настолько они спешат в настоящую минуту принять за действительные — самые подозрительные свидетельства», с возмущением заключает издание. В 1876 г., когда министру был сделан запрос насчет болгарских убийств, он попросил палаты подождать докладов консулов. Причем отмечалось, что доклады появятся не скоро, так как «ни один английский консул не находился по соседству с упоминаемыми местностями». Первая синяя книга «о болгарских зверствах» была напечатана после продолжительного объезда Болгарии дипломатом Бэрингом и только после того, как он лично убедился в совершенной резне. В ходе русско-турецкой войны английскому правительству подобные предосторожности представлялись излишними. Хотя ни один английский консул лично не наблюдал жестокостей, приписываемых царским войскам, а доклады агентов основывались на заявлениях турецких властей, или на не заслуживающих доверия свидетельствах, тем не менее английское правительство спешило обнародовать жестокости русских³¹.

Масло в огонь подливали нелепые депеши британского посла в Стамбуле Лэйарда, известного раскопками древней Ассирии и еще больше своей русофобией. В одной из депеш сообщалось об убежденности султана в решении русских уничтожить все мусульманское население. В другой раз, Лэйард уверял министра иностранных дел Дерби, будто бы русские агенты подстрекают болгар к избиению мусульман. Несмотря на всю абсурдность заявлений, британское правительство ни словом не высказалось против подобных обвинений относительно России³².

Подобное стремление правительства и консервативной прессы изобразить русских солдат варварами вполне объяснимо.

³¹ Сын отечества. 1877. Июль. 20.

³² Там же.

В Кабинете Дизраэли шли серьезные обсуждения возможной войны с Россией и правительству было важно обезчеловечить образ противника в глазах нации и получить поддержку народа на проводимый курс в случае эскалации конфликта. Дело не ограничивалось публикацией антироссийских материалов. Косвенно Сент-Джеймский кабинет участвовал в войне на стороне турок. К османам отправляли английских офицеров-инструкторов, инженеров, снабжали армию амуницией, новейшими скорострельными ружьями, заваливали патронами. Так, Британия делала все возможное, чтобы не допустить победы русского оружия.

Стремясь еще больше демонизировать образ потенциального врага, в парламенте и в СМИ начала муссироваться тема «России — тюрьмы народов». Статьи появлялись в изданиях разной направленности — консервативной, католической, либеральной. Пресса не стеснялась в выражениях! Обычно сдержанный «Экономист», в этот раз прямо назвал царское правительство одним из худших в Европе, поскольку, стремясь улучшить положение славянских народов Османской империи, само является угнетателем «многих подвластных рас», имелось в виду, прежде всего, Польша³³. Аналогичного мнения придерживалась «Таймс», утверждавшая, что Россия должна сначала «иметь чистые руки» в отношении Польши и лишь затем вмешиваться в дела балканского полуострова³⁴.

Русофобская «Дейли Телеграф» пошла дальше, опубликовав совершенно абсурдные сообщения корреспондентов уверявших, что 30 польских дам, включая 17-летнюю девушку жестоко пытали, а потом повесили за ношение траура по родственникам, погибшим в ходе восстания. С другими поступали мягче, на месяц заключив под стражу³⁵.

Другая газета публикует рассказ, взятый из анонимных польских источников. Некий судья сообщает, что царские войска застрелили 4-х инсургентов, убили его дочь, 6 слуг и ранили

³³ The Economist. 1877. April. 21. P. 442.

³⁴ The Times 1877. February. 24.

³⁵ Daily Telegraph. 1877. August. 16.

зятя. При этом сначала всех кастрировали и потом дважды проткнули штыками. В ответ на это обвинение отечественный журнал «Гражданин» выразил сомнение, что все 6 слуг были мужчинами и с сарказмом предположил, что женщины, находившиеся в числе слуг, и сама дочь тоже подверглись операции, которая «применима только к Абеярдю, но никак не к Элоизе»³⁶.

Ошибки в фактах, статистических данных, ложные выводы, делаемые из заимствованных и многократно опровергнутых аргументов, ничего не смущало русофобские издания! «Творимое насилие» в Польше с одной стороны, выставлялось в противовес турецким зверствам в Болгарии, с другой стороны, создавало у читателей впечатление, что политика Петербурга ничем не отличается от политики Порты.

Сравнивая развитие конституционных институтов и способность стран к демократическому развитию, английские издания были уверены, что распадающаяся Османская империя, под благотворным влиянием Британии способна к позитивным изменениям, в отличие от отсталой российской самодержавной монархии. Было выдвинуто даже предположение, что российский истеблишмент усмотрел в создании турецкого парламента личное оскорбление. «Поскольку Россия не хочет быть единственной страной в Европе, оставшейся без конституционных институтов, то не может позволить Порте их иметь», сделала оригинальный вывод газета. Утверждалось, что уже первая сессия турецкого парламента показала всю эффективность работы данного органа. Наиболее примечательной чертой объявлялась «энергичная свобода слова»³⁷. Политические лидеры ситуацию оценивали более здраво. По словам маркиза Солсбери: в Стамбуле «нет ни аристократии, ни правящего класса, ни демократии, ни представительного правительства. Есть только две основы — религия и султан»³⁸.

Как и следовало ожидать, газеты не обошли своим вниманием и описание сражений. Однако далеко не всегда к британским

³⁶ Гражданин. 1877. Октябрь. 21.

³⁷ Daily Telegraph. 1877. August. 17.

³⁸ The Times 1877. November. 17.

читателям поступала объективная информация. Туркофильские издания сознательно преуменьшали потери турок, а потери русских, напротив, преувеличивали³⁹. При этом принципиальные корреспонденты жаловались, что депеши с реальными цифрами о потерях турецких войск не пропускались властями.

Искажением информации и откровенной дезинформацией страдали не только лондонские газеты, но и крупнейшие немецкие и австрийские издания. Берлинская «Borsen-Zeitung» перечисляет, сколько раз туркофильская пресса объявляла о больших сражениях, никогда на деле не происходивших: «Neue Freie Presse — 4 сражения, Deutsche Zeitung — 7, Fremdenblatt — 1, Tagblatt — 19, Extrablatt — 17, Morgenpost — 5, Wiener Abendpost — 1. В этих вымышленных сражениях убито: по словам Neue Freie Presse — 390 000 русских, Presse — 12 000 русских, Deutsche Zeitung — потоплен в Дунае целый русский полк, Extrablatt — 380 000 русских, Morgenpost — 140 000, Vorstadt-Zeitung — 100 000 русских. Шипкинский проход был взят турками: «Neue Freie Presse — 7 раз, Tagblatt — 11 раз, Presse — 4 раза, Extrablatt — 7 раз, и даже по словам официальной газеты Wiener Abendpost — 2 раза»⁴⁰. Дейли Телеграф со злорадством сообщала, что турки якобы уже к августу вырезали треть русской армии⁴¹.

Естественно, подобные сообщения вызывали негодование среди российской общественности. «Гражданин» вопрошает: «когда же тон иностранных газет и даже депеш перестанет быть относительно России оскорбительным? Для них, мы таже, зависящая от Европы, от Англии или Австрии — Турция, случайно только победившая на поле битвы. Англия обещает Турции потребовать от России скорого мира, Турция требует, чтобы Россия сделала то-то и то-то, русское правительство просило Порту прислать уполномоченных для переговоров. Ничего даже похожего мы не встречали в той же иностранной печати о Пруссии в 1870–1871 гг. Спрашивается, почему же относительно

³⁹ Daily Telegraph. 1877. June. 5.

⁴⁰ Гражданин. 1877. Октябрь. 13.

⁴¹ Daily Telegraph. 1877. August. 17.

России дерзает иностранная печать то, чего они не дерзали относительно Пруссии»⁴².

Справедливости ради заметим, что русофобии и туркофильству были подвержены лишь часть британской прессы. Авторитетная «Таймс» заявляла: «правительство обвиняет русских в грабежах, убийствах и поджогах, забывая, что подобные обвинения слишком легко возводить, чтобы им можно было верить без доказательств». «Прежде чем обвинять надо бы постараться собрать такие доказательства», уверена газета⁴³.

Серьёзные издания предпочитали не спешить с публикацией непроверенных сведений, поскольку информация о предполагаемых массовых убийствах русскими мирного населения поступала только из официального турецкого источника⁴⁴. Сотрудник «Дейли Ньюз» прямо советует не верить телеграммам, посылаемым через турецкие линии, поскольку турки тщательно фильтровали информацию и без церемонии перехватывали известия, которые им не нравились. Так, он пытался послать телеграмму с известием о том, как курды и башибузуки опустошили провинцию Ван, разграбили христианские дома и подвергли народ истязаниям. «Я сообщил лишь чистую правду, но тем не менее, мою депешу не приняли», с возмущением сообщал корреспондент⁴⁵.

Его коллеги по перу также жаловалась, что их депеши перехватывались, если они хоть малейшим образом были не в пользу турок. Корреспондент «Таймса» придумал неординарный способ заставить турецкие власти пересылать его депеши. Так, при необходимости передать важную информацию, он прибавлял к своему известию байку о русских жестокостях и турки, в восхищении передавали депешу не обрезая ее, а в редакции газеты знали, что пускать в печать, а что нужно вычеркнуть. Таким образом, мнимые русские жестокости позволяли обходить турецкие ограничения. Тот же корреспондент сообщает, что, когда его депешу о нехватке в турецком лагере медиков и

⁴² Гражданин. 1878. Январь. 8.

⁴³ Times. 1877. July. 1.

⁴⁴ East & South Devon Advertiser. 1877. June. 30.

⁴⁵ Сын отечества. 1877. Июль. 21; Daily News. July. 6.

лекарств не пропустили, он добавил к ней сообщение о неслышанном зверстве русского офицера, принадлежащего к знатнейшей русской фамилии, который, заказав себе на завтрак рагу из мусульманского ребенка под соусом! На этот раз цель была достигнута, и депеша прошла без возражений. В заключение автор сетует: «на какой детской степени культуры стоят люди, с которыми надобно действовать таким образом, и как тягостно образованному человеку, корреспонденту английской газеты, прибегать к подобным уловкам, чтобы иметь возможность говорить правду и сообщать дельные сведения!»⁴⁶.

Критический момент наступил после падения Плевны. В британском правительстве всерьез обсуждался вопрос о войне с Россией. Неистовствовавшая королева Виктория постоянно подстегивала своих министров к самым решительным действиям. Премьер-министр Дизраэли со свойственным ему авантюризмом взял курс на резкое ужесточение позиции в отношении традиционного геостратегического противника.

Чрезвычайный и полномочный российский посол в Британии П. Шувалов охарактеризовал этот злобный антирусский дуэт как «сговор полубезумной женщины» и «политического клоуна». Русофобия была поистине идеей фикс британской королевы! Ее личный секретарь как-то заметил, что «она смотрит на внешнюю политику как на борьбу с Россией». «О, если бы королева была мужчиной, ей так бы хотелось отправиться и задать этим ужасным русским... такую выволочку! — горячилась почтенная дама. Между апрелем 1877 г. и февралем 1878 гг. она пять раз грозила скорее отречься от трона, чем позволить своей стране «целовать ноги великих варваров». Именно в эти дни появилась столь знаменитая песенка английских шовинистов: «Мы не хотим войны, но, если, волею Джинго, придется воевать, у нас будут корабли, будут люди и будут также деньги». С тех пор термин «джингоизм» вошел в международный лексикон для обозначения крайней националистической агрессивности⁴⁷.

⁴⁶ Сын отечества. 1877. Август. 24.

⁴⁷ Науменков О.А. Указ. Соч. С. 120–121.

Вполне естественно, что вопрос о падении Плевны и предстоящей войне находил живое отражение на страницах прессы. «Старый порядок вещей, с которым европейская дипломатия была знакома в течение полувека, порядок, за который мы боролись в Крыму ушел в прошлое», грустно констатировал «Экономист»⁴⁸.

Большинство газет сохраняло здравомыслие и было уверено, что не стоит поддаваться паническим настроениям, так как интересам страны ничего не угрожает. Газеты апеллировали к депеше Горчакова — канцлера Российской империи, еще в мае сообщившего, что захват столицы не входит в планы России, а вопрос о будущем Константинополя и Черноморских проливов будет решаться всеми ведущими державами. Поэтому нужно надеется на благоприятный исход кризиса и не стоит опрометчиво ввязываться в войну на континенте, тем более, как рассудительно писала «Таймс», это «предприятие явно не увенчается успехом»⁴⁹.

Думается, здравый расчет брал вверх над авантюрными планами. Серьезные издания как консервативной, так и либеральной направленности откровенно признавали, что Британия не располагала достаточными военными силами. Небольшой десант находился на кораблях в Безикской бухте. На Мальте находилось менее 10 000 солдат и офицеров. Для ведения военных действий и следовательно, формирования отряда из 60 000 человек потребуется значительное время и финансовые средства, которые тяжелым бременем лягут на плечи налогоплательщиков, что, естественно, вызовет недовольство в обществе. Авторы статей с досадой признавали, что втягиваться в войну с Россией не захочет ни одна из великих держав. «Австрия и Германия будут руководствоваться своими собственными интересами. У Франции нет мотива ссориться с Россией, а Италия, будет только рада уменьшению нашего влияния в Средиземном море», констатировал «Экономист»⁵⁰. Поэтому пресса

⁴⁸ Economist. December. 15. P. 1481.

⁴⁹ Times. 1877. December. 13; Daily News. 1877. December. 7.

⁵⁰ The Economist. 1877. April. 14. P. 415; May. 19. P. 556; June. 9. P. 662; June. 30. P. 757–758; Standard. 1877. December. 7; 1878. January. 14.

настойчиво призывала английское правительство сохранять нейтралитет и приложить все усилия для примирения враждующих сторон. Исключения составляла католическая «Викли Регистер и Католик Стандарт» уверявшая читателей, что Британия находится в наилучшей форме и полностью готова к войне, тогда как Россия демонстрирует свою слабость. В доказательство приводились восстания в Абхазии и на Кавказе, а также болезнь, поразившая русскую армию. «Если мы будем сражаться, Россия будет уничтожена в течение нескольких недель», бравировала газета⁵¹.

Большинство изданий открыто предупреждали Турцию — ни одна европейская страна не встанет на её сторону. С продолжением военных действий, продвигаясь по территории, Россия будет находить новых союзников среди христианских подданных Порты. Кроме того, автономное княжество Сербия готово начать войну, Греция разработала план аннексии некоторых территорий. Так, еще несколько месяцев и Турция в лучшем случае, рискует потерять полдюжины провинций, в худшем произойдет полный распад Османской империи, предостерегала «Таймс». Даже обычно воинственные газеты в этот раз рекомендовали туркам не упрямяться, а отдаться на милость победителя и принять необходимые меры для улучшения положения христианских народов империи⁵².

Газеты цинично признавали, что заключение мира и сохранение Османской империи интересует великие державы лишь как гарантия безопасности их собственных интересов. «Дейли Телеграф» беззастенчиво писала: «Мы не должны жертвовать нашими интересами или ставить их под угрозу из-за упрямства турецких министров»⁵³.

Обсуждая условия будущего мира пресса, надеялась, что Россия не будет строга к побежденному и не станет выставлять слишком большие требования. В любом случае, безапелляционно заявила «Дейли Телеграф»: России не стоит предаваться

⁵¹ Weekly Register and Catholic Standard. 1878. April. 27; May 4.

⁵² Daily Telegraph. 1877. December. 7; Economist. December. 15. P. 1481; Times. 1877. December. 13.

⁵³ Daily Telegraph. 1877. December. 7.

праздным мечтаниям относительно создания независимого Болгарского государства по обе стороны балканского хребта, получения территорий в Закавказье, включая Батум и Карс и главное установление контроля над проливами Босфор и Дарданеллы. Издание предостерегало читателей, что свобода проливов даст России возможность контролировать Константинополь с моря, а наличие флота в Средиземном море станет постоянной угрозой Египту. «Не без причины наши отцы воспользовались своим правом завоевания и закрыли узкий пролив. Британцы горько пожалеют о том дне, когда их сыновья откажутся от своего права». «Если же министры допустят хотя бы обсуждение российских требований, то правительство Дерби–Биконсфилда будет ввергнуто в такую пропасть, из которой им никогда не выбраться», грозило издание⁵⁴. Таким образом, пресса пыталась убедить англичан быть благоразумнее и не спешить втягиваться в войну с сомнительным итогом, а отстаивать свои позиции дипломатическим путем, тем более что другие ведущие европейские державы также не желали усиления России. В этих условиях становилась ясно, что на предстоящей конференции Британия сделает все возможное, чтобы лишить Россию плодов ее победы.

Берлинский конгресс

В целом, подводя итоги, отметим, что с начала конфликта британская пресса заняла осторожную позицию и делала ставку на дипломатическое решение проблемы. Однако, когда вопрос не разрешился и Россия вступила в войну с Турцией, настроения прессы кардинально изменились. Издания всех направлений подняли на щит защиту британских интересов на Востоке, прежде всего Индии. С развитием военных успехов русских войск, росла антироссийская пропаганда. Пресса, ставшая признанной «четвертой силой», отражала с одной стороны, общественное мнение Британии, с другой формировала его, освещая события с определенного ракурса. Устойчивой темой публикаций для консервативной и католической прессы стали

⁵⁴ Daily Telegraph. 1877. December. 7.

антирусские и туркофильские статьи, изображавшие солдат царской армии убийцами и варварами, истреблявшими мирное население. Общественному мнению предлагались готовые оценки, истины, без предъявления доказательств. Регулярно использовалась фальсификация и подмена фактов. Такие провокации служили для демонизации образа России и расчеловечивания ее населения. В заключение представляется уместным процитировать отечественную газету «Сын Отечества», давшую очень емкую характеристику русско–турецкой войне 1877–1878 гг.: «Можно сказать, что мы ведем теперь не одну, а две и даже целых три войны за раз: первую с Турцией, вторую с ее друзьями, поставляющими ей против нас оружие, людей и деньги, и третью с теми из ее друзей, которые обыкновенное оружие заменяют клеветой, всячески стараясь вооружить против нас общественное мнение Европы»⁵⁵.

⁵⁵ Сын отечества. 1877. Август. 24.

ГЛАВА 12

АМЕРИКАНИЗАЦИЯ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ США В ПРОТИВОБОРСТВЕ С РОССИЕЙ

Н.С. Иванов

Американизацию определяют как агрессивное распространение американской идеологии, обычаев, социальных моделей, культурных стереотипов, промышленности и капитала по всему миру. Это мощный односторонний процесс, проистекающий из США, которые стремятся подавить конкурирующие процессы (например, влияние восточных стран — Индии, Китая), а также местные традиционалистские силы и движения, которые могли бы противостоять, видоизменить или трансформировать американские модели в приемлемые гибридные формы. Более того, понятие американизации привязано к конкретной нации — Соединенным Штатам, — и предусматривает рост американского влияния во всех сферах по всему миру, способствуя капиталистической глобализации американского образца, неокOLONIALному захвату все новых стран и регионов в процессе империалистической экспансии.

В новой и новейшей истории можно проследить три мощные волны американизации, которые прокатились по миру и оставили свой след в истории России: до Первой мировой войны, в межвоенный период и после окончания Второй мировой войны.

Американизация в России в XIX — начале XX вв.

До Первой мировой войны идеологическое воздействие США на Россию шло через либералов и западников. Росла популярность

американского образа жизни, базовых ценностей политической демократии, прав и свобод граждан, прагматизма и конкуренции, отсутствия сословных перегородок.

Деление передового российского общества на славянофилов и западников происходило в условиях жесточайшего произвола властей. Реалистическую картину «мертвящего духа» николаевской России дал в своих «Дневниках» профессор Санкт-Петербургского университета А.В. Никитенко¹. Великий русский писатель И.С. Тургенев отмечал: «Бросишь вокруг себя мысленный взор: взяточничество процветает, крепостное право стоит как скала, казарма на первом плане, суда нет, носятся слухи о закрытии университетов, поездки за границу становятся невозможны, путной книги выписать нельзя, какая-то темная туча постоянно висит над всем так называемым ученым, литературным ведомством, а тут еще шипят и расползаются доносы; между молодежью ни общей связи, ни общих интересов, страх и приниженность во всех, хоть рукой махни!»².

Безжалостный приговор поколению 30-х — 40-х гг. вынес 24-летний гениальный поэт М.Ю. Лермонтов в стихотворении «Дума»:

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы:
Перед опасностью позорно малодушны
И перед властью — презренные рабы (...).
Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovитой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьбы и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

¹ Никитенко А.В. Дневник. В 3 т. М., 1955.

² Ветринский Ч. (В.Е. Чешихин). Грановский и его время. Исторический очерк. М., 1897, С. 51.

К любым неординарным мыслям относились с крайней враждебностью. Цензурное ведомство подчинялось министру народного просвещения С.С. Уварову, автору известной официально-патриотической триады «Православие–Самодержавие–Народность». На деле Уваров яростно отстаивал незыблемость крепостного права, которое «не может быть тронут без всеобщего потрясения». Любые идеи, теории причислялись к «зловредным мыслям» и беспощадно уничтожались со страниц прессы. Его возмутили даже статьи по поводу погибшего на дуэли А.С. Пушкина: «Помилуйте, за что такая честь? "Пушкин скончался в середине своего великого поприща!" Какое такое поприще? Разве Пушкин был полководец, начальник, министр, государственный муж?! Писать стишки не значить еще проходить великое поприще!»³

Верхом дерзости для властей стала публикация первого (из восьми) «Философического письма» героя войны 1812 г., участника Бородинской битвы, сражений в Европе, взятия Парижа П.Я. Чаадаева, в котором он выразил возмущение по поводу «отлученности России от всемирного воспитания человеческого рода», «духовного застоя, препятствующего исполнению предначертанной свыше исторической миссии».

Петр Яковлевич Чаадаев
(1794–1856)

П.Я. Чаадаев был одним из первых русских читателей знаменитой книги А. де Токвиля «О демократии в Америке» (первая часть была опубликована в 1835 г., окончательный текст в 1840 г.)⁴, которая произвела большое впечатление на многих российских (скрытых и открытых) либералов. В своем письме А.И. Тургеневу в 1836 г. Чаадаев писал: «У Токвиля есть глубокая мысль, которую он украл у меня, а именно, что точка

³ *Ветринский Ч.* (В.Е. Чешихин). Грановский и его время. Исторический очерк. М., 1897, С. 55.

⁴ *Tocqueville A. de.* Democracy in America. N.Y., 1840.

отправления народов определяет их судьбы. У нас этого не хотят понять: а между тем в этом вся наша история» (Чаадаев мог видаться и беседовать с Токвилем в Париже в 1824 г.)⁵.

Ситуация полного духовного застоя в России по сравнению с Америкой (в изложении Токвиля), побудила Чаадаева дать самую негативную оценку всего исторического пути своего Отечества. Если «отправная точка» Америки была предопределена первым ступившим на ее берег пуританином (и благодаря этому там строится справедливое общество, «царство божье на Земле»), то русские княжества исключили себя из мировой истории, приняв византийское православие. Только волею Петра Россия «вернулась» в историю. Однако правительство Николая I вновь возвращает Россию назад в XVI век. При этом «народ безмолвствует»: «Массы подчиняются известным силам, стоящим у вершин общества. Непосредственно они не размышляют. Среди них имеется известное число мыслителей, которые за них думают, которые дают толчок коллективному сознанию нации и приводят ее в движение. Незначительное меньшинство мыслит, остальная часть чувствует, в итоге же получается общее движение. Это справедливо для всех народов земли; исключение составляют только некоторые одичавшие расы, которые сохранили из человеческой природы один только внешний облик. Первобытные народы Европы, кельты, скандинавы, германцы, имели своих друидов, своих скальдов, своих бардов, которые на свой лад были сильными мыслителями. Взгляните на народы северной Америки, которых искореняет с таким усердием материальная цивилизация Соединенных Штатов: среди них имеются люди, удивительные по глубине. А теперь, я вас спрошу, где наши мудрецы, где наши мыслители? Кто из нас когда-либо думал, кто за нас думает теперь?»⁶.

Чаадаев доходил до того, что (вслед за Г.В.Ф. Гегелем и рядом других западных мыслителей) вообще исключал Россию из мировой истории. «Опыт времен для нас не существует. Века и

⁵ *Чаадаев П.Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 2. М., 1991. С. 108.

⁶ Там же. Т. 1. С. 239.

поколения протекли для нас бесплодно. Глядя на нас, можно сказать, что по отношению к нам всеобщий закон человечества сведен на нет. Одиноким в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили»⁷.

С другой стороны, при всей жесточайшей критике, мыслитель не отрицал самобытности русского народа: «Мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, мы — народ исключительный». И смысл России — быть уроком всему человечеству⁸. В «Апологии сумасшедшего» (книге, опубликованной впервые на русском языке в 1906 г.), говоря о России, Чаадаев утверждает: «Мы призваны решить большую часть проблем социального порядка... ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество»⁹.

Прочитав первое письмо, опубликованное в журнале «Телескоп», царь охарактеризовал его как «смесь дерзкой бессмыслицы, достойной умалишенного». Чаадаева объявили сумасшедшим, посадили под домашний арест, и ежедневно к нему приходили врачи «для освидетельствования», причем в течение года ему запрещалось вообще что-либо писать. Журнал был закрыт, а его издатель Н.И. Надеждин сослан в Усть-Сысольск (Сыктывкар).

Примечательно, что именно эта работа положила начало разделению российского интеллектуального общества на западников (сторонников Чаадаева) и славянофилов (его противников). Западники считали, что Россия должна ориентироваться на «Запад», понимаемый либо абстрактно, как совокупность европейских стран и США, либо конкретно, взяв за образец одну из этих стран, чаще всего Северную Америку. Причем большинство из них, ратуя за перенесение на родину технических и

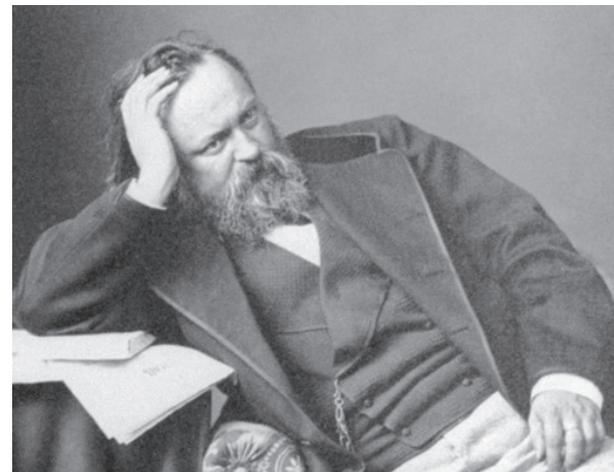
⁷ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 2. М., 1991. С. 330.

⁸ Там же. С. 323.

⁹ Там же. Т. 2, С. 84.

социальных достижений Запада, не отрицали самостоятельного вклада России (чаще всего рассматривая будущее страны в организации общинного социализма).

На Герцена, как и на Чаадаева, большое впечатление произвели работы Гегеля, а также упомянутая выше книга Токвиля. Герцен писал, что две державы унаследовали от Европы одна — достоинства, другая — недостатки: «Как Северная Америка представляет собою последний вывод из республиканских и философских идей Европы XVIII века, так петербургская империя развила до чудовищной крайности начала монархизма и европейской бюрократии»¹⁰. Однако, несмотря на жесткое противопоставление «положительного» (США) и «отрицательного» (Россия) опыта двух держав, он в одном из писем в 1838 г. писал, что книга «нагнала скорбь и грусть на меня». Токвиль, пишет Герцен, в заключении говорит: «Две страны несут в себе будущее: Америка и Россия. Но где же в Америке начало будущего развития? Страна холодная, расчетливая. А будущее России необъятно — о, я верую в ее прогрессивность»¹¹.

**Александр Иванович Герцен
(1812–1870)**

¹⁰ Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 12, С. 172. М., 1957, С. 172.

¹¹ Там же. Т. 21. М., 1961, С. 386.

В начале 1857 г. в статье «Еще вариация на старую тему» Герцен высказал подобные же сомнения: «Как Америка будет относиться к социальным стремлениям — трудно сказать; дух товарищества, ассоциации, предприятий сообща чрезвычайно в ней развит; но ни общего владения, ни нашей артели, ни сельской общины нет; личность соединяется с другими только на известное дело, вне которого ревниво отстаивает полнейшую независимость»¹².

Тем не менее вновь и вновь Герцен обращался к теме «неизбежного» союза между США и Россией. В статье «Америка и Россия» он прямо писал: «У России в грядущем только и есть один товарищ, один попутчик — Северные Штаты», а Тихий океан по его образному выражению (ставшему весьма популярным в XIX в.) станет «Средиземным морем будущего»¹³. Сравнивая две державы, он отмечал: «Обе страны преизбытствуют силами, пластицизмом, духом организации, настойчивостью, не знающей препятствия; обе бедны прошедшим, обе начинают вполне разрывом с традицией, обе расплываются на бесконечных долинах, отыскивая свои границы, обе с разных сторон доходят через страшные пространства, помечая везде свой путь городами, селами, колониями, до берегов Тихого океана; противоположность петербургской военной диктатуры, уничтожающей все лица в лице самодержца, с американским самодержавием каждого лица — огромна. И это не все, самая роковая антиномия, которой оканчивается история Запада, не является ли снова как личная рассыпчатость Америки с одной стороны и как русский общинный сплав — с другой?»¹⁴.

Таким образом, Герцен не видел принципиальных, системных противоречий между двумя странами за исключением «личной рассыпчатости» (эгоизма, индивидуализма, «доверия к себе», провозглашенного американским поэтом и философом Р. Эмерсоном) и «общинного сплава» в русском народе. Однако эти различия, по его мнению, могли сыграть роль «роковой антиномии» лишь в отдаленном будущем.

¹² Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 12, С. 429.

¹³ Там же. Т. 19, С. 139.

¹⁴ Там же. С. 140.

Похожих взглядов придерживался верный друг Герцена Николай Платонович Огарев (1813–1877). Оба деятеля поклялись продолжать дело декабристов и прошли тяжкий путь ссылок, гонений, жизни на чужбине. Окончив свою жизнь в Великобритании в 1877 г., Огарев незадолго до этого писал: «Мне тяжело на чужбине, я слишком русский человек и слишком мало верю в Европу, чтобы выносить заграничную жизнь без глубокой тоски по родине»¹⁵.

Признавая достижения США в области технического прогресса, быстрого роста экономики, Огарев, тем не менее, возмущался «ужасами рабства, которые совершаются в Южных штатах» Америки. Буржуазное развитие, заключал он, «привело человеческое общество к нечеловеческому образу»¹⁶. Сравнивая тяжелые условия жизни крепостных крестьян в России с произволом плантаторов–рабовладельцев, Огарев писал: «Даже и у нас никогда не доходили, например, до того, что хозяева собирают женщин и девок негритянок в одно место и приглашают равно черных и белых мужчин для приплоду, чтобы умножить число своих рабов вновь рождающимися»¹⁷. Именно в рабстве негров он видел «причину косности и отсталости» южных штатов. «Буржуазное стремление к отдельной собственности, признав и негра за собственность, не останавливается ни перед каким средством распространить власть своего уродливого своеволия...»

Отдавая должное техническому прогрессу, частной инициативе и бурному развитию экономики США, Огарев вместе с тем не верил в то, что на этой основе может быть построено справедливое общество (и в этом он практически не отличался от славянофилов). Он обличал агрессивную суть американской буржуазии, которая в будущем будет стремиться поработить независимые народы и установить деспотический режим насилия и террора по всему миру:

И вижу я иные племена —
Тут — за морем... Их жажда — кровь, война,

¹⁵ Огарев Н.П. Избранные произведения в 2 томах. Т. 1. М., 1956. С. 22.

¹⁶ Там же. С. 21.

¹⁷ Там же.

И хвастая знаменами свободы,
 Хоть завтра же они скуют народы.
 Во имя равенства все станет под одно,
 Во имя братства всем
 И просвещение штыками решено —
 И будет управлять с разбойничьей отвагой
 Нахальный генерал бессмысленною шпагой...¹⁸

Однако, как и Герцен (и большинство из западников), Огарев придерживался пессимистического взгляда на будущее России, невольно сравнивая судьбу «последнего индейца» в США с «последним русским»:

Пришли европейцы:
 Земля им нужна —
 И стали туземные
 Гнать племена.
 И всех истребили, —
 Последний бежал,
 В лесах проскитался,
 Без вести пропал.
 Нет даже преданий!
 Прошло время то,
 И как оно жило —
 Не знает никто.
 И знаем мы только:
 Теперь его нет!
 Зачем оно было?
 Кто даст мне ответ?¹⁹

Похожих взглядов на Америку (и в целом «Запад») придерживались и другие представители данного направления: Н.В. Станкевич, В.Г. Белинский, К.Д. Кавелин, Т.Н. Грановский, И.С. Тургенев. Блестящий публицист и литературный критик В.Г. Белинский (1811–1848) также увлекся идеей «американизации» после прочтения книги Токвиля. Однако, как и его

¹⁸ Огарев Н.П. Избранные произведения в 2 томах. Т. 1. М., 1956. С. 22.

¹⁹ Там же. С. 153.

единомышленники, наряду с уважительным отношением к экономическому прогрессу, желанием поставить Россию на тот же путь развития науки, расширения прав и свобод граждан, он видел и негативные аспекты американской цивилизации: «Эстетическое чувство есть основа добра, основа нравственности. Пусть процветает в Северо-Американских Штатах гражданское благоденствие, пусть цивилизация дошла до последней степени, пусть тюрьмы там пусты, трибуналы праздно; но если там, как уверяют нас, нет искусства, нет любви к изящному, я презираю это благоденствие, я не уважаю этой цивилизации, я не верю этой нравственности, потому что это благоденствие искусственно, эта цивилизация бесплодна, эта нравственность подозрительна. Где нет владычества искусства, там люди не добродетельны, а только благоразумны, не нравственны, а только осторожны; — они не борются со злом, а избегают его, избегают его не по ненависти ко злу, а из расчета. Цивилизация тогда только имеет цену, когда помогает просвещению, а следовательно, и добру — единственной цели бытия человека, жизни народов, существования человечества. Погодите, и у нас будут чугунные дороги, и, пожалуй, воздушные почты, и у нас фабрики и мануфактуры дойдут до совершенства, народное богатство усилится; но будет ли у нас религиозное чувство, будет ли нравственность — вот вопрос! Будем плотниками, будем слесарями, будем фабрикантами; но будем ли людьми — вот вопрос!»²⁰.

Известный историк Т.Н. Грановский (1813–1855) яростно боролся против «ретроградов» из числа славянофилов, которые по своим умственным качествам неспособны воспринимать «прогрессивные мысли». Он ратовал за расширение гражданских прав россиян, хотя замечал, что не стал бы бороться против абсолютного монарха, подобного Петру I. Тем не менее, рассматривая эволюцию идей Грановского, его единомышленники отмечали, что он все более склонялся к критике западного (американского) пути развития, скептически относился к буржуазному миру²¹.

²⁰ Белинский В.Г. Собрание сочинений в 3 т. Т. 1, М., 1948. С. 184.

²¹ Ветринский Ч. Грановский и его время. М., 1897. С. 221–222.

Западники группировались вокруг кружка Н.В. Станкевича, к которому принадлежали В.Г. Белинский, М.А. Бакунин, В.П. Боткин, Я.М. Неверов, В.И. Красов и др. Участник кружка И.С. Тургенев в романе «Рудин» ярко изобразил это собрание, в котором его герой являлся прототипом Бакунина, а Покорский — Белинского. «Философия, искусство, наука, самая жизнь — все это для нас были одни слова, пожалуй, даже понятия, заманчивые, прекрасные, но разбросанные, разъединенные. Общей связи этих понятий, общего закона мирового мы не сознавали, не осязали, хотя смутно толковали о нем, силились отдать себе в нем отчет... Слушая Рудина, нам впервые показалось, что мы, наконец, схватили ее, эту общую связь, что поднялась, наконец, завеса! Положим, он говорил не свое — что за дело! — но стройный порядок водворялся во всем, что мы знали, все разбросанное вдруг соединялось, складывалось, вырастало перед нами, точно здание, все светлело, дух веял всюду... Ничего не оставалось бессмысленным, случайным: во всем высказывалась разумная необходимость и красота, все получало значение ясное и, в то же время, таинственное, каждое отдельное явление жизни звучало аккордом, и мы сами, с каким-то священным ужасом благоговения, с сладким сердечным трепетом, чувствовали себя как бы живыми сосудами вечной истины, орудиями ее, призванными к чему-то великому»²².

Для литераторов образ «Запада» («Америки») был своеобразной (и во многом абстрактной) ответной реакцией на положение в России. Конкретно с Америкой познакомился М.А. Бакунин. Арестованный в Хемнице в 1849 г. он был экстрадирован в Россию в 1851 г. и, проведя шесть лет в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, приговорен к вечной ссылке в Сибирь. Однако в 1861 г. совершил дерзкий побег: отправившись из Иркутска, приплыл по Амуру в Николаевск, где устроился на судно, курсировавшее вдоль побережья. Затем пересел на американское парусное судно и в августе достиг Японии. А месяц спустя, отплыл в Сан-Франциско и прибыл туда в октябре,

²² Тургенев И.С. Рудин. Дворянское гнездо // Тургенев И.С. Собрание сочинений. М., 1961. С. 51.

завершив, по словам Герцена, «самый длительный побег в истории человечества». С октября по декабрь Бакунин пересек всю территорию США и затем отправился из Нью-Йорка в Лондон.

В разбушевавшейся с апреля 1861 г. в США Гражданской войне все симпатии русского анархиста были на стороне Севера. Он осуждал апологетов рабства, а также «свирепую олигархию» плантаторов Юга, характеризуя их как «демагогов без веры и совести, способных пожертвовать всем ради своей жадности и своих злобных амбиций». Именно такие люди, по его словам, «внесли большой вклад в разложение политической морали в Северной Америке»²³.

В ряде работ Бакунин охарактеризовал Соединенные Штаты как «классическую страну политической свободы», «самую свободную страну в мире, наделенную самыми демократическими институтами». Американский федерализм произвел на него особенно глубокое впечатление. Европейским демократам он горячо рекомендовал «великий и спасительный принцип федерализма, воплощенный в США»²⁴.

Оглядываясь назад на период своего пребывания в Америке, Бакунин вспоминал общество, в котором рабочие никогда не голодали и им «платили лучше, чем их европейским коллегам». «Классовый антагонизм, — писал он, — едва ли там существует, поскольку все рабочие — граждане, часть единого политического организма; кроме того, образование широко распространено среди масс». Эти преимущества, по его словам, коренились в «традиционном духе свободы», который первые колонисты привезли из Англии и, наряду с принципом «индивидуальной независимости, общинного и местного самоуправления» внедрили в «дикую местность, свободную от навязчивых идей прошлого». Именно благодаря этому, «менее чем за столетие Америка смогла сравняться и даже превзойти европейскую

²³ Бакунин М.А. Письма М.А. Бакунина к А.И. Герцену и Н.П. Огареву. Женева, 1896. С. 190; Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем. 1828–1876. Т. 4. М. 1935. С. 172.

²⁴ Rogger H. Russia and the Civil War / Heard Round the World, ed. by H. Nyman. N.Y., 1969, p. 177–256.

цивилизацию», а также продемонстрировать «свободу, которой больше нигде нет»²⁵.

Несмотря на столь высокие оценки (данные при сравнении с европейскими странами и Россией), Бакунин не смог обойтись без резкой критики Америки. В день своего приезда в Сан-Франциско он уже жаловался Герцену и Огареву на «банальность бездушного материального благополучия» и «инфантильное национальное тщеславие», которые он сразу же подметил среди американцев. Гражданская война, считал он, могла бы принести пользу, «спасти Америку и вернуть ее утерянную душу»²⁶.

Несмотря на относительно благополучное положение американского рабочего класса, Бакунин отмечал, что, по сути, оно не отличается от европейского пролетариата. Ни одно государство, считал русский анархист, каким бы демократическим оно ни было, не может обойтись без принудительного труда масс, абсолютно необходимого для досуга, развлечений, свободы и роскоши «верхов»²⁷. Эта тема часто повторяется в последующих произведениях. Так, в книге «Бог и государство», написанной в 1871 г., Бакунин подчеркивает, что даже парламентские режимы, избранные всеобщим голосованием, быстро перерождаются и «образуют, в конце концов, нечто вроде политической аристократии или олигархии. Примером этого могут служить Американские Соединенные Штаты и Швейцария»²⁸.

Любопытно, что положительное мнение об американцах сложилось у Бакунина, прежде всего из-за благоприятного отношения его собеседников к России! «В Америке пробыл с месяц и многому поучился, — писал он своему другу П.П. Лялину в феврале 1862 г. — Увидел, как край путем демагогии дошел до тех же жалких результатов, каких мы достигли путем деспотизма. Между Америкой и Россией, в самом деле, много общего, — а что для меня главное, я нашел в Америке такую повсеместную

²⁵ Лемке М.К. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов»: по неизданным документам. С. —Петербург, 1908. С. 134–137.

²⁶ Бакунин М.А. Письма. С. 190.

²⁷ Там же. С. 191–193.

²⁸ Бакунин М.А. Бог и государство. Сергиев Посад, 1917. С. 23.

и безусловную симпатию к России и веру в русскую народную будущность, что, несмотря на все мною самим виденное и слышанное, я уехал из Америки решительным партизаном Соединенных Штатов»²⁹.

Главной особенностью всех западников было то, что они ориентировались на некий абстрактный «Запад» (Америку), полностью игнорируя специфику отдельных европейских государств. «Америка» виделась им как царство экономического прогресса, конституционных и гражданских свобод, уважения прав личности, широкого местного самоуправления. Подразумевался свой собственный набор ценностей, который был связан с «прогрессом» и «личной свободой» в противовес посконному «традиционализму» славянофилов. Парадокс состоял в том, что Америка никоим образом не подходила под это описание. В США рабство было отменено официально в 1870 г., а его остатки сохранились до 70–х гг. XX века. Избирательное право носило цензовый характер, жестко отсекая от выборов бедняков и женщин. Понятие «всеобщего избирательного права» появилось на Западе только после Октябрьской революции в России, а реализация этого права в связи с огромной коррупционной составляющей не достигнута до сих пор.

В течение всего XIX в. шли ожесточенные дебаты между западниками и славянофилами, которые саркастически относились к Америке, «всколебавшей старый европейский мир практическим приложением к жизни идей политической свободы, равенства и федеративного республиканского устройства». «Кто не сочувствовал этому знамени и каким пышным цветом, казалось, взошли в Америке семена личной свободы! — писал И.С. Аксаков. — С отрадою останавливался на ней взор утесненной и угнетенной личности в старой душной Европе...»³⁰.

Однако за интенсивным развитием американской экономики И.С. Аксаков, А.С. Хомяков, братья Киреевские, Ю.Ф. Самарин, Ф.М. Достоевский, Н.Я. Данилевский, Л.Н. Толстой видели

²⁹ Лемке М.К. Указ. соч.. С. 134–135.

³⁰ Аксаков И.С. Общеввропейская политика. Статьи разного содержания // Аксаков И.С. Сочинения. Т. 7. М. 1887. С. 55.

падение и даже полное отсутствие духовно–нравственного содержания. В Америке, считал Достоевский, расцвели «плоды царства буржуазии», и их влияние сказывается на российских смердяковых — либералах, подверженных губительному влиянию Запада, из которых «изготавливается исподволь, но твердо и неуклонно будущая, бесчувственная мразь». У Достоевского это — «мировые фагоциты» (очень напоминающие киборгов из нынешних фантастических фильмов) — автоматы, которые «заряжаются едой и выпускают заряды энергии». Они «ясны, гладки, голы и бесстыдно полезны, все в них из алюминия или «из каучука сделано», и все «мертвечинкой припахивает». «Это государство, — предрекал И.С. Аксаков, — без веры, без нравственных начал и идеалов или падет от разнузданности личного эгоизма и безверия единиц, или сплотится в страшную деспотию Нового Света».

Несмотря на острые противоречия между западниками и славянофилами, общим началом, сближающим их, была пламенная любовь к России. Западники, как и славянофилы, подмечали и критиковали уродливые черты американского общества; они обращались к русским принципам общинности и соборности как возможному фундаменту строительства справедливого общества в России.

Самую верную оценку этим двум направлениям дал А.И. Герцен: «Киреевские, Хомяков и Аксаков остановили увлеченное общественное мнение и заставили призадуматься всех серьезных людей. С них начинается перелом русской мысли. И когда мы это говорим, кажется, нас нельзя заподозрить в пристрастии. — Да, мы были противниками их, но очень странными. У нас была одна любовь, но не одинаковая... У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминание, а мы — за пророчество: чувство безграничной, охватывающей все существование любви к русскому народу, русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно. Они всю любовь, всю нежность перенесли на угнетенную мать. У нас, воспитанных вне дома, эта связь ослабла. Мы были на руках

французской гувернантки, поздно узнали, что мать наша не она, а загнанная крестьянка, и то мы сами догадались по сходству в чертах да потому, что ее песни были нам роднее водевилей; мы сильно полюбили ее, но жизнь ее была нам тесна»³¹.

С этой точки зрения западникам и славянофилам, занимавшим маргинальное положение в политической жизни русского общества, противостояли «настоящие американофилы» в лице большинства деятелей государственных органов, пропитанных коррупцией и смердяковским духом угодничества перед Америкой. Именно они с особым ликованием встречали американского посланника К. Клея в январе 1866 г., американскую броненосную эскадру, прибывшую в Кронштадт в том же году, миссию заместителя морского министра Г.В. Фокса. В официальной переписке государственных деятелей России неизменно присутствовала преувеличенная оценка могущества США.

Великий князь Константин Николаевич (младший брат Александра II) в письме министру иностранных дел А.М. Горчакову прямо писал о необходимости продажи Америке русских территорий, включая Аляску, поселений на тихоокеанском побережье Северной Америки и других частей так называемой «Русской Америки». Цель состояла в пополнении казны, улучшении отношений с США. Но главное — Константин Николаевич считал захват этих земель «неизбежным» ввиду «огромного превосходства» сил США (хотя никто из высокопоставленных американцев даже не ставил под сомнение добрые отношения с Россией и не заикался о приобретении русских поселений). Сам князь писал о том, что его поддерживают многие деятели из российских ведомств (министр финансов М.Х. Рейтерн, который впоследствии рассовал большую часть из полученных 11 млн. рублей частным подрядчикам железных дорог, российский посланник в США Э. Стекло, граф Н. Муравьев–Амурский и др.)³². Таким образом, с усилением американского империализма после

³¹ Герцен А.И. Былое и думы. Часть IV // Собр. соч. в тридцати томах. Т. 9. М., 1956. С. 170.

³² Bolkhovitinov N.N. Russian–American Relations and the Sale of Alaska. 1834–1867. Moscow, 1990, p. 105, 109, 138, 242, 325.

Гражданской войны, возросло его влияние в коррумпированных кругах российской монархии.

Экспансия сопровождалась мощной пропагандой экономических достижений США (наряду с пресловутой «американской демократией» и «свободой»). В 1876 г. в Филадельфии прошла Всемирная выставка, которая продемонстрировала успехи американцев в создании «общества потребления». Ее открывали президент У. Грант и бразильский император Педру II. В американском павильоне, который посетило более 10 млн. чел., в том числе немало русских визитеров, впервые демонстрировался гигантский факел еще незавершенной статуи Свободы, телефон А.Г. Белла, печатная машинка «Ремингтон» и другие «чудеса» американской техники.

Еще больший резонанс вызвала Всемирная выставка в Париже в 1900 г. Она поставила рекорд посещаемости — более 50 млн. чел. Огромное внимание привлекали американские экспозиции во «Дворце электричества», «Дворце мебели и декора», «Галерее машин» (где американцы, в частности, демонстрировали новое оборудование для резки металла) и т.д.

Не прошло и года, как смену общественного восприятия Америки отметил в своей книге под названием «Американизация мира» британский писатель У. Стед³³. В ней он довольно ярко описал «мирную экспансию» американских компаний по всем государствам мира. Причем отметил, что в Старом Свете единственным монархом, который пытался воспрепятствовать «американизации Европы», был кайзер Германии. Во время первого визита в Россию после коронации, заметил Стед, он изложил Николаю II свой план противодействия засилью американцев, однако царь отказался содействовать родственнику (Вильгельм приходился двоюродным братом императрице Александре Федоровне) в реализации этой «навязчивой идеи»³⁴.

Россия, писал Стед, с окончания Крымской войны открыто симпатизирует американцам, ибо американцы «никогда не

³³ *Stead W.* The Americanization of the World: Or, The Trend of the Twentieth Century. L., 1901. (Wash., 1902).

³⁴ *Ibid.*, p. 168.

поддавались неистовству русофобии». Министр путей сообщения России М.И. Хилков, отмечал Стед, в молодости поступил на службу в англо–американскую компанию «Болдуин» по строительству Трансатлантической железной дороги, вначале простым рабочим; а спустя четыре года стал заведующим службой подвижного состава и тяги. Именно он перенес в Россию методы «американского бизнеса», удвоив протяженность железных дорог в стране³⁵.

Помимо чисто экономических методов проникновения в российскую экономику (инвестиций в добывающую промышленность, захвата рынков, создания российских филиалов американских компаний, проведения политики «открытых дверей» и т.п.) Стед подметил важную особенность «культурного проникновения» — создание протестантских миссий, курсов английского языка, привлечение талантливой молодежи для обучения в американских вузах и колледжах, пропаганда «американского образа жизни»³⁶.

Завершая свой труд, в котором прослеживается американская экспансия по всем континентам, Стед предпринимает попытку определить главные причины «американского успеха» и сравнивает американцев с паровыми двигателями, работающими на полную мощность: «Датчики на американцах показывают, что они постоянно находятся под самым высоким давлением, их мозги возбуждены, механизмы работают на пределе возможностей. Органические ткани и органы быстро сгорают. Преждевременно облысевшие и поседевшие молодые люди, жертвы желудочных болезней, неврозозов и злоупотребления различными стимуляторами — это обычный тип американцев. Двигатели ломаются, их выбрасывают на свалку, но женщины восполняют спрос на новые механизмы, которые так же работают на самых высоких оборотах. Американцы полны решимости развивать высочайшую скорость, даже рискуя тем, что котел лопнет и машина погибнет. Это неприятное зрелище для нормальных людей, которое очень напоминает сумасшедшие картины Ада».

³⁵ *Ibid.*, p. 182.

³⁶ *Ibid.*, p. 186–200.

И последняя фраза Стеда во многом сходна с рассуждениями русских славянофилов: «Пока «американизация мира» полностью не завершена, все еще остается в силе главный вопрос: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир и потеряет свою собственную душу?»³⁷.

Первая волна «американизации России» завершилась в 1914 г., когда наметились основные контуры экономической и культурной экспансии в Россию. Великая Октябрьская революция, казалось, прервала эту тенденцию, так как США стали главным противником российского социализма, одними из организаторов иностранной интервенции и Гражданской войны. Однако провал большевистских планов «мировой революции», разруха и голод в стране, разоренной империалистами, поставили на повестку дня вопрос о выживании в условиях вражеской блокады, использовании межимпериалистических противоречий.

Анализируя хозяйственные уклады в первые послереволюционные годы, В.И. Ленин считал необходимым поддержать курс на госкапитализм в противовес мелкобуржуазной стихии. В статье «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» В.И. Ленин писал: «...Государственный капитализм был бы *шагом вперед* против теперешнего положения дел в нашей Советской республике. Если бы, примерно, через полгода у нас установился государственный капитализм, это было бы громадным успехом и вернейшей гарантией того, что через год у нас окончательно упрочится и непобедимым станет социализм»³⁸. В 1917 г. Ленин указывал: «Социализм есть не что иное, как государственно – капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией»³⁹.

Еще до революции вождь российского пролетариата обосновал наличие двух путей развития капитализма (американского и прусского) и указал на то, что американский путь является

³⁷ *Stead W.* The Americanization of the World: Or, The Trend of the Twentieth Century. L., 1901. (Wash., 1902), p. 442–443.

³⁸ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 295.

³⁹ Там же, т. 34. С. 191.

более приемлемым для России. В 20–е гг. начали создаваться подконтрольные Советскому государству государственно–частные предприятия, тресты, акционерные общества. Заводы, фабрики, земли, промыслы передавались в концессии и аренду иностранным (прежде всего американским) предпринимателям. Эталоном для государственного планирования стала тейлоровско–фордовская система организации массового труда. В СССР выходили переводы книг Г. Форда, У. Гантта, Ф.У. Тэйлора, обосновывавшие теорию конвейерного производства. В трудах В.И. Ленина и И.В. Сталина указывалось, что для победы социализма в России крайне необходима «американская деловитость — та неукротимая сила, которая не знает и не признает преград, ... без которой немислима серьезная строительная работа». Американизация в советской экономике означала переход к крупному массовому производству, стандартизации, поточно–конвейерному методу, научной организации труда и управления.

В современной либеральной литературе и в СМИ постоянно и навязчиво говорится о «помощи», которую оказали американцы в индустриализации СССР⁴⁰. В качестве «доказательства» приводятся выдержки из «Биографической хроники» в.И. Ленина, где говорится, что за день до своей смерти он смотрел фильм о сборке тракторов на заводе Г. Форда. Приводятся данные о том, что американские автомобили, тракторы и другая техника экспонировались на промышленных выставках в СССР. Для закупок техники в 1924 г. было создано акционерное общество «Амторг» («Американо–советская торговля»). Оно руководило сбором научно–технической информации через советские отраслевые управления («Автострой», «Магнитострой», «Тракторострой» и др.), имевшие своих представителей и приемщиков оборудования за рубежом.

Индустриализация, утверждают либералы, проходила с ориентацией на американские образцы. Гиганты советской индустрии

⁴⁰ См. например: *Фененко А.* Почему мы полюбили Америку? / <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pochemu-my-polyubili-ameriku/>

были созданы по американским чертежам, с участием американских инженеров и рабочих. Компания «Форд» участвовала в создании Московского автомобильного завода АЗЛК (КИМ). «Остин» — в строительстве Горьковского автомобильного завода (ГАЗ), «Артур Макки» — Магнитогорского металлургического комбината, «Дженерал Электрик» — в создании энергосетей, «Купер» — в строительстве Днепрогэса, «Кан» — проектировании Челябинского и Сталинградского тракторных заводов. Гусеничный трактор «Сталинец-60», комбайн «Коммунар» были копиями соответствующей техники компании «Катерпиллар». Автомобиль ГАЗ-АА был скопирован с «Форда» 1926 г. выпуска, а машина представительского класса ЗИС-101 — с «Бьюика»⁴¹.

Тем не менее, всю эту деятельность никоим образом нельзя называть «помощью», так как гиганты первых пятилеток создавались самоотверженным трудом советских людей, а поставки техники из США щедро оплачивались советским правительством золотом, валютой, поставками зерна. (Любой нынешний владелец американского «Форда» возмутился бы, если бы ему сказали, что «Америка оказала ему помощь» в приобретении иномарки). Копирование же более продвинутой американской техники (на чем выросла, например, огромная экономика Китая) также никогда не характеризовалась как «помощь». Более того, именно СССР реально помог американцам, разместив крупнейшие заказы в годы острейшей «Великой Депрессии» конца 1920-х гг., пригласив рабочих и инженеров в нашу страну, которые были обречены на безработицу в США.

Более того, контрактные отношения длились всего около пяти лет и прекратились 25 августа 1931 г., когда Сталин написал известное письмо Л.М. Кагановичу: «Ввиду валютных затруднений и неприемлемых условий кредитов в Америке высказываюсь против каких бы то ни было новых заказов на Америку, прервать всякие уже начатые переговоры о новых заказах и по возможности порвать уже заключенные договора

⁴¹ Шпотов Б.М. Американский бизнес и Советский Союз в 1920–1930-е годы: Лабиринты экономического сотрудничества. М. 2013.

о старых заказах с переносом заказов в Европу или на наши собственные заводы»⁴².

Годы второй волны американизации сопровождались введением американских культурных стереотипов, «голливудизацией» советского кинематографа, распространением «массовой культуры». Рушилась традиционная народная культура, процветавшая в сельских регионах, и на смену ей пришла культура мегаполисов. Американские образцы непритязательного коммерческого развлекательного бизнеса идеально подходили для данного этапа. Они сознательно отвергали прежнюю «аристократическую» культуру и внедряли примитивные мелодии и ритмы, почерпнутые в основном из афроамериканского искусства (джаз, чарльстон, фокстрот, хип-хоп, буги-вуги и проч.). Моды, прически также соответствовали духу «модерна»⁴³. Во всем утвердился пониженный культурный стандарт (хотя многие русские деятели культуры самоотверженно боролись против засилья «американщины»), приоритет «свободы над канонами» («Танцую, как хочу!»), толпы над «элитой». Однако в 30-е гг. в связи с обострившейся угрозой новой мировой войны советское государство начало осуществлять поворот в сторону воспитания традиционного русского патриотизма (фильмы об Александре Невском, Суворове, Ушакове, Петре I), поощрения народного искусства.

Вторая мировая война вновь усилила симпатии к США — далеко не идеальному, но все же союзнику в борьбе с фашистской Германией (а фактически со всеми странами континентальной Европы). Либералы в наше время также непрерывно возвеличивают «помощь» Америки по ленд-лизу, в отношении которой справедлива та же оценка, что и в случае индустриализации.

После войны начался период конфронтации. Администрация Г. Трумэна объявила Холодную войну Советскому Союзу, последовательно боролась против мифической «красной угрозы», фактически искореняя по всему миру благотворное влияние

⁴² Россия и США: экономические отношения, 1917–1933. М., 1997. С. 356–357.

⁴³ Rydell R.W., Kroes R. Buffalo Bill in Bologna. The Americanization of the World, 1869–1922. Chicago, 2012.

достижений социализма. В этих условиях СССР не оказался должным образом подготовленным к такому противоборству. Во-первых, в годы войны был ликвидирован главный орган коммунистического влияния в мире — Коминтерн. Во-вторых, руководство страной по ряду причин отказалось от наступательной тактики и перешло к «мирному сосуществованию» с Америкой и другими странами Запада. И, в-третьих, негативное воздействие на общественное сознание советских людей оказывало усиление авторитарных тенденций.

В этом отношении весьма показательным было рассуждение И.В. Сталина об «американизации» в его «Лекциях, читанных в Свердловском университете» еще в 1924 г. Описывая «особый, ленинский стиль работы», он отметил две характерные особенности: «русский революционный размах» и «американскую деловитость». Причем он подчеркнул, что Ленин считал первую «противоядием против косности, рутины, консерватизма, застоя мысли, рабского отношения к дедовским традициям». «Американская же деловитость» является противоядием против «фантастического сочинительства». «Американская деловитость — это та неукротимая сила, которая не знает и не признает преград, которая размывает своей деловитой настойчивостью все и всякие препятствия, которая не может не довести до конца раз начатое дело, если это даже небольшое дело, и без которой немислима серьезная строительная работа».

Ленинский диалектический подход Сталин видел в том, что без «американской деловитости» русский размах вырождается в «революционную маниловщину», а без «русского размаха» «американская деловитость имеет все шансы выродиться в узкое и беспринципное делячество».

Однако далее Сталин предупреждал, что «революционному пустозвонству» необходимо противопоставить «простые и будничные дела». «Поменьше пышных фраз, — цитирует он Ленина, — побольше простого, будничного, дела»⁴⁴. Таким образом, «русский размах» он изначально сводит лишь к выполнению

⁴⁴ Сталин И.В. Об основах ленинизма: Лекции, читанные в Свердловском университете / Сталин И.В. Сочинения, Т. 6. М., 1947. С. 187–188.

рутинных обязанностей, забывая, что при насильственном ограничении творческого процесса (а часто и при физическом уничтожении тех, кто способен на этот «размах»), он пестует тем самым «делячество», которое возобладало в советской номенклатуре и в конечном итоге привело ее к буржуазному перерождению.

Большую часть советского периода занимала идея «догнать и перегнать Америку» (ДИП), которая также была данью американизации, сделав США некоей «высшей точкой отсчета». Как считает известный российский американист в.В. Согрин, лозунг «догнать и перегнать Америку» экономически и был Великой Советской Мечтой. «Ее высказал И. Сталин, пестовал Н. Хрущев, унаследовал последний верховный советский мечтатель М. Горбачев»⁴⁵.

С началом «оттепели» 1950-х гг. американизация как сознательная стратегия подрыва советского общества стала активно использоваться по отношению к молодежи и вначале ограничивалась сферой культуры (стиляги, битники, хиппи, увлечение американской музыкой, джазом, голливудскими фильмами, модой на джинсы и т.д.). Однако затем признание «превосходства» американской продукции и стремление к комфортному образу жизни охватили значительные слои партийной и государственной номенклатуры и воплотились в популярности различных вариантов «конвергенции», размывании идеологии в «еврокоммунизме», сотрудничестве в рамках Римского клуба и других международных органов с преобладающим влиянием США.

Весьма показательным, что идею сближения социализма и капитализма впервые (еще до Дж. Гэлбрейта, У. Росту, Я. Тенбергена и др.) впервые выдвинул П.А. Сорокин (1889–1968) в книге «Россия и Соединенные Штаты» (1944)⁴⁶. Будучи одним из непримиримых оппонентов советской власти, он был изгнан из страны в 1922 г. и провел большую часть жизни в США. Там он прожил обеспеченную и плодотворную жизнь — достаточно сказать, что

⁴⁵ Согрин В.В. Американская цивилизация. М., 2020. С. 241.

⁴⁶ Сорокин П.А. Россия и Соединенные Штаты. СПб., 2020.

он был избран председателем Американской социологической ассоциации и его почитают на Западе как «отца–основателя современной социологии».

Тем не менее, теоретические построения Сорокина исходят из критического отношения к американскому капитализму. Концепция исторических переходов от «идеациональной» (основанной на вере в бога) к «идеалистической», а затем к «чувственной» культуре построена на критике основных ценностей западного (прежде всего американского) общества.

В США, считал Сорокин, «культура постепенно приобрела утилитарный характер, становясь все более экономически ориентированной, оторванной от духовного мира, отрицающей его реальность и ценность»⁴⁷. Американцы в большинстве своем ценят наслаждения, полезность, комфорт, и это отражается в типичных американских расхожих клише: «Купи автомобиль и будь счастлив», «Высшая цель — наслаждение», «Будем есть, пить и веселиться, ибо завтра умрем» и т.д.⁴⁸

С ростом подобной «культуры» происходит девальвация этических и правовых норм. Они рассматриваются не более как орудия в руках стоящей у власти элиты, эксплуатирующей другие группы населения, теряют свой престиж и утрачивают свою важнейшую функцию — контролируемую и регулируемую силу, тем самым, открывая путь грубой силе. «Если ни религиозные, ни этические, ни юридические ценности не контролируют наше поведение, то тогда что же остаётся? Ничего, кроме грубой силы и обмана. Отсюда — современное "право сильного"»⁴⁹. И тогда под лозунгами «свободы и демократии» на авансцену выходит физическая (военная, полицейская) сила, государственный деспотизм и фашизм. Таким образом, задолго до нынешнего этапа Сорокин предвидел нынешний крен к фашизации «свободных стран» — США и Европы. «Так чувственное общество подготовило свое самоподчинение грубому насилию... Его

⁴⁷ Сорокин П. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты. Сыктывкар, 2018. С. 187.

⁴⁸ Там же. С. 95.

⁴⁹ Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 500.

хваленый утилитаризм, практицизм и прагматическая целесобразность обернулись самой непрактической и неутилитарной катастрофой»⁵⁰. «Война всех против всех» подняла свою уродливую голову. Именно с этим мы сейчас сталкиваемся»⁵¹.

В этих условиях, считал Сорокин, выходом из положения могла бы стать конвергенция капитализма и социализма, которая принесла бы пользу обеим системам. Их сближение смогло бы создать новые формы социально–экономической и культурной жизни, в которых выразилось бы все лучшее, что имелось в каждой из них. Тем более, что жесткое противостояние между ними чревато масштабными военными конфликтами, которые могут привести к гибели человечества.

Однако эти идеи использовались не для улучшения социализма и капитализма, а для разрушения СССР. Конвергенция закрепились в умах советской интеллигенции, которой внушалось уважение и даже преклонение перед всем американским. Для представителей этого слоя, группировавшихся вокруг научных институтов, было характерно восприятие Холодной войны как некоего случайного, «неправильного» эпизода в позитивных отношениях двух стран, который необходимо преодолеть. Благодаря американизации удалось создать разветвленную сеть агентов влияния, которая подготовила и осуществила в начале 1990–х гг. государственный переворот и раздробила страну вопреки воле подавляющего большинства населения.

В настоящее время, несмотря на рассмотрение российскими политиками США и «коллективного Запада» (НАТО) как главного стратегического противника России, не созрело адекватное понимание необходимости борьбы с американизацией, которая за последние три десятилетия захватила практически все сферы жизни российского общества: политическую, экономическую, социокультурную, научную и технологическую. Она стала главной угрозой национальным ценностям, самому существованию государства.

⁵⁰ Там же. С. 503.

⁵¹ Там же.

США сознательно навязывают России «американский образец» (который по сути тождествен глобализму, капитализму, понятию «мягкой силы», современному империализму и многим прочим «измам») как единственную альтернативу развития человечества.

Нынешняя американизация включает в себя формы американского культурного, институционального, политического и экономического империализма. Например, навязывание россиянам продукции американской промышленности и технологических приемов, гарантирующих господство американских монополий; распространение и навязывание американской модели потребления; засилье американских средств массовой информации, кинематографической продукции Голливуда и поп-музыки; повсеместная реклама американских видов спорта («американский футбол», бейсбол, гольф, баскетбол НБА, хоккей НХЛ и проч.); маркетинг американских товаров; распространение (прежде всего среди молодежи) моды на кока-колу, джинсы, американские компьютерные игры, мобильные телефоны и различные гаджеты; расширение дипломатического и военного сотрудничества с государствами по всему периметру России; подготовка военной, политической и научной элиты в американских университетах с целью последующего создания огромной сети «агентов влияния»; реклама американской модели государственного устройства («демократии»); максимальное использование российского рынка труда и природных ресурсов американскими корпорациями (в настоящее время, в связи с санкциями — через подставных юридических и физических лиц).

Ярким примером американизации является Голливуд. В 1990-е гг. американская киноиндустрия одолела национальную российскую киноиндустрию в ущерб национальному художественному самовыражению. Блокбастеры с участием А. Джоли, Дж. Робертс, Г. Форда, Б. Питта не только забили кинотеатры через официальную систему дистрибуции, но и распространяются на пиратских видеокассетах, DVD-версиях, которые продаются во многих российских городах. Даже в условиях острого конфликта с Америкой американские фильмы занимают

доминирующие позиции в кинопрокате. Находят рынок сбыта даже третьеразрядные американские фильмы, дешевые детективы и боевики, что оказывает самое негативное воздействие на российскую культуру. В национальной продукции слепо копируются сюжеты, диалоги и фабула американских «образцов», местная культура и история в фильмах сознательно искажается, примитивизируется и «экзотизируется» с надеждами на показ в американских (западных) кинотеатрах или получение престижных кинопремий.

Ряд российских мыслителей прежних эпох и современности считают, что американизация может стать последней фазой трагического курса человечества, ведущего к полному разрушению. Оно произойдет неосознанно, через ликвидацию сущностного бытия посредством мнимого «прогресса». Стандартизированные формы, которые задумываются, производятся и распространяются по всему миру, лишены какого-либо отличительного содержания, они внутренне пусты. При этом само бытие обесмысливается, превращается в ничто, и в этом прагматическом и технологическом безумии используются черты обыденного, мещанского сознания, тупого и тупикового стремления к «комфорту» и удовольствиям.

В глазах все возрастающего числа людей, американизация — это болезнь, вирус, распространяемый из США, который свирепствует сегодня по всему миру, ведет к планетарному самоубийству посредством эгоизма, бездуховности, социал-дарвинизма, истощения ресурсов, загрязнения окружающей среды, пандемий, экономического и военного геноцида по отношению к народам мира, эксплуатации, коррупции, уничтожения большинства человечества во имя окончательного «торжества» мировых олигархов.

РАЗДЕЛ III.

ДИНАМИКА ПРОТИВОБОРСТВА МЕЖДУ
ЗАПАДОМ И СССР

ГЛАВА 13

НА ПУТИ К КОНФРОНТАЦИИ:
ПОЧЕМУ В. ВИЛЬСОН НЕ НАХОДИЛ РЕШЕНИЯ
«РУССКОГО ВОПРОСА» В 1917–1918 гг.?

С.В. Листиков

Проблемы сложной, противоречивой «русской политики» Томаса Вудро Вильсона (28.12.1856 — 3.02.1924 г.), одного из наиболее выдающихся государственных деятелей США, занимавших пост президента, были и остаются предметом самого вдумчивого анализа и острых дискуссий, как среди зарубежных, так и отечественных исследователей. Это и понятно, поскольку именно на время его пребывания в Белом доме (1912–1920 гг.) выпал один из самых критических периодов в отношениях США и России, на десятилетия определивший конфронтационный вектор их развития. Мы, как и многие другие историки, ищем ответа на вопрос: почему на переломном для человечества этапе Первой мировой войны и подведения ее итогов, который для США стал попыткой обрести новые силы и роль в мировых делах, а для России — временем судьбоносной «ломки», двух революций и Гражданской войны, незаурядный американский ученый и мыслитель, опытный политик не смог «подобрать ключи» к «русской теме»?¹. В этой статье мы представим

серьезные и неудачные попытки В. Вильсона разрешить этот вопрос в 1917–1918 гг., когда были заложены основы будущего общего неуспеха его «русской политики».

Отметим, что все высказанные в адрес в. Вильсона высокие эпитеты были вполне заслуженными. За плечами избранного от демократической партии президента был богатый жизненный опыт воспитания в пресвитерианской семье на Юге США, годы учебы, преподавания и научной деятельности в престижных университетах (с 1890 профессор, в 1902–1910 гг. — ректор Принстонского университета), вступления на стезю политической деятельности и, после избрания в 1910 г., работы на посту губернатором штата Нью-Джерси. Два года спустя в Белый дом вошел политический лидер с «багажом» глубокой внутренней религиозности, убежденности в превосходстве идеалов и институтов американской демократии, обретавший мессианскую веру в свое предназначение нести их «свет» другим народам.

Вильсон уловил тот импульс совершенствования, которым в начале XX в. было охвачено американское общество и еще до вступления США в мировую войну провел ряд глубоких социально-экономических реформ². Решительный радетель буржуазно-демократического обустройства общества, Вильсон с предубеждением относился и к социалистам любого толка, и к сторонникам авторитарных режимов и военных диктатур, что сказалось и на его восприятии событий «русской смуты».

Поиск новаторских подходов был присущ действиям президента и в решении внешнеполитических вопросов. Так, США в 1914–1916 гг. искали более гибкие средства общения со своими «соседями» по Западному полушарию, о чем говорили проведение панамериканских экономических конференций, вывод

N.Y., 1995; *Foglesong D.* America's Secret War Against Bolshevism: US Intervention in the Russian Civil War, 1917 — 1920. Chapel Hill, 1995; *Kenan G.F.* The Decision to Intervene. L., 1958; *Saul N.* War and Revolution: The United States and Russia. 1914 — 1921. Lawrence, 2001; *Unterberger B. M.* America's Siberian Expedition. 1918 — 1920: A Study of National Policy. Durham, 1956, etc.

² См.: *Белявская И.А.* Буржуазный реформизм в США (1900–1914). М., 1968; *Козенко Б.Д.* «Новая демократия» и война: Внутренняя политика США (1914– 1917). Саратов, 1980, и др.

¹ *Мальков В.Л.* Вудро Вильсон и новая Россия (февраль 1917 — март 1918 гг.) // Новая и новейшая история. 1999. № 6. С. 110–128; 2000. № 1. С. 123–133; *Fic V.* The Collapse of American Policy in Russia and Siberia, 1918.

войск из Мексики, установление более равноправных отношений с Никарагуа и Колумбией. И при этом Вашингтон не чурался использовать там, где ему это было выгодно, силовые методы экспансии, как это произошло в Мексике, Доминиканской республике, на Кубе и на Гаити³.

Добавим к этому, что сложные натура и характер президента формировали собственный стиль дипломатии, весьма своеобразный. Принятие важных решений по вопросам внешней политики Вильсон считал прерогативой главы исполнительной власти, в «лабораторию» своей мысли не допускал даже ближайших советников. Скрытный человек, он редко наделял людей своим доверием, зато мог легко его лишить. Осмысливая проблему со всех сторон, вашингтонский ученый и политик мог долго колебаться. Но, приняв решение, не готов был его изменить даже под влиянием весомых контраргументов.

В подчиненных, включая и работников госдепа, видел исполнителей своей воли, поставщиков информации и идей, своеволия не терпел. Эти манеры работы и общения не могли не наложить отпечатка и на ведение Вильсоном «русского направления» своей политики.

Вильсон еще до «августовских пушек» осознавал, насколько заокеанской республике при мощном экономическом развитии становилось «тесно» в «узком сюртуке» внутреннего рынка и насколько эта обретенная сила требовала реализации в энергичном отстаивании интересов США в мировых делах. Их судьбу держали в руках «большие европейские кабинеты», прежде всего в Лондоне, Берлине, Париже и Риме. С учетом многообразия и масштабы стоявших перед Вильсоном задач «дома» и вне его, стоило ли удивляться, что «русская тема» была не из числа тех, которые постоянно привлекали вильсоновское внимание?

³ Альперович М.С., Руденко Б.Т. Мексиканская революция 1910–1917 гг. и политика США. М., 1958; История США. В 4 томах. Т. 2: 1877–1918. /Отв. ред. Г.П. Куропятник. М., 1985. С. 343–346; Манухин А.А. США и революционная Мексика: Опыт конфронтации и сотрудничества (1910–1920). М., 2016. С. 96–189, и др.

Признаем, что владение ею главой Белого дома оставляло желать, мягко скажем, лучшего. Русский поверенный в делах в Великобритании К.Д. Набоков в феврале 1918 г. был не далек от истины, высказавшись весьма резко: «Ни о России, ни о ее истории и психологии он и понятия не имеет...». Наложившееся на это непонимание непредсказуемое течение революционной «русской смуты» сделало задачу адекватной оценки событий в нашей стране хозяином Белого дома неподъемной. Русский дипломат развивал эту мысль: президент «добросовестно считает, что «революция должна завершиться», и что помощь всем тем, кто борется против большевиков, есть поддержка «реакции» в смысле возвращения к старому порядку. Убедить его нельзя⁴. И ближайший советник Вильсона по вопросам внешней политики полковник Э. Хауз, и госсекретарь Р. Лансинг также владели «русским вопросом» весьма поверхностно. И все же ради объективности зададимся вопросом: можно ли сурово спрашивать с лидеров США, если даже многие природные русские дипломаты и политики, люди знающие и думающие, не могли ни осознать, ни предугадать, куда нес их самих, их страну и народ неумолимый «рок событий»? Это не отрицает того, что пропущенные через прагматичные «американские мозги» события в России обретали несвойственные им схематизм развития и предсказуемость, ожидание заранее заданного результата. Это искаженное восприятие мешало адекватно и своевременно на них реагировать.

Так что для «вашингтонских мудрецов» Россия оставалась непонятной, огромной, далекой страной. И все же когда на «русском направлении» у хозяина Белого дома возникали серьезные головомки, маститый ученый в поисках ответа мог попытаться опереться на опыт мировых революций. Аналогии тем пертурбациям, которые переживала Россия, можно было искать в Американской и особенно в Великой французской XVIII в., в Мексиканской 1910–1917 гг., с которой Вильсону пришлось столкнуться воочию. Другое дело, что иноземные «модели» специфику

⁴ К.Д. Набоков — П.В. Вологодскому. 16 февраля 1918 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р–200. Оп. 1. Д. 225. Л. 54 (об.). (Далее: ГАРФ)

событий в России передавали лишь отдаленно или совсем не работали⁵. Это не означает, что Вильсон и его ближайшее окружение в самые турбулентные для России годы не пытались искренне разобраться в происходивших в этой стране процессах, мучительно не искали гибких решений, подбирая возможные альтернативы действий. Мы попытаемся проследить эту сложную динамику.

Все же осязаемо для самого себя раз за разом спотыкаться о то, что «умом Россию не понять, аршином общим не измерить» заокеанский лидер начал с 1917 г., когда она «пустилась вскачь». В предвоенные годы эта страна совсем не казалась «непредсказуемой». Видение России у просвещенной части американского общества на переломе XIX – XX вв. было скорее негативным, в первую голову увязывалось с самодержавной властью, политическими репрессиями и национальными притеснениями. О традиции «русской дружбы», существовавшей со времен Войны за независимость США, в Вашингтоне, конечно, вспоминали. Но ее постепенно стирали нараставшие противоречия держав на Дальнем Востоке по мере усиления экспансии там США, активная антирусская пропаганда Англии за океаном; резко обострившийся в двусторонних отношениях «еврейский вопрос», что привело в 1912 г. к разрыву торгового договора от 1832 г.

В. Вильсон, как и Э. Хауз и Р. Лансинг, вполне разделяли распространенные представления о России. Накануне и в годы войны их укрепляли доверенные советники Белого дома, лучше других знавшие Россию — близкий к президенту предприниматель и филантроп Ч. Крейн, проф. Чикагского университета С. Харпер; инженер и журналист Дж. Кеннан (автор известных очерков «Сибирь и система ссылки») держался несколько особняком, как независимый эксперт. Увеличить число советников президенту, даже при желании, было бы сложно: изучение России, славянских стран развивалось медленно, исследовательских центров и специалистов было наперечет⁶.

⁵ См. подробнее: *Листиков С.В.* Восприятие русских революций 1917 г. в США: модели и образы // *Отечественная история.* 2007. № 1. С. 63–77.

⁶ См. подробнее: *Журавлева В.И.* Понимание России в США: образы и мифы, 1881–1914. М., 2012; *Энгель В.В.* «Еврейский вопрос» в русско-американских

Все же в первые годы кровавой тяжбы народов отношения двух держав стали меняться к лучшему. Развивались экономические связи. За океаном отметили верность России союзническому долгу даже в трагических обстоятельствах (поражение 1915 г.), умение «возродиться из пепла» и разить врага (Брусилловское наступление 1916 г.). Активно действовала в США русофильская группа интеллигентов — Ч. Крейна, крупного биржевика Ч. Бойнтонна, бывшего посла К. Гилда и других.

Учитывая напряжение войны, Ч. Крейн, С. Харпер, Дж. Кеннан питали надежды, что оно даст толчок обновлению полной исторического своеобразия огромной державы и ее народов. Но эта эволюция виделась как обеспеченное постепенными реформами «сверху» изживание социально-экономических политических, национальных и иных язв общества и привлечение либеральных кругов к государственному управлению. В вашингтонских «верхах» не ожидали кардинальных перемен в стране, где правящий неприглядный режим, казалось, обладал высокой степенью устойчивости⁷.

К тому же Вильсону было не до России, он был увлечен сюжетами глобальной политики. В мировой войне президент уловил выпавший ему шанс ввести США в клуб великих держав и, может быть, претендовать в нем на кресло лидера. Не случайно Вильсон, объявив о нейтралитете США 4 августа 1914 г., более двух лет подавал себя народам как «стоявшего над схваткой» миротворца, а сражавшимся коалициям держав — в качестве посредника для завершения кровавой бойни⁸.

отношениях (на примере «паспортного» вопроса. 1864–1913). М., 1998; *Saul N.* Concord and Conflict: The United States and Russia, 1867–1914. Lawrence, 1996; *Raeff M.* Russian and Slavic Studies in Europe and America Before the «Great War» // *Biblion.* Vol. 8. 2000. № 2. P. 103–113, etc.

⁷ См. подробнее: *Ганелин Р.И.* Россия и США. 1914–1917: Очерки истории русско-американских отношений. Л., 1969. С. 9–153; *Козенко Б.Д.* Несостоявшееся сближение: США и Россия в 1914–1917 годах // *Первая мировая война: Пролог XX века / Отв. ред. В.Л.Мальков.* М., 1998. С. 140–157; *Grayson B.* Russian–American Relations in World War One. N.Y., 1979; *Saul N.* War and Revolution: The United States and Russia, 1914 – 1921. Lawrence, 2001. P. 1–57, etc.

⁸ О разной трактовке российскими исследователями «миротворчества» лидера США в годы их нейтралитета см.: *Гершов З.М.* «Нейтралитет»

Это объясняет, почему после Февральской революции американское общество накрыло войной эйфории по поводу нежданно обретенной русским народом свободы. Казалось, и президента захватил этот общий энтузиазм. На деле несколько месяцев от Февраля к Октябрю 1917 г. стали временем крутой ломки казавшейся ранее устоявшейся модели русско-американских отношений. Сначала наступил как бы «медовый месяц», пробудивший надежды на тесное сотрудничество двух стран. Позднее, по мере нараставших в России революционных хаоса и смуты, эти радужные ожидания уступали место сдержанности и недоверию, готовившим почву для будущего излома.

Действительно, после Февраля и С. Харпер, и Ч. Крейн, и Дж. Кеннан быстро перестроились. Они начали уверять, что «весенняя» русская революция стала едва ли не естественным следствием десятилетиями накапливавшихся в русском обществе подвижек, оппозиционных авторитарному режиму и мало заметных извне. Эти специалисты рисовали Вильсону удобную схему дальнейшего следования России по буржуазно-демократическому пути, с которого ей не суждено было свернуть. Сообщения из России в массе своей, казалось, подтверждали этот прогноз. Не случайно во главе «новой России» встали «лучшие люди» — либералы Г.Е. Львов, А.И. Гучков и особенно хорошо известный в США профессор П.Н. Милуков, что особенно льстило ученому В. Вильсону. Вдохновленный «обретенной свободой» русский солдат якобы был готов на «войну до победы» и новые жертвы.

Вильсон хотел верить в благоприятное течение событий в России и старался его использовать. Тезис о «сотрудничестве двух демократий» в борьбе с авторитарными режимами германского блока понадобился в начале апреля 1917 г., в ряду других аргументов, для обоснования необходимости вступления США в мировую войну, отметим, против воли сохранявшего пацифистские настроения большинства американцев. Впереди

США в годы первой мировой войны. М., 1972. С. 118–120, 125–140, 165–176 и др.; Козенко Б.Д. Посредничество без кавычек... Миротворчество США в 1914–1916 гг. (Характер и цели) // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории / Отв. ред. Ю.А. Писарев, В.Л. Мальков. М., 1994. С. 72–84.

маячили перспективы выгодного для США экономического сотрудничества с Россией. Идеино-политическое сближение с Петроградом могло помочь вывести США на более значимую роль в решении международных дел. Казалось, от столь благостных перспектив развития и сотрудничества ни Россия, ни США отказаться не могли. Но все же осторожный Вильсон уже в марте-апреле чувствовал тревогу по поводу происходившего на землях России. Беспokoили сообщения о набиравших силу социалистах, включая и крайне левое крыло; перед ними трепетало законное Временное правительство. На другом «полюсе» правые сторонники свергнутой в Феврале власти не смирились с поражением. Эксперимент левых по «демократизации» армии на деле ее разрушал; в лозунге всеобщего мира «без аннексий и контрибуций» меньшевистско-эсеровского Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов хозяин Белого дома услышал скорее угрожающий призыв к сепаратному миру с Германией.

Так что «камень покотился», «обвал» случился после Апрельского кризиса и падения либерального министерства в середине мая. В течении нескольких месяцев устраивавшая Вашингтон альтернатива развития России угасала, хотя Вильсон держался за нее до 7 ноября. Он поддерживал сменявшие друг друга у власти коалиционные, либерально-социалистические кабинеты, которым не удавалось вырвать страну из тисков нараставшего общественно-политического и экономического кризиса; полагался на принятого за океаном за «сильного лидера» А.Ф. Керенского, надежд не оправдавшего. Другой линии «русской политики» хозяин Белого дома не нащупал.

Это было крайне сложно сделать в условиях нараставших в стране хаоса и смуты, о чем в Вашингтон сообщали донесения ведущих дипломатов — посла Д. Фрэнсиса, консулов в Москве М. Саммерса, в Петрограде — Н. Уиншипа. Но шанс найти «другую колею» у президента, думается, был. Для этого стоило преодолеть предубеждения против партий социалистической ориентации в России, осознав их глубокое влияние в общественно-политической жизни страны; не отказаться от поисков диалога с вождями умеренно левых — И.Г. Церетели, Н.С. Чхеидзе, М.И. Скобелевым и другими. Этим открывался путь и

к противодействию рвавшейся к власти партии большевиков, и к сохранению России в войне (суть позиции русских «революционных оборонцев», как нам представляется, осталась для Вильсона непонятой). Но американские политики самого высокого ранга плохо разбирались в оттенках красного, ошибочно полагая, что в критический момент «левые» смогут договориться, оставив либералов «с носом».

Вильсон остался верен себе, не поддержав и правую альтернативу, сторонников «спасения России» путем установления военной диктатуры. В Вашингтоне с плохо скрытым недовольством встретили известия о корниловском мятеже 9–14 сентября.

А у Вильсона после его поражения, в дополнение к неудаче выступления крайне левых 16–18 июля, появились основания поразмышлять, так ли была хлипкая власть законного правительства Керенского. Следующие месяцы дали ответ: из столицы США с тревогой наблюдали за энергичными действиями В.И. Ленина и его сподвижников по захвату власти, все же надеясь, что этого не случится⁹.

Рождалась новая реальность: большевики взяли власть в столице крупнейшей страны мира, все еще являвшейся одним из основных участников антигерманской коалиции. Впрочем, в Вашингтоне, особенно с весны 1917 г. из сообщений экспертов — военного атташе генерала У. Джадсона, майора Ф. Паркера и других, знали, что русская армия разлагалась, теряла боеспособность. А после провала июньского наступления этот процесс приобрел необратимый характер. Что сказывалось и на положении Западного фронта, где войска стран Согласия дрались с полным напряжением сил (в октябре–ноябре итальянцы понесли тяжелое поражение при Капоретто). Эти события напрямую задевали интересы США: только они могли стать «заменной» ослабевшим партнером, перед Вильсоном вставал вопрос

⁹ См. подробнее: *Ганелин Р.И.* Россия и США. 1914–1917: Очерки истории... С. 154–403; *Листиков С.В.* США и революционная Россия в 1917 г. К вопросу об альтернативах американской политики от Февраля к Октябрю. М., 2006; *Saul N.* War and Revolution: The United States and Russia, 1914–1921. Lawrence, 2001. P. 59–176; *Wade R.* The Russian Search for Peace. February–October 1917. Stanford, 1969, etc.

о корректировке планов вступления американских войск в боевые действия в Европе.

Не находя возможности повлиять на все более выходящую из-под контроля ситуацию в России, Вильсон извлекал уроки. Временному правительству оказывалась умеренная помощь, позволявшая избежать серьезных материальных потерь и не мешавшая достижению стратегической цели, победе над Германией¹⁰.

Так пути развития России и США причудливо переплелись и разошлись в 1917 г., ставшем для В. Вильсона во многом определяющим в поисках ориентиров будущей «русской политики». Президент выявил ее основные альтернативы, открывавшиеся в связи со сложной борьбой динамичных, внутренне противоречивых общественно–политических сил в России. К концу года наиболее ярко проявили себя крайние — правые «корниловцы» и леворадикалы, страна была чревата Гражданской войной.

И все же в Белом доме нить «русской политики» казалась утраченной. Его хозяину оставалось внимательно наблюдать за происходившим в России и действовать крайне осмотрительно, ожидая прояснения ситуации. Еще и потому, что доверия президента лишились не сумевшие адекватно оценить бурного течения русской революции советники вроде С. Харпера и Ч. Крейна; новых достойных не появилось. Да и немалая доля поступавших из России сведений была искаженной. Но самым существенным фактором, мешавшим главе американского государства уделить должное внимание России «на переломе», была его занятость множеством вопросов участия США в войне, включая и создание современной армии; озабоченность положением на Западном фронте и дипломатией «больших европейских кабинетов»¹¹.

¹⁰ *Лебедев В.В.* Русско–американские экономические отношения (1900–1917 гг.). М., 1964. С. 283–361; *Stevens J.* Russia during the World War // *Engineers and Engineering*. Jan. 1927. № 44. P. 17–23; *Shuman F.* American Policy toward Russia since 1917. N. Y., 1928. P. 40–48; *Fike C.* The Influence of the Creel Committee and the American Red Cross on Russian–American Relations, 1917–1919 // *Journal of Modern History*. 1959. № 2 (June). P. 94–95, 101–103, etc.

¹¹ Теме развития американского общества на переломном для него этапе Первой мировой войны, участия армии США в боевых действиях на Западном фронте посвящены сотни исследований. Среди обобщающих трудов

Все сказанное, к сожалению, и позднее негативно сказывалось на формировании «русской политики» Белого дома.

В первые месяцы после событий 7 ноября 1917 г. в Петрограде из-за океана недавно еще великая империя виделась огромным пространством, лишенным законной власти и охваченным набиравшим силу междоусобным раздором, в который миллионы безмерно уставших от тягот и потерь мировой войны людей не желали быть втянутыми. В противовес большевикам медленно, тягуче начинала складываться враждебная им разнородная коалиция сил, включавшая и эсеров, и монархистов, и сторонников «единой и неделимой» и, наоборот, радетелей «самоопределения народов». Особенно эти настроения были сильны в «национальных окраинах» бывшей империи — в Финляндии, в Белоруссии, на Украине, в прибалтийском регионе и в Закавказье. Там стремление отложиться от большевистского «центра», а впоследствии, вероятно, и от России поощрялось внешними силами и прежде всего Германией и ее союзниками, фактически оккупировавшими эти земли частично или полностью.

Вильсону прежде всего предстояло определить линию поведения в отношении «новых хозяев» Петрограда, силы непонятной, несшей вызов и угрозу. Для лидера США были неприемлемы насильственный захват большевиками власти, начатый ими леворадикальный общественный эксперимент — разрушение традиционных форм хозяйствования и собственности, строительство государства диктатуры пролетариата, формирование политики «военного коммунизма», гонения против интеллигентных слоев общества, переросшие в «красный террор». Самое тяжелое впечатление за океаном произвел факт разгона Учредительного Собрания в январе 1918 г.

назовем: *Листиков С.В.* Американское общество в годы войны: на пути к консолидации? // *Война и общество в XX веке. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны* / Отв. ред. С.В. Листиков. М., 2008. С. 306–344; *Kennedy D.* Over Here: The First World War and American Society. Oxford univ. press, 2004; *Wynn N.* From Progressivism to Prosperity: World War I and American Society. NY., 1986; *Harries M. and Harries S.* The Last Days of Innocence. America at War, 1917 — 1918. NY., 1997, etc.

Вильсона ожесточило властное вторжение большевиков в сферу мировой политики, нацеленность на вывод России из войны даже путем сепаратного мира. Наконец, у заокеанского мыслителя, готовившегося в обозримом будущем представить человечеству собственную либеральную программу послевоенного мироустройства, не могли не вызвать раздражения теоретические потуги «сработавших на опережение» оппонентов во главе с В.И. Лениным. А они уже в первых документах (Декрет о мире от 8 ноября и ряде других) продвигали идею создания глобального «братства трудящихся», осуществимого посредством «мировой революции». Агрессивная пропаганда этой доктрины и даже готовность нести ее «на штыках» другим народам у большевиков сочеталась с неуважительным отношением к устоявшимся дипломатическим нормам (опубликование секретных договоров России с державами Антанты)¹².

А с другой стороны, в Белом доме становилось понятным, что к власти большевиков — сплоченной партии, обладавшей плеядой незаурядных лидеров, умевших завоевать доверие простого народа решительными действиями (вопросы о «войне и мире», земельный) было вполне применимо понятие «де факто» правительств. И эта мысль все глубже проникала в сознание президента по мере того, как большевистский режим, к удивлению многих, из месяца в месяц выживал, укоренялся, успешно подавляя первые очаги сопротивления — мятеж Керенского–Краснова, захват власти в Москве, гибель старой Ставки и генерала Н. Н. Духонина, поражение А.И. Дутова на Южном Урале.

Эти соображения раскололи мнение американских экспертов по «русской проблеме». Значительное большинство, особенно госдеповцы Р. Лансинг, советник Ф. Полк, У. Филлипс и Б. Майлз, а среди дипломатов в России — посол Д. Фрэнсис, консулы

¹² См.: *Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1958. С. 21–22.* (Далее — ДВП СССР); *Гимпельсон Е.Г.* Формирование Советской политической системы. 1917–1923 гг. М., 1995. С. 8–165; *Городецкий Е.Н.* Рождение Советского государства, 1917–1918 гг. М., 1965; *Нежинский Л.Н.* В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 гг. М., 2004. С. 8–65; *Рабинович А.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2007, и др.

в Москве М. Саммерс, в Архангельске Де Витт К. Пул, в Тифлисе У. Смит высказывались за самую жесткую линию в отношении большевиков. В унисон с ними звучало компетентное мнение русского посла в США Б.А. Бахметева, сохранившего после событий 7 ноября 1917 г. свой пост и, с ведома госдепа и министерства финансов, доступ к использованию открытых США еще Временному правительству кредитов.

А вот глава миссии Американского Красного Креста в России (АКК) У.Б. Томпсон, а также генерал У. Джадсон, опиравшиеся на собственные наблюдения, полагали, что Ленин и Троцкий — серьезная сила и «снести» их будет непросто. Такие же мысли изредка звучали и из уст министра внутренних дел Ф. Лейна и даже Э. Хауза¹³. Учитывая столь разные позиции, Вильсон колебался.

Добавим, что по мере усиления координации действий США со странами Антанты резко возросли значимость и объем сведений, поступающих в Вашингтон из Лондона и Парижа. Британские посол в США Р. Ридинг и близкий Белому дому разведчик и дипломат У. Вайзман, французский посол Ж. Жюссеран вторили все громче звучавшему с конца 1917 — начала 1918 гг. хору голосов политиков и военных стран Согласия в пользу силового решения «русского вопроса». Президента убеждали, что без участия США в борьбе с большевизмом и его зловредным влиянием в мире эта проблема не могла быть решена¹⁴. Заокеанский поборник идеи

¹³ From the Diary of J. Daniels. Nov. 30, 1917 // The Papers of Woodrow Wilson / Ed. A. S. Link. Vol. 45. Princeton, 1984. P. 176 (Далее: PWW); A Statement by Robert Lansing. Dec. 4, 1917 // Ibid. P. 205–207; M. Summers to R. Lansing. Dec. 6. 1917 // Ibid. P. 228–230; A Memorandum by W.B. Thompson. Jan. 3, 1918 // Ibid., P. 442–447; D. Fransis to W. Wilson. Jan. 3, 1918 // Ibid. P. 433–435; Fowler W. British–American Relations, 1917–1918: The Role of Sir William Wiseman. Princeton, 1969. P. 170; etc. О поселе в США Б.А.Бахметеве, его контактах с властью предрежащими в Вашингтоне и поддержке антибольшевистских сил России см.: Будницкий О.В. Б.А.Бахметев — посол в США несуществующего правительства России // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 134–166; Killen L. The Search for a Democratic Russia: Boris Bakhmeteff and the United States // Diplomatic History. 1978. Vol.2, № 3 (Summer). P. 237–256.

¹⁴ Дэвис Д., Трани Ю. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско–американских отношениях / пер. с англ. М., 2002. С. 282–283,

«невмешательства» в дела других народов с такой постановкой вопроса сначала свыкнуться не мог.

Но он, тем не менее в середине декабря 1917 г. поддался на уговоры англичан через них принять участие в финансировании антибольшевистских сил на Юге России. Мощный очаг сопротивления, как казалось, обещали разжечь генералы Л.Г. Корнилов, М.В. Алексеев, А.М. Каледин с опорой на офицерство и казачество; зародилась надежда привлечь к совместной борьбе поляков, украинцев, румын. Предприятие обернулось неудачей, гибелью 11 февраля 1918 г. генерала А.М. Каледина. Американцы понесли незначительные материальные потери (не более 2 млн. рублей), но приобрели полезный опыт «подковерного», секретного вмешательства в «русские дела»¹⁵. Эти события на Юге России все дальше «разводили» Вильсона и «генеральскую» контрреволюцию, которую он все более увязывал с чем–то тянущим Россию в прошлое, «старорежимным».

Заочно полемизировать с Вильсоном несколько позднее, весной 1918 г. осмелился Б.А. Бахметев, полагавший, что в условиях кровавой внутренней смуты в России не было места демократической альтернативе и критиковавший лидера США за непонимание и неприятие этих реалий. «Мы идем и еще будем идти путем государственных переворотов... Глубоко огорчен несочувствием Америки выступлениям и Семенова и Алексева... Настоящий толчок национальному возрождению даст появление в России вооруженной силы, пришедшей на ее защиту», — писал он русскому послу в Париже В.А. Маклакову в апреле. Спустя некоторое время Бахметев с горечью добавил: американцы «к сожалению всегда будут бояться призрака реакции»¹⁶.

288–289, 293; Carley M. Revolution and Intervention. The French Government and the Russian Civil War 1917 — 1919. Kingston etc., 1983. P. 18–55; Fowler W. Op. cit., P. 166–170, etc.

¹⁵ Ганелин Р. III. Советско–американские отношения в конце 1917 — начале 1918 г. Л., 1975. С. 67–91, 118–122; Foglesong D. Op. cit., P. 79–105, etc.

¹⁶ Вашингтон — Послу в Париже. 28 апреля 1918г. // Архив внешней политики Российской империи Ф. 187. Оп. 524. Д. 3538. Л. 7–8 (Далее: АВПРИ); Б.А. Бахметев — Послу (в Париже). 5 июля 1918 г. // Там же. Л. 43 об.

Не находя пока приемлемой для себя силы среди противников большевиков, Вильсон не торопился рвать с ними. О признании Вашингтоном их власти и речи не могло идти. А вот поддерживать диалог с Лениным и «товарищами», пускай и на неформальном уровне, смысл имело. Переговоры о сепаратном мире с Германией и ее союзниками в Брест–Литовске шли натужно, а потому в Вашингтоне задумали убедить большевиков не выводить Россию из войны.

Президент искал гибкие решения, вступив в нелегкую полемику с их вождями. Он навязывал им интеллектуальное состязание, играя на том же поле антиимпериалистической политики; вел борьбу за симпатии миллионов людей, искавших позитивные общественные идеалы и лидеров. В знаменитых «14 пунктах» от 8 января 1918 г.¹⁷ Вильсон представил созданный его воображением образ будущего миропорядка, призванного обеспечить справедливость всем народам и создать «мир без войн». Американский мыслитель предлагал не разрушение основ мироустройства, а их фундаментальную реформу.

В «14 пунктах» в адрес большевиков прозвучало очевидное предупреждение: сепаратная сделка с Германией могла привести Россию лишь к позорному, грабительскому для нее миру. Чтобы быть услышанным в Петрограде, лидер США даже готов был польстить его новым хозяевам за ту настойчивость, с которой «русские представители» отстаивали в Бресте лозунги «мира без аннексий и контрибуций». Как выяснилось позднее, дипломатический шантаж разбивался о железную волю В.И. Ленина, мыслившего на перспективу и выводившего обесиленную страну из войны.

В то же время посвященный России в программе президента П. 6 свидетельствовал, что в условиях полной неопределенности ситуации в этой стране Вильсону в отношении ее удалось лишь

¹⁷ См.: An Address to a Joint Session of Congress, 8 Jan. 1918 // PWW. Vol. 45. P. 534–539. В переводе на русский язык см.: Речи Президента Вильсона. Условия всеобщего мира, предложенные Американским Президентом Вильсоном. Речь в конгрессе 8 января 1918 г. Американское бюро печати. М., 1918 г. С. 1–8.

пунктиром обозначить возможные действия. Вильсоновские сложные формулировки нередко несли в себе немало противоречивых смыслов. Звучал тезис о праве народа России выбрать собственный путь развития. И тут же автор документа «поправлял» себя, допуская возможность партнеров России, читай стран Антанты и США, «помочь» ее народу принять правильное решение и тем самым открыть ему дорогу в «лигу свободных народов», т.е. в Лигу Наций. Не был ли это намек на возможность вмешательства западных держав в «русские дела»? Не была в П. 6 четко заявлена американская позиция по принципиальному вопросу сохранения территориальной целостности России. Но русским предлагалось подумать над своей будущей национальной политикой. В общем, президент был «на распутье».

Одна из заложенных Вильсоном в «14 пунктах» альтернатив действий скоро не сработала на поле реальной политики. Вильсон не возражал против контактов с вождями большевиков, которые в Петрограде с декабря 1917 г. поддерживали, вместе с дипломатами и военными стран Согласия, генерал У. Джадсон и глава миссии АКК Р. Робинс. Однако все усилия предотвратить выход России из войны оказались напрасными. В.И. Ленин и его сподвижники унижительный Брестский мир приняли; IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов (14–16 марта 1918 г.) его ратифицировал¹⁸. А Белый дом на неопределенное время прервал диалог с большевиками, не найдя в нем перспективы.

Не только эти важные события, как это виделось из Вашингтона весной 1918 г., придавали ситуации в России новое качество. Следовало признать, что большевистский режим выжил и даже обрел устойчивость, а общаться с ним после Бреста западным демократиям оставалось разве что на «языке пушек». Становилось понятным и то, что без внешней помощи антибольшевистские силы в России в борьбе с «товарищами» не выдюжат.

Последствия происшедшего в России для Вильсона были весьма болезненными. Крушение Русского фронта и последствия

¹⁸ W. Wilson to R. Lansing, Jan. 1, 1918 // PWW. Vol. 45. P. 417; Ганелин П.И. Советско–американские отношения. С. 91–99, 106–113, 166–184; Gardner L. Wilson and Revolutions. 1913–1921. Philadelphia, 1976. P. 35–38, etc.

Бретского мира придали германскому блоку новые силы, военное положение стран Антанты казалось все более шатким. После начала мощного немецкого «весеннего» наступления (март–июль 1918 г.), в апреле 1918 г. американцы вступили в бой. Помыслы президента были устремлены на усиление помощи союзникам, мобилизацию сил нации в войне. Ее судьба решалась на Западном фронте, события в России для хозяина Белого дома приоритетом не являлись.

А между тем они обретали важное международное измерение в контексте глобальной войны и политики. Вожди большевиков осознавали, что заключение ими сепаратного мира нанесло бы «несомненно тяжелый удар по союзным странам», и едва ли не ожидали от них жесткого ответа¹⁹. Так что высадка в марте–апреле первых контингентов союзных войск в Мурманске и во Владивостоке, обозначившая интервенцию, не было событием из разряда непредсказуемых.

И все же вынужденным сосредоточить усилия на Западном фронте державам Согласия трудно было действовать и на «русском направлении» без поддержки заокеанского партнера, располагавшего для этого обширными экономическими и военными ресурсами²⁰. А потому из месяца в месяц Лондон, Париж, Рим усиливали давление на Белый дом, призывая его хозяина найти свое место в «экспедиции» в Россию. А она в изощренной аргументации союзников изображалась как неотъемлемая часть борьбы с Германией и ее сателлитами, едва ли не как возрождение Восточного (Русского) фронта. Чтобы втянуть Вильсона в силовую операцию на все лады перепевались весьма

¹⁹ Об этом говорилось в «Послании НКВД к народам и правительствам союзных стран» от 30 декабря 1917 г. (См.: ДВП СССР. Т. 1. С. 69–70).

²⁰ О сложном, противоречивом процессе втягивания США в интервенцию в России, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, см.: *Листиков С.В.* В поисках «русской политики»: Вудро Вильсон и интервенция в России (1918–1920) // *Американский ежегодник*, 2016. М., 2017. С. 159–169; *Bradley J.* Allied Intervention in Russia. N.Y., 1968. P. 1–105; *Foglesong D.* Op. cit. P. 143–164; *Kennan G.F.* Op. cit.; *Somin I.* Stillborn Crusade. Tragic Failure of Western Intervention in the Russian Civil War, 1918–1920. New Brunswick etc., 1996. 79–100, etc.

убедительно звучавшие аргументы: об ущербе для союзников, нанесенном «брестской сделкой» и переброской войск с Востока на Западный фронт, о широком привлечении большевиками в свои ряды военнопленных стран Четверного союза, о наличии реальной угрозы со стороны этих сил работе Транссибирской магистрали и захвата ими складов с военным снаряжением на Севере и Востоке России и немало других.

За большевиками на Западе закреплялась репутация фанатичного врага, ради реализации неосуществимых леворадикальных доктрин готового на убийство и террор, управлявшегося Германией, вставшего на путь национальной измены и предательства союзников. Этот образ как бы подтверждал прогноз, сделанный Э. Хаузмом в отношении России после захвата власти большевиками еще в декабре 1917 г.: страну ожидало превращение в «германскую колонию», если с ней не случится каких-то радикальных перемен²¹.

Вильсон же весной 1918 г. был раздираем сомнениями, тянул с решением о присоединении к интервенции в России. Он осмысливал значимые аргументы против этого шага. Ведущие военачальники — генералы Т. Блисс и П. Марч, военный министр Н. Бейкер советовали сконцентрировать все силы на Западном фронте. Поддержка экспедиции в Россию американскими элитой и народом были величиной неизвестной, а в ноябре предстояла жесткая битва с республиканскими оппонентами на выборах в конгресс. Международно-правовое обоснование для интервенции в России отсутствовало. Вильсон осознавал что, «влезь» он в Россию, будет перечеркнут милый его сердцу принцип — о праве народов самим определять собственную судьбу. Очень беспокоило президента, как иноземные партнеры по антибольшевистской коалиции смогут воспользоваться результатами интервенции. Особенно настораживали экспансионистские устремления Японии в отношении русского Дальнего Востока и Сибири.

Пока Вильсон просчитывал «за» и «против», в мае на востоке России случилось ставшее для него дополнительным

²¹ Two Telegrams from Sir C. Spring Rice to the Foreign Office. Dec. 27, 1917 // PWW. Vol. 45. P. 370.

стимулом участия в экспедиции выступление против большевиков 60-тысячного чехословацкого корпуса. Летом благодаря успехам его наступления, поддержанного эсеровскими, офицерскими, казацкими отрядами, антибольшевистские силы распространили контроль на пространствах от Поволжья до Тихого океана. На этой территории возникло более полутора десятков правительств эсеровских, кадетских и более правой политической ориентации: самарский Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), омское Временное сибирское правительство (ВСП), екатеринбургское Временное областное правительство Урала и ряд других²².

Из Вашингтона старались отслеживать мучительный процесс объединения этих центров власти в надежде, что пробуждалась сила, способная в будущем «похоронить» большевиков. И в то же время в Белом доме оптимизмом не пылали. Его хозяин смотрел на русских политиков умеренного толка, от кадетов до казавшихся ему все же слишком «левыми» социалистов, и с симпатией, и с опаской. Все они были разобщены разногласиями, инертны и говорливы, движимы личными амбициями. Многие русские политические фигуры уже успели дискредитировать себя «неумелостью», находясь у власти в 1917 г. и проиграв ее большевикам²³. Наученные горьким опытом, в Вашингтоне в середине 1918 г. выжидали, когда из «мозаики» русских антибольшевистских властей сложится нечто более цельное, устойчивое правительство с приемлемой для западных демократий политической платформой.

Размышляя над присоединением США к интервенции, Вильсон учитывал мнение антибольшевистских сил России. А они,

²² О случившемся в конце мая 1918 г. выступлении чехословацкого корпуса, поддержке его антибольшевистскими силами на Востоке России см.: *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус: Чехословацкие политические организации и военные формирования в России. 1914–1921 гг. М., 1965; *Прайсман Л.Г.* Чехословацкий корпус в 1918 г. // Вопросы истории. 2012. № 5. С. 75–103; № 6. С. 34–76; *Foglesong D.* Op. cit. P. 160–169; *Unterberger B.M.* The United States, Revolutionary Russia and the Rise of Czechoslovakia. Chapel Hill, 1989.

²³ В. А. Маклаков — Послу в Вашингтон. 23 апреля / 3 мая 1918 г. // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3538. Л. 4.

как отметил Б.А. Бахметев в конце апреля 1918 г., «от октябристов до социалистов–революционеров», ожидали иностранное вмешательство «с надеждой»²⁴.

И все же для Вильсона доводы в пользу интервенции и против нее почти уравнивали друг друга. А потому даже положительное решение казалось вялым, вымученным. Согласие отправить солдат на Север России пришло в июне и, в силу ряда обстоятельств, легче далось президенту. Доставленный туда американский контингент, который возглавил полковник Дж. Стюарт, составил 5,5 тыс. человек²⁵. С вмешательством США на Востоке России дело обстояло сложнее: иноземные партнеры долго утрясали острые вопросы, в частности, связанные с японским участием в предприятии. 6 июля США присоединились к экспедиции в Сибири и на Дальнем Востоке России²⁶.

Президент, втягивая свою страну в антибольшевистскую по существу операцию, осознавал зыбкость своей позиции: США в войне с правительством Советской республики не состояли. А потому в объяснявшем западным партнерам действия Вашингтона aide memoire от 17 июля Вильсон главного противника так и не решился назвать. Он отказывался именовать отправку солдат в Россию «военным вмешательством» и объявлял своими целями помочь чехословакам, а также при их содействии «придать устойчивость любым попыткам (русских — С.Л.) создать самоуправление или защититься, при которых сами русские захотели бы принять эту помощь»²⁷.

²⁴ Вашингтон — Послу (в Париже). 28 апреля 1918 г. // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3538. Л. 7.

²⁵ Об американском военном вмешательстве на Севере России см.: *Kenan G.F.* The Decision to Intervene.... P. 15–58, 245–276, 363–380; *Foglesong D.* Op. cit. P. 188–230; *Long J.* American Intervention in Russia: The North Russian Expedition. 1918–1919 // Diplomatic History. 1982. Vol. 6. № 1. P. 49–54.

²⁶ Это решение было принято 6 июля на встрече в. Вильсона с членами кабинета — Р. Лансингом, Н. Бейкером и Дж. Даниельсом (военный и морской министры), начальником штаба американской армии генералом П. Марчем и адмиралом У. Бенсоном (*Fic V.* Op. cit. P. 175–181).

²⁷ Ibid. P. 187–201.

Присоединяясь к союзнической интервенции в России, Вильсон определял те «красные линии», которые США переступить не намеревались. Свергать режим «красных» должны были русские антибольшевистские армии; американские солдаты во внутрироссийских «разборках» участвовать не должны были. Они в лучшем случае могли своими штыками создать тот заслон, под защитой которого готовилось русское воинство, а также взять под охрану стратегические объекты в тылу, главным образом железные дороги и мосты. Вашингтон рассчитывал, полагая приоритетными потребности Западного фронта, оказать противникам большевиков в России посильную моральную, дипломатическую, материальную поддержку. Войска США появились на Востоке России в августе–сентябре 1918 г. Американским экспедиционным корпусом командовал генерал У. Гревс, его численность достигала 8,4 тыс. человек²⁸.

Эти события переплелись с завершением процесса формирования на Востоке России единого антибольшевистского правительства. 23 сентября 1918 г. на совещании в Уфе в результате сложного компромисса умеренно–социалистических и кадетских сил была образована Директория, или Временное всероссийское правительство во главе с правым эсером Н.Д. Авксентьевым²⁹. Но рассмотрели ли в нем ведущие американские дипломаты ту умеренную политическую силу, с опорой на которую можно было бы действовать в России более энергично и целенаправленно? Как выяснилось, нет. Пользовавшемуся доверием президента послу США в Японии Р. Моррису, консулу

²⁸ Вопросы участия США в интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке рассмотрены в: *Гревс У.* Американская авантюра в Сибири. М., 1923; *Fic V.* Op. cit.; *Foglesong D.* Op. cit. P. 143–187; *Unterberger B.M.* American Siberian Expedition, 1918–1920...; idem. The United States, Revolutionary Russia and the Rise of Czechoslovakia..., etc.

²⁹ *Гармица В.В.* Крушение эсеровских правительств. М., 1970. С. 184–204; *Перейра Н.* Сибирь: политика и общество в Гражданской войне. М., 1996. С. 184–204, и др. Отметим, что перебравшись в начале октября в Омск, Директория оказалась в большой зависимости от быстро правившего кадетского Совета министров ВСП и сформированного им административного совета; вызревали условия для военного переворота.

в Иркутске Э. Харрису Директория казалась неустойчивой, разнородной по составу и слишком «левой»³⁰. Скорее всего, эти оценки «новой русской власти» были верны.

И здесь уместно будет сказать, что по части получения достоверных и своевременных сведений из охваченной кровавым хаосом России творцы внешнеполитического курса США оказались в особо тяжелых условиях информационного «голодного пайка». Что уж говорить о других разрушенных полностью или частично каналах связи и общения, если даже руководство госдепа в октябре не удержалось от нотаций в адрес своих сотрудников на Востоке России? Работникам «ведомства столь высокого ранга» пеняли за отсутствие «содержательной информации» о происходившем в Сибири, на Волге, на Дальнем Востоке, в крупных городах, таких, как Чита или Красноярск³¹.

Время шло, а в Вашингтоне не получали обнадеживавших данных ни об улучшении дееспособности Директории, ни о состоянии фронта, под ударами «красных» с середины сентября катившегося на Восток. В этих условиях Белый дом хранил молчание и дрейфовал прежним курсом «сдержанности». 17 октября Р. Лансинг объяснил ее Б.А. Бахметеву тем, что США «с надеждой» ожидали появления более «устойчивого правительства»³². Вашингтон ограничился разрешением отправить Директории в конце октября 100 тыс. винтовок (частично за счет американского кредита, частично — денег на счета русского посольства)³³.

³⁰ Ambassador in Japan (Morris), temporarily in Harbin, to the Secretary of State. October 18, 1918 // United States. Department of State Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia. 3 Vols. Wash., 1931–1932. Vol. II. P. 414–415. (Далее: FRUS. 1918. Russia. Vol. II); Consul General at Irkutsk (Harris) to the Secretary of State. November 1, 1918 // Ibid. P. 420–421.

³¹ The Department of State to Consul General at Irkutsk (Harris). October 23, 1918 // FRUS. 1918. Russia. Vol. II. P. 417.

³² The Secretary of State to the Russian Ambassador (Bakhmeteff). October 17, 1918 // FRUS. 1918. Russia. P. 413–414.

³³ *Maddox R.* The Unknown War with Russia: Wilson's Siberian Intervention. San Rafael. (Calif.), 1977. P. 82–83.

А вот английское правительство, считает видный историк Дж. М. Томпсон, к концу существования Директории было «в шаге» от ее признания³⁴.

Между тем из разных источников за океаном становилось известно о нарастающем недовольстве Директорией сторонниками «сильной власти» и подготовке ими переворота. Он случился 18 ноября, поставив во главе военной диктатуры адмирала А.В. Колчака³⁵. Русским дипломатам калибра Бахметева и Маклакова было очевидно, что совершенная «государственно мыслящими» людьми смена власти в Омске в политических «верхах» и общественном мнении стран Запада будет принята негативно. В.А. Маклаков признал: силовое свержение Директории «подрывает остатки нашего международного положения» и, как следствие, «события в Омске, конечно, задержат официальное признание власти»³⁶.

Ноябрь 1918 г. стал моментом качественного перелома и в глобальной, и в «русской» политике правящих элит держав антигерманской коалиции и их лидеров. Сделавшее их победителями в мировой войне ее завершение, Компьенское перемирие от 11 ноября всего на неделю опередило переворот в Омске. Хозяин Белого дома имел все основания подвести неутешительные пока итоги поисков ответа на «русский вопрос» и поразмышлять над смутными их перспективами. В самом деле, кровавое безумство внутренней смуты в России лишь нарастало, главное ходы ее основных участников были еще впереди; ситуация в стране при крайне ненадежном ее информационном обеспечении казалась мало прогнозируемой. «Точку опоры», достойного партнера в России для строительства собственного внятного,

³⁴ *Thompson J.* Russia, Bolshevism and the Versailles Peace. Princeton, 1966. P. 65–66.

³⁵ Consul General at Irkutsk (Harris) to the Secretary of State. November 26, 1918 // FRUS. 1918. Russia. Vol. II. P. 446; Consul General at Irkutsk (Harris) to the Secretary of State. November 27, 1918 // Ibid. P. 447.

³⁶ В.А. Маклаков — Министерство иностранных дел в Омске. 19 ноября 1918 г. // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3517. Л. 319; В.А. Маклаков — Министерство иностранных дел в Омске. 24 ноября 1918 г. // Там же. Л. 342; В.А. Маклаков — Министерство иностранных дел в Омске. 27 ноября 1918 г. // Там же. Л. 352.

последовательного курса в отношении этой страны Вильсон обрести не сумел, хотя и пробовал разные варианты действий.

С принципиально неприемлемыми для президента вождями большевиков разговор был прерван. А между тем после поражения германского блока в войне противоборство с «большевизмом» и его нарастающим влиянием в мире для «верхов» стран Запада выходило на новый уровень, Москва становилась «врагом № 1». «Леворадикальная зараза» угрожала поразить страны Европы и проникнуть в самое ее сердце; во время начавшихся в ноябре 1918 г. революционных событий в Германии у их развития по «русскому образцу», казалось, могло найтись немало поклонников. А вот в сознании власть предержащих, миллионов законопослушных граждан неведомая «красная опасность» обретала все черты реальной, смертельной угрозы самому их существованию.

Вильсон был осведомлен о состоянии умов. В интервью 16 октября британцу У. Вайзману он размышлял, обнаружив беспокойство и за будущее США: «Дух большевизма затаился везде, и нет для него более питательной почвы, чем усталость от войны. Весь мир охвачен недовольством. Симптомы его есть и в этой стране, хотя они еще и не стали опасными»³⁷. С учетом этого у Вильсона волне могла появиться потребность возобновить контакты со все увереннее «державшимся в седле» вождями большевиков ради поиска гибких средств сокрушения их режима.

В то же время с немалыми сомнениями и под давлением союзников в. Вильсон все же согласился принять участие в интервенции. Но он не верил в возможность решения «проблемы большевизма» иноземными штыками, не желал вмешательства американских солдат во внутреннюю смуту и обещал умеренную помощь чехословакам и русским антибольшевистским силам. Такая позиция лидера США грозила экспедиции серьезными трудностями, затяжкой, если не лишала ее надежды на успех. И сколько партнеры Вильсона — русские, британские, французские, японские и другие его оппоненты в США готовы

³⁷ A Memorandum by Sir W. Wiseman. Notes of an Interview with the President at the White House. October 16, 1918 // PWW. Vol. 51. P. 347.

были сносить эту осторожную, половинчатую линию поведения Америки, было неясно. Помимо продления ее, у президента оставалось, собственно, две альтернативы: либо выводить войска из России, либо преодолеть себя и решительно поддержать противников большевиков.

Шанс «подружиться» с умеренной Директорией, признаем, быстротечный, хозяин Белого дома упустил, так в нее и не поверив. А после ее падения вашингтонский политик «уперся» в режим военной диктатуры, который в принципе не одобрял. Но Верховный правитель был, пожалуй, наиболее приемлемой фигурой в ряду других действовавших на Востоке России и известных в США военных и политиков; в условиях присутствия там американских войск с адмиралом А.В. Колчаком предстояло выстраивать линию отношений едва ли простых. Трудно сказать, уловили ли в Вашингтоне после падения Директории, последовавшего за переворотом 6 сентября 1918 г. на Севере в Архангельске и событий на Юге России, неприятную для лидера США тенденцию в развитии антибольшевистского движения. А оно значимо «качнулось вправо», избавлялось от влияния умеренных элементов, прежде всего социалистических³⁸.

На этапе подведения итогов войны сложными обещали быть отношения Белого дома с главными европейскими партнерами по поиску решения «русского вопроса». По некоторым его принципиальным аспектам, включая и более глубокое вовлечение США в интервенцию, англичане и французы, имели свои виды. Первые — более открыто, вторые — не без серьезных сомнений склонялись к тому, чтобы использовать тягу к «самоопределению» народов окраинных земель Российского государства ради будущего его ослабления.

В США мнения ближайших советников президента по острому вопросу сохранения территориальной целостности России разошлись. Э. Хауз в сентябре 1918 г. был готов принять британский подход, хотел бы видеть Сибирь независимой республикой,

³⁸ См. подробнее: *Голдин В.И.* Интервенция и антибольшевистское движение на русском Севере. 1918–1920. М., 1993. С. 82–94; *Цветков В.Ж.* Белое движение в России. 1917–1922 гг. // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 63.

а европейскую Россию — поделенной на три части. Его мысль формировалась под влиянием мнения известных либеральных журналистов У. Липпмана и Ф. Кобба. В написанном в октябре 1918 г. комментарии к «14 пунктам» проводилась та идея, что единого русского государства более не существовало и свою политику США следовало строить с учетом этого факта³⁹.

А вот Р. Лансинг отстаивал ту точку зрения, что ради уничтожения большевизма стоило бы более решительно поддержать белые армии, на знаменах которых был написан лозунг «единой и неделимой» России. В послании 21 ноября госсекретарь настраивал президента на то, что «русский вопрос» следовало рассматривать в более широком контексте мировой политики и распад огромной страны на поверку мог оказаться лишь «временной дезинтеграцией»⁴⁰.

Вильсона, внимавшего противоречивым рекомендациям советников, терзали смутные сомнения. Приведенное выше письмо госсекретаря стало, собственно, ответом на вопрос президента, прозвучавший накануне в его послании: «Осуществимо ли, учитывая хотя бы нынешнее временное расчлененное состояние России на пять частей — Финляндию, Прибалтийские провинции, европейскую Россию, Сибирь и Украину», представительство России на мирной конференции, или следовало «допустить часть ее, признав Омское правительство и приняв его представителей?»⁴¹. Пока Вильсон не находил ответа. Важным было и то, что над проблемой сохранения целостности государства Российского Вильсон размышлял в увязке с другой темой, острой для союзников и особенно болезненной для белых

³⁹ Архив полковника Хауза (дневники и переписка с президентом Вильсоном и другими политическими деятелями за период 1914–1919 гг.): в 4 т. / Подг. Ч. Сеймуром. М., 1937–1944. Т. 4. С. 151–153; *Печатнов В.О.* Уолтер Липпман и пути Америки. М., 1994. С. 91; *Фоглесонг Д.* Соединенные Штаты, проблема самоопределения наций и борьба против большевиков в Прибалтике. 1918–1920 // Первая мировая война: Пролог XX века... С. 603.

⁴⁰ R. Lansing to W. Wilson. Nov. 21, 1918 // PWW. Vol. 53. P. 151–152; *Фоглесонг Д.* Указ. соч. С. 604.

⁴¹ W. Wilson to R. Lansing, with Enclosure. November 20, 1918 // PWW. Vol. 53. P. 136.

русских дипломатов и политиков — перспектив представительства России на будущей конференции по подведению итогов войны.

Не удивительно, что «метания» президента не остались без комментариев, в частности, Б.А. Бахметева. В письме В.А. Маклакову он 21 октября отмечал, что при «настоящем бешеном темпе событий» загадывать что-либо на будущее было делом неблагодарным. Посол в США выражал свою позицию: «Что касается того смысла, который Америка вкладывает в заверения о территориальной неприкосновенности России, в частности Балтийских провинций, Литвы, Белоруссии и прочих, то я склонен думать во всех этих вопросах у Американского Правительства нет сколько-нибудь устоявшегося мнения и что практическое разрешение этого в будущем представляется им пока в виде применения к ряду конкретных задач основных постулатов». И далее следовало печальное предостережение: «Я боюсь, однако, касаться теперь этих вопросов, т.к. конструкция их для нас в настоящий момент будет проистекать в значительно менее благоприятных условиях... вся надежда на то, чтобы ко времени, когда политические вопросы станут на очередь, имелось в России ядро здоровой государственности, могущее говорить от имени и в защиту интересов нации»⁴². Такая перспектива могла просматриваться при сближении антибольшевистских правительств — Омского, Екатеринодарского и Архангельского (Востока, Юга и Севера России) и развития процесса становления общероссийской власти, при формировании единого представительства национальных сил на будущей мирной конференции⁴³.

Оказалось, однако, что даже при наличии требовавших глубокого осмысления животрепещущих вопросов «русской политики» она и после завершения войны для в. Вильсона оставалась в тени более значимых для него проблем: подготовки и заключения мирных договоров с Германией и ее бывшими союзниками,

⁴² Б.А. Бахметев — В.А. Маклакову. 21 октября 1918 г. // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3528. Л. 75, 75 об., 76, 76 об.

⁴³ См.: *Миронова Е.М.* Проблема обеспечения участия русской делегации в Парижской мирной конференции в теоретических поисках и практике русских небольшевистских дипломатов. // ЭНОЖ 2019. Т. 10 вып. 6 (80).

обустройства будущего миропорядка в духе «14 пунктов» и создания Лиги Наций. Та существенная роль, которую проявивший недюжинное дипломатическое мастерство президент сыграл при заключении Компьенского перемирия, отразила и признание увеличившихся силы и веса США в глобальной политике⁴⁴. Трудно сказать, не переоценивал ли их лидер США? И все же он, с возросшими за годы войны амбициями, готов был примерять на свою страну, да и на себя роль «первого среди равных», если не лидера, в ряду вершивших судьбами человечества великих держав.

Эти грандиозные планы лидера демократической партии, однако, могли быть серьезно нарушены течением внутривнутриполитических процессов в США. Развивавшаяся после их вступления в войну при попустительстве президента, озабоченного укреплением «национального единства», кампания «патриотизма» подняла волну накрывшего страну летом 1918 г. национализма и шовинизма. Ею умело воспользовалась оппозиционная республиканская партия и ее вожди — бывший президент Т. Рузвельт, видные сенаторы Г. Лодж, Дж. Уикс, У. Тафт и ряд других. На поле внешней политики вильсоновским идеям «либерального интернационализма», воплощенного в «14 пунктах», планам создания справедливого мира для всех народов оппоненты противопоставляли требования возвращения к «истинно американским» ценностям традиционного изоляционизма, разгрома Германии на поле боя и ее жесткого наказания при подведении итогов войны.

То, что настрой американского общества к ее завершению стал куда более консервативным, подтвердили выборы в конгресс 5 ноября 1918 г. Демократы и их лидер, допустивший в ходе избирательной кампании ряд серьезных просчетов, проиграли. Они утратили большинство в обеих палатах, последствия для Вильсона могли стать губительными. Мало того, что он стал несвободен

⁴⁴ О роли В. Вильсона в заключении Компьенского перемирия с момента германского обращения к нему 4 октября, его противодействию планам держав Согласия навязать противнику самые тяжелые условия прекращения войны, об отражении в перемирии «русской темы» см.: *Листиков С.В.* Американская дипломатия и «русская тема в Компьенском перемирии // Новая и новейшая история. 2017. № 6. С. 95–109; *Rudin H.* Armistice 1918. New Haven, 1944; *Thompson J. M.* Op. cit. P. 20–32.

в решении многих важных вопросов, в том числе и внешнеполитических. Пострадала репутация президента. Теперь его оппоненты и в США, и за их пределами, ссылаясь на результаты выборов, могли сказать: Вильсон не выражал воли американцев⁴⁵.

Компенсировать серьезную неудачу, восстановить доверие избирателей в США Вильсону могли помочь успехи на дипломатическом поприще. Располагая «багажом» собственных идей по поводу послевоенного мироустройства, президент с надеждой ожидал будущей мирной конференции. А она, в ряду осмысления и решения других насущных проблем глобальной повестки, должна была стать новым этапом поисков лидерами великих держав ответа на «русский вопрос».

ГЛАВА 14

«СТАЛЬНОЙ НАЖИМ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ХИЩНИКОВ»: ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ И БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИЙ В ПЕРСИИ В ТРАКТОВКАХ РАННЕЙ СОВЕТСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

А.Б. Ларин

Революционные потрясения 1917 года, результатом которых явился коллапс Российской империи, послужили началом глубоких социально–политических трансформаций на тех территориях, что входили в государство Романовых. Множество государственных и квазигосударственных образований, что возникли на осколках империи, пытались обеспечить (с большим или меньшим успехом) свое выживание в условиях завершающейся Великой войны и выработать собственные пути и модели государственно–политического развития. Из всех них РСФСР (а впоследствии — СССР) представляет наибольший интерес в смысле влияния на последующую историю не только отечественную или региональную, но и на историю всего человечества — уже в силу масштабов возникшего государства. При этом идейные основания, послужившие его идеологической базой, были столь оригинальны и столь существенно отличались в своих посылах от предшествующего опыта государственного строительства, что изучение практик советского правительства являет собой весьма интересную исследовательскую задачу само по себе, позволяя увидеть практическую имплементацию весьма нетривиального социально–политического эксперимента.

⁴⁵ *Adler S.* The Congressional Elections of 1918 // *The South Atlantic Quarterly*. 36 (Oct. 1937). P. 447–464; *Kennedy D.* Op. cit. P. 232–245, 349, etc.

Переворот конца октября 1917 г., в результате которого к власти в Петрограде пришли наиболее радикальные силы — большевики, становится поворотной точкой в развитии страны. Уже первые акты новой власти — Декрет о мире и Декрет о земле — продемонстрировали принципиальный разрыв с подходами не только Российской империи, но и Временного правительства. Руководствуясь собственными леворадикальными идеями, большевики провозгласили курс на создание нового общества и государства, основанных на принципиально иных началах, как они их видели сами и желали представить широким социальным слоям, на поддержку которых рассчитывали. Старые формы социальной, политической, экономической жизни разрушались, распадались и деградировали, в то время как происходило сложное и противоречивое становление новых, основанных не на историческом опыте и обеспеченности реальной практикой, а прежде всего на тех идеологических постулатах, что большевики считали неоспоримыми и которые естественным образом затрагивали области внутренней и внешней политики.

Подходы в области выстраивания межнациональных и международных отношений подверглись глубокой ревизии. Провозглашались принципы справедливости, равноправия государств и наций, их суверенного равенства, отказ от империалистической и колониальной политики, угнетения и эксплуатации и т.п. Все эти идеи нашли свое отражение в документах, изданных советскими властями вскоре после захвата власти. В частности, нельзя не упомянуть «Обращение к трудящимся мусульманам России и Востока»¹. Воззвание это (как и другие памятники эпохи) несет на себе яркую печать радикализма устремлений и коммунистического провиденциализма, что видно уже в первых строках: «Товарищи! Братья! Великие события происходят в России. Близится конец кровавой войне, начатой из-за дележа чужих стран. Падает господство хищников, поработивших народы мира. Под ударами русской революции трещит старое здание кабалы и рабства. Мир произвола и угнетения

¹ Обращение к трудящимся мусульманам России и Востока. 20 ноября (3 декабря) 1917 г. // Декреты советской власти. М., 1957. Т. I. С. 113–115.

доживает последние дни. Рождается новый мир, мир трудящихся и освобождающихся»².

Антиколониальный, антиимпериалистический пафос этого (как и многих других) документа раннесоветской эпохи дополнялся вполне конкретными заявлениями практического свойства, затрагивающими отношения с Турцией и Персией. Так, в отношении первой объявлялось, что тайные договоры о захвате Константинополя, как и договор о разделе Турции, «отнятии» у нее Армении аннулированы. Что же до Персии, документ содержал следующие строки: «Мы заявляем, что договор о разделе Персии порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, войска будут выведены из Персии и персам будет обеспечено право свободного определения своей судьбы»³. Уже здесь можно видеть будущие основания политики большевиков в этой стране. В скором времени начнется эвакуация российских войск из Персии, а русско-британская конвенция 1907 г. будет аннулирована. Советское правительство пыталось найти основания для выстраивания отношений с Тегераном на принципиально иных, новых началах.

Естественным образом, внешняя политика большевиков, столь разительно отличавшаяся не только от курса Российской империи, но и других современных ей государств, привлекает серьезное внимание исследователей. При этом существенное внимание уделяется восточному вектору, отношениям с различными странами Востока, в частности — с Персией⁴. Отдельным

² Там же. С. 113.

³ Там же. С. 114.

⁴ См., например: *Гасанлы Дж.* «Иранская эпопея» большевиков и углубление конфликта на южном побережье Каспия (1920–1921 гг.) // Кавказ и глобализация. Том 6. Вып. 1. 2012. С. 137–166; *Генис В.Л.* Красная Персия: Большевики в Гиляне, 1920–1921: документальная хроника. М., 2000; *Дёмин Ю.А.* Ф.А. Ротштейн и первые шаги советской дипломатии в Иране (1921–1922 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 52–61; *Емельянова Е.Н.* Политика Советской России по отношению к странам Среднего Востока в начале 20-х гг. XX века // Научный диалог. 2016. № 7 (55). С. 171–185; *Редченко Д.В.* Г.В. Чичерин и советская внешняя политика в странах Востока // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Сер. История. Международные отношения. Вып. 1. С. 103–113.

важным направлением остается изучение непростых отношений с геостратегическим соперником в регионе еще с эпохи Большой игры — Великобританией⁵. Нужно отметить, что этот интерес понятен и оправдан. Он обусловлен как традиционной ролью региона Ближнего и Среднего Востока в международных отношениях, в том числе в связи с интересами России, так и теми принципиально новыми подходами и идеями, что привнесли большевики в область внешней политики. При всей экстравагантности последних, нельзя не признать, что их антиколониальная риторика, признание идеи суверенного равенства наций и проч. отражали объективные тренды развития XX столетия, нашедшие воплощение в национально-освободительной борьбе многих обществ Азии и Африки и распаде колониальных империй, появлении множества новых независимых государств. В условиях развития различных форм неокOLONиализма, попыток выстраивания иерархичного мироустройства, что находит свое идеологическое обоснование в концепции «порядка, основанного на правилах», вызывающей естественное несогласие, отторжение и сопротивление со стороны крупных акторов международных отношений, особенно отчетливо проявившееся в последнее время, исследование особенностей взаимодействия правительства большевиков со странами Востока — есть актуальная научная задача.

Большое значение при этом имеет не только практическая сторона советско-персидских отношений, используемых Советами подходов в регионе Среднего Востока, взаимодействие их с Великобританией, но и формирование нового дискурса, связанного с этими и прочими смежными вопросами. Используемая риторика менялась параллельно изменениям курса, являясь сама по себе значимым общественно-политическим фактом, поскольку позволяла отразить происходившие перемены, вырабатывая новые формы языка их описания, обоснования действий новых

⁵ Например: *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924: от интервенции к признанию. СПб., 2019; *Улунян Ар.А.* Туркестанский плацдарм. 1917–1922: Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2020.

властей. Изучение формирования нового дискурса международных отношений на Среднем Востоке, в Иране, в различных его аспектах представляется актуальной исследовательской задачей, поскольку для идеократического государства как РСФСР/СССР вопросы репрезентации и описания государственных действий имели весьма серьезное значение, сопоставимое со значением практики как таковой. Для большевиков важно было продемонстрировать принципиально новый характер собственного курса, показать разрыв с «темным» прошлым, с политикой «буржуазных» стран.

Материалы, связанные с международными отношениями на Среднем Востоке, в Персии, представляют в этом смысле большой интерес. Давние связи Ирана с Россией, многообразные интересы последней в этой стране, протяженная общая граница, наследие англо-русской конкуренции эпохи Большой игры и потенциал экспорта революции в Иран естественным образом привлекали к тому внимание теоретиков и практиков большевизма. На рубеже 1910-х — 1920-х гг. было опубликовано много работ, посвященных ситуации в Иране и межгосударственным отношениям в регионе в целом. Написанные крупными советскими публицистами, международниками, деятелями революционного движения, зачастую связанными с НКВД, они представляют богатый материал для анализа формирующегося раннего советского дискурса. Здесь хотелось бы обратить внимание на те оценки, характеристики, что давались в соответствующих публикациях деятельности имперской России и Великобритании в Персии. Анализ характеристик такого рода позволит лучше понять как специфику возникшего дискурса, так и особенности подходов большевиков на Среднем Востоке.

Характеристики Российской империи и ее политики на Востоке, в Персии, в рассматриваемых текстах весьма неприглядны. Это неудивительно, учитывая общее отношение большевиков к исторической России и стремление всячески от нее отмежеваться. Итак, Российская империя, в отношении которой как правило использовались такие наименования как «царская Россия», «царский режим», рисуется в текстах эпохи весьма темными

красками. Курс Петербурга в странах Азии рассматривается в русле политико–экономического подчинения последних. Как писал об этом известный публицист, редактор журнала «Новый Восток», М. Павлович: «в эпоху царизма Восток являлся для России исключительно объектом завоевательной политики и экономической эксплуатации», а все внешние взаимодействия и военная история России в XIX в. прежде всего являлись историей борьбы «с другими империалистическими державами, вначале с Францией и, главным образом, с Англией, а в течение последнего двадцатипятилетия, накануне мировой войны, с Германией за овладение Востоком»⁶.

Анализируя причины интереса властей Российской империи к странам Востока советский публицист, историк С.К. Пастухов (писал под псевдонимом С. Иранский) в одной из своих работ цитирует известную фразу князя Горчакова: «Будущее России лежит в Азии» и задается вопросом о том, какое содержание вкладывала «царская Россия» в эту формулу. Характеризуя ситуацию в стране в эпоху Александра II, он отмечает, что русская промышленность запаздывала в своем развитии в сравнении с западноевропейской, а потому не могла конкурировать с ней на равных. «И если на Западе царская Россия видела более или менее политически стойкие государственные образования, составляющие объект эксплуатации крупного европейского капитала, то на Востоке и отчасти на юге (Персия) пред ней лежали безбрежные пространства, географически как бы составлявшие продолжение ее территории, на которых были расположены экономически и политически слабые государства, находившиеся еще вне сфер влияния европейского капитала»⁷.

В полной мере этот общий взгляд распространялся и на подходы в отношении Персии. В связи с политикой России в этой стране применяются такие эпитеты как «империалистическая»,

⁶ Павлович М. (М. Вельтман). Собрание сочинений. Империализм и мировая политика последних десятилетий. Том 3. Борьба за Азию и Африку. Ленинград, 1925. С. 94.

⁷ Иранский (С.К. Пастухов). Русско–персидские отношения за пять лет // Новый Восток. 1923. № 3. С. 90–91.

«хищническая»⁸, «разбойничья»⁹, «захватническая»¹⁰ и т.п. Ее суть могла определяться следующим образом: «политически поставить Персию в условия, которые обеспечивали бы царской России возможность постоянной эксплуатации Персии»¹¹. Подчеркивался империалистический и колониальный характер линии Петербурга. Пастухов, говоря о Туркманчайском трактате, служившим базой русско–иранских отношений до 1917 г., отмечал, что установленные этим договором и особым актом к нему консульская юрисдикция, а также особые права и преимущества для русских граждан и русской торговли «создавали те нездоровые условия, которые характеризуют отношение империалистических государств к их колониям и полуколониям»¹².

При этом отмечается, что власти Российской империи использовали самые различные средства для укрепления своего влияния в Иране. В работе «Персия в борьбе за независимость» при характеристике аграрной ситуации в стране отмечается тяжелое экономическое положение крестьянства. При этом «царская Россия» стремилась воспользоваться «малосознательностью» персидского крестьянина и «вследствие своего невежества и несчастного положения, многие крестьяне легко стали игрушкой в руках реакции». Говорится о том, что «царские агенты возбуждали ненависть крестьян против их эксплуататоров» но одновременно и «расхваливали светлые стороны русского режима». В результате многие крестьяне Северной Персии по многочисленным свидетельствам ожидали присоединения этих земель к Российской империи. И лишь иранская революция «нанесла сильный удар планам царских агентов в Персии и парализовала их интриги»¹³.

⁸ Султан–Заде А. Персия. М., 1925. С. 30.

⁹ Там же. С. 49; Павлович М.П. (Мих. Вельтман). Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего (к вопросу о причинах мировой войны). Книга 1. Часть 2. Изд. 2–е. Москва–Петроград, 1919. С. 68.

¹⁰ Султан–Заде А. Персия... С. 60.

¹¹ Иранский (С.К. Пастухов). Русско–персидские отношения за пять лет... С. 92. Ср.: Царская Россия и Персия в эпоху русско–японской войны // Красный архив, № 4 (53). 1932. С. 14.

¹² Там же. С. 92.

¹³ Павлович М., Иранский С. Персия в борьбе за независимость. М., 1925. С. 15.

Основное внимание уделялось, разумеется, интенсивному экономическому проникновению Российской империи, в различных его проявлениях. Постулировалось, что сама географическая близость Персии создавала для России особенно выгодное положение «для проведения своей насильственной политики в отношении своего слабого соседа». Протяженная сухопутная граница, связь через Каспий с бассейном Волги, развитие железнодорожной сети в Закавказье и Средней Азии и проч. «вызывало со стороны природно-богатых, но мало культурных, страдающих от бездорожья восточных, северных и западных провинций Персии сильное экономическое тяготение к России»¹⁴. В результате русско-персидская торговля развивалась, ее обороты росли, «произведения русской промышленности также господствовали на персидских рынках», русские изделия «вследствие удобства и дешевизны транспорта... имели обеспеченный сбыт на персидских рынках, получая оттуда необходимое для русской промышленности сырье»¹⁵. Все это создавало богатые перспективы для дальнейшего экономического освоения Ирана.

Как отмечал Павлович, «благодаря развитию русского капитализма, экономическое влияние России в Средней Азии и преимущественно в Персии растет в течение 20 столетия с необычайной быстротой»¹⁶. По его же словам «России накануне войны принадлежала гегемония на персидском рынке»¹⁷. Действительно, «все концессии в северной Персии принадлежали только царской России...; пути сообщения в северной Персии (шоссейные, водные, железнодорожные) были построены, оборудованы и эксплуатировались только Россией, Персия не имела права транзита своих товаров через русскую территорию в третьи страны»¹⁸, после того как шах в 1901–1902 гг. заключает в России два новых

¹⁴ *Иранский* (С.К. Пастухов). Русско-персидские отношения за пять лет... С. 92.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Павлович М.П.* (Мих. Вельтман). Азия и ее роль в мировой войне. Издание газеты «Новая жизнь». Петербург, 1918. С. 38.

¹⁷ *Павлович М.П.* (Мих. Вельтман). Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего... С. 26.

¹⁸ *Иранский* (С.К. Пастухов). Русско-персидские отношения за пять лет... С. 92–93.

займа, «Россия захватывает в свои руки всю финансовую монополию над Северной Персией»¹⁹.

Однако же в представлении рассматриваемых авторов дело не ограничивалось только лишь экономической эксплуатацией слабого соседа. В конечном счете речь должна была идти о политическом подчинении, даже инкорпорации, частичной либо полной, для чего могли использоваться различные средства. Как утверждалось в работе «Персия в борьбе за независимость», «благодаря постоянной поддержке персидской анархии и внутренних осложнений в стране царя царей, России удалось шаг за шагом овладеть Дербентом, низовьями Куры, Талышом, ханствами Карабахским, Ганжинским, Шекинским, Ширванским, Эриванским, Нахичеванским, временно занять южно-каспийские области (Гилян и Мазандеран), с перспективой приобрести персидский Азербайджан, если не всю "Тегеранскую губернию"»²⁰.

Этот мотив — экспансии и доминирования — звучит довольно часто. Выше уже отмечалось экономическое значение инфраструктурных проектов России, в частности — железнодорожных. Однако помимо сугубо экономического значения железнодорожного строительства подчеркивается и его значение для военно-политического подчинения Персии. Павлович в работе о железных дорогах писал об этом следующим образом: «Несомненно, что с точки зрения инициаторов русского проекта индоевропейского пути, последний должен был прежде всего явиться в руках России могучим орудием борьбы с Англией за гегемонию в Средней Азии, средством окончательного поглощения Персии и превращения ее в русскую губернию и, наконец, ключом к воротам в Индию»²¹. Рассматривая вопрос о железной дороге Джульфа — Табриз, концессия на которую была получена в 1913 г., он отметил, что «русская» ширина колеи, на которой настаивала российская сторона, была обусловлена тем, что

¹⁹ *Павлович М., Иранский С.* Персия в борьбе за независимость... С. 16.

²⁰ Там же. С. 65.

²¹ *Павлович М.П.* (Мих. Вельтман). Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего... С. 17.

«железнодорожная линия Джульфа–Тавриз–Урмия предназначена не столько для ввоза русских ситцев, керосина, сахара в Персию и вывоза оттуда сушёных фруктов, ковров и невыделанных кож, сколько для постепенной аннексии Азербайджана и захвата Урмийского округа»²².

А. Тимофеев в статье «Империалистическое "мирное" завоевание Персии» утверждает, что в годы перед Великой войной и в эпоху последней русская империалистическая политика в Персии приобретает «выраженный агрессивный характер», особенно в Иранском Азербайджане, Курдистане, прикаспийских провинциях²³. Составлялись проекты русских поселений в Астрабадском районе²⁴, в Иранском Азербайджане «русским подданным (татарам и армянам) предоставлялось захватывать именья и крестьянские земли, опираясь на русское влияние. По его словам, «Азербейджан был фактически оккупирован, так же, как и Ардебильский район», русское влияние внедрялось силой, министерство иностранных дел «вело мелкую путанную политику интриг в Тегеране и через консулов» в пользу русских подданных и покровительствуемых, сильно раздражавшую иранцев²⁵. Военные власти пытались в этих условиях проводить собственный курс, отличный от линии МИД, но столь же неудачно: «Словом, империалистическая политика потерпела полный крах и могла держаться только оккупацией»²⁶.

Тимофеев делает и общий вывод по результатам этих лет: «Итак, в итоге русской царской политики, появился ряд концессий в Сев. Персии, казалось бы, связанных только с экономическим

²² Павлович М.П. (Мих. Вельтман). Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего... С. 61.

²³ Тимофеев А. Империалистическое «мирное» завоевание Персии // Новый Восток. Книга 2. Москва, 1922. С. 260.

²⁴ См. об этом: Ларин А.Б. «Новая Апельсиния»: апология проникновения в Мазандаран и Астрабад в публикациях чинов российского переселенческого ведомства // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Выпуск 6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840016274-0-1/> (дата обращения: 12.07.2022).

²⁵ Тимофеев А. Империалистическое «мирное» завоевание Персии... С. 260–261.

²⁶ Там же. С. 261.

проникновением и завладением персидским рынком, но концессии вызвали для охраны интересов капиталистов военное продвижение в Персию, и, на деле, во время мировой войны, царское правительство уже рассматривало Персидский Азербейджан, как возможное продолжение русского Закавказья, а на оккупацию части Северной Персии и неудачное укрепление там русского влияния тратились в течение многих лет крупные суммы. Вообще, в практике империалистической политики экономическое и коммерческое начало как бы неизбежно кончается политическим и военным захватом»²⁷.

Но что же Великобритания? Ее политика в Персии характеризовалась весьма схожим образом, как империалистическая и колонизаторская, что не удивительно, поскольку в целом «планы европейских хищников по отношению к Азии ясны»²⁸. Отмечается, что Англия была «по времени первой западной державой, начавшей в крупных размерах экономический захват Персии путем "мирного проникновения"»²⁹. Весьма скоро и интенсивно она начинает приобретать разного рода концессии в стране, среди которых называются телеграфные, Шахиншахский банк Персии, дорожные и нефтяные концессии и т.д., и т.п.³⁰ При этом подчеркивается не только чисто экономическое, но и политическое значение этих предприятий. Скажем, тот же телеграф: упоминается, что английские чиновники, работающие на линиях, выступают как проводники влияния Великобритании, а также осведомители³¹.

Особо отмечается известная концессия барона Юлиуса Рейтера. Как писал Тимофеев, в 1872 г. тот получил «концессию на

²⁷ Там же. С. 267–268.

²⁸ Павлович–Волонтер М.П. (Вельтман М.). Вопросы колониальной и национальной политики и III Интернационал (Советская Россия, Азербайджан, Грузия, Армения, Турция). М.: Тип. III Коммун. интернационала, 1920. С. 15.

²⁹ Тимофеев А. Империалистическое «мирное» завоевание Персии... С. 261.

³⁰ Там же. С. 261–266.

³¹ Там же. С. 262. Это общее место и в дореволюционной литературе. Ср.: Чернозубов Ф. Страна льва и солнца // Военный сборник. № 10. Октябрь, 1908. СПб., 1908. С. 203; Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб., 1909. С. 250.

все персидское государство». В соответствии с ее условиями³², Рейтер, этот «пионер империалистического капитализма в Персии, проявил необычайный даже для империалистов аппетит и на бумаге проглатывал уже всю Персию сразу». И хотя эта концессия осталась нереализованной, ее отложенным следствием стало возникновение Шахиншахского банка, важнейшего проводника британского влияния. Тот же Тимофеев отмечает следующие ключевые операции банка: займы персидскому правительству, поставка серебра для чеканки монеты, выпуск банковских билетов, посредничество в денежных расчетах между Европой и Персией, коммерческие операции, посредничество при получении концессий³³.

Словом, в различных текстах перечисляются и описываются многочисленные британские предприятия в Персии, деятельность Великобритании по укреплению своего экономического и политического влияния в стране и проч., и проч., все то, что объединяет подходы Альбиона и имперской России. Но в чем же состояло отличие между ними с точки зрения советских публицистов? Прежде всего, подчеркивается бóльшая эффективность британских усилий в экономической сфере. Говоря о политике Великобритании Тимофеев утверждал, что от царской «она отличалась не принципиально, а качественно: лучшей и деловой организацией. Царское правительство и капиталисты затратили в Персии около 160 милл. рубл. и имели до войны и во время войны предприятия в большинстве случаев неустойчивые и не доходные. Англичане, затратив относительно меньшие суммы, имели предприятия устойчивые и доходные, пережившие кризис империалистической политики в Персии, проявившие таким образом свою жизнеспособность»³⁴.

Для примера: сравнивая два финансовых учреждения — британский Шахиншахский банк и русский Учетно-ссудный банк —

³² Они многократно описаны в литературе. См., например: *Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia, 1864–1914. A study in imperialism.* New Haven and London: Yale University Press, 1968. P. 105–108.

³³ *Тимофеев А.* Империалистическое «мирное» завоевание Персии... С. 263–264.

³⁴ Там же. С. 268.

тот же автор подчеркивает бóльшую адаптивность и эффективность первого. Он цитирует работу бывшего германского консула Литтена, в которой тот подчеркивает «пассивность и небрежность» Учетно-ссудного банка, и заключает: «Словом, русский банк, как сказано, был чиновничьим учреждением, а английский — деловым и коммерческим, и, естественно, что первый давал большие убытки, а второй большие прибыли», как результат, «средства банков были приблизительно равны, но результаты работы очень различны»³⁵. Говоря о коммерческих операциях обоих банков и приводя пример, он отмечает «своеобразные условия торговли на Востоке и необходимость приспособления к ним для успешности операций — этого приспособления как раз не было у Русского банка, в противоположность Английскому»³⁶.

Впрочем, большая адаптивность, гибкость и приспособляемость (в которых легко увидеть традиционные стереотипы об «интригах» «коварного Альбиона»), приписываемые различными авторами британской стороне, касались не только вопросов экономических. Равным образом характеризовались и подходы в дипломатии и политике. Острая конкуренция между Россией и Британией в странах Азии в эпоху Большой игры не могла не найти отражения на страницах работ советских авторов. Для ее описания использовались порой весьма яркие образы. Павлович писал: «И уже при первом взгляде на историческую карту расширения территориальных границ обоих государств — России, стремившейся по направлению к Индии, и Англии, форсированным маршем двигавшейся вперед в северном направлении от индийской границы, — было очевидно, что оба империалистических государства, подобно двум поездам,

³⁵ Там же. С. 263.

³⁶ Там же. С. 264. И снова хотелось бы отметить, что подобного рода сетования на меньшую адаптивность российской коммерции в Персии в сравнении с британской были характерны и для текстов имперского периода. См. об этом: *Ларин А.Б.* Англичанин и русский среди иранцев: *modus operandi* глазами российского наблюдателя // «Свои» и «Другие»: взаимодействие и восприятие культур Запада и России (К юбилею Виктора Леонидовича Малькова) / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2020. С. 213–216.

мчащимся по одной линии, навстречу друг другу, неизбежно должны столкнуться»³⁷.

А так как главным буфером между Россией, «с железной стихийной силой, неудержимо шедшей вперед в своем поступательном движении по направлению к Персидскому заливу и индийским границам» и Англией, «форсированным маршем двигавшейся на север, как будто для того, чтобы дать скорее бой своему противнику и притом в пункте, по возможности наиболее отдаленном от Индостана» была Персия³⁸, то от эффективности британской политики в этой стране зависело многое. Суть «хитрой английской дипломатии» в рассматриваемых репрезентациях была такова. В эпоху острой конкуренции с Россией, в то время, когда Британия еще не видела в Германии опасного противника, «свободолюбивая Англия выступила в роли верного друга Персии, в роли энергичного защитника персидского народа и персидской конституции». Отмечается, что этот подход был естественным и неизбежным, поскольку в начале XX в. российское военное, политическое и экономическое влияние в Тегеране было очень сильно «благодаря тяготению реакционного шаха к царскому правительству»³⁹.

В этих условиях, чтобы подорвать влияние России в Персии, Англия «вступает как бы в тайный союз с персидским народом, пользуется пробуждающимся в стране конституционным движением и, оказывая энергичную поддержку населению, борющемуся за свободу, в необычайной мере подымает свой престиж в Северной Персии и этим самым создает себе в 10 миллионном персидском народе верного союзника в борьбе против агрессивной политики России в Средней Азии»⁴⁰. Надо заметить, что данная оценка советской публицистики вовсе не нова. О поддержке британцами конституционного движения в Персии, борьбы революционеров против Мохаммад Али-шаха в ущерб

³⁷ Павлович М. (М. Вельтман). Собрание сочинений. Империализм и мировая политика последних десятилетий... С. 94.

³⁸ Павлович М., Иранский С. Персия в борьбе за независимость... С. 66.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

интересам России, писали и до 1917 г. Другое дело, что взгляды на иранскую революцию, ее деятелей могли быть совсем иными⁴¹.

Впрочем, как видно из рассматриваемых публикаций, эта поддержка национального движения с британской стороны вовсе не бескорыстна, она обусловлена вышеназванными прагматическими причинами, а значит имела естественные ограничения. Подчеркивается, что Британия поддерживала конституционалистов в Северной Персии пока нужно было оказывать противодействие русскому влиянию при дворе шаха, но в то же время она «всеми силами подавляла освободительное движение в южных провинциях, прилегающих к индийской границе, оказывала в этих областях всяческую поддержку персидским сатрапам, боровшимся против освободительных идей»⁴². Таким образом, с рассматриваемой точки зрения, сущностного различия «империалистической» политики Российской и Британской империй в Персии не было. Как писал Павлович, ссылаясь на свою публикацию еще 1911 г.: «Разница эта чисто формальная. Английское правительство предпочитает работать в белых перчатках, соблюдая в некоторых отношениях внешний декорум, чтобы обмануть общественное мнение своей страны и всей Европы, официальная же Россия действует откровеннее...»⁴³

Постулируемое в текстах лицемерие британской политики в Иране особенно отчетливо видно, если хронологически несколько забежать вперед, уже в постреволюционную эпоху, когда в силу коллапса России Британия какое-то время могла проводить свою внешнюю линию без оглядки на северного конкурента. Подчеркивается, что в новых условиях Британия могла уже не надевать маску «благотельницы», радеющей за права и свободы иранцев, напротив, если «когда-то Англия делила Персию на две части совместно с царской Россией», то «теперь

⁴¹ См., например: Зиновьев И.А. Россия, Англия и Персия. СПб., 1912.

⁴² Павлович М., Иранский С. Персия в борьбе за независимость... С. 66. Более того, в этой же работе подчеркивается, что рост революционного движения в Индии в не меньшей степени, чем страх перед Германией, толкнул Англию к сближению с Россией и изменению курса по отношению к освободительному движению в Персии. См.: там же. С. 66–67.

⁴³ Там же. С. 68.

Англия не прочь бы захватить в свои руки и северную часть и овладеть всей страной»⁴⁴, «забрать Персию в свои руки»⁴⁵. Утверждалось, что «крушение русской империалистической политики побудило английских империалистов, раньше избегавших открытого давления и предоставлявших в Персии весьма непочтенную роль «мавра» России, сделать попытку захватить всю Персию... вследствие чего венцом длинной цепи английских концессий, начинающейся с 1862 г. оказался политический договор 1919 г., открыто передавший Персию в английское управление...» И несмотря на все слова об укреплении «старой дружбы», «уважении независимости и целостности Персии», в этой стране никто не сомневался, «что Англия любит Персию как кошка любит мышь»⁴⁶. Отношение Британии к Персии — это отношение к колонии, «которую она намерена закабалить навсегда...»⁴⁷ Тот же договор 1919 г. должен был сделать Персию «форменной колонией Англии»⁴⁸. На страницах публикаций Британия предстает как реакционная сила, поддерживающая отжившие порядки и социальные группы: «Их лозунг: только в союзе с англичанами — залог сохранения всех феодальных вольностей и привилегий в Персии»⁴⁹.

Вышеизложенное демонстрирует, какой представала политика каждой из двух европейских держав — России и Великобритании — в Персии в изложении советских авторов. Хорошо

⁴⁴ Павлович–Волонтер М.П. (Вельтман М.). Вопросы колониальной и национальной политики... С. 15.

⁴⁵ Султан–Заде А. Персия... С. 53.

⁴⁶ Тимофеев А. Империалистическое «мирное» завоевание Персии... С. 268.

⁴⁷ Павлович–Волонтер М.П. (Вельтман М.). Вопросы колониальной и национальной политики... С. 15.

⁴⁸ Султан–Заде А. Английский империализм в Персии и социально–экономическая природа монархии Реза–Шаха Пехлеви // Революционный Восток. 1928. № 3. С. 89. В другой своей работе он говорит даже о «фактической аннексии». См.: Султан–Заде А. Персия. М., 1925. С. 31.

⁴⁹ Иранский (С.К. Пастухов). 5 лет взаимоотношений советской власти с Персией // Новый Восток. Книга 4. Москва, 1923. С. 229. См., также: Султан–Заде А. Английский империализм в Персии и социально–экономическая природа монархии Реза–Шаха Пехлеви // Революционный Восток. 1928. № 3. С. 107.

видно, что сущностного различия между ними не проводилось, отмечалось лишь своеобразие подходов и методов. Стоит, впрочем, оговорить уже показанное выше типичное для литературы подобного рода подчеркивание реальных и мнимых недостатков Российской империи, якобы присущие ей отсталость, неэффективность и т.п. Тем паче в Иране была удобная пара для сравнения — Великобритания, которой приписывалась бо льшая эффективность, пусть и в проведении «империалистической» политики. Цели подобного принижения Российской империи вполне очевидны, они состояли в необходимости для создателей нового дискурса, во–первых, отмежеваться от старых властей, старой государственности, во–вторых — обосновать необходимость ее разрушения, т.е. революции, в–третьих — легитимизировать себя самоё, советскую власть.

Особая роль в истории европейского империализма в Персии отводится российско–британскому соглашению 1907 г., урегулировавшему основные противоречия двух держав в Азии. Стоит отметить, что в качестве причины, побудившей Британию пойти на соглашение с давним соперником, называется подъем революционного движения в странах Востока, «пробуждение Азии», угрожавшее ее империалистическим и колониальным интересам: «И это пробуждение Востока наводит такой страх на международную буржуазию, что самое либеральное правительство в Европе — английское — бросается в объятия русского царизма»⁵⁰. Подчеркивалось опасение роста революционного движения в Индии. По словам Павловича, именно боязнь, что торжество революции в Персии даст сильный толчок революционному движению в Индии, заставило британскую дипломатию изменить курс по отношению к иранскому конституционному движению и пойти на соглашение с Россией⁵¹. Этот договор характеризуется как «возмутительный», «издевательство над персидской конституцией»⁵².

Так или иначе, после заключения соглашения Россия и Британия переходят к согласованному курсу в Каджарском Иране.

⁵⁰ Павлович М., Иранский С. Персия в борьбе за независимость... С. 103.

⁵¹ Там же. С. 67.

⁵² Там же.

В интерпретации советских авторов как само соглашение 1907 г., так и совместная деятельность двух держав рассматриваются в тесной связи с иранской Конституционной революцией. Отмечается, что революционное движение носило национально-освободительный характер, что именно «опасность попасть в когти иностранных империалистов» ускорила социально-политические процессы. Подчеркивается, что «махинации» России и Британии еще больше усилились после начала революции, когда они поняли, что движение направлено не только против «шахского произвола», но и против них самих. «Отсюда становится понятным, почему царизм, действуя в полном контакте с англичанами, с такой беспощадностью подавил первую персидскую революцию...»⁵³. Всячески выделяются совместные действия, единый курс в ходе революции России и Британии, что, аккуратно выражаясь, было не совсем так⁵⁴. Так, говорится, что гражданская война продолжалась «умело разжигаемая русско-английским золотом», что две державы «по всем важнейшим вопросам выступали совместно», что обе были заинтересованы в подавлении персидской революции⁵⁵.

Таким образом, всякие надежды персидских либералов на то, что Англия не оставит их беззащитными перед «хищническим царизмом», придет им на помощь, пропали втуне. Со ссылкой на персидскую газету Павлович приводит такой вымышленный диалог Персии с Великобританией. Первая плачется: «"О, могучая, либеральная Англия, что делать мне с свободными идеями, которые ты же мне внушила", — Великобритания отвечает: "О, милая Персия, выбей себе из головы эти идеи. Твоя доля быть наложницей русского казака и служанкой у английского сипая"»⁵⁶. Ему вторит Султан-Заде: «Все действия царской России по подавлению освободительного движения поддерживались и одобрялись и Англией. В дальнейшем они стали уже выступать совместно»⁵⁷.

⁵³ Султан-Заде А. Персия... С. 76.

⁵⁴ См. об этом, например: Арабаджян З.А. Неизвестные страницы Конституционной революции 1905 – 1911 гг. в Иране. М., 2021.

⁵⁵ Султан-Заде А. Персия... С. 76.

⁵⁶ Павлович М., Иранский С. Персия в борьбе за независимость... С. 67.

⁵⁷ См.: Султан-Заде А. Персия... С. 30 и далее.

Что же говорилось об этой совместной политике России и Британии? Естественно, она оценивается крайне негативно. Скажем, отмечается ее резко отрицательное влияние на экономическое развитие страны, ее производительных сил: «крайне невыгодные торговые договоры не дающие возможности туземной промышленности защищаться против конкуренции русских и английских фабрикантов, мешают персидской промышленности стать на ноги»⁵⁸. Для характеристики англо-русского курса используется слово «удушение», говорится о том, что страна была зажата «между английским молотом и русской наковальней»⁵⁹. При этом советскими авторами было воспринято выражение, использованное американцем У. Морганом Шустером (главой финансовой миссии в Иране в 1911 г.) в качестве названия своей известной книги: «Удушение Персии»⁶⁰.

Исходя из этого представлено и положение Ирана, его статус. Страна описывается как фактическая «англо-русская колония»⁶¹, Британия совместно с Россией устанавливает над ней «англо-русский протекторат»⁶², эти державы осуществляют «растлевающее влияние», производят разного рода «махинации» с тем, чтобы продолжать «вековую политическую и

⁵⁸ Павлович М., Иранский С. Персия в борьбе за независимость... С. 28.

⁵⁹ Вишнеградова А. Революционное движение в Персидском Азербейджане // Новый Восток. Книга 2. Москва, 1922. С. 249.

⁶⁰ Shuster W.M. The strangling of Persia. NY, 1912. В этом смысле советские авторы восприняли антироссийский дискурс, широко представленный в Британии той эпохи и ассоциируемый с деятельностью т.н. Персидского комитета. Шустер был весьма антироссийски настроен, в этой работе он всячески стремился подчеркнуть негативное влияние России и Британии на развитие Ирана. Стоит сказать, что это выражение — «удушение Персии» — получило широкое хождение, встречается в работах исследователей из разных стран, например, германских (Шульце Э. Борьба за персидско-месопотамскую нефть. М., 1924. С. 80) или американских (Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia, 1864–1914. A Study in Imperialism. New Haven; L., 1968. Chapter 9).

⁶¹ Вишнеградова А. Революционное движение в Персидском Азербейджане... С. 249.

⁶² Павлович М. (М. Вельтман). Собрание сочинений. Империализм и мировая политика последних десятилетий... С. 8.

экономическую эксплуатацию Персии»⁶³. В результате «постепенно внешнее англо–русское иго наряду с внутренним гнетом, деспотической властью шаха и тиранией его сатрапов становятся в глазах передовых представителей персидского общества важнейшими тормозами к европеизации Персии, превращению ее в сильное и свободное государство»⁶⁴.

Справедливости ради, в разбираемых текстах отмечается, что, несмотря на все вышеперечисленные негативные черты, даже такая политика двух империй в Персии определенным опосредованным образом приносила ей пользу. Так, говорится о том, что географическое положение между Россией, Англией и Турцией «не могло не вывести "страну царя царей" из сонного состояния». Благодаря развитию торговли с соседними странами, влиянию России и Британии, «Персия начинает медленно перерождаться в хозяйственном отношении»⁶⁵. В результате постепенно разрушается старое натуральное хозяйство, происходит переход к товарно–денежным формам производства, выращиванию новых культур, Иран втягивается в орбиту мирового хозяйства, интенсивно растет его торговый оборот⁶⁶.

В стране возникают новые формы социально–экономической, социокультурной жизни, появляются слои общества, способные воспринять новые идеи. Как писал Павлович, «в борьбе с Англией и особенно с царской Россией развилось и укрепилось либеральное персидское движение, во главе которого шла персидская буржуазия — представительница торгового капитала... и духовенство в лице муштехидов»⁶⁷. Мощным фактором было соседство двух стран. «Под влиянием усиливавшегося с громадной быстротой товарообмена с Россией, влияние, богатство и численность торгового класса Персии возросли

⁶³ Султан–Заде А. Персия... С. 76.

⁶⁴ Павлович М., Иранский С. Персия в борьбе за независимость... С. 28. Также: там же. С. 65–80.

⁶⁵ Там же. С. 22.

⁶⁶ Там же. С. 22–23; Султан–Заде А. Английский империализм в Персии и социально–экономическая природа монархии Реза–Шаха Пехлеви... С. 84.

⁶⁷ Павлович М., Иранский С. Персия в борьбе за независимость... С. 41.

в необычайной мере. Сотни тысяч персидских рабочих шли на заработок в Туркестан и на Кавказ и возвращались затронутые новым духом»⁶⁸. Оказавшись в России, «персы знакомились с новыми для них нравами и обычаями, знакомились с новым порядком вещей, усваивали новые идеи, новую культуру, новые мысли, перед ними открывались новые перспективы. Эти люди, сталкиваясь с новой культурой, изменялись сами» Кроме того, «та буржуазия, которая создавалась в Персии, воспитывая своих детей и давая им образование вне пределов Персии, подготавливала таким образом свою интеллигенцию, способную вести пропаганду и агитацию за более удобный для нее политический строй»⁶⁹.

Итак, несмотря на «хищнический» и «разбойничий» характер обоюдной политики России и Британии, диалектически она содействовала модернизации Ирана, его движению по пути прогресса, что было важно для советских идеологов. Естественным образом все вышеперечисленное влияло на развитие революционного движения в стране, мощный толчок которому дала и российская революция 1905–1907 гг.⁷⁰. Это, конечно, оценивалось исключительно позитивным образом. Впрочем, вынося за скобки не прямое влияние двух «империалистических» держав, общее резюме их деятельности, как можно было убедиться, выглядит весьма неприглядно. Сложные процессы взаимодействия различных обществ и культур, европейских и неевропейских, непростая история соперничества и взаимодействия России и Британии в Азии и проч. обрисовываются в этих текстах в виде весьма простой объяснительной схемы, в черно–белых тонах. Очевидным образом, используя самые мрачные характеристики для российской и британской политики в Иране, авторы стремились риторически показать отличие подходов РСФСР/СССР.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С. 109 и далее.

⁷⁰ О влиянии российской революции на иранскую, участия в последней деятелей из России см.: Иранская революция 1905–1911 гг. и большевики Закавказья // Красный архив. № 2 (105). 1941; Berberian H. Nest of Revolution: The Caucasus, Iran, and Armenians // Russians in Iran. Diplomacy and Power in the Qajar Era and Beyond. Edited by Rudi Matthee and Elena Andreeva. London–New York, 2018. P. 95–121.

Прежде всего, подчеркивается принципиально иной внешний курс большевиков, курс основанный на иных интересах, руководимый иными мотивациями. Утверждается, что «Персия для Советской России — это не колония, не "сфера влияния", как для царской России, Персия — равноправный член международной семьи народов; отношения Советской России с Персией должны строиться на началах взаимного уважения к их суверенитету»⁷¹. В качестве обоснования приводятся первые шаги новой власти в Иране, а именно — аннулирование всех долгов Персии перед Россией, полученных последней концессий, передача Учетно-Ссудного банка со всем имуществом, имущества других российских учреждений «персидскому народу», отмена консульской юрисдикции, провозглашение свободного судоходства на Каспийском море для судов под персидским флагом и т.д.

Подчеркивается различие между старой и новой властью, утверждается, что роль России на Востоке «теперь не та, какой она была до 1917 г., т.е. до Октябрьской революции, когда на развалинах императорской помещичье-буржуазной России возникли Советские республики. Различие социальных структур и политических систем царской и Советской России создали неодинаковость их международных интересов и неодинаковость их отношения к восточным народам»⁷². В частности, новые принципы и подходы большевиков проистекали «из одинаковости положения и тождественности интересов Советской России и Персии перед лицом империалистических государств мира»⁷³. Первая так же «была объектом натиска на нее международного империализма», более того, «борьба международного империализма против Советской России проистекала из заинтересованности международного капитала в эксплуатации не только России, но и всего Востока, на пути чему стала возникшая в России в октябре советская власть»⁷⁴. Происходит отождествление нового государства не с великими европейскими державами

⁷¹ Павлович М., Иранский С. Персия в борьбе за независимость... С. 166.

⁷² Там же С. 155.

⁷³ Там же. С. 166.

⁷⁴ Там же. С. 167.

(«империалистическими хищниками»), а со странами и народами Востока⁷⁵. И коль скоро Персия стремилась к национальной независимости, а советская Россия, «не желавшая быть объектом эксплуатации международного капитала и его агентов на Востоке, с оружием в руках отстаивала свою независимость от этого капитала», постольку их интересы были солидарны⁷⁶. Наконец, отмечается и прагматическая целесообразность нового внешнего курса. Если в странах Востока интенсивно развивалось национально-освободительное движение, «стальной нажим империалистических хищников вызывает теперь революционный отпор пробудившихся народов Востока»⁷⁷, следовательно, открыто заявив о своем отказе от империализма большевики поступили вполне правильно не только принципиально, но и с точки зрения реальной политики⁷⁸.

Вышеизложенное показывает, что уже на рубеже 1910–х — 1920–х гг. вполне сложилась основная конфигурация советского дискурса применительно к международным отношениям в странах Востока, в частности — в Иране. Это естественно, учитывая тот факт, что ключевые положения, тезисы, идеологемы этого дискурса возникли еще в предшествующую эпоху, до захвата власти большевиками. Однако если до 1917 г. данный дискурс был маргинальным, то теперь он стал господствующим, определяющим идеологическую рамку описания, осмысления и обсуждения внешнеполитических вопросов. Предлагаемая объяснительная схема применительно к деятельности Российской и Британской империй в Персии была в целом достаточно простой. Две эти державы — «империалистические хищники», стремящиеся к «эксплуатации» и «порабощению» государства Каджаров. На этом контрастном фоне оттенялась политика советского государства, противопоставлявшаяся подходам «империалистических» держав, как основанная на принципах равноправия, справедливости, взаимного уважения и т.д. На «неудобных»

⁷⁵ См., например: Вестник НКВД. № 2. 13 августа 1919 г.

⁷⁶ Павлович М., Иранский С. Персия в борьбе за независимость... С. 167.

⁷⁷ Там же. С. 3.

⁷⁸ Тимофеев А. Империалистическое «мирное» завоевание Персии... С. 261.

эпизодах данной эпохи (таких, как энзелийская экспедиция) старались не акцентировать внимание.

В общем и целом, формировавшийся в эти годы дискурс оказался весьма устойчивым, в своих основных элементах, в ключевых положениях сохраняясь и в последующие десятилетия (хотя и теряя, порой, в риторической выразительности образов). Его базовые положения задавали рамки обсуждения международных отношений на Среднем Востоке на разных уровнях: государственно–политическом, общественном, академическом. При этом яркие риторические формулы и обороты складывавшегося языка описания играли особую и важную роль в его закреплении и сохранении, создавалась целая мифология, о чем так точно писал А.Ф. Лосев⁷⁹.

⁷⁹ «С точки зрения коммунистической мифологии не только "призрак бродит по Европе, призрак коммунизма" (начало "Коммунистического манифеста"), но при этом "копошатся гады контрреволюции", "воют шакалы империализма", "оскаливает зубы гидра буржуазии", "зияют пастью финансовые акулы", и т.д. Тут же снуют такие фигуры, как "бандиты во фраках", "разбойники с моноклем", "венценосные кровопускатели", "людоеды в митрах", "рясофорные скулодробители"... Кроме того, везде тут "темные силы", "мрачная реакция", "черная рать мракобесов"; и в этой тьме — "красная заря" "мирового пожара", "красное знамя" восстаний... Картинка! И после этого говорят, что тут нет никакой мифологии». См.: Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 2021. С. 185.

ГЛАВА 15

ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ ГЕРМАНИИ И СССР В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ ПРАВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЕКТОРА В ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920–Х ГОДОВ

К.И. Софронов

Период отношений СССР и Германии на протяжении 1920–х — начала 1930–х гг., до прихода нацистов к власти, прочно ассоциируется с рапалльской политикой. Договор, заключенный 16 апреля 1922 г. между Советской Россией и Веймарской республикой в ходе Генуэзской конференции, положил начало периоду мирного сосуществования и сотрудничества двух стран вплоть до 1933 г.¹ Как в отечественной, так и в зарубежной историографии нет, однако, единой точки зрения на особенности этого взаимодействия и его мотивы. Существует несколько точек зрения относительно «духа Рапалло»². Исходя из одной, улучшение отношений с Советской Россией было рычагом давления на страны Западной Европы с целью преодоления Версальских ограничений³. Другая концепция сводится к утверждению о выгоде экономических связей с восточным соседом, находящимся в схожих политико–дипломатических условиях⁴.

¹ Ахтамзян А.А. Рапалльская политика. М., 1974. С. 6.

² Документы внешней политики СССР. Т. 9. М., 1964. С. 255.

³ Sowjetische Propaganda, Fünfjahrplan und deutsche Russland–Politik 1928–1932 / vorgelegt von Christoph Mick. Stuttgart, 1995. S. 12.

⁴ Ibid. P. 12.

Рапалльская политика является также частью дискуссии о прерывании или континуитете традиции отношения двух стран от Бисмарка к Гитлеру⁵

Противоречия, которые были преодолены на первом этапе в связи с необходимостью прорыва политической изоляции, со второй половины 1920-х гг. становятся все более явными. Уже в 1925 г. (по итогам прошедшей 5–16 октября конференции в Локарно) рейхсминистр иностранных дел Германии Густав Штресеман заявил о «духе Локарно»⁶ — новой линии на пути преодоления европейского бойкота и констатации факта политического веса страны, без которой невозможно было решение вопросов безопасности и сотрудничества в Европе. Вступление в Лигу наций и подписание Рейнского гарантийного пакта стали первым серьезным противопоставлением рапалльской политике, попыткой западных держав укрепить Германию в орбите своего влияния.

Однако динамика заключенного в 1922 г. всестороннего межгосударственного договора была на этом этапе все-таки сильнее: 12 октября 1925 г. подписан торговый, а 26 апреля 1926 г. — договор о ненападении и нейтралитете между СССР и Германией. Берлинский договор стал кульминационной точкой в отношениях двух стран⁷. Он на время урегулировал вопрос «восточного Локарно»⁸, после чего превратились для Германии в необходимое зло⁹ — «когда отношения с Западом ухудшались, политика Рапалло вырастала в цене»¹⁰.

Не представляется возможным определить точную дату начала отхода от рапалльской политики, однако переломным

⁵ Филитов А.М. Бисмарк — Вильгельм — Гитлер: континуитет или разрыв традиции? // Новая и новейшая история. № 3. 2022.

⁶ Москва–Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941. Сб. док. в 3 т. Т. 1. 1920–1926. / отв. ред. Г.В. Севостьянов. М., 2011. С. 8.

⁷ Carr E.H. Berlin–Moskau. Deutschland und Russland zwischen den beiden Weltkriegen. Stuttgart, 1954. S. 119.

⁸ Graml H. Zwischen Stresemann und Hitler. Die Außenpolitik der Präsidialkabinette Brüning, Papen und Schleicher. München, Oldenbourg, 2001. S. 33.

⁹ Карлей М.Д. Тайная война: Запад против России, 1917–1930 / Пер. с англ. Д. Горбач и Е. Польшиковой. М., 2019. С. 680.

¹⁰ Там же. С. 681.

в отношениях двух стран стал 1928 год. Совокупность произошедших событий и последовавший в 1929 г. мировой экономический кризис, обостривший внутреннюю ситуацию в Германии, окончательно похоронили надежды на достижение былого уровня межгосударственного сотрудничества. Конкретным политическим рубежом можно считать шахтинский процесс¹¹, в рамках которого был произведен арест нескольких германских граждан, в основном представителей компании «АЕГ», работавших на Днепрогэсе. Помимо экономических причин начавшейся смены курса в 1927–1928 гг. (западные партнеры разочаровались в сворачивании в СССР НЭПа¹² и испытывали усталость от экономической неопределенности¹³) стоит обратить внимание на постепенное усиление правого политического фланга в Веймарской республике во второй половине 20-х гг., апогеем которого стал приход к власти в 1933 г. Адольфа Гитлера.

Все более острым становился вопрос «ревизии Версаля» и милитаризации страны по прошествии более десяти лет с момента окончания Первой мировой войны: «Тенденция германских монополистических кругов сводилась к тому, чтобы при урегулировании репарационных проблем в торге с Англией и Францией во все большей степени использовать свою готовность принести в жертву сложившиеся отношения с СССР и встать на путь военных угроз в адрес Советского Союза»¹⁴. Рост влияния КПП вызывал нарастание антикоммунистических настроений в верхах, следствием которых становились политические уступки правым, как консервативно, так и ультра консервативно настроенным. Все это происходило на фоне разразившегося в 1929 г. мирового экономического кризиса. Определенную роль

¹¹ Артюков О.В. Советско–германские отношения в 1925–1933 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 138.

¹² Cameron D.J. To transform the Revolution into an Evolution: Underlying Assumptions of German Foreign Policy toward Soviet Russia, 1919–27 // Journal of Contemporary History. 2005. № 40 (1). P. 18.; Dyck H.L. Weimar Germany and Soviet Russia 1926–1933. New York, 1966. P. 108.

¹³ Белковец Л.П., Белковец С.В. От любви до ненависти... Германская дипломатия в России (СССР). 1918–1941. Новосибирск, 2013. С. 143.

¹⁴ Ахтамзян. Указ соч. С. 234.

сыграли и изменения во внешнеполитических ведомствах двух стран: на посту наркома иностранных дел СССР «германиста» Чичерина сменил «западник» Литвинов, а на смену послу Брокдорфу–Ранцау пришел Герберт фон Дирксен.

Важной частью рапалльской политики было военное сотрудничество двух стран. Основным идеологом сближения с Советской Россией со стороны военных кругов был генерал Ганс фон Сект. Эта идея имела чисто прагматический характер и вовсе не означала симпатий к большевизму как таковому¹⁵. Сформировалась целая группа высших офицеров, которые видели во взаимодействии с СССР возможности преодоления Версальских ограничений и в целом не являлись сторонниками агрессивной внешней политики по отношению к советскому государству. В частности, помимо Курта фон Шлейхера, можно отметить фигуру генерала от инфантерии Курта фон Хаммерштейна–Экворда, начальника войскового управления рейхсвера с 1929 г.¹⁶ «Красный Сект»¹⁷, пал первой жертвой произошедших во внешней политике перемен. С его смещения с поста начальника управления сухопутными войсками в 1926 г. позиции просоветской партии сильно ослабли. Правые круги по мере роста военного потенциала рейхсвера, с конца 1920–х — начала 1930–х гг., (условно, с периода канцлера Мюллера до конца Веймарской республики) и прекращения работы контрольной комиссии стали считать сотрудничество с СССР в этой области бессмысленным. Яркой иллюстрацией может служить доклад депутата от Немецкой национальной народной партии (НННП) и промышленника Арнольда Рехберга в Херренклубе в июне 1930 г., где он в отрицательном ключе высказался относительно боеспособности Красной Армии и возможностей ее идейного перерождения. Последний выпад был связан, как он считал, с «тенденцией германских рейхсверовских кругов сближаться

¹⁵ *Zeidler M. The Strange Allies — Red Army and Reichswehr in the inter-war Period // Russian–German Special Relations in the Twentieth Century / edited by Karl Schlögel. Oxford–New York, 2006. P. 105.*

¹⁶ *Дух Рапалло Советско–германские отношения. 1925–1933. Екатеринбург–Москва. 1997. С. 163.*

¹⁷ *Carr. Op. cit. P. 120.*

с Красной Армией, как с элементом национальной России, который в будущем может быть использован в качестве союзника против западных держав»¹⁸.

Будущий канцлер генерал–майор Курт фон Шлейхер не разделял в целом паневропейских идей и тем более не стремился к конфронтации с Советским Союзом. В данном вопросе он следовал воззрениям Ганса фон Секта, что выразилось в потеплении отношений между странами в период его пребывания во главе кабинета министров, чем не мог похвастаться его предшественник Франц фон Папен. Советская сторона также возлагала большие надежды на нового канцлера и надеялась на дополнительное позитивное влияние президента Гинденбурга и генерала Бломберга¹⁹. Особый упор был сделан на продолжении сотрудничества между рейхсвером и Красной Армией²⁰. На фоне неудач в области проведения в жизнь хозяйственной программы правительства, фокусировка внимания на военной сфере казалась выигрышным ходом, особенно в глазах правых политиков. Важным свидетельством его умеренного внешнеполитического курса можно считать ставку на Грегора Штрассера в вопросе раскола/подчинения национал–социалистического движения. В отличие от радикально настроенного Адольфа Гитлера, брат лидера «социалистического» крыла НСДАП Отто Штрассер отрицал идею наступательной войны против СССР²¹ и в целом симпатизировал советскому строю.

В период непродолжительного канцлерства Курта фон Шлейхера, несмотря на взаимные заверения советской и немецкой стороны в том, что заключенные ранее союзы с третьими странами не повлияют на характер двухстороннего взаимодействия, внутривнутриполитическая ситуация в Германии и шаткость положения последнего преднацистского канцлера не могли переломить сформировавшийся курс на сворачивание рапалльской

¹⁸ *АВП РФ. Ф. 82. Оп. 14. П. 55. Д. 27. Л. 181.*

¹⁹ *Zeidler M. The Strange Allies ... P. 112.*

²⁰ *Винклер Г.А. Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии / Под ред. А.И. Савина. М, 2013. С. 695.*

²¹ *Там же. С. 476.*

политики. Важным свидетельством в подтверждение этого факта стало непродление Берлинского договора, ожидавшего своей ратификации рейхстагом с июня 1931 г. И если Брюнинг и Папен не инициировали этот процесс, во многом из-за своей антисоветской позиции²², то канцлер Шлейхер объективно не имел к этому политической возможности.

Несмотря на свое лояльное отношение к Советскому Союзу, Шлейхер хорошо понимал, что никакая оборонная программа, какой бы скромной она ни была, не может иметь шансов на успех в долгосрочной перспективе без лояльности со стороны Франции. Этим Тило Фогельзанг объясняет финансовую помощь, которая время от времени оказывалась из его кабинета лидеру «Немецкой федерации защиты западной культуры» Вернеру фон Альвеслебену²³, тесно сотрудничавшему с Рехбергом. Последний, в свою очередь, стал связующим звеном между группой немецких консерваторов и правым французским политиком Густавом Эрве. Итогом такого сближения стало обсуждение идеи оборонительного союза против большевизма²⁴, своеобразного наследника «плана Гофмана».

Переговоры по поводу подобного объединения велись еще с 1927 г. С этого же периода имели место попытки втянуть в данный процесс будущего генерал-майора Курта фон Шлейхера, который, тем не менее, был больше сконцентрирован на внутривнутриполитической повестке. Причем интересно, что в переговорный процесс активно включаются условно умеренные правые (НННП), а национал-социалисты в рамках политической демагогии предпочитают декларировать совершенно иные методы и цели. Объяснялось это прежде всего пониманием Гитлером того факта, что его партии со стороны французских правых не могут поступить сколько-нибудь интересные предложения на внешнеполитическом поле, так и учитывая небольшой политический вес Эрве. Так в открытой переписке с последним лидер нацистов

²² Винклер Г.А. Указ соч. С. 696.

²³ Vogelsang T. Reichswehr, Staat und NSDAP. Beitrage zur Deutsche Geschichte 1930–1932 Stuttgart, 1962. S. 104.

²⁴ РГВА. Ф. 720к. Оп. 3. Д. 13.

выступает в не характерной для него роли миротворца, с одной стороны, а с другой — объясняя нежелание участвовать в подобного рода союзах, тем, «что он не верит в возможность борьбы с большевизмом техническими приемами и организацией военных союзов. Европейские армии в настоящем состоянии не могут воевать с Советским Союзом. Они слишком подвержены влиянию большевистской пропаганды. Единственный способ преодоления большевизма — это фашизация Европы»²⁵. Причем Рехберг даже шантажирует Гитлера, указывая на то, что отказ последнего от сближения с Францией может быть воспринят как доказательство наличия тайных договоренностей с Москвой²⁶. Во всей этой переписке правые от партии НННП выглядят более агрессивными по отношению к СССР, чем национал-социалисты. В очередном номере «Берлинер Фольксбилдунг» от 27 октября 1930 г. депутат от НННП резюмирует: «... Франция не вооружается ни людьми, ни пушками, в то время как большевизм с растущими показателями, туземные народы Африки и Азии — против европейцев и угрожают Франции и Германии»²⁷. Арнольд Рехберг, будучи председателем Франко-германского калийного синдиката²⁸, и сторонником сближения с правыми силами Франции, являлся одной из ключевых фигур организации антисоветского военно-политического блока.

Вокруг Арнольда Рехберга формируется целая группа младоконсерваторов, среди которых депутат Готфрид Тревиранус, Ганс Эрдман фон Линдайнер-Вильдау, депутат Клёне и многие другие. Все они так или иначе были связаны с фигурой более крупного масштаба, главой НННП, магнатом прессы Альфредом Гугенбергом. Необходимо отметить, что в период после провала Пивного путча и до выбора в президенты героя Танненберга Пауля фон Гинденбурга, «Стальной шлем», «Младогерманский орден» и «Объединенная патриотическая лига» были дезориентированы и склонны примириться со сложившимися

²⁵ АВП РФ. Ф. 82. Оп. 14. П. 55. Д. 27. Л. 282.

²⁶ Там же. Л. 283.

²⁷ РГВА. Ф. 720к. Оп. 3. Д. 13. Л. 42.

²⁸ Иоффе Л.Е. Внешняя политика Советского Союза 1928–1932. М., 1968. С. 174.

политическими и экономическими реалиями²⁹. Лишь в 1928 г. Гугенбергу удалось занять место председателя партии, ликвидировать часть внутренней оппозиции в лице Готфрида Тревирануса и зафиксировать победу старогерманско–фёлькишеского крыла над государственными, консервативно ориентированными сторонниками Куно фон Вестарпа из умеренного лагеря³⁰. Лидерство в правом лагере постоянно оспаривалось, выводя к концу 1920–х гг. на первый план триумvirат из руководителей «Стального Шлема» (Теодора Дюстерберга и Франца Зельдте), фюрера НСДАП и главы НННП. 21 января 1933 г. партия немецких националистов в парламенте открыто переходит в оппозицию кабинету Шлейхера, а Гугенберг становится предполагаемым противовесом Адольфу Гитлеру в будущей политической конфигурации. В связи с этим в историографии существуют различные оценки его политической стратегии: от «братания» с нацистами, до прислуживания им в качестве «оруженосца» в период с 1928 до 1933 г³¹.

Оставляя за скобками вопросы внутривнутриполитической борьбы в решающий период конца Веймарской республики, стоит отметить своеобразное продолжение агрессивной внешнеполитической линии правых консерваторов относительно Советского Союза в виде так называемого «меморандума Гугенберга». Документ был передан председателю мировой экономической комиссии в Лондоне главой германской делегации 15 июня 1933 г. В нем немецкий политик, помимо вопросов сугубо экономического характера, развивал идею о необходимости предоставления Германии колоний в Африке для расширения инвестиционной деятельности и указывал на следующее: «Война, революция и внутренний распад начались в России и на значительной части Востока. Вместо того,

²⁹ Jones L.E. The German Right 1918–1930. Political Parties, Organized Interests, and Patriotic Associations in the Struggle against Weimar Democracy. Cambridge, 2020. P. 299.

³⁰ Heinsohn K. Konservative Parteien in Deutschland 1912 bis 1933. Demokratisierung und Partizipation in geschlechterhistorischer Perspektive. Düsseldorf, 2010. S. 195.

³¹ Holzbach H. Das «System Hugenberg». Die Organisation bürgerlicher Sammlungspolitik vor dem Aufstieg der NSDAP. Stuttgart, 1981. S. 13.

чтобы исцеляющим образом противодействовать этому развитию, оно постепенно доводится до крайности искусственным истощением наиболее потребляющих культурных стран на земле»³². Выход виделся им в том, чтобы «положить конец господствующей до сих пор в России революции»³³.

Несмотря на то, что данное заявление было в дальнейшем дезавуировано, оно в яркой форме продемонстрировало общий внешнеполитический настрой новых германских властей по отношению к Советскому Союзу. Это событие, произошедшее в период утверждения Гитлера у власти, стало последним сколько–нибудь заметным выступлением умеренных правых на политической арене, после чего доминирование НСДАП во внешней и внутренней политике становится тотальным.

В выстраиваемой с 1922 г. рапалльской политике ни одна из сторон не питала иллюзий. В письме Литвинова заместителю наркома по военным и морским делам СССР И.С. Уншлихту от 6 января 1927 г. содержится следующая фраза по этому поводу: «Кому же не известно, что политическая заинтересованность Германии в СССР уменьшается и что она использует близость к СССР для других целей. Но ведь и мы сближались с Германией не из любви или дружбы к ней, а для использования ее. Сближаясь теперь с Англией или Францией, Германия также имеет ввиду использовать их для своих целей»³⁴. По мере ослабления Версальского диктата «политика Локарно» с 1925 г. оставляла все меньше места для сохранения хрупкого мира и взаимовыгодного партнерства с СССР. Рост ультраправых настроений во всей Европе усилился, особенно с началом мирового экономического кризиса. После прихода к власти в Германии нацистов, несмотря на рост антисоветских настроений, погромы и публичную негативную риторику в адрес СССР, экономические связи не были окончательно прерваны из прагматичных соображений. Но образ страны как долгосрочного партнера окончательно сменился на образ непримиримого врага.

³² АВП РФ. Ф. 165. Оп. 17. П. 48. Д. 27. Л. 16.

³³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 497. Л. 164.

³⁴ Москва–Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941. Сб. док. в 3 т. Т. 2. 1927–1932. / отв. ред. Г.В. Севостьянов. М., 2011. С. 5.

ГЛАВА 16

ФИНАНСОВО–КРЕДИТНАЯ БЛОКАДА СССР ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ (1925–1929 гг.)

А.С. Соколов

С марта 2014 г. государства Запада и Соединенные Штаты Америки начали масштабно и системно давить на российскую экономику, ее хозяйствующие субъекты, население, расширяемым и усиливаемым набором санкций. С конца февраля 2022 г. санкционное давление приобрело значительные масштабы. С июля Великобритания, которая была крупным покупателем драгметалла на отечественном рынке, ввела запрет на покупку российского золота¹. В ноябре 2022 г. Британия расширила запрет на импорт российского золота. Была запрещена поставка золота, переработанного в третьих странах и содержащего золото из России, а также импорт ювелирных золотых украшений.

Экономические санкции, введенные странами Запада против России, не являются для нашей истории чем-то новым. Экономическое давление в отношении Советской России страны Запада стали проявлять после событий 1917 г. После окончания в России гражданской войны и иностранной военной интервенции, в ходе которых не удалось заставить советское правительство отменить декреты об аннулировании внешних займов и национализации иностранной собственности, наступила очередь использовать экономические санкции. Во время осуществления новой экономической политики большевистское

руководство предприняло попытку получить долгосрочные займы от европейских государств. Однако советское государство со стороны бывших главных кредиторов Российской империи — Великобритании, Франции, США — было подвергнуто золотой и кредитной блокадам. Изучение того, как в 1920–е гг., в условиях международного давления, развивались финансово–экономические отношения России со странами Запада, и в частности с Великобританией, может быть весьма поучительным примером.

После окончания первой мировой войны ведущие европейские державы оказались заинтересованными в нормализации политико–экономических отношений с Россией. Советский рынок был нужен буржуазным странам для реализации товаров своей промышленности. Спорным моментом в решении «русского вопроса» являлась проблема долгов и бывшей иностранной собственности некогда вкладываемой в российскую экономику. Большевистское руководство также искало пути для урегулирования отношений с Англией и Францией. Многие хозяйственные деятели (Г.Я. Сокольников, Л.Б. Красин) понимали, что получение значительных кредитов на Западе дало бы возможность ускорить экономическое развитие страны. Так, в письме к Ф.Э. Дзержинскому в феврале 1924 г. нарком внешней торговли Л.Б. Красин указывал, что «займы и кредиты за границы, необходимы нам для восстановления нашей промышленности». Он сообщал, что этот вопрос был поставлен, советской делегацией перед руководством Великобритании при переговорах о заключении нового соглашения между СССР и этой страной². С переходом к нэпу на первый план выдвигались задачи восстановления народного хозяйства страны. Они были связаны с признанием частной собственности, воссозданием элементов рынка. Развитие товарно–денежных отношений способствовали получению внешних займов от иностранных государств. Так, в 1922 г. Норвегия предоставила России 6% государственный заем в форме продовольствия на сумму 0,3 млн руб. Активно развивалось

² Хромов С.С. Леонид Красин: неизвестные страницы биографии 1920–1926 гг. М., 2001. С. 11.

¹ Российская газета. 2022. 7 июля.

финансовое и торговое партнерство России с Германией. В результате достигнутого в 1926 г экономического соглашения Германия предоставила России значительный краткосрочный заем, который учитывался даже при составлении контрольных цифр плана развития народного хозяйства. Таким образом, в условиях многоукладной экономики советское государство получило возможность использовать краткосрочные торговые и промышленные кредиты.

В 1924 г. в СССР была завершена денежная реформа, благодаря которой была достигнута стабилизация рубля. Успешное проведение реформы укрепило международное положение страны, создала прочную основу для развития взаимовыгодных экономических, торговых, кредитных связей с Западной Европой на основе государственной торговли и валютной монополии. Укрепление финансовой системы сочеталось с начавшейся полосой дипломатических признаний. В 1924 г. к власти в Англии пришло правительство лейбористов, премьер-министром в котором являлся лидер партии Р. Макдональд. В феврале 1924 г. Великобритания признала СССР. В обстановке, когда экономика Великобритании испытывала значительные трудности и уровень безработицы продолжал оставаться высоким, деловые круги Британии были заинтересованы в создании благоприятных условий для развития взаимовыгодных торгово-экономических связей с Советской Россией. В феврале 1924 г. журнал «Советская торговля» напечатал статью Красина об экономических последствиях признания, в которой он сделал акцент на открывшихся перспективах получения Москвой кредитов у правительств западных стран и заключения долгосрочных концессионных соглашений с европейскими компаниями³. В Лондоне была созвана англо-советская конференция для урегулирования финансово-экономических вопросов между странами. При Наркомате финансов комиссия во главе с известным специалистом в области финансов профессором Н.Н. Любимовым рассмотрев доклады сотрудников Института экономических исследований

³ *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918 – 1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб., 2019. С. 483.

этого комиссариата, дала заключение о формах и размерах применения возможного кредита Великобритании для развития экономики России⁴. Однако выдвинутое советской делегацией на переговорах предложение о займе и кредитах, которые бы позволили разместить крупные заказы на британских предприятиях, не встретило поддержки у лейбористского правительства. В апреле английские газеты опубликовали «Меморандум», в котором представители ведущих британских банков («Английского», «Ллойдс-банк», «Мидлэндбанк», «Вестминстерского») потребовали признания всех частных и государственных долгов, соглашение о реституции частной собственности иностранных подданных в СССР. Данная претензия была отвергнута в заявлениях руководителей советских хозяйственных ведомств. Они оценили ее как вмешательство во внутренние дела страны. Несмотря на возникшие трудности идеологического характера, в августе 1924 г. был подписан торговый договор между Англией и СССР. Советское правительство согласилось частично удовлетворить британских держателей довоенных займов при условии, что Англия предоставит Советскому Союзу заем. Договор установил для обеих сторон режим наибольшего благоприятствования. Таким образом, в первой половине 1920-х гг. были созданы благоприятные внешнеполитические условия для развития экономических отношений между двумя странами. Подписание соглашений между СССР и Англией благотворно сказалось на состоянии их торгово-экономических отношений. В отчете торгпредства СССР в Великобритании с 1 апреля по 1 октября 1924 г. констатировалось «укрепление и развитие экономической связи с Англией, рост торгового оборота всех советских организаций в этой стране, достигшего свыше 18 млн ф. стерлингов⁵. Успехам внешней политики способствовала хозяйственная конъюнктура, созданная новой экономической политикой.

Однако обещание Р. Макдональда гарантировать долгосрочный заем Советскому Союзу, большую часть которого правительство

⁴ *Шишкин В.А.* Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир. СПб., 2002. С. 191.

⁵ Там же. С. 201.

СССР собиралось потратить на закупку машинного оборудования и других товаров, необходимых для восстановления российской экономики, а также и на компенсации концессий бывших владельцев национализированной в СССР собственности из числа английских граждан не было выполнено⁶. В октябре 1924 г. произошел скандал связанный с так называемым «письмом Г.Е. Зиновьева», в котором якобы содержался призыв руководителя Коминтерна к английским коммунистам готовить восстание в армии. Поднявшаяся в прессе волна антисоветской пропаганды во многом повлияла на ход голосования, в результате победу одержали консерваторы. К власти пришло правительство С. Болдуина, осуществлявшего политику, направленную на обострение отношений с СССР и свертывание наметившегося при лейбористах сотрудничества. Были созданы благоприятные условия для проведения конфронтационной политики в отношении СССР⁷.

В обстановке постепенного свертывания нэпа ухудшились экономические отношения Советской России с ведущими европейскими державами. С середины 1920-х гг. финансово-кредитная блокада страны стала реальностью. Основным организатором блокады был Банк Англии, который координировал действия центральных банков Франции, Германии и Голландии. Указанные центральные банки обеспечивали блокаду путем регулирования и контроля соответствующих операций с золотом и валютой⁸ Европейские страны с 1925 г. перестали принимать у СССР золото в качестве оплаты импортного оборудования и стали требовать от Советской России расплачиваться нефтью, зерном, лесом. В это же время Запад объявил Советскому Союзу кредитную блокаду. Такая форма воздействия заключалась в отказе от кредитования советской экономики.

⁶ *Белковец Л.П.* «Наш ответ Чемберлену». Еще раз о советско-английском дипломатическом конфликте 1920-х гг. // *Российский юридический журнал*. 2013. № 3. С. 47.

⁷ *Прокопов А.Ю.* Европейское направление британской внешней политики в 1920-х годах // *Вестник МГИМО-Университета*. 2012. № 2. С. 115.

⁸ *Катасонов В.Ю.* Золото в мировой и российской истории XIX-XXI вв. М., 2017. С. 224.

В сложившейся обстановке в советской периодической печати с лета 1925 г. стали публиковаться выступления работников финансовых и экономических ведомств, в которых оценивалась сложившаяся политическая обстановка, намечались меры по дальнейшему развитию народного хозяйства. Одним из проявлений финансовой блокады стало то, что в Лондоне имели место некоторые сокращения кредитов в банках, которыми пользовались советские организации. В январе 1925 г. полпред СССР в Великобритании Л.Б. Красин сообщал из Лондона в Наркомат иностранных дел о заявлении депутата английского парламента Кенворти, что крупные банки предписали будто бы своим клиентам или более мелким банкам воздерживаться от представления какого-либо кредита советским торговым учреждениям⁹. В это же время Л.Б. Красин в письме к М. Литвинову сообщая о своей встрече с О. Чемберленом подчеркивал, что «Чемберлен со своей стороны указал, что получение долгосрочных кредитов затрудняется в следствии того, что мы не выполняем обязательств старого царского правительства». В свою очередь полпред подчеркнул, что России желательно покупать в Англии больше машин и что «в этом одинаково мы заинтересованы»¹⁰. В заграничной прессе появился ряд статей, излагающих проекты финансовой блокады большевиков. Предоставление Европе американских кредитов по плану «Дауэрса» ознаменовало переход к сближению западных держав, что обрекало Россию на еще большую международную изоляцию. В октябре 1925 г. руководитель советского внешнеполитического ведомства Г.В. Чичерин заявил с возмущением на пресс-конференции в Берлине, что «находящиеся под влиянием правительства английские банки не только отказываются финансировать наши закупки в самой Англии, но и пытаются воспрепятствовать получения нами кредита в других странах»¹¹.

В ответ на отказ европейских стран предоставить финансовые кредиты Советскому государству внутри страны была развернута

⁹ *Документы внешней политики СССР*. Т.VIII. М., 1963. С.19.

¹⁰ Там же. С. 36.

¹¹ Там же. С. 560.

кампания под лозунгом: «Против финансовой блокады — финансовая самооборона». Обострение международной ситуации вызывало серьезную обеспокоенность среди руководителей финансового ведомства. В своих выступлениях они подвергали резкой критике международную политику Великобритании. Нарком финансов Г.Я. Сокольников оценивал политику английского правительства как попытку удушить Советский Союз финансовой петлей. Он призывал трудящихся оказать помощь развитию государственного кредита¹². В беседе с сотрудниками печати о финансовом положении страны, Г.Я. Сокольников говорил, что лучший путь борьбы с финансовой блокадой на международном рынке — это развитие экспорта товаров (хлеб, лес, пушнина). Руководитель финансового ведомства считал, что на основе увеличения торгового обмена с границей «будут складываться более крепкие кредитные отношения, будут вырастать торговые и банковские кредиты»¹³. Более категоричную позицию занимал заместитель наркома финансов СССР Н.П. Брюханов. В интервью «Известиям» он заявил: «Теперь в период отсутствия прямых войн, мы сумеем на хозяйственном фронте оказать должный отпор». Эту точку зрения разделял обозреватель «Финансовой газеты» С. Кленович. «Как в политической области Лондон пытается организовать антисоветский блок из зависимых от английского империализма стран, так и в финансовом отношении он идет по пути давления на тех, кто от него зависит», — писал он. Автор статьи утверждал, что страна может обойтись без иностранных кредитов, несмотря на препятствие империалистов¹⁴. Более сдержанным в оценке событий был Н.Г. Туманов. Председатель правления Госбанка считал, что центр внимания должен быть обращен на учет состояния денежного рынка и приспособления к нему размеров и условий выпускаемых займов¹⁵. «Мы серьезно взяли за организацию финансовой самообороны... При отсутствии иностранных кредитов и

¹² Известия. 1925. 7 июня.

¹³ Экономическая жизнь. 1925. 14 июля.

¹⁴ Финансовая газета. 1925. 23 мая.

¹⁵ Известия. 1925. 7 июня.

при наличии внутри страны твердой валюты и бездефицитного бюджета весь вопрос заостряется на развитии внутреннего кредита», — писал он¹⁶. Попытка Великобритании организовать финансовую изоляцию Советской России вызвала протест со стороны партийно-хозяйственного руководства страны.

В целях продемонстрировать готовность к решительным действиям в начале июля в Москве на Свердловской площади прошел митинг рабочих и служащих под лозунгом: «Укрепим финансовое положение Советского Союза!». Перед собранием выступил заместитель наркома финансов Н.П. Брюханов, член президиума ВЦИК А.Ф. Толоконцев, представитель Коминтерна Г. Димитров. Один из работников Наркомата финансов А.О. Альский, выступая на митинге, подчеркнул важность организации внутренних займов среди рабочих и крестьян для достижения успехов в восстановлении хозяйства¹⁷. В ответ на финансовую блокаду СССР со стороны Великобритании советским правительством было организована мощная пропагандистская кампания, которая призывала население отдать свои сбережения на нужды экономики и обороны страны. Кредитные операции рассматривались хозяйственными руководителями как важный источник пополнения доходов бюджета.

По мере того как становилось все более очевидным, что европейские государства отказывают большевикам в предоставлении долгосрочных займов советские финансово-экономические ведомства начали принимать меры для обеспечения поступательного роста внутреннего финансирования народного хозяйства за счет населения страны. Кредитные операции рассматривались хозяйственными руководителями как важный источник пополнения доходов бюджета. В июле 1925 г. состоялось II Всесоюзное финансовое совещание, на котором был заслушан доклад известного ученого-экономиста Л.Н. Юровского «О работе в области кредита». Начальник Валютного управления Наркомата финансов выдвинул задачу расширения рынка ценных

¹⁶ Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). СПб., 1997. С. 302.

¹⁷ Известия. 1925. 8 июня.

бумаг путем выпуска внутренних займов, размещаемых на основе добровольной подписки. В резолюции по докладу Л.Н. Юровского говорилось, что от расширения государственного кредита зависит успешное развитие народного хозяйства. Немало выступлений на финансовом совещании было посвящено проблеме выпуска в обращение золотых монет — червонцев. Так Г.Я. Сокольников говорил, что предложение Наркомата финансов о чеканке золотого червонца имеет своим практическим значением расплату по расчетам с восточными странами — Китаем, Индией, Афганистаном¹⁸. По сообщениям газет предполагалось отчеканить шесть миллионов штук золотых червонцев на сумму шестьсот млн рублей. Однако вследствие организованной Европой «золотой блокады» СССР, — т.е. отказа от приема советских золотых монет в уплату за необходимые стране промышленные товары — этот проект, так и остался неосуществленным. Финансовое совещание приняло ряд конкретных постановлений по всем отраслям хозяйства. Большое внимание было уделено вопросам денежного обращения, бюджета и налоговой политики¹⁹. Наркомат финансов продолжал проводить политику, предусматривавшую поддержание устойчивости рубля, развитие кредитных операций и недопущение роста бюджетного дефицита.

В знак протеста против «золотой блокады» в Москве была организована пара довольно скромных демонстраций из работников Наркомата финансов с лозунгами: «Долой блокаду!», что не произвело ни малейшего впечатления на границу. Поэтому с целью прорыва блокады Наркомат финансов поручил Монетному двору организовать, используя сохранившееся оборудование, чеканку золотых дореволюционных монет достоинством в 5 и 10 рублей. В декабре 1925 г. на заводе выработали 600 тыс. монет по 10 рублей. Именно такими монетами Советская Россия расплачивалась с зарубежными странами. В основном советские золотые червонцы использовались исключительно во внешнеторговых сделках. Ценились металлические червонцы

¹⁸ Правда. 1925. 25 июля.

¹⁹ Правда. 1925. 30 июля.

и иностранцами. Так, когда в Дальневосточном банке в Чите японскому послу Танака был преподнесен образец золотого червонца, то посол положил его в карман и заявил: «Я этот червонец никогда в жизни не разменяю»²⁰.

В целях развития государственного кредита в августе 1925 г. правительством было принято решение о проведении займа хозяйственного восстановления. Уникальность этой операции состояла в том, что это была первая попытка банковского долгосрочного кредитования хозяйственных организаций. Наркомат финансов предполагал выпустить заем сроком на четыре года общей суммой в 300 млн рублей в облигациях достоинством 10 тыс. рублей. Реализация займа намечалась в добровольном порядке. В беседе с представителями прессы Г.Я. Сокольников утверждал, что средства, полученные от реализации облигаций займа, пойдут на развитие сельского хозяйства, железнодорожного транспорта, обрабатывающей и добывающей промышленности. Заем хозяйственного восстановления рассматривался как шаг внешней независимости Советской России от стран Европы. По поводу предстоящего выпуска нового займа «Финансовая газета» писала: «Заем даст сумму в 1,5 раза большую "чечевичной похлебки", предложенной нам в Генуе»²¹. Аналогичные суждения высказывал главный редактор газеты «Экономическая жизнь» Г.И. Крумин. «Советская страна собирается из внутренних ресурсов бросить в строительство хозяйства до 300 млн руб. по займу хозяйственного восстановления, сумму, о предоставлении которой только год тому назад Советское правительство договаривалось с Англией», — отмечал он²².

Несмотря на объявленную консерваторами финансовую блокаду СССР советско-английские торговые связи продолжали развиваться. Англия в 1925 г. занимала второе место во внешнеторговом обороте Советского Союза со странами Запада²³.

²⁰ Глейзер М.М. Советский червонец. СПб., 1997. С. 27.

²¹ Известия. 1925. 7 июня.

²² Крумин Г. В борьбе за социализм. Основные итоги в области хозяйства и предстоящие задачи. М., 1926. С. 48.

²³ Внешняя торговля. 1925. № 14–15. С. 14.

В июле 1926 г. председатель ВСНХ Ф.Э. Дзержинский в интервью корреспонденту «Известий» отметил, что в 1924/25 г. участие Англии в снабжении нас оборудованием достигло 22%. «Из всей суммы заказов на оборудование, выданных пока в 1925/26 г., на долю Англии падает 25%», — указал он²⁴. По мнению торгпреда СССР в Великобритании Дм. Илимского бойкот английских банков на финансирование советской внешней торговли в отношении экспорта был строго ограничен. По его мнению «банки, не входящие в «большую пятерку», финансируют своих брокеров, зная прекрасно, что эти деньги идут на авансы советским экспортерам. Тоже самое происходит с нашими операциями по пряже в Брадфорде и по металлоизделиям в Шеффилде, где в кредитах нам со стороны фирм несомненно участвуют и банковские средства». Дм. Илимский считал, что британские банки участвуют в финансировании нашей внешней торговли с Англией²⁵. В целях развития советской внешней торговли Госбанк заключил соглашения с рядом банков (Ллойд банк, Мидленд банк) об открытии кредитов. На 1 октября 1925 г. Госбанк располагал кредитами у 9 английских банков на сумму свыше 65 млн рублей²⁶. Советские торгово-промышленные организации установили связи с многими английскими фирмами: «Армстронг Викарс», «Матер энд Платт», «Братья Платт» и другими²⁷. В феврале 1925 г. Политбюро ЦК рассмотрело вопрос о Англо-советском банке²⁸.

Отношения консервативного правительства Англии с советским правительством оказались окончательно испорченными в результате грандиозной забастовки горняков 1926 г., когда Англия обвинила его в подстрекательстве горнорабочих к выступлению. Многие общественные и политические деятели Англии расценили советскую финансовую помощь бастующим горнякам

²⁴ Документы внешней политики СССР. Т. IX. М., 1964. С. 332.

²⁵ *Илимский Дм.* Финансирование нашей торговли в Англии // Внешняя торговля. 1926. № 15. С. 8.

²⁶ *Шишкин В.А.* «Полоса признаний» и внешнеэкономическая политика 1924–1928. Л., 1983. С. 474.

²⁷ *Волков Ф.Д.* Англо-советские отношения 1924–1929. М., 1958. С. 250.

²⁸ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. В 3-х т. Т. 1. 1919–1929. М., 2000. С. 363.

как вмешательство во внутренние дела их страны, как стремление создать хаос в Англии с целью свержения правительства и изменения политического строя. В октябре 1926 г. в Скарборо состоялась конференция консервативной партии Великобритании, где была принята резолюция, содержащая требование немедленного разрыва советско-английского торгового соглашения, закрытия всех существующих на территории Англии советских учреждений и удаления из пределов Великобритании всех служащих этих учреждений. Инициатором антисоветской кампании был У. Черчилль, занимавший в то время пост министра финансов. Ранее, в июне 1926 г., выступая в одном из районов Лондона Черчилль заявил: «Лица, которые одолжили деньги России, имея на это полное право, должны ясно представлять себе риск, которому они подвергаются, и должны иметь в виду, что ни при каких обстоятельствах английское казначейство не возьмет на себя никакой ответственности, если они окажутся обманутыми». Такая позиция министра финансов вызвала возмущение в Наркомате иностранных дел. В заявлении НКВД указывалось, что «Черчилль не забыл блокаду и интервенцию, и его теперешнее выступление рассчитано на то, чтобы содействовать возобновлению против нас экономической блокады... Заявление Черчилля, внушающее слушателям мысль, что полученные Советским правительством кредиты могут оказаться неоплаченными, самым резким образом противоречит действительности и едва ли может кого-либо ввести в заблуждение»²⁹. Советские дипломаты доказывали представителям финансовых кругов Британии, что финансовая блокада СССР не имеет смысла. В октябре 1926 г. Л.Б. Красин встретился с управляющим Банком Англии М. Норманом. Полпред в Англии доказывал, что оказание финансовой помощи в форме долгосрочных займов будет способствовать вовлечению СССР в схему развития мирового хозяйства. Однако эта точка зрения не нашла поддержки у руководителя центрального банка Великобритании³⁰. В заявлении представителям английской печати, сделанном в октябре

²⁹ Документы внешней политики СССР. Т. IX. М., 1964. С. 328, 730.

³⁰ Там же. С. 515.

в Лондоне Л.Б. Красин сказал: «...мы не умрем без кредитов, только наше развитие замедлится»³¹.

Отказ Великобритании в предоставлении СССР долгосрочных кредитов заставил советское руководство развивать систему внутреннего кредита. Успешная реализация среди населения прежних внутренних займов позволил правительству выпустить в сентябре 1926 г. выигрышный заем сроком на пять лет на сумму 30 млн рублей. В беседе с корреспондентом «Финансовой газеты» заместитель начальника Валютного управления Наркомата финансов, профессор Д.А. Лоевецкий отмечал, что выпускаемый заем рассчитан на привлечение свободных средств, находящихся в частном хозяйстве³². Об этом же он писал в записке направленной на имя в.М. Молотова, в которой ученый подчеркивал необходимость сохранения принципа добровольности при размещении займа. Д.А. Лоевецкий предлагал с помощью кредитных операций снять инфляционное напряжение на финансовом рынке³³.

В периодической печати началась широкая пропагандистская кампания по подписке среди городского и крестьянского населения на облигации выигрышного займа. Методы агитации были различны: лозунги, листовки, документальная хроника. Развитие системы государственного кредита во второй половине 1920–х гг. привело к сокращению дефицита бюджета. Доходы от поступлений по займам в 1925/1926 хозяйственном году составили 146 млн рублей. Таким образом, Наркомат финансов придавал большое значение организации кредита. Он рассматривали внутренние займы, как важный инструмент в деле укрепления хозяйства, роста производительности труда трудящихся, укрепления международного положения страны. Вместе с тем внутренние займы служили источником финансирования реорганизованной промышленности. При этом использовались принципы добровольной подписки на облигации займов.

³¹ Красин Л.Б. Вопросы внешней торговли. М., 1970. С. 357.

³² Финансовая газета. 1926. 8 сентября.

³³ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 85. Д. 156. Л. 138–150.

Обострение международной ситуации в конце 1920–х гг. негативно сказалось на состоянии финансов внутри страны. В мае 1927 г. лондонская полиция произвела обыск в помещении советского торгового представительства и фирмы «Аркус», заподозренной в шпионаже. Это событие послужило поводом для расторжения дипломатических отношений Великобритании с СССР. Лондон стал чинить всяческие ограничения для ввоза советских товаров. Были прекращены переговоры между торговой делегацией СССР и правлением «Мидленд банк» о получении кредита на сумму 10 млн фунтов стерлингов.

Расторжение отношений с СССР имело негативные последствия для британской экономики. Существенно сократился объем советско-британской торговли, что позволило Ллойд Джорджу заявить в Палате общин о миллионных потерях в результате недальновидной политики консерваторов³⁴. Доля Великобритании во всем импорте СССР резко упала с 14,2% в 1926/27 г. до 5% в 1927/28 г.³⁵ Опубликованные статистические данные за третью четверть финансового 1927/28 г. об англо-советской торговле наглядно отражают последствия разрыва между Англией и СССР. За первые девять месяцев 1927/28 г. советских заказов размещено было в Англии на 9 млн фунтов стерлингов меньше, чем за соответствующий период прошлого года³⁶. Это причинило серьезный ущерб английской экономике. Ллойд Джордж говорил в палате общин, что «в результате разрыва дипломатических отношений мы потеряли торговлю на миллионы, а этого мы себе позволить не можем»³⁷. Деловые круги Великобритании стали настаивать на возобновлении отношений с СССР. Лондонский совет профсоюзов в сентябре 1928 г. принял резолюцию, в которой отмечая падение английского вывоза

³⁴ Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании. М., 2016. С. 343.

³⁵ Шишкин В.А. «Полоса признаний» и внешнеэкономическая политика СССР (1924–1928). Л., 1983. С. 130.

³⁶ Соколов А.С. К вопросу об англо-советских экономических связях 1928 г. (по материалам писем М. Фарбмана Г.Я. Сокольникову) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. № 10.

³⁷ Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии. М., 1962. С. 162.

в СССР и рост безработицы в Англии, настаивал на необходимости возобновления англо–советских дипломатических отношений, а также на предоставлении кредитов для англо–советской торговли³⁸. В ноябре 1929 г. палата общин одобрила восстановление дипломатических отношений и в декабре произошел обмен послами. В апреле 1930 г. Англия была вынуждена заключить временное англо–советское торговое соглашение.

В конце 1929 г. была фактически снята «золотая блокада» СССР в связи с тем, что на Западе разразился экономический кризис, и советские заказы стали «спасательным кругом» для западной экономики. Страны, инициировавшие финансовую блокаду России, стали принимать советское золото. Перевалочной базой для поставок советского золота явилась Франция³⁹. Постепенно была ликвидирована и «кредитная» блокада. В 1936 г. Англия предоставила СССР кредит в 10 млн фунтов стерлингов.

В условиях финансово–экономических санкций, введенных странами Запада в 1920–е гг. Советский Союз, опираясь на внутренние ресурсы развивал систему государственного кредита, увеличил объемы золотодобычи, которая составила в 1925 г. 29 тонн⁴⁰. Это обеспечило возможность осуществить индустриализацию посредством закупок машин и оборудования на мировом рынке.

³⁸ Экономическая жизнь. 1928. 28 сентября.

³⁹ Голицын Ю.П. «До основанья, а затем...» (ценные бумаги революционной и советской России: исторические сюжеты). М., 2017. С. 249.

⁴⁰ Гребенюк П.С. Золотопромышленность и золотые ресурсы России и СССР в первой половине XX в. // Экономическая история. Ежегодник 2021. М., 2022. С. 138.

ГЛАВА 17

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ СССР И ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920–Х гг.

Е.Ю. Сергеев

Цель исследования заключается в раскрытии ключевых направлений и оценке эффективности политики Советского Союза и Великобритании на обширных пространствах Среднего Востока, к которому автор относит территории Персии (с 1936 г. — Ирана), Афганистана и северо–западного Индостана, впоследствии поделенного между современным Пакистаном и Индией.

Выбор географического региона обусловлен тем колоссальным значением, который имел Средний Восток для обеспечения безопасности и экономического развития советских среднеазиатских республик, с одной стороны, и Северо–Западной пограничной провинции (СЗПП) Британской Индии — с другой. Что же касается хронологических рамок, то именно в годы существования второго консервативного Кабинета С. Болдуина (1924–1929 гг.), как демонстрируют официальные документы и свидетельства очевидцев, Москва и Лондон стремились к достижению *modus vivendi* двусторонних отношений после завершения периода турбулентности, связанной с мировой войной 1914–1918 гг. и массовыми революционными выступлениями 1917–1922 гг. Хорошо известно, что важнейшим шагом в этом направлении явилось дипломатическое признание СССР первым лейбористским правительством Дж.Р. Макдональда в феврале 1924 г., которое обе

стороны первоначально рассматривали как свидетельство отказа от конфронтации и демонстрацию способности урегулировать спорные вопросы на всех уровнях их взаимодействия¹.

Говоря о значимости советско–британских отношений, уместно привести мнение Х.Г. Раковского — полпреда на берегах Темзы в 1924–1925 гг., который справедливо отмечал в одной из аналитических записок, что «Англия остается самым влиятельным государством мира, а ее политика не зависит от других стран, скорее, наоборот»². Хотя специфика дипломатической борьбы Москвы и Лондона на протяжении 1920–х гг. уже привлекала внимание специалистов, геополитическому региону Центральной Азии «повезло» в гораздо меньшей степени, чем, например, Дальнему Востоку, где Китай пережил вторую национальную революцию 1925–1927 гг. Такое положение дел было вызвано недоступностью большинства архивных материалов для исследователей, а также идеологической конфронтацией в годы «холодной войны», что в свою очередь обусловило фрагментарное рассмотрение проблемы с использованием главным образом материалов прессы и парламентских дебатов.

Наиболее содержательные работы общего характера по указанной тематике принадлежат перу (в хронологической последовательности) У. и З. Коутс, К. Сталь, А. Парка, И. Спектра, Х. Капура, А.Н. Хейфеца, Э. Монро, К. Джеффри, Р. Джонсона, Р. Харрисона и А.В. Сагимбаева³. Оценки советско–британского

¹ См. подр.: *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско–британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб.: Наука, 2019. С. 475–504.

² Записка Раковского об англо–советских отношениях для коллегии НКВД, 8 февраля 1925 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 04. Оп. 4. Пап. 32. Д. 451. Л. 23.

³ *Coates W., Coates Z.* Soviets in Central Asia. London: Lawrence and Wishart, 1951; *Stahl K.* British and Soviet Colonial Systems. London: Faber and Faber, 1951; *Park A.* Bolshevism in Turkestan. 1920–1927. New York: Columbia University Press, 1957; *Spector I.* The Soviet Union and the Muslim World, 1917–1958. Washington: Washington University Press, 1959; *Kapur H.* Soviet Russia and Asia. A Study of the Soviet Policy towards Turkey, Iran and Afghanistan. Geneva: Geneva Graduate Institute of International Studies, 1966; *Хейфец А.Н.* Советская Россия и сопредельные страны Востока. 1920–1927 гг. М.: Наука,

соперничества в Персии были сделаны такими историками–международниками, как Дж. Ленцзовский, М. Резун, М.И. Володарский, Х. Сабахи, З.А. Арабаджян и др.⁴ Событиям в Афганистане посвящены исследования упоминавшегося М.И. Володарского, а также Р. Стюарта, М. Барторпа, Ю.Н. Тихонова и в.С. Бойко⁵. Развитию антиколониального движения в Британской Индии под влиянием Коммунистического Интернационала (Коминтерна) уделили внимание Ч. Самра, Дж. Эллиот, Д. Дас, Дж. Хейткокс, Дж. Пиль, З. Имам, М. Рамнат и Н.С. Жирова⁶. Кроме того,

1968; *Monroe E.* Britain's Moment in the Middle East (1914–1971). Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1981; *Jeffrey K.* The Eastern Arc of Empire: A Strategic View, 1850–1950 // *Journal of Strategic Studies*. 1982. № 5. P. 531–545; *Johnson R.* Spying for Empire. The Great Game in Central and South Asia, 1757–1947. London: Greenhill Books, 2006; *Harrison R.* Britain in the Middle East, 1619–1971. London, etc.: Bloomsbury Reader, 2016; *Сагимбаев А.В.* Колониальная политика Великобритании в межвоенный период: причины и особенности трансформации. М.: ЦИОГНИС, 2018.

⁴ *Lenczowski G.* Russia and the West in Iran, 1918–1948. A Study in Big–Power Rivalry. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1949; *Rezun M.* The Soviet Union and Iran from the Beginning of the Pahlavi Dynasty until the Soviet Invasion in 1941. Geneva: Sythof and Noordhoff International Publishers BV, 1981; *Володарский М.И.* Советы и их южные соседи Иран и Афганистан (1917–1933). London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1985; *Sabahi H.* British Policy in Persia, 1918–1925. London: F. Cass, 1990; *Арабаджян З.А.* Иран: противостояние империям (1918–1941). М.: Институт востоковедения, 1996.

⁵ *Stewart R.* Fire in Afghanistan 1914–1929. New York: Doubleday, 1973; *Barthorp M.* Afghan Wars and the North–West Frontier 1839–1947. London: Cassell, 2002; *Тихонов Ю.Н.* Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена (1919–1945). М.–Липецк: Информ, 2007; *он же.* Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М.: Эксмо, Яуза, 2008; *Бойко В.С.* Власть и оппозиция в Афганистане: особенности политической борьбы в 1919–1953 гг. М.–Барнаул: ИВ РАН — Алтайская государственная педагогическая академия, 2010.

⁶ *Samra C.S.* India and Anglo–Soviet Relations, 1917–1947. Bombay, etc.: Asia Publishing House, 1959; *Elliot J.G.* The Frontier 1839–1947. The Story of North–West Frontier of India. London: Cassell, 1968; *Das D.* India from Curzon to Nehru and After. London: Collins, 1969; *Haithcox J.* Communism and Nationalism in India, M.N. Roy and Comintern Policy 1920–1939. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1971; *Peele G.* Revolt over India. — In: *Peele G., Cook C.* (eds.) The Politics of Reappraisal 1918–1939. New York: St Martin's Press,

ряд аспектов басмаческого движения в Центральной Азии, относящихся к региональной политике великих держав, нашли освещение в монографиях и статьях А.И. Зевелева, Ю.А. Полякова, А.И. Чугунова и в.А. Бармина⁷. Стоит также обратить внимание на две диссертации, защищенные за последние годы в американских университетах по близкой проблематике⁸.

В процессе научного поиска автор руководствовался методологией перекрестной компаративной верификации российских и британских архивных материалов как официального, так и личного происхождения, часть из которых впервые изучены профессиональным историком. Немалое значение имело также обращение к свидетельствам непосредственных участников или современников противостояния СССР и Великобритании на Среднем Востоке⁹.

1975. P. 114–145; *Imam Z. Colonialism in East–West Relations. A Study of Soviet Policy towards India and Anglo–Soviet Relations, 1917–1947.* New Delhi: Patriot Publishers, 1987; *Ramnath M. Haj to Utopia. How the Ghadar Movement Charted Global Radicalism and Attempted to Overthrow the British Empire.* Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2011; *Жирова Н.С.* Сотрудничество индийской партии «Гадар» с Коминтерном (1922–1943). Липецк: Липецкий государственный педагогический университет, 2018.

⁷ Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М.: Наука, 1981; Бармин в.А. Басмаческое движение Советского Туркестана в планах некоторых антибольшевистских сил (1918–1933 годы) // Новая и новейшая история. 2022. Т. 66. № 1. С. 84–97.

⁸ См., напр.: *Weis P. L. British Strategic Policy towards Afghanistan 1919–1929.* M.A. Thesis. Halifax: Dalhousie University, 2008; *Sielaff A. Soviet Influence in British India: Intelligence and Paranoia within Imperial Government in the Interwar Years.* M.A. Thesis. Boulder, Col.: University of Colorado, 2011; etc.

⁹ Гус М.С. Британский империализм и Восток. Харьков: Украинский рабочий, 1926; *Шморгонер Д.И.* Персия, СССР и Англия. Опыт сравнительного исследования внешней торговли Персии за 1913/14, 1923/24 и 1924/25 гг. по отчетам персидских таможен. М.: Российская Восточная торговая палата, 1926; *Petrie D. Communism in India, 1924–27.* Calcutta: Government of India Press, 1927; *Said Ali Khan. Red Menace to India* // *Empire Review.* 1927. № 320. P. 183–188; *Стоклицкий А.В.* Лондон. Кабул. Москва. К англо–афганским отношениям. М.–Л.: Государственное издательство, 1928; *Южный К.* Англо–персидские трения в Персидском заливе // *Международная жизнь.* 1928. № 7. С. 41–49; *Маздур И.* Британский империализм в Индии и подготовка интервенции против СССР. М.: Международный аграрный институт,

Анализ имеющегося корпуса источников позволяет осветить целый ряд вопросов, без ответов на которые вряд ли возможно получить объективное представление о причинах, характере и последствиях советско–британского соперничества в странах Востока. К числу таких вопросов относится формулирование целей политики Кремля и Уайтхолла в Азии, поиск ими эффективных средств защиты своих национальных интересов и обеспечение регионального направления дипломатической деятельности с точки зрения общей парадигмы двусторонних отношений.

В начале стоит напомнить читателю, что правительство тори лидером которых выступал упоминавшийся Болдуин, пришло к власти в октябре 1924 г. на волне скандального инцидента вокруг так называемого «письма Зиновьева», направленного руководству Коммунистической партии Великобритании (КПВ)¹⁰. Последовавшие несколько лет запомнились современникам как период зигзагообразного развития советско–британских отношений — от холодной отчужденности 1925–1926 гг. через разрыв (по выражению Уайтхолла, «приостановку» — suspension) в 1927 г. до нормализации к концу 1929 г. уже при втором лейбористском Кабинете Макдональда.

Характеризуя принципиальные позиции сторон относительно общего положения дел в Азии, необходимо обратить внимание на беседу Раковского и министра иностранных дел О. Чемберлена, которая состоялась по инициативе полпреда 3 апреля 1925 г. В ответ на его заявление о том, что советское правительство поддерживает самоопределение народов Востока глава Форин офис констатировал, что такая политика лишь будет способствовать «распаду Британской империи, устранив тем самым возможность договориться с Москвой»¹¹.

1933; *Goldman B. Red Road through Asia.* London: Methuen, 1934; *Spratt P. Blowing Up India. Reminiscences and Reflections of a Former Comintern Emissary.* Calcutta: Prachi Prakashan, 1955; *Roy M. Memoirs.* Bombay, etc.: Allied Publishers, 1964; *Maclean F. Eastern Approaches.* London: Penguin Books, 1991; etc.

¹⁰ См. подр.: *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. С. 507–529.

¹¹ Раковский — Литвинову, 3 апреля 1925 г. // АВП РФ. Ф. 069. Оп. 9. Пап. 20. Д. 4. Л. 16.

При этом в руководстве обеих стран на протяжении 1920–х гг. соперничали различные точки зрения относительно методов укрепления позиций на Среднем Востоке. Что касается кремлевской верхушки, то ее представители считали возможным осуществление трех сценариев.

Первый учитывал спад революционной волны в Европе, предлагая продолжить «мировую революцию» на пространствах Азии. Ее главными выразителями, как нетрудно догадаться, являлись члены Политбюро ЦК ВКП(б) Л.Д. Троцкий и Г.Е. Зиновьев, последний еще и как председатель Исполкома Коммунистического Интернационала (Коминтерна). Документы, конфискованные британской полицией во время обысков в штаб-квартире КПВ 14 и 21 октября 1925 г. ясно указывали на причастность активную антиправительственную деятельность агентов Коминтерна в британских доминионах и колониях¹². Неслучайно, указывая на угрозу «большевизации» национальных движений в колониальных и зависимых странах, министр транспорта консервативного правительства У. Эшли отмечал на страницах декабрьского 1925 г. выпуска лондонского журнала «Инглиш Ревью»: «В Египте, Индии, даже среди племен Центральной Африки они (агенты Коминтерна. — *Е.С.*) за работой, возбуждая ненависть и презрение к белому человеку и всей его деятельности»¹³.

Второй заключался в нормализации отношений с частью западных стран ценой отказа от соперничества на «азиатской периферии». Сторонником такого подхода выступал глава народного комиссариата иностранных дел (НКВД) Г.В. Чичерин, предложивший 22 мая 1925 г. временному поверенному в СССР У. Питерсу восстановить действие положений российско-британской конвенции 1907 г. относительно разграничения сфер влияния в Персии и Китае¹⁴.

¹² Communist activities in British colonies and dominions, October 1925 // The National Archives of the United Kingdom (TNA). The Security Service: Subject Files. KV 3/21.

¹³ Ashley W. The Menace of Communism // English Review. 1925. No. 12. P. 633.

¹⁴ Peters to O. Chamberlain, 22 May 1925. In: *Medlicott W.N., Dakin D.* (eds) Documents on British Foreign Policy 1919–1939 (DBFP). London: HMSO,

Третий вариант геополитического курса на Востоке постепенно складывался у И.В. Сталина и его сторонников в ВКП(б). На практике, как свидетельствуют документы закрытых совещаний, он означал поиск оптимального сочетания первого и второго подходов, хотя сама логика внутривластной борьбы за власть заставляла сталинскую группу в зависимости от конкретной ситуации критиковать как адептов первого, так и второго сценариев выстраивания отношений с Лондоном.

Говоря о британской внешнеполитической повестке, отметим, что уже к концу первого послевоенного десятилетия для значительной части властной элиты Соединенного Королевства вырисовывалась необходимость сочетания традиционных методов жесткого силового давления с применением новых колониальных практик. К числу последних можно отнести поддержку национальных движений умеренного типа на Среднем Востоке, например, Всеиндийской мусульманской лиги во главе с Мохаммедом Али Джинной. Как известно, работа комиссии Дж. Саймона — впоследствии главы Форин офис — на территории Индостана в 1928 г. привела к одобрению парламентом Соединенного Королевства закона о правительстве Индии 2 августа 1935 г. Этот законодательный акт в свою очередь открыл возможность принятия конституции страны, хотя пока еще в качестве доминиона составе Британской империи¹⁵.

Однако на протяжении второй половины 1920–х гг. среди влиятельных консерваторов не утихали дискуссии относительно будущего доминионов и колониальных владений. Признавая необходимость федерализации империи как основы британского глобального лидерства, многие видные тори высказывали в публичных выступлениях и на страницах «Журнала круглого стола» (*The Round Table Journal*) различные точки зрения о направлениях этой трансформации. К числу последовательных охранителей имперских устоев относились У. Черчилль,

1984. First ser. Vol. XXV. P. 672. См. подр.: *Sabahi H.* British Policy in Persia. P. 198–200.

¹⁵ *Жирова Н.С.* Сотрудничество индийской партии «Гадар» с Коминтерном. С. 101.

занимавший во второй половине 1920–х гг. пост канцлера казначейства, глава колониального ведомства Л. Эмери и руководитель министерства по делам Индии Ф. Смит, больше известный как лорд Биркинхед. Все они выступали с идеей формулирования новой «доктрины Монро» для британских владений на Ближнем и Среднем Востоке, рассматривая военную авиацию в качестве главного силового инструмента сохранения там имперских позиций¹⁶. Разумеется, что правые тори присоединились к заявлению Биркинхеда с трибуны парламента в июне 1926 г.: «Советское правительство стремится окружить Индию кольцом большевистских государств»¹⁷.

Не менее продолжительными спорами были отмечены заседания различных исследовательских центров главных оппонентов тори — представителей рабочей партии. Выступая за изменение колониального статус-кво, часть лейбористских лидеров, например, А. Гендерсон, Х. Далтон, У. Ситрин, основываясь на заключениях экспертов Консультативного комитета по международным вопросам (Labour's Advisory Committee on International Questions), предлагали трансформировать империю в содружество, включающее три уровня: метрополия — белые доминионы — азиатские и африканские колонии¹⁸.

Им оппонировали Дж. Лэнсбери, А. Понсонби, Ч. Бакстон, принадлежавшие скорее к левому крылу рабочей партии. Изучая опыт Советского Союза, они формулировали концепцию преобразования империи в социалистическое содружество равноправных наций с помощью серии реформ на протяжении нескольких десятилетий¹⁹.

¹⁶ *Amyer L.* Situation in Iraq, 11 May 1925 // TNA. Cabinet Papers (CAB) 24/173/37. F. 435–440.

¹⁷ Цит. по: *Hughes M.* British Foreign Secretaries in an Uncertain World, 1919–1939. London — New York: Routledge, 2006. P. 75.

¹⁸ *Thomas J.H.* Labour and the Empire // *World Today*. 1924. № 5. P. 487–489. См. подр.: *Sylvest C.* A Commanding Group? Labour's Advisory Committee on International Questions 1918–1931. In: *Cornthorn P., Davis J.* (eds) *The British Labour Party and the Wider World*. London–New York: Tauris Academic Studies, 2008. P. 48–63; *Shepherd J.* A Gentleman at the Foreign Office: Influences Shaping Ramsay Macdonald's Internationalism in 1924. *Ibid.* P. 25–47.

¹⁹ *Howe S.* Anti-Colonialism in British Politics: The Left and the End of Empire, 1918–1964. Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 44–52.

В итоге следует признать, что отсутствие какой-то целостной концепции региональной политики как в Москве, так и в Лондоне на фоне коллизий, обусловленных соперничеством различных группировок как внутри большевистского, так и британского руководства, серьезно нарушало последовательность дипломатических шагов Кремля и Уайтхолла на Среднем Востоке в рассматриваемый период.

Событийная ткань второй половины 1920–х гг. подтверждает сделанный вывод. Начнем с **Персии** как важнейшей страны, традиционно выполнявшей роль буфера между владениями России и Великобритании. Новый раунд их соперничества определился в результате свержения династии Каджаров и утверждения нового режима в 1921–1925 гг., хотя еще за полгода до провозглашения Реза-хана персидским сувереном британский посланник в Тегеране П. Лорейн называл политическую стабильность, совершенствование государственного управления и экономический прогресс, якобы характерными для страны, лучшими «лекарствами от коммунистической инфекции»²⁰. Комментируя дежурное заявление британского дипломата о «красной опасности», напомним читателю, что речь идет о неудавшейся попытке Москвы, используя сепаратистские движения, добиться в начале 1920–х гг. создания на северных границах Персии и Афганистана независимых государственных образований, примером чему в северо-западном регионе Персии могла служить так называемая Гилянская республика с перспективой ее присоединения к Советскому Азербайджану²¹.

Эта неудача заставила НКВД во второй половине 1920–х гг. перейти к фактической реанимации традиционной геополитической линии российской дипломатии. Неслучайно ведущие персидские газеты пришли к следующему заключению: «В основе своей политики Россия совершенно не изменилась, и теперешние правители Севера продолжают в сущности ту же политику, что

²⁰ *Lorraine* to A. Chamberlain, 16 June 1925 // TNA. Foreign Office (FO) 800/258/165.

²¹ Meeting of the Cabinet, 20 May 1925 // *Ibid.* CAB 23/50/6. См. подр.: *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. С. 328–370.

проводили и (А.П. — Е.С.) Извольский, и (С.Д. — Е.С.) Сазонов (министры иностранных дел соответственно с 1906 по 1910 и с 1910 по 1916 гг. — Е.С.)... Они (большевики. — Е.С.) желают привлечь к себе народы Азии для того, чтобы проложить себе дорогу к Персидскому заливу, Оманскому (то есть Аравийскому. — Е.С.) морю и Индии»²².

Оказывая сильное политическое и экономическое давление на правительство шаха, Москва выступала за возвращение центральных, а главное — северных провинций Персии под свой контроль. Основную задачу советская дипломатия видела в обеспечении доминирования на берегах южного Каспия, отказываясь эвакуировать контингент военных моряков из персидского порта Энзели, где он находился с весны 1920 г.²³

Со своей стороны, британская дипломатия также на словах выступала за консолидацию режима Реза-хана, предложив ему помимо щедрых финансовых субсидий помощь в реализации инфраструктурных проектов развития дорожной сети, строительства линий связи, аэродромов и морских портов²⁴. Символом новой политики Лондона на Среднем Востоке должно было стать открытие в 1928 г. регулярной авиалинии Лондон — Каир — Карачи. Однако в реальности британцы стремились прежде всего контролировать торговое судоходство в районе Персидского залива, но главное — нефтедобычу через «Англо-Персидский Ойл Компани» (Anglo-Persian Oil Company), акционерами которой являлись некоторые высокопоставленные лица в кабинетах Уайтхолла.

Ряд историков справедливо обращал внимание на угрозу позициям Британии в случае формирования у границ Индостана военно-политического блока в составе Турции, Персии и Афганистана под эгидой СССР²⁵. Однако договоры между Анкарой,

²² Володарский М.И. Советы и их южные соседи. С. 107–108.

²³ Чичерин — Богомолу, 14 августа 1925 // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. Пап. 32. Д. 450. Л. 91–94.

²⁴ Наступление английского империализма на Афганистан и Персию (статьи, документы, материалы). Ташкент: Изд. Бюро прессы Среднего Востока при Среднеазиатском бюро ЦК ВКП(б), 1929. Спец. вып. № 8. С. 10–22.

²⁵ P. Lorraine to India Office, 30 January 1926 // British Library. Asian and African Studies (BLAAS). Indian Office Records (IOR) L/PS/10/1038.

Тегераном и Кабулом о тесном сотрудничестве, заключенные в 1926–1928 гг., свидетельствовали главным образом о неприятии этими государствами как большевистской пропаганды, так и сохранения на их территории привилегированного статуса британских юридических и физических лиц²⁶.

Затратив согласно данным британских дипломатов более 40 тыс. ф. ст. на субсидии высокопоставленным персидским чиновникам, Москве удалось добиться подписания 1 октября 1927 г. нескольких договоров с правительством шаха, включая пакт о нейтралитете, торговое соглашение и конвенцию о рыболовстве на Каспии²⁷. Однако ценой восстановления экономических позиций на севере Персии явилось сокращение поддержки местных коммунистов, постепенное прекращение большевистской пропаганды и отмеченное советскими спецслужбами в сентябре 1930 г. стремление Тегерана пойти на сближение с Великобританией²⁸.

Результатом для самой Персии в дальнейшем стала политика равноудаленности от Москвы и Лондона наряду с поиском опоры на третью силу, которой, по мнению иранского шаха, вполне могла стать нацистская Германия. Проведение такого курса вызвало в августе 1941 г. решение советского и британского правительства о вводе войск двух стран соответственно на северо-запад и юго-восток Ирана, что имело своим результатом подписание 29 января 1942 г. советско-британско-иранского договора о взаимной поддержке, устранив тем самым опасность перехода Ирана под контроль держав-агрессоров²⁹

²⁶ Володарский М.И. Советы и их южные соседи. С. 122–131.

²⁷ P. Clive to A. Chamberlain, 21 October 1927 // BLAAS. IOR L/PS/10/1038.

²⁸ Среднеазиатское бюро ВКП(б). Краткие политико-экономические сведения по Хорасанской провинции Персии, 1 сентября 1930 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 62. Оп. 2. Д. 2210. Л. 25–46.

²⁹ См. подр.: Stewart R. Sunrise at Abadan: The British and Soviet Invasion of Iran, 1941. New York: Praeger, 1988; Ходеев В.П. Советско-английское принуждение Ирана к лояльности в 1941 г. // Военно-исторический журнал. 2011. № 9. С. 9–16.

Еще более важное значение в контексте соперничества России/СССР и Великобритании на Среднем Востоке имел **Афганистан** — предмет их постоянной заботы на протяжении XIX–XX вв. Здесь необходимо иметь в виду, что для Москвы важно было обеспечить безопасность границ сразу трех республик, созданных в результате национально–государственного размежевания, — Туркменской, Узбекской и Таджикской (с 1929 г.), положив конец рейдам басмачей на их территорию. А для Лондона принципиальное значение имело блокирование гипотетических путей вторжения советских войск из большевистской Средней Азии в СЗПП Индии именно через территорию Афганистана.

Как отмечал в меморандумах для членов Кабинета упоминавшийся лорд Биркинхед после заключения британо–афганского договора в Равалпинди, завершившего третью англо–афганскую войну, правительство эмира Амануллы получило полную свободу действий во внутренней и внешней политике. Используя ситуацию для лавирования между Москвой и Лондоном, афганский правитель пытался «столкнуть их лбами», чтобы получить от каждой из соперничавших сторон как можно больше финансовых субсидий, вооружения и инвестиций для проведения серии реформ и создания в стране современной инфраструктуры — линий связи, стратегических шоссе и аэродромов. С точки зрения Биркинхеда, которую он пытался донести до премьер-министра Болдуина и министров, перед британской дипломатией в связи с Афганистаном стояли две проблемы — нестабильность режима Амануллы, который сталкивался с постоянно вспыхивавшими восстаниями племен, подстрекаемых традиционалистски настроенным духовенством, а также возрастающей угрозой советского проникновения в страну. Указанная опасность, по мнению Биркинхеда, вице–короля Индии Р. Айзекса (лорда Рединга) и посланника в Кабуле Ф. Хамфриса, обуславливалась резким увеличением количества советских авиаторов в юго–восточных провинциях Афганистана и поставками военных самолетов для правительственных войск. Помимо этого, обеспокоенность британских дипломатов вызывали проекты строительства телеграфной линии Кабул — Кандагар

с продлением до Герата и намерения Москвы учредить консульства в ряде административных центров на юго–востоке Афганистана³⁰.

По сообщениям Хамфриса, летом 1925 г. на афганской территории находилось более 80 советских представителей, включая 29 военных летчиков–инструкторов, что в десять раз превышало количество проживавших в столице британцев³¹. В свою очередь антиправительственное выступление трех племен численностью до 50 тыс. чел. в пограничной провинции Пактия на рубеже 1924–1925 гг., известное как Хостский мятеж, было расценено частью кремлевского руководства с подачи советских спецслужб как очередной британский заговор против Амануллы³². Стремясь использовать ситуацию для продолжения «мировой революции», эксперты Коминтерна, предложили кремлевскому руководству заключить секретное соглашение с эмиром по формированию повстанческих отрядов в СЗПП для нападения на британские гарнизоны и лояльные им племена. И хотя эта инициатива была отвергнута большинством членов ПБ, участники очередного заседания «Инстанции» все же решили перейти к формированию в Афганистане широкой сети резидентов и информаторов. Эта резолюция вызвала резкий протест Чичерина, который, как уже отмечалось, занимал компромиссную позицию по вопросу урегулирования советско–британских разногласий в странах Азии³³.

События всеобщей забастовки мая 1926 г. на Британских островах только усилили подозрительность членов Кабинета, внимательно наблюдавших за продолжавшимся с осени 1925 г. советско–афганским пограничным конфликтом по вопросу государственной принадлежности острова Урта–Тагай на

³⁰ Memoranda by Lord Birkinhead for the Cabinet, 9 June, 7 December, 11 December 1925 // TNA. CAB 24/173/88. F. 831–838; CAB 24/176/16. F. 69–72; CAB 24/176/23. F. 110.

³¹ F. Humphrys to Government of India, 6 July 1925. In: *Burdett A.L.P.* (ed.) *Afghanistan Strategic Intelligence*. British Records 1917–1970. Chippenham: Archive Editions, 2002. Vol. 1. P. 682.

³² *Тихонов Ю.Н.* Афганская война Сталина. С. 148–153.

³³ Там же. С. 168.

р. Пяндж, откуда отряды басмачей совершали рейды на советскую территорию. Хотя в феврале 1926 г. советские пограничники покинули остров, а учрежденная сторонами комиссия приступила к переговорам, лорд Биркинхед на очередном заседании Кабинета настоятельно рекомендовал Форин офис предупредить советское правительство, что «военная оккупация афганского Туркестана с целью его последующего присоединения к СССР в любых форме и виде будет рассматриваться как повод к войне (*casus belli*)»³⁴.

Важно подчеркнуть, что алармистские настроения членов консервативного правительства относительно ситуации в Афганистане объяснялись еще одной региональной угрозой, а именно, перспективой превращения китайского Синьцзяна в новую советскую республику, что могло способствовать распространению советского влияния далее на Тибет, что, однако, является темой самостоятельного исследования³⁵.

Серьезные опасения Форин офис касательно изменения позиции афганского эмира, который судя по оптимистическому заявлению полпреда Л.Н. Старка, «определенно принял нашу (т.е. советскую. — Е.С.) ориентацию»³⁶, получили подтверждение после заключения в конце августа 1926 г. советско-афганского договора о нейтралитете и взаимном ненападении. Новый поворот внутривосточной борьбы в Афганистане, связанный с восстанием Бачаи Сакао, таджика по национальности, бывшего военнослужащего армии эмира, окончательно похоронил надежду лидеров Коминтерна и поддерживавших их членов кремлевского руководства подготовить революционный взрыв на восточных рубежах Британской империи в 1928–1929 гг.

³⁴ Memorandum by Commander I. Maxse for the Cabinet «Russia and Afghanistan», 22 June 1926 // TNA. FO 800/259. F. 537–539.

³⁵ Об опасениях британского правительства в отношении усиления советских позиций в Афганистане см. подр.: Memorandum by S. Hoare for the Cabinet on Chinese Turkestan, 19 December 1932 // TNA. Treasury Papers (T) 161/699.

³⁶ F. Humpfrys to A. Chamberlain, 20 April 1925. In: DBFP. First ser. Vol. XXV. P. 660–662; Советская Россия в борьбе за «афганский коридор» (1919–1925). Сб. документов / сост. Ю.Н. Тихонов. М.: Квадрига, 2017. С. 442.

Важно подчеркнуть, что среди кремлевской верхушки возникли разногласия относительно характера и движущих сил мятежа. Если коминтерновцы и руководители большевистских спецслужб оценивали это выступление как революционное движение против «феодально-клерикального режима Амануллы», то эксперты НКВД во главе с Чичериным считали лидера восставших криминальным элементом, который пользуется содействием басмачей. Соответственно большинство сотрудников наркомата оценивали перспективы удержания власти режимом Бачаи Сакао близкими нулю в силу его этнической принадлежности к нетитульной нации, то есть пуштунам, и отсутствия опыта государственного управления³⁷.

Впрочем, попытка оказания помощи законному правительству Амануллы путем ввода советского военного контингента численностью около 800 чел. в северный Афганистан также закончилась ничем. Не получив поддержки среди консервативно настроенного духовенства и старейшин большинства племен, эмир отрекся от власти в начале 1929 г. и спешно покинул Кабул, а через полгода и страну, что заставило Москву отдать приказ о возвращении подразделений РККА на советскую территорию в мае того же года³⁸. Со своей стороны Кабинет Болдуина занял нейтральную позицию, ожидая результатов окончания конфликта. Как заявил О. Чемберлен в ответ на запрос одного из парламентариев 30 января 1929 г., «английское правительство не намеревается вмешиваться во внутренние дела Афганистана поддержкой или помощью какой-либо из сторон, в данный момент борющихся за власть в этой стране», хотя в связи с отречением Амануллы официальный Лондон «не рассматривает его правительство как правомочное»³⁹.

Однако и правление мятежника Сакао, объявившего себя 18 января 1929 г. новым эмиром Хабибуллою, оказалось

³⁷ Сводка 7-го отдела штаба Среднеазиатского военного округа № 13, октябрь — декабрь 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1805. Л. 1–36. См. подр.: Бойко В.С. Власть и оппозиция в Афганистане. С. 159.

³⁸ Stewart R. Fire in Afghanistan. P. 560–562; Володарский М.И. Советские и их южные соседи. С. 193–194.

³⁹ *The Manchester Guardian*, 31 January 1929.

краткосрочным. Его власть не распространялась далее столичной провинции, а режим так и не признали иностранные державы, хотя миссии СССР, Турции и Персии, а также группа германских дипломатов оставались в Кабуле на протяжении всех девяти месяцев пребывания узурпатора на троне. В октябре того же года отряды героя третьей англо–афганской войны, бывшего военного министра Мохаммеда Надир–хана заняли Кабул, где 1 ноября лидер мятежа был повешен на центральной площади под восторженные крики большинства горожан.

В конечном итоге, несмотря на продолжавшиеся племенные восстания, завершение смуты все же заставило Москву и Лондон приступить к политическим консультациям с правительством Надир–шаха, завершившимся в начале 1930–х гг. подписанием соответствующих соглашений. Что же касается Афганистана, то главным итогом рассмотренных событий явилось сохранение государственной независимости на основе консолидации различных социальных и этнических групп вокруг фигуры нового суверена. Что касается Москвы, то в обмен на отказ от попыток большевизации этой страны кремлевское руководство добилось вместе с прекращением басмаческого движения стабилизации положения на южных рубежах союза. А Лондон в свою очередь получил гарантию безопасности Британской Индии не только от вторжения извне, но и от мятежей племен при поддержке иностранных держав⁴⁰.

Отметим в этой связи существенную роль, которую играло состояние СЗПП **Индии** для сохранения регионального баланса сил. Материалы пресс–бюро советского полпредства в Лондоне показывают с каким вниманием Москва относилась к публикациям британской прессы, постоянно поднимавшей вопрос о «большевистской угрозе» безопасности Индостана со стороны Афганистана. К примеру, консервативная газета «Морнинг Пост» в июле 1926 г. дважды информировала своих читателей о военной активности русских в юго–восточных провинциальных центрах Джалалабаде и Кандагаре, где якобы началось

⁴⁰ Review of events in Afghanistan, 1 July 1931 — 30 June 1932 // TNA. War Office Papers (WO) 33/1295.

строительство авиационных баз, с которых самолеты противника получали возможность в короткое время достигнуть так называемой Зоны свободных племен, или другими словами буферной территории между Афганистаном и Британским Раджем⁴¹.

Неслучайно поэтому в декабре 1927 г., очевидно, также под впечатлением вмешательства агентов Коминтерна в китайские события правительство Болдуина решило создать специальную структуру в составе Комитета имперской обороны для обсуждения вопросов обеспечения безопасности Индии. Характерно, что хорошо осведомленный секретарь Кабинета, а по совместительству и Комитета имперской обороны, полковник М. Хэнки в своем меморандуме от 2 февраля 1928 г. сравнил текущую региональную ситуацию с положением дел на завершающем этапе британо–русского соперничества в ходе Большой Игры 1856 – 1907 гг. Как следует из содержания документа, особое беспокойство Хэнки, а вместе с ним и экспертов Имперского Генерального штаба по–прежнему вызывало присутствие 18 военных пилотов и механиков из Советской России на пограничных с Индией аэродромах к концу 1927 г. Однако итоговый вывод меморандума содержал довольно осторожную формулировку о необходимости, во–первых, тщательно согласовывать действия Лондона и Дели по организации обороны крупнейшего азиатского владения Великобритании, а во–вторых, умелого сочетать методы политического и военного давления на Кабул в зависимости от складывавшихся обстоятельств⁴².

Предложения Хэнки выглядели своевременными на фоне усиления позиций левого крыла Индийского национального конгресса, провозгласивших достижение независимости конечной целью политической, о чем свидетельствовали решения очередного съезда этой партии в конце 1927 г.⁴³ В то же время

⁴¹ Английская пресса о «красной угрозе» Индии, июль 1926 г. // АВП РФ. Ф. 69. Оп. 15. Пап. 51. Д. 53. Л. 64–67.

⁴² Memorandum by M. Hankey for the Cabinet «The Defence of India», 2 February 1928 // TNA. CAB 24/192/26. F. 159–170.

⁴³ Roy M.N. Imperialism and Nationalism // International Press Correspondence, 5 January 1928. Vol. 8. No. 1 // TNA. KV 3/148.

британская пресса, особенно авторы, выступавшие с имперских позиций, с тревогой констатировали продолжение деятельности различных центров как на советской территории, так и в Персии и Афганистане, которые готовили пропагандистов–организаторов для последующей переброски в Британскую Индию⁴⁴. О планах руководителей Коминтерна создать целую сеть комитетов по руководству национально–освободительным движением в Турции, Персии, Афганистане, Китае и Индии, добившись согласования их работы с деятельностью тред–юнионов, были прекрасно осведомлены полицейские власти как в Лондоне, так и в Дели⁴⁵. Согласно данным индийских историков на средства, выделенные Москвой, в 1925–1928 гг. КПВ ежегодно направляла в Индию по шесть своих эмиссаров для координации антиправительственных выступлений, например, всеобщей стачки в Бомбее в 1928 г.⁴⁶

Тем не менее, к концу 1920–х гг. все больше политиков на берегах Темзы приходило к убеждению, что советская дипломатия добивается в Индии не установления коммунистического режима, а стремится разрушить там изнутри систему британского управления, действуя совместно с националистами. Характерно, что на протяжении лишь одного 1931 г. вопросы вмешательства СССР в дела Индии обсуждались 29 раз⁴⁷. Неслучайно поэтому ряд британских политиков из числа как консерваторов, так и лейбористов, не говоря уже о представителях либеральной партии, предлагали правительству использовать жупел «большевистской опасности» для того, чтобы привлечь на свою сторону правое крыло националистов, делегировав им часть властных полномочий при условии следования в общем фарватере внешней политики Соединенного Королевства.

Что же касается советского руководства, то в его расчетах планы осуществления «мировой революции» постепенно

⁴⁴ См., напр.: *Said Ali Khan. Red Menace to India.* P. 185.

⁴⁵ *Petrie D. Communism in India.* P. 80–82.

⁴⁶ *The Times*, 3 May 1928. См. подр: *Samra C. India and Anglo–Soviet Relations.* P. 114–115, 136.

⁴⁷ *Попов В.И.* Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929–1939 гг.). М.: Международные отношения, 1965. С. 46.

уступали место необходимости отстаивания национальных интересов. Об этом свидетельствует, например, ключевой тезис одного из известных экспертов–международников начала 1930–х гг., который в специальной брошюре о планах британского империализма в Индии рассматривал северо–западный регион субконтинента как военный плацдарм для организации захвата советского Туркестана и даже Закавказья⁴⁸.

Подводя итоги, укажем сначала на ведущие направления советско–британского дипломатического противостояния в государствах Среднего Востока. Первым из них, безусловно, выступала борьба за влияние на местных правителей, начиная с персидского шаха или афганского эмира, заканчивая региональными лидерами уровня отдельного народа, либо даже объединения племен. Средствами к достижению цели обычно служили финансовые субсидии и поставки стрелкового вооружения, а также откомандирование в регион военно–технического персонала. Основным полем соперничества здесь выступал Афганистан.

Вторым вектором дипломатической конфронтации Москвы и Лондона являлась разработка масштабных проектов создания инфраструктуры транспорта и связи в регионе Среднего Востока, практически лишенного телеграфных и телефонных линий, автомобильных и железных дорог, а также аэродромов. Обе стороны также всемерно покровительствовали увеличению объемов экспортно–импортных операций, стремясь вытеснить конкурентов с местных рынков. В этом плане главным полигоном соперничества Москвы и Лондона являлась Персия.

К третьей важной сфере советско–британской дипломатической борьбы необходимо отнести соревнование в области пропаганды и агитации. По сути дела, как свидетельствуют источники, это соревнование состояло в стремлении убедить широкие массы либо в преимуществах большевизма как идеологии, наиболее отвечающей национальным устремлениям азиатских народов, либо наоборот обосновать единственно возможный сценарий их плавного, эволюционного перехода к политическому суверенитету без каких–либо революционных потрясений в соответствии

⁴⁸ *Маздур И.* Британский империализм в Индии. С. 9–25.

с британскими рекомендациями. Яркие примеры соперничества Москвы и Лондона за умы не только образованного меньшинства, но и малокультурного меньшинства можно найти в описываемый период на территории Северной Индии.

Если оценивать эффективность политики Советского Союза и Великобритании на Среднем Востоке в межвоенный период, то следует принять во внимание отсутствие генеральной линии на фоне существовавших разногласий внутри советского и британского руководства. Указанный фактор ограничивал возможности обеих сторон достигнуть поставленных целей, главной из которых являлась защита национальных интересов в регионе.

Отсюда складывалась достаточно противоречивая картина. В отличие, например, от Китая «мировая революция» в странах Востока потерпела поражение. Вместе с тем Москве удалось сохранить довольно прочные геополитические позиции в Персии и Афганистане, заключив впоследствии несколько договоров о дружбе уже с независимой Индией, хотя отношения Советского Союза с Пакистаном долгое время не складывались также успешно.

Такое развитие событий, безусловно, контрастировало с процессом распада Британской империи после окончания Второй мировой войны и уходом Великобритании из региона к 1970-м гг. Впрочем, последовавший спустя всего два десятилетия коллапс Советского Союза, который привел к возникновению геополитического вакуума в интересующем нас регионе, поставил под сомнение достижения кремлевской дипломатии в межвоенный период.

ГЛАВА 18

НАПАДЕНИЕ ГЕРМАНИИ НА СССР: В СМИ И КИНОПРОДУКЦИИ США

С.О. Буранок

(Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00099, <https://rscf.ru/project/22-28-00099>)

Нападение Германии и её союзников на СССР вызвало широкую и разнообразную реакцию в общественно-политических кругах США. У Рузвельта и Черчилля осознание необходимости пересмотра отношения к СССР появилось почти сразу после падения Франции¹, а к июню 1941 г. оба лидера были готовы «оказать русским всемерную поддержку и помощь», а так же «приветствовать Россию как союзника»².

В политической элите США нападение Германии вызвало более сложную реакцию. Если президент Рузвельт считал, что для спасения Великобритании необходим союз с СССР и агрессия Германии изменяет ситуацию в войне в пользу союзников, то чиновники госдепартамента, руководители республиканцев и демократов, администрация президента разделились на два лагеря. Первый — сторонники скорейшего оказания не только военной мощи СССР, но и оформления союза. Важнейшим лидером данных политиков был Гопкинс, который уже 22 июня доказывал необходимость распространения ленд-лиза

¹ *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 13.

² *Мальков В. Л.* Великий Рузвельт. М., 2011. С. 359.

на СССР³. В этом стремлении его поддержали Аверелл Гарриман, помощник Гопкинса — Оскар Кокс, Джозеф Дэвис⁴. Дэвис оперативно предоставил Гопкинсу доказательства, что войска СССР, несмотря на прогнозы военных, не только продержаться дольше 6 месяцев, но и смогут победить в войне.

Второй лагерь политической элиты представляли убеждённые изоляционисты, которые считали, что нападение Германии создаёт исключительно благоприятные условия для США, но что бы реализовать данные условия необходимо и далее придерживаться принципов невмешательства. Наиболее жёстко эти позиции отстаивали — бывший посол в СССР Буллит, сенаторы Кларк и Джонсон, заявлявшие, что США надо быть в стороне от «грызни собак» и «бойни двух диктаторов»⁵. Сенатор Тафт открыто признал, что победа Сталина ещё более опасна, чем победа Гитлера. Близка к данным кругам была позиция и госдепартамента во главе с К. Халлом — держаться в стороне, проявляя сдержанность⁶.

Такой же скептической была оценка СССР в начале войны и американскими военными. Уже 23 июня военный министр Стимсон определил время сопротивления СССР от одного до трёх месяцев, а для подкрепления своих выводов 24 июня министр направил президенту отчёт о состоянии Красной Армии, где содержалось явно заниженное число советских дивизий — 130 пехотных, 30 кавалерийских и 4 танковых⁷. Военное министерство предлагало заняться укреплением собственных стратегических позиций, предвещая лишь «короткую сватку между СССР и Германией»⁸. Стимсон всячески подчёркивал, что такого же мнения придерживаются и британские военные,

³ *Sherwood R. Roosevelt and Hopkins: An Intimate History. New York, 1950. Vol. 1. P. 369.*

⁴ *Мальков В.Л. Великий Рузвельт. М., 2011. С. 360–364.*

⁵ *Thayer C. Bears in the Caviar. New York, 1951. P. 115–120; Яковлев Н.Н. Франклин Д. Рузвельт — человек и политик. М., 2003. С. 426–427.*

⁶ *Pratt J. Cordell Hull 1933–1944. 2 vol. New York, 1964. P. 112.*

⁷ *The Franklin Delano Roosevelt Library. Safe Files. Box 5. Russian Divisions 6/24/41.*

⁸ *Мальков В.Л. Великий Рузвельт. М., 2011. С. 364.*

стараясь их авторитетом убедить Рузвельта перейти на сторону скептиков. Похожие оценки сделали генерал Маршалл и адмирал Старк, считая, что в виду неминуемого поражения СССР, США должны как можно скорее увеличить свой военный потенциал⁹.

Однако, позицию военных не разделял и президент США, который 24 июня подтвердил свои прежние намерения «оказать России всю необходимую помощь»¹⁰, и простые граждане, и лидеры профсоюзов. Так, президент АФТ Уильям Грин с первых дней войны не только высказывался о поддержке СССР, но и взял на себя организацию первых кампаний по сбору помощи среди рабочих¹¹. Активную помощь Советскому Союзу оказывали и другие организации, связанные с рабочими или американцами русского происхождения: «Русско-американский центральный комитет помощь России», «Помощь России в войне», «Национальный комитет медицинской помощи Советскому Союзу» через которые простые граждане США могли как получать информацию, так и оказывать материальную помощь¹². Большую помощь в первые дни войны оказал Эдвард Картер, возглавивший сразу несколько организаций и тесно связанный с газетой компартии «Daily Worker»¹³.

Видно, что политическая элита США разделилась в «советском вопросе» на несколько противоположных группировок, тогда как большинство простых граждан симпатизировало и было готово помогать СССР. Эволюцию взглядов и оценок данных групп и влияние на них позиции Великобритании хорошо прослеживается по материалам периодической печати за июнь – июль 1941 г. Следует учитывать, что к лету 1941 г. почти

⁹ *Яковлев Н.Н. Франклин Д. Рузвельт — человек и политик. М., 2003. С. 432.*

¹⁰ *San Francisco Examiner. 1941. June 24. P. 1.*

¹¹ *Cornell University Library. American Federation of Labor. Green, William. President's correspondence, 1926–1952. CN: 5402mf.*

¹² *Иванов Р.Ф., Петрова Н.К. Общественно-политические силы СССР и США в годы войны. Воронеж, 1995. С. 35–38.*

¹³ *University of Vermont Libraries Special Collections. Edward C. Carter Collection. Box 3. Folder 7. Russian War Relief and American Russian Institute: public file, 1941–1942.*

все крупные издания Великобритании поддерживали курс Черчилля и идею военного союза против нацистов, в то время как в США лишь ограниченное число газеты было за Рузвельта (например, «San Francisco Chronicle», «Los Angeles Times», «New York World–Telegram», «Maryville Daily Forum», «Helena Independent»). Наиболее жёсткую линию по отношению к президенту, убеждая общественность не соглашаться на альянс с СССР, в июне 1941 г. заняли «New York Herald Tribune», «New York Daily News», «Chicago Daily Tribune», «Wall Street Journal», «Washington Times–Herald», «Pittsburgh Press», «Washington Post», «Daily News», которые были лидерами СМИ и во многом определяли информационный климат в США. Эти издания были тесно связаны с республиканской партией и промышленно–финансовыми кругами, заинтересованными в укреплении позиций Германии в Европе.

Первые отклики на события 22 июня 1941 г., их анализ и оценки появились в западной прессе уже в день нападения¹⁴. На первых полосах британских СМИ чаще всего повторяются и обсуждаются две темы: 1) у Великобритании неожиданно появился могущественный союзник; 2) войска нацистов приступили к уничтожению мирных городов СССР точно так же, как поступали с Великобританией¹⁵. Это формировало у общественности Англии чувство понимания и даже единства с советскими гражданами. В своих оценках СМИ США разделись на две группы.

Журналисты первой группы уверены, что нарушение недавно подписанного пакта Молотова–Риббентропа произошло по вине Советского Союза. Так, британский корреспондент Уильям Стоунмен писал: «Гитлер ударил по России, опасаясь возможного нападения диктатора Сталина»¹⁶. «Chicago Daily Tribune» и Роберт Кремер из «Washington Post» озвучили эту же версию, а для правдоподобности сослались на факты международной

¹⁴ New York Times. 1941. June 22. P. 8; Youngstown Vindicator. 1941. June 22. P. 1.

¹⁵ Daily Express. 1941. June 23. P. 1; Daily Mirror. 1941. June 23. P. 1; Times. 1941. June 23. P. 1.

¹⁶ Pittsburgh Press. 1941. June 22. P. 48.

политики и «советские материалы»¹⁷. Видно, что представители первой группы периодических изданий в своих оценках причин войны полностью идут вслед за заявлениями нацистских лидеров.

Вторая группа периодических изданий США, наоборот, 22 июня 1941 г. Гитлера обвиняет в агрессии против СССР, указывая, что Германия пошла на нарушение пакта 1939 г. ради захвата стратегических ресурсов и территории СССР¹⁸. Именно такой подход к причинам агрессии Гитлера в будущем закрепился и станет основным для прессы США.

Тесно связанными с газетами второй группы были материалы иностранных журналистов, которые на момент нападения Германии работали в Советском Союзе. Сотрудник «Ассошиэйтед Пресс» Генри Кэссиди описывает в воспоминаниях, как он был шокирован неожиданным нападением и сразу включился в работу по созданию положительного образа СССР на страницах «New York Times» и «New York Herald Tribune»¹⁹. Работавший долгие годы в Москве Генри Шапиро («Юнайтед Пресс») в своей записной книжке отметил первые впечатления от внезапной атаки и сделал наброски первых статей о событиях 22 июня²⁰. Другой сотрудник «Ассошиэйтед Пресс», Эд Гилмор, перед командировкой в СССР охарактеризовал события 22 июня следующим образом: «Теперь нам стало ясно — Гитлер войну проиграет»²¹. К идентичным выводам пришёл журналист, в будущем сотрудник Управления военной информации США, Уоллес Кэрролл²². Следовательно, представители англо–американских СМИ, которые работали в СССР, не только наиболее трезво оценили как причины, так и будущие итоги войны, но и стали

¹⁷ Chicago Daily Tribune. 1941. June 22. P. 1, 2; Washington Post. 1941. June 22. P. 1.

¹⁸ Los Angeles Times. 1941. June 22. P. 1; Milwaukee Journal. 1941. June 22. P. 1; Milwaukee Sentinel. 1941. June 22. P. 1; Palm Beach Post. 1941. June 22. P. 1.

¹⁹ Cassidy H. Moscow Dateline: 1941–1943. Boston, 1943. P. 39–43.

²⁰ Library of Congress. Papers of Henry Shapiro. Box 149.

²¹ Gilmore E. Me and My Russian Wife. New York, 1954. P. 11.

²² Library of Congress. Papers of Wallace Carroll. Box 5; Carroll W. Inside Warring Russia: An Eye–Witness Report on the Soviet Union's Battle. New York, 1942. P. 10–15.

базовым источником информации для американского общества в процессе создания образа советско–германского фронта.

Можно заключить, что уже в первый день войны в обществе США были подняты на страницах прессы важные вопросы, относительно восприятия и реакции на нападение Германии, а также об отношении к Советскому Союзу. Центральным вопросом была военная помощь СССР со стороны Запада — новая агрессия Гитлера сразу разделила американское и британское общество на странников и противников помощи СССР. После первоначальной реакции на сенсационную новость, 23–24 июня начинается процесс размежевания общественно–политических сил США в оценках советско–германского противостояния. Общественность и политики разделились на 1) скептиков или «русофобов», предсказывающих быстрое поражение СССР. Представлены они были в США, в основном, республиканцами из Конгресса и работниками госдепартамента; 2) сторонников тесного сотрудничества СССР и США; 3) прагматиков, которые доказывали необходимость извлечения выгоды из любого варианта развития войны.

Немедленной реакцией изоляционистов на известие о начале Великой Отечественной войны было, как его описывал Роберт Шервуд, ликование: «Теперь изоляционисты получили возможность всю пропагандировать первоначальную установку нацистской партии, а именно что Гитлер — единственный оплот против большевизма»²³. От имени изоляционистов сенатор из Канзаса А. Кеппер заявил: «Нападение гитлеровской Германии на сталинскую Россию утвердило меня в глубокой уверенности, что войны в Европе — не наши войны. Мы не должны в них участвовать... Пока эти два диктатора (Гитлер и Сталин — *Д.С.*) пожирают друг друга, Соединенные Штаты должны укреплять свою национальную оборону с тем, чтобы быть готовыми во всеоружии встретить любые случайности»²⁴. И, как отмечал сам Франклин Рузвельт, подобный взгляд был очень распространенным: «Любой, полагающий, что изоляционизм в нашей стране мертв, — безумен. Как только <Вторая мировая> война

²³ Шервуд Р. Ук. соч. С. 495.

²⁴ Цит. по Иванов Р.Ф. Сталин и союзники. Смоленск: Русич, 2000. С. 143.

закончится, изоляционисты, возможно, будут сильнее, чем когда–либо»²⁵. Здесь имелись в виду не только идеологические догмы, но и прибыль, которую получали американские бизнесмены, связанные с Германией, и их лоббисты на Капитолийском холме.

Самым крепким и последовательным бастионом противников рузвельтовской «интервенции» в международную политику был комитет «Америка превыше всего». Он был основан на базе иллинойского движения «За некоммерческие законы» 19 сентября 1940 г. Руководимый сенатором от Миссури Беннетом Кларком, Комитет к началу 1941 года имел разветвленную структуру, которая включала в себя две главных штаб–квартиры (в Чикаго и Вашингтоне), а также 586 местных ячеек и связанных с ними организаций. Среди его сторонников были как консерваторы со Среднего Запада, так и левые пацифисты²⁶. Членами Комитета были бизнесмены (Генри Форд и Эдвин Вебстер мл.), отставные военные, работавшие в крупных компаниях (как генералы Роберт Вуд — один из сопредседателей Комитета — или Хью Джонсон), бывшие политики (экс–президент Роберт Тафт и бывший помощник госсекретаря Уильям Каствл), владельцы газет (Джозеф Паттерсон — «Нью–Йорк дейли ньюс» и Роберт Маккормик «Чикаго трибьюн»), а также многие известные деятели (летчик Эдвард Риккебакер, бывший генеральный прокурор Нью–Джерси Томас Маккартер)²⁷. На пике своей популярности в середине 1941 года Комитет имел 800 тысяч членов²⁸, из которых 135 тысяч — в штате Иллинойс²⁹. Движение носило во многом стихийный характер, в нем отсутствовала партийная дисциплина.

²⁵ Цит. по: Arthur Schlesinger, Jr Foreword / My Dear Mr. Stalin / Ed. S. Butler — Yale University Press, 2005. P. xiii.

²⁶ An Outline on American History / Ed. Whitney F. — The US Dept. of State, 1997. P. 266.

²⁷ See FDRL, Official Files, Box 4330, Folder: America First Committee. J.E. Hoover to Franklin Roosevelt, March, 4, 1941. P. 1–6.

²⁸ Cole W.S. America First: The Battle against Intervention, 1940–41. University of Wisconsin Press, 1953. P. 101.

²⁹ Schneider J.C. Should America Go to War? The Debate over Foreign Policy in Chicago, 1939–1941. University of North Carolina Press, 1989. P. 198.

В июне 1941 г. во многих американских городах (особую активность проявляло бруклинское отделение Комитета) состоялись многочисленные митинги, организованные Комитетом. 20 июня 1941 г. Комитет на заседании в «Холливуд–Боул» собрал 30–40 тысяч человек³⁰. С первых дней Великой Отечественной войны Комитет, ранее критиковавший Гитлера за договор от 23 августа 1939 г., присоединился к антисоветской кампании³¹. 24 июня 1941 г. в Бруклине состоялся митинг Комитета. Выступавшие (председатель Комитета сенатор Беннет Кларк, профессор Университета Нотр–дама Джон О’Браен, пастор лютеранской церкви Гидеон Олсон и глава бруклинского отделения Комитета Уильям Леонард) требовали от правительства не выводить конвои в море и не принимать участия в европейской войне. 26 июня 1941 года на имя Президента США пришла телеграмма от председателя отделения комитета «Америка превыше всего» в Глендейле (Калифорния) Шелтона Ханта. Он напоминал о клятве Рузвельта, что ни один американский солдат не погибнет в Азии или Европе. Хант протестовал против осуществлявшейся помощи Великобритании и ожидаемой — Советскому Союзу. Отправитель также настаивал на выводе из правительства «подстрекателей войны, господ Франкфуртера, Нокса, Моргентау, Стимсона, Хилмана, Хэлла и судьи Верховного суда Розмана»³².

В первые дни войны особенно сильные позиции в американской (но не в британской) прессе, а также среди политиков занимали скептики. Поскольку в период 1939 — 1941 г. на Западе шла очень активная антисоветская риторика в высоких политических кругах, представители которых (У. Буллит, А. Бирл, Л. Гендорсон, Дж. Грю³³)

³⁰ FDRL, Official Files, Box 4330, Folder: America First Committee. J.L. Wheeler to to Franklin Roosevelt, Jul., 11, 1941.

³¹ FDRL, Official Files, Box 4330, Folder: America First Committee. A. A. Shaper to Stephen Early, Dec., 3, 1941.

³² FDRL, Official Files, Box 4330, Folder: America First Committee. Shelton Hunt to Franklin Roosevelt, Jun., 26, 1941.

³³ Truman Library. Oral History Interviews. Oral History Interview with Loy W. Henderson; Columbia University. Oral History Interviews. Oral history interviews with Henderson.

считали, что главная угроза международной безопасности — это СССР³⁴.

Знаменитая речь Черчилля о помощи СССР вызвала среди скептиков как недоверие и сомнения, так и резкую критику. В частности, некоторые СМИ США прямо поставили вопрос: «Великобритания будет помогать России, но надо ли это делать США?»³⁵. Сенатор–демократ от Вирджинии Глэсс уже 23 июня ответил на данный вопрос, что любые действия Гитлера на Востоке облегчают «наши» приготовления и помощь Великобритании, следовательно, помогать надо только Черчиллю. Конгрессмен Джордж (Джорджия) тоже скептически отнесся к вопросу о помощи СССР, заявив, что Гитлер предпринял только превентивные меры. Сенатор Шипстид (Миннесота), отвечая на актуальный вопрос, несколько его скорректировал: союз с СССР «будет ли означать, что Сталин теперь сражается за демократию?»³⁶. Для сенатора ответ был очевиден. Ещё более жёстко и непримиримо высказался конгрессмен от Индианы Р. Грант: «Любая помощь СССР от США, будет означать оправдание коммунистического режима и репрессий»³⁷.

Таким образом, скептики в американском обществе развивали одну из главных тем СМИ 1939–1941 г. о «скорой войне двух диктаторов» и «близости, даже одинаковости нацизма и коммунизма». Задачу США в новых условиях представители данного лагеря общественно–политических сил видел как помощь только Британии и ожидание того, что «диктаторы уничтожат друг друга»³⁸. Тема виновности Советского Союза в войне очень активно развивалась на страницах американской прессы 23–24 июня, когда были опубликованы статьи о советском авианалёте на Хельсинки, который, по мнению журналистов, вынудил

³⁴ Мальков В.Л. Россия и США в XX веке. М., 2009. С. 285.

³⁵ Milwaukee Sentinel. 1941. June 23. P. 1, 2; Youngstown Vindicator. 1941. June 23. P. 1–3.

³⁶ St. Petersburg Times. 1941. June 23. P. 4.

³⁷ Иванов Р.Ф., Петрова Н.К. Общественно–политические силы СССР и США в годы войны. Воронеж, 1995. С. 20.

³⁸ Meriden Record. 1941. June 23. P. 6.

Финляндию вступить в войну³⁹. О том, что генерал–майор А.А. Новиков решил на подобную операцию только после получения достоверной информации о сосредоточении финских войск у границы и о начале диверсионных операций со стороны Финляндии⁴⁰. Но в прессе США создаётся совершенно иная картина, что Советский Союз в панике начинает атаковать всех соседей⁴¹.

Видно, что скептики в США использовали 22–24 июня 1941 г. несколько главных тем для оказания давления на правительство и общественность в «русском вопросе»: 1) сравнение Гитлера и Сталина, как и сравнение политического строя СССР и США использовалось скептиками для доказательства отсутствия необходимости оказания помощи; 2) постоянные упоминания в прессе 22–24 июня 1941 г. советско–германского договора 1939 г. Скептики пытаются навязать общественности вывод, что СССР сам виноват — «не надо было идти на союз с Гитлером»; 3) теория о превентивной войне — активно обсуждается тема, что Германия была вынуждена начать войну из–за предполагаемой агрессии СССР⁴². Большое воздействие на общество оказывали традиционные антисоветские взгляды части политической элиты США — Ч. Болен, У. Буллит, Л. Гендерсон⁴³. Эти основные темы, популярные среди скептиков англо–американского общества, создавали негативный, даже отталкивающий образ Советского Союза, помощь которому равносильна преступлению.

Вторая точка зрения — нападение Германии только ускорит крах Третьего рейха — тоже сформировалась уже в первый день войны. Так, многие газеты США и Великобритании напечатали 22 июня аналитическую статью британского журналиста

³⁹ Ellensburg Daily Record. 1941. June 24. P. 1.

⁴⁰ Хазанов Д.Б. 1941. Война в воздухе. Горькие уроки. М., 2006. С. 180–181.

⁴¹ New York Times. 1941. June 24. P. 5; Evening Independent. 1941. June 24. P. 1; Chicago Daily Tribune. 1941. June 24. P. 1.

⁴² Honolulu Star. 1941. June 22. P. 1; Fresno Bee Republican. 1941. June 22. P. 1; Evening Huronite. 1941. June 22. P. 1.

⁴³ Мягков М.Ю. Подходы США к европейскому послевоенному устройству в свете отношений с Советским Союзом в 1943–1945 гг. // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 5. С. 33; Егорова Н.И. Изоляционизм и европейская политика США. 1933–1941. М., 1995. С. 90–91.

Уильяма Стоунмена, который хотя и считал, что в войне может быть виновен и Сталин, но убеждал «англо–саксонские общества», что «русские будут сражаться до последнего»⁴⁴. 23 июня 1941 г. прогнозы сторонников СССР были подтверждены заявлением Уинстона Черчилля, что «Британское правительство поможет СССР в борьбе с Германией»⁴⁵. После этого заявления большая часть влиятельных СМИ Великобритании встала на позиции сторонников союза с СССР, а влияние скептиков сильно уменьшилось⁴⁶.

Премьер–министр привёл в речи весомые для американской и британской общественности доказательства необходимости, причём срочной, подобного шага: «Опасность для России — это опасность и для нас; любой человек или государство, сражающееся с Гитлером, получит нашу помощь; мы предоставим России любую помощь, какую только можем»⁴⁷. Такая позиция Черчилля вызвала одобрение со стороны британских и американских СМИ, настроенных на сотрудничество с СССР⁴⁸. Канадская пресса также положительно оценила решение премьер–министра⁴⁹. «New York Times» в отдельной статье отметила, что премьер–министр Канады согласился на помощь Советскому Союзу и «призвал людей забыть о прошлом образе коммунизма»⁵⁰. Пресса Шотландии в целом положительно отнеслась к речи Черчилля, и «Glasgow Herald» выразила надежду, что уже на следующем заседании парламента будут определены конкретные меры

⁴⁴ Chicago Daily News. 1941. June 22. P. 1; Pittsburgh Press. 1941. June 22. P. 1; Western Morning News. 1941. June 22. P. 1.

⁴⁵ Evening Telegraph. 1941. June 23. P. 1; Manchester Guardian. 1941. June 23. P. 1; Western Times. 1941. June 23. P. 1.

⁴⁶ Western Daily Press. 1941. June 23. P. 1; Kent & Sussex Courier. 1941. June 23. P. 1; Evening Telegraph. 1941. June 23. P. 1.

⁴⁷ Churchill College. The Papers of Sir Winston Churchill. GB/014/CHAR. CHAR 9/151.

⁴⁸ Sussex Courier. 1941. June 23. P. 3; Hull Daily Mail. 1941. June 23. P. 1; Milwaukee Journal. 1941. June 23. P. 1; New York Evening News. 1941. June 23. P. 3.

⁴⁹ Ottawa Citizen. 1941. June 23. P. 11; Toronto Daily Sun. 1941. June 23. P. 3; Winnipeg Free Press. 1941. June 23. P. 1, 2.

⁵⁰ New York Times. 1941. June 23. P. 7.

помощи СССР⁵¹. Таким образом, общественность Британской империи оказалась уже в период 22–23 июня не просто готова к «союзу с Россией», но и стремилась оказать СССР любую возможную помощь, видя в нём сильного союзника.

Правительство США 23 июня выпустило более сдержанное заявление. Его сделал Самнер Уэллс заместитель государственного секретаря: «США осуждает вероломное нападение, но вопрос о распространении ленд-лиза на Россию остаётся открытым»⁵². Тем не менее, просоветски настроенная часть прессы и политиков прямо призывали к этому. Так, сенатор-демократ Пиппер (Флорида) заявил: «Мы должны оказать помощь России любым путём»⁵³. Кроме того, сенаторы Рейнолдс и Уиллер тоже поддержали идею ленд-лиза для СССР, но с большей осторожностью, заявив, что многие люди в США боятся коммунизма, равно как и нацизма⁵⁴.

Несмотря на сложную и крайне противоречивую обстановку, через два дня после нападения Германии на Советский Союз, президент США Ф.Д. Рузвельт выступил с заявлением об оказании СССР всей возможной помощи⁵⁵ в августе из его уст последовали еще более энергичные требования к своему кабинету⁵⁶,

⁵¹ Glasgow Herald. 1941. June 24. P. 4.

⁵² The Franklin Delano Roosevelt Library. Sumner Welles Papers. Box 195; Nevada Daily Mail. 1941. June 23. P. 1.

⁵³ St. Petersburg Times. 1941. June 23. P. 4.

⁵⁴ Milwaukee Journal. 1941. June 23. P. 10.

⁵⁵ Colorado Springs Evening Telegram. 1941. June 24. P. 1; Helena Independent. 1941. June 24. P. 1.

⁵⁶ Так, в памятной записке Ф. Рузвельта о поставках военных материалов в СССР на имя Аверелла Гарримана, опубликованной в газете «Нью-Йорк таймс» было написано: «На заседании кабинета в пятницу (25 июля 1941 г. — Д.С.) я (Ф. Рузвельт — Д.С.) поднял вопрос о том, что прошло уже почти шесть недель с того момента, как Германия напала на Советский Союз, но мы не сделали практически ничего, чтобы обеспечить доставку необходимых русским материалов <...> Пожалуйста, разработайте необходимый список и действуйте твердой рукой. Чувствуйте мою полную поддержку <...> сдвиньте дело с мертвой точки. Я говорил русским, что разделяю поставки на две части: материалы, которые могут быть поставлены и использованы в боях между 1 сентября и 1 октября и позднее. Я выбрал эти даты, так как сомневаюсь, что после 1 октября в России будут

слова поддержки Советского Союза произнес министр внутренних дел Икес, а также Г. Гопкинс⁵⁷. 24 июня Президент по предложению министерства финансов снял ограничения с советских финансовых активов в США, которые были заморожены с началом советско-финляндской войны, чтобы предоставить Москве возможность приобретать товары, необходимые для ведения войны. Белый дом отказался опубликовать декларацию о нейтралитете в связи с началом Великой Отечественной войны. В ее первые месяцы было продлено двустороннее торговое соглашение, СССР получил генеральную экспортную лицензию и (через Амторг) кредит на 50 млн. долларов. Советский Союз наряду с США, Великобританией и Китаем был назван приоритетным заказчиком военных товаров для американских предприятий⁵⁸.

В этот же день в парламенте выступил Энтони Иден и объявил, что теперь у Великобритании и коммунистов одна общая цель — сокрушить нацизм⁵⁹. Большинство крупных периодических изданий Англии, США и Канады сразу поддержали идеи Рузвельта, Идена и Черчилля о поддержке Советского Союза⁶⁰. А «New York Times» начинает серию публикаций, посвящённых Красной Армии и организации обороны в СССР, с общим выводом, что быстрой и лёгкой победы у Германии не будет⁶¹.

В итоге, благодаря продуманным выступлениям Рузвельта, Идена и Черчилля мнение сторонников помощи Советскому Союзу к 24–26 июня получает большее признание СМИ и

продолжаться активные операции в связи с началом дождей, снегопадов и морозов. И если германские войска будут сдержаны до этого времени, Россия будет спасена, по крайней мере, до весны. Действуйте!» (LoC. Manuscript Division. Harriman Collection. Container 160).

⁵⁷ См. Советско-американские отношения. 1939–1945. С. 142.

⁵⁸ См. там же. С. 142.

⁵⁹ Ellensburg Daily Record. 1941. June 24. P. 1.

⁶⁰ Los Angeles Times. 1941. June 24. P. 3; New York World-Telegram. 1941. June 24. P. 1; San Francisco Chronicle. 1941. June 24. P. 2; Toronto Daily Sun. 1941. June 24. P. 1; Evening Telegraph. 1941. June 24. P. 1; Manchester Guardian. 1941. June 24. P. 1.

⁶¹ New York Times. 1941. June 24. P. 1.

общественности США и Великобритании⁶². Большую роль в преодолении пессимистических тенденций американских СМИ сыграло сопротивление Красной Армии, когда по первым сводкам о приграничном сражении было понятно, что новая кампания вермахта развивается не столько успешно как предыдущие. Однако, это не означало исчезновения иных взглядов и оценок советско–германского противостояния. Третья точка зрения, представленная в британской и американской прессе, — прагматическая. Наиболее ярким её выразителем в США был Гарри Трумэн, заявивший: «Если мы увидим, что побеждает Германия, мы должны помогать России, если побеждать будет Россия, нам следует помогать Германии, и пусть они убивают друг друга как можно дольше»⁶³.

Но, следует отметить, что наиболее влиятельные издания США восприняли это как циничную шутку, о чём прямо написала «New York Times»⁶⁴. В целом, прагматично настроенные политики Великобритании и США разделяли несколько другую точку зрения — до первой половины июля большой популярностью пользовался взгляд на советско–германский фронт как «войну двух дикторов, из которой победителем выйти должна свобода и демократия»⁶⁵. С речами о надежде на «взаимное уничтожение одинаковых тиранических режимов» выступили сенатор Кеппер (Канзас), журналист Х. Джонсон⁶⁶.

Такое разделение реакции общественно–политических сил США на три разные точки зрения по поводу СССР и войны характерно для религиозной прессы, олицетворяющей позицию различных концессий. Так, католические издания «Catholic Transcript» (Коннектикут) и «Denver Catholic Register» (Колорадо) высказались 23–24 июня 1941 г. против помощи СССР и

⁶² Dundee Courier. 1941. June 24. P. 1; Western Daily Press. 1941. June 24. P. 1; Evening Independent. 1941. June 24. P. 5.

⁶³ *Levering R.B.* American Opinion and the Russian Alliance 1939–1945. Chapel Hill, 1976. P. 46.

⁶⁴ New York Times. 1941. June 24. P. 18.

⁶⁵ Oakland Tribune. 1941. June 24. P. 1, 3; Portsmouth Times. 1941. June 24. P. 1, 2.

⁶⁶ *Иванов Р.Ф., Петрова Н.К.* Общественно–политические силы СССР и США в годы войны. Воронеж, 1995. С. 18–9.

напомнили читателям о нарушении прав и свобод в Советском Союзе⁶⁷. Евангелисты и баптисты в США через свои СМИ выразили почти сразу солидарность с СССР⁶⁸. Но наибольшую поддержку по формированию положительного образа СССР оказали еврейские периодические издания, взяв с первых дней войны курс на информационную поддержку СССР⁶⁹.

Видно, что религиозные общества и СМИ США разделились как в своих оценках войны, так и в вопросе о позиции США в советско–германском противостоянии. Причём, весьма влиятельные и популярные католические периодические издания прямо встали на сторону скептиков, активно обсуждая теорию, что агрессия Гитлера — это «наказание для советского режима за прошлое»⁷⁰.

Подобные взгляды и оценки скептиков потеряли популярность после миссии Гарри Гопкинса в Москву в конце июля 1941 г. Подробные отчёты Гопкинса о состоянии советской армии, промышленности, о специфике советско–германского фронта убедили Белый Дом в невозможности быстрой победы Германии⁷¹. Посол США в СССР Л. Штейнхардт после визита Гопкинса заключил, что советско–американские отношения в результате него значительно улучшатся и это усилит советский вклад в войну⁷².

Интересной является трактовка 22 июня в американском кинематографе. Анализ американских кинолент показал, что в период 1941–1945 гг. было несколько основных жанров, в которых наиболее контрастно прослеживались приемы визуализации и мифологизации войны.

⁶⁷ Catholic Transcript. 1941. June 24. P. 1; Denver Catholic Register. 1941. June 23. P. 1.

⁶⁸ The Christian Post. 1941. June 23. P. 1, 3; Baptist Standard. 1941. June 23. P. 1.

⁶⁹ Jewish Exponent. 1941. June 23. P. 2; Chicago Jewish News. 1941. June 26. P. 1; Jewish Advocate. 1941. June 27. P. 1; Jewish Chronicle. 1941. June 25. P. 1.

⁷⁰ Catholic Transcript. 1941. June 24. P. 1; Denver Catholic Register. 1941. June 23. P. 1.

⁷¹ The Franklin Delano Roosevelt Library. Safe Files. Box 5. Conference held on 31st July, 1941 between Mr. Stalin, Mr. Hopkins, and the interpreter Mr. Litvinov. at the Kremlin in Moscow.

⁷² The Franklin Delano Roosevelt Library. Safe Files. Box 5. Steinhardt to FDR & Secretary of State 8/1/41.

1) Это «боевые киноленты», основное внимание в которых уделено визуализации боевых действий. На эту тему в 1941–1945 гг. были «Тихоокеанское рандеву» (1942, Г. Сидней), «Летающие тигры» (1942, Д. Миллер), «К бою готов» (1942, Р. Леонард), «Остров Уэйк» (1943, Д. Фэрроу), «Сражение за Мидуэй» (1942, Дж. Форд), «Эскадрилья торпедоносцев» (1942, Дж. Форд), «Капитаны облаков» (М. Кёртис), «Эскадрилья "Орёл"» (1942, А. Любин), «Отчаянное путешествие» (1942, Р. Уолш), «Командос ударят на рассвете» (1942, Д. Фэрроу), «Военно–воздушные силы» (1943, Г. Хоукс), «Мы погружаемся» (1943, А. Майо), «Срочное погружение» (1943, А. Майо), «Пять гробниц на пути в Каир» (1943, Б. Уилдер), «Эта земля моя» (1943, Ж. Ренуар), «Бомбардир» (1943, Р. Уоллес), «Действия в Северной Атлантике» (1943, Л. Бэйкон), «Батаан» (1943, Т. Гарнет), «Победа ВВС» (1943, Дж. Элгэр), «За восходящим солнцем» (1943, М. Элберт), «Корвет К–225» (1943, Р. Россон), «Дневник Гуадалканала» (1943, Л. Сейлер), «Сахара» (1943, З. Корда), «Пункт назначения — Токио» (1943, Д. Дэйвес), «Битва за Россию» (1943, Ф. Капра).

2) Шпионские фильмы и фильмы о движении сопротивления: «Жанна Парижская» (1942, Р. Стивенсон), «Пересекая Тихий океан» (1942, Дж. Хьюстон), «Чёрные драконы» (1942, У. Най), «Дама из Чунцина» (1942, У. Най), «На протяжении всей ночи» (1942, В. Шерман), «Невидимый агент» (1942, Э. Мэрин), «Воссоединение во Франции» (1942, Д. Дассен), «Касабланка» (1942, М. Кёртис), «Путешествие в страх» (1943, Н. Фостер), «Грань тьмы» (1943, Л. Майлстоун), «Школа саботажа» (1942, Л. Лэндер), «Миссия в Москву» (1943, М. Кёртис), «Предыстория опасности» (1943, Р. Уолш),

3) Фильмы, где главный акцент на мирной жизни, но в период войны («война как фон» или «домашний фронт»): «К берегам Триполи» (Г. Хамберстоун), «Начались пожары» (1943, Д. Кьюкор), «Прелюдия к войне» (1942, Ф. Капра).

В ноябре 1943 г. на американские экраны вышла картина Фрэнка Капры «Битва за Россию», который был частью серии документальных фильмов «За что мы сражаемся». В период 1942–1945 гг. Капра снял серию из семи документальных информационно–пропагандистских фильмов, в которых показывал

американскому обществу и глобальные цели войны, и роль США в достижении общей победы над Германией, Италией и Японией⁷³. Вступление США во Вторую мировую войну сделало перестройку пропаганды одной из наиболее актуальных задач. Начальник штаба армии США Джордж Маршалл стремился заменить старые неэффективные инструменты, приемы и средства пропаганды новыми подходами и технологиями, особенно, в документальных фильмах. Это потребовало быстрого привлечения к производству кинолент для нужд армии и флота новых, наиболее известных режиссёров. Крупные государственные заказы на создание пропагандистских фильмов были поручены самым важным голливудским режиссерам, таких как Джон Форд, Фрэнк Капра, Уильям Уайлер, Джон Хьюстон, Джордж Стивенс⁷⁴.

Серия фильмов Капры существенно отличалась от большинства других документальных картин военных лет, прежде всего, значительной временной протяжённостью (от 53 до 83 минут), а также, применением в каждом фильме аудиальных, визуальных, сюжетных приёмов. Фильм «Битва за Россию» получился самым продолжительным — 83 минуты и одним из наиболее насыщенных в плане формируемых образов, сюжета и общего контекста.

Начальные кадры, в соответствии с базовыми традициями документальных фильмов США периода войны, наполнены текстуальной информацией. Первые 15 секунд на экране демонстрируется надпись: «Как жажда власти наших врагов происходит из их исторического прошлого, так и стремление к свободе наших союзников опирается на историю». Это коренным образом отличается вступление «Битвы за Россию» от предыдущих картин данной серии («Прелюдия к войне», «Удар нацистов», «Разделяй и властвуй», «Битва за Британию»), в которых вводная текстуальная часть была посвящена таким проблемам как «мир и война», «свобода и рабство», «тьма завоевания и свет свободы»⁷⁵.

⁷³ Harris M. Five Came Back. Edinburgh, 2014. P. 382.

⁷⁴ Doherty T. Projections of War: Hollywood, American Culture and World War II. New York: Columbia University Press, 1993. P. 39.

⁷⁵ Aldgate T. Mr Capra Goes to War: Frank Capra, the British Army Film Unit, and Anglo–American travails in the production of «Tunisian Victory» // Historical Journal of Film, Radio and Television. 1991. Vol. 11. P. 21–39.

Любопытным моментом вводной части фильма является музыкальное сопровождение. Это гимн Советского союза в исполнении Оркестра ВВС, но на фоне государственного герба США. Похожий прием Капра использовал и в фильме «Битва за Британию», но ведущей мелодией был выбран «Марш британских гренадёров». Такая модель, основанная на сочетании аудиальных и визуальных символов союзников, была достаточно редкой в период 1941–1943 гг., т.к. музыкальную тему в начальный военный период американские режиссеры также стремились сделать подчеркнуто национальной⁷⁶.

И музыка служит в фильме объединяющим элементом не только для союзников (США и СССР), но и для структурных частей киноленты: под советский гимн на экране появляются цитаты американских военных и политических деятелей о Советском Союзе. Открывает перечень цитат слова военного министра США Генри Стимсона: «История не знает большего примера мужества, чем то, что показал народ Советской России»⁷⁷. Скорее всего, данная цитата взята сценаристами фильма (А. Литвак, Дж. Эпштейн, Ф. Эпштейн) из книги советского посольства в США, выпущенной к годовщине вторжения Германии в СССР. Потому, что все последующие цитаты в фильме идут в точно таком же порядке (страницы 37–38), как и в указанном издании посольства⁷⁸.

После Стимсона на экране появляются цитаты военно-морского министра Ф. Нокса, начальника штаба армии Дж. Маршалла, главнокомандующего флотом США Э. Кинга и генерала Д. Макарура. Все они приветствуют советское сопротивление. Исследователь пропаганды США Н. Мэдисон считает, что подобное вступление в фильме «Битва за Россию» было создано Капрой под влиянием, прежде всего, советских фильмов

⁷⁶ Goble J.S. Nationalism in United States Music Education during World War II // *Journal of Historical Research in Music Education*. 2009. № 2. P. 103–117.

⁷⁷ Alpers B. *Dictators, Democracy and American Public Culture: Envisioning the Totalitarian Enemy, 1920s–1950s*. Chapel Hill: Univ of North Carolina Press, 2022. P. 226.

⁷⁸ *One Year of Soviet Struggle Against German Invasion, June 22, 1941–June 22, 1942*. Washington, 1942. P. 37–38.

«Разгром немецких войск под Москвой» и «Сталинград» (1942–1943, Л. Варламов)⁷⁹.

В фильме Капры большое внимание уделяется истории России и первые кадры рассказывают о неудачных попытках, прежде всего, Запада захватить Россию: вторжения шведских и немецких рыцарей, поляков, Наполеона выстроены режиссёром в единый фон. События 22 июня 1941 г. при такой подаче становятся более понятны американскому зрителю. Фильм подчеркивает, что сопротивление России/СССР постоянным нападениям — это историческая миссия страны. В фильме использован целый комплекс конкретных структурно-содержательных элементов, формирующих кинообразы войны в США и влияющие на корректировку американской Я-концепции в XX–XXI вв.: образ «советского героизма», восприятие СССР как наиболее ценного союзника, демонизация образа Германии, разделение мира на «довоенный» и «военный» с границей между ними в виде 22 июня, изображение войны как общего дела СССР, США и Великобритании, актуализация исторического прошлого для подъема патриотических чувств американских граждан.

В целом, материалы СМИ и кинопродукция США позволили преодолеть в обществе США пессимистические и наиболее заметные антисоветские настроения, доказать необходимость не просто помощи Советскому Союзу, а распространения на него ленд-лиза. А главное, граждане США через СМИ и кинематограф практически каждый день получали информацию о ходе сражений на советско-германском фронте, что вызывало не только чувство солидарности с жертвой нацистской агрессии, но и всё большее стремление оказать реальную помощь. Поэтому, для общественности США и Великобритании логичным и закономерным представлялся летом 1941 г. следующий шаг — оформление между противниками нацизма военного договора — Антигитлеровской коалиции.

⁷⁹ Madison N. *Anti-Foreign Imagery in American Pulp and Comic Books, 1920–1960*. Jefferson, 2013. P. 162.

ГЛАВА 19

БРИТАНСКАЯ АНТИСОВЕТСКАЯ ПРОПАГАНДА ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1945–1951 гг.)

Д.И. Портнягин

С окончанием Второй мировой войны государственная информационная политика Великобритании претерпела определенные изменения. Пришедшие к власти в июле 1945 г. лейбористы на начальном этапе планировали в центр пропагандистских усилий как внутри страны, так и за рубежом поставить тему собственных достижений на ниве экономических и социальных преобразований. Это хорошо укладывалось в концепцию «проекции Англии», предложенной в межвоенный период Стивеном Таллентсом, который в Великобритании почитается как основатель местной школы связей с общественностью. В 1932 г. он опубликовал брошюру «Проекция Англии», в которой заявил, что Британия более не может быть равнодушной к международному общественному мнению. Как мировая держава и центр великой империи, она должна создать «честную и современную картину своих качеств». Для этого необходимо было учиться применению нового искусства «национального проецирования», которое предполагало использование всех современных на тот момент форм коммуникации от «печатной прессы, радио и телеграфа до кино и выставок»¹.

В годы Второй мировой войны главной структурой, отвечавшей за внутреннюю и внешнюю пропаганду, было министерство

информации, созданное в сентябре 1939 г. и осуществлявшее государственный контроль за всеми формами подачи новостных и рекламных материалов. С окончанием военных действий встал вопрос о его дальнейшей судьбе. Новый министр иностранных дел Эрнст Бевин впервые сформулировал свое видение лейбористской информационной политики за рубежом в сентябре 1945 г. С точки зрения организации он полагал важным ликвидацию министерства информации и передачу его функций по продвижению положительного образа Великобритании в других странах министерству иностранных дел. Все структуры, включая Британский совет, отвечавшие за рекламу страны за рубежом, должны были находиться под контролем министра иностранных дел². Э. Бевин полагал, что Форин офис должен был взять на себя функции по координации работы зарубежных служб Би-би-си, а также всех других официальных и неофициальных структур, занимавшихся продвижением британских интересов за границей. К числу подобных он отнес департамент внешней торговли и туристическую ассоциацию³.

Вопрос о будущем министерства информации обсуждался на заседании кабинета министров 6 декабря 1945 г. Глава министерства информации Эдвард Уильямс настаивал на сохранении своего ведомства, однако члены кабинета согласились с мнением премьер-министра, что «политически было бы опасно сохранять министра, единственной сферой деятельности которого было бы осуществление паблисити». Было решено, что в прежнем виде министерство информации должно было перестать существовать, однако требовалось сохранение «эффективной центральной структуры для руководства политикой правительства в сфере паблисити». Лорду президенту Герберту Моррисону предлагалось проработать детали альтернативной структуры⁴. Видимо членов кабинета смущали возможные

² UK National Archives. CAB 129/2. С. Р. (45) 168. 13th September 1945. The Future of British Publicity to Foreign Countries. Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs. P. 1.

³ Ibid.

⁴ UK National Archives. CAB 128/2. С. М. (45). 60th Conclusions. 6th December 1945. P. 300.

¹ *Tallents St.* The Projection of England. L.: Olsen Press for Film Centre Ltd, 1955. P. 13.

аналогии с нацистской Германией с ее имперским министерством народного просвещения и пропаганды под руководством Й. Геббельса.

Представление о том, как виделась на начальном этапе британская пропаганда за рубежом дает совместный меморандум Э. Бевина и Э. Уильямса «Службы паблिसити в Юго–Восточной Европе». По мнению авторов, первостепенное внимание в рекламной кампании и информационной политике должно было быть уделено таким странам как Греция, Болгария, Югославия, Польша и Чехословакия. В этих странах, представлявших для Великобритании особый политический и стратегический интерес, надлежало всячески продвигать ценности британского образа жизни, преимущества демократических институтов и достижения в сфере культуры. Во всех странах, кроме Греции, цель пропаганды заключалась в недопущении их попадания в исключительно советскую сферу влияния. Особый интерес к Болгарии и Югославии объяснялся стратегическими интересами Великобритании в Средиземноморье и зоне черноморских проливов. Для решения поставленных задач ставился вопрос о привлечении высококлассных специалистов, которые могли бы заниматься изданием на соответствующих языках газет наподобие «Британского союзника», выходявшего в СССР в 1942–1950 гг., а также заниматься продвижением британской кинопродукции. Э. Бевин и Э. Уильямс рекомендовали существенно повысить уровень заработной платы в соответствующих государственных службах для привлечения опытных кадров с Флит–Стрит и Уорддор–Стрит, которые являлись в те времена синонимами газетной индустрии и кинопроизводства⁵. Заметим, что члены кабинета министров полностью поддержали предложенные меры⁶.

Важное значение для формирования информационной политики правительства имел доклад комитета под председательством

⁵ UK National Archives. CAB 129/6. C. P. (46) 7. 4th January 1946. Publicity Services in South–Eastern Europe. Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs and the Minister of Information. P. 1.

⁶ UK National Archives. CAB 128/5. C. M. (46). 5th Conclusions. 15th January 1946. P. 37.

Г. Моррисона, который был создан в соответствии с решением кабинета министров от 6 декабря 1945 г. Основной вывод доклада сводился к тому, что с окончанием войны должна была быть продолжена кампания по созданию благоприятного образа Великобритании как внутри страны, так и в особенности за рубежом. Для этого предлагалось вместо министерства информации создать правительственное информационное управление, которое должно было выполнять общие технические и производственные функции, а также оказывать специализированные услуги отдельным министерствам и ведомствам. Новую информационную структуру должны были возглавить два министерских комитета под единым председательством. Один из комитетов должен был заниматься проблемами распространения информации внутри страны, а второй за рубежом. Оба комитета обязаны были тщательно координировать свою деятельность⁷. Председателем обоих комитетов К. Эттли назначил лорда–председателя совета Г. Моррисона, а в состав вошли ведущие члены кабинета, включая канцлера казначейства и министра иностранных дел⁸.

В докладе подробно оговаривались цели британской информационной политики за рубежом. Они заключались в том, чтобы создать у иностранных граждан «достоверную и адекватную картину британской политики, британских институтов и британского образа жизни». Более конкретные задачи предполагали «доведение до жителей зарубежных стран преимуществ торговли с Великобританией и достижений английской промышленности, науки и искусства». Полный контроль за этой деятельностью должны были осуществлять официальные дипломатические представители на местах⁹.

Кабинет министров на заседании 18 февраля 1946 г. согласился с предлагаемой организационной структурой, изменив только

⁷ UK National Archives. CAB 129/7. C. P. (46) 54. 12th February 1946. Report of the Official Committee on Government Information Services. P. 2–3.

⁸ UK National Archives. CAB 129/7. C. P. (46) 100. 12th March 1946. Ministerial Committees on Home and Overseas Information Services. Composition and Terms of Reference. Note by the Prime Minister. P. 1–2.

⁹ UK National Archives. CAB 129/7. C. P. (46) 54. 12th February 1946. Report of the Official Committee on Government Information Services. P. 5.

название преемника министерства информации на Центральное информационное управление¹⁰. Под этим наименованием оно просуществовало до 2011 г. Впоследствии министры еще не раз возвращались к обсуждению доклада. На заседании 21 февраля 1946 г. в ходе обсуждения структуры информационных служб Э. Бевин отметил, что во многих странах, «особенно России», информацию о Британском содружестве черпают из книг, написанных в XIX в. По мнению министра иностранных дел, это создавало неправильное представление о принципах, на которых теперь функционировало объединение. Решение проблемы он видел в немедленном увеличении поставок в зарубежные страны новейших исследовательских работ по этой теме¹¹.

Изменения в характере информационной политики лейбористского правительства становятся очевидны на протяжении 1947–1948 гг. по мере обострения холодной войны. В начале 1948 г. Э. Бевин подготовил серию меморандумов, в которых настаивал на изменении политики в отношении СССР, который проводил «экспансионистскую политику»¹², что требовало не только создания «физических барьеров, которые бы защитили западную цивилизацию», но и «организацию и консолидацию этических и духовных сил, присущих западной цивилизации, главными сторонниками которых мы являемся»¹³. Для нас наибольший интерес представляет третий из этой серии меморандумов министра иностранных дел, посвященный будущему политике паблисити за рубежом. Поскольку «Россия и ее коммунистические союзники представляют угрозу самой структуре западной цивилизации», задача лейбористского правительства заключалась в том, чтобы возглавить процесс «духовного,

¹⁰ UK National Archives. CAB 128/5. С. М. (46). 16th Conclusions. 18th February 1946. P. 127–129.

¹¹ UK National Archives. CAB 128/5. С. М. (46). 17th Conclusions. 21st February 1946. P. 136.

¹² UK National Archives. CAB 129/23. С. Р. (48) 7. 5th January 1948. Review of Soviet Policy. Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs. P. 1–13.

¹³ UK National Archives. CAB 129/23. С. Р. (48) 6. 4th January 1948. The First Aim of British Foreign Policy. Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs. P. 1–2.

морального и политического» единения всех демократических и антикоммунистических сил на Западе, а также в Индии, Бирме, Цейлоне, Малайе, Индонезии и Индокитае¹⁴.

По мнению Э. Бевина, советская пропаганда с момента окончания войны яростно нападала на Британское содружество и западную демократию. В тоже время правительство Великобритании концентрировалось на разъяснении за рубежом своей внутренней и внешней политики, стремилось показать преимущества британского образа жизни. Теперь же, когда Великобритания должна была стать моральным лидером всех антикоммунистических сил, необходимо было перейти в наступление и «не отдавать инициативу врагу, а наоборот заставить его самого защищаться»¹⁵. Среди рекомендаций Э. Бевина содержались предложения по созданию специальной структуры в рамках Форин офис, которая бы занималась сбором информации о «коммунистической политике, тактике и пропаганде». Она должна была обеспечивать материалами антикоммунистического характера британские зарубежные миссии и информационные службы для последующего их распространения. Особо подчеркивалось необходимость ее теснейшего сотрудничества с зарубежными службами Би–би–си. Подобными материалами также надлежало обеспечивать министров для использования в публичных выступлениях, британских представителей на международных конференциях, а также, на неформальной основе, членов зарубежных делегаций лейбористской партии и тред–юнионов¹⁶.

Представляют интерес те «живительные и прогрессивные идеи британской социал–демократии и западноевропейской цивилизации», предложенные Э. Бевинем для противодействия «тоталитарному коммунизму и либеральному (laissez–faire) капитализму». Правительственная информационная политика должна была рекламировать британский образ жизни как

¹⁴ UK National Archives. CAB 129/23. С. Р. (48) 8. 4th January 1948. Future Foreign Publicity Policy. Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs. P. 1.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid. P. 1–2.

наилучший и подвергать всеобъемлющей критике принципы и практику коммунизма, а также «неэффективность, социальную несправедливость и моральную слабость ничем несдерживаемого капитализма». При этом необходимо было всячески избегать даже намека на критику кого-либо из членов Содружества или США¹⁷, что делало, с нашей точки зрения, не совсем понятным о какой стране с «необузданным капитализмом» шла речь.

Главной целью пропагандистской работы должны были стать обычные рабочие и крестьяне в Европе и на Среднем Востоке, которым следовало показывать, что уровень жизни в СССР значительно ниже, чем в Великобритании, Швеции или Новой Зеландии, а советский «рай для рабочих» это «грандиозный обман». Кроме этого, следовало эксплуатировать тему гражданских свобод и проводить «многочисленные аналогии между гитлеровской и советской системами». Коммунизм и внешняя политика коммунистических стран должны были быть представлены как препятствие международному сотрудничеству и миру во всем мире. Их действия на международной арене «безнравственны, воинственны и деструктивны», а целью являлся раскол и доведения до бедности западноевропейских стран при одновременном установлении контроля за главными районами производства продовольствия в Европе. Страны-сателлиты СССР следовало представлять как «новую колониальную империю России», которая служит ее стратегическим и экономическим интересам за счет свободы и уровня жизни населения восточноевропейских стран. Наконец, следовало всячески противодействовать советской пропаганде, «искажающей британскую действительность». Для этого надо было «вооружать наших друзей в Европе и повсеместно конкретными фактами», опровергающими ее¹⁸.

Наращивание пропагандистской деятельности привело к значительному росту расходов на информационные службы. Канцлер казначейства Стаффорд Криппс в меморандуме от 4 августа 1948 г. привел следующие суммы. Внутри страны в 1948–1949

¹⁷ UK National Archives. CAB 129/23. С. Р. (48) 8. 4th January 1948. Future Foreign Publicity Policy. Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs.. P. 2.

¹⁸ Ibid. P. 2–3.

финансовом году предполагалось потратить 5 млн. 75 тыс. ф. ст., а зарубежное паблисити должно было обойтись в 11 млн. 621 тыс. 800 ф. ст. Общий посыл министра финансов сводился к необходимости уменьшить расходы, хотя бы на информационную политику в самой Великобритании. С. Криппс понимал, что предложения по сокращению на пропаганду за рубежом встретит жесткое противодействие со стороны соответствующих ведомств, прежде всего министерства иностранных дел¹⁹.

Показательна дискуссия, возникшая на заседании кабинета министров 25 октября 1948 г., на котором обсуждались два меморандума канцлера казначейства С. Криппса, общий смысл которых сводился к тому, что расходы на информационные службы достигли размеров, которые могут вызвать критику правительства. Большинство членов кабинета согласилось с необходимостью провести изучение вопроса о возможности сокращения расходов на информационные службы внутри Великобритании. Однако озвученная позиция Э. Бевина, который сам на заседании не присутствовал, сводилась к недопустимости уменьшения затрат на пропагандистскую деятельность за рубежом. Он полагал, что в сложившейся международной обстановке «жизненно важно дать позитивный ответ коммунистическому вызову во всем мире». Э. Бевин считал, что Великобритания обладает наибольшей моральной силой для этого по сравнению с другими странами, а правильное паблисити может дать большие результаты и за меньшую цену по сравнению с военными затратами²⁰. В действительности некоторое сокращение расходов на зарубежное паблисити произошло только в условиях наращивания военных расходов после начала войны в Корее. На фоне общего снижения расходов на социальную сферу и введения оплаты некоторых услуг Национальной службы здравоохранения, которое привело к отставке нескольких министров правительства, кабинет согласился уменьшить сумму, выделяющуюся

¹⁹ UK National Archives. CAB 129/29. С. Р. (48) 199. 4th August 1948. Cost of Information Services. Memorandum by the Chancellor of the Exchequer. P. 1–3.

²⁰ UK National Archives. CAB 128/13 С. М. (48). 66th Conclusions. 28th October 1948. P. 52–53.

на ведение пропагандистской работы за рубежом с 11,7 млн. ф. ст. до 10,15 млн. ф. ст. в 1951–1952 финансовом году²¹.

Главным центром подготовки пропагандистских материалов становится созданный в 1948 г. новый отдел в структуре министерства иностранных дел Департамент информационных исследований (далее — ДИИ). Материалы, связанные с деятельностью этого подразделения, стали доступны для исследования в британском Национальном архиве в конце XX века. Однако не все они открыты для историков до сих пор. Закрытыми остаются прежде всего те документы, которые относятся к категории «черной пропаганды». К этому следует добавить, что, как заметил один из исследователей британской информационной политики, методы работы ДИИ трудно проследить на основе архивных документов. Пропагандистские материалы распространялись в основном посредством личных контактов работников ДИИ в среде лиц, формировавших общественное мнение в стране и за рубежом. К этой категории относились журналисты, представители интеллигенции, депутаты парламента и профсоюзные деятели. Тесные контакты были установлены с редакторами иноязычных служб Би–би–си²². Неформальные договоренности в соответствии с которыми эти люди использовали материалы ДИИ в своих выступлениях и статьях редко отражались в официальных документах²³.

ДИИ обладал значительной самостоятельностью в расходовании средств, которые поступали ему из секретных фондов. Никакого стеснения в деньгах ДИИ не испытывал, что позволило ему набрать штат из 50 высококвалифицированных специалистов²⁴. Об основных направлениях его деятельности можно судить по меморандумам, подготовленным чиновниками министерства

²¹ UK National Archives. CAB 128/19 C. M. (51). 23rd Conclusions. 28nd April 1951. P. 187.

²² UK National Archives. CAB 134/53 C. (49) 2nd Meeting. Committee on Communism. Minutes of a Meeting of the Committee. 1st June 1949. P. 1.

²³ *Defty A.* Britain, America and Anti-Communist Propaganda 1945–53. The Information Research Department. London, New York, Routledge. 2004. P. 14.

²⁴ UK National Archives. CAB 134/53 C. (49) 2nd Meeting. Committee on Communism. Minutes of a Meeting of the Committee. 1st June 1949. P. 1.

иностраннных дел и министерства обороны, входивших в комитет по коммунистическому влиянию за рубежом. В докладе за первую половину 1949 г. отмечалось, что работа ДИИ по сравнению с 1948 г. значительно улучшилась. Особый акцент был сделан на публикацию статей антикоммунистического содержания. Заметим, что ДИИ занимался подготовкой т.н. «базовых документов», которые предназначались для редакторов газет и авторов статей. Они содержали набор ключевых фактов и цитат.

К концу июля 1949 г. было опубликовано порядка 60 подобных статей и некоторые из них были написаны хорошо известными людьми. Ряд статей был подготовлен на основе книги Фреды Атли «Утраченная иллюзия» и были посвящены условиям жизни в СССР²⁵. Автор в прошлом была членом коммунистической партии Великобритании. В Лондоне она вышла замуж за экономиста Аркадия Бердичевского, работавшего в советской организации Аркос, через которую осуществлялись импортно–экспортные операции. Пара прожила в СССР несколько лет до ареста А. Бердичевского, который впоследствии был расстрелян. Уехав из СССР Ф. Атли стала одним из наиболее жестких его критиков. Она даже высказывалась в поддержку Мюнхенского соглашения 1938 г., полагая, что СССР опаснее нацистской Германии. Очевидно, что в ее отношении к СССР большую роль играли личные мотивы.

Тематика статей включала также критику Всемирной федерации профсоюзов, «советского империализма, советской войны против ислама, советского уровня жизни, коммунистического централизма и, конечно, принудительного труда». Для того, чтобы не возникло подозрения в какой–либо официальной кампании по распространению антисоветской пропаганды в таких странах как Индия, Пакистан, Италия были разработаны специальные механизмы получения статей от известных людей или покупки прав на публикацию²⁶. Заметим, что ДИИ

²⁵ UK National Archives. CAB 134/3. A.C. (0)(50)1. 24 January 1950. Official Committee on Communism (Overseas). Memoranda. Work of the Information Research Department of the Foreign Office, January–July 1949. P. 1.

²⁶ *Ibid.*

организовывал размещение в прессе подобных статей и в самой Великобритании.

Наиболее важным достижением ДИИ в первой половине 1949 г. стало «открытие», перевод и презентация «Кодекса принудительного труда РСФСР». Возможно авторы доклада имели ввиду «Исправительно-трудовой кодекс» 1933 г. Этот материал был распространен во всех странах «свободного мира» и «произвел впечатление разорвавшейся бомбы». Кроме этого, ДИИ занимался организацией брифингов по различным сюжетам для делегаций, отправляющихся за рубеж, министров и публичных фигур. Специальными материалами снабжалась Би-би-си и «различные «ключевые» фигуры, с которыми мы состоим в личных контактах». В случае необходимости вынести проблему на публичное обсуждение использовалась возможность парламентской процедуры задать вопрос правительству в палате общин, а также организовывались письма в редакцию газет²⁷.

Впечатляет размах деятельности ДИИ. Материалы поставлялись в региональные информационные центры в Юго-Восточной Азии, на Среднем Востоке, в Африке. В последнем случае, по мнению авторов доклада, ситуация выглядела достаточно тревожно и требовала особых усилий ДИИ, которые предлагалось объединить с французскими колониальными властями. Большое внимание уделялось публикации антисоветских материалов в Индии, Пакистане, на Цейлоне и в Латинской Америке. В Западной Европе предметом наибольшей заинтересованности были Франция и Италия, что вполне объяснимо, учитывая влияние в то время в этих странах коммунистических партий. Отмечалась сложность работы во Франции, поскольку местная пресса отрицательно относилась к материалам, распространяемым по официальным каналам. В Италии материалы поставлялись в прессу на прямую, а также неофициальным путем. Особое значение придавалось работе иноязычных служб Би-би-си, вещавших на Восточную Европу, Италию, Восточную Германию.

²⁷ UK National Archives. CAB 134/3. A.C. (0)(50)1. 24 January 1950. Official Committee on Communism (Overseas). Memoranda. Work of the Information Research Department of the Foreign Office, January–July 1949. P. 2

Предполагалось открытие радиовещания в Гонконге для покрытия территории южного Китая. Во всех случаях серьезное внимание уделялось секретности и анонимности действий с целью избежать обвинений со стороны СССР в адрес британских официальных структур в распространении антисоветской пропаганды²⁸. В страны «сателлиты СССР» пропагандистская информация должна была поступать двумя способами. В первом случае она открыто исходила от тех, кто убежал на Запад, но работал под контролем британских спецслужб. Во втором, должна была создаваться видимость, что она исходит из диссидентских кругов, но на самом деле готовиться все теми же перебежчиками и другими подконтрольными авторами, находящимися за рубежом, а затем распространяться по секретным каналам в конкретной стране²⁹.

Следует подчеркнуть, что британская политика в сфере пропаганды координировалась с подобной деятельностью США, как, впрочем, и во всех остальных вопросах международных отношений. В ходе переговоров Э. Бевина с государственным секретарем Динном Ачесоном 9–10 мая 1950 г. стороны пришли к выводу, что СССР все более наращивал военный потенциал и его преимущество перед западом в этой сфере существенно возросло. Собеседники полагали, что данное обстоятельство, с нашей точки зрения весьма сомнительное, могло побудить советское руководство к «все более и более провокационным и авантюристичным действиям в следующие 3–4 года»³⁰. Среди прочего стороны согласились в необходимости «усиления координации информационной политики», а также разработки дополнительных механизмов ее реализации³¹.

²⁸ Ibid. P. 2–5.

²⁹ UK National Archives. CAB 21/2750. A.C. (0)(50). 52 (Third Revise). November 1950. Official Committee on Communism (Overseas). Proposed Activities Behind the Iron Curtain. Memorandum by the Committee. P. 3.

³⁰ UK National Archives. CAB 129/40. C. P. (50) 114. 19th May 1950. Conversations with Mr. Acheson on 9th and 10th May. Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs. P. 1.

³¹ UK National Archives. CAB 129/40. C. P. (50) 114. 19th May 1950. Annex C. Ministerial Talks: United Kingdom/United States. Continued Consultation on and Co-ordination of Policy. P. 10–11.

Отметим, что общение членов лейбористского правительства с прессой жестко регламентировалось. Об этом свидетельствуют записки премьер–министра К. Эттли. В апреле 1949 г. он обращал внимание, что утечка в прессу материалов, которые обсуждаются на заседаниях кабинета министров наносит ущерб правительству. Общее правило состояло в том, что «политика правительства не должна обсуждаться с лицами, не находящимися на государственной службе до тех пор, пока это не станет необходимо для ведения государственных дел». Присутствуя на собраниях и митингах, министры не должны были говорить о решениях, которые еще не были официально оглашены. Выступления министров по радио должны были быть сведены к минимуму и в каждом конкретном случае требовалось одобрение премьер–министра.

Членам правительства запрещалось заниматься журналистикой в любой форме. Подчеркивалось, что в сложившейся международной обстановке с особой осторожностью следовало подходить к разговорам о внешней политике на общественных мероприятиях в британских посольствах. Если такого рода общение происходило, то следовало составить записку о его содержании и ее копию направить министру иностранных дел³². Это требование К. Эттли повторил в записке от 29 ноября 1950 г., добавив, что это правило должно распространяться не только на беседы в посольствах, но на все случаи общения с «людьми, которые могут использовать предоставленную им информацию для передачи иностранному правительству или редактору, либо для цитирования ее в прессе»³³.

Ярким примером пропагандистской борьбы стало обсуждение кабинетом министров вопроса о выдаче лицензии на показ в Великобритании фильма о массовом митинге в марте 1951 г. в Берлине восточногерманской молодежной организации «Свободная немецкая молодежь», председателем которой был Эрих

³² UK National Archives. CAB 129/34. С. Р. (49) 95. 29th April 1949. Questions of Procedure for Ministers. Note by the Prime Minister. P. 1–7.

³³ UK National Archives. CAB 129/43. С. Р. (50) 293. 29th November 1950. Contacts with the Press. Note by the Prime Minister. P. 1.

Хонеккер. Рекомендация, которую по этому поводу дал Г. Моррисон, занявший пост министра иностранных дел после отставки по состоянию здоровья Э. Бевина, сводилась к тому, что целиком фильм показывать не стоило. Однако, по его мнению, было бы полезно показать британскому населению отредактированные выдержки из фильма, снабдив их параллельным показом отрывков из нацистской кинодокументалистики о молодежном движении в годы Третьего рейха. Г. Моррисон полагал, что это продемонстрирует всю опасность молодежных коммунистических организаций³⁴. Правда с ним не согласился министр внутренних дел Джеймс Чутер Эде, который считал, что запрет даст большие «пропагандистские возможности коммунистам», чем сам фильм³⁵. Кабинет министров рассматривал вопрос о целесообразности показа работы восточногерманских документалистов на двух заседаниях. 12 апреля 1951 г. было решено дать возможность всем министрам посмотреть фильм и составить собственное представление о способе решения проблемы³⁶. Наконец 23 апреля министры пришли к выводу, что фильм не представлял большой угрозы для британской публики и в отредактированной версии мог быть показан широкой аудитории³⁷.

Летом 1951 г., незадолго до конца своего пребывания у власти, лейбористское правительство вновь обратилось к рассмотрению основополагающих принципов информационной политики. К этому времени произошли некоторые персональные и организационные изменения в структурах, отвечающих за ее реализацию. В мае 1951 г. К. Эттли назначил министра по делам Содружества Патрика Гордона Уолкера ответственным за координацию работы информационных служб, включая вопросы

³⁴ UK National Archives. CAB 129/45. С. Р. (51) 86. 19th March 1951. Propaganda Film of the Berlin Youth Rally. Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs. P. 1–2.

³⁵ UK National Archives. CAB 129/45. С. Р. (51) 102. 9th April 1951. Propaganda Film of the Berlin Youth Rally. Memorandum by the Home Secretary. P. 1.

³⁶ UK National Archives. CAB 128/19 C. M. (51). 27th Conclusions. 12th April 1951. P. 217–218.

³⁷ UK National Archives. CAB 128/19 C. M. (51). 30th Conclusions. 23rd April 1951. P. 239–240.

взаимодействия с прессой и Би-би-си, а также председателем двух министерских комитетов, занимавшихся вопросами распространения информации внутри страны и за рубежом. Назначение П. Гордона Уолкера объяснялось тем, что Г. Моррисон, ранее занимавшийся этими вопросами, в апреле занял пост министра иностранных дел. Помощь министерскому комитету по информационной политике за рубежом должен был оказывать подобный же комитет из числа сотрудников министерства колоний, министерства по делам Содружества и Центрального управления информации. Во главе этого комитета был поставлен кадровый дипломат Кристофер Уорнер, который в 1941–1946 гг. возглавлял Северный департамент, отвечавший в Форин офис за политику в отношении СССР. Задачей данного комитета был надзор за работой зарубежных информационных служб и деятельностью, направленной на популяризацию британского правительства за границей³⁸.

В июне 1951 г. П. Гордон Уолкер подготовил меморандум «Информационная политика». Следует отметить, что появление данного документа было вызвано резким обострением международной обстановки после начала войны в Корее и последующим принятием лейбористским правительством дорогостоящей программы перевооружения. Военные расходы легли тяжелым бременем на бюджет, вызвали раскол в самом правительстве и отставку нескольких министров, недовольных сокращением социальных расходов и введением оплаты некоторых услуг Национальной службы здравоохранения. Еще одним следствием стало частичное возвращение карточной системы. Требовалось объяснить произошедшее как народу Великобритании, так и за рубежом.

По мнению П. Гордон Уолкера теперь «вновь, как и в 1947 году, возникает опасность того, что неопределенность и растерянность в общественном сознании могут помешать проведению необходимой национальной политики». При этом акценты

³⁸ UK National Archives. CAB 129/45. С. P. (51) 136. 18th May 1951. Information Services Committees. Ministerial Responsibility and Committee Structure. Note by the Secretary of the Cabinet. P. 1–2.

в информационной политике следовало расставить по-новому³⁹. Это объяснялось тем, что проблемы экономического характера внутри страны сопровождались резким ухудшением международной обстановки. П. Гордон Уолкер полагал, что впервые с момента окончания Второй мировой войны возникла ситуация, когда общественное мнение в Британии может засомневаться относительно «основ и последствий нашей внешней политики». Это он связывал с успехами коммунистической пропаганды, «которая поняла, что лучшим способом дискредитировать нашу экономическую политику дома является критика и искажение нашей внешней политики». Под этим автор подразумевал акцент советской пропаганды на критике империалистического и агрессивного курса США, которые тащили за собой Британию, попутно разоряя ее своей программой накопления стратегического сырья⁴⁰. Заметим, что британская промышленность действительно испытывала значительные сложности из-за действий американцев, поскольку практически все сырье страна импортировала.

Для того чтобы убедить население Великобритании в верности внешнеполитического курса правительства в пропагандистской деятельности упор следовало сделать на показе «истинной природы советского режима и реальных мотивов поведения Советов на международной сцене». Только так можно было справиться с волнами антиамериканских настроений и помочь обществу принять экономические последствия программы перевооружения⁴¹. П. Гордон Уолкер несколько раз в меморандуме подчеркивал, что вся информационная кампания должна была основываться на утверждении о советской угрозе и необходимости увеличения военных расходов.

Меморандум П. Гордон Уолкера обсуждался на заседании кабинета министров 19 июля 1951 г. Во вступительном слове автор документа вновь подчеркнул важность активизации

³⁹ UK National Archives. CAB 129/46. С. P.(51) 179. 26th June 1951. Information Policy. Memorandum by the Secretary of State for Commonwealth Relations. P. 1.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Ibid. P. 2.

пропагандистской работы внутри страны с целью убеждения британской публики «в советской угрозе миру во всем мире и необходимости срочно усилить оборону западных демократий против угрозы их свободе»⁴². Министры в целом согласились с оценкой ситуации и предлагаемыми П. Гордон Уолкером мерами. Особо подчеркивалась роль членов правительства в проведении антисоветской информационной кампании. Они должны были акцентировать на этом внимание в своих публичных выступлениях, а наиболее удачные из них должны были публиковаться в виде памфлетов лейбористской партии или тред-юнионов. Подобные материалы «о природе советского режима и его целях» должны были распространяться и среди офицеров вооруженных сил с последующим их обсуждением среди военнослужащих. Министр обороны Эмануэль Шинвелл подчеркнул важность распространения манифестов, в которых бы говорилось о масштабах перевооружения в СССР и его военной мощи. Одновременно, по мнению членов кабинета, следовало больше распространять информации о состоянии британских вооруженных сил, акцентируя внимание на «количестве людей и оборудования, а не на финансовых расходах»⁴³. Вопрос о стоимости программы перевооружения был особенно болезнен для правительства. Поэтому в публичных выступлениях на это не следовало обращать внимание слушателей. Наоборот, необходимо было подчеркивать, что правительство по-прежнему тратит большие суммы на социальные расходы⁴⁴.

Отметим, что распространение антисоветских материалов в британских вооруженных силах началось раньше упомянутой выше дискуссии на заседании кабинета министров. Еще 21 декабря 1950 г. на заседании постоянного комитета министров, отвечавших за различные рода войск, было принято решение о подготовке «базового памфлета, который бы в простых выражениях обосновывал правильность британской оборонной политики и

⁴² UK National Archives. CAB 128/20 C. M. (51). 53rd Conclusions. 19th July 1951. P. 165–166.

⁴³ Ibid. P. 166.

⁴⁴ Ibid.

британского образа жизни»⁴⁵. В результате появился довольно объемный документ под названием «Почему Британия перевооружается?». Он предназначался для офицеров, которые затем должны были вести разъяснительную работу среди солдат. Некоторые ключевые положения этого памфлета необходимо привести, поскольку они были характерны для всей британской антисоветской пропаганды той поры.

Первый раздел был назван «Свободный мир принимает к сведению» и посвящался общей характеристике международной ситуации. Вина за надвигающуюся угрозу Третьей мировой войны возлагалась на советскую недоговороспособность и агрессивность. Внешняя политика СССР критиковалась на примерах ситуации в Европе, Малайе, Индокитае и Корее. Подчеркивалось, что «в истории всегда тираны и диктаторы стремились к завоеванию свободного мира, который всегда в конечном счете, устав от помыканий, объединяется для сохранения мира». Отвечая на вопрос, всегда ли подготовка к войне делает ее неизбежной, авторы манифеста отвечали положительно, если противоположная сторона к войне не готовилась. В качестве примера как обычно приводилась ситуация 1938 г., когда Великобритания не была в военном отношении также подготовлена как Германия и заключила Мюнхенское соглашение, что сделало возможным начало войны в 1939 г.⁴⁶

Весьма любопытен с позиций сегодняшнего дня третий раздел памфлета, который был озаглавлен «Почему нельзя доверять России?». Перечень претензий оказался весьма обширным, начиная от отказа разоружиться после окончания Второй мировой войны, методов контроля над странами Восточной и Центральной Европы, блокады Берлина и заканчивая несоблюдением договоренностей Ялты и Потсдама. СССР обвинялся в нежелании сотрудничать в рамках ООН и ОЕЭС, а все его предложения по разоружению объявлялись фальшивыми.

⁴⁵ UK National Archives. Air 19/797. Standing Committee of Service Ministers. Extract from Minutes of SM/M (50) 22nd Meeting held on Thursday 21st Dec. 1950. Communism in the Forces.

⁴⁶ UK National Archives. Air 19/797. Why Britain Re-Arms? P. 1–4.

Особо подчеркивалось умение советской пропаганды апеллировать напрямую к народам минуя их правительства, а также использование ею «пятой колонны». Советская мирная кампания называлась неискренней, действия СССР на Востоке назывались «прокси-войной». В последнем случае указывалось на использование в своих целях «бандитов в Малайе, ведение партизанской войны во Вьетнаме и войны в Корее»⁴⁷. Большинство из этих обвинений носили очевидно пропагандистский характер, но особенно удивляет то, что в памфлете, предназначенном для «просвещения» военных, в вину Советскому Союзу ставился отказ разоружаться после 1945 г. на фоне проведения США ядерных бомбардировок японских городов.

В разделе «Цели Советов» давался беглый обзор советской истории с 1917 г. По мнению авторов, устремления сталинской внешней политики были направлены на победу коммунизма во всем мире. Война и насилие, предательство и двойные стандарты объявлялись главными методами СССР в достижении своих целей. В итоге успех пролетарской революции должен был обеспечить советское доминирование во всем мире и навязывание всем соответствующего образа жизни⁴⁸.

Отдельные главы манифеста были посвящены критике политического устройства СССР и уровня жизни советских людей. Все демократические права и свободы в Советском Союзе объявлялись фикцией, а социально-экономические условия далекими от «рая для рабочих»⁴⁹. Обращает на себя внимание раздел, в котором рассматривалось участие СССР во Второй мировой войне. Помимо традиционных обвинений Советского Союза в поддержке нацистов против демократических стран на начальном этапе войны, на него возлагалась ответственность за то, что в «Британии его марионетки делали все возможное для саботажа военных приготовлений»⁵⁰. В уничижительной манере характеризовались советские воины. Отмечая их «прочность», авторы

⁴⁷ UK National Archives. Air 19/797. Why Britain Re-Arms? P. 1–4. P. 9–14.

⁴⁸ Ibid. P. 15–17.

⁴⁹ Ibid. P. 18–25.

⁵⁰ Ibid. P. 27.

манифесты подчеркивали, что ее источником является низкий уровень жизни и постоянные лишения в СССР. Основная масса солдат — это крестьяне, которые «редко ели мясо, вероятно никогда не спали на кровати и обходились одной парой обуви в течение всей взрослой жизни». Поэтому советский солдат мог обходиться без качественной пищи и многих других вещей, которые имели военнослужащие западных армий. Признавая индивидуальную храбрость советских солдат и высокую дисциплину в войсках, поддерживаемую «решительными мерами», авторы полагали, что «Красная армия не воевала столь храбро как японская, и столь эффективно как германская». Успехи ее в значительной степени объявлялись результатом помощи западных союзников, а также тем ущербом, который их авиация наносила германскому промышленному потенциалу. В манифесте постоянно подчеркивалась отсутствие должной благодарности за это со стороны СССР⁵¹.

Последний раздел манифеста был посвящен роли Содружества и британских колоний в возможном военном конфликте. Характеризуя Содружество, в которое тогда входили Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южноафриканский Союз, Индия, Пакистан и Цейлон, авторы документа называли его «великим союзом братских народов» членов которого объединяли общие интересы, демократический образ жизни, уважение к закону. Великобритания объявлялась не только ведущим членом Содружества, но и центром из которого осуществлялся контроль и руководство обширными территориями, которые еще не «достигли стадии самостоятельного управления». Целью британской политики в колониях объявлялась подготовка местного населения к самоуправлению, но при этом подчеркивалась необходимость использования колониальных ресурсов в «интересах Британии и всего мира». Одной из задач развития колоний объявлялось недопущения в них «коммунистического влияния и советской инфильтрации». Всего этого можно было добиться только в условиях мира, к которому стремились все страны Содружества, а для его сохранения надо было вооружаться⁵².

⁵¹ Ibid. P. 27–30.

⁵² Ibid. P. 38–40.

Важную роль в пропагандистской политике лейбористов играл Британский совет. На заседании кабинета министров 21 февраля 1946 г. было принято решение о продлении деятельности этой организации на пять лет при тщательном контроле за ее работой. Функции Британского совета ограничивались образовательными и культурными программами⁵³. Подводя итоги работы Британского совета по истечении пятилетнего периода в совместном меморандуме глав Форин офис, министерств по делам колоний и Содружества отмечалось, что он сыграл важную роль в сохранении политического влияния и торговых связей Великобритании в мире «давая позитивную альтернативу коммунизму». В рекомендациях министров подчеркивалась необходимость продления деятельности Британского совета без ограничения по срокам⁵⁴, а задачи, решаемые им, включали «защиту западной цивилизации от вторжения коммунизма»⁵⁵.

Вопрос о дальнейшей судьбе Британского совета рассматривался на заседании кабинета министров 1 августа 1951 г. Участники заседания согласились с предложением продлить на десять лет деятельность организации как «неофициальной структуры». В ходе дискуссии, которая в основном касалась расходов на деятельность Британского совета, была подчеркнута особая его важность в создании благоприятного образа Великобритании в странах Содружества и колониях⁵⁶.

Таким образом, очевидно, что информационная политика британских властей стремительно эволюционировала в первые годы после Второй мировой войны. Короткий период 1945–1946 гг.

⁵³ UK National Archives. CAB 128/5. C. M. (46). 17th Conclusions. 21st February 1946. P. 136.

⁵⁴ UK National Archives. CAB 129/47. C. P. (51) 231. 26th July 1951. Future of the British Council. Memorandum by the Secretaries of State for Foreign Affairs, Colonies and Commonwealth Relations. P. 1.

⁵⁵ UK National Archives. CAB 129/47. C. P. (51) 231. 26th July 1951. Future of the British Council. Memorandum by the Secretaries of State for Foreign Affairs, Colonies and Commonwealth Relations. Appendix. The British Council's Organization, Relation to Government Departments and Method of Work. P. 4–5.

⁵⁶ UK National Archives. CAB 128/20 C. M. (51). 57th Conclusions. 1st August 1951. P. 204–205.

характеризовался концентрацией на создании привлекательного образа Великобритании за рубежом и акценте на позитивные результаты лейбористских реформ в экономической и социальной сферах. Последнее обстоятельство было отличительной чертой и внутренней пропагандистской деятельности. Основанием для такого подхода были надежды лейбористского правительства на сохранение за Великобританией места в Большой тройке великих держав, хотя бы в роли посредника между США и СССР. Нельзя забывать и о популярности Советского Союза на Западе в целом и в британском обществе в частности. Это было результатом той роли, которую СССР сыграл в победе над нацизмом, а также, отчасти, западной информационной политики в годы Второй мировой войны, направленной на создание привлекательного образа советского союзника.

Необоснованность претензий Великобритании на особую роль в послевоенной системе международных отношений довольно быстро стали очевидны. Не менее явными вскоре стали и устремления США на сохранение доминирующего положения в мире, в том числе и в Западной Европе. В условиях начавшейся холодной войны Великобритания создала мощную пропагандистскую машину, направленную на формирование крайне отрицательного образа СССР как внутри самой страны, так и во всем мире, в том числе и в странах Восточной Европы, находившихся в советской сфере влияния. Методы, использовавшиеся для этой цели, включали и т.н. «черную пропаганду», что означало распространение всяческих слухов и дезинформации. При этом продолжалась деятельность по популяризации Великобритании и британского образа жизни. Этим главным образом занимался Британский совет и отчасти Би–би–си. Как показали последующие события, британская информационная политика, включая антисоветскую пропаганду, оказалась достаточно эффективной хотя и не повсеместно, но во многих странах мира.

РАЗДЕЛ IV.

КОНФРОНТАЦИЯ ЗАПАДА И РОССИИ НА
СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.

ГЛАВА 20

ВОЕННО–ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ
РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ
В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI вв.*В.О.Терентьев*

Российско–британские отношения никогда не были дружескими или добрососедскими. На всем протяжении истории, начиная со времен Ивана Грозного, Англия видела в России мощного глобального соперника. Разгром «Великой Армады» вывел Англию к порогу мирового господства, и она уверенно двинулась по этому пути, все чаще натываясь на русских солдат, корабли, дипломатов и купцов. К середине XX века у островной державы не осталось конкурентов в Европе. После поражения Наполеона единственной страной, стоящей на пути мирового господства Британии, стала Россия. Для ее устранения Лондон предпринимал все более изысканные и изощренные способы борьбы, включая с давних пор информационную войну и главный аргумент — дискредитацию «теории заговоров». Педалью саркастического и обструкционного восприятия новейших изобретенных методов воздействия на Россию и ее народы, ангlosаксы уверенно обеспечили их информационное прикрытие («шпиономания», «англичанка гадит» и т.п.). В свою очередь понимание серьезности этой борьбы в самой России отсутствовало. Уверенность в своей силе, мощи, вера в величие, в «русский паровой каток», всегда были свойственны российскому обывателю. Взгляд «лаптями (вариант — шапками)

закидаем» — «можем повторить» нередко являлись главным патриотическим лейтмотивом. Ему противостояла другая крайность, иной, космополитный, ориентация на Европу, и в первую очередь — на Англию, с туземным преклонением перед ангlosаксонскими достижениями. Взвешенный, профессиональный, взгляд на Великобританию, к сожалению, не характерен ни для российского обывателя, ни для исследователей во всех сферах, включая военную и политическую. В результате подобных отношений Британия во главе всей Европы четырежды наносила России серьезные удары, два из которых закончились нокаутами. В середине XIX в. Англия продемонстрировала всему миру победоносную силу **инженерных технологий**, с помощью которых смогла победить дюжего «жандарма Европы». В начале XX в. — силу **подрывных технологий** и политику **межнационального манипулирования**, в результате чего вместо четырех могучих империй в Европе возникло множество мелких легкоуправляемых стран, погрязших в горячих межэтнических конфликтах. Подобные конфликты легко маскируют далекого, но реального и опасного врага образом близкого и понятного соседа — в исполнение классического принципа «разделяй и властвуй». Всего через десять лет после этого ангlosаксы в ходе очередной игры на добывание России формируют в целом ряде стран с помощью **информационно–психологической** и **пропагандистской политики** националистические режимы, сориентированные на антисоветскую (антироссийскую) направленность. Не секрет, что нацистская Германия и диктаторские режимы Восточной Европы представлялись наиболее удобным антисоветским инструментом для политических элит Великобритании и Франции. Вышедший из–под непосредственного контроля нацистский режим, тем не менее выполнил главную, поставленную перед ним задачу — совершил «крестовый поход» Европы против России (СССР). А разгром Франции и Германии позволил Великобритании упрочить свои позиции на континенте. Даже в ходе войны Великобритания не была для Советского Союза полноценным союзником, предпочитая сохранять живую силу и наращивать технологическое

противоборство с Германией¹. И.Сталин и Д.Эйзенхауэр стали теми двумя столпами, которые не позволили У. Черчиллю подмять под британские интересы как Советский Союз, так и США². На этапе холодной войны благодаря экономической мощи и плану Маршалла доминирование в капиталистическом мире перешло в руки США. Длительное время Великобритании сохраняла свою позицию в качестве ближайшего союзника Штатов и первого среди равных в Европе, довольствуясь ролью интеллектуального и представительского лидера. Эпоха разрядки, экономического и политического роста СССР вызывали у британского истеблишмента все большие опасения за свое будущее. Плотное сближение с США в годы «тэтчеризма», срастание разведывательных и силовых структур обоих англосаксонских государств, привело к новой антисоветской волне и формированию беспрецедентной операции по втягиванию Советского Союза во множество локальных конфликтов, по **подрыву его экономического, идеологического и социально–психологического фундамента с помощью разращения и подконтрольности элит**. Этот раунд противостояния Великобритании и России привел к почти смертельному нокауту. Идеологический, экономический, военный, политический крах Советского Союза с последующим формированием космополитной бизнес–элиты — это фактическая реальность, в которой России пришлось в третий раз за столетие с нуля подниматься из руин.

Военное противостояние Великобритании и России прошло несколько этапов.

Период **1991–1993 гг.** характеризуется победой Запада в холодной войне и развалом СССР. На постсоветской территории,

¹ Терентьев В.О. Арктика на завершающем этапе Второй мировой войны // Вопросы истории. № 4, 2020. С. 61–77.

² Терентьев В.О. Великобритания и СССР в мае 1945 года: союзники или враги? Военно–политические аспекты советско–британского взаимодействия // Военно–исторический журнал. № 5. 2021. С. 39–46; Терентьев В.О. Взаимодействие советских и британских войск в Австрии весной 1945 года // Вестник Северного (Арктического) Федерального Университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 5. С. 46–58.

включая бывший СЭВ и республики СССР, сформированы подконтрольные элиты, экономика полностью подконтрольна Лондону и Нью–Йорку, идут активные процессы разрушения и уничтожения всего советского. С целью контроля и поддержки «демократических» процессов на постсоветском пространстве растет активность британских спецслужб и политическая деятельность Великобритании. Военные акценты НАТО сместились на устранение наиболее влиятельного лидера в главном нефтегазоносном регионе мира.

Война в Персидском заливе 1990–1991 гг. стала первым масштабным вооруженным столкновением по окончании «холодной войны». Во время войны союзники во главе с США использовали все основные военные наработки, созданные ими за время противостояния НАТО и «Варшавского договора». В определенной степени это был завершающий аккорд войны массового, тотального типа и первый опыт использования новых видов оружия, форм тактики и стратегии, способов принуждения суверенного государства к выполнению пожеланий и требований страны–гегемона с минимальными человеческими потерями последнего. Одновременно это была первая демонстрация силы со стороны лидера однополярного мира, победившего в «холодной войне».

В условиях формирования нового миропорядка каждая страна пыталась найти свое место, по возможности, поближе к гегемону. Поэтому впервые с 1945 г. возникла военная группировка из 41 страны. В составе коалиции Великобритания считала необходимым подтвердить свою лидирующую роль в Европе, показать единство с США, подчеркнуть свой статус в новом мире в качестве глобального военно–политического регулятора и ведущего политико–экономического игрока на мировой арене.

Широкое использование компьютерных технологий способствовало победе над противником в разведывательно–информационном поле. Выполнение этих задач выявило важность интеллектуально–информационного противоборства. Однако кампания 1991 г. показала и слабость британских вооруженных сил, неспособность их самостоятельно выполнять

широкомасштабные задачи³. Так, например, для доставки наземного контингента Великобритании вынуждена была арендовать транспортные самолеты шести стран и собственного гражданского флота, а для выполнения задач по уничтожению объектов, прикрытых иракской ПВО, американцам приходилось выделять в помощь RAF самолеты РЭБ, ударные самолеты с ПРЛР и дополнительное прикрытие с воздуха⁴. Начиная с 1991 г. силовые структуры Великобритании наибольшее внимание при концептуализации доктрин уделяют именно интеллектуальному и техническому превосходству над противником. Первыми изменениями, принятыми в британской армии по результатам операции Granby, были введение систем высокоточного лазерного наведения в комплект бортового оборудования ударных самолетов, массовая установка систем «закрытой» связи, спутниковой навигации, «умных» бомб и ракет. Кроме того, были закуплены в США несколько самолетов ДРЛО, работа которых в совокупности со спутниковой и другими видами разведки обеспечивала полный контроль над полем боя. К этому времени относится формулирование и использование боевых систем СЗІ (command, control & communications and intelligence) как предтеча систем сетевых войн.

В 1993 г. командование ВС Великобритании приняло доктрину SDS 23/93 «Борьба системами боевого управления» (C2W — Command & Control Warfare), которая констатирует, что информационные операции распространяются на все политические и военные действия и являются формой ведения «информационной войны» в современном мире⁵. Доктрина позволяет действовать на международном информационном пространстве

³ Терентьев В.О. Британские ВВС в операции «Granby» (Ирак, 1991) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. № 12 (86). [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840008248-1-1/> (дата обращения: 18.02.2020).

⁴ Здесь и далее: ДРЛО — дальнейшее радиолокационное обнаружение; ПРЛР — противорадиолокационные ракеты; РЭБ — радиоэлектронная борьба; БПА — беспилотный аппарат.

⁵ Туляков О. Информационная война в планах Пентагона // Зарубежное военное обозрение. 2015. №11. С. 3–14.

профессиональной дезинформацией «информационной войны» и вводить в заблуждение не только противника, но и мировое сообщество.

В этот же период из-за попытки британского парламента взять под контроль бюджет разведывательных и специальных силовых структур начинается бурный рост частных военных компаний (ЧВК), большинство которых имеет британские корни⁶.

Одним из элементов противостояния являются военные учения, проводимые сторонами в непосредственной близости от противника. Великобритания, в отличие от США, принимала участие в учениях НАТО довольно сдержанно. Российские армия и флот из-за крайне ограниченного бюджета в 90-е и начале 2000-х практически свернули военные маневры. В свою очередь, НАТО во главе с США расширили не только географию проводимых учений, но и значительно увеличили количество стран, вовлеченных в мероприятия. Так, с 1993 г. в учениях BALTOPS активно участвуют Прибалтийские республики, а позже — и нейтральные государства Скандинавии. Великобритания проигнорировала большинство этих учений, до 2012 г. проводимых в рамках программы НАТО «Партнерство во имя мира» вместе с Россией.

В 1993–2000 гг. в ходе становления однополярного мира и расширения географии управляемых военных конфликтов британские контингенты и наблюдатели появляются в зоне бывшего советского влияния (Камбоджа, Ангола), в странах бывшего соцлагеря (Хорватия, Босния, Албания, Македония, Югославия), а затем на постсоветском пространстве (Грузия, Молдавия и на армяно-азербайджанском фронте). К 1999 г. 44,5 тысяч британских военных находились в 24 странах. В свою очередь российское военное присутствие за рубежом неуклонно сокращалось: от 550 тысяч человек в 33 странах в 1991 до 31 тысячи человек в 13 странах в 2000 г.⁷

В этот период на территории новоприобретенных союзников идет реализация используемой еще со времен Британской

⁶ Коновалов И.П., Валецкий О.В. Эволюция частных военных компаний. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. С. 17.

⁷ Military Balance. 1992–2001.

империи идеи «туземных армий». В условиях повышенных требований британского и европейского общества и вооруженных сил к ведению боевых операций (мгновенное реагирование и минимизация собственных потерь) Великобритания намерена по-новому реализовать давно используемый исторический опыт применения колониальных войск. Свыше 200 лет в боевых действиях за интересы Соединенного Королевства участвовали гуркхи, индийцы, канадцы, австралийцы, африканцы и др. Игра на межнациональных противоречиях также была стержнем британской политики. В новых условиях особое внимание уделяется странам Восточной Европы и постсоветского пространства. 17–20.10.1994 г. состоялся визит королевы Елизаветы II и принца Филиппа в Россию, а буквально на следующий день, 21 октября, на территории Нидерландов начались учения сухопутных войск Великобритании, США, ФРГ, Польши, Чехии, Словакии, Швеции, Эстонии, Литвы и Украины. С 1995 г. учения НАТО в рамках программы «Партнерство во имя мира» регулярно проходят и на территории Украины. Британская армия представлена как обучающая, контролирующая и полицейская (учитывается значительное число русскоязычного населения в республиках) для «туземных» армий сила с возможностями высокоточного оперирования. В 1994–1995 гг. британские инструкторы командос и морской пехоты обучали эстонскую армию. С 1995 по 2003 гг. — Балтбат в Латвии, с 2003 г. — все три балтийские армии⁸.

Несмотря на победу в холодной войне и подконтрольность процессов сокращения вооружений, оборонная программа Великобритании 1994 г. *Front Line First* подразумевала замедление финансового и численного сокращения армии и увеличение доли расходов на новые интеллектуальные виды оружия. Так, к 1998 г. в США были закуплены крылатые ракеты и начаты собственные разработки в этой области, стартовали проекты по созданию новых ударных самолетов и самолетов ДРЛО и управления, подписан евроконтракт на расширение спутниковой

⁸ Терентьев В.О. Британское военное присутствие в Эстонии. 1991–2018 гг. // Вестник Гуманитарного факультета СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича. 2019. №11. С. 216–222.

группировки Skynet 4/5, поступили на вооружение БПА и система боевого управления JTIDS (формат C4I)⁹.

Незадолго до новой войны в Персидском заливе, летом 1998 г., британское Министерство обороны изложило свое видение вооруженных сил в *Strategic Defence Review (SDR)*¹⁰. Предполагалось, что британская армия должна быть в состоянии отреагировать на крупный международный кризис, который может потребовать военных усилий и боевых операций такого же масштаба и продолжительности, как в 1991 г., а также в состоянии предпринять более длительное развертывание за рубежом в меньшем масштабе с одновременным кратковременным развертыванием на другом направлении. В этом документе впервые прозвучала готовность воссоздать крупные силы в рамках НАТО при возрождении серьезной стратегической угрозы. Под последней понималась будущая возрождающаяся Россия, в случае неуспеха нового этапа её дробления. Марш-бросок на Приштину в 1999 г. на фоне прихода к власти В.В. Путина и показали готовность России отстаивать свои интересы. Это могло привести к эскалации военного противостояния. Однако взвешенная политика российского президента, сосредоточившего основные усилия на экономическом возрождении и сплочении государства, произвели обратный эффект на международной арене.

В SDR намечена перспектива инициативы, позже, в XXI в., названной «Глобальная Британия». Идея глобального присутствия британской армии воплощалась в разработках ударных авианосцев, собственных стратегических транспортных ВВС, закупке и разработке новейших крылатых и управляемых ракет. Все это время в России шло плановое сокращение вооружений под контролем НАТО. В первую очередь сокращались новейшие и перспективные виды вооружения. Так, из 50 самолетов и 200 вертолетов РЭБ в 1991 г., к 2000 г. осталось 60 вертолетов (боеспособных 23). Мощная советская спутниковая группировка практически прекратила свое существование, к примеру,

⁹ *Military Balance*. 1992–2001.

¹⁰ *Strategic Defence Review*. Presented to Parliament by the Secretary of State for Defence by Command of Her Majesty. July 1998.

из 15 действующих в 1990 г. спутников ГЛОНАСС, к 2001 осталось только 5 (при необходимости в 24). Кроме того, были утрачены два загоризонтных радара (в Латвии и на Украине).

В 1998 г. произошла очередная, тщательно спланированная США, эскалация конфликта в Персидском заливе. Штаты продемонстрировали всему человечеству установление однополярного мира, в котором принятие военных решений доминирующего государства проводится без санкций ООН, вопреки ожиданиям мирового сообщества. Единственным государством, целиком и полностью поддержавшим США, было Соединенное Королевство. Кроме политических целей, действия ВВС Великобритании носили также экспериментально-прикладной характер.

С резкой критикой по поводу действий агрессоров выступили Россия, Китай, Индия, Иран, Франция и Италия.

Для совместного управления войсками и взаимодействия штабов союзников использовались спутниковые системы связи (ССС) американская старая NATO-SATCOM и британская, новая для того времени Skynet 4. Последняя была создана Министерством обороны Великобритании и обеспечивала помехоустойчивую связь между стационарными и мобильными наземными и морскими наземными станциями. Кроме того, для этих целей широко применялись новая военная система информационного обмена КВАН (CWAN), в которую включены США, Великобритания, бывшие британские доминионы и ряд европейских стран НАТО. Функционирование системы управления и связи коалиционных сил обеспечивали не менее 25 узлов связи США и Великобритании, в том числе британские Уайтхолл, Гибралтар, Никозия, Оукхангер, Лоссимут.

Накануне и в ходе военных действий против Ирака велась глобальная «информационная война». В ее рамках была проведена широкая дезинформация на государственном и военном уровне, позволившая агрессору скрыть время начала акции и сделать ее неожиданной даже для Совета Безопасности ООН. В ходе авиаударов зафиксирован значительный рост доли высокоточного оружия. Так, 70 % авиабомб союзников были управляемыми (в «Буре в пустыне» этот показатель составлял

всего около 8 %). У британских ВВС данный показатель являлся абсолютным — 100 %¹¹.

В конце 90-х годов возрастает активность британских ЧВК. Они широко применялись в корпоративных войнах за ресурсы на пространствах бывшего советского влияния. Несмотря на корпоративную направленность, ЧВК имели прочные связи с государственными структурами. Так, на африканском континенте хорошо известна деятельность компаний Executive Outcomes и Sandline International по обеспечению британо-американских интересов. Интересно, что в Сьерра-Леоне компания использовала российские вертолеты с экипажами¹². На постсоветском пространстве британские ЧВК появились в Чечне и Грузии. Зарубежные ЧВК, тесно связанные со спецслужбами, стали серьезной проблемой для безопасности российского государства. С 1997 г. специалисты британской ЧВК Halo Trust помогали кавказским боевикам и осуществляли на территории России сбор разведданных военно-политического характера по заказу британских спецслужб. Вместо заявленного разминирования британцы устроили в Чечне курсы по подготовке специалистов минно-взрывного дела, поддерживая тесные контакты с полевыми командирами. Компания контрабандным путем поставляла боевикам спецтехнику, средства связи и имущество военного назначения¹³.

В 1990-е гг. военно-промышленный комплекс Великобритании в дополнение к традиционным рынкам сбыта начал

¹¹ Терентьев В.О. Британские ВВС в операции «Desert Fox» (Ирак, 1998 г.) // Британия: История, культура, образование. Сборник статей международной научной конференции. Вып. 4. (13–14 сентября 2018 г.). Ярославль: РИО ЯГПУ, 2018. С. 351–359.

¹² Коновалов И.П., Валецкий О.В. Эволюция частных военных компаний. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. С. 19–21, 26.

¹³ «Гуманитарное разминирование» оборачивается террором // https://nvo.ng.ru/spforces/2000-08-18/7_halo.html; ФСБ России располагает достоверной информацией о подготовке специалистов минно-взрывного дела для вооруженных формирований международных террористов, воюющих на территории Чеченской республики // <https://www.nezigar.com/kriminal/item/145743-fsb-rossii-raspolagaet-dostovernoy-informaciy-o-podgotovke-specialistov-minno-vzryvnogo-dela-dlya-vooruzhennyh-formirovaniy-mezhdunarodnyh-terroristov-voyuyuschih-na-territorii-chechenskoy-respubliki>

осваивать нишу, прежде принадлежавшую советскому ВПК. Прежде всего, это страны бывшей Югославии, Польша, Китай, Индия, Ангола. В 1999 г. путем слияния основных производителей легких и тяжелых вооружений, самолетов, боеприпасов, оборонной электроники и военно-морского судостроения была образована одна из крупнейших мировых транснациональных корпораций BAE Systems — основа оборонной промышленности Великобритании. Необходимо отметить, что на оружейном рынке российские производители показали себя значительно лучше политиков. Открывшиеся возможности по свободной торговле позволили российским компаниям расширить коммерческие интересы на Турцию, Грецию, Кипр, Египет, Иорданию, Арабские Эмираты, Кувейт, Бангладеш, Пакистан, Мьянму, Малайзию, Сингапур, Индонезию, Южную Корею, Бразилию, Венесуэлу, Мексику, Колумбию, Эквадор, Перу, Уганду. Многим контрактам агрессивно противостояли корпоративные и политические интересы западных стран, включая Великобританию.

В период **2000–2003 гг.** велось беспрецедентное сотрудничество России с Западом по вопросам борьбы с терроризмом и снижению военной напряженности. В. Путин и Б. Клинтон в 2000 г. в Москве обсуждали возможность вступления России в НАТО. В рамках снижения напряженности Россия закрыла военные базы на Кубе и во Вьетнаме, чем значительно сузила свой сектор развертывания и влияния. Российский контингент UNAMSIL сотрудничал с британскими войсками в Сьерра-Леоне. В 2001 г. Россия закупила у Великобритании ряд вооружений нелетального характера, шли переговоры о более серьезных закупках. Однако попытки России интегрироваться в западное сообщество на правах равного партнера были отвергнуты лидерами англосаксонских стран, имевших иной взгляд на Россию и ее ресурсы. Выход из договора по ПРО, вторжение в Ирак и последующие действия США и Великобритании на постсоветском пространстве проявили планы англосаксов на глобальное доминирование без учета каких-либо интересов России.

На фоне создания ШОС, ЕвразЭС, вторжения НАТО в Афганистан и потепления отношений с Россией расширяется военное и экономическое проникновение США и Великобритании

в Казахстан. В 2001 г. казахский ФНБ и BAE Systems создают крупнейшую авиакомпанию страны Air Astana. Британские компании участвуют в сырьевых проектах. В рамках программы «Партнерство ради мира» с июля 2003 г. организуются ежегодные учения миротворческих сил США, Великобритании и Казахстана STEPPE EAGLE.

Британские разведывательные и специальные службы берут под контроль наркопроизводство и наркотрафик провинции Гильменд в Афганистане (80 % мирового производства опиума), получают доступ к неограниченному финансированию своих операций. Частный военный бизнес находился в весьма плотной зависимости от американских и британских спецслужб¹⁴.

2003–2008 гг. несмотря на визит президента РФ В.В. Путина в Великобританию в июне 2003 г., характеризуются новым витком напряженности. Мягкость и миролюбие России было воспринято Западом как слабость.

Вступление в НАТО прибалтийских республик, террористическая активность чеченских сепаратистов, подготовленных в т.ч. и британскими специалистами, прозападные «революция роз» 2003 г. в Грузии, «оранжевая революция» 2004 г. на Украине, «тюльпановая революция» в Киргизии в 2005 г., Андижанские события 2005 г., отказ от федерализации и евроориентация Молдавии в 2003–2004, активизация антирусского национализма в бывших советских республиках — звенья одной глобальной цепи, которой США и Великобритания охватывали Россию для последующего удушения и расчленения¹⁵. Расширение НАТО на восток было оценено как «обман» и «личное предательство» российского руководства со стороны британского премьер-министра Т. Блэра¹⁶.

В новой оборонительной программе 2003 г. *Delivering Security in a Changing World* Министерство обороны Великобритании

¹⁴ Коновалов И.П., Валецкий О.В. Эволюция частных военных компаний. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. С. 81.

¹⁵ Stone N. No wonder they like Putin // The Times. 4.12.2007. (http://www.timesonline.co.uk/tol/comment/columnists/guest_contributors/article2994651.ece)

¹⁶ Психология власти. Крымская исповедь президента Путина // Ведомости. 21.3.2014. (<https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/03/21/kryskaya-ispoved-prezidenta-putina>).

впервые декларировало проект Network Enabled Capability (Сетевые возможности), который вывел британскую армию на новый уровень ведения войн¹⁷. Однако из-за высокой стоимости политики сетевых войн программа привела к существенным сокращениям базовых вооружений, личного состава и капитальных закупок. Это стало нормой для всех военных бюджетов Лондона в XXI в. Высвобождение значительной части оборонного финансирования к настоящему времени способствовало созданию крупнейшей военно-интеллектуальной структуры, отвечающей принципам C6ISR (command, control, communications, computers, cyber-defense and combat systems and intelligence, surveillance, and reconnaissance) и по ряду показателей более эффективной, чем американская. Предполагалось, что Россия, перенесшая экономический крах 1990-х гг., со своими вооруженными силами «массового типа» будет не способна догнать высокотехнологичные армии США и Великобритании, ежегодно увеличивающими военные бюджеты и долю вливания в инновационные технологии.

Программа 2003 г. расширила требование оборонного ведомства Великобритании на количество одновременно проводимых операций — до трех малого или среднего масштаба и одной крупномасштабной при одновременной маломасштабной. В обзоре также упоминались «значительные» засекреченные усовершенствования британских сил специального назначения, включая увеличение численности и инвестиции в новое оборудование. Военный бюджет вырос на 12% при сохранении тенденции на сокращение военной техники и персонала.

К 2003–2006 г. сохранение доминирования США в мире проводилось при постоянной военной активности гегемона и Североатлантического союза. Спецслужбами и прокси-агентами разжигались новые конфликты. В военные авантюры для «крещения кровью» под эгидой проектов и миссий ООН втягивалось все больше армий новых государств. С их высшим и средним

¹⁷ Delivering Security in a Changing World. Defence White Paper. December 2003. Ministry of Defence; Delivering Security in a Changing World. Future Capabilities. July 2004. Ministry of Defence.

составом проводились обучающие тренинги, на основе которых англосаксы получали готовый «туземный» контингент для будущих политических и военных манипуляций. Государства-участники вынуждены были закупать новое оружие, что, в свою очередь, способствовало активному росту доходов транснациональных корпораций и, соответственно, их влиянию на политические и экономические процессы в мире. Об этом поднимался вопрос и при подготовке «Оборонно-промышленной стратегии» (Defence Industrial Strategy) Великобритании 2005 г.¹⁸ Апробирование разработанных и внедренных элементов высокотехнологичной армии против массовых вооруженных сил проводилось в 1999 г. в Югославии, с 2001 г. в Афганистане и Пакистане, с 2003 г. в Ираке. С 2002 г. начинается постепенное увеличение военного присутствия НАТО в Украине. 29 марта 2004 г. было начато патрулирование воздушного пространства над тремя балтийскими государствами силами НАТО и 1 октября 2004 г. на литовскую ВВБ Зокняй прибыли истребители RAF Tornado¹⁹. До 2008 г. инструкторы из Великобритании принимали участие в обучении военнослужащих грузинской армии²⁰. Британские контингенты кроме Ирака и Афганистана появляются во всех странах Персидского залива (кроме Ирана), в Кении, в Атлантике.

После целого ряда «горячих» войн, в которых оттачивалось мастерство армий НАТО, постепенно происходила переоценка методов и способов подавления и подчинения противника. Были концептуализированы несколько видов войн, которые могли применяться ограниченно или комплексно. Это — информационная, кибернетическая, психологическая, экономическая, политическая, террористическая, биологическая, генетическая,

¹⁸ Defence Industrial Strategy. Defence White Paper. December 2005. Ministry of Defence.

¹⁹ Терентьев В.О. Британское военное присутствие в Эстонии. 1991–2018 гг. // Вестник Гуманитарного факультета СПбГУТ им. проф. М.А.Бонч-Бруевича. 2019. №11. С. 216–222.

²⁰ Терентьев В.О. Военный компонент концепции «Глобальной Британии» // Итоги правления Терезы Мэй. Доклады Института Европы РАН. № 364. М.: Ин-т Европы РАН, 2019. С. 117–126.

климатическая война²¹. При непосредственном военном контакте предполагалось достичь абсолютного превосходства над противником с помощью сетецентрической модели военных действий с активным и широкомасштабным радиоэлектронным подавлением его средств с последующим уничтожением важных объектов и субъектов с помощью высокоточного оружия. В период 2003–2006 разрабатываются и вводятся новые классы военных систем сетецентрических войн: C4I (command, control & communications, computers and intelligence) с дополнениями до STAREW (surveillance, target acquisition, reconnaissance, electronic warfare).

Вскоре, опираясь на эти теории, возвращается новый англо-саксонский военно-промышленный комплекс, ориентированный именно на эти, новые, виды войн. Так, в период с 2008 по 2011 гг. BAE Systems приобрела пять компаний по кибербезопасности, разведке и оборонному консалтингу, изменив стратегию, в условиях сокращения расходов на «традиционные предметы обороны, такие как военные корабли и танки»²². Британская армия пополняется новыми самолетами и вертолетами ДРЛО, управления, связи, воздушными и морскими БПА, комплексами РЭБ, расширяется спутниковая группировка, модернизируются загоризонтный радар и системы управления и связи в Акротири на Кипре. С 2006 г. в сферу британских военно-экономических интересов втягивается Скандинавия, Эстония и даже Россия.

Особую роль в «тайных» и «явных» войнах стали играть силы спецопераций и ЧВК. Начиная с 2006–2007 г. на основе формулирования концепций «новых видов войн» возникают три основных точки приложения усилий в британской армии — новейшие технологии, «спецназ без границ», кибероружие.

Специальные операции Великобритании за ее пределами еще со времен холодной войны нередко проводились вне

²¹ Овчинников Н.Н., Терентьев В.О. и др. Россия и Украина: история и современность. Краткий конспект лекций. СПб.: Издательство ГУМРФ имени адмирала С.О.Макарова, 2022.

²² BAE switches its focus from tanks and warships to cyber security // The Times. 15.01.2011. (<https://www.thetimes.co.uk/article/bae-switches-its-focus-from-tanks-and-warships-to-cyber-security-loldcopzs20>)

юридического поля. Известно о целом ряде диверсий, произведенных спецслужбами Соединенного Королевства на территории СССР в годы Афганской войны и последующей «демократизации общества». Формирование зависимости афганской экономики от наркопроизводства и наркотрафика в годы советско-афганской войны производилось британскими спецслужбами первоначально для организации финансового базиса закупок вооружения моджахедами. Впоследствии британцы постепенно утратили свое влияние на наркопроцессы в Афганистане, но после вторжения в 2001 г. одной из главных задач британских спецслужб стало приобретение прямого контроля над гильмендским наркобизнесом. В результате, в 2003–2006 гг. британские разведывательные и спецслужбы получили в свои руки практически неограниченное теневое финансирование. В эти годы, используя неограниченные ресурсы Гильменда, они практически выходят из-под правительственного контроля. Идет рост влияния теневых силовых корпораций. Оставаясь явными разведывательными и специальными структурами на государственной службе, они одновременно создают «независимые» частные армии — ЧВК, удобный компонент военного вмешательства вне государственных компетенций. Вместо подконтрольных и исполнительных структур теневые силовики преобразуются во влиятельные транснациональные корпорации, диктующие свои интересы правительствам. Ряд политологов отметили смену ориентиров британского правительства: «...Т. Блэр полагался больше на клику дипломатов и секретных агентов, чем на здравомыслящих партийных политиков. Он «освободил британскую политику от влияния политиков»²³. Великобритания со времен Т. Блэра стала государством «тайной войны», которое полностью подорвало демократическую систему²⁴.

Целый ряд прежних скандальных ЧВК ликвидируются, предоставляя свой опыт и ресурсы новым владельцам. В 2003 г.

²³ So how will he be judged? // The Guardian, 15 May 2003 <https://www.theguardian.com/politics/2003/may/15/labour.clareshort>.

²⁴ Beetham D. The Warfare State. Red Pepper, 1 June 2003. <https://www.redpepper.org.uk/the-warfare-state/>

бывшим владельцем Executive Outcomes и Sandline International была основана ЧВК Aegis Defense Services (ADS). В 2004 г. в Великобритании основана крупнейшая ЧВК G4S (около 800 тыс. чел. по всему миру), которая проводит операции по всему миру. Британия возглавила приватизацию современной войны и стала мировым лидером по предоставлению вооруженных подрядчиков. С 2004 г. британское государство ежегодно тратит на компании наемников около 50 миллионов фунтов. Общая стоимость глобальной частной военной и охранной индустрии оценивается где-то между 69 и 275 миллиардами фунтов в год.

Интересно, что в этот период частные военные компании даже идут вразрез с государственными интересами. Британская (виргинская) ЧВК Eginys Iraq Limited впервые в 2004 г. в свои ряды для работ в Ираке рекрутировала россиян. Одновременно в Ираке активизировались охранные структуры российского бизнеса. Отряд учебного центра «Антитеррор» до 2007 г. активно сотрудничал с ЧВК Eginys и участвовал в охране международных миссий. Сотрудничество было прервано прямым указанием военного командования США в Ираке. Этим же распоряжением западным ЧВК было категорически запрещено набирать россиян, а МВД Ирака указывалось на нежелательность разрешения охранной деятельности компаний из России. Российские граждане и компании были лишены какой-либо поддержки своего государства и возможности лоббировать свои интересы²⁵.

После скандала 2006 г. с американской частной компанией финансовой разведки Kroll, следившей и прослушивающей премьер-министра РФ М. Фрадкова, деятельность иностранных ЧВК в России была ограничена. Тем не менее, британские частные военные компании Control Risk, Armor Group продолжили свою работу в Москве. Российская компания «Лукойл», имевшая крупный контракт с Ираком, предполагала использовать британскую ЧВК Eginys для защиты своего проекта. Но отравление в Лондоне подполковника ФСБ А. Литвиненко, представлявшего интересы Eginys, и последующее ухудшение

²⁵ Коновалов И.П., Валецкий О.В. Эволюция частных военных компаний. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. С. 95–97.

российско-британских отношений привели к срыву контракта и крупным финансовым потерям России²⁶.

После инспирированной американцами «оранжевой революции» 2004–2005 гг. Великобритания приобретает все большее влияния на Украину. На поддержку «оранжевой революции» российско-британский миллиардер Б.А. Березовский потратил в общей сложности более 70 млн. долларов²⁷. Любое внимание НАТО к Украине всегда вызывало болезненную реакцию России. Это связано не с попыткой доминирования над «младшим братом», как пытаются показать политические и медийные лидеры Украины и Запада, а с реальными близкородственными связями многих российско-украинских семей, с искусственным разделением русского и украинского языков, противопоставляемых медийными и образовательными структурами, с проникновением во власть антирусского западноукраинского контингента, с многолетним искусственным насаждением антироссийской истерии, вплоть до реабилитации нацизма. Подобные процессы не могли не вызвать потребность в защите собственных интересов и своих граждан.

Уже с 1991 г. Украина демонстрировала быстрое сближение с НАТО. Ее вооруженные силы активно участвовали в миротворческих и военных операциях, демонстративно противопоставляя себя России и ее союзникам. Так, украинские миротворцы с 1992 г. по указанию западных партнеров агрессивно действовали против сербов, прикрывая боснийские бандформирования. А наемники в рядах хорватских и боснийских группировок действовали, по мнению современных украинцев, «...на стороне добра. В отличие от жителей Московии... [которые] всегда были, есть и будут на стороне зла»²⁸. Дальше явная и скрытая антироссийская поддержка Чечни, Грузии, многочисленные ежегодные учения НАТО на территории Украины, «Хартия об особом

²⁶ Там же. С. 52, 98–99.

²⁷ Жегулев И. Кто разорил Бориса Березовского. 8.5.2013. <https://www.forbes.ru/milliardery/biznes/238768-cto-razoril-borisa-berezovskogo>

²⁸ Балканские войны. Часть 13. Украинцы // <https://defence-line.org/2021/08/balkanskie-vojni-chast-13-ukraincy> (27.2.2023)

партнерстве НАТО и Украины». В самый разгар «Косовского кризиса», в апреле 1999 г., в Киеве открылась миссия НАТО. А 12 июня 1999 г. вслед за Венгрией, Болгарией и Румынией Украина закрыла свое воздушное пространство для российских самолётов. С этого года Украина участвовала в военных операциях НАТО в Косово. Разумеется, вопреки «москалям» на стороне торговца наркотиками, человеческими органами и оружием Х. Тачи. В эфиопско–эритрейском конфликте 1988–2000 гг. российские и украинские летчики напрямую сражались в африканском небе. Все это замалчивалось в российских СМИ, длительное время опосредовано контролируемых англосаксонским истеблишментом. В 2001 г. в Яворове (Львовская область) был открыт учебный центр НАТО. 24 сентября 2001 г. Украина разрешила самолетам США использовать воздушное пространство страны. В августе 2003 г. Украина направила третий по численности после США и Великобритании военный контингент в Ирак²⁹.

6 апреля 2004 г. Верховной Радой был принят закон о свободном доступе сил НАТО на территорию Украины. В апреле 2005 г. Ющенко вернул в военную доктрину Украины упоминание о стратегической цели Украины — «полноправном членстве в НАТО и Европейском союзе». С 2005 г. началась подготовка по стандартам НАТО личного состава Объединённых сил быстрого реагирования. С 2005 г. Украина ежегодно принимает участие в пяти — шести учениях со странами НАТО, с 2014 г. их количество увеличилось до 15–20.

Период **2008–2014 гг.** характеризуется движением России к многополярности мира и защите своих интересов на постсоветском пространстве. В это время Великобритания окончательно утверждает в выборе доминирования как своего пути, на котором Россия стала рассматриваться как основной враг. Исходя из этого в июле 2008 г. спецслужбы Великобритании признали Россию третьей по степени опасности угрозой для страны после террористической организации Аль–Каида и Ирана.

²⁹ Овчинников Н.Н., Терентьев В.О. и др. Россия и Украина: история и современность. Краткий конспект лекций. СПб.: Издательство ГУМРФ имени адмирала С.О. Макарова, 2022.

В эти годы непосредственное присутствие британских войск за рубежом, в т.ч. на учениях, по сравнению с США, ранее незначительное, и в основном с управленческими функциями, значительно возросло. Продолжилось участие в учениях BALTOPS, где с 1993 г. Великобритания и Россия эпизодически встречались в качестве партнеров. В 2008 г. США и Великобритания отказались от участия в ежегодных флотских учениях (FRUKUS) с Россией, зато за пару недель до событий в Южной Осетии британцы впервые приняли участие в учениях НАТО на Украине SEA BREEZE 2008, а после событий — в учениях COOPERATIVE LONGBOW 2008 в Армении. В 2009–2013 учения FRUKUS продолжились и были окончательно свернуты с 2014 г., когда приоритетным направлением учений НАТО стала Украина. Начиная с 2010 г. Великобритания широко участвует в командно–штабных учениях RAPID TRIDENT на Украине.

На саммите НАТО в Лиссабоне в 2010 г. Великобритания официально взяла ответственность за курс Запада по отношению к России. Россия, осознавая целенаправленную непримиримость и бескомпромиссность НАТО, пытается найти возможность деэскалации. Возобновляются позитивные встречи на высшем уровне, однако, не оказывающие существенного влияния на британскую и НАТОвскую военную политику в отношении стран постсоветского пространства. В российском Министерстве обороны идет обсуждение возможных закупок значительной партии британских штурмовых винтовок. Одновременно Россия проводит мероприятия, позволяющие подготовиться к отпору растущей угрозе. В отличие от предыдущих военных доктрин, основанных на околосоветской риторике и далеких от реализации, российская Военная доктрина 2010 года определяла себя как строго оборонительную. Перечисленные в ней внешние опасности и военные угрозы отвечали на растущее противостояние и указывали на возможный адекватный ответ России.

На международной арене появляются российские ЧВК. В 2009 г. в иракском Курдистане получил контракт по охранной деятельности российский учебный центр «Редут–антитеррор». С 2010 г. на международный рынок защищать интересы российского нефтяного концерна «Лукойл» вышла собственная

корпоративная ЧВК — охранное предприятие «Луком»³⁰. В это же время на постсоветском пространстве активно действует совместная американо–британская ЧВК Northbridge Services Group, база которой расположена в Доминиканской республике, а филиалы в Великобритании и Украине (Представитель Центра стратегических инициатив Украины полковник морской пехоты В.Махницкий). До 2011 г. британская ЧВК Halo Trust имела контракты по обучению и разминированию с Грузией. Такой же контракт она имела и в Абхазии. Но в первом случае ее специалисты активно готовили минеров–подрывников, а во втором занимались разведывательной деятельностью.

Практически везде, где британские инструкторы прикладывали свои усилия по тренажу национальных армий, впоследствии возникали военные конфликты. Еще до «майдана» в марте 2011 г. британцы начали подготовку вооруженных сил Украины. С 2012 г. инструкторы из Великобритании возобновили подготовку рейнджеров в Грузии³¹.

В начале 2010–х наблюдается рост влияния транснациональных корпораций на международную военную политику. В 2011 г. завершился идущий со времен М. Тэтчер процесс объединения и формирования крупной оборонной и аэрокосмической компании Rolls–Royce Holdings plc. Британская армия продолжает комплектоваться новейшими инновационными системами — индивидуальными комплектами управления, наблюдения и связи, разведывательными и ударными БПА, легкими самолетами ДРЛО и управления, самолетами комплексной разведки, создаются структуры кибербезопасности. Оружейные корпорации усиливают продвижение своей продукции по всему миру. Британское вооружение, нередко подержанное, появляется в Прибалтике, Скандинавии, Алжире, Индии, на Ближнем Востоке, в Карибском бассейне и Латинской Америке.

³⁰ Коновалов И.П., Валецкий О.В. Эволюция частных военных компаний. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. С. 96, 99–100.

³¹ Терентьев В.О. Военный компонент концепции «Глобальной Британии» // Итоги правления Терезы Мэй. Доклады Института Европы РАН. № 364. М.: Ин–т Европы РАН, 2019. С. 117–126.

В 2011 г. Западом в ходе «арабской весны» был реализован комплексный пакет всех новых видов войн. Начались долгие кровопролитные затяжные конфликты, в которых США и Великобритания успешно продвигают свои экономические интересы. Квинтэссенцией пренебрежения международным правом и его заменой интересами англосаксонского мира стала интервенция в Ливию.

Война в Ливии 2011 г. является в ряде аспектов уникальной и переломной в глобальной политике. Отличием этой войны от предыдущих стало широкомасштабное и комплексное применение политической, информационной и военной агрессии с элементами гибридной и сетецентрической войн. Война в Ливии подтвердила успешность разрабатываемых Западом новых форм и способов достижения политических и экономических целей. Основным проводником интересов агрессора становятся так называемые «повстанцы», ведущие войну против собственного правительства. Они организуются с помощью скрытого финансирования, подкупов, СМИ, «международной поддержки» и представляют собой неквалифицированную массу, своего рода «пушечное мясо», потерями которого можно пренебречь. Постепенно основным международным игроком, реализующим данную концепцию, стала Великобритания, которая в настоящее время смогла занять позицию руководящего и направляющего центра, оставив Соединенным Штатам роль мощной ударной силы³².

Подобные решения впервые были опробованы в XX в. в Югославии, а затем методически отточены в Ираке, Грузии, Ливии, Сирии. Легкость триумфального шествия «арабской весны» и успеха «майдана» на Украине свидетельствует о постановке подобных «революций» на конвейер и формирование набора реализуемых клише в действиях на международной арене и во внутренней политике государства, ставшего объектом влияния.

³² Терентьев В.О. Интервенция в Ливии 2011 г.: британский компонент // Электронный научно–образовательный журнал «История». 2021. № 1 (99). [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://ras.jes.su/history/s207987840013725-6-1> (дата обращения: 11.02.2021).

Великобритания начала военные действия против Ливии еще задолго до начала военной операции. Основное внимание уделялось формированию из «повстанцев» оппозиционной «демократической» армии. С началом военной операции в Ливии во второй половине февраля первыми в бой вступили британские спецслужбы и подразделения спецназначения. 23–24 февраля, еще до знаменитой резолюции ООН, несколько сот спецназовцев из США, Британии, Франции, Катара и Объединенных Арабских Эмиратов высадились в мятежных портах Бенгази и Тобрук для развертывания баз и центров подготовки местных мятежников³³. Сюда же для обучения специальным методам городской войны прибыли и сотни бойцов элитной «пятой колонны» из Триполи. Откровенная ложь британских СМИ и премьер-министра Д. Кэмерона о применении силы М. Каддафи против оппозиции стали поводом для начала антиливийской военной операции. Позже парламентская комиссия выяснила, что это был информационный вброс, направленный на эскалацию уже подготовленной и запущенной военной операции против Ливии³⁴. В информационной войне на первый план вышли т.н. «серая» (искаженная) и конверсивная (перевернутая) информация. Широко использовался подкуп военных и гражданских высоких чинов. Активно действовала «пятая колонна», заблаговременно подготовленная западными специалистами. Важным фактором стало оперативное продвижение на международную политическую арену оппозиционного руководства в качестве легитимного правительства.

Британская риторика официальных заявлений на всем протяжении подготовки и проведения операции против М. Каддафи подменяла понятия «мятежники», «повстанцы», «вооруженная оппозиция» и т.п. словами «мирное население», «собственный

³³ Спецназ США, Франции и Британии высадился в Ливии [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/3539-specnaz-ssha-francii-i-britanii-vysadilsya-v-livii.html>

³⁴ Терентьев В.О. Интервенция в Ливии 2011 г.: британский компонент // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. № 1 (99). [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://ras.jes.su/history/s207987840013725-6-1> (дата обращения: 11.02.2021).

народ», «мирные жители». В каждом британском коммюнике с опорой на резолюцию ООН создавалось впечатление, что армия Каддафи вела боевые действия не с вооруженными мятежниками, наемниками и силами спецназначения ряда иностранных государств, а с беззащитными мирными жителями, гражданским населением. При этом авиация НАТО путем уничтожения «лишала Каддафи возможности использовать боевую технику для нападения на мирных ливийцев» и «выполняла возложенную на нее ООН миссию по защите гражданского населения»³⁵. Подобная риторика широко применяется в настоящее время по освещению событий на Украине.

В действиях НАТО в Ливии обнаруживается успешный опыт формирования многофункциональных сетецентрических систем и новейших военно-технических достижений. Наземные силы были представлены армейскими силами спецопераций, MI-6 и частными военными компаниями (ЧВК). Именно спецназ Британии, как утверждали в Лондоне, вывел Ливию из военного тупика, в котором она пребывала на протяжении месяцев. Указывалось, что «их опыт и поддержка помогли свергнуть Каддафи и захватить столицу»³⁶.

Война в Ливии и усложнение международной обстановки заставили российское правительство пересмотреть ряд положений военной доктрины. С 2013 г. на международную арену вышла ЧВК «Группа Вагнера». В Военную доктрину РФ 2014 г. включен список сценариев, при которых Россия будет мотивирована к военным действиям в отношении других стран. С 2013 г. Россия прекратила участие в учениях BALTOPS, а Великобритания, наоборот, многократно усилила свое военное присутствие на Балтике.

Март 2014 г. — февраль 2022 г. Еще до начала боевых столкновений на Украине Великобритания активизировала свою военную деятельность. Непосредственное присутствие

³⁵ RAF destroys military vehicle depot in Libya [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/news/raf-destroys-military-vehicle-depot-in-libya>; RAF destroys Gaddafi rocket launchers [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/news/raf-destroys-gaddafi-rocket-launchers>

³⁶ Галушко С. Силы специальных операций и война в Ливии. Аналитический доклад. Центр стратегических оценок и прогнозов. М., 2011.

британских войск за рубежом, ранее незначительное, претерпело концептуальное изменение. Выросло военное присутствие Великобритании на учениях во всех регионах мира. С 2013 г. ежегодное количество учений НАТО с участием Великобритании в Балтийском и Черноморском регионах выросло в восемь раз. Среди них учения по коммуникационной устойчивости STEADFAST COBALT, по киберзащите ANAKONDA, учения спецназа TROJAN FOOTPRINT, комплексные учения SIIL всех силовиков Эстонии и боевой группы НАТО под руководством Великобритании, и ряд других. В 2014 г. произошло усиление контингента ВВС НАТО в Прибалтике в 4 раза. С мая 2014 г. ВВС НАТО расширили свое базирование в Прибалтике и приступили к широкому использованию бывшего советского аэродрома Эмари в Эстонии. 18 июня британские ВВС, игнорируя эстонский суверенитет, без предупреждения пролетели над резиденцией посла Великобритании в Таллине в честь официального дня рождения королевы Елизаветы II.

Переворот на Украине 2014 г. стал рубежом в ожесточении отношения НАТО и России. Украину вполне можно признать наиболее удачным антироссийским прокси-проектом англосаксонского мира со времен Афганистана 1979 г. В феврале 2015 г. президент Б. Обама в интервью телеканалу CNN открыто признал роль США в государственном перевороте на Украине, заявив, что США выступили в качестве «посредника» в данном процессе³⁷. После победы «майдана» главную роль на Украине стала играть Великобритания. 22 февраля 2014 г. одним из первых о своей поддержке новых властей Украины заявил МИД Великобритании. 13 марта 2014 г. Великобритания приостановила военное сотрудничество с Россией, в том числе остановила поставки в Россию предметов военного назначения и отменила запланированные совместные военные учения. А 21 июля приостановила действие всех лицензий на поставки оружия, компонентов вооружений и продукции двойного назначения в Россию, а также полностью заморозила всё военное сотрудничество с Россией.

³⁷ Обама признал посредничество США при смене власти на Украине. // Newsru.com. Дата обращения: 2 февраля 2015.

В новой редакции стратегии безопасности Великобритании 2015 года Россия включена в список первоочередных угроз.

США и Великобританией включается ограниченный комплект военного воздействия на Россию. Британская ЧВК Aegis Defense Services берет под охрану президента П.Порошенко, Halo Trust начинает широкий спектр минных операций на Украине. В конфликте на Украине широко представлена и американско-британская ЧВК Northbridge Service Group, в составе которой более 3 тысяч бывших британских военных. «G4S Украина» является официальным украинским подразделением крупнейшей британской ЧВК G4S. Выполняя легальные охранные задачи (в активе — обеспечение Миссии ОБСЕ, делегации ЕС, охрана Президента) компания активно сотрудничает с силовыми структурами Украины и спецслужбами Великобритании и США. В 2021 г. она была куплена американской ЧВК Allied Universal, крупнейшим частным подрядчиком по обеспечению безопасности в США. В результате создана беспрецедентная по размаху и численности транснациональная частная военная компания, интересы которой, разумеется, далеки от мирного и спокойного сосуществования стран и народов. К июлю 2017 г. 44 подданных Великобритании, которые воевали на стороне ВСУ, погибли в ходе конфликта на Донбассе. Большинство из них — наемники ЧВК³⁸. В медиапространстве началась широкомасштабная информационная война против России. Был запущен маховик экономического принуждения. Международные институты, к которым апеллировала Россия, показали недееспособность и зависимость от США и Великобритании. Стартовала подготавливаемая в последние десятилетия постепенная реализация концепции «Глобальная Британия».

В 2015 г. в ответ на «новые угрозы» британским правительством была опубликована новая оборонная стратегия³⁹. В ней

³⁸ Терентьев В.О. Военный компонент концепции «Глобальной Британии» // Итоги правления Терезы Мэй. Доклады Института Европы РАН. № 364. М.: Ин-т Европы РАН, 2019. С. 117–126.

³⁹ National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015. November 2015.

России посвящен отдельный раздел, в котором говорится об «агрессивности» России и сохранении коллективной обороны и безопасности через НАТО. Британские официальные стратегические документы 2010–х гг. все больше напоминают пропагандистские листовки по сравнению с деловыми сухими выжимками обзоров 1990–х. Это говорит о том, что декларируемые в этих документах цели, задачи, способы, также являются продуктом информационной войны, и призваны нести дезинформацию для потребителя, а не реальные намерения и методы.

В практической части оборонной стратегии 2015 г. уже были запланированы военные меры по реализации еще не объявленной концепции «Глобальной Британии». В документе говорится о создании крупных экспедиционных сил, инновационном обеспечении сил спецопераций, запланировано создание штабов обороны на Ближнем Востоке, в Азиатско–Тихоокеанском регионе и в Африке. Резко выросли инвестиции в разведывательные, высокоточные, кибернетические, беспилотные и спутниковые военные программы. 77–я бригада назначена в качестве ведущего соединения «гибридной» войны, а количество операторов по киберугрозам, безопасности и разведке увеличилось.

Резко снизился порог применения ядерного оружия. В п.4.69 отмечено, что Британия может пересмотреть своё обязательство не применять ядерное оружие против стран, разрабатывающих оружие массового уничтожения.

2015 год стал годом беспрецедентного повышения антиросийской военной активности Великобритании и НАТО. Одним из основных способов воздействия на Россию являлась активная и всесторонняя информационная война. В рамках проекта «Army 2020» в апреле 2015 г. в Британской армии была создана 77–я бригада, задачей которой является круглосуточный мониторинг СМИ и социальных сетей, проведение психологических и идеологических операций в социальных сетях, обнаружение и реализация «ненасильственных методов ведения войны». С ноября 2015 г. Великобритания является руководителем многонациональных Объединенных экспедиционных сил (JEF), для сил быстрого развертывания. В состав JEF входят Скандинавские, Прибалтийские страны, Нидерланды, и Исландия. В проект

«туземной армии» под управлением «джентльменов» добровольно втянулись скандинавы и голландцы.

Причиной повышения антиросийской активности стал не только конфликт на Украине, в который были втянуты и Великобритания, и Россия, но и подготовка российской армии к военной операции против ИГИЛ в Сирии. Еще перед началом операции президент Кипра Н. Анастасиадис заявил о готовности разместить российские контингенты на авиабазе в Пафосе и базе ВМС в Лимасоле неподалеку от британской авиабазы Акротири. Однако договор о военном сотрудничестве двух стран, подписанный в ходе визита Владимира Путина на Кипр 26 февраля 2015 г., лишь позволил российским военным кораблям совершать регулярные заходы в кипрские порты. Основной причиной демарша явились пронатовская ориентация кипрского президента, экономическая заинтересованность в европейских инвестициях, а также мощное давление ведущих европейских правительств, включая Великобританию. Так, в 2018 г. Кипр разрешил доступ членов PESCO на авиабазу в Пафосе и военно–морскую базу в Мари. Кроме того, Кипр получил средства Европейского оборонного фонда на модернизацию военной инфраструктуры, которая началась в 2017 г.⁴⁰

С 30 сентября 2015 г. Россия проводит в Сирии военную операцию по борьбе с ИГИЛ. В октябре 2015 г. представители Министерства обороны России и Пентагона обсудили на видеоконференции безопасность полётов над Сирией. Тем не менее, пилотам стран НАТО, участвующим в нанесении ударов по позициям исламистов в Ираке, разрешили открывать ответный огонь в случае атаки российских боевых самолетов. С таким утверждением выступили «Times» и «Daily Star»⁴¹. На следующий день

⁴⁰ Терентьев В.О. Обеспечение королевскими ВВС британских интересов в Сирии (2016–2018 гг.) // Правительство меньшинства Терезы Мэй — год у власти. Доклады Института Европы РАН. № 356. М.: Ин–т Европы РАН, 2018. С. 96–103.

⁴¹ RAF jets cleared to FIRE on Russians — Tornado warplanes can launch missiles if threatened. URL: <https://www.dailystar.co.uk/news/latest-news/469414/RAF-Tornados-missile-Putin-Syria-UK-tensions-strikes-Islamic-State;RAF-ready-to-shoot-down-Russian-aircraft-over-Syria>. URL: <https://www.dailystar.co.uk/news/latest-news/469414/RAF-Tornados-missile-Putin-Syria-UK-tensions-strikes-Islamic-State;RAF-ready-to-shoot-down-Russian-aircraft-over-Syria>.

Министерство обороны Великобритании опровергло это заключение. Подобные психологические качели представляют собой типичный элемент информационной войны⁴².

Расширение и активизация российского присутствия в Сирии послужили причиной возросшего внимания Лондона к этому региону. 2 декабря 2015 г. британский парламент санкционировал действия Великобритании против ИГИЛ и одобрил авиаудары по Сирии, где RAF широко протестировала новинки своего военно-промышленного комплекса⁴³.

На следующий, 2016 г. обострение отношений между Великобританией и Россией продолжилось. С 2016 г. британские ВС появились на территории Балтии в виде компонента JEF, а на Украине, на основе уже идущего теневого тренажа, началась операция Orbital по всестороннему обучению украинской армии для противоборства с Донбассом и Россией.

С 2017 г. в мобильных соединениях Великобритании введено региональное направление подготовки с ориентацией на природно-ландшафтные особенности, где важным направлением считается Российский сектор; увеличена интенсивность разведывательных полетов Королевскими ВВС и расширен спектр военно-технических разведок против России; у границ России проводятся постоянные широкомасштабные маневры, позволяющие постоянно держать в непосредственной близости крупные боевые объединения.

Еще в октябре 2016 г. Великобритания публично признала, что задействовала наступательные кибернетические мощности против ИГИЛ. 27 марта 2017 г. в Соединённом Королевстве был создан Национальный центр кибербезопасности (NCSC). 22 января 2018 г. начальник Генерального штаба генерал Ник Картер призвал разрабатывать новое оружие и готовиться к войне,

thetetimes.co.uk/article/raf-ready-to-shoot-down-russian-aircraft-over-syria-clowvr2sgxw.

⁴² Терентьев В.О. Обеспечение королевскими ВВС британских интересов в Сирии (2016–2018 гг.) // Правительство меньшинства Терезы Мэй — год у власти. Доклады Института Европы РАН. № 356. М.: Ин-т Европы РАН, 2018. С. 96–103.

⁴³ Там же.

в которой картина происходящего, сформированная СМИ, важнее реальных побед⁴⁴. Уже на следующий день Совет национальной безопасности Великобритании принял решение о создании военного подразделения по противодействию «русской пропаганде». Вскоре была сформулирована «Доктрина смешанной безопасности» (The Fusion Doctrine), которая позволяет обосновать любые действия правительства интересами национальной безопасности, которым должны подчиняться государственный аппарат, бизнес, СМИ и институты гражданского общества⁴⁵.

16 апреля 2018 газета через газету «Таймс» США и Британия, впервые официально и публично объявила о «злонамеренной киберактивности» Москвы, хотя еще в январе США выражали недовольство заявлениями Г. Уильямсона⁴⁶.

С осени 2016 г. начинает распространяться термин «Глобальная Британия» (Global Britain). В докладе Палаты общин от 12 марта 2018 г. лозунг «Глобальная Британия» был назван не более чем PR-акцией⁴⁷. Ряд экспертов ставит под сомнение идею расширения международного влияния Великобритании после выхода из ЕС⁴⁸. Тем не менее, в действиях руководства Соединённого Королевства прослеживается намерение выстроить систему политического и военного влияния в Европе и в мире в целом. Анализ действий Королевских ВВС в Сирии (2016–2018 гг.) показал, что концепция «Глобальная Британия» ставит целью обеспечить мировое доминирование над субъектами международного права и общественным мнением с помощью нового типа

⁴⁴ Carter N. Dynamic Security Threats and the British Army. 22.01.2018. URL: <https://www.voltairenet.org/article199481.html>.

⁴⁵ Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, Керчь, 16 мая 2018 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3225910#0.

⁴⁶ Ананьева Е. Сумеют ли США и Британия сделать из России страну-изгой? // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН, 2018, № 2. С. 5–12

⁴⁷ Global Britain. House of Commons Foreign Affairs Committee. 12.03.2018. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmfaaff/780/780.pdf>.

⁴⁸ Кулькова О.С. Место Африки в концепции «Глобальной Британии». Правительство меньшинства Терезы Мэй — год у власти. Отв. ред. Е.В. Ананьева. Доклады Института Европы РАН №356. М., ИЕ РАН, 2018. С. 107–108.

войны⁴⁹. В период 2018–2019 гг. проявилась структура военного компонента во внешней концепции постбрекзит⁵⁰.

В британском Министерстве обороны была разработана новая «Концепция специальных операций» по противодействию РФ и другим государствам, «поскольку миссии против «Исламского государства» в Сирии и Ираке становятся ненужными»⁵¹. В 2019 г. Лаборатория оборонной науки и техники (DSTL) объявила набор психологов, философов, теологов для исследований новых методов ведения психологических войн. Цель проекта — «научиться влиять на поведение человека посредством целенаправленного манипулирования информацией... для сдерживания противников, угрожающих интересам Великобритании»⁵².

Все перечисленные меры согласуются с концепцией «Глобальная Британия», которая предусматривает для Лондона роль «глобального оператора» по формированию мирового политического климата, отвечающего интересам Соединённого Королевства. Апробация эффективности дезинформационных рычагов для управления международной политикой успешно состоялась в 2018 г.⁵³. Медийно–психологическая деятельность Великобритании на постсоветском пространстве ведёт к политической дестабилизации и нагнетанию антироссийской истерии, что полностью соответствует новой концепции. Так, на Украине Британия оказывала широкую финансовую поддержку «независимому

⁴⁹ Терентьев В.О. Обеспечение королевскими ВВС британских интересов в Сирии (2016–2018 гг.) // Правительство меньшинства Терезы Мэй — год у власти. Доклады Института Европы РАН. № 356. М.: Ин-т Европы РАН, 2018. С. 96–103.

⁵⁰ Терентьев В.О. Военный компонент концепции «Глобальной Британии» // Итоги правления Терезы Мэй. Доклады Института Европы РАН. № 364. М.: Ин-т Европы РАН, 2019. С. 117–126.

⁵¹ British special forces to get new mission to counter state actors. The Guardian. 13.06.2019. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2019/jun/13/british-special-forces-to-get-new-mission-to-counter-state-actors>.

⁵² В Великобритании ищут философов и теологов для ведения психологической войны. Зарубежное военное обозрение, № 5, 2019. С. 82.

⁵³ Терентьев В.О. Военный компонент концепции «Глобальной Британии» // Итоги правления Терезы Мэй. Доклады Института Европы РАН. № 364. М.: Ин-т Европы РАН, 2019. С. 117–126.

СМИ» «Громадське радіо»⁵⁴ в рамках проекта по антироссийскому воспитанию молодёжи «Активные граждане Украины» с бюджетом около 1 млн £⁵⁵. Кроме того, указанные меры помогают достигать экономических и политических целей за счёт манипуляций с общественным мнением и устранением «непопулярных» объектов (руководителей, организаций, государств) без оглядки на международные организации и соглашения.

В НАТО разработан и успешно воплощён в жизнь в ряде регионов мира новый тип войны, представляющий собой совокупность информационной, когнитивной и гибридной войн в сочетании с активными или вялотекущими боевыми действиями (в большей степени ВВС и роботехнических комплексов), когда отсутствует ярко выраженная грань между войной и миром. За каждой информационной провокацией, демонизирующей противника, в рамках «защиты демократических ценностей» следуют военные акции, приводящие к гуманитарным катастрофам и политической дестабилизации региона. Подобные условия соответствуют планам концепции «Глобальной Британии», в которой Лондон будет играть роль глобального политического оператора.

Практическая реализация концепции «Глобальной Британии» основана на информационном лидерстве Великобритании, подконтрольности руководителей государств и их «элит», манипулированию «общественным мнением», управлению «гибридными» и прокси-войнами, формированию из множества армий де-юре суверенных государств т.н. «туземных» войск, готовых сражаться под руководством и за интересы британской короны под лозунгами «защиты демократических ценностей». Так, в 2018 г. было отменено условие пятилетнего проживания в метрополии при наборе в британскую армию граждан стран Содружества.

Армия Великобритании представляет собой активный «карательный инструмент», встроенный в систему новой внешней

⁵⁴ См. подробнее: <http://hromadske.radio/en>, «контрпропагандистский» сайт Stopfake.org.

⁵⁵ UK programme assistance to Ukraine 2018–2019. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-programme-assistance-to-ukraine-2018-2019>.

политики, обеспечивающей интересы Соединённого Королевства на мировой арене. Для этого в мирных и военных условиях британское руководство постоянно модернизирует и роботизирует ВС, совершенствует виды вооружения и формы боевой деятельности. Фактически война технологий должна продемонстрировать превосходство британского вооружения над российским.

В начале 2019 г. в Эстонию были переброшены специалисты британского спецназа из 21-го и 23-го резервных полков SAS, которые осуществляют мониторинг «российской активности» и оперативную разведку на границе с Ленинградской и Псковской областями. С конца апреля 2019 г. 1-я постоянная морская группа НАТО, в составе которой находился и британский фрегат «Westminster» с новым радаром и системой РЭБ, осуществляла патрулирование в непосредственной близости от морских границ России на Балтике⁵⁶.

В 2019 г. Королевские ВМС приступили к постоянному «ядерному патрулированию» атомными подводными лодками с баллистическими ракетами на борту⁵⁷.

По военному присутствию на Украине Британия опередила американских коллег, а в ноябре 2018 г. Лондон заявил о намерении повысить уровень своего военного присутствия. В декабре 2018 года разведывательно-десантный корабль Echo был направлен в Чёрное море для обеспечения свободы судоходства, а также для оказания поддержки Украине в российско-украинском конфликте. 9–21 июля 2019 г. в Чёрном море под руководством Королевских ВМС прошли международные учения SEA BREEZE 2019. В октябре 2019 г. прошли британско-украинские учения BBC и BMC WARRIOR WATCHER⁵⁸.

Наращивая свое преимущество в инновационных технологиях, Великобритания усиливает беспилотное и робототехническое

⁵⁶ Терентьев В.О. Британское военное присутствие в Эстонии. 1991–2018 гг. // Вестник Гуманитарного факультета СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича. 2019. № 11. С. 216–222.

⁵⁷ Терентьев В.О. Военный компонент концепции «Глобальной Британии» // Итоги правления Терезы Мэй. Доклады Института Европы РАН. № 364. М.: Ин-т Европы РАН, 2019. С. 117–126.

⁵⁸ Там же.

вооружение, воплощает в жизнь новые космические и противоракетные программы. С 2016 г. активно действует Национальный киберцентр и реализуются наступательные киберпрограммы). Расширяя бизнес в инновационных сферах, в 2014 г. BAE Systems приобрела американские компании Signal Innovations Group Inc. по разведке и безопасности и Silversky по кибербезопасности. А в августе 2020 г. военную GPS-компанию группы United Technologies.

Одним из важных компонентов доминирования Великобритании посредством высокотехнологичных вооруженных сил является освоение и контроль воздушного пространства как сферы единственно возможной технологичной угрозы потенциального противника. С 2017 г. Соединённое Королевство ведёт активную воздушную и морскую разведку на Балтике, а с весны 2018 г. — на Баренцевом море. С сентября 2018 г. — в Чёрном море. С 2019 г. авиация, британская морская пехота и спецназ начали осваивать арктический театр военных действий⁵⁹.

В марте 2021 г. британское правительство опубликовало комплексный обзор «Global Britain in a Competitive Age» и исполнительный документ Министерства обороны Defence in a Competitive Age⁶⁰. В них представлена постбрекзитовская армия «Глобальной Британии», ее цели, задачи, императивы и приоритеты. Основными целями являются: поддержание стратегического преимущества за счет науки и инновационных технологий; формирование Великобританией международного порядка путем работы с партнерами и международными институтами (читай — подконтрольными и управляемыми национальными и международными структурами); укрепление британской безопасности внутри страны и за рубежом; обретение устойчивости Великобритании к новым угрозам внутри страны и за рубежом. Как видно из обзора все главные интересы Великобритании лежат за ее пределами, т.е. главная цель — британский диктат и

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. March 2021; Defence in a Competitive Age. March 2021.

создание неокOLONиальной англосаксонской мировой системы. Россия в документе определена как «наиболее активная, острая прямая угроза».

Основные положения, отличающие обзор — брекзит, пандемия, экономический кризис, «космические войны», «гибридные войны» со стороны России и Китая. Сделан акцент на космос, киберпространство, подводный мир. Практические меры — увеличение ядерных боеголовок с 180 до 260, формирование Космического командования, создание беспилотного истребителя с искусственным интеллектом, оружие направленной энергии, вписываются в общую концепцию глобального доминирования за счет технологий. В Европе Великобритания подразумевается как ведущий член НАТО, в Африке уделяется внимание наиболее динамичным и густонаселенным Нигерии и Кении, в Индо-Тихоокеанском регионе иметь преимущество перед всеми европейскими странами и наибольшее интегрирование со странами Five Eyes. К 2030 г. Великобритания планирует стать «научно-технической сверхдержавой» за счет удвоения финансирования и привлечения мировых ученых и талантов. Важно, что в документе четко и ясно дано понять, что Великобритания продолжит «финансировать инициативы по пониманию и разоблачению угрозы дезинформации и поддержке независимых СМИ, особенно в ближнем зарубежье России». Это говорит о планах по подготовке и инициализации очередных «цветных революций» на постсоветском пространстве и в самой России.

Транснациональные корпорации, находящиеся на пороге глобального кризиса, содействовали возвращению милитаристами США, Великобритании и Евросоюза из украинского национализма векторного антироссийского нацизма в противовес формированию государственной экономики в России и росту левого движения на постсоветском пространстве. На Украине консолидация и нетерпимость украинского народа к коррупции, борьба с олигархами была своевременно перенаправлена на идеологически нового врага — «москалей», которых срочно объявили причиной всех украинских проблем. Большая часть киевского «майдана» вышла протестовать против засилья олигархов во власти, против коррупции и воровства высших чиновников. Эти опасные

для правящей элиты настроения быстро перевели в плоскость межэтнического конфликта между русскими («москалями») и украинцами, доведя столкновения до этнической ненависти и гражданской войны. Неизбежным втягиванием России в войну на Украине одновременно решался вопрос подрыва российской «государственно-корпоративной» экономики и обеспечением массовыми заказами крупных финансовых вливаний в американо-европейский военно-промышленный комплекс (транснациональным корпорациям)⁶¹.

С февраля 2022 г. в глобальном англосаксонском мире Британия все больше стала позиционировать себя как ведущая управляющая, аналитическая, информационная, интеллектуальная система, отдавая США роль ведомой управляемой финансовой, экономической, политической, военной силы. В свою очередь США, подминая под себя интересы НАТО и ЕС, видит в Великобритании иное предназначение. В настоящее время, если учесть все виды современных войн весь мир превратился в театр военных действий. Судя по активности разных форм противостояния англосаксы разделили сферы воздействия: США больше сориентированы на китайско-азиатский сектор, а Великобритания — на российско-европейский. Они рассматривают Россию и Китай в качестве наиболее острых и системных глобальных угроз, в отличие от вялотекущей исламско-фундаменталистской. Прослеживаются все виды противодействия, в т.ч. подготовка прокси-войн и непосредственное участие в боевых действиях. Российско-украинский конфликт является начальной стадией «горячего» противоборства Запада с Россией и Китаем. Несмотря на значительный финансово-экономический вклад США в украинские вооруженные силы, основным «топ-менеджером» европейского сектора англосаксонского влияния является Великобритания. Британские советники управляют политическими, экономическими и военными процессами на Украине, реализуя интересы Лондона через прокси-войну

⁶¹ Овчинников Н.Н., Терентьев В.О. и др. Россия и Украина: история и современность. Краткий конспект лекций. СПб.: Издательство ГУМРФ имени адмирала С.О. Макарова, 2022.

посредством «туземной» украинской армии. Здесь заметны элементы английского управления не только подконтрольной Украиной, но и вооружением «союзников» по НАТО. Великобритания стала первым массовым поставщиком летального вооружения на Украину еще до начала СВО. Военная подготовка бойцов украинской армии проходит непосредственно в Великобритании. Британские заводы освоили выпуск боеприпасов советского типа для украинской артиллерии. Британские самолеты управления, разведки, связи, целеуказания, задействованы в сетевых системах украинской армии, и фактически несут боевое дежурство в приграничных районах с Украиной. Британские спутники наряду с системами США и НАТО обеспечивают информацией украинские штабы и пункты управления. В информационной, кибернетической, психологической и пропагандистской войнах массово задействованы как военные, так и гражданские структуры Великобритании. В глобальной экономической войне Великобритания также является одной из наименее пострадавших стран от антироссийских санкций.

Прослеживается логичная цепочка событий, иллюстрирующая смену стратегических императивов Великобритании. 2006–2016 гг. — осознание, исследования, разработка и реализация отдельных элементов новых видов противостояния (гибридные, кибернетические, сетевые, информационные, прокси и т.п.), позволяющих небольшой высокотехнологичной армии доминировать над массовыми низкотехнологичными армиями; 2016–2018 гг. — формирование и запуск концепции «Глобальной Британии»; 2020 г. — выход из обреченного Евросоюза; 2021 г. — вывод контингента из Афганистана для устранения «горячей точки» задействования войск и концентрации усилий в европейском секторе; 2022 г. — вступление в глобальное противоборство (всеми видами войн) с Россией — этап, к которому Великобритания готовилась с 1993 г.

В настоящее время основными проводниками милитаристской антироссийской политики являются транснациональные корпорации. Многие из них, сохраняя международный характер, свои интересы прочно связывают с интересами англосаксонского мира в целом. Прежде всего это крупнейшая британская

оружейная и аэрокосмическая компания BAE Systems plc. — крупнейший оборонный подрядчик в Европе и седьмой показатель в мире. Она обладает огромным политическим и финансовым ресурсом, позволяющим оказывать практически неограниченное влияние на военную политику Великобритании и США в мире. В свою очередь правительство Великобритании имеет крупную долю в компании, а также «золотую» акцию, что подтверждает широкомасштабное слияние корпоративных и государственных интересов в этой стране. Об отсутствии моральных и этических ограничений говорят регулярные крупные коррупционные и политические скандалы, связанные с BAE Systems⁶². Поведение компании включало «обман, двуличие и сознательные нарушения закона... в огромных масштабах»⁶³. В ходе военных действий на Украине в 2022 году BAE Systems получила рекордные объемы заказов на сумму 44,7 миллиарда долларов⁶⁴.

Не менее ярко на международной арене представлена и еще одна транснациональная корпорация — Rolls-Royce Holdings plc., наследница компании, приватизированной правительством Великобритании в годы «тэтчеризма». Ее интересы уже далеки от элитных автомобилей. Rolls-Royce Holdings является вторым по величине производителем авиационных и морских двигателей и 15-м оборонным подрядчиком в мире. С 2014 г. из-за сокращения расходов на оборону, штрафов, отзывов продукции и пандемии, компания Rolls-Royce Holdings plc. несет регулярные убытки, постоянно сокращая рабочих, а с 2019 г. вынуждена продавать и сокращать подчиненные компании по ядерным услугам и приборостроению. Спасение второй по финансовому

⁶² BAE warning sends share price to 7-year low: News of «additional issues» on two big defence contracts takes market by surprise // Financial Times 12.12.2002; Seven countries where BAE have been undec investigated — Bribing for Britain? // The Guardian. 1.10.2009; BAE in several corruption probes // BBC. 07.02.2007;

⁶³ BAE Systems PLC Pleads Guilty and Ordered to Pay \$400 Million Criminal Fine // US Department of Justice press release. Washington, DC. 1 March 2010.

⁶⁴ The Defense Post: производитель танков Challenger 2 получил рекордный объем заказов в 2022 году // ФАН. 24.02.2023 (<https://riafan.ru/23910356-the-defense-post-proizvoditel-tankov-challenger-2-poluchil-rekordnii-ob-em-zakazov-v-2022-godu>)

уровню оборонной компании Великобритании целиком зависит от новых военных заказов на самолеты и корабли, которые компания планирует получить в ходе восстановления и усиления боевой мощи стран — доноров военной техники Украины. Кроме того, Rolls–Royce после устранения украинского конкурента получила значительные преференции и перспективы по созданию военных двигателей в Китае и в Японии. Как и BAE Systems, Rolls–Royce Holdings постоянно является фигурантом международных коррупционных скандалов.

Целый ряд транснациональных корпораций Великобритании ведет бизнес, связанный с широким спектром разведывательных услуг, оценкой разнообразных угроз, охраной и противодействием, производством средств охраны, обороны, локализации и устранения угроз, поставкой летальных и нелетальных средств защиты, отраслевой подготовкой и обучением. Среди таких компаний яркие международные представители теневого бизнеса военных услуг — ЧВК. Тесное переплетение государственных и частных военных систем, корпораций и организаций, одноподчиненность их политических и экономических векторов развития на доминирование, привели к формированию силового лобби, оказывающего решающее влияние на внешнюю политику Великобритании. Планово запущенный и раскрученный маховик бескомпромиссного военного противостояния Запада с Россией и Китаем остановить уже невозможно и поэтому для России это противостояние является экзистенциальной угрозой.

Информационная война Запада, развязанная во всех СМИ, соцсетях и прочих информационных структурах, имеет основными целями отрезать мировое сообщество от информации из России, фальсифицировать действия России в глазах мирового сообщества, украинского и российского народа, подготовить «цветную революцию». Выполняется с помощью монопольного господства информационных корпораций США и Великобритании над глобальными СМИ и соцсетями. Среди способов информационной войны важное значение приобрела находка британских операторов — инверсионные технологии. Такие технологии заблаговременно представляют собственные намерения, как планы противника, реализацию этих намерений как реакцию

на вражеские планы, а негативные последствия как результат работы неприятеля. Так сфальсифицированная мнимая угроза «русских хакеров» привела в Великобритании к созданию мощнейших кибернетических атакующих структур (запланированных и организованных задолго до широкомасштабного роста киберпреступности). В настоящее время Россия, которую обвиняли в глобальных кибернетических и информационных атаках, ведет оборонительные действия, в основном методом борьбы с фальсификациями на собственном Российском инфополе.

Распад России на множество малых государств, враждующих между собой, с подконтрольными «элитами» и ресурсами представлял и представляет собой основную цель англосаксонского мира⁶⁵. В последнее десятилетие XX века этот процесс активно развивался при поддержке коллективного Запада. Антироссийская политическая тенденция бывших стран Варшавского договора, союзных и автономных республик СССР — не естественные центробежные устремления, формы и виды которых можно усмотреть в ходе распада британской, французской и др. колониальных систем, а целенаправленный, отрежессированный и контролируемый проект. Постепенное замедление центробежных процессов в условиях примирения на Кавказе привели в начале XXI века к активизации новых форм воздействия на Россию со стороны Великобритании. В глобальном англосаксонском мире Британия все больше стала позиционировать себя как ведущая управляющая, аналитическая, информационная, интеллектуальная система, отдавая США роль ведомой управляемой финансовой, экономической, политической, военной силы. Великобритания планировала возглавить НАТО, сделать его активным и наступательным вместо «сдерживающего и оборонительного». В планах британского руководства военное присутствие предполагается быть глобальным⁶⁶. Этому способствовали

⁶⁵ Панарин И.Н. Основы теории «гибридной войны» // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. № 4. С. 58–71.

⁶⁶ Williamson G. Defence in Global Britain. 11 February 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/defence-in-global-britain> (Дата обращения: 25.02.2019).

два основных фактора — окончательное подчинение англосаксонскому финансово-экономическому и политическому диктату всех международных организаций, включая ООН, и выход транснациональных корпораций (в основном англосаксонских) на мировую отраслевую монополизацию. В 2016–2018 гг. идеи доминированию Великобритании оформились в систему «Глобальной Британии».

Концепция «Глобальной Британии», реализуемая правительством Великобритании в последние годы, имеет своей целью политическое и военное доминирование Великобритании в мире посредством манипулирования субъектами международного права и общественным мнением с помощью информационной, конспиративной и гибридной войн в сочетании с активными или вялотекущими боевыми действиями⁶⁷.

Великобритания своими действиями на политической арене, информационной войной и стравливанием народов и общественных групп на постсоветском пространстве спровоцировала Россию на адекватный ответ. В России ЧВК появились на 60 лет позже британских. В условиях откровенной антироссийской лжи, проведении интересов «Глобальной Британии» в Прибалтике, на Украине, в Закавказье России объявлена информационная война, в которой мы вынуждены защищаться. Именно в США и Великобритании были введены и развернуты первые части и соединения информационной войны (77-я бригада, инфовойска SGIS, кибергруппа объединенных сил Стратегического командования и др.). При этом Британия воюет на чужом поле — на территории бывшего СССР, разрушая мир и добрососедские отношения, складывавшиеся в 90-е годы. Великобритания добивается цветной революции в России и ее распада на мелкие недееспособные неокolonии для последующего господства на ее развалинах. Россия вынуждена вступить в бой на своих границах и обороняться в информационной войне, развязанной

⁶⁷ Терентьев В.О. Обеспечение королевскими ВВС британских интересов в Сирии (2016–2018 гг.) // Правительство меньшинства Терезы Мэй — год у власти. Доклады Института Европы РАН. № 356. М.: Ин-т Европы РАН, 2018. С. 96–103.

британскими и европейскими СМИ. Россия не готовит антибританские революции в Ирландии, Шотландии, Уэльсе, не проводит массированные учения близ Эдинбурга или Скапа-Флоу. Россия не отправляла сотрудников разведки и ЧВК для подготовки боевиков в Ольстере, на территории Великобритании, как это делало британское правительство в Чечне в 90-е годы. Поэтому современная Россия имеет полное право на адекватные ответы британским вызовам.

В настоящее время мы являемся свидетелями пятого (и, по-видимому, последнего) раунда британско-российского противостояния, в который вложены все военные, экономические и интеллектуальные ресурсы, наработанный столетиями опыт, проработанные и инновационные способы и методы борьбы. В этом раунде проиграть или выиграть по очкам уже не получится — бой будет идти до полного и окончательного нокаута.

ГЛАВА 21

РОССИЙСКО–БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВАХ КОНСЕРВАТОРОВ В БРИТАНИИ (2010–2023 гг.)

Е.В. Ананьева

Принципы внешней политики Соединенного Королевства неизменны: поддерживать между соперниками баланс сил, разделять и властвовать, объединять и властвовать, поддерживать слабого против сильного, препятствовать формированию коалиции континентальных держав против Британии. Однако методы правительств консерваторов в отношении России становились все грубее, дойдя до острой конфронтации в период СВО России на Украине.

Первый этап — взлеты и падения

При лейбористах отношения России и Великобритании (1997–2010 гг.), в отличие от связей РФ с Германией, Францией или Италией, характеризовались неустойчивостью. Потепление прекратилось в 2002 г. в связи с подготовкой западной коалицией вторжения в Ирак (Москва тогда укрепляла связи с Парижем и Берлином в формате «большой тройки») и обострением проблемы «политических беженцев» из России в Британии¹, но ситуация особенно осложнилась из-за «дела Литвиненко» в 2007 г. и грузино–югоосетинского конфликта 2008 г.

Тем не менее, торгово–экономические связи развивались поступательно.

Экономический кризис 2008–2009 гг. внес коррективы в развитие двусторонних отношений. Внутренняя экономическая и социальная стабильность в Великобритании оказалась под угрозой, и Лондон по прагматическим соображениям пошел на постепенную нормализацию отношений с Москвой (визит министра по делам бизнеса П. Мандельсона в октябре 2008 г.). В ноябре 2009 г. состоялся первый за пять лет визит в Москву министра иностранных дел Д. Милибэнда, и были подписаны три совместных заявления по международным проблемам — Ирану, Афганистану и Ближнему Востоку, однако в двусторонних политических отношениях ситуация по–прежнему оставалась тупиковой².

После всеобщих выборов 2010 г. в Британии было сформировано коалиционное правительство консерватора Д. Кэмерона. Приоритеты правительства во внешней политике были подчинены внутренним задачам преодолеть экономический кризис, снизить дефицит бюджета и государственного долга³. Стремясь предотвратить снижение веса страны в мировой политике и экономике, Лондон использовал традиционную тактику — «ударить сильнее своих возможностей», т.е. пытался задействовать все формальные и неформальные рычаги влияния на международной арене ради своих экономических и иных интересов. Британия намеревалась укрепить отношения со странами БРИКС, в том числе с Россией. Министр иностранных дел У. Хейг говорил дипломатам, что «содействие торговле... должно быть подобно крови, которая протекает по каждому сосуду в организме ведомства»⁴. Россия внимательно следила за процессами в Евросоюзе, на который приходилось более половины ее внешнеторгового

² Громыко Ал.А., Ананьева Е.В. «Российско–британские отношения на современном этапе». РСМД. Рабочая тетрадь. № 19, 2014 г. — 32 С. ISBN 978–5–91891–377–2.

³ HM Treasury. Budget 2011. URL: http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20130129110402/http://cdn.hm-treasury.gov.uk/2011budget_complete.pdf

⁴ Hague W. «The Business of Diplomacy» Speech. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/the-business-of-diplomacy>

¹ Британия укрывала чеченских боевиков (А. Закаева) и др.

оборота, поэтому позиция Великобритании — третьей крупнейшей экономики ЕС — была весьма значима для нашей страны⁵. На этом фоне Лондон желал «перевернуть страницу» в двусторонних политических отношениях, резко ухудшившихся в связи с «делом Литвиненко».

Продолжив практику пятилетних обзоров стратегии национальной безопасности, введенную при лейбористах, правительство в Обзоре 2010 г.⁶ исходило из того, что ни одно крупное государство или группа стран не угрожала Британии нападением с применением обычных вооружений, отсутствовала экзистенциальная угроза ее безопасности, но королевство было уязвимо перед лицом иных угроз — терроризма, кибератак, нападений с применением химического, биологического оружия со стороны как государственных, так и негосударственных игроков, а также природных катастроф.

Попытка коалиционного правительства Д. Кэмерона наладить отношения с Москвой встречала немалое сопротивление в Великобритании. Об этом свидетельствовали, в частности, «письмо пятерых» (четыре бывших британских министров иностранных дел и парламентария от Лейбористской партии накануне визита Д. Кэмерона в Москву в сентябре 2011 г.)⁷, провокационные материалы в СМИ о «списке Магнитского» в 2011 и 2012 гг. и др. По итогам визита была подписана Декларация о партнерстве на основе знаний для модернизации⁸. После визита В.В. Путина в Лондон в августе 2012 г. возобновилось военно-техническое сотрудничество.

⁵ Gross Domestic Product 2013// World Bank. URL: <http://databank.worldbank.org/data/download/GDP.pdf>

⁶ Securing Britain in an Age of Uncertainty: The Strategic Defence and Security Review. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/62482/strategic-defence-security-review.pdf

⁷ McGree S. Cameron told to get tough with Russia // The Sunday Times, 11.09.2011. URL: <http://www.thesundaytimes.co.uk/sto/news/Politics/article773653.ece>

⁸ Декларация о партнерстве на основе знаний для модернизации между Российской Федерацией и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии // Официальный сайт Президента РФ, 12.09.2011. URL: http://special.kremlin.ru/ref_notes/1032

В мае 2012 г. был составлен план политических консультаций между министерствами иностранных дел двух государств: по стратегической безопасности, Ближнему Востоку, правам человека и двусторонним отношениям в свете председательства Великобритании в «Большой восьмерке» и России в «Большой двадцатке». Обе страны, постоянные члены СБ ООН, регулярно обсуждали актуальные международные проблемы (Ближний Восток, Иран, Афганистан). Новым импульсом к нормализации политических отношений стал стратегический диалог в формате «2 + 2» (министры иностранных дел и министры обороны) в марте 2013 г. в Лондоне.

По-прежнему торгово-экономические и инвестиционные связи были мало подвержены политической конъюнктуре. На встрече В.В. Путина с Д. Кэмероном в Сочи в мае 2013 г. обсуждалась идея стратегического диалога по энергетике и энергосберегающим технологиям. Росла взаимная заинтересованность по линии национальных фондовых рынков. В те годы в России работали более 1 тысячи британских фирм (германских — 6 тыс.). РФ занимала 11-ое место в списке импортеров британской продукции, а экспорт в Россию рос быстрее, чем в любую другую крупную страну. Великобритания входила в число основных российских инвестиционных партнеров.

После саммита в Сочи Британия согласилась частично возобновить сотрудничество спецслужб в связи с подготовкой Олимпиады в Сочи. Вместе с тем в политической сфере в двусторонних отношениях возникли серьезные разногласия по сирийской проблеме и Украине. Следует отметить посредничество Д. Кэмерона в переговорах США и России по урегулированию сирийского конфликта (инициатива России и США о созыве международной конференции по Сирии «Женева-2»). Однако в 2013 г. уже после визитов британского премьера в Сочи и Вашингтон У. Хейг на встрече «друзей Сирии» в Иордании заявил, что урегулирование конфликта должно предусматривать уход Б. Асада с поста президента страны⁹. Решение ЕС о снятии эмбарго на поставки

⁹ Britain seeks to lift ban on arming Syrian rebels: Hague // Xinhua, 22.05.2013. URL: http://news.xinhuanet.com/english/world/2013-05/22/c_132401321.htm

оружия оппозиции (май 2013 г.) под давлением Великобритании и Франции в Москве расценили как удар по «Женева–2». Россия и Китай дважды налагали вето на резолюции по Сирии в ООН и не поддерживали иностранное военное вмешательство, исходя из негативного опыта Ирака и Ливии¹⁰.

Второй этап: российско–британские отношения в контексте украинского кризиса 2014 г.

Отношения Британии и России с 2014 г. (государственного переворота в Киеве и присоединения Крыма к РФ) неуклонно переходили от противостояния к конфронтации. Политика консервативных правительств уже не зависела от субъективного фактора — личности главы Кабинета, как это было с Д. Кэмероном, который пытался «перевернуть страницу» в двусторонних отношениях после «дела Литвиненко». Вернее, субъективный фактор стал играть негативную роль по мере ужесточения позиций сменявших друг друга премьер–министров (Т. Мэй, Б. Джонсон, Л. Трасс, Р. Сунак).

Соединенное Королевство способствовало развитию украинского кризиса, активно лоббируя в своих взаимоотношениях с Киевом Соглашение об ассоциации Украины с ЕС¹¹. После государственного переворота на Украине 21 февраля 2014 г., на Совете национальной безопасности уже в марте официальные решения не были приняты, но в прессу попал документ Совета¹². Из него следовало: 1. Лондону не стоит поддерживать торговые санкции против России, а меры ЕС против нее

¹⁰ Ссылаясь на последствия интервенций в этих странах, британский парламент отказался санкционировать военное вмешательство Британии в Сирии, что привело к трениям между Б. Обамой и конгрессом по данному поводу (поскольку ближайший союзник США принял решение в интервенции не участвовать).

¹¹ A Blueprint for Enhancing Understanding of and Support for the EU–Ukraine Association Agreement Including DCFTA in Ukraine // British Embassy in Kyiv, 2013. URL: http://www.stripkyzesveta.cz/public/img/britsky_manual.pdf

¹² URL: <http://www.theguardian.com/world/2014/mar/03/uk-seeks-russia-harm-city-london-document>;

не должны затрагивать доступ россиян к лондонскому Сити; 2. Британия готова ввести визовые ограничения в отношении российских чиновников; 3. Лондон не должен поощрять дискуссии в НАТО о военном ответе на действия русских; 4. Британским властям рекомендовано способствовать работе в ЕС по обеспечению поставок газа на Украину из альтернативных источников; 5. Конкретные угрозы в адрес России должны быть точечными; 6. Необходимо совместно с другими странами выработать меры технической помощи Украине; 7. Следует добиваться отправки наблюдателей ОБСЕ и/или ООН в Крым и на юго–восток Украины. Таким образом, изначально Лондон не собирался сворачивать сотрудничество с Москвой, сохраняя интересы Сити; Кэмерон был посредником между США и Россией по Сирии; сходные позиции наши страны занимали по иранскому ядерному досье.

Однако Британии пожертвовала своими экономическими и политическими отношениями с РФ. Таким образом, даже на этом коротком историческом отрезке видны разнонаправленные повороты правительства и борьба в политическом классе по вопросу об отношениях с РФ. Дальнейшие события изменили многое в этих подходах и привели к резкому ужесточению британской позиции.

Антироссийские санкции

Британия присоединилась ко всем санкциям Евросоюза и «Большой семерки» против России — дипломатического, политического и экономического характера. И в ЕС, и в «семерке» Лондон фактически возглавил разработку мер по снижению энергозависимости от Москвы. Это давняя позиция Британии, которую еще во время «грузинского кризиса» откровенно выразил премьер–министр Г. Браун (2007–2010 гг.): не дать России «накинуть энергетическую удавку» на Европу¹³.

В преддверии президентских выборов в мае 2014 г. на Украине, указав на «попытки России дестабилизировать обстановку,

¹³ Как станет очевидно ниже, Британия неизменно придерживалась линии на снижение зависимости ЕС от российских энергоносителей.

спровоцировать насилие и сорвать голосование», У. Хейг совершил визиты в Молдову, Украину и Грузию. Меры дипломатического давления Лондона на Москву включали отказ представителей правительства и членов королевской семьи посетить Олимпийские игры в Сочи. Кроме того, были отменены запланированные встречи на уровне министерств. Вместе с тем Великобритания в апреле 2014 г. заявила об открытии в России пяти новых визовых центров, чтобы рядовые граждане «не пострадали».

После присоединения Крыма 18 марта 2014 г. Британия приостановила действие лицензий на экспорт военной продукции, продукции двойного назначения в Россию и в третьи страны (если конечная продукция предназначена для России и может быть применена против Украины); отменила военно-морские учения и отказалась от визита корабля Королевского ВМФ в Россию, а также от визитов высших военных чинов; прервала двустороннее военное сотрудничество, за исключением обязательств по международным договорам.

В то время Лондон все же считал контрпродуктивными попытки вооружить украинскую армию или передислоцировать крупные силы НАТО в Восточную Европу. Такую оценку ранее высказывал министр обороны Ф.Хэммонд в Вашингтоне: «Нам следует соблюдать тщательно выстроенный баланс сил. А более агрессивный военный ответ со стороны Запада будет только на руку Путину». Британская разведка предупредила, что не следует вводить войска на Украину, поскольку это может спровоцировать полномасштабную войну с Россией. Хейг заверил парламентариев, что Великобритания «не объявляла торговую войну или бойкот России». В свою очередь министерство торговли заявило, что Россия — важный торговый партнер Британии и что каждая компания вправе принимать решения относительно своих торгово-экономических связей с Россией. Тем не менее, общая атмосфера взаимодействия заметно ухудшилась; ряд британских компаний заморозили или свернули проекты в России, хотя нефтегазовые компании намеревались продолжить бизнес в России (Centrica, владеющая фирмой British Gas. BP). Однако в условиях обострения отношений России и Запада в конце июля

2014 г. Лондон присоединился к секторальным санкциям ЕС в сфере энергетики, вооружений и финансов. Рефреном проходила тема растущей изоляции России.

Мнения в Британии о причинах кризиса и перспективах двусторонних отношений в свете ситуации на Украине

Большинство британских аналитиков сходились во мнении, что из-за украинского кризиса возникла перспектива длительного обострения отношений между Россией и Западом. Одни эксперты указывали на неэффективность санкций, наличие у России законных интересов на Украине, а другие — на нежелательность и недостижимость партнерства с Москвой. Отметим, что парламентский Комитет по отношениям с ЕС, заслушав обе стороны — британских и российских экспертов, дипломатов, политических деятелей, в своем докладе указал, что ЕС и правительство Кэмерона, «как лунатики», вступили в украинский кризис¹⁴.

Несмотря на воинственную риторику Лондона, именно при коалиционном правительстве военный бюджет был сокращен на 9%, но в целом Великобритания отчисляла 2% ВВП на оборонные нужды. Д. Кэмерон в письме странам — членам НАТО, предложил ряд долгосрочных мер для отпора «любой агрессии России» (создание крупной группировки сил НАТО в Польше и Прибалтике, а также иных шагах) и призвал пересмотреть основополагающий акт Россия–НАТО. В октябре 2014 г. Британия направила на учения альянса в Польше под кодовым названием «Черный орел» контингент, самый крупный с 2008 г.

Британцы скептически отнеслись к проукраинским и антироссийским заявлениям правительства и парламента. Однако под воздействием политической конъюнктуры и антироссийских публикаций в СМИ общественное мнение ужесточалось, а крушение малазийского «Боинга» на Украиной 17 июля 2014 г.

¹⁴ House of Lords EU Committee. The EU and Russia: before and beyond the crisis in Ukraine. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/ld201415/ldselect/ldcom/115/115.pdf>

изменило восприятие России. Вместе с тем респонденты опросов не торопились принять сторону властей в Киеве: за финансовую помощь новому украинскому правительству высказались всего 24 % респондентов, а за военную поддержку ему — 13 %¹⁵.

При Д. Кэмероне «перезагрузка» в отношениях России и Великобритании так и не произошла, а украинский кризис стал симптомом глубокого противоречия национальных интересов двух стран в общем контексте противостояния Запада с Россией.

Соответственно, в оборонной стратегии Британии 2015 г., уже при однопартийном правительстве консерваторов, была принята обновленную Стратегию национальной безопасности¹⁶. В ней сказано о «стремлении России подорвать общие международные стандарты сотрудничества»; о том, что «поведение России по-прежнему трудно предсказать», «весьма мала (highly unlikely), но не исключена вероятность того, что Россия может испытать соблазн действовать агрессивно против наших союзников по НАТО»; «мы будем искать пути сотрудничества (cooperating and engaging) с Россией по мировым проблемам, например, угрозе со стороны ИГИЛ». Более того, Британия может пересмотреть свое обязательство не применять ядерное оружие против стран, разрабатывающих ОМУ (в том числе химическое и бактериологическое), в случае необходимости. Программу модернизации ядерного арсенала предполагается завершить к 2030 гг.

Отметим, что в Концепциях внешней политики России 2013 г. и 2016 г., в отличие от Германии, Франции, Италии, Испании, не была упомянута Британия как государство, с которым Москва

¹⁵ Соцопросы: европейцы считают, что СМИ демонизируют Россию // Infox, 16.04.2014. URL: <http://www.infox.sg/politics/frame/socoproxy-evropeycy-schitayut-chto-smi-demoniziruyut-rossiyu/> YouGov Survey Results // YouGov, 04.03.2014. URL: http://cdn.yougov.com/cumulus_uploads/document/69jiethojp/YG-Archive-140303-Ukraine-2.pdf YouGov / Sunday Times Survey Results // YouGov, 25.07.2014. URL: http://d25d2506sfb94s.cloudfront.net/cumulus_uploads/document/ytggo8ho42/YG-Archive-Pol-Sunday-Times-results-140725.pdf

¹⁶ National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015. A Secure and Prosperous United Kingdom. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/478936/52309_Cm_9161_NSS_SD_Review_PRINT_only.pdf

стремилась активизировать взаимовыгодные двусторонние связи. Британия вошла в категорию «США и их союзники»¹⁷.

Россия в противостоянии брекзитеров и бремейнеров

Важным фактором обострения двусторонних отношений стал референдум о членстве Британии в ЕС (23 июня 2016 г.). Накануне референдума сторонники (bremeynery) и противники (brekzitery) участия Британии в европейской интеграции одинаково аргументировали свою позицию выгодой «злокозненной России». Д. Кэмерон и США уверяли, что Россия получит преимущества от ослабления ЕС, а брекзитеры полагали, что Британия выиграет, получив свободу рук в антироссийской политике, которую в Брюсселе пытались смягчить. Брекситеры одержали победу с малым перевесом (52 % : 48 %), и Кэмерон, бремейнер, вышел в отставку. «Европейский вопрос» расколол всю нацию, а противостояние сторон не прекратилось и после референдума.

При премьер-министре Терезе Мэй, которая пыталась для удержания власти балансировать между бремейнерами и брекзитерами, внутривластная и внутривластная борьба сквозь линии межпартийного размежевания лишь обострялась. Бремейнеры обвиняли «русских троллей» в том, что они склоняли британцев голосовать за брекзит. Лидера кампании «Vote Leave» («Голосуй за выход») Б. Джонсона, министра иностранных дел, вызвали в парламентский комитет, где он по-русски ответил «Неэт» на вопрос о вмешательстве России в референдум. Неудивительно, что в других вопросах Б. Джонсон занял активную антироссийскую позицию¹⁸. Позже руководство

¹⁷ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102416644>; Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640. Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451/page/3>

¹⁸ В 2016 г. глава МИДа Б. Джонсон обвинил Россию в причастности к уничтожению гуманитарного конвоя, следовавшего в Алеппо, потребовал призвать Москву к ответственности за массовые убийства мирных жителей в Сирии и поддержал демонстрации возле посольства РФ в Лондоне.

Британии обвиняло Россию в кибератаках и вмешательстве в дела западных государств. В январе 2018 г. министр обороны Г. Уильямсон заявил, что Россия может нанести удар по британским инфраструктурным объектам¹⁹, причем в те дни, когда признал давнее сексуальное домогательство. Сторонники Б. Джонсона обвинили Уильямсона в намерении отвлечь внимание от скандала, а министр обороны — сторонников Б. Джонсона в стремлении осложнить его шансы в борьбе за пост лидера Консервативной партии. Таковы субъективные факторы, которые отражались на отношении к России трех ведущих государственных деятелей: премьер-министра, министров обороны и иностранных дел.

Перворазрядная или ведущая держава?

К объективным негативным внешнеполитическим факторам, от которых правительство Т. Мэй хотело бы отвлечь внимание общественности, следует отнести трудные переговоры с ЕС по брекзиту. Подход в отношении России «сотрудничай, но будь бдительным» (engage but beware)²⁰, который предложила премьер-министр Т. Мэй во время визита в США в январе 2017 г., вылился в политику сдерживания, которую Великобритания лоббировала среди союзников по НАТО и ЕС.

С конца 2017 г. развернулась борьба министра обороны и профильного Комитета парламента с министром финансов за рост военного бюджета вплоть до 3% ВВП (по правилам НАТО — 2%). Полемика касалась статуса страны: быть ей «перворазрядной» (tier-1) или отойти на позиции «ведущей» (leading). «Перворазрядность» предполагает наличие полного спектра военной мощи (ВМС, армии и ВВС), включая ядерные силы. Сторонники роста военных расходов призывали готовиться к войне с Россией, а помощь развитию беднейшим странам перенаправить на

¹⁹ Ананьева Е. Британия крепит оборону. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2018/an113.pdf>

²⁰ UK Prime Minister tells Trump to «engage but beware» of Russia. 27.01. 2017. URL: <http://tass.com/world/927570>

оборону и социальную инфраструктуру. Одновременно страна стала активно подключаться к противостоянию с Россией в киберпространстве вместе с США²¹.

Третий этап — «дело Скрипалей» как точка невозврата

Выделить «дело Скрипалей»²² как начало следующего этапа отношений Россия–Британия позволяет важный фактор — интернационализация проблем в двусторонних отношениях. По мере того, как разворачивалось «дело Скрипалей» с марта 2018 г., прояснялся преднамеренный характер противостояния, в которое Британия втягивала Россию, а затем и коллективный Запад. Исследуя «дело Скрипалей», следует обратиться к внутриполитической ситуации в Соединенном Королевстве, чтобы вычленили объективные и субъективные факторы, личные и национальные интересы, иерархию целей правительства Т. Мэй и коллективного Запада.

Острейшая борьба вокруг брекзита продолжилась и, соответственно, продолжились взаимные обвинения в иностранном вмешательстве: бремейнеров — в финансировании их кампании со стороны Дж. Сороса, брекзитеров — в связях с Россией. Выяснилось, что последние перед референдумом вели кампанию с нарушением правил финансирования и привлекли фирму, связанную со скандально известной «Кэмбридж Аналитика», замешанной в психологической обработке потенциальных избирателей Д. Трампа²³. Ведущие брекзитеры в Кабинете (Д. Дэвис,

²¹ PM speech to the Lord Mayor's Banquet 2017. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-to-the-lord-mayors-banquet-2017>. 13.11.2017; Gibbons K., Haynes D. GCHQ on high alert for major Russian cyberattack. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/gchq-on-high-alert-for-major-russian-cyberattack-q3vofr8mj>. 13.04.2018 (дата обращения: 22.03.2021)

²² Ананьева Е.В., Годованюк К.А. Матрешка «дела Скрипалей» // Современная Европа, 2018. № 3. С. 16–27 DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320181626>

²³ The Brexit whistleblower: «Did Vote Leave use me? Was I naive». URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2018/mar/24/brexit-whistleblower-shahmir-sanni-interview-vote-leave-cambridge-analytica> (дата обращения 25.03.2018).

Б. Джонсон и М. Гоув) грозили отставкой при «мягком брекзите»²⁴. Бреймеры ответили обвинениями брекзитеров в их связях с российской разведкой²⁵.

Дело не только в разногласиях среди тори по брекзиту: правительство постоянно сотрясали неудачи и скандалы²⁶. Неслучайно, консервативная «The Sunday Times» накануне местных выборов опубликовала исследование «о российских ботах, поддерживавших Лейбористскую партию и Дж. Корбина» на выборах 2017 г. В ответ лейбористы напомнили, что партия тори приняла от российских олигархов 800 тыс. ф. ст. качестве пожертвований²⁷.

Отравление Скрипалей в Солсбери мгновенно превратилось в инструмент политической манипуляции правительства. Риторика Мэй о том, что Россия «с высокой степенью вероятности» (highly likely) несет ответственность за покушение, вызывало аналогии с «делом Литвиненко»²⁸. Британия не стала соблюдать

²⁴ Stand up to EU or quit. URL: <https://www.express.co.uk/news/politics/952873/theresa-may-eu-uk-brexit-customs-union-tory-leadership-prime-minister>. 30.04.2018

²⁵ Обвинили миллиардера К. Чандлера, основавшего мозговой центр «The Legatum Institute», который консультировал ведущих брекзитеров в Кабинете — Джонсона и Гоува. *Harding L. Founder of pro-Brexit thinktank has link with Russian intelligence, says MP | World news.* URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/may/01/christopher-chandler-founder-of-pro-brexit-thinktank-has-link-with-russian-intelligence-mp-says>. 01.05.2018

²⁶ «Girls must be saved from going through this hell». URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-5487167/Telford-child-sex-scandal-involving-1-000-Britains-worst.ht>; Britain's «worst ever» child grooming scandal exposed. URL: <https://www.mirror.co.uk/news/uk-news/britains-worst-ever-child-grooming-12165527> (28.04.2018).

²⁷ Russians tried to swing the elections for Corbin. URL: <https://www.thetimes.co.uk/edition/news/exposed-russian-twitter-bots-tried-to-swing-general-election-for-jeremy-corbyn-zffv8652x>. 29.04.2018; «Farcical smear campaign». URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/952726/Labour-John-McDonnell-Russian-bots-Jeremy-Corbyn>. 30.04.2018

²⁸ Доклад, подготовленный в 2016 г. по итогам общественного расследования, также содержал расплывчатую формулировку «президент Путин, вероятно, лично дал приказ убить Александра Литвиненко». Материалы дела, однако, британская сторона засекретила. The Litvinenko Inquiry. URL:

процедуру, предписанную Конвенцией о запрещении химического оружия²⁹, а в качестве мотива покушения указала месть России и лично В. Путина перебежчикам.

Обвинения были основаны на заключении, что Скрипали были отравлены разработанным в СССР боевым отравляющим веществом типа «Новичок»³⁰. Россия официально заявила, что не вела разработки такого вещества, более того, в декабре 2017 г. под международным контролем завершила уничтожение всех запасов химического оружия³¹. Лондон в ультимативной форме потребовал от Москвы признаться в покушении или подтвердить, что Россия утратила контроль над своей химической разработкой. Россия не ответила. Дело не только в форме, но и в абсурдности постановки вопроса Лондоном. Сетования Т. Мэй на «сарказм, презрение и пренебрежение» России в ответ на обвинения³² неудивительны: бездоказательность и логические ошибки формулировок руководства Британии вели в тупик. Джонсон был уличен во лжи³³ относительно России как страны происхождения «Новичка»³⁴. Звучали предположения, что

<http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20160613090324/https://www.litvinenkoenquiry.org/report>

²⁹ Уткин А. «Дело Скрипалей»: международно-правовой аспект // *Международная жизнь*, 2018, № 4. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1999>

³⁰ Секретные данные об этой разработке обнародовал советский химик-перебежчик Вил Мирзаянов, а США запатентовали это вещество в 2015 г.

³¹ США, которые, ссылаясь на нехватку средств (!), добились от ОЗХО продления сроков уничтожения своих запасов до 2023 г.

³² Russia statement — as it happened: Theresa May to expel 23 spies from UK in response to Salisbury poisoning attack. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/westminster-today-live-updates-theresa-may-russia-spy-nerve-agent-pmq-s-rt-brexit-corbyn-a8254931.html>. 14.03.2018.

³³ Boris Johnson: Russia's position in Skripal case is «increasingly bizarre». URL: <http://www.dw.com/en/boris-johnson-russias-position-in-skripal-case-is-increasingly-bizarre/a-43043873>

³⁴ Симптоматично, что интервью с главой лаборатории в Портон Даун, дезавуировавшего Б. Джонсона, провел ТВ канал «Скай ньюс», принадлежащий Р. Мердоку, хорошему знакомому Д. Трампа. Porton Down experts unable to identify 'precise source' of novichok that poisoned spy. URL: <https://news.sky.com/story/porton-down-experts-unable-to-identify-precise-source-of-novichok-that-poisoned-spy-11315387>. Разоблачение лжи Джонсона

провокация с отравлением была спланирована накануне президентских выборов в России с целью дискредитировать В. Путина.

Итогом нагнетания истерии вокруг «дела Скрипалей» стал полный отказ британской стороны от политических контактов на высоком уровне. Последовала взаимная высылка дипломатов, сокращение дипперсонала Британии до численности российского в Соединенном Королевстве, парламент принял «поправку Магнитского» к Законопроекту о санкциях и противодействии отмыванию денег, закрыт Британский совет и др. меры. Пострадали хрупкие политические отношения: свернуты те немногие каналы, которые позволили бы постепенно восстановить диалог, практически замороженный с 2014 г.

В связи с «делом Скрипалей» правительство выделило дополнительные ресурсы на новые подлодки и объявило о новой государственной доктрине «Сопряженной безопасности» (Fusion Doctrine). Лондон преднамеренно исходил из «оценок» разведки (а не объективных данных! — *Авт.*) ради скорой ответной реакции³⁵, укрепляя в противодействии России межведомственную координацию и объединяя все ресурсы — экономические, военные, технические, дипломатические — на всех международных площадках.

Внешиполитические аспекты «дела Скрипалей»

Тогда же в апреле 2018 г. правительство Т. Мэй инцидентом в Солсбери обосновало в ООН совместный с США ракетный удар по Сирии³⁶. Пока Москва пыталась доказать свою непричастность

может быть связано с «русским досье» на Трампа, которое составили для Демократической партии США бывшие сотрудники британской МИ-6, с возможным привлечением С. Скрипаля. См. *Ананьева Е.* Крейг Мюррей: версия по «делу Скрипаля». URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19540>

³⁵ National Security Capability Review, 2018: 10–11; House of Commons Defence Committee. Oral evidence: Modernising Defence Programme, 2018, Q225. (дата обращения: 22.03.2021)

³⁶ U.S. calls nerve gas poisoning of spy in Britain «Russia's crime» as UN ambassador Nikki Haley warns VX gas could be used in NEW YORK next. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-5501649/Nikki-Haley-calls-Salis>

по одному обвинению, Запад совершал новые провокации и налагал следующие санкции на Россию. Польша призвала Германию отказаться от проекта «Северный поток–2». Однако и Германия, и Финляндия выдали разрешения на его строительство.

Т. Мэй не удалось заставить партнеров по ЕС объявить новые экономические санкции: подобные решения принимают консенсусом, а Греция, Австрия и Италия на них не согласились. Страны ЕС ограничились высылкой дипломатов, причем некоторые и вовсе отказались от нее. Как и год назад, Б. Джонсону не удалось на встрече министров иностранных дел «Большой семерки» добиться того же. Договорились «лишь» о создании «группы по наблюдению за пагубным поведением России»³⁷. Безусловно, ничего хорошего ее деятельность не сулила, хотя итоги встречи свидетельствовали о том, что Лондон не смог добиться своих целей в полном объеме.

Великобритания вынесла инцидент на обсуждение в Совет Безопасности ООН. Лондон пошел на максимальную политизацию и интернационализацию вопроса, заявив, что расценивает трагедию в Солсбери как акт неправомерного применения силы против Соединенного Королевства — нарушение ст. 2 Устава ООН. По словам постпреда Британии в ООН, Россия не предоставила ОЗХО информацию о разработках «Новичка», тем самым нарушив КЗХО. Обвинения были серьезны: в совместном заявлении США, Британии, Франции и Германии речь шла о «применении боевых ОВ в Европе впервые со времен Второй мировой войны»³⁸.

bury-nerve-agent-attack-Russias-crime.html. 14.03.2018. (дата обращения: 22.03.2021)

³⁷ G7 foreign ministers unite in condemning Russian behavior. URL: <http://www.euronews.com/2018/04/22/g7-foreign-ministers-to-discuss-russia-sanctions-not-on-agenda>

³⁸ Salisbury attack: Joint statement from the leaders of France, Germany, the United States and the United Kingdom. 15 March 2018. URL: <https://www.gov.uk/government/news/salisbury-attack-joint-statement-from-the-leaders-of-france-germany-the-united-states-and-the-united-kingdom>

Обвинения России в применении «Новичка» совпали с заявлениями Запада о применении химического оружия в Сирии³⁹ в г. Дума⁴⁰. США, Великобритания и Франция обвинили в произошедшем сирийское правительство. Мир был поставлен на грань войны в ночь с 13 на 14 апреля, когда, не дождавшись расследования ОЗХО, коалиция США, Британии и Франции нанесла ракетные удары по Сирии. Фактически они саботировали работу ОЗХО. Внутри Британии аналогии с «делом Скрипалей» очевидны — Т. Мэй вновь заявила, что с «высокой степенью вероятности» правительство Б. Асада стоит за применением химического оружия. Парламент и сама партия тори вновь разделились. Согласно опросам, только 22 % населения Британии поддержали решение Т. Мэй о ракетных ударах в Сирии⁴¹.

Помимо соперничества с Россией на Ближнем Востоке, эти страны ставили долгосрочную цель расшатать инструмент вето в СБ ООН. Так, еще ранее в одном из вариантов реформы ООН было предложено отменить право вето в случае «массовых злодеяний». В связи с «химатакой» в г. Дума западные страны были намерены ввести в действие резолюцию «Единство ради мира» (1950 г.), известную также как «План Ачесона». Она позволяет вынести вопрос на чрезвычайную сессию ГА ООН в случае отсутствия единогласия в СБ ООН⁴². Среди предложений по реформе ООН есть и неприменимость права вето в случае «массовых зверств». Примечательно, что в те же дни в Комитете по обороне Палаты общин предложили отказаться (abdicate) от права вето в СБ ООН⁴³.

³⁹ В 2014–2016 гг. весь химический арсенал Сирии был уничтожен, что подтвердила ОЗХО.

⁴⁰ Врачи сообщили о 70 жертвах возможной химической атаки в Восточной Гуте. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-43686331>

⁴¹ Parliament and UK public split over decision to bomb Syria . URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/14/parliament-and-public-split-over-theresa-may-decision-to-support-airstrikes-against-syria>

⁴² Uniting for peace. URL: [http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/377\(V\)](http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/377(V)).

⁴³ Defence Committee. Oral evidence: Modernising Defence Programme, HC 818. 17 Apr 2018. URL: <http://data.parliament.uk/writtenevidence/committeeevidence.svc/evidencedocument/defence-committee/modernising-defence-programme/oral/81601.html>

Подразумевалось, что Россию в долгосрочном плане могут попытаться лишить права вето⁴⁴.

Ответ на «российскую угрозу» служил объединяющим началом для британской политической элиты и партии тори, разделенной по вопросу о брекзите. Скандал с отравлением на время отодвинул на второй план новости о переговорах по брекзиту⁴⁵. Консолидированная позиция практически всех партий страны — Великобритания должна жестко ответить России. Бремейнеры заявляли, что Британия должна остаться в ЕС, поскольку она сильнее с союзниками⁴⁶. На волне скандала вокруг «дела Скрипалей» рейтинг партии тори и Т. Мэй немного поднялся. В целом позицию Т. Мэй по «делу Скрипалей» британцы одобрили⁴⁷. Лидер лейбористов Дж. Корбин призвал подождать с выводами о вине России, но под нажимом однопартийцев поддержал общую линию, хотя затем вновь призвал не спешить с обвинениями, которые могут привести к холодной войне⁴⁸. Редакционная статья в «Таймс» от 13 апреля была озаглавлена «Путин — изгой»⁴⁹, в интервью с С.В. Лавровым журналист в утвердительной форме отметил: «Ваша страна превратилась в изгоя». Цель США и Британии в отношении России,

⁴⁴ Реформа ООН требует согласия всех постоянных членов ООН, и Россия может наложить вето на реформу, но попытки дискредитировать РФ симпатичны.

⁴⁵ Крамаренко А. Переговоры по брекзиту: первые итоги // Международная жизнь, 2018, № 4. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2002>

⁴⁶ Salisbury nerve agent attack shows why we must stop Brexit, Lib Dems to say. URL: <http://metro.co.uk/2018/03/19/salisbury-nerve-agent-attack-shows-must-stop-brex-lib-dems-say-7398345/>

⁴⁷ Political Polling 13th March 2018. URL: <http://opinion.co.uk/political-polling-13th-march-2018/>

⁴⁸ Russian spy: Labour row over Jeremy Corbyn's position. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-43424867>; The Salisbury attack was appalling. But we must avoid a drift to conflict. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/mar/15/salisbury-attack-conflict-britain-cold-war>

⁴⁹ Pariah Putin. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/pariah-putin-22k76g3x2>. 13.04.2018

по определению В.С. Лаврова, — «геноцид посредством санкций»⁵⁰.

Выводы:

Очередной виток обострения российско–британских отношений — закономерное следствие политики Кабинета консерваторов по демонизации России и ее руководства с 2014 г. Главный отличительный признак солсберийского инцидента от «дела Литвиненко» — стремление Великобритании превратить двусторонние претензии в международный скандал.

Интерпретация инцидента как неправомерное применения силы против Соединенного Королевства — нарушение ст. 2 Устава ООН — беспрецедентное событие для послевоенной истории и в отношениях между странами — постоянными членами СБ ООН. Цель бездоказательных обвинений в адрес России — не только дискредитация России, но и ее делегитимация в качестве члена СБ ООН, чтобы действия стран Запада в нарушение Устава ООН и без санкции Совета Безопасности воспринимали в мире как морально оправданные и легитимные. Пока Россия будет пытаться доказать свою непричастность по одному обвинению, США и Британия будут совершать новые провокации и налагать новые санкции на Россию.

Призыв Лондона к союзникам по НАТО и ЕС «проявить солидарность» можно объяснить не только желанием дискредитировать Россию, но и стремлением повысить свою роль на международной арене. Максимальная политизация и интернационализация инцидента в Солсбери — своеобразная апробация концепции «Глобальной Британии»⁵¹, которую Лондон тогда

⁵⁰ Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова для «Би–Би–Си», Москва, 16.04. 2018. URL:http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/3172318. Была показана лишь треть интервью. Полный текст опубликован на сайте МИД РФ.

⁵¹ Годованюк К.А. «Глобальная Британия» в преддверии брекзита». Монография. Доклады Института Европы № 373. М.: Ин–т Европы РАН, 2020. — 160 С. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report62020_373

еще только начал формулировать. Заручившись поддержкой США, Лондон позиционировал себя как своеобразного «объединителя» Европы. Полное сворачивание политического диалога с влиятельным международным игроком в лице России создавало ложное ощущение усиления международного авторитета Великобритании в условиях «геополитической дезориентированности» накануне брекзита. в свете брекзита Соединенное Королевство пыталось сохранить свою роль не только в структуре НАТО, но и в так называемой «европейской армии» (самой идее которой Британия противилась до референдума), а также влияние на европейском континенте.

«Дело Скрипалей» стал тактическим ходом британского Кабинета, чтобы отвлечь внимание британской общественности от неудачных переговоров по брекзиту. Британия использовала «дело Скрипалей», чтобы нарастить военную мощь, которая в своей ядерной составляющей находится в зависимости от США.

Россия во внешней политике Британии при Б. Джонсоне, Л. Трасс и Р. Сунаке

В премьерство Б. Джонсона антироссийские позиции правительства ужесточились, что, однако, не препятствовало бремейнерам продолжать обвинять брекзитеров в связях с Москвой. Джонсон исключил из партии 20 своих политических противников, которые, пока оставались депутатами, составили под эгидой парламентского Комитета по разведке доклад «Россия». К его подготовке уже не были привлечены ни российская сторона (даже противники «режима Путина»), ни британские ученые или дипломаты — только личности, известные своей яркой антироссийской позицией. Цель бремейнеров оставалась прежней — дискредитировать брекзитеров связями с Россией, что, впрочем, доказать не удалось⁵². Соответственно, премьер–министр

⁵² Intelligence and Security Committee of Parliament. 21 July 2020. Russia. Available at: <https://docs.google.com/a/independent.gov.uk/viewer?a=v&pid=sites&srcid=aW5kZXBlbnRlbnQuZ292LnVrfGlzY3xneDo1Y2RhMGEyN2Y3NjMoOWFl>; Ананьева Е.В. Дискурс о России в борьбе брекзитеров и

задерживал публикацию доклада, пока не прошли парламентские выборы 2019 г., на которых тори получили большинство под лозунгом «Завершить брекзит».

Правительство Джонсона 16 марта 2021 г. обнародовало новую версию стратегии национальной безопасности Британии «Комплексный обзор безопасности, обороны, развития и внешней политики "Глобальная Британия в эру конкуренции"»⁵³. В документе были объединены не только сферы безопасности и обороны, как раньше, но вместе с ними в единую концепцию впервые напрямую включены сферы помощи развивающимся странам и внешней политики, а концепция «Глобальная Британия» получила доктринальное оформление.

Еще осенью 2020 г. в условиях пандемии правительство Б. Джонсона решилось резко увеличить дефицит бюджета и государственный долг⁵⁴ ради беспрецедентного с окончания холодной войны повышения военных расходов и модернизации ВС. Сознывая, что Британия уже не относится к крупнейшим странам мира, Джонсон желал, чтобы она имела достаточный вес, чтобы определять, куда «склонять чашу весов».

Долгосрочная задача, которую ставило перед собой правительство — успешно справиться с новыми формами экономической, технологической и геополитической конкуренции. В то время Лондон считал маловероятным возврат к блоковому

бремейнеров в Британии // Вестник Удмуртского университета. Серия Политология и международные отношения. 2020. Т. 4. № 4. С. 438–444. DOI: <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2020-4-4-438-444>; Ананьева Е.В. Россия в стратегии национальной безопасности Британии // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2021. Т. 5, вып. 4. С. 453–459. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2021-5-4-453-459>; <https://journals.udsu.ru/sociology/article/view/6466/5800>

⁵³ Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. Global Britain in a competitive age. URL: [Global Britain in a competitive age \(publishing.service.gov.uk\)](https://www.gov.uk/government/uploads/attachment_data/file/98422/global-britain-in-a-competitive-age.pdf) (дата обращения: 22.03.2021)

⁵⁴ Sunak R. (2020) Spending Review 2020 speech. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/spending-review-2020-speech> (accessed 25.11.2020); Prime Minister's article in the Financial Times: 18 November 2020. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/prime-ministers-article-in-the-financial-times-18-november-2020> (дата обращения: 22.03.2021)

противостоянию времен холодной войны, однако исходил из того, что идеологическое противостояние между политическими системами (демократия vs авторитаризм) усилится. Стратегическая цель — объединить вокруг себя страны-единомышленники и сформировать новые «правила игры» ради «защиты демократических ценностей», поиска новых форматов и норм «глобального управления». Важнейшее место в новой стратегии отведено фактору «жесткой силы». Министр обороны Б. Уоллес анонсировал «крупнейший сдвиг со времен окончания холодной войны» в оборонной стратегии⁵⁵.

В Обзоре 2021 г., как и в предыдущем 2015 г. отмечено, что Британия может «пересмотреть обязательство не использовать ядерное оружие» в отношении неядерного государства, если от него будет исходить угроза ОМУ (химического или бактериологического), приравнивая к ним и «технологическую угрозу, которая может нанести сравнимый урон»⁵⁶; объявлено было об увеличении количества ядерных боеголовок с 180 до 260 единиц. Именно участие в клубе ядерных держав Лондон считал своим ценнейшим активом, что позволяло ей подчеркнуть свое привилегированное положение в Европе. Соединенное Королевство исходило из того, что в условиях острого международного геополитического и геоэкономического соперничества повышается роль средних держав (*middle powers*), которые могут изменять баланс сил, формируя новые партнерства при совпадении оценки общих угроз. В качестве главных государств-угроз международной безопасности и причин ослабления действующего международного порядка были определены Россия, Иран и Северная Корея. В Комплексном обзоре РФ была квалифицирована как «острая (*acute*) угроза». Позже правительство опубликовало вторую часть Обзора — «Оборона в эру конкуренции» с еще более жесткими формулировками: «Россия продолжает

⁵⁵ Britain's Armed Forces are adapting to face tomorrow's threats. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2021/03/20/britains-armed-forces-adapting-face-tomorrows-threats/> (дата обращения: 22.03.2021)

⁵⁶ The Integrated Review ...

представлять величайшую ядерную и военную угрозу европейской безопасности»⁵⁷.

На Евроатлантическом направлении Британия существенно повысила ставки, заявив о готовности совместно со странами НАТО сдерживать «ядерные, обычные, а также гибридные угрозы со стороны РФ», укреплять обороноспособность Северного и Южного флангов, а также формировать оборонные альянсы с отдельными европейскими странами. Россия была объявлена угрозой интересам Британии в Европе (Северной и Южной), в Восточном Средиземноморье, Арктике и на Ближнем Востоке. Лондон дополнил привычный список претензий в адрес Москвы (попытки вторгнуться в морское и воздушное пространство, киберугрозы, химическая атака, вмешательства и дезинформационные кампании), новыми обвинениями в возможных нападениях на «подводную инфраструктуру». Своей задачей как важнейшего трансатлантического коммуникационного «узла» правительство считало защиту волоконно-оптических кабелей рядом с ее территорией, анонсировало строительство новой субмарины. Помимо этого, Великобритания планировала обеспечить постоянное присутствие своих ВМС в арктическом регионе. В 2021 г. британская ударная группа во главе с авианосцем *Queen Elizabeth* была развернута в Средиземном море, Персидском заливе, а позже провела маневры в Индо-Тихоокеанском регионе. Британия стала проявлять повышенный интерес к Индо-Тихоокеанскому региону. Лондон «поворачивал в Азию» с осторожной оглядкой на Китай («систематический конкурент», «наиболее значительный геополитический фактор»).

США и Британия 10 июня 2021 г. подписали Новую Атлантическую хартию, важным последствием которой для российско-британских отношений стало заявление Вашингтона и Лондона о намерении защищать свободу судоходства и воздухоплавания,

⁵⁷ Defence in a competitive age. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/971859/_CP_411_-_Defence_in_a_competitive_age.pdf (дата обращения: 22.03.2021).

не говоря уже о борьбе с авторитаризмом⁵⁸, Документ по названию перекликается с соглашением 1941 г.⁵⁹ Основной посыл — не только мировой порядок должен быть «основан на правилах» (эвфемизм Запада), но и глобальная экономика, то есть в ущерб международному праву⁶⁰. Совместная задача США и Британии — отстаивать принципы «свободы навигации и полетов, а также иное законное международное использование морей». Через 2 недели 23 июня 2021 г. Британия устроила провокацию в Черном море с заходом эсминца «Дефендер» в территориальные воды России в районе Крыма.

Суть — Британия не собирается замыкаться в себе или ограничиться узкими горизонтами региональной внешней политики. Не только Евро-Атлантика, но и Индо-Тихоокеанский регион (новый термин с подачи Запада) объявлены зоной стратегических интересов Соединенного Королевства.

Совместная провокация США и Британии с эсминцем «Дефендер» накануне военных учений НАТО *Sea Breeze* укладывается в формулировки Стратегии национальной безопасности России, в которой были отмечены «геополитические изменения негативного плана», усиление военных опасностей и военных угроз Российской Федерации, попытки силового давления на Россию, активизация разведывательной деятельности, отработка применения против Российской Федерации крупных военных формирований и ядерного оружия, рост опасности перерастания

⁵⁸ The New Atlantic Charter. <https://www.gov.uk/government/publications/new-atlantic-charter-and-joint-statement-agreed-by-the-pm-and-president-biden/the-new-atlantic-charter-2021>

⁵⁹ Атлантическая хартия 1941 г. — один из основных документов антигитлеровской коалиции. Президент США Ф.Д. Рузвельт и британский премьер У. Черчилль приняли в августе 1941 г. до вступления США во Вторую мировую войну. Позже, 24 сентября 1941 года, к хартии присоединились СССР и другие страны. Атлантическая хартия заложила основы создания ООН, а также послевоенного миропорядка. Хартия также стала основой «особых отношений» США и Британии в области разведки и безопасности.

⁶⁰ См. *Лавров С.О* праве, правах и правилах. <https://globalaffairs.ru/articles/o-prave-pravah-i-pravilah/>

вооруженных конфликтов в локальные и региональные войны, в том числе с участием ядерных держав⁶¹.

Лондон укреплял трансатлантические отношения, а также увеличивал свой вес в НАТО в качестве противовеса выходу из Евросоюза, США «вернулись» в Европу, и новые провокации не были исключены.

Переход к открытой конфронтации с Россией

После начала СВО России на Украине в феврале 2022 г. Британия стала второй после США страной по объему финансовой и военной помощи киевскому режиму. Внутри страны политический истеблишмент уже был консолидирован на антироссийской платформе⁶². Лондон принял беспрецедентные санкции против России, а Москва включила Великобританию в перечень недружественных стран⁶³.

⁶¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>

⁶² Лидер лейбористов К. Стармер пригрозил исключить из партии 11 депутатов-лейбористов во главе с Дж. Корбином (своим предшественником), если они не отзовут свои подписи под воззванием «Остановить войну». Подписи депутаты отозвали, а К. Стармер заверил НАТО в неизменной приверженности Лейбористской партии альянсу.

⁶³ Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2022 № 95. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203050062?index=4&rangeSize=1>. Документы — Правительство России. Распоряжение от 5 марта 2022 года №430-р. URL: <http://government.ru/docs/44745/>. *Ананьева Е.В., Годованюк К.А., Охошин О.В.* Глава 4.4. Британия / Этап специальной военной операции на Украине. Анатомия антироссийской политики в Европе: [монография] / [А.А. Громыко (рук.), А.С. Айвазян и др.]. ДИЕ РАН, № 390, М., 2022 г. С. 126–135. ISBN 978–5–98163–186–3. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/report42022-390>; *Тимофеев И.Н.* Политика санкций Британии: институциональные механизмы и российское направление. Современная Европа, 2022, № 4. С. 22–36. DOI: 10.31857/S0201708322040027. EDN: gipbju; *Годованюк К.А.* Украина в контексте внешнеполитических интересов Великобритании. Постсоветские исследования. 2021; 4(5): 427–434. DOI: 53535/2618–7426_2021_5_427

Скандалная отставка Б. Джонсона привела на пост премьер-министра Л. Трасс, которая продолжила политическую и военную поддержку Украины. Вопреки традиции, первый телефонный разговор Трасс провела не с президентом США, а с президентом Украины В. Зеленским, что много говорило о политике Трасс, которая заявила о важности «успеха Украины и поражения России». Она считала, что границы России должны быть в пределах до 2014 г., то есть без Крыма.

Деятельность Трасс на посту министра иностранных дел и риторика в период борьбы за пост лидера партии тори свидетельствовали о том, что она будет и в должности премьер-министра занимать жесткие позиции в отношении России. Если вспомнить визит Трасс в Москву в начале 2022 г., то министр иностранных дел С. Лавров охарактеризовал переговоры с ней, как «разговор глухого с немым», отметив ее нежелание идти на компромиссы или учитывать мнение других, что не укрепит позиции Британии на международной арене. Следует отметить ее низкий профессионализм, когда она заявила, что Украина древнее государство, которое пережило нападения от монголов до татар, что Британия никогда не признает суверенитет России над Ростовской и Воронежской областями или что Британия будет помогать союзникам в Прибалтике через Черное море. В правление Трасс 26 сентября 2022 г. произошел взрыв на газопроводах «Северный поток–1» и «Северный поток–2», сразу после которого Трасс направила смс-сообщение госсекретарю США Э. Блинкену «дело сделано».

Преемником Трасс стал Р. Сунак, который также свой первый телефонный разговор провел с президентом Украины В. Зеленским, обещая поддержку, но без конкретики. Президенту США Дж. Байдену он позвонил во вторую очередь. 29 октября уже в его премьерство в Минобороны России сообщили о том, что специалисты ВМС Великобритании, готовившие атаку ВСУ на Севастополь, причастны к подрыву газопроводов «Северный поток — 1» и «Северный поток — 2»⁶⁴. Министерство обороны

⁶⁴ Журналист В. Корнилов обратил внимание на доклад 2017 г. об уязвимости королевства в случае диверсий против трансатлантических кабелей тогда еще начинающего политика Р. Сунака. См. *Корнилов В.* Британия

Британии поспешило опровергнуть свою причастность к этим инцидентам. Однако МО РФ не стало бы выпускать свое заявление, руководствуясь лишь принципом «highly likely». **В МИД России прорабатывали.**

31 октября посольство РФ в Лондоне сообщило, что Великобритания, депозитарий Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия (КБТО), поддерживает попытки Вашингтона и Киева заблокировать принятие в Совете Безопасности ООН решения о запуске механизма международного расследования в связи с военно-биологической деятельностью США на территории Украины. Снова приходится констатировать, что отношения с Британией лишь обостряются.

В должности главы кабинета Сунак сначала не намеревался идти на уступки ни министерству обороны, ни госслужащим (медработникам, учителям, пожарникам, миграционной службе), которые проводили забастовки, невиданные со времен М. Тэтчер. Дыра в государственном бюджете составляла 50 млрд. ф. ст. В конечном итоге Сунак уступил министерству обороны, ужесточив меры против забастовок.

Положение Британии в 2023 и 2024 гг., согласно прогнозу МВФ⁶⁵, будет худшим среди стран «Большой семерки»: экономический рост в 2023 г. уйдет в минус (-0,6%) и в 2024 г. составит 0,9% ВВП наравне с Италией, Японией и чуть ниже США (1%).

Возвращаясь к проблеме обороны и внешней политики, отметим, что, вступив в должность, Р. Сунак первый звонок сделал В. Зеленскому и только во вторую очередь — президенту США Дж. Байдену. Британия продолжила обучать украинских военнослужащих (программа «Orbis»), оказывает политическую

создает casus belli. 31.10.2022 <https://ria.ru/20221031/britaniya-1827925806.html>. Sunak R. Policy Exchange — Undersea Cables: Indispensable, insecure. <https://policyexchange.org.uk/publication/undersea-cables-indispensable-insecure/>; Минобороны обвинило ВМС Британии в подрыве «Северных потоков» — поиск Яндекса по видео. URL: <https://yandex.ru/video/preview/10728800580461510318>

⁶⁵ Inflation Peaking amid Low Growth. <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2023/01/31/world-economic-outlook-update-january-2023>.

поддержку на международной арене. Британия вышла на второе место после США по военной помощи Украине.

Однако в Британии армия и депутаты отмечают, что концепция военного строительства устарела, поскольку она была разработана с учетом двух кампаний в пустынных местностях — в Ираке и Афганистане (причем дорогостоящих). Соответственно, ВС остались недоукомплектованными вооружениями и боеприпасами для конвенциональной войны в Европе, о чем не затихает полемика в стране.

Р. Сунак «обновил» принятую при Джонсоне Стратегию национальной безопасности (уже упомянутый Комплексный обзор 2021 г.). Потребность в новой редакции документа у Лондона возникла в связи с началом СВО России на Украине. К тому же, под влиянием Вашингтона Британия ужесточила позицию в отношении Китая, что потребовало скорректировать формулировки. Обновить (refresh) его собирались и Джонсон и Трасс, но не успели.

Стратегия («Обновленный комплексный обзор»)⁶⁶ была обнародована 13 марта, в тот же день, что Р. Сунак прибыл в США, чтобы участвовать в саммите членов альянса AUKUS (Австралия, Британия, США — «Аукус»). В чем же суть стратегии?

Приоритеты стратегии — противодействие фундаментальному риску, который якобы представляет Россия для европейской безопасности. Великобритания также «будет адаптировать наш подход к Китаю, чтобы справиться с эпохальным вызовом, порожденным все более тревожной военной, финансовой и дипломатической деятельностью Коммунистической партии Китая». Лондон обозначает Китай как вызов — стремясь снизить свою зависимость от Поднебесной в стратегических отраслях промышленности, технологической инфраструктуре и цепочках поставок и одновременно повысив свое присутствие в ИТР, где возможный военный конфликт будет иметь «глобальные последствия, более серьезные, чем конфликт на Украине».

⁶⁶ Integrated Review Refresh 2023: Responding to a more contested and volatile world. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/integrated-review-refresh-2023-responding-to-a-more-contested-and-volatile-world>.

Новизна стратегии состоит в том, что, несмотря на активную вовлеченность Британии в поддержку киевского режима, Лондон намерен превратить свой «индо-тихоокеанский поворот» (pivot) в «Индо-тихоокеанскую позицию» (posture), поскольку она обязуется бороться с «величайшей и долгосрочной угрозой» мировой экономике и Западу: Китаем.

Великобритания в то же время продолжит играть «ведущую роль» также в евроатлантической безопасности, отстаивая свои «ценности от Украины до Южно-Китайского моря».

Лондон собирается укрепить свою национальную оборону по всему спектру — от экономической безопасности до цепочек поставок технологий и опыта разведки, чтобы гарантировать неуязвимость «для действий враждебной державы», возложив вину на Россию за рост цен на энергоносители и продукты питания в Британии⁶⁷. Меры обновленной стратегии, в том числе:

- Создание нового национального органа по охране безопасности в MI5, чтобы предоставить широкому кругу британских предприятий и других организаций немедленный доступ к экспертным консультациям по вопросам безопасности.
- Меры для усиления воздействия санкций, «перекрытия путей для нарушителей прав человека и олигархов, стремящихся избежать санкций».
- Создание нового Фонда комплексной безопасности стоимостью 1 млрд ф. ст. для достижения основных целей Комплексного обзора в стране и во всем мире, в том числе в области экономической и кибербезопасности, борьбы с терроризмом и нарушением прав человека. Фонд заменит Фонд конфликтов, стабильности и безопасности (CSSF).
- Публикация обновленной стратегии Великобритании в области важнейших полезных ископаемых, чтобы обеспечить надежный доступ Великобритании к жизненно важным компонентам технологий.

⁶⁷ Именно Р. Сунак, занимая должность министра финансов в правительстве Б. Джонсона, уговаривал его не настаивать на том, чтобы страны ЕС отказались от российских энергоносителей, поскольку неизбежный в таком случае рост мировых цен ударит и по Британии.

- Дополнительное финансирование (20 млн ф. ст.) 42 служб иновещания Всемирной службы Би-би-си, в том числе в странах, на которые нацелены «враждебные государства для дезинформации».

В Обновленном комплексном обзоре 2023 года подтверждено, что в течение следующих двух лет Министерству обороны будет предоставлено дополнительно 5 млрд ф. ст., чтобы пополнить запасы боеприпасов, модернизировать силы ядерного сдерживания и профинансировать следующий этап программы подводных лодок альянса AUKUS (см. ниже). Дополнительное финансирование следует за четырехлетним увеличением расходов на оборону на 24 млрд ф. ст. в 2020 году, крупнейшим ростом военных расходов со времен холодной войны. В долгосрочной перспективе расходы страны на оборону возрастут с нынешних 2,2 % (2,29 %, включая помощь Украине в 2,3 млрд ф. ст.) до 2,5 % ВВП, но обеспокоена проблемой более равномерного распределения расходов среди союзников. Р. Сунак заявил, что Британия будет «готова к конфликту» перед лицом «растущей напряженности с Россией», хотя полемика по поводу потенциала Британии продолжается⁶⁸: высшие военные чины и председатель парламентского комитета по обороне Т. Элвуд считают, что в одиночку Британия проиграла бы в конвенциональной войне, подобной тем военным действиям, что идут на Украине. Однако судя по всему, военное лобби, добившись частичных уступок от правительства, свои запросы не снизит.

Риши Сунак выделил глобальные альянсы как главный источник силы и безопасности Британии. Это мнение продолжает прежнюю стратегию, в которой указано, что Британия сильна своими союзами, то есть косвенно Лондон признает, что не обладает потенциалом действовать самостоятельно. Вместе с тем, в отличие от документа 2021 г., в стратегии 2023 г. уже нет

⁶⁸ British Army so degraded by cuts the UK is no longer capable of fighting a war on its own. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11848669/British-Army-degraded-cuts-UK-no-longer-capable-fighting-war-own.html>; <https://www.express.co.uk/news/politics/1745603/tobias-ellwood-uk-defence-spending-russia-china-british-army-lord-dannatt>

отсылки к «Глобальной Британии», мир признан более опасным и турбулентным, а сползание к многополярному, фрагментированному и полному соперничества миру произошло быстрее, чем предполагалось; причем период повышенного риска продлится и после 2030–х гг.

Британия уже не определена как «маяк демократического суверенитета» и одна из влиятельнейших стран мира. Отмечено, что коллективная безопасность Запада «неразрывно увязана с исходом конфликта на Украине», а Британии все больше следует опираться на союзников. Стратегия предполагает восстановление тесных связей с ЕС в свете конфликта на Украине, несмотря на брекзит.

Столь сильно Британия нуждается в союзниках, что готова поступиться принципами: противостояние на мировой арене не сводится к конфронтации «демократии против автократии» — для интересов Британии важны занимающие срединную позицию (middle-ground) государства, которые не хотят примыкать ни к одной из противоборствующих на мировой арене сторон. Иными словами, Британия принимает, что другие страны могут не разделять ее ценности и позиции — речь идет о приоритете для Британии стабильности, а не демократии. В этом также отметим отход от прежних ригористских позиций в отношении приоритета демократических ценностей и интересов.

*Подлодки для Австралии, истребители для Японии,
боеприпасы для Украины*

Заключенный в 2021 г. оборонный альянс Австралии, Британии и США нацелен, прежде всего, против Китая и на «подрыв неделимости безопасности в АТР» (С.В. Лавров). Премьер-министр также объявил о новом этапе программы альянса «Аукус» по строительству подводных лодок на атомных двигателях для Австралии. 16 марта 2023 г. состоялся визит министра обороны Б. Уоллеса в Японию по вопросу нового истребителя Global Combat Air Programme (GCAP) совместно с Италией. Лондон и Токио заключили оборонительный союз, позволяющий Великобритании и Японии размещать вооруженные силы на территории друг

друга, проводить совместные военные учения без бюрократических процедур и расширяет возможности союзников в сфере логистики (аналогичный документ в 2020 г. Япония подписала с Австралией). Переговоры начались еще при Б. Джонсоне. Соответственно, Британия строит свои союзы таким образом, чтобы свободно действовать у берегов России и в Тихом океане. Согласно обновленной стратегии «процветание и безопасность в Евро-Атлантике и Индо-Тихоокеанском регионах неразрывно связаны», что свидетельствует о попытке англосаксонских стран взять в охват Китай и Россию.

Что касается европейского направления, то Британия создала новую базу Королевской морской пехоты в Норвегии, усилила поддержку странам Балтии, Польше и Украине. Примечательны слова Р. Сунака на Мюнхенской конференции по безопасности: следует удвоить военную помощь киевскому режиму, а истощение боеприпасов не представляет проблему, поскольку они все равно предназначались для применения против России, так почему бы их не передать Украине⁶⁹. Речь вскоре зашла уже о поставке киевскому режиму танков и снарядов к ним с обедненным ураном, а также не исключена поставка истребителей. Посольство РФ в Лондоне предупредило Британию о военно-политических последствиях для всей Европы и мира в целом⁷⁰. Под эгидой Британии и Нидерландов 20 марта 2023 г. в Лондоне собралась конференция из 40 стран по поддержке Международного уголовного суда, выдавшего ордер на арест президента В. Путина и детского омбудсмена М. Львовой-Беловой. Британия с началом СВО сразу заявила о поддержке МУС и увеличении его финансирования.

⁶⁹ PM speech at Munich Security Conference — 18 February 2023 — GOV.UK; <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-at-munich-security-conference-18-february-2023> <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17085321>

⁷⁰ Посольство РФ в Лондоне: поставка Киеву танков ужесточит боевые действия — Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/01/14/959058-postavka-kievu>; Посольство РФ в Лондоне: Поставки Украине британских истребителей вызовут последствия для всего мира — Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/02/08/posolstvo-rf-v-londone-postavki-ukraine-britanskikh-istrebitelej-vyzovut-posledstviia-dlia-vsego-mira.html>

Таким образом, открытая конфронтация Британии с Россией проходит этап эскалации. В Концепции внешней политики 2023 г. отмечено, что «в ответ на недружественные действия Запада Россия намерена отстаивать свое право на существование и свободное развитие всеми имеющимися средствами». Инициаторы враждебных действий против России — это США и их сателлиты⁷¹.

Выводы:

С приходом к власти консерваторов отношения с Россией постепенно переходили от нестабильных политических (при последовательном развитии торгово–экономических связей) — к стабильно обостряющимся, сворачиванию военно–технических, политических и торговых отношений. Британия, не принимая в расчет законные интересы России и используя метод провокаций, преднамеренно возводила обострение в двусторонних отношениях на уровень международной политики, вовлекая союзников в противостояние с Москвой, которую считает «прямой острой угрозой». Для утверждения своей роли глобального игрока Лондон объединяет все ресурсы — военные, экономические, финансовые, дипломатические, действуя на всех международных площадках. Однако Британия, делая ставку на «жесткую силу», сознает отсутствие достаточного оборонного потенциала для конфронтации с Россией, несмотря на рост военных расходов. Отсюда Лондон активно участвует в прокси–войне с Россией на Украине. Соединенное Королевство на нынешнем этапе готово объединять усилия не только с традиционными союзниками в Евро–Атлантике, но и привлекать новых в различных частях света и прежде всего в АТР, уже не ставя во главу угла соблюдение ими принципов «свободы и демократии». Участие

⁷¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) — Министерство иностранных дел Российской Федерации. пп.8–11; 59–64. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007?index=1&rangeSize=1>

Британии в противостоянии с Китаем означает и угрозу для России, учитывая оборонное соглашение с Японией и союзнические связи с США.

В краткосрочной и среднесрочной перспективе ожидать, что отношения между Лондоном и Москвой отойдут от красной черты, тем более улучшатся, не следует: их состояние будет зависеть от общего исхода конфронтации коллективного Запада с Россией.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ананьева Елена Владимировна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра британских исследований Института Европы РАН. E-mail: e-ananieva@yandex.ru

Арбеков Александр Борисович — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тульский государственный музей оружия, г. Тула. E-mail: arbekoff-alex@ya.ru

Буранок Сергей Олегович — доктор исторических наук, профессор Самарского государственного социально-педагогического университета, г. Самара. E-mail: witch-king-1@mail.ru

Гелла Тамара Николаевна — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории и регионоведения исторического факультета ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева», г. Орёл. E-mail: gellat@mail.ru

Жолудов Михаил Валентинович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, г. Рязань. E-mail: mikhailzhol@yandex.ru

Заиченко Ольга Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт всеобщей истории РАН, г. Москва. E-Mail: o.v.zaichenko@gmail.com

Иванов Николай Серафимович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт всеобщей истории РАН, г. Москва. E-mail: nik3334@yandex.ru

Киселев Александр Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных

отношений Волгоградского государственного университета, г. Волгоград. E-mail: alkiselev@mail.ru

Ларин Андрей Борисович — кандидат исторических наук, научный сотрудник. Институт всеобщей истории РАН, г. Москва. E-mail: ab-larin@mail.ru

Лабутина Татьяна Леонидовна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории межкультурных коммуникаций стран Запада и Востока, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва. E-mail: tlabutina2007@yandex.ru

Листиков Сергей Викторович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Институт всеобщей истории РАН, г. Москва. E-mail: Liserge@rambler.ru

Науменкова Екатерина Олеговна — кандидат исторических наук, старший преподаватель Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского, г. Санкт-Петербург. E-mail: ekaterinanaumenkova@yandex.ru

Орлов Александр Анатольевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета, г. Москва. E-mail: arkigolkin@yandex.ru

Петров Александр Юрьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник. Институт всеобщей истории РАН, г. Москва. E-mail: alaska13@yandex.ru

Портнягин Дмитрий Игоревич — кандидат исторических наук, доцент факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. Email: d.portnyagin@spbu.ru

Сабитова Лилия Равильевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации. Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. Email: sabitovaliliya90@mail.ru

Сергеев Евгений Юрьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения РГГУ и исторического

факультета ГАУГН, г. Москва. E-mail: Eugene.sergeev59@gmail.com

Смирнова Ирина Юрьевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник. Институт российской истории РАН, г. Москва. E-mail: irinasmirnowa@mail.ru

Соколов Александр Станиславович — доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой Истории, философии и права Рязанского государственного радиотехнического университета им. В.Ф. Уткина, г. Рязань. E-mail: falcon140770@yandex.ru

Софронов Константин Игоревич — младший научный сотрудник. Институт всеобщей истории РАН. E-mail: sulla-harizma@mail.ru

Терентьев Вячеслав Олегович — кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории, политологии и социологии, заведующий историко-просветительским комплексом по истории развития внутреннего водного транспорта и университета ГУМРФ им. адмирала С.О. Макарова, г. Санкт-Петербург. E-mail: terehv@mail.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Раздел I. Социально – политические и экономические противоречия между Россией и Западной Европой (XVI — начало XX вв.)	
Глава 1	19
<i>Киселев А.А.</i> Англо – русская торговля и борьба Швеции за гегемонию в середине XVI века	
Глава 2	36
<i>Петров А.Ю.</i> Противостояние России, Англии и Испании на тихоокеанском севере во второй половине XVIII века	
Глава 3	62
<i>Сабитова Л.Р.</i> Союзник на Западе, соперник на Востоке: Россия, «Восточный вопрос» и «Большая игра» в эпоху наполеоновских войн	
Глава 4	80
<i>Орлов А.А.</i> Русские военнопленные в Англии в эпоху наполеоновских войн в 1808 – 1812 гг.	
Глава 5.....	110
<i>Жолудов М.В.</i> Польское восстание 1830 – 1831 годов в контексте геополитического противостояния Российской империи и Запада	
Глава 6	125
<i>Т.Н. Гелла</i> «Недолго осталось ждать того момента, когда казаки будут купать своих лошадей в водах Инда...»: из истории «Большой игры» (1868 – 1874 гг.)	
Глава 7.....	150
<i>Арбеков А.Б.</i> Закат политики «странствующего рыцарства». Подготовка России к Босфорской операции в конце XIX века в оценках военных структур Великобритании	

Раздел II. Идеологическое противостояние России и стран Европы и Америки в XVI — начале XX вв.	
Глава 8 173 <i>Лабутина Т.Л.</i> Зарождение русофобии в Великобритании (XVI–XVIII вв.)	
Глава 9199 <i>Заиченко О.В.</i> Реакция российского правительства на рост русофобии в либеральной прессе Европы в 30–40 гг. XIX в. (на примере Германии)	
Глава 10.....218 <i>Смирнова И.Ю.</i> Церковно–дипломатическое противостояние Франции, США, Великобритании и России в Западной Персии (2–я половина XIX в.)	
Глава 11 239 <i>Науменкова Е.О.</i> Британская пресса о русско–турецкой войне 1877–1878 гг.	
Глава 12.....262 <i>Иванов Н.С.</i> Американизация как идеологическое оружие США в противоборстве с Россией	
Раздел III. Динамика противоборства между Западом и СССР	
Глава 13 290 <i>Листиков С.В.</i> На пути к конфронтации: почему В. Вильсон не находил решения «русского вопроса» в 1917–1918 гг.?	
Глава 14.....319 <i>Ларин А.Б.</i> «Стальной нажим империалистических хищников»: политика Российской и Британской империй в Персии в трактовках ранней советской публицистики	
Глава 15.....343 <i>Софронов К.И.</i> Эволюция отношений Германии и СССР в условиях усиления правого политического вектора в Веймарской республике во второй половине 1920–х годов	
Глава 16..... 352	
	<i>Соколов А.С.</i> Финансово–кредитная блокада СССР Великобританией (1925–1929 гг.)
	Глава 17 367 <i>Сергеев Е.Ю.</i> Дипломатическое противостояние СССР и Великобритании на Среднем Востоке во второй половине 1920–х гг.
	Глава 18.....387 <i>Буранок С.О.</i> Нападение Германии на СССР: в СМИ и кинопродукции США
	Глава 19406 <i>Портнягин Д.И.</i> Британская антисоветская пропаганда после Второй мировой войны (1945–1951 гг.)
	Раздел IV. Конфронтация Запада и России на современном этапе.
	Глава 20 428 <i>Терентьев В.О.</i> Военно–политическое противостояние России и Великобритании в конце XX — начале XXI вв.
	Глава 21.....470 <i>Анарьева Е.В.</i> Российско–британские отношения при правительствах консерваторов в Британии (2010–2023 гг.)
	Информация об авторах504